

81. 2

Г62

БАКАЛАВР. АКАДЕМИЧЕСКИЙ КУРС

И. Б. Голуб, С. Н. Стародубец

СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРА РЕЧИ

УЧЕБНИК

 **ВЫБОР
РЕДАКЦИИ**

УМО ВО рекомендует

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПЕЧАТИ
ИМЕНИ ИВАНА ФЕДОРОВА

Юрайт
Издательство

biblio-online.ru

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПЕЧАТИ имени ИВАНА ФЕДОРОВА

И. Б. Голуб, С. Н. Стародубец

СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРА РЕЧИ

УЧЕБНИК ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА

*Рекомендовано Учебно–методическим отделом высшего образования
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям*

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва • Юрайт • 2018

Авторы:

Голуб Ирина Борисовна — профессор, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики Института издательского дела и журналистики Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова;

Стародубец Светлана Николаевна — доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала Брянского государственного университета имени академика Н. Г. Петровского (г. Новозыбков).

Рецензенты:

Маркова Е. М. — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета;

Чудюча С. А. — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения Брянского государственного университета имени академика Н. Г. Петровского (г. Новозыбков).

Голуб, И. Б.

Г62 **Стилистика русского языка и культура речи : учебник для академического бакалавриата / И. Б. Голуб, С. И. Стародубец. — М. : Издательство Юрайт, 2018. — 455 с. — Серия : Бакалавр. Академический курс.**

ISBN 978-5-534-00614-8

В учебнике рассматриваются такие вопросы, как русский литературный язык и его функциональные разновидности: система стилей современного русского литературного языка и ее внутривидовая организация; принципы организации речевых средств в пределах определенного функционально-стилевого единства. Дана стилистическая характеристика языковых единиц, вариантов, синонимических способов выражения и закономерностей их использования в соответствии с условиями и целями коммуникации. Анализируются проблемы нормы и кодификации; значительное внимание уделяется орфографической, пунктуационной, орфолической, лексической, грамматической нормам русского литературного языка. Представлены основы риторики: средства, способы и приемы выражения заданного смысла; определена взаимосвязь стилистики, культуры речи и риторики; показано нормативное и стилистически целесообразное использование языковых средств в процессе построения выразительной речи во всех областях речевой деятельности.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям, в первую очередь по направлению подготовки «Лингвистика». Издание может быть использовано в качестве учебного пособия в преподавании стилистики русского языка и культуры речи в вузах, лицеях, колледжах.

УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2Рус-5я73

Оглавление

Предисловие	6
От авторов	10
Глава 1. Русский литературный язык и его функциональные разновидности.....	15
1.1. Русский литературный язык как высшая форма национального языка. Признаки литературного языка. Устная и письменная формы национального языка	15
1.2. Норма и языковая вариантность.....	20
1.3. Нормы логические.....	24
1.4. Нормы лексические	28
1.4.1. Семантическая зоркость и выбор нужного слова.....	28
1.4.2. Лексическая сочетаемость языковых единиц.....	32
1.4.3. Нарушение норм лексической сочетаемости	35
1.4.4. Незнание речи как следствие речевой недостаточности.....	37
1.4.5. Избыточность речи	39
1.5. Функциональные стили русского литературного языка. Стилиобразующие факторы. Классификация стилей	46
1.6. Разговорный стиль	48
1.7. Книжные стили. Общие черты.....	53
1.8. Научный стиль.....	54
1.9. Публицистический стиль.....	59
1.9.1. Язык рекламы	64
1.10. Официально-деловой стиль	69
1.10.1. Языковые особенности официально-делового стиля.....	69
1.10.2. Подстили и жанры официально-делового стиля	73
1.11. Стилль художественной литературы.....	79
1.11.1. Стилль художественной литературы как сложное и многогранное явление	79
1.11.2. Особенности включения иноязычных компонентов в художественный текст	84
1.12. Церковно-религиозный стилль.....	91
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>96</i>
Глава 2. Стилльстическая характеристика языковых средств.....	98
2.1. Стилльстическая окраска слов	98
2.2. Стилльстическое использование синонимов и антонимов.....	101
2.2.1. Стилльстическая маркированность синонимов	101
2.2.1. Стилльстическая маркированность антонимов.....	109

2.3. Стилистическое использование в речи многозначных слов и омонимов.....	116
2.3.1. Стилистическая маркированность многозначных слов.....	116
2.3.2. Стилистическая маркированность омонимов.....	122
2.4. Стилистическая оценка диалектизмов.....	127
2.5. Стилистическая оценка жаргонизмов.....	131
2.6. Стилистическое использование историзмов и архаизмов.....	135
2.7. Стилистическая оценка неологизмов.....	140
2.8. Стилистическая оценка заимствованных слов.....	149
2.9. Стилистическая оценка языковых и авторских фразеологизмов.....	161
2.9.1. Фразеологические средства языка и их применение в различных стилях.....	161
2.9.2. Приемы фразеологического новаторства.....	168
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>177</i>
Глава 3. Словообразовательная и грамматическая стилистика.....	178
3.1. Стилистическая оценка русского словообразования.....	178
3.1.1. Стилистический потенциал словообразовательных средств.....	178
3.1.2. Экспрессивное словообразование в художественной и публицистической речи.....	182
3.1.3. Стилистическая маркированность словообразовательных средств.....	188
3.1.4. Стилистическая маркированность моделей словообразования.....	189
3.1.5. Лексико-словообразовательные архаизмы.....	193
3.1.6. Индивидуально-авторские неологизмы.....	194
3.2. Имя существительное. Вариантные формы.....	199
3.2.1. Стилистический потенциал грамматических категорий имени существительного.....	209
3.3. Имя прилагательное. Вариантные формы.....	226
3.3.1. Стилистический потенциал имени прилагательного.....	226
3.3.2. Синонимия имен прилагательных и существительных в косвенных падежах.....	240
3.3.3. Морфолого-стилистические ошибки при употреблении имен прилагательных.....	241
3.4. Имя числительное. Вариантные формы.....	242
3.4.1. Стилистический потенциал имени числительного.....	242
3.4.2. Синонимия количественно-именных сочетаний.....	248
3.4.3. Стилистическая характеристика вариантных форм имени числительного.....	252
3.5. Местоимение. Вариантные формы.....	258
3.5.1. Стилистический потенциал местоимения.....	258
3.5.2. Выразительные возможности местоимений.....	262
3.5.3. Стилистический анализ вариантных форм местоимений.....	271
3.6. Стилистические особенности грамматических категорий глагола. Вариантные формы глагола.....	275
3.6.1. Стилистический потенциал глагола.....	275
3.6.2. Стилистическая маркированность глагольных категорий.....	282

3.6.3. Категория времени	282
3.6.4. Категория вида	289
3.6.5. Категория склонения	294
3.6.6. Категории лица и числа	297
3.6.7. Категория залога	302
3.6.8. Вариантные формы глагола	304
3.7. Стилистическое использование вербальных	311
3.8. Стилистические особенности употребления глагольных форм	320
3.9. Стилистика наречий	325
3.9.1. Стилистический потенциал наречия	325
3.9.2. Степени сравнения и степени качества наречий	330
3.10. Стилистическая оценка синтаксических конструкций простого предложения	334
3.11. Порядок слов и его стилистический потенциал	346
3.11.1. Стилистические особенности порядка слов в русском языке	346
3.11.2. Варианты словорасположения и актуальное членение	348
3.12. Стилистический потенциал главных членов предложения	360
3.12.1. Особенности выражения подлежащего в разных функциональных стилях	360
3.12.2. Стилистические особенности выражения сказуемого	362
3.13. Грамматическая связь подлежащего и сказуемого: стилистическая оценка вариантов	372
3.14. Стилистические варианты согласования определений и приложений	380
3.15. Стилистическая вариантность управляемых форм	388
3.16. Стилистические особенности функционирования однородных членов предложения	394
3.17. Стилистический потенциал обращений	402
3.18. Стилистические функции вводных и вставных конструкций	405
3.19. Стилистическая оценка разных способов передачи чужой речи	407
3.20. Стилистические особенности различных типов сложного предложения	412
3.21. Стилистическая оценка семантически равных синтаксических конструкций	420
3.22. Синтаксические средства создания экспрессии	429
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	437
Глава 4. Принципы культуры публицистической и ораторской речи ...	438
4.1. Коммуникативный аспект культуры речи: оратор и его аудитория	438
4.2. Композиция публичного выступления	440
4.3. Способы и приемы выражения заданного смысла	444
4.4. Аргументация в ораторской речи	446
4.5. Публичное выступление: монолог или диалог?	447
4.6. Контакт оратора с аудиторией	448
4.7. Аксиомы подготовки к публичному выступлению	450
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	452
Литература	454

Посвящается нашим учителям:
классику русской лингвостилистики
профессору *Дитмару Эльяшевичу Розенталю*;
профессору *Аркадию Леонидовичу*
Голованевскому;
учителю русского языка и литературы
Антонине Георгиевне Мединской

Предисловие

Учебный интегрированный курс «Стилистика русского языка и культура речи» составлен в соответствии с программой учебной дисциплины по направлению подготовки 035700 «Лингвистика» ФГОС ВПО (бакалавриат). Цель издания — научить студентов свободно и грамотно использовать языковые средства в сфере профессиональной и бытовой коммуникации: уметь отбирать речевой материал с учетом требований стиля и жанра; освоить нормы письменной и устной речи, стандарты деловой документации; уметь редактировать текст, ориентированный на определенную форму речевого общения.

Учебник включает четыре главы. В первой главе представлена стилистическая система современного русского языка, дана подробная характеристика функциональных стилей, их внутривидовой организации, принципов системной «жизнедеятельности» речевых средств в пределах определенного функционально-стилевого единства. Особое внимание уделено научному и официально-деловому стилям, в частности показаны способы составления и оформления административно-канцелярских документов, деловых писем и других материалов управленческой деятельности, описаны реквизиты делового письма, речевой этикет официальной переписки, стандарты, принятые в официально-деловом стиле. Во второй главе определена стилистическая характеристика языковых средств, обеспечивающая лексическую правильность и выразительность речи. Третья глава посвящена словообразовательной и грамматической стилистике, стилистической интерпретации вариантов, синонимическим способам выражения грамматического значения, а также закономерностям использования вариантных форм в соответствии с условиями и целями коммуникации. В четвертой главе даны основы красноречия, знание которых особенно важно для повышения культуры устной речи, приобретения навыков ораторского искусства, мастерства публичных выступлений.

Теоретические положения рассматриваемых тем подкрепляются занимательными и убедительными примерами, лингвостилистический анализ

которых обуславливает точное, правильное и выразительное использование языковых средств в процессе построения устной и письменной речи во всех областях речевой деятельности. Значительное место отведено предупреждению речевых и логических ошибок. Каждая глава завершается перечнем вопросов и заданий для самостоятельной работы студента. Той же цели служит и приведенный в конце книги список литературы.

Содержание учебника соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования четвертого поколения. В результате изучения курса «Стилистика русского языка и культура речи» студент должен:

знать

- нормы современного литературного языка, а также иметь представление о речи как инструменте эффективного общения и основах ораторского искусства;
- основные формы и виды устной и письменной коммуникации на родном языке;
- специфику и нормы речевой профессиональной культуры;
- критерии стилистической дифференциации языковых особенностей функциональных стилей;
- логические основы подготовки и редакторской правки текстов профессионального и социально значимого содержания;
- основные механизмы функционирования и тенденции развития современного русского языка;
- основные особенности языковых единиц, законы их функционирования;
- базово-понятийную терминологическую систему стилистики и культуры речи;

уметь

- дифференцировать нормативные и ненормативные языковые факты на всех уровнях языка;
- использовать различные формы, виды устной и письменной коммуникации на родном языке в учебной и профессиональной деятельности;
- участвовать в профессиональных и общественно-профессиональных дискуссиях;
- составлять и редактировать тексты профессионального и социально значимого характера;
- оценивать динамические явления функционирования системы современного русского языка;
- выделять и анализировать единицы различных уровней языковой системы;
- определять функции языка и связанных с ним явлений;

владеть

- различными способами и навыками вербальной и невербальной коммуникации;
- разнообразными средствами коммуникации в профессионально-педагогической деятельности;
- методами и способами подготовки и редактирования текста;

- навыками анализа языковых явлений современного русского языка с синхронной и диахронической точек зрения;
- принципами языкового анализа;
- навыками анализа истолкования и описания языкового материала.

Авторы выражают благодарность руководству и сотрудникам ООО «Издательство "Юрайт"» за внимание к актуальным вопросам стилистики русского языка и культуры речи; рецензентам — профессору *Елене Михайловне Марковой* и профессору *Светлане Александровне Чугуновой* — за качественный научно-методический анализ учебника и всекие рекомендации.

Язык мой русский

Лингвистика — ты мысль и чувство,
одна из нравственных основ.
Как нет искусства для искусства,
так нет на свете слов для слов.

Лингвисты, вы среди злобных кликов,
и овраждения идей,
усыновители языков,
и поборители людей.

Русь подтвердила свое право
жить, не склоняя головы.
словарным вкладом Святослава,
сказавшего: «Иду на вы!»

И парижаночкам с присвистом
казаки, ус крутя хитро,
кричали со стремян: «Эй, быстро!» —
вот как произошло «быстро».

Негоже хвастаться спешиво,
по атеистам на Руси
и тем пришлось бурчать: «Спасибо»,
забыв, что это: «Бог спаси»...

Звуча у Пушкина так дивно,
язык наш корчится в тоске,
когда пошлят боюпротивно
на нем, на русском языке.

Язык, наш вечный воскреситель,
не даст он правды избежать.
На языке таком красном
так некрасиво людям лгать.

Как бы неправда ни крестилась,
на ней не вижу я креста.
Есть пропасть между слов — «красивость»
и «подлинная красота».

В сугробах гibli доходяги,
а вот Исаевич не зря
слова, забытые в ГУЛАГе,
выписывал из словаря.

Без словарей нам нет дороги,
не победить ни смерть, ни страх.
Со словарем нет безнадеги —
надежды скрыты в словарях.

Язык мой русский, снежно хрусткий,
в тебе колокола, сверчки
и поскрин квашеной капустки,
где алых клюквовок зрачки.

Ты, и не думая зазнаться,
гостеприимный наш язык,
и себя воспринял дух всех наций,
и тем по-пушкински велик.

Как страшно верить в гибель мира
и вместе с ней в кошмар конца
Гомера, Данта и Шекспира,
Флобера, Твена, Маркеса.

Европе Азия — опора.
Страх обоюдный — позади.
Нельзя без Ганди и Тагора,
Акутагавы, Бо Цзю И.

Судьбой балканской озаботив,
моей Россией не забыт,
мне руку подал Христо Ботев,
там, где когда-то был убит.

Я с Гёте, с Бёллем не расстался,
взяв у них столькок взаймы.
но я горжусь, что на рейхстаге
по-русски расписались мы.

От авторов

Недавно довелось услышать: «Стилистика теперь устарела!» — и стало не по себе, ведь преподаю я именно этот предмет, а мои книги: теоретический курс «Стилистика русского языка» и дополняющий его сборник упражнений — написаны в соответствии с программой и рекомендованы Министерством образования и науки РФ в качестве учебных пособий для вузов, по ним занимаются в МГУ. Учебное пособие «Практическая стилистика русского языка» Г. Я. Солганика, заменившего в Московском университете профессора Д. Э. Розенталя на посту заведующего кафедрой, написана по той же программе; правда, в свой курс он еще включил и главу «Стилистика текста», действительно востребованную временем.

Виктор Гюго сказал: «Язык колеблется от величественного шествия писателей». К этим словам мы можем добавить: а в нашу эпоху он сотрясается от всего того, что столь разительно меняет жизнь народа. Не нужно быть лингвистом, чтобы увидеть, как изменился словарный состав русского языка; как закрепились в нем неправильные ударения; как просторечные формы слов, их согласование вытесняют прежние, литературные. Все это так, и об этом нужно говорить и спорить. Но меня как стилиста волнует еще и проблема стилей современного русского языка. Ведь некоторые считают, что само их существование в наше время «отменяется»: расслоение языка на стили осталось в «милом сердце прошлом».

Задумаемся: действительно ли русский язык в XXI в. уже лишен стилистического многообразия? Правда ли, что теперь в русском языке осталось лишь различие книжной и разговорной речи, которое на наших глазах быстро исчезает, так что скоро мы в газетах увидим разговорную стихию «без галстука»? Некоторые СМИ уже делают шаги в этом направлении, насаждая стёб вместо испытанных временем публицистических жанров. Деловая речь, попадая в «сети всемирной паутины», отбросила все атрибуты официально-делового стиля, а так называемые писатели-новаторы столь решительно порвали с традициями художественной речи, что даже не знаешь, к какому из стилей подвергать их язык: он и не книжный, и не разговорный. Если бы нормальный человек попробовал говорить так, как они пишут, то приличным людям нельзя было бы это слушать.

Покажем современный язык наших газет, которые не хотят следовать традициям публицистической речи.

Праздник вечной халавы

Уфимец Владимир В. понял, что в Москве с голоду не умрешь, если даже в кармане ни пива. Он сунулся в вокзальную кассу и узнал, что аккуратно накапуне цены на билеты резко подскочили, пришлось вырости все из карманов. А вот что жрать двое суток, оставшихся

до отъезда, он представить не мог. Рыться по помойкам или просить милостыню Володи не хотел и в тяжелой думе сложился по улице, как вдруг угодил на праздник... («МК»).

«Живаго» в Москве не прохляло

В минувший уик-энд Капа Деловая неожиданно отравилась просроченными консервами и практически чуть было «не перекинулась» (как говорят персонажи одной новомодной книжонки), но тем не менее успела — таки в еще здоровом уме и теле лицезреть главное тусовочно-музыкальное событие — концерт, если можно так выразиться, второй после Роберта Майлза, звезды европейской группы «Доктор Живаго» («Известия»).

К какому жанру и стилю отнести эти репортажи? От публицистической речи в них ничего не осталось.

Иные стилистические промахи делают те корреспонденты, которые маленькую заметку о погоде «украшают» эмоциональной лексикой, эпитетами, сравнениями:

Наконец наступила долгожданная весна, звенят ручьи, на улицах трудятся ее верные слуги, подрезая деревья и кустики. Скоро зеленым ковром расстелются газоны («Вечерняя Москва»).

Не по правилам стилистики поступают в газетном очерке и любители «народного» языка, увлекаясь диалектизмами и просторечием:

Справными нагрянули средизимние стужи, прозванные в народе крещенскими. Трещали и знобили на славу. Нынешняя зима не пропустила ни одного исконного своего морозца — знатная, пылкава, по-настоящему русская зима! («Вечерняя Москва»).

Неожиданно появившиеся в этой же статье книжные слова создают смешение стилей, отражая стилистическую безграмотность автора:

Острая нехватка кислорода может причинить растительному водоему невосполнимый ущерб. Куда же подевался кислород? Ответ элементарен: он «съедается» гниющим органическим остатком.

Иными красками описана весна в «Московском комсомольце»:

Красавцы лебеди каждую минуту охорашиваются и пристально поглядывают на самок. Утки проплывают мимо селезней с таким видом, будто век их видеть не хотят. По жизни селезень обречен гибнуть за утку. В момент опасности он не имеет никакого морального права взлетать раньше ее. Но подлые подружки довольно часто подставляют пернатых мужиков, не отрываясь от земли до последнего... А вот пеликаны от первых солнечных лучей совсем одурели и целуются направо, подавая положительный пример всем нам.

Забавные картинki! Однако... Замечательный ученый-филолог М. М. Бахтин утверждал, что человек «настолько грамотен, насколько он владеет различными жанрами». Но автора этой газетной заметки грамотным не назовешь.

Стилистика не устареет никогда! — в этом я убеждена. Стилистика родилась как «младшая сестра» риторики — древнейшей науки, достигшей расцвета в античном мире. В России риторика прекрасно развивалась, пособия по ораторскому искусству писали многие ученые (начиная с М. В. Ломоносова), общественные деятели (в частности, М. М. Сперанский), адвокаты (А. Ф. Кони и др.).

Между тем «пове́йшая» *практическая стилистика* в некотором смысле дополняет *литературное редактирование*, которое изучает работу над композицией, различными типами текста, анализирует индуктивный и дедуктивный методы логического построения произведения и т.д. В стилистике рассматриваются такие вопросы, как выбор слов, их сочетаемость, использование выразительных лексических и грамматических средств в контексте стиля, образность речи. Причем, оценивая различные тропы и поэтические фигуры, стилистика в отличие от риторики учит употреблять эти «цветы красноречия» строго в соответствии с художественными задачами автора: не всякий текст следует насыщать метафорами и сравнениями, ведь и далеко не всегда они должны быть орнаментальным средством украшения металогической речи.

В советские времена было принято ругать А. И. Солженицына. В числе аргументов против гонимого писателя приводилось и такое утверждение: мол, в повести «Один день Ивана Денисовича» нет метафор, сравнений, эпитетов, поэтому он и не писатель вовсе. Однако студенты, прочитав произведение опального прозаика, понимали, что отсутствие тропов свидетельствует о мастерстве писателя, избравшего автологический стиль повествования, который наглядно отражает реальную картину жизни «зэка». Прошли годы, многое в стране изменилось. Солженицын оставил свой след в русской литературе, и стилисты будут на его произведениях учить студентов тому, как надо писать; и не только писать, но и «держать удар», оставаясь бескомпромиссным патриотом в непростой политической ситуации.

Практическая направленность стилистики дает возможность осознать роль языка в становлении личности, в воспитании Гражданина Великой Державы. Владение стилистическими знаниями определяет не только культурный уровень человека, но порой влияет на его жизнь и судьбу. Стилистика учит ценить и правильно использовать языковое наследие, созданное предшествующими поколениями; она является уникальным хранителем национальной культуры, а ведь это так важно для возрождения и развития национального самосознания и духовности русского народа.

Словом, приходится признать, что система стилей и жанров сегодня действительно переживает кризис, но я верю: это «болезнь роста». Наш язык преодолет все потрясения, сохранит свои жизненные силы и со временем станет еще прекраснее, а будущие специалисты усвоят нормы разных стилей и жанров, разовьют свой лингвистический вкус.

Ирина Голуб

В конце XX — начале XXI в. самым значительным событием, серьезно повлиявшим на все происходящее в языке сегодня, стало развитие Интернета и электронных средств массовой коммуникации. Главным результатом таких изменений оказалось существенное ускорение темпов речевого взаимодействия. Чтобы успевать анализировать множество текстов, мы научились их читать «по диагонали». Чтобы оперативно общаться с друзьями и коллегами, стали писать быстрее. Чтобы поздравить одномышлеников с праздником, мы научились пользоваться готовыми электрон-

ными открытками. Языковым средством общения в таком формате стали сокращенные высказывания и даже целые выражения (*чел* = человек; *спс* = спасибо; *ОК* = хорошо; *ДР*, *днюха* = день рождения; *норм* = нормально; *пжл*, *пжст* = пожалуйста и пр.).

Очевидно, что усредненные и штампованные языковые средства обуславливают и «штампованность», всеобщую стереотипность мышления. В свою очередь, это осложняет приобретение навыков грамотно и логично рассуждать, обосновывать собственную точку зрения вескими классическими иллюстрациями. В подобных условиях особенно важно акцентировать внимание лингвистов на трех элементах речевой культуры: нормативной, коммуникативной и этической составляющих.

Нормативность языка вовсе не исключает его диалектического развития, сосуществования вариантов. Однако динамический характер языковых норм не должен быть следствием стихийных процессов включения в альтернативный выбор между литературным и разговорным пластами широкого круга просторечных и жаргонных слов.

Что касается *коммуникативного* аспекта культуры речи, то, как подчеркивается в работах Б. Н. Головина, создателя первой вузовской программы по рассматриваемой дисциплине, для культуры речи вообще значим только один, а именно коммуникативный аспект, в плане которого и следует рассматривать нормативность¹. Культура речи трактуется Б. Н. Головиным как набор коммуникативных качеств хорошей речи. Качества, по мнению ученого, выявляются на основе соотношения речи с отдельными неречевыми структурами: языком как некоторой основой, производящей речь; мышлением, сознанием, действительностью; человеком — адресатом речи; условиями общения. В современной стилистике наиболее важными характеристиками коммуникативного аспекта культуры речи являются, во-первых, соответствие целей говорящего и ожиданий получателя в процессе коммуникации; во-вторых, картины мира двух участников; наконец, в-третьих, учет субъективных характеристик речи адресанта и адресата.

Этический компонент культуры речи предполагает знание и применение говорящим правил речевого поведения — речевого этикета. В этом смысле целесообразно использование термина «языковая этичность»², под которой понимается внутренний нравственный закон, выраженный в языке. В таком случае правомерно выделение в языке: 1) этически значимых слов как слепков культуры, содержащих ассоциативный ряд традиционных ментальных представлений, с высокой этической нагрузкой; 2) этически нейтральных слов; 3) «антиэтических» слов. В третью группу, что очевидно, включаются бранные, оскорбительные лексические единицы, несущие антиэтический смысл.

Таким образом, находясь под мощным давлением «закона сокращения языковых усилий», особенно продуктивного в последнее время, русский язык еще более, чем когда-либо, является основой русской национальной

¹ См.: Головин Б. Н. Основы культуры речи. М., 1988. С. 23–40.

² См.: Дмитриева Н. М. Этический аспект культуры русской речи. Лингвокультурологический анализ словаря студентов-аграриев : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005.

культуры, русского национального самосознания, русской национальной и гражданской идентичности.

Русский язык каждым своим Словом исполняет Миссию. Это миссия приобщения русского человека к высокой культуре, истории языка и общества, духовности. Только осознанный, глубоко осмысленный выбор Слова для выражения мысли станет тем результатом, который определит качество коммуникативных достижений филолога и лингвиста, журналиста и редактора, историка и писателя, чиновника и политика, «ибо строгое соответствие *звука и записи выговариваемому смыслу* есть дело *художественного* всенародного искания иррационального (как всякое искусство!) и органического (как сама народная жизнь!)»¹.

Светлана Стародубец

¹ Ильин И. А. Как же это случилось? : (Заключительное слово о русском национальном правописании) // Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. : в 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 149. (Курсив автора.)

Глава 1

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ

В результате изучения материала данной главы студент должен:

знать

- основные механизмы функционирования и тенденции развития современного русского языка;
- нормы современного литературного языка;
- условия существования языковой вариативности;
- критерии стилистической дифференциации языковых особенностей функциональных стилей;
- логические основы подготовки и редакторской правки текстов профессионального и социально значимого содержания;

уметь

- дифференцировать нормативные и ненормативные языковые факты на всех уровнях языка;
- составлять и редактировать тексты различных функциональных стилей;
- оценивать динамические явления функционирования системы современного русского языка;
- выделять и анализировать единицы различных уровней языковой системы;
- определять функции языка и связанных с ним явлений;

владеть

- различными способами вербальной и невербальной коммуникации, навыками коммуникации;
 - критериями дифференциации языковых единиц в контексте стиля;
 - различными стилистическими средствами коммуникации в профессионально-педагогической деятельности;
 - методами и способами подготовки и редактирования текста;
 - навыками анализа языковых явлений современного русского языка с синхронной и диахронической точек зрения.
-

1.1. Русский литературный язык как высшая форма национального языка. Признаки литературного языка. Устная и письменная формы национального языка

Современный русский язык — один из богатейших языков мира. Высокие достоинства русского языка создаются его огромным словарным запасом, широкой многозначностью слов, богатством синонимов, неисчерпаемой сокровищницей словообразования, многочисленностью словоформ, особенностями звуков, подвижностью ударения, четким и стройным синтаксисом, разнообразием стилистических ресурсов.

Следует различать понятия *русский национальный язык* и *литературный русский язык*.

Национальный язык — язык русского народа — охватывает все сферы речевой деятельности независимо от образования, воспитания, местожительства, профессии говорящих на нем людей; включает в себя диалекты, жаргоны, т.е. русский национальный язык неоднороден: в его составе функционируют особые разновидности языка. Так, интеллигентный, воспитанный человек использует привычные для него слова и выражения, а необразованный и грубый пользуется набором иных речевых средств. Речь академика или журналиста не похожа на речь деревенской старушки, владеющей местным говором. Нежная мать подбирает для своего малыша самые ласковые, задушевные слова, а раздраженная воспитательница в детском саду или рассерженный отец говорит с озорником по-другому... Все они пользуются одним, общенародным русским языком. В отличие от него **литературный язык** — более узкое понятие; это язык, обработанный мастерами слова, учеными, общественными деятелями.

Определение понятия

Наиболее яркое, на наш взгляд, развернутое определение литературного языка дано К. С. Горбачевичем в его учебном пособии для учителей «Нормы современного русского литературного языка», пережившем не одно издание: «**Литературным языком** называют исторически сложившуюся высшую (образцовую, обработанную) форму национального языка, обладающую богатым лексическим фондом, упорядоченной грамматической структурой и развитой системой стилей»¹.

Базовыми свойствами современного русского литературного языка являются²:

1) способность выразить все знания, накопленные человечеством во всех областях деятельности: семантическая всеобщность языка, что обуславливает его поливалентность, т.е. употребление во всех речевых сферах;

2) общеобязательность его *норм* как образцовых для всех, кто им владеет и пользуется независимо от социальной, профессиональной и территориальной принадлежности;

3) стилистическое богатство, основанное на наличии разнообразных вариантов для обозначения одних и тех же семантических единиц (с дополнительными оттенками или без них) и средств для особых значений, уместных только в определенных речевых ситуациях.

Литературной нормой называется совокупность правил, регламентирующих употребление слов, произношение, правописание, образование слов и их грамматических форм, сочетание слов и построение предложений. В литературном языке обработке и нормализации подвергаются все стороны общенародного языка: лексика, произношение, письмо, словообразо-

¹ Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. Пособие для учителей. М., 1978. С. 8.

² См.: Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 3–12.

вание, грамматика. Соответственно различают нормы лексические, производительные, орфографические, словообразовательные и грамматические.

Литературные нормы складываются на протяжении длительной истории языка: из общенациональных языковых средств отбираются наиболее употребительные, которые в сознании говорящих оцениваются как самые правильные и обязательные для всех. Литературно-языковые нормы закрепились в словарях, справочной и учебной литературе. Они обязательны для радио и телевидения, средств массовой коммуникации, зрелищных и общественных мероприятий. Литературно-языковые нормы являются предметом и целью школьного обучения русскому языку, а также преподавания лингвистических дисциплин в вузах.

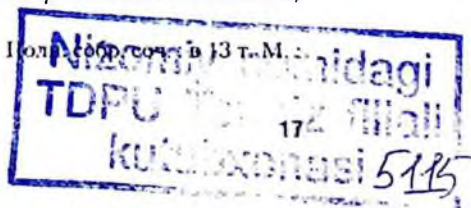
Норма — одно из важнейших условий стабильности, единства и самобытности национального языка. Однако неправильно было бы думать, что литературная норма неподвижна: она развивается и изменяется во времени, причем степень *подвижности* нормы неодинакова на разных языковых уровнях. *Орфоэпические* нормы (литературное произношение и ударение) претерпели значительные изменения на протяжении XX в. *Грамматические* нормы (правила образования слов, словосочетаний и предложений) оказались более устойчивы. Их колебания проявляются в возникновении *вариантов*, одни из которых отражают норму, а другие воспринимаются как разговорные (или в иных случаях как просторечные, грубо-просторечные). Например, во множественном числе употребляются формы имен существительных: *тракторы* — *трактора*, *договоры* — *договора*. Подобные варианты указывают на колебания нормы и нередко являются переходными от устаревающей нормы к новой.

Выработкой литературно-языковых норм занимались многие поколения русских образованных людей. Особенно много сделали в этом отношении М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин и другие классики отечественной литературы XIX—XX вв. Норма — не плод воображения ученых-лингвистов, она создается не в кабинетах составителей словарей. Правила, определяющие образцовое применение языковых средств, выводятся из языковой практики: «Создать язык, — писал В. Г. Белинский, — невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в систему, а писатели только творят на нем согласно с сими законами»¹.

Литературная норма имеет важнейшее общественное значение, ограждая национальный язык от привнесения в него всего случайного, частного. Без твердо установленных языковых норм люди плохо понимали бы друг друга. Таким образом, современный русский литературный язык противопоставит ненормированным языковым фактам, к которым в настоящее время относятся:

1) явления диалектного характера: «*Полужье, ср. Луг вдоль реки. Дет наказал мяне итить касить на палужжа. Бр. Карова на палужии хадила, тама яе наши. Брас.*»; «*Склизота и слизота. Гололедиц, ж. Када склизота,*

¹ Белинский В. Г. Литературные мечтания // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959. Т. 1. С. 43.

на вулицы дети катаются. Н-з. У вабливаху бывая сильная слизота. Клим.»;
«Творила, ж. Подъемная крышка, заслон, которым закрывается погреб. Тварила такая тяжкая, што ни падняць, а у погреб нада. Клим.»¹;

2) устаревшие слова — историзмы как наименования ранее существовавших предметов и явлений, архаизмы как бытовавшие прежде наименования существующих предметов и явлений. См., например, в произведении Д. М. Балашова «Господин Великий Новгород»: «Кабана свалили за Мшагою: дуrom сунулся к обозу, обляяла *выжля*» («Выжли, выжлица, выжловка — ищейная, гончая собака; выжловкой зовут собаку, ведущую стаю, на ее голос сбегаются»²);

3) лексика специального назначения: «*Мористый*, -ая, -ое (спец.). Удаленный от берегов в сторону открытого моря»; «*Нагул*, -а. м. 2. Степень откормленности скота (спец.)»³;

4) жаргонные слова (армейский, журналистский, молодежный, уголовный жаргон). См., например, «Словарь компьютерного сленга»⁴: «*Глюк* — сбой в программе. *Гроб* — корпус компьютера. *Жертва* — компьютер в руках у «чайника». *Карлсон* — вентилятор, охладитель для компьютера. *Паскудник* — человек, программирующий на языке Pascal. *Пластосуй* — дисковод. *Питало* — блок питания. *Подмышка* — коврик для мыши. *Похерить* — сделать ксерокопию. *Програм* — состояние высшего удовлетворения от занятия программированием»;

5) просторечие как разновидность ненормированной речи, не имеющее локальной характеристики (в отличие от диалектов), но обладающее специфическими особенностями в области:

а) фонетики (стяжение гласных, повышенная громкость, интонация растягивания, упрощение слоговой структуры, сокращение сочетаний согласных и т.п.);

б) морфологии и словообразования (выравнивание группы надежей или системы спряжения по аналогии; отличное от литературного языка грамматическое значение рода имен существительных; склонение несклоняемых имен существительных);

в) лексики и лексической семантики (наличие номинаций, отсутствующих в литературном языке; использование слов в значении, не характерном для литературного языка);

г) синтаксиса (особые синтаксические конструкции)⁵.

Например, лексема *тварь* в значении «2. Недостойный, подлый человек. (прост., презр.)» зафиксирована в современном лексикографическом источнике⁶. Указанные в скобках стилистические пометы свидетельствуют,

¹ Брянский областной словарь / под ред. Н. И. Курганской. 2-е изд. Брянск, 2011. С. 255, 298, 320.

² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1994. Т. 1. С. 289.

³ *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М., 2010. С. 302, 311.

⁴ URL: <http://www.kostroma.net>.

⁵ Подробнее см.: *Ожегов С. И.* О просторечии (к вопросу о языке города) // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 93—110; *Филин Ф. П.* О просторечном и разговорном в русском литературном языке // Филологические науки. 1979. № 2. С. 20—25.

⁶ *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 790.

во-первых, о том, что данная единица принадлежит просторечию, которое не входит в литературный язык; во-вторых, о том, что она имеет статус презрительной. Лексема *кобыла* в том же источнике имеет пренебрежительное значение: «2. перен. О рослой, нескладной женщине (прост. пренебр.)»¹. В названном значении данное слово отрицательно оценочно, не входит в состав литературного языка, является пренебрежительным. Номинация *сука* (= «сука») в значении «2. Негодяй, мерзавец (прост. бран.)»² включает отрицательный оценочный компонент; со стилистической точки зрения слово не входит в состав литературного языка, является бранным.

Вопросы терминологии

Следует учитывать, что **просторечие** в данном понимании не совпадает с широко используемым в лингвистике термином «**литературное просторечие**», которое «входит в разговорную литературную речь, составляет “нижнюю” часть, непосредственно связанную со всем “океаном” внелитературной речевой стихии». При этом просторечие «утверждает важнейшую функцию литературного просторечия в структуре литературного языка — осуществление и поддержание жизненно необходимых для последнего связей с народно-разговорной речью»³.

Русский литературный язык функционирует в формах *устной* и *письменной* речи. Обе эти речевые формы используют одни и те же единицы языка, но по-разному. Так как устная речь и письменная речь рассчитаны на разное восприятие, они отличаются лексическим составом и синтаксическими конструкциями.

Цель **устной речи** — быстрота передачи и восприятия определенного содержания. Эта речь адресуется непосредственно собеседнику и рассчитана на слуховое восприятие. Она использует разговорно-бытовую, просторечную, иногда диалектную лексику и фразеологию. Ее синтаксис характеризуется частым употреблением простых и неполных предложений; порядок слов не всегда обычный. В устной речи чаще употребляются сложносочиненные, чем сложноподчиненные, конструкции; причастные и дееспричастные обороты используются редко.

Чаще всего устная речь является диалогической, но применяется также в лекциях, докладах, выступлениях; тогда она носит монологический характер, а по лексике и синтаксису приближается к письменной речи. В распоряжении устной речи кроме лексико-грамматических средств имеются и вспомогательные средства передачи мысли: мимика, жесты, интонация, паузы, возможность повторения.

Письменная речь отличается от устной прежде всего сложной системой графики и орфографии, посредством которой передается то или иное содержание. В лексическом и грамматическом отношении она характеризуется строгим соблюдением литературных норм языка — особым отбором лексики и фразеологии, отработанным синтаксисом. В письменной речи

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 280.

² Там же. С. 779.

³ Бельчиков Ю. А. Русский литературный язык: стилистика, лексика, история. М., 2001. С. 151.

широко употребляется книжная лексика: официально-деловая, научная, общественно-публицистическая. Для синтаксиса письменной речи характерны сложные и осложненные конструкции; большое значение имеют порядок слов, строгая последовательность, стройность в изложении мыслей. Письменную форму речи отличают предварительное обдумывание высказываний, редакторская обработка текста, которую может выполнить и сам автор. Это обуславливает точность и правильность письменной формы речи.

Таким образом, **литературный язык** как разновидность национального языка является полифункциональным средством, обслуживающим базовые коммуникативные потребности общества; он противопоставлен территориальным диалектам, просторечию и жаргонам (профессиональным и социальным).

1.2. Норма и языковая вариантность

В современной лингвистической науке **норма** рассматривается как динамическое, а не статическое явление, хотя нормативность как фундамент литературного языка предполагает стабильность и устойчивость.

Термин «норма» в современной лингвистической науке используется в *широком* и *узком* смысле.

Определение понятия

«В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов. В этом понимании норма близка к понятию *узуса*, т.е. общепринятых, установившихся способов использования данного языка. <...> В узком смысле норма — это результат целенаправленной кодификации языка. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием *литературного языка*, который иначе называют *нормированным*, или *кодифицированным*»¹.

Соответственно этому следует рассматривать, с одной стороны, **норму** как явление традиционное, сложившееся исторически, а с другой — как факт кодификации, комплекс регламентаций.

Определение понятия

К. С. Горбачевич подчеркивал: «Современное языкознание освободилось от догматического представления о неизбежности норм литературной речи. Норма отражает поступательное развитие языка, хотя ее и не следует механически выводить из языковой эволюции. Динамическая теория нормы, опираясь на требование «гибкой стабильности», совмещает в себе и учет продуктивных и не зависящих от нашей воли тенденций развития языка, и бережное отношение к капиталу унаследованных литературно-традиционных речевых навыков»².

¹ Крысин Л. П. Вариативность нормы как естественное свойство литературного языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 70. 2011. № 4. С. 3.

² Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. С. 28.

Динамический подход к норме получил развитие в работах Л. В. Щербы, П. Ю. Шведовой, Л. И. Скворцова, Ф. П. Филлина и других исследователей. Данный подход к норме совмещает воспроизведение «реализованных возможностей системы, возведенных общественной практикой в ранг образца», и «постоянное в процессе живой коммуникации порождение языковых фактов, ориентированных одновременно и на систему и на реализованный образец»¹.

Очевидно, что в норме отражаются как интранингвистические языковые законы, так и внелингвистические. С одной стороны, нормативность языковых уровней является отражением системности языка, принципов языковой аналогии и экономии, закономерностей полевой организации и градуальности. С другой стороны, аксиологические и прагматические факторы также определяют устойчивость нормы в тот или иной период развития общества. Соответственно, некоторый парадоксальный характер языковой нормы позволяет описывать ее в комплексе диалектических свойств: устойчивости и подвижности, исторической детерминированности и изменчивости, однозначности и неоднозначности, взаимообусловленности языкового стандарта и контекста. Следовательно, выбор осуществляется и на основе языковой традиции, и на основе языкового употребления.

В этой связи сосуществование языковых *вариантов* на всех языковых уровнях как отражение динамических свойств языка в процессе его эволюции и есть доказательство жизнеспособности языковой системы.

Определение понятия

Вариантность (от лат. *varians*, род. п. *variantis* — 'изменяющийся'), или *вариативность*, — понятие многозначное. Во-первых, это «представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как об ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы (например, разночтения в разных списках одного и того же памятника)». Во-вторых, данный термин характеризует способ существования и функционирования единиц языка в языковой системе в целом. Вариантность — фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка; она характеризуется с помощью понятий «вариант», «инвариант», «варьирование». При первом понимании вариантности используются только понятия «вариант» и «варьирование»; то, что видоизменяется, понимается как некоторый образец, эталон или норма, а вариант — как модификация этой нормы или отклонение от нее. При втором понимании вводится термин «инвариант» и оппозиция «вариант — инвариант». Под **вариантами** «понимаются разные проявления одной и той же сущности, например, видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остается сама собой»².

В этом же значении Л. П. Крысин использует термин *вариативность*. Считаем возможным рассматривать термины *вариантность* и *вариативность* как эквивалентные и равноценные.

По аналогии с типологией норм различают варианты орфоэпические, лексические, грамматические (морфологические и синтаксические).

¹ Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980. С. 43.

² Салцев В. М. Верность // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. П. Ярцевой. М., 1990. С. 83.

В русской лексикографии наиболее ярким фундаментальным источником, отражающим типологию вариантных грамматических средств, количественное соотношение вариантов внутри типа, стилистическую дифференциацию вариантов, содержащим развернутое объяснение причин вариантности, а при необходимости — краткую историческую справку, характеристику действующих тенденций, является словарь «Грамматическая правильность русской речи»¹.

Авторы словаря отмечают, что в многочисленной группе двойных наименований различных явлений обычно склоняются оба компонента: см. *-вагон (-буфет, -выставка, -ресторан, -цистерна, -холодильник)*. «Однако у названий наиболее употребительных в обиходе типа *план-карта, план-заказ, вагон-ресторан, роман-газета, диван-кровать* при строгой литературной норме, требующей склонения обоих компонентов наименования, в разговорной речи распространились несклоняемые варианты на стыке слов: *в вагон-ресторане, продажа диван-кроватьей, заполнение план-карты*» (С. 179).

Вопреки тому, что литературная норма жестка и консервативна, она допускает одновременное функционирование вариантов одной и той же языковой единицы. Варианты могут различаться стилистически, зависеть от коммуникативных условий речи, относиться к речевой практике определенных социальных и профессиональных групп; возможны факты и свободного варьирования.

Норма изменяется вместе с развитием языка. Эти изменения, в свою очередь (как правило, в виде *вариантов*), отражаются в лексикографических источниках посредством помет типа *доп.* (= «допустимо»), *разг.* (= «разговорное»), *прост.* (= «просторечное»), *жарг.* (= «жаргонное») и т.п. Типология помет в современном русском языке не носит регламентированный характер и потому может быть различной.

Удачной представляется дифференциация помет, используемая в «Орфоэпическом словаре русского языка» под редакцией Р. И. Аванесова², впервые изданном в 1983 г. Авторы словаря по отношению к норме различают языковые факты, описываемые как *доп.* (= «дополнительное») — менее желательный вариант нормы, который находится в пределах правильного; *доп. устар.* (= «допустимо устаревающее») — оцениваемый вариант постепенно утрачивается. Наряду с названными выделяются также запретительные пометы: *не рек.* (= «не рекомендуется») как отражающие явления, соответствующие общим тенденциям языкового развития («нередко этой пометой оцениваются варианты, о которых можно предполагать, что не в очень далекой перспективе они станут нормативными»); *неправ.* (= «неправильное») и *грубо неправ.* (= «грубо неправильное»).

См., например: «выговор, -а, мн. -ы, -ов ! *неправ. мн. выговора, -ов* (С. 88); «выставить, -влю, -вит, *пов. выстави и выставь, прич. страд. прош. выставленный*» (С. 95); «посыпать, -сыплю, -сыплет, -сыплут и *доп. -сыпит, -сыпят, пов. -сыпь, прич.*

¹ Граудина Л. К., Ицкович В. А., Каплинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

² См.: Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. М., 1988 (и другие издания).

страд. прош. посыпанный» (С. 428.); «почать, -чну, -чнёт, *прош.* почал, почала, почало, почали, *прич. страд. прош.* початый и *доп. устар.* початый, почат и *доп. устар.* почат, почата, почато, початы и *доп. устар.* почато, початы! *неправ.* почала» (С. 431–432).

Сосуществование вариантов в тот или иной период времени носит несбалансированный характер, что обуславливается статистической характеристикой употребления. Например, как отмечают авторы словаря «Грамматическая правильность русской речи», приблизительно до 1950-х гг. «склонение собственных имен, оканчивающихся на *-а* неударное, как русских, так и заимствованных, практически без исключений принадлежало к первому типу склонения женского морфологического рода». Однако начиная с середины XX в. «собственные имена данного морфологического типа испытывают колебания в склонении между первым типом склонения и несклоняемым вариантом (90,91% – 9,09%)»¹. Ср.: *Щуки – Щука, Шломы – Шлома, Батехи – Батеха, Дубины – Дубина* и т.п.

Различают несколько типов варьирования языковых единиц в пределах нормы²:

1) **свободное**, например, вариативное сосуществование исторически обусловленных грамматических форм, отражающих базовые модели формообразования, и моделирование *по аналогии* (к примеру, формообразование глаголов непродуктивных групп по аналогии с продуктивными): *ездят – ездют, машут – махают* (по аналогии *читают*);

2) **семантически обусловленное**, например, варьирование форм родительного падежа (*сыра – сыру, творога – творогу*), предложного падежа (*в кругу – в круге, на доме – на дому*), форм множественного числа в зависимости от значения слова (*образы – образа, ордены – ордена*) и др.;

3) **стилистически обусловленное**, ср.: *алкоголик* (нейтр.) – *алкаш* (прост.), *скандал* (нейтр.) – *дебос* (разг.), *девушка* (нейтр.) – *дева* (устар.), *скряга* (нейтр.) – *жмот* (прост.);

4) **профессионально обусловленное**, например: *возбужденё* (нейтр.) – *возбуждено* (проф.), *поворождённый* (нейтр.) – *поворобжденный* (проф.), *осуждённый* (нейтр.) – *осужденный* (проф.), *алкоголь* (нейтр.) – *алкоголь* (проф.), *шприца* (нейтр.) – *шприцá* (проф.);

5) **социально обусловленное**, примером которого могут служить рефлексы старомосковского произношения в современной звучащей речи. В частности, как отмечается, результаты исследований «убедительно показали, что некоторые из старомосковских черт, признававшиеся ранее архаическими: произношение безударных флексий глаголов II спр. 3 л. мн. ч. со звуком [у], произношение [шц] на месте буквосочетания чн в определенном круге слов, произношение звука [р'] перед мягкими согласными (зубными, переднеязычными, губными, заднеязычными), следует признать

¹ Граудина Л. К. и др.]. Грамматическая правильность русской речи. С. 161.

² Подробнее типологию вариативности с примерами автора см.: Крысин Л. П. Литературная норма и вариативность языковых единиц [Электронный ресурс]. URL: <http://uapryal.com.ua/scientific-section/1-p-kryisin-moskva-literaturnaya-norma-i-variativnost-yazykovyih-edinits/> (дата обращения: 05.12.2014).

нормативно допустимыми в современном языке наряду с новыми произносительными вариантами»¹.

Таким образом, сосуществующие в литературном языке варианты являются признаком жизнедеятельности языковой системы; их использование зависит от сферы и стиля общения, социальной и профессиональной принадлежности говорящего, его коммуникативных намерений.

1.3. Нормы логические

Логичность речи — это коммуникативное качество содержания высказываний, текста, складывающееся как результат последовательного сцепления языковых единиц и последовательной аргументации согласно законам логики и правильному мышлению. Сцепления языковых единиц осмысливаются как логически непротиворечивые, если они определены связями и отношениями реальной действительности и истинно отражают структуру мысли.

Традиционно говорят о двух видах логичности — *предметной* и *понятийной*.

Предметная логичность детерминирована соответствием семантических связей и отношений единиц языка в речи связям и фактам реальной действительности.

Понятийная логичность представляет собой отражение структуры мысли и ее развития в смысловых связях единиц речевой деятельности (речевом акте, реплике, высказывании).

В коммуникативном акте предметная и понятийная логичность едины, взаимообусловлены и взаимосвязаны.

Условия логичности могут быть *экстралингвистическими* (структурными) и *собственно лингвистическими* (структурными). Важно, чтобы каждый акт мышления соответствовал основным законам логики: законам тождества, противоречия, исключенного третьего, достаточного основания. С ними соотносятся такие особенности речи, как *последовательность*, *определенность*, *непротиворечивость* и *обоснованность* мысли.

Последовательность развития мысли, ее **определенность** (однозначность, ясность, устойчивость ее содержания) достигаются благодаря соблюдению логического закона тождества, согласно которому каждая мысль в пределах одного рассуждения, одного доказательства, одной теории должна оставаться постоянной, эксплицировать одно и то же содержание. Нарушение закона тождества приводит к такой логической ошибке, как *подмена тезиса*, подмена обсуждаемой темы другой темой, несоответствие аргументов доказательства тезису, т.е. положению, которое доказывается, обосновывается. Доказательство при этом по отношению к другому тезису может быть правильным, ошибка заключается именно в подмене тезиса. Возьмем, к примеру, следующий отрывок из ответа студента:

При анализе формальной организации сложносочиненного предложения необходимо учитывать, что количество предикативных единиц в предложениях

¹ Антонова О. В. Система старомосковского произношения и ее рефлексии в современной звучащей речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 32.

открытой структуры не ограничено, все части, как правило, имеют одинаковую грамматическую оформленность. Все это свидетельствует о том, что такие сложносочиненные предложения являются гибкими.

Студент как автор приведенного фрагмента аргументированно и последовательно построил высказывание, однако допустил подмену тезиса. Известно, что сложносочиненные предложения открытой структуры все являются гибкими, это не требует доказательств. В качестве базового тезиса нужно было использовать характеристику названной группы сложносочиненных предложений как структур однородного состава.

Непротиворечивость мышления обусловлена также соблюдением **закона противоречия**, согласно которому два взаимоисключающих суждения об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении, не могут быть одновременно истинными. Например, если из двух суждений *Ваш преподаватель вчера уехал в командировку* и *Ваш преподаватель вчера читал спецкурс в колледже искусств* одно истинно, то другое согласно закону противоречия ложно. Истинными являются суждения, которые соответствуют действительности. Так, высказывание *Солнце взойдет утром* истинно, поскольку в нем утверждается факт, имеющий место в действительности. Высказывание *Солнце взойдет вечером* ложно, поскольку оно не согласуется с действительностью.

С законом противоречия связан **закон исключенного третьего**. Суть его заключается в следующем: из двух противоречащих суждений одно должно быть истинным, а другое ложным, и не может быть третьего суждения, истинного по отношению к тому же предмету в то же самое время. Этот закон распространяется только на противоречащие, т.е. отрицающие друг друга, суждения: *Отчисленный восстановился — Отчисленный не восстановился*. Данный закон направлен против непоследовательности рассуждений. Логическую ошибку, связанную с нарушением закона исключенного третьего, можно отметить в отрывке из устного ответа студента:

Ф. И. Тютчев — поэт-философ, последний русский романтик. Как философ, он размышляет о смысле мироздания, человеческого бытия, о греховности и очищении. Как романтику, ему свойственно одухотворение природных сил, отрицание современного общества. Как поэт, он пристрастен любви, земным страстям — всему, что отвлекает от глобального романтического и социально-философского размышления.

В приведенном примере последнее утверждение исключает предыдущие. Третье суждение в последовательном виде должно быть аргументом ко всему вышесказанному, но не противоречием. Ср., например:

Как поэт, он пристрастен любви, земным страстям — всему, что, в свою очередь, только способствует глубоким романтическим и социально-философским размышлениям.

Законы тождества, противоречия и исключенного третьего взаимодействуют между собой и приобретают подлинный смысл лишь при условии

соблюдения закона достаточного основания, согласно которому всякая правильная мысль должна быть аргументирована. Суждение будет являться истинным, если будут указаны достаточные основания (в идеале — доказательство теорем в математике). Главным инструментом мышления в данном случае являются умозаключения, реализующиеся в таких мыслительных операциях, как анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция. Соблюдение этого закона обеспечивает доказательность и обоснованность рассуждений.

Действие закона достаточного основания можно проиллюстрировать формулированием определений. Они не должны быть ни слишком узкими, ни слишком широкими: в определении нужно учитывать только существенные признаки предмета или явления, причем перечисление этих признаков должно быть последовательным и полным. Так, в приведенном студентом определении *Книга — произведение печати в виде сброшюрованных, переплетенных вместе листов с каким-то текстом* не указан минимальный объем, нет указания на отличие книги от брошюры. Специалисты дают точное определение: «Книга — это непериодическое издание в виде сброшюрованных листов печатного материала объемом более 48 страниц в обложке».

В речи современного образованного человека устойчивы и стабильны названные действующие с античных времен законы формальной логики. Остановимся подробнее на иллюстрациях нарушений логических норм в современном русском языке.

1. Закон тождества требует, чтобы в пределах одного рассуждения предмет мысли был один и тот же, чтобы одно знание о нем не подменялось иным. Приведем пример:

М. В. Ломоносов восхищался красотой и богатством русского языка и понимал, что наш язык — это язык великого народа. Русский народ прошел большой исторический путь, выстоял в борьбе с жестокими завоевателями, а в XX веке стал победителем в Великой Отечественной войне (из соч.).

В данном рассуждении произошла подмена тезиса: начав говорить об одном, оратор «соскальзывает» с темы и распространяется уже о чем-то другом.

2. Закон противоречия указывает, что не могут быть истинными одновременно два высказывания, одно из которых что-либо утверждает, а другое отрицает:

Самым талантливым поэтом-шестидесятником был Евгений Евтушенко. Не уступает ему в таланте и Андрей Вознесенский, получивший признание тоже в шестидесятые годы XX века (из соч.).

Две эти фразы противоречат одна другой, а значит, мысль сформулирована неправильно. Нарушение закона противоречия можно заметить и в художественной литературе, особенно в переводах, когда текст воспроизводится неточно. Например, Л. Бать так перевел текст Ю. Збанацкого:

В предвечерний августовский час мы с Бобровым и Авдотиным стоим в кустах над рекой... Уже поднялось веселое, яркое солнце. Внизу, под нами, волнуется речка. Она еще покрыта льдом.

Это странное описание явилось следствием того, что переводчик пропустил начальные слова абзаца: *Как когда-то, в тот незабываемый августовский предвечерний час...* Все было правильно, но пропуск первого предложения в абзаце обернулся нарушением второго закона логики.

3. Закон исключенного третьего утверждает, что из двух противоречащих одно другому суждений о предмете только одно может быть истинно, а другое будет ложно. Третьего не дано! См., например: *Больной поступил в наше отделение в бессознательном состоянии и сразу же ознакомился с распорядком* (из объяснительной записки врача).

Нарушение законов логики становится причиной самых нелепых утверждений. Например, в высказывании экскурсовода *В заповеднике живут звери, которые уже вымерли* нарушен закон тождества. Такую же логическую ошибку допускают и журналисты. В частности, комментируя по телевидению народные волнения в Грузии в ноябре 2007 г., корреспондент заявил: *Михаил Саакашвили считает, что демонстрации против него организованы Россией; противники Саакашвили обвиняют его в сговоре с Москвой* (эфир НТВ от 8 ноября 2007 г.). По закону тождества предмет мысли в пределах одного рассуждения должен оставаться неизменным, одно знание не может подменяться другим, что, как видим, произошло в процитированном высказывании.

Между тем писатель может обыграть возникшую нелогичность с целью создания юмористической ситуации, как это сделал Юрий Поляков в своем веселом произведении «Козленок в молоке»:

- А как ты думаешь, в Советском Союзе есть **масоны**?
- Точно не знаю, **но по полезным ископаемым мы на первом месте.**

Должны быть.

- Мне тоже так кажется.

Ненамеренная алогичность в разговорной речи является следствием стихийного речепорождения:

Я долгое время работал руководителем ЖКХ и понял: чем больше мусора, тем выше уровень жизни населения.

Таким образом, структурной предпосылкой логичного изложения мысли служит правильная сочетаемость (синтагматика) элементов языка на лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. **Логичность** изложения проявляется в точности употребления слов и словосочетаний, в правильном построении предложений и связного текста в целом, т.е. тесно связана с такими характеристиками речи, как **точность и правильность**.

1.4. Нормы лексические

1.4.1. Семантическая зоркость и выбор нужного слова

Работа над стилем произведения — это прежде всего работа над его лексикой, так как слово является основой для понимания речи. Неясность речи есть неизменный признак неясности мысли, утверждал Л. Н. Толстой. Шутя, писатель заметил: «Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значения которого он не может объяснить, лишается права писать и получает 100 ударов розог»¹.

Стилистический подход к изучению лексики выдвигает в качестве важнейшей проблему выбора слова для наиболее точного выражения мысли. Правильное употребление слов представляет собой не только достоинство стиля, но и необходимое условие информативной ценности произведения, действительности его содержания. Неправильный выбор слова искажает смысл высказывания, порождая не только лексические, но и логические ошибки в речи.

Слова следует употреблять в строгом соответствии с их семантикой, т.е. значением. Каждое знаменательное слово имеет лексическое значение, называя явления и предметы действительности, которым в нашем сознании соответствуют определенные понятия. При четком изложении мысли используемые авторами слова полностью соответствуют своему предметно-логическому значению.

Определение понятия

В. Г. Белинский писал: «Каждое слово в поэтическом произведении должно до того исчерпывать все значение требуемого мыслию целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его»².

Поиск единственно необходимого в тексте слова требует от писателя напряжения творческих сил и неустанного труда. Этот труд порой отражен в рукописях, позволяющих нам ознакомиться с лексическими заменами, которые сделал автор, шлифуя стиль произведения. Например, в черновике повести А. С. Пушкина «Дубровский» находим такую правку: *Члены (суда) встретили его (Троекурова) с изъявлениями глубокого уважения [глубокой преданности; глубокого подобострастия]* — последнее слово наиболее выразительно охарактеризовало поведение подкупленных Троекуровым чиновников, и писатель оставил его в тексте.

Скрупулезно работали над своими рукописями Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, И. А. Гончаров, А. П. Чехов, И. А. Бунин, А. И. Куприн и другие русские писатели. Поиск нужного слова отражает их авторедактирование. Интересно сравнить первоначальный и окончательный варианты некоторых текстов наших классиков. Приведем примеры из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»:

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Сер. 1 : Письма. Т. 62 : 1873—1879. М. : Л., 1953. С. 438.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 545.

1. Поднявшийся петерок давал знать, что уже немного оставалось времени до рассвета.
2. Зашумели запорожцы и разом почувствовали свои силы.
3. ...Посмеялись над православною верою.
4. «Добре!» -- повторилось в рядах запорожцев.
5. «Ну, ну, рассказывай, что такое!» -- отвечала в один голос толпа.
6. Эти слова прошикнули молнией.

1. Сорвавшийся ветерок давал знать, что уже немного оставалось времени до рассвета.
2. Зашумели запорожцы и разом почувяли свои силы.
3. Поглумились над православною верою.
4. «Доброе слово сказал и кошевой!» -- отозвалось в рядах запорожцев.
5. ...кричала в один голос толпа.
6. Эти слова пролетели молнией.

Стремление найти точные слова побуждает писателей править текст, сопоставляя возможные варианты выражения мысли. Например, у П. А. Некрасова находим такую стилистическую правку в описании сцены «у парадного подъезда», которая так поразила поэта, сочинившего впоследствии известное стихотворение: *Делать нечего, [пошли, айда, направились, потянулись] завернули в кабак*. Как видим, автору нелегко было подобрать глагол движения, передавший настроение обиженных крестьян.

Стилистическая правка писателей в рукописи отражает последний этап работы над текстом, а какой труд предшествовал этому, сколько черновиков было написано и потом уничтожено, сколько раз автор произносил «про себя» ту или иную фразу, прежде чем записать ее на бумаге, можно только догадываться.

А. П. Чехов так отзывался о своей работе: «...я занят, занят по горло: пишу и зачеркиваю, пишу и зачеркиваю»¹. Брату он советовал: «Надо люто марать», — замечая: «...я не хочу признавать рассказов без помарок»². Упрекая одного из молодых писателей в небрежности, Чехов напоминал: «Рукописи всех настоящих мастеров испачканы, перечеркнуты вдоль и поперек, потерты и покрыты латками, в свою очередь перечеркнутыми и изгаженными». И рекомендовал работать так: «Надо рассказ писать 5–6 дней и думать о нем все время... Надо, чтобы каждая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два...»³ Этот огромный труд писателя над словом скрыт от нас, потому что мы видим уже готовое произведение. Исследователь же, сравнивая черновики и беловой вариант, сопоставляя различные редакции произведений, отчасти проникает в творческую лабораторию писателя и по лексическим заменам может судить о том, как он трудился над словом.

¹ Письмо к Е. М. Шавровой // Чехов А. П. Полн. собр. соч. : в 20 т. М., 1944–1951. Т. 17. С. 7.

² Письмо к Ал. П. Чехову // Там же. Т. 16. С. 62.

³ Письмо к А. С. Лазареву-Грузинскому // Там же. Т. 15. С. 7.

Много лексических замен сделал А. И. Куприн, работая над статьей «Памяти Чехова». Вот примеры более точного выбора слов в процессе стилистической правки рукописи самим писателем¹:

Варианты	Опубликованный текст
1. А ведь никто не знает, что самое главное в этом человеке.	1. А ведь никто не догадывается, что самое характерное в этом человеке.
2. Он мог быть добрым и щедрым, не любя, ласковым и нежным... не считывая на признательность.	2. Он мог быть добрым и щедрым, не любя, ласковым и участливым... не рассчитывая на благодарность.
3. ...Приезжал, кажется, с главной целью показать больному тогда А. П-чу постановку его пьесы.	3. ...Приезжал, кажется, с исключительной целью...

Интересна правка М. Горького в романе «Мать»:

Варианты (редакция 1907 г.)	Окончательный текст
1. Ей вдруг показалось, что сын преувеличил опасность собрания.	1. Ей вдруг подумалось...
2. Мать знала, что весь этот шум поднят работой ее сына.	2. Мать понимала, что этот шум поднят работой ее сына.
3. Он поднял плечи и опустил.	3. Он пожал плечами.

Обычно писатели в процессе редактирования сами устраняют лексические ошибки. Стилистическую правку рукописи может выполнять и редактор. Авторы, для которых литературный труд — занятие непривычное, нуждаются в помощи редактора, хотя литературное редактирование текста и не является обязательным условием его публикации.

В процессе литературного редактирования рукописи редактору часто приходится отмечать ошибки в словоупотреблении. Неправильный выбор слова делает речь неточной, а порой искажает смысл высказывания: *Погода сопутствовала хорошему отдыху* (вместо *благоприятствовала*); *У куниц скоро появится наследство* (вместо *потомство*); *Я хочу продолжить семейную династию и потому решил стать офицером* (вместо *традицию*). В таких случаях говорят об использовании слова без учета его семантики. Подобные лексические ошибки возникают в результате стилистической небрежности автора, невнимательного отношения к слову или плохого знания языка. Например, в газетной статье читаем: *Новые железные дороги возникнут в трудных для освоения районах*. Слово *возникнут* означает 'появиться, начаться, образоваться, зародиться', оно не подходит для наименования действия, которое требует значительных усилий. *Возникнут* могут *подозрение, тревога, сомнение* (состояния самопроизвольные), *возникают трудности, препятствия*... Железные дороги не могут *возникнуть* — их *прокладывают* люди.

¹ Приводятся по: Айдарова В. Н. Работа Куприна над текстом статьи «Памяти Чехова» // Русская речь. 1974. № 3. С. 56–63.

Употребление слов без учета их семантики меняет значение высказывания, ср.: *Начало 1992 года было отмечено ухудшением климатических условий — метелями, резким понижением температуры.* Автор имел в виду, конечно, *погодные условия* (плохую погоду), *климат* не мог измениться за один год.

При чтении рукописи редактору приходится извешивать каждое слово, устраняя подобные ошибки. Стилистическая правка в таких случаях часто сводится к простой лексической замене:

Неотредактированный текст

Отредактированный текст

1. Минеральные и витаминные добавки, введенные в рацион, очень калорийны.	1. Минеральные и витаминные добавки, введенные в рацион, очень полезны.
2. Платиновые термометры сопротивления работают в сложных условиях.	2. Платиновые термометры сопротивления применяются в сложных условиях.
3. Мы обращаем главное внимание на развитие качества продукции.	3. Мы заботимся об улучшении качества продукции.

Добиваясь точности и ясности, иногда приходится прибегать к более сложным видам правки, обновляя лексический состав предложения, изменяя формулировки, перестраивая конструкцию. Вот примеры такой стилистической правки:

Неотредактированный текст

Отредактированный текст

1. После звонка людям трудно пробраться в зал, приходится долго стоять в очереди из-за узкой двери.	1. После звонка люди толпятся возле узкой двери и долго не могут войти в зал.
2. Сферой формирования общественного сознания человека, его нравственных качеств, духовной жизни является художественная литература.	2. На формирование общественного сознания человека, его нравственных принципов, на его духовную жизнь огромное влияние оказывает художественная литература.

Употребление слов без учета их семантики может стать причиной алогичности и даже абсурдности высказывания. Например, в одном очерке было написано: *И стоят наши дальневосточные березки в своем подвенечном саване* (автор перепутал *саван* и *фату*). Такие ошибки могут возникать под влиянием ложных ассоциаций. Абитуриент на вступительном экзамене в вуз написал в сочинении: *Я знаю, что еще живы предки А. С. Пушкина* (конечно, имелась в виду *потомки* поэта). Абсурдность высказывания в подобных случаях придает фразе комическое звучание.

Неточность словоупотребления объясняется не только низкой речевой культурой автора. Иногда сознательно не употребляют то или иное слово, чтобы завуалировать отрицательный смысл высказывания, например, пишут *фантазирует* вместо *врет* или *принимая подарки* вместо *брал взятки* и т.д. Вспомним эпизод из рассказа А. И. Куприна «Дознание»:

— Спроси его, **взял** он у Есипаки голенища? — Подпоручик опять убедился в своей неопытности и малодушии, потому что из какого-то стыдливого и деликатного чувства не мог выговорить настоящее слово «**украл**».

Слова и выражения, смягчающие грубый смысл речи, называются **эвфемизмами** (от греч. *eu* — 'хорошо', *phēmī* — 'говорю'). Эвфемистичность речи нередко объясняется стремлением автора притупить критическую остроту высказывания при описании негативных явлений жизни. Так, в местной газете корреспондент сообщал: *Правление колхоза уделяло мало внимания охране общественной собственности*, однако следовало бы признать: *Правление колхоза безответственно отнеслось к охране общественной собственности* (или: *закрывало глаза на расхищение общественной собственности*). Неточность речи в подобных случаях обусловлена экстремально вистически.

Неправильный выбор слова может стать причиной различных речевых ошибок. В частности, из-за неточного словоупотребления может возникнуть **анахронизм** (нарушение хронологической точности при употреблении слов, связанных с определенной исторической эпохой); ср., например: *В Древнем Риме недовольные законами плебеи устраивали митинги* (слово *митинг* появилось значительно позднее, причем в Англии); *В XVIII веке в Ленинграде было закрыто несколько типографий* (название города на Неве, которое употребил автор, не было известно в XVIII в., следовало написать: *в Петербурге*).

1.4.2. Лексическая сочетаемость языковых единиц

Для правильного употребления слов в речи недостаточно знать их точное значение: необходимо учитывать особенности **лексической сочетаемости** слов, т.е. их способности соединяться друг с другом. Так, «похожие» имена прилагательные *длинный*, *длительный*, *долгий*, *долговременный*, *продолжительный* по-разному «притягиваются» к именам существительным: *длительный период*, *продолжительный период* (но не *длинный*, *долгий*, *долговременный период*); *долгий путь*, *длинный путь*; *продолжительные сборы*, *долговременный кредит*. Нередко слова с одинаковым значением могут иметь разную лексическую сочетаемость (ср.: *истинный друг* — *подлинный документ*).

Способность полнозначных слов образовывать семантические и синтаксические связи называется **валентностью**. Закономерность сочегания одних языковых элементов с другими потенциально задана лексико-грамматическими свойствами того или иного слова. Например, глагол *пригласить* открывает «пустые клеточки» для включения следующих распространителей: *пригласить* (кто?) *я*, *он* и др.; *пригласить* (кого?) *коллегу*; *пригласить* (когда?) *сегодня*; *пригласить* (как? каким образом?) *с радостью*; *пригласить* (с какой целью?) *отдохнуть*; *пригласить* (вопреки чему?) *вопреки загруженности*.

Учение о лексической сочетаемости основано на положении академика В. В. Виноградова о **фразеологически связанных значениях** слов, которые имеют единичную сочетаемость (*закадычный друг*) или ограниченные возможности сочетаемости (*черствый хлеб*, *батон*; *черствый человек*, но нельзя сказать *черствая конфета* (*шоколадка*), *черствый товарищ* (*отец*, *сын*)).

Определение понятия

Для разработки теории лексической сочетаемости большое значение имело выделение академиком В. В. Виноградовым **фразеологических сочетаний** и установление

основных типов лексических значений слов в русском языке¹. Фразеологическими сочетаниями занимается фразеология, предметом лексической стилистики является изучение соединения в речи слов, имеющих свободные значения, и определение тех ограничений, которые накладываются языком на их лексическую сочетаемость.

Многие лингвисты подчеркивают, что лексическая сочетаемость слова неотделима от его смысла. Некоторые ученые, исследуя проблемы лексической сочетаемости, приходят к выводу, что абсолютно свободных сочетаний лексем в языке не существует, есть только разные по возможностям сочетаемости группы слов. При такой постановке вопроса стирается различие между *свободными* сочетаниями и *фразеологически связанными*.

Соединение слов в словосочетания может наталкиваться на различного рода ограничения. Во-первых, слова могут не сочетаться из-за их смысловой несовместимости (*фиолетовый апельсин, облокотился спиной, вода горит*). Во-вторых, объединение слов в словосочетание может быть исключено в силу их грамматической природы (*мой — плыть, близко — веселый*). В-третьих, объединению слов могут препятствовать их лексические особенности, когда слова, обозначающие, казалось бы, соединимые понятия, не сочетаются (например, говорят *причинить горе, неприятности*, но нельзя сказать *причинить радость, удовольствие*).

В зависимости от ограничений, регулирующих соединение слов, различают три типа сочетаемости: *семантическую, грамматическую* (точнее — *синтаксическую*) и *лексическую*.

1. Семантическая сочетаемость нарушена, например, в следующих выражениях: *К сегодняшнему часу сведений еще нет; Необходимо ускорить урегулирование кровопролития; Девичья фамилия моего отца Собакин; После гибели Ленского на дуэли Ольга женилась на гусаре...* Смешные сочетания слов, не правда ли? Но если вдуматься, в иных случаях возникает очень нежелательный подспудный смысл: не *прекратить*, а лишь *урегулировать* кровопролитие!..

2. Пародийный пример нарушения грамматической сочетаемости широко известен: *Моя твоя не понимает* (притяжательные имена прилагательные не могут соединяться с глаголами, стоящими в личной форме). Еще примеры: *Наш лидер здоров вдоль и поперек; Большинство времени депутаты тратят на дискуссии*.

3. Самым резким нарушением законов «притяжения» слов является отсутствие лексической сочетаемости: *Голос цифр не утешителен; В недалеком прошлом у нас всем зажимали языки*. Яркий эффект «обманутого ожидания» юмористы обыгрывают в едких шутках: *Мы потерпели победу; Достигли зияющих вершин*.

Нарушение лексической сочетаемости нередко объясняется неправильным употреблением многозначных слов. Например, в своем основном значении слово *глубокий* может свободно соединиться с любым другим, подходящим по смыслу: *глубокий* (= «имеющий большую глубину») *колодец, залив*,

¹ Подробнее см.: *Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слов в русском языке* // *Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография*. М., 1977. С. 162–189.

водосм, озеро, река. Однако в значении 'достигний предела, полный, совершенный' данное слово сочетается с немногими лексическими единицами (*глубокая осень, зима, но не лето, не весна; глубокая ночь, тишина, но не утро, не день, не шум; глубокая старость, но не юность*). Вот почему мы с прошлеей воспринимает заявление: *В глубоком детстве он был похож на мать*.

Слово *состояться* толкуется в словарях посредством синонимов — *произойти, осуществиться*, однако в отличие от этих слов глагол *состояться* уместен, только если намеченные мероприятия *готовились, планировались* (*Состоялось собрание; Состоялась встреча кандидата в депутаты Думы с избирателями*). Так, если корреспондент пишет: *На улицах города состоялись вооруженные столкновения*, то можно предположить, что вооруженные столкновения кем-то готовились, планировались. И наоборот: *В апреле 2013 г. в присутствии священнослужителей из Брянской епархии и города Почеп произошло торжественное освящение места, где будет построен храм* — поскольку торжественное освящение, как известно, является подготовленным событием, то нормативным в данном контексте будет употребление глагола *состояться*. Как видим, нарушение лексической сочетаемости может привести к искажению смысла высказывания.

Лексическая стилистика должна сосредоточить свое внимание на оценке лексической сочетаемости. Однако границы между различными типами сочетаемости очень нечеткие, поэтому при стилистическом анализе текста приходится говорить не только о «чистой» лексической сочетаемости, но и учитывать различные переходные случаи.

Все знаменательные слова, имеющие свободные значения, условно можно разделить на две группы. Одним словам свойственна сочетаемость, практически не ограниченная в пределах их предметно-логических связей. Таковы, например, имена прилагательные, характеризующие физические свойства предметов — цвет, объем, вес, температуру (*красный, черный, большой, маленький, легкий, тяжелый, горячий, холодный*); многие имена существительные (*стол, дом, человек, дерево*); глаголы (*жить, видеть, работать, знать*). Другую группу образуют слова, имеющие ограниченную лексическую сочетаемость (причем в случае многозначности ограничение может распространяться лишь на отдельные значения слова). Эта группа слов вызывает особый интерес.

Ограничения лексической сочетаемости обычно свойственны словам, которые редко встречаются в речи. Слова, имеющие максимальную частотность употребления (они входят в число 2500 наиболее частотных слов русского языка), легко вступают в лексические связи. Например, при сравнении сочетаемости слов *страх* и *боязнь* оказалось, что более активно сочетается с различными глаголами слово *страх*.

Лексическая сочетаемость слов носит внутриязыковой характер. В родном языке мы обычно «предсказываем» возможные варианты лексических связей слов (в основном по интуиции). Пометы лексической сочетаемости в толковых словарях редки и непоследовательны; практическое значение имеет «Словарь сочетаемости слов русского языка»¹.

¹ См.: Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. М., 1983.

Таким образом, необходимо отметить, что нормы лексической сочетаемости слов представляют собой регламентацию «сцепления», «склеивания» языковых единиц словосочетания и предложения согласно специфике их лексического значения и грамматической характеристике.

1.4.3. Нарушение норм лексической сочетаемости

К оценке лексической сочетаемости в экспрессивной речи нельзя подходить стереотипно, поскольку здесь действуют особые законы «притяжения» слов друг к другу. В частности, в художественных и публицистических произведениях границы лексической сочетаемости могут быть расширены. Замечено, что ограничения семантической сочетаемости не распространяются на переносное словоупотребление: возможны словосочетания, которые кажутся бессмысленными, если составляющие их слова понимать буквально (*закат пылет, годы летят, черные мысли*). Семантическая несочетаемость слов не является препятствием для создания художественных образов. Именно нарушение привычных связей слов, придающее им новые оттенки значения, лежит в основе многих классических образов, ставших хрестоматийными примерами эпитетов, метафор, метонимий: *себой зимы угрозы* (А. Пушкин); *Колокольчик звонко плачет, / И хохочет, и визжит* (П. Вяземский); *Норой влюбляется он страстно / В свою нарядную печаль...* (М. Лермонтов); *пузатое ореховое бюро* (Н. Гоголь); *умственное и правдивое декольте; плешивый силлогизм* (М. Салтыков-Щедрин).

Нарушение лексической сочетаемости может стать действенным средством создания комического звучания речи в юмористическом контексте: *С того дня и постигла Евстигнейку слава* (М. Горький); *яблоко с родинкой; клинущий лентяй* (Н. Ильф и Е. Петров); *на основе всесторонней и обоюдоострой склоки* (И. Ильф); *холостой фокстерьер* (Л. Ленч). Нарушение лексической сочетаемости как яркий стилистический прием создания комического эффекта лежит в основе различных шуток, афоризмов, которые обычно публикуются на юмористических страницах журналов, газет:

Гения признали заживо; Трудно прощать чужие недостатки, но еще труднее прощать чужие достоинства; наши заклятые друзья; закоренелый передовик; Наконец правительство добилось значительного ухудшения жизни народа; Несмотря на падение, она собралась и заняла пятое место в личном первенстве Олимпиады в Сочи.

Несочетаемость делает броскими заголовки, например: *Жанр, обреченный на успех* (о пародии); *Воспоминания о будущем* (название кинофильма); *Наедине со всеми* (пьеса А. И. Гельмана); *Сталкеры поднебесья* (о вертолетчиках, работавших в зонах повышенной радиации); *Включите тишину*; *О чем молчали в метро*; *Долгая, многосерийная жизнь*; *Букет из звезд* (эстрады).

Нередко поэты нарушают лексическую сочетаемость. Выразительны необычные сочетания слов в песнях В. С. Высоцкого:

Поэты ходят пятками по лезвию ножа
И режут в кровь свои босые души.

В неэжепрессивной, прозаической речи словосочетания *ходить пятками*, *босые души* оказались бы невозможными, абсурдными, но в поэтическом контексте они поражают своей художественной силой. Еще пример из песни того же автора:

К утру расстреляли притихшее горное эхо —
И брызнули слезы, как камни, из раненых скал...

Если же автор не стремится к достижению определенной стилистической цели, нарушение лексической сочетаемости становится **речевой ошибкой**. В этом отражается характерная особенность диалектической природы языка: в одном случае явление, представляющее собой отклонение от языковой нормы, оказывается действенным средством создания речевой экспрессии, в другом — свидетельством небрежности, невнимательного отношения автора к слову. Непроизвольное нарушение лексической сочетаемости — весьма распространенная речевая ошибка.

См., например: *Хотя в этих соревнованиях наши любимые фигуристы одержали поражение, зрители приветствуют их стоя*, — говорит спортивный комментатор (но: *одерживают победу, терпят поражение*). *Может, и к тебе пришла бессоница, / И лежишь ты, не смыкая взгляда синего*, — пишет поэт (но: можно *сомкнуть глаза*, а не *взгляд*). *Котловина производила уютное впечатление*, — замечает в очерке журналист (можно производить *приятное впечатление*, а не *уютное*). *Это событие было принято жителями села с радостью и воодушевлением*, — отмечает школьница в сочинении о грядущем восстановлении местного храма (но: *принять* можно *больного, человека* и т.п., а *событие* следует все-таки *воспринять*). Некоторые слова часто употребляются в речи в неправильных сочетаниях (*встреча созвана, беседа прочитана, усилить внимание, уделить значение, повысить кругозор* и др.).

Нарушение лексической сочетаемости может быть вызвано контаминацией внешне похожих словосочетаний, например: *удовлетворяют современным потребностям* (смешение сочетаний *удовлетворяют требования* и *отвечать потребностям*); *С него взыскали материальный ущерб в пользу потерпевших* (*материальный ущерб* может быть *возмещен*; *взысканы* могут быть *деньги*); *Улучшили художественный уровень экспозиций народные музеи* (*уровень* может *возрасти, повыситься*; *улучшить* можно *качество*). Еще примеры контаминаций: *предпринять меры* (ср.: *принять меры — предпринять шаги*); *заслужил известность* (*приобрел известность — заслужил уважение*); *неослабная помощь* (*постоянная помощь — неослабное внимание*); *не играет значения* (*не играет роли — не имеет значения*). Смешение словосочетаний послужило поводом для шутки:

О вкусах не спорят:
Одни уважают урюк в рассоле,
Другие любят с горчицей варенье.
Но все это **не имеет роли**
И, кроме того, **не играет значенья**.
(Е. Свистунов)

При употреблении слов, которые имеют предельно ограниченные возможности лексических связей, нарушение лексической сочетаемости часто становится причиной комического звучания речи. См., например:

Серьезные проблемы **обрушивались** на молодых предпринимателей **вра-сплох**; Руководители обратили серьезное внимание на **достигнутые недостат-ки**; Они работали как самые **отъявленные специалисты**; К нам пришли люди, **удрученные опытом**.

Комизм в таких случаях возникает потому, что слова, имеющие ограни-ченную лексическую сочетаемость, «подсказывают» варианты словосочета-ний, как правило, с прямо противоположным значением (ср.: *достигнутые успехи, отъявленные мошенники, удрученные горем*).

Рассмотрим примеры стилистической правки предложений, в которых нарушена лексическая сочетаемость:

Неотредактированный текст	Отредактированный текст
1. Эти функции поручаются отделам рекламы.	1. Эти функции возлагаются на отделы рекламы.
2. В музее выставлены реликвии, препод-несенные делегациями.	2. В музее выставлены подарки, пре-поднесенные делегациями.
3. Главная сила Сибири — в ее обильной минерально-сырьевой базе.	3. Сила Сибири — в ее богатейшей минерально-сырьевой базе.

Как видим, стилистическая правка в основном сводится к замене слов, употребление которых привело к нарушению лексической сочетаемости.

1.4.4. Неясность речи как следствие речевой недостаточности

Небрежное отношение к языку может стать причиной и речевой недо-статочности — случайного пропуска слов, необходимых для точного выра-жения мысли: *Дирекции надо стремиться от этого равнодушия* (пропущено *избавиться*); *Картины маслом помещают в рамы* (пропущено *написанные*). Речевая недостаточность часто возникает в устной речи, когда говорящий торопится и не следит за правильностью высказывания. Комические ситуа-ции при этом возникают, если оратор обращается к присутствующим, поль-зуясь микрофоном. Так, на выставке собак можно услышать обращения к хозяевам породистых псов:

- Уважаемые участники, разберитесь **по породам** и приготовьтесь к параду!
- Товарищи участники, тщательно **оботрите морды** от слюны для облегче-ния осмотра зубной системы!
- Призеры, срочно явитесь для награждения. **Владельцы без намордников** награждаться не будут.

Из подобных призывов администратора следует, что все эти испытания ожидают не собак, а их владельцев, потому что именно им адресована речь.

При речевой недостаточности очень часто возникает неясность. Вот при-меры таких ошибок, попавших в протоколы и другие деловые документы:

Гр. Калиновский Л. Л. следовал по улице без номерного знака; Установить день сдачи страховых агентов в бухгалтерию до 10 числа каждого месяца; Инте-ресующих вас лиц вышлем почтой; Классным руководителям обеспечить явку своих родителей.

Вследствие речевой недостаточности нарушаются грамматические и логические связи слов в предложении, затемняется его смысл. Более того, пропуск слов может совершенно исказить мысль автора: *Для улучшения производственных показателей необходимо объединить всех работников, занимающихся вопросами экономики* (надо: *объединить усилия всех работников*); объявление на двери рентгеновского кабинета: *Ввиду холода в помещении делаем только срочные переломы* (имеются в виду *срочные рентгенологические снимки переломов*).

Вследствие пропуска слова могут возникнуть различные логические ошибки. Так, отсутствие нужного звена в выражении мысли приводит к алогизму: *Язык героев Шолохова резко отличается от героев других писателей* (можно сравнивать *язык героев Шолохова* только с *языком героев других писателей*); *Условия города отличны от села* (допустимо сравнение *условий жизни в городе* только с *условиями жизни в селе*); *Вечером прогуливаюсь по Ломоносова* (имеется в виду *улица*, названная в честь М. В. Ломоносова); *Замечательно сказано у Расула Гамзатова: «Человеку нужно два года, чтобы научиться говорить, и шестьдесят лет, чтобы научиться держать язык за зубами»* (ср.: *Замечательно сказано в стихотворении Расула Гамзатова*).

Нередко в результате пропуска слова происходит и подмена понятия. Например: *Больные, не посетившие амбулаторию в течение трех лет, выкладываются в архив* — речь идет о *карточках больных*, а из текста следует, что *в архив сдаются больные*. Подобная речевая недостаточность порождает комизм и абсурдность высказывания:

Куйбышевский речной порт производит мужчин на постоянную и временную работу портовыми рабочими; Она заняла второе место по гимнастике среди девушек 2-го разряда (из журнала «Крокодил»); Инспекция государственного страхования приглашает вас в любой четверг в Госстрах для получения травмы (объявление).

Речевая недостаточность, возникающая как следствие стилистической небрежности автора, легко поддается правке: нужно только вставить случайно пропущенное слово или словосочетание. См., например:

Неотредактированный текст

1. Фермеры стремятся добиться увеличения овец в хозяйстве.
2. Соревнования показали, что в нашем городе появились сильные шашисты на столеточной доске.
3. Изохроны — линии на географических картах, проходящие через точки земной поверхности, в которых то или иное явление наступает в один и тот же момент.

Отредактированный текст

1. Фермеры стремятся добиться увеличения поголовья овец в хозяйстве.
2. Соревнования показали, что в нашем городе появились сильные шашисты, играющие на столеточной доске.
3. Изохроны — линии на географических картах, проходящие через точки, соответствующие точкам земной поверхности, в которых то или иное явление природы наступает в один и тот же момент.

Если же оратор, как говорится, не находит слов для правильного выражения мысли и строит предложение кое-как, опуская те или иные звенья в цепочке логически связанных понятий, то фраза становится недостаточно информативной, сумбурной, и чтобы исправить такое высказывание, приходится много трудиться, добиваясь ясности мысли. Например, в рукописи статьи о восстановлении полиграфического предприятия читаем: *На первых порах устанавливалось оборудование форматом в полпечатного листа.* По этой усеченной информации нелегко догадаться, что *при возобновлении работы полиграфического комбината вначале установили оборудование лишь для изготовления продукции форматом в половину печатного листа.*

Недостаточная информативность предложения, в котором опущены важные слова и словосочетания, особенно часто приводит к абсурдности высказывания, что можно было наблюдать в поздние советские времена, когда наши газеты печатали многочисленные репортажи о «победах и завоеваниях» при выполнении пятилетних планов. Например: *В эту смену, между 16 и 20 часами, и был выработан тысячный миллиард советских энергетиков.* Из сообщения непросто восстановить истину: в действительности речь идет о том, что *советские энергетика, работавшие в вечернюю смену, дали стране тысячный миллиард киловатт-часов электроэнергии.*

Речевую недостаточность как распространенную ошибку следует отличать от эллипсиса — стилистической фигуры, основанной на сознательном пропуске того или иного члена предложения для создания особой выразительности. Наиболее экспрессивны эллиптические конструкции без глагола-сказуемого, передающие динамичность движения:

Я за свечку,
Свечка — в печку!
Я за книжку,
Та — бежать
И вприпрыжку
Под кровать!
(К. Чуковский)

При эллипсисе нет необходимости восстанавливать пропущенные члены предложения: смысл эллиптических конструкций ясен, а введение в них уточняющих слов лишает их экспрессии и присущей им легкости. При речевой недостаточности, напротив, восстановление пропущенных слов необходимо, так как без них предложение стилистически непримлемо.

1.4.5. Избыточность речи

Умение найти точные слова для наименования тех или иных понятий помогает добиться краткости в выражении мысли. И наоборот, стилистическая беспомощность автора нередко приводит к **речевой избыточности** — многословию. На многословие как на большое зло неоднократно обращали внимание ученые, писатели. Так, А. П. Чехов заметил: «Краткость — сестра таланта», а М. Горький писал, что лаконизм, как и точность изложения, даются писателю нелегко: «...крайне трудно найти точные слова и поста-

внть их так, чтобы немногим было сказано много, "чтобы словам было тесно, мыслям — просторно"»¹.

Многословие проявляется в различных формах. Так, нередко можно наблюдать навязчивое объяснение всем известных истин:

Потребление молока является хорошей традицией, молоком питаются не только дети, потребность в молоке, привычка к молоку сохраняется до глубокой старости. Плохая ли это привычка? Надо ли от нее отказываться? Нет!

Подобное пустословие, естественно, должно пресекаться: рассуждения, не представляющие информативной ценности, при литературном редактировании исключаются. Однако такая правка-сокращение не имеет прямого отношения к лексической стилистике, поскольку затрагивает не лексическую сторону текста, а содержательную.

Предметом лексической стилистики является речевая избыточность, возникающая при повторной передаче одной и той же мысли. В приведенном ниже тексте выделенные слова являются лишними:

Людей потрясло зрелище пожара, свидетелями которого они были; Наши спортсмены прибыли на международные соревнования для того, чтобы принять участие в соревнованиях, в которых будут участвовать не только наши, но и зарубежные спортсмены; Супруг не мог оставаться в стороне от семейных конфликтов как муж женщины и отец детей; Машинный парк обновили новыми машинами.

Иногда проявление речевой избыточности граничит с абсурдностью: *Труп был мертв и не скрывал этого*. Подобные примеры многословия стилисты называют ляпалисснадами. Происхождение этого термина небезынтересно: он образован от имени французского маршала маркиза Ля Палиса, погибшего в 1525 г. Солдаты сочинили о нем песню, в которой были такие слова: *Наш командир еще за 25 минут до своей смерти был жив*. Нелепость ляпалисснады заключается в утверждении самоочевидной истины. Ляпалисснады придают речи неуместный комизм, причем нередко в таких ситуациях, которые возникли в результате трагических обстоятельств:

Поскольку ответственный редактор сборника умер, необходимо ввести в состав редколлегии нового редактора из ныне живущих; Мертвый труп лежал без движения и не проявлял признаков жизни.

Речевая избыточность может принимать форму плеоназма (греч. *pleonasmos* — 'излишество'), т.е. употребления в речи близких по смыслу и потому излишних слов (*главная суть; повседневная обыденность; бесполезно пропадает; предчувствовать заранее; ценные сокровища; темный мрак; всенародный референдум; полный аншлаг; интерактивное взаимодействие; установленный факт* и т.п.). Интересно, что плеоназмы в языковой системе появляются и сегодня в контексте развития новых информационных систем и технологий: *CD-диск, IT-технологии, протокол FTP/ИТТР*.

¹ Горький М. Собр. соч. : в 30 т. М., 1949—1956. Т. 24. С. 490.

Нередко плеоназмы возникают в случае соединения синонимов (*расцеловал и облобызал; долгий и продолжительный; мужественный и смелый; только лишь; тем не менее, однако; так, например.* и др.). Еще А. С. Пушкин, считая краткость одним из достоинств произведения, упрекал П. А. Вяземского в письме к нему за то, что в его сказке «Черта местности» речь одного из героев «растянута», а фраза «*Еще мушкетерней вдвойне едва ли не плеоназм*»¹. Обычно плеоназмы являются следствием стилистической небрежности автора: *Местные работники леса не ограничиваются только охраной тайги, но и не допускают также, чтоб напрасно пропадали богатейшие дары природы* — при стилистической правке выделенные слова необходимо исключить.

Исследователи отмечают, что в речевой деятельности индивида плеоназмы часто возникают в силу таких причин, как «следование традиции, стремление к более полному изложению информации при недостатке языковой компетенции, желание повысить экспрессивность высказывания»².

Проявление речевой избыточности следует отличать от «мнимого плеоназма», к которому автор обращается сознательно как к средству усиления выразительности речи. В этом случае плеоназм становится ярким стилистическим приемом:

Небесный свод, горящий славой звездной
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающе бездной
Со всех сторон окружены.

(Ф. Тютчев);

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.

(С. Есенин)

Употребление плеонастических сочетаний характерно и для фольклора: *Ты куда, Вольга, идешь? Куда путь держишь? Чтоб по имени тебе местодать, по изотчеству...* В устном народном творчестве традиционно использовались экспрессивно окрашенные плеонастические сочетания: *грусть-тоска, море-окиян, путь-дороженька* и т.п.

Кроме того, зафиксированы плеоназмы, ставшие частью общелитературного языка, что подтверждается данными Национального корпуса русского языка:

Валлах! это правда, **истинная правда!** До поздней ночи я сидел в своем овраге (М. Ю. Лермонтов); **Смотри:** у каждого солдата / На штык надет **букет цветов!** (А. А. Блок).

Разновидностью плеоназма является **тавтология** (от греч. *tauto* — 'то же самое' и *logos* — 'слово'). Тавтология как явление лексической стилистики может возникать при повторении однокоренных слов (*рассказать рассказ; умножить во много раз; спросить вопрос; возобновить вновь; собрать собрание*), а также при соединении иноязычного и русского слова, дубли-

¹ Пушкин А. С. <Вяземскому П. А., 25 января 1825 г.> // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 9 : Письма (1815–1830). М., 1962. С. 131.

² Бурулин А. Н. Специфика функционирования плеоназмов в индивидуальном лексиконе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2013. С. 7.

рующего его значение (*памятные сувениры; впервые деботтировал; необычный феномен; движущий лейтмотив*). В последнем случае иногда говорят о *скрытой тавтологии*.

Повторение однокоренных слов, создающее тавтологию, — распространенная ошибка: *Истец доказывает свою правоту бездоказательными доказательствами; Рост преступности вырос* и т.п. Использование однокоренных слов создает ненужное «топтанье на месте». См., например: *Совершенно закономерно вытекает определение, что производительность труда на определенных ступенях развития техники определяется совершенно определенными закономерностями* — чтобы осмыслить подобное высказывание, надо прежде всего избавиться от тавтологии. Здесь возможен такой вариант стилистической правки: *Вытекает вполне обоснованный вывод, что производительность труда на различных ступенях развития техники определяется объективными закономерностями*.

Однако повторение однокоренных слов не в каждом случае следует рассматривать как стилистическую ошибку. Многие стилисты справедливо считают, что исключать из предложений однокоренные слова, заменяя их синонимами, не всегда необходимо: в одних случаях это просто невозможно, а в других способно привести к обеднению, обесцвечиванию речи. Несколько однокоренных слов в близком контексте стилистически оправданы, если родственные слова являются единственными носителями соответствующих значений и их не удастся заменить синонимами (*тренер — тренировать; выборы, избиратели — выбрать; привычка — отвыкнуть; закрыть — крышка; варить — варенье* и др.). Например, трудно избежать употребления однокоренных слов в такого рода конструкциях: *На кустах расцвели белые цветы; Книга отредактирована главным редактором* и т.п.

Более того, в языке немало тавтологических сочетаний, употребление которых неизбежно, поскольку в них используется *терминологическая лексика* (*словарь иностранных слов, звеньевая пятого звена, бригадир первой бригады* и т.п.). Приходится мириться с таким, например, словоупотреблением: *следственные органы... расследовали; болеть базедовой болезнью; подрубку пласта ведет врубовая машина* и пр. Кроме того, многие родственные с этимологической точки зрения слова в современном языке утратили видимые словообразовательные связи (ср.: *сиять — поднять — понять — обнять — принять; песня — петух, утро — завтра*). Такие слова, имеющие общий этимологический корень, не образуют тавтологических словосочетаний (*черные чернила, красная краска, белое белье*).

Тавтология, возникающая при сочетании русского слова и иноязычного, которые совпадают по значению, обычно свидетельствует о том, что говорящий не понимает точного смысла заимствованного слова. Так появляются сочетания типа *юный вундеркинд, мизерные мелочи, внутренний интерьер, ведущий лидер, интервал перерыва* и др. Тавтологические сочетания подобного типа иногда переходят в разряд допустимых и закрепляются в речи, что связано с изменением значений слов.

Примером утраты тавтологичности может служить сочетание *период времени*. В прошлом лингвисты считали это выражение тавтологическим, поскольку греческое по происхождению слово *период* значит 'время'.

Однако постепенно слово *период* приобрело значение 'промежуток времени', поэтому выражение *период времени* стало возможным.

Закрепились в речи и такие сочетания, как *монументальный памятник*, *реальная действительность*, *экспонаты выставки*, *букинистическая книга* и некоторые другие, потому что в них определения перестали быть простым повторением основного признака, уже заключенного в определяемом слове. Не требует стилистической правки и тавтология, возникающая при употреблении аббревиатур в научном и официально-деловом стилях: *система СИ* ('система Система Интернациональная' (о физических единицах)); *институт БелНИИСХ* ('институт Белорусский научно-исследовательский институт сельского хозяйства').

Тавтология, как и плеоназм, может быть стилистическим приемом, усиливающим действенность речи. В разговорной речи используются такие тавтологические сочетания, как *сослужить службу*, *всякая всячина*, *горе горькое* и др., вносящие особую экспрессию. Тавтология лежит в основе многих фразеологизмов (*есть поедом*, *видать виды*, *ходить ходуном*, *сиднем сидеть*, *пабить бешком*, *пропадать пропадом*).

Особую стилистическую значимость тавтологические повторы приобретают в художественной речи, преимущественно в поэзии. Здесь встречаются тавтологические сочетания нескольких типов — с тавтологическим эпитетом: *И новь не старую была*, / *А новой повью и победной* (Б. Слуцкий); с тавтологическим творительным падежом: *И вдруг белым-бела березка / В урюжном ельнике одна* (В. Солоухин).

Тавтологические сочетания в тексте выделяются на фоне остальных слов; это дает возможность, прибегая к тавтологии, обратить внимание на особо важные понятия: *Итак, беззаконие было узаконено; Все меньше и меньше остается у природы неразгаданных загадок*. Значимую смысловую функцию выполняет тавтология в заголовках газетных статей: *Зеленый ищет просит защитить; Крайности Крайнего севера; Случаен ли несчастный случай?; Устарел ли старина велосипед?* и т.п.

Тавтологический повтор может придавать высказыванию особую значительность, афористичность: *Победителю ученику от побежденного учителя* (В. Жуковский); *По счастью, модный круг теперь совсем не в моде* (А. Пушкин); *И устарела старина, / И старым бредит новизна* (А. Пушкин).

В качестве источника речевой экспрессии тавтология особенно действенна, если однокоренные слова сопоставляются как синонимы: *Точно они не виделись года два, поцелуй их был долгий, длительный* (А. Чехов); антонимы: *Когда мы научились быть чужими? / Когда мы разучились говорить?* (Е. Евтушенко).

Как и всякие повторы, тавтологические сочетания повышают эмоциональность публицистической речи. Вот как описывал А. Н. Толстой репетицию Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича:

Седьмая симфония посвящена торжеству **человеческого в человеке**. <...> Шостакович — русский человек... На угрозу фашизма — **обесчеловечить человека** — он ответил симфонией о победном торжестве всего высокого и прекрасного...

Наименование однокоренных слов используется в градации (лат. *gradatio* — 'постепенность'), стилистической фигуре, основанной на последовательном повышении или понижении эмоционально-экспрессивной значимости. См., например:

О! ради наших прошлых дней
Погибшего, погубленного счастья,
Не разрушай в душе моей
К прошедшему последнего участия!
(Н. Огарёв)

В экспрессивно окрашенной речи тавтологические повторы, а также повторение звуков могут стать выразительным средством **фонники**, ср.: *Потом **тягачи** с пушками **потянулись**, полевая кухня проехала, потом **пехота** пошла* (М. Шолохов). Поэты часто совмещают оба приема — повторение корней, и повторение звуков:

Все хорошо: **поэт поёт,**
критик занимается **критикой.**
(В. Маяковский)

Возможность каламбурного столкновения однокоренных слов позволяет использовать тавтологию как средство создания комизма, сатирической окраски. Этим приемом блестяще владели Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин (*Позвольте вам этого не позволить; Писатель пописывает, а читатель почитывает*). Как средство создания эффекта комизма используют тавтологию и современные авторы юмористических рассказов, фельетонов, шуток (*Делай не делай, а всех дел не переделаешь; Коровка, прозванная божьей, безбожно истребляет картофельные посадки*).

От тавтологии следует отличать стилистически оправданный **повтор слов**, хотя и он нередко бывает проявлением речевой избыточности. Неоправданные лексические повторы, которые часто сопровождаются тавтологией и плеоназмами, обычно свидетельствуют о неумении автора четко и лаконично формулировать мысль. Например, в протоколе заседания педагогического совета читаем:

Сочинение списано, и списавший не отрицает, что списал сочинение, а тот, кто дал списать, даже написал, что дал списать сочинение. Так что факт установлен.

Разве нельзя было сформулировать мысль кратко? Стоило только указать фамилии виновников случившегося: *Иванов не отрицает, что списал сочинение у Петрова, который разрешил ему это сделать*.

Чтобы избежать лексических повторов, при литературном редактировании нередко приходится значительно изменять авторский текст:

Неотредактированный текст

1. Были получены результаты, близкие к результатам, полученным на модели корабля. Полученные результаты показали...

Отредактированный текст

1. Были получены результаты, близкие к тем, которые дало испытание модели корабля. Это свидетельствует о том, что...

Неотредактированный текст

2. В воду для мытья пола **хорошо** добавить небольшое количество хлорной извести — это **хорошая** дезинфекция и, кроме того, это **хорошо** освежает воздух в комнате.

3. Всегда **быть** одетой хорошо и по моде можете **быть** и вы, если вы **будете** шить себе сами.

Отредактированный текст

2. В воду для мытья пола рекомендуется добавлять немного хлорной извести: она дезинфицирует и хорошо освежает воздух.

3. Шейте сами, и вы всегда будете одеты модно и красиво.

Повторение слов не всегда свидетельствует о стилистической беспомощности автора: оно может стать стилистическим приемом, усиливающим выразительность речи. Лексические повторы помогают выделить значимое понятие, например, в пословицах и афоризмах: *Век живи, век учишь; За добро добром платят; Жизнь есть жизнь; Закон есть закон*. Этот стилистический прием мастерски использовал Л. Н. Толстой:

[Анна] была **прелестна** в своем простом черном платье, **прелестны** были ее полные **руки** с браслетами, **прелестна** твердая шея с ниткой жемчуга, **прелестны** вьющиеся волосы расстроившейся прически, **прелестны** грациозные легкие движения маленьких ног и рук, **прелестно** это красивое лицо в своем оживлении; но было что-то ужасное и жестокое в ее **прелести**.

К повторению слов как средству логического выделения понятий обращаются публицисты. Интересны, например, заголовки газетных статей: *Могучие силы могучего края* (о Сибири), *Опера об опере* (о спектакле музыкального театра), *Будь человеком, человек!*

Повторение слов обычно свойственно эмоционально окрашенной речи, поэтому лексические повторы часто встречаются в поэзии. Вспомним пушкинские строки:

Роман классический, старинный,
Отменно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный...

В поэтической речи лексические повторы нередко сочетаются с различными приемами поэтического синтаксиса, усиливающими эмфатическую интонацию:

Вы слышите: грохочет барабан?
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней...
Уходит взвод в туман-туман-туман...
А прошлое ясней-ясней-ясней.

(Б. Окуджава)

Один из исследователей остроумно заметил, что повторение (*Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней...*) вовсе не означает приглашения попрощаться дважды; оно может означать: *Солдат, торопись прощаться, взвод уже уходит*; или: *Солдат, прощайся с ней, прощайся навсегда, ты ее больше никогда не увидишь*; или: *Солдат, прощайся с ней, со своей единственной*, и т.д. Тем самым удвоенные слова не означают простого повторения понятия,

а становится средством создания поэтического подтекста, углубляющего содержание высказывания.

Написыванием одинаковых слов можно отразить характер зрительных впечатлений: *Но идет, идет пехота / Мимо сосен, сосен, сосен / Без конца* (В. Луговской). Лексические повторы иногда, подобно жесту, усиливают выразительность речи:

Бой гремел за переправу,
А внизу, южнее чуть —
Немцы с левого на правый,
Запоздав, держали путь.

<...>

А на левом с ходу, с ходу
Подоспевшие штыки
Их толкали в воду, в воду,
А вода себе теки...

(А. Твардовский)

Лексические повторы могут использоваться и как средство юмора. В народном тексте нагромождение одинаковых слов и выражений отражает комизм описываемой ситуации:

Очень важно уметь вести себя в обществе. Если, приглашая даму на танец, вы наступили ей на ногу и она сделала вид, что не заметила этого, то вы должны сделать вид, что не заметили, как она заметила, но сделала вид, что не заметила («Литературная газета»).

Таким образом, в художественной речи словесные повторы могут выполнять различные стилистические функции. Это необходимо учитывать, давая стилистическую оценку использованию слова в тексте.

В заключение отметим, что лексические нормы представляют собой систему исторически обусловленных базовых требований к употреблению языковых единиц, основанных на специфике лексического и грамматического значения слова, его валентностных свойствах.

1.5. Функциональные стили русского литературного языка. Стилеобразующие факторы. Классификация стилей

Слово *стиль* восходит к греческому *stylos* — так называлась палочка, которой писали на доске, покрытой воском. Со временем **стилем** стали называть почерк, манеру письма, совокупность приемов использования языковых средств. Функциональные стили языка получили такое название потому, что они выполняют важнейшие *функции*, являясь средством общения, сообщения информации и воздействия на слушателя или читателя.

Под функциональными стилями понимаются исторически сложившиеся и социально осознанные системы речевых средств, используемых в той или иной сфере общения и соотносимых с той или иной сферой профессиональной деятельности. В современном русском литературном языке

выделяют книжные функциональные стили — *научный, публицистический, церковно-религиозный* и *официально-деловой*, которые выступают преимущественно в письменной форме, и *разговорный стиль*, для которого характерна главным образом устная форма речи.

Научная дискуссия

Некоторые ученые выделяют в качестве функционального стиля *художественный (художественно-беллетристический)*, т.е. язык художественной литературы. Однако эта точка зрения вызывает справедливые возражения. Ведь писатели в своих произведениях используют все многообразие языковых средств, так что художественная речь не представляет собой системы однородных языковых явлений. Напротив, она лишена какой бы то ни было стилистической замкнутости, ее специфика зависит от особенностей индивидуально-авторских стилей.

Каждый функциональный стиль представляет собой сложную систему, охватывающую все языковые уровни: произношение слов, лексико-фразеологический состав речи, морфологические средства и синтаксические конструкции. Функционально-стилевое закрепление языковых средств можно изобразить схематически (рис. 1.1).

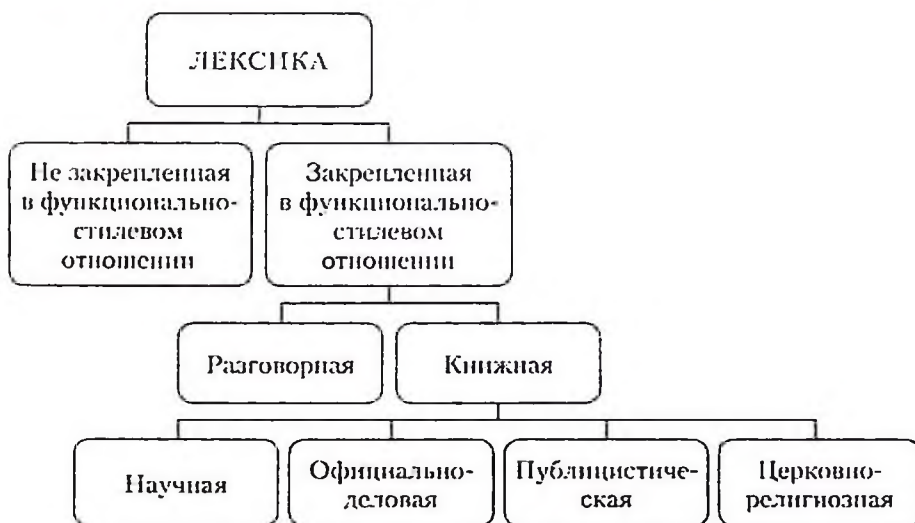

Рис. 1.1. Функциональные стили современного русского литературного языка

Чтобы показать, насколько наша речь зависит от обстановки и собеседника, приведем такой пример. Представим, что муж за обедом спрашивает жену, чем она сегодня занималась. В ответ слышит:

В первой половине дня я ускоренными темпами обеспечила восстановление надлежащего порядка на жилой площади, а также в предназначенном для приготовления пищи подсобном помещении общего пользования. В последующий период мною было организовано посещение торговой точки с целью приобретения необходимых продовольственных товаров.

Ненормальность такого ответа, если только за ним не скрывается нарочитая шутка, очевидна, хотя он правилен как по существу, так и с точки зрения норм литературного языка. Однако эти слова уместны в официальном отчете, в постановлении или в деловом письме, но не в беседе между мужем и женой. Здесь ситуация требует простого, обыденного ответа: *Утром я быстро убрала комнату и кухню, а потом сходила в магазин за продуктами.*

Как видим, обращение к языковым средствам, имеющим определенную стилевую прикреплённость, должно быть обоснованным. Использование их не всегда бывает оправдано в конкретной ситуации.

Охарактеризуем функциональные стили современного русского языка.

1.6. Разговорный стиль

Разговорный стиль выполняет основную функцию языка — функцию **общения**; его назначение — непосредственная передача информации преимущественно в устной форме (исключения составляют частные письма, записки, дневниковые записи). Языковые черты разговорного стиля определяют особые условия его функционирования: неофициальность, непринужденность и экспрессивность речевого общения, отсутствие предварительного отбора языковых средств, автоматизм речи, обыденность содержания и диалогическая форма.

Большое влияние на разговорный стиль оказывает ситуация — реальная, предметная обстановка речи. Это позволяет предельно сокращать высказывание, в котором могут отсутствовать отдельные компоненты, что, однако, не мешает правильно воспринимать разговорные фразы. Например, в булочной нам не кажется странной фраза: *Пожалуйста, с отрубями, один*; на вокзале у билетной кассы: *Два до Одинцова, детский и взрослый*; у компьютера: *Сброшу в сетку* и т.д. В повседневном общении реализуются конкретный, ассоциативный способ мышления и непосредственный, экспрессивный характер выражения. Отсюда неупорядоченность, фрагментарность речевых форм и эмоциональность разговорного стиля.

Для непринужденной беседы необходимым условием являются отсутствие официальности, доверительные, свободные отношения между участниками диалога или монолога. Установка на естественное, неподготовленное общение определяет отношение говорящих к языковым средствам.

В разговорном стиле, для которого устная форма является исконной, важнейшую роль играет **звуковая сторона** речи, и прежде всего **интонация**: именно она (во взаимодействии со своеобразным синтаксисом) создает впечатление разговорности.

Меньшая напряженность органов речи приводит к изменениям качества звуков и даже порой к их полному исчезновению (*зд~~ра~~сьте*, а не *зд~~ра~~вствуйте*; не *гов~~о~~рит*, а *гр~~о~~ит*; не *те~~п~~ерь*, а *те~~р~~ь*; вместо *будем* слышится *буим*; вместо *что* — *чо* и т.д.). Особенно заметно такое упрощение орфоэпических норм в нелитературных формах разговорного стиля, в просторечии.

В радио- и тележурналистике свои особые правила произношения и интонации. Так, в импровизированных, неподготовленных текстах

(беседа, интервью) закономерно и естественно следование произносительным нормам разговорного стиля, однако не просторечным его вариантам, а нейтральным. В то же время высокая культура речи говорящего требует точности произнесения слов, постановки ударений, выразительности интонационного рисунка.

Лексика разговорного стиля делится на две большие группы:

1) **общеупотребительные** слова (*день, год, работать, спать, рано, можно, хороший, старый*);

2) **разговорные** слова (*живчик, картошка, ломача, осовелый, передвижка, подвох, читалка, заправский, бурчать, проболтаться, проворонить, прилоститься*).

В разговорном стиле не исключено также употребление просторечных слов, профессионализмов, диалектизмов и жаргонизмов, т.е. разнообразных **внелитературных** элементов, снижающих стиль. Вся эта лексика преимущественно бытового содержания, конкретная. В разговорном стиле весьма узок круг книжных слов, отвлеченной лексики, терминов и малоизвестных заимствований; вместе с тем для него показательна активность экспрессивно-эмоциональной лексики (фамильярной, ласкательной, неодобрительной, прощесской). Оценочная лексика обычно имеет здесь сниженную окраску. Характерно использование окказиональных слов (неологизмов, которые мы придумываем на случай): *открывалка, щелкунчики* (вместо *ореходавы*), *увнучить* (по образцу *усыновить*).

В разговорном стиле действует закон экономии речевых средств, поэтому вместо названий, состоящих из двух и более слов, употребляется одно слово, например: *вечерняя газета* — *вечёрка*; *зарубежная литература* — *зарубежка*; *сгущённое молоко* — *сгущёнка*; *пятиэтажный дом* — *пятиэтажка*. Разговорный стиль отличается богатством **фразеологии**: большинство русских фразеологизмов носит именно разговорный характер (*рукой подать, рвет и мечет; неожиданно-негаданно; как с гуся вода; кожа да кости; набить карман* и др.). Еще более экспрессивны **просторечные** выражения (*дуракам закон не писан; у чёрта на куличках; пустить слезу* и т.п.). И те и другие придают речи яркую образность; от книжных и нейтральных фразеологизмов они отличаются не значением, а особой выразительностью и сниженностью. Ср., например: *уйти из жизни* — *сыграть в ящик*; *вводить в заблуждение* — *вешать лапшу на уши* (*втирать очки; высосать из пальца; брать с потолка*).

Словообразование разговорной речи характеризуют черты, обуславливающие ее экспрессивностью и оценочностью. В ней употребительны суффиксы субъективной оценки со значениями ласкательности, неодобрения, увеличительности и др. (*мамочка, лапушка, пупсик, солнышко, дитяtko; кривляка, пошлатина, домище, холодина* и т.д.), а также суффиксы с функциональной окраской разговорности, например у имен существительных — суффиксы *-к-* (*раздевалка, почёвка, свечка, печка*); *-ик* (*пожик, дождик*); *-ун* (*говорун*); *-и-* (*вахтерша, докторша, кондукторша, билетёрша*). Используются бессуффиксальные образования (*храп, пляс*), словосложения (*лежебока, пустозвон*).

Можно указать наиболее активные случаи словообразования имен прилагательных оценочного значения: *глаз-астый, очк-астый, зуб-астый; кус-*

ачий, драч-ливый; худ-ющий, здоров-енный и др., а также глаголов — префиксально-суффиксальных: *пошал-ивать, при-говар-ивать, на-игры-вать*; суффиксальных: *дерг-ануть, спекуль-нуть, чик-нуть; здоров-еть*; префиксальных: *ис-худать, при-ку-нуть* и др.

Для усиления экспрессии используется удвоение имен прилагательных, иногда с дополнительной префиксацией, выступающих в функции превосходной степени (*он такой огромный-огромный; вода черная-черная; она глазастая-глазастая; вредная-превредная, но умная-преумная*).

В области морфологии разговорный стиль выделяется особой частотой глаголов, которые здесь употребляются даже чаще, чем имена существительные. Однако в постоянном употреблении находится ограниченный круг глаголов, наиболее универсальный для констатации или описания событий, передачи эмоции, специфики тех или иных событийных, речевых, интеллектуальных, умственных действий либо чувственного восприятия: *быть, говорить, знать, мочь, сказать, идти, хотеть, пойти, понимать, думать, помнить, приходиться* и др.¹

Глагол *быть* — наиболее употребительный и полифункциональный в разговорной речи. Особенное употребление имеют и глаголы движения: обычно они не реализуют свои валентностные свойства согласно нормативной общепотребительной модели, а используются «сокращенно», без распространителей. См., например: *Обидно: сорвалась, прокатилась — все напрасно!*

Исследователи отмечают, что говорящий, находясь в условиях неприужденного неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое «речевое поведение», поэтому «легко и часто прибегает к готовым языковым формулам, в том числе всякого рода клише, шаблонам и стереотипам»². Вместе с тем в разговорном стиле достаточно продуктивно употребление глаголов в переносном значении, несвойственном литературному языку, например: *ломиться* — «идти куда-нибудь насильно, напролом»; *приворожить* — «очаровав, привлечь к себе внимание, обворожить»; *провалить* — «погубить какое-нибудь дело»; *пролететь* — «быстро проехать, пройти, миновать»; *протянуться* — «лечь, вытянув ноги»³.

Характерно частое использование личных и указательных местоимений: *я, ты, он, она, они, это, такой, всё*. Личные местоимения 3-го лица могут употребляться в особой, ошибочной или целенаправленно «ошибочной» функции, исключая название по имени присутствующего лица. Ср.: *Ольга Ивановна — она принципиальная. Ее линия — профессионализм* (в присутствии субъекта высказывания имеет место ошибочное грамматико-стилистическое употребление); *Она что, претендует на часть имущества?* (целенаправленно «ошибочное» употребление, исключаящее

¹ См.: Кормилицина М. А., Кочеткова Т. В. Глагол // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика / под ред. О. Б. Сиротининой. М., 2003. С. 63–94.

² Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. П. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. С. 193.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 332, 588, 605, 614, 626. В данном лексикографическом источнике лексическое значение приведенных слов имеет помету *разг.*

субъекта из ситуации общения). Кроме того, только разговорный стиль допускает употребление местоимения в сопровождении жеста без предварительного упоминания конкретного слова (*Я это не возьму. Такой мне не подходит*). Очевидно, что в разговорном стиле продуктивен узкий круг названных местоимений. По-видимому, это обусловлено экономией языковых усилий, с одной стороны, и определяет разнообразие дополнительных значений таких языковых средств — с другой.

В разговорном стиле предпочтение отдается вариантным формам имен существительных (*в цеху, в отпуску, на дому; стакан чаю, мёду; цеха, слесаря*), имен числительных (*пятидесятью, пятистами*), глаголов (*прочту, а не прочитаю; подымаю, а не поднимаю; не видать, не слышать*). Используются разговорные формы степеней сравнения имен прилагательных (*получше, покороче, труднее всех*), наречий (*поскорей, поудобней, вероятней всего*) и варианты окончаний местоимений (*саму хозяйку; в ихнем доме*).

Под действием закона экономии речевых средств разговорный стиль допускает употребление вещественных существительных в сочетании с именами числительными (*два молока, две ряженки* — в значении 'две порции'). Обычными являются своеобразные формы обращений — усеченные имена существительные: *Мам!; Пап!; Катя!; Ваня!* и т.п.

Не менее самобытна разговорная речь и в распределении падежных форм: здесь господствует именительный падеж, который в устных речевых ситуациях заменяет книжные управляемые формы. См., например: *Он построил дачу — станция рядом; Купила шубу — серый каракуль; Каша — посмотри!* (разговор на кухне); *Дом обуви — где выходить? — На следующей (остановке). Там поверните налево, переход и магазин обуви* (диалог в автобусе). Особенно последовательно именительный падеж заменяет все остальные при употреблении в речи имен числительных: *Сумма не превышает триста рублей* (вместо *трехсот*); *с тысяча пятьсот тремя рублями* (с *тысячью пятьюстами тремя*); *имел три собаки* (*трех собак*).

После глаголов и местоимений, доминирующих в разговорном стиле, продуктивной лексико-грамматической группой являются имена существительные, причем по качественному разнообразию в разговорной речи они «превосходят» глаголы. Собственно разговорными необходимо признать следующие номинации: во-первых, слова типа *выскачка, шпарталка*, которые в кодифицированном литературном языке не имеют однословных номинаций; во-вторых, слова типа *ухмылка, поклёп, коленка, воруго* — многообразные синонимы соответствующих нейтральных слов кодифицированного литературного языка; в-третьих, демиинутивы¹.

Имена прилагательные в разговорной речи употребляются значительно реже, чем такие части речи, как местоимение, имя существительное, наречие и глагол. Кроме того, исследователи, занимающиеся изучением имен прилагательных в разговорной речи, «единодушно отмечают факт преобладания в ней относительных прилагательных»². Частотность относитель-

¹ См.: *Столярова Э. А. Существительные // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. С. 21–48.*

² *Кузнецова Н. И. Прилагательные // Там же. С. 48–62.*

ных имен прилагательных определяется тематикой разговора и ситуацией общения. Самые частотные качественные прилагательные, употребляемые в разговорной речи: *хороший, плохой, большой, маленький, старый, новый, интересный*. Широко распространено использование притяжательных имен прилагательных (*мамина работа, дедово ружье*); краткие формы используются редко. Совсем не встречаются причастия и дееспричастия.

Среди служебных частей речи в разговорном стиле особым функциональным предназначением обладают частицы: *Что уж говорить!*; *Вот так штука!*; *Будь доволен!*; *Неужели собрался?!*; *Прям дипломат!*; *Чуть не проворонил!*; *Едва успел!* и т.п. Частицы в разговорной речи являются актуализаторами речемысленной части высказывания, фиксируют коммуникативно важную информацию.

Синтаксис разговорной речи весьма своеобразен, что обусловлено ее устной формой и яркой экспрессивной. Здесь господствуют простые предложения, чаще неполные, предельно короткие, самой разнообразной структуры. Ситуация восполняет пропуски в речи, которая вполне понятна говорящим: *Покажите, пожалуйста, в линейку* (при покупке тетрадей); *Таганку я не хочу* (при выборе билетов в театр); *Вам от сердца?* (в аптеке) и т.д. Необычен и порядок слов в живой речи. Здесь на первое место, как правило, ставится самое важное в сообщении слово: *Компьютер мне купил*; *Валютой расплатился*; *Всего ужаснее то, что ничего уже нельзя сделать*; *Температура зашкаливает*. Для разговорных сложных предложений характерно ослабление функции придаточного, слияние его с главным, структурная редукция: *Ты могла бы поговорить о чем захотела*; *Будешь работать с кем прикажут*; *Зови кого хочешь*; *Живу как придется*.

Следует отметить и такие черты разговорного синтаксиса, как:

1) употребление местоимения, дублирующего подлежащее: *Вера, она поздно приходит*; *Участковый, он это заметил*;

2) вынесение в начало предложения важного по смыслу слова из придаточной части: *Хлеб я люблю, чтоб всегда свежий*;

3) употребление слов-предложений: *Ладно*; *Ясно*; *Можно*; *Да*; *Нет*; *Отчего же?*; *Конечно!*; *Еще бы!*; *Ну да!*; *Да нет!*; *Ужас!*; *Возможно* и др.;

4) использование вставных конструкций, вносящих добавочные, дополнительные сведения, поясняющие главное сообщение: *Я думал (тогда я был еще молод), шутит он*; *А мы, как известно, всегда рады гостю*; *Коля — он вообще человек добрый — хотел помочь*;

5) активность вводных слов: *может быть, кажется, к счастью, как говорится, так сказать, скажем, так, знает*.

Таким образом, разговорный стиль в большей степени, чем другие, обладает ярким своеобразием языковых черт, выходящих за рамки нормированного литературного языка. Он может служить убедительным доказательством того, что стилистическая норма принципиально отличается от литературной. Каждый из функциональных стилей выработал свои собственные нормы, с которыми следует считаться. Это не значит, что разговорная речь всегда вступает в противоречие с литературными языковыми правилами. Отступления от нормы могут колебаться в зависимости от интрастилевого расслоения. Например, в разговорном стиле есть разновидности сниженной, грубой

речи: просторечие, впитавшее влияние местных говоров, и т.д. Однако разговорная речь интеллигентных, образованных людей вполне литературна и в то же время резко отличается от книжной, связанной строгими нормами.

Вслед за С. И. Ожеговым, чьи слова, написанные в 1930-е гг., не утратили своей актуальности и в настоящее время, подчеркнем, что современный русский литературный язык по-прежнему динамичен и диалектичен в своем развитии, поскольку «идет к установлению двух норм внутри себя: письменной и разговорной. Последняя подвижна и неустойчива. В основе создания новой разговорной литературной нормы лежат лингвистические свойства просторечия. И различие этих типов городского языка осмысливается не как различия социальной дифференциации, а как ступени культурного развития»¹.

1.7. Книжные стили. Общие черты

Все книжные стили в отличие от разговорного реализуются преимущественно в письменной форме, что обуславливает их общие черты. Книжным стилям свойственно строгое соблюдение литературной нормы на всех языковых уровнях. Для лексики характерно стилевое единство: применение общеупотребительной нейтральной лексики, на фоне которой в каждом конкретном тексте используются специальные слова, термины. Обращение к разговорным словам, просторечию не оправдано.

Фразеология книжных стилей нейтральная (*имеет значение, играет роль, предоставить слово, уделить внимание* и т.п.) и специальная, находящая применение в определенных стилях (*научная — центр тяжести, привести к общему знаменателю; официально-деловая — имеет место, давать показания, ввести в эксплуатацию; публицистическая — прямой эфир, черный вторник*). Большинство книжных фразеологизмов лишено экспрессивной окраски (*время от времени, друг на друга, иметь в виду, руководящий состав, силовые структуры*).

Словообразование книжных стилей отличается обилием книжных суффиксов (*суши-ость, коррект-ур-а, восклица-иц-э, аргумент-аци-а, газификаци-а, толстов-ств-о, пушкин-иан-а*) и приставок (*а-симметричный, анти-художественный, интер-национальный, ультра-фиолетовый, экстраординарный, воз-водит, ис-провергать*). Для книжной речи характерно словосложение (*языкознание, краевед, водомер, восьмигранник, электронасос, морозоустойчивый, плодоносящий, тяжелораненный, высокопродуктивный*), употребление аббревиатур (*НИИ, МРЭО, УМО, ФСБ* и др.).

Морфология книжных стилей характеризуется явным предпочтением имен существительных перед глагольными формами; широким употреблением причастий и деепричастий; использованием количественных и порядковых имен числительных при почти полном отсутствии собирательных числительных; избирательным отношением к местоимениям (отказ от личных и большинства неопределенных; употребление относительных и указательных местоимений).

¹ Ожегов С. И. О просторечии (к вопросу о языке города) // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 96.

Для книжных стилей показательным отсутствием междометий, звукоподражательных слов, большинства частиц. Характерно и предпочтение, отдаваемое определенным грамматическим формам. Так, при наличии вариантов словоизменения последовательно используются только книжные формы (*цели, в отпуске, редакторы, прочитал, семьюдесятью пятью*). Нежелательна замена имен числительных счетными именами существительными (*сто, а не сотня; двенадцать, а не дюжина; десять, а не десяток*), как и употребление личных существительных женского рода (*аптекариша, дворничиха, кондукторша*). Здесь находят применение краткие прилагательные (*высоки показатели, методы не новы*); книжные формы степеней сравнения (*более удачный вариант, менее оправданный способ, наиболее эффективный, новейший*); некоторые плеонастические сочетания (*самым теснейшим образом, самый кратчайший путь*); элитивные формы превосходной степени, означающие высшую степень качества вне сравнения (*высшая математика, новейшие достижения, благороднейшая цель*). В конструкциях с предлогом употребляются только аналитические (сложные) формы сравнительной степени имен прилагательных (*в более трудных случаях, с менее удачным результатом, от более осведомленного лица* и т.д.).

Книжный синтаксис является прямой противоположностью разговорного и отличается обилием сложных, преимущественно сложноподчиненных, конструкций; здесь не находят применения неполные, незавершенные фразы. Из односоставных предложений возможно употребление неопределенно-личных (*Вас приглашают на совещание; О юбилейных торжествах вспоминали с радостью*), определено-личных (*Прошу исключить бухгалтеров из состава акционеров предприятия*), отдельных типов безличных (*Строителям предстоит возвести комплекс зданий; О сохранении родительских прав за одним из родителей должно быть указано в решении суда* и т.п.). Некоторые типы односоставных предложений (см.: *Морозит; Не спится; Ни души; Пора домой; Сердцу не прикажешь*) в книжной речи не употребляются, что объясняется их экспрессивностью или тематической закрепленностью за бытовой речью.

В книжных стилях господствует правильный порядок слов, инверсия используется редко, лишь в подчеркнуто экспрессивной речи. Не используются также восклицательные, вопросительные и повелительные предложения. Избирательно употребляются обращения (*уважаемый коллега, господа* и т.п.) и вводные слова (*следует заметить; как уже было указано; несомненно; во-первых; во-вторых; наконец*).

Книжные стили открыты для построения сложных синтаксических конструкций, предложений со многими придаточными, с разными видами сочинительной и подчинительной связи. Здесь применяется цитация, но прямая речь встречается крайне редко; диалогические единства не используются, так как книжная речь, за редкими исключениями, монологична.

1.8. Научный стиль

Научный стиль обладает всеми особенностями книжного и в то же время имеет ряд характерных черт, заслуживающих изучения.

Традиционно научный стиль включает **собственно-научный, учебно-научный и научно-популярный** подстили.

Специфика научной речи в значительной мере определяется внесязыковыми факторами. Основное назначение научных произведений — изложение полученных путем исследования данных, знакомство читателя с научной информацией, что обуславливает монологический характер языка науки. Информативная функция научного стиля отражается в его жанровом своеобразии: он представлен научной (монографии, статьи, рефераты), а также учебной и справочной литературой. Несмотря на разницу содержания и назначения жанров, их объединяет характер научного мышления: его главной формой является понятие, а языковым выражением мышления служат суждения, умозаключения, следующие одно за другим в строгой логической последовательности. Это определяет такие черты научного стиля, как **отвлеченность и обобщенность**: в нем структурно выражена логичность изложения.

Отвлеченность и обобщенность речи в первую очередь проявляется в лексике: почти каждое слово в научном тексте обозначает не конкретное, а общее понятие или абстрактное явление. См., например: *Береза хорошо переносит морозы* (слово *береза* здесь указывает на породу дерева, а не на единичный предмет, конкретное дерево). В художественной речи то же самое слово получает конкретное значение:

Белая береза под моим окном
Принакрылась снегом, словно серебром.
На пушистых ветках снежною каймой
Распустились кисти белой бахромой...

(С. Есенин)

Научная речь не только отбирает из языка слова с общим и отвлеченным значением, но и изменяет значение общеупотребительных слов в соответствии со своими принципами. Например, у многих глаголов в научной речи ослабляется лексическое значение, а его конкретный смысл стирается и обобщается. Такие глаголы превращаются в своеобразные связки, которые могут соединять любые понятия, оформляя различные научные сообщения. К ним относятся глаголы *служить, считаться, характеризовать* и др.: *Драматический диалог **служит** средством изображения всей окружающей... среды* (из работы В. В. Виноградова о стиле пушкинских произведений); ср.: ***Служить** бы рад, прислуживаться тошно* (А. Грибоедов). Так происходит изменение, приспособление значения общеупотребительных слов к задачам научной речи.

Лексика научного стиля включает три основных пласта: **общеупотребительные** слова (*знание, работа, один, сто, изучать, сначала, по-прежнему* и т.п.); **общенаучные** (*исследование, экспериментальный, анализировать, формулировать, дистанционный, беспрецедентный* и др.) и **узкоспециальные термины** (*синтаксис, молекула, летальный исход, интерференция* и т.д.). Отличительными особенностями терминов являются системность, точное определение (дефиниция), тенденция к однозначности в пределах своего терминологического поля, стилистическая нейтральность, отсутствие экспрессии.

Терминологическая лексика составляет ядро научного стиля, это наиболее существенный признак языка науки. Такие слова, обозначая строго научные понятия, образуют терминологическую систему той или иной отрасли знания, где близкие значения передаются соответствующими терминами. В частности, лингвистические термины *синоним, антоним, омоним, пароним* объединяет греческий корень *опута* — ‘имя, наименование’; в терминах *омофон, омограф, омоформ* элемент *омо* (от греч. *homos*) означает ‘одинаковый’ и подчеркивает системность данных лексических явлений.

Как видим, системность терминов получает языковое выражение в научном стиле. Так, медицинские термины объединяются благодаря одинаковым суффиксам; например суффикс *-ит* присущ терминам, обозначающим воспалительные процессы (*бронхит, аппендицит, гайморит, радикулит, перитонит*). Одинаковое суффиксальное оформление имеют названия лекарств (*пенициллин, ситомоцилин, олететрин, фурацилин*).

Близки к терминам номенклатурные наименования, которые также употребительны в книжных стилях, в том числе в научном. **Номенклатура** (лат. *nomenclatura* — ‘перечень, список’) представляет собой явление более широкое, чем терминология; к ней относятся наименования таких понятий, предметность которых ярко выражена. Например, в экономике это перечень производимой продукции, названия различных промышленных изделий: марок токарных, фрезерных, строгальных станков; названия моделей пальто, плащей, костюмов; названия марок автомобилей, телевизоров и т.д.

Для научного стиля показательны употребление слов в их точном значении (перенос названий здесь исключается), отказ от эмоционально-экспрессивной лексики (ласкательной, уменьшительной и т.п.), от сниженных, нелитературных слов. Лексические образные средства в научном стиле иногда используются, но весьма целенаправленно: например, сравнения помогают объяснить то или иное явление (*Прилив поднимает волны, подобные горам; Лыдины стоят, как высокие холмы*). В то же время в научно-популярной литературе образность речи достаточно привычна (*Ель пошла под сень сосны густым сомкнутым строем; Сосна приютила первых поселенцев ели; Жизнерадостный вид подростка вселяет веру в успех эксперимента* (из работы по общему лесоводству)).

Грамматический строй научного стиля также весьма своеобразен. Речь научных сочинений, как правило, носит именную характер, что приводит к количественному преобладанию имен существительных и прилагательных по отношению к глаголу и его формам. См., например, употребление устойчивых оборотов речи с отглагольными именами существительными: *оказывать воздействие* (= «воздействовать»); *подвергаться анализу; делаться возбудителем* и т.п. Среди имен существительных выделяются обозначения понятий признака, движения, состояния (слова на *-ие, -ость, -ство, -ие, -ка*). Используются отыменные имена прилагательные (на *-ический, -ительный, -альный* и др.), отглагольные существительные и существительные с сочетанием суффиксов. Распространены словосложения (*биотоки, электротабло*), калькирование, заимствование словообразовательных элементов — суффиксов, приставок (*-изм, -ист, анти-, поли-*).

Причастия и имена существительные часто заменяют личные формы глагола и инфинитив (*решить* — *решение*; *формулировать* — *формулировка*).

Точность изложения требует употребления форм множественного числа у имен существительных с вещественным значением (*дегированные стали*; *смолы*; *топлива*). Имена существительные в форме единственного числа нередко выступают в обобщенном значении (*Налим мечет икру в январе*; *Липа цветет в июне*).

В научной речи используются отыменные предлоги (*в течение*, *в связи*, *в отношении к...*; *в соответствии с...*), отглагольные имена существительные, зачастую получающие терминологическое значение (*зрительное утомление*; *управление предложное и беспредложное* — в грамматике; *бурение*, *ускорение*).

Для научного стиля характерно особое употребление некоторых глаголов: в настоящем времени они получают в тексте вневременное, признаковое значение (*Хлорид медленно разлагается*; *Углерод составляет самую важную часть растения*). В научной речи немало глаголов с ослабленными лексико-грамматическими значениями времени, лица и числа, о чем свидетельствуют синонимия структур предложения. Ср., например, идентичные конструкции: *перегонку производят* — *перегонка производится*; *мы можем вывести заключение* — *можно вывести заключение* — *выводят заключение*. В синтаксисе это явление находит отражение в своего рода «опустошенных» личных предложениях, допускающих замену на безличные, и вообще их опущение (ср. синонимические выражения: *мы знаем, что не существует метода...* — *известно, что не существует метода...* — *не существует метода...*).

В научной литературе, особенно в такой, где применяются математические методы, форма будущего времени, по существу, лишена своего обычного грамматического значения и грамматически ослаблена (*будет* = «есть», «является»): *Разделим $икс$ на $игрек$* (ср.: *Делим $икс$ на $игрек$*); *Число выстрелов будет случайной величиной (является случайной величиной)*.

Отвлеченность и обобщенность научного стиля проявляются также в особенностях употребления категории вида глагола, в значении инфинитивных форм. Широко используются формы несовершенного вида как сравнительно более отвлеченно-обобщенные по значению, чем формы совершенного вида.

Употребление лица глаголов и личных местоимений обнаруживает ту же закономерность: в научной речи характерно преобладание наиболее отвлеченно-обобщенных по своему значению единиц. Например, практически не используются формы 2-го лица и местоимения *ты*, *вы* как наиболее конкретные; ничтожен процент форм 1-го лица единственного числа. В большинстве случаев используются наиболее отвлеченные по значению формы 3-го лица и местоимения *он*, *она*, *оно*.

Еще показательнее особенности употребления этих языковых единиц. Помимо так называемого *авторского мы*, используемого для выражения «скромности» и ради объективности изложения (*как мы доказали*; *мы исследовали*; *как нам представляется*; *мы считаем актуальным* и т.п.), местоимение *мы* вместе с личной формой глагола часто выражает значе-

ния разной степени и характера отвлеченно-обобщенности. Сюда относятся значения 'мы в совокупности' (*я и аудитория; мы с вами*): *Если мы исключим..., то получим...; Мы приходим к результату...; Мы можем заключить...* и т.п. Характерно, что во всех этих случаях наряду с возможной подстановкой *мы с вами* не менее вероятным окажется пропуск местоимения при замене личной конструкции безличной или инфинитивной: *можно прийти к результату; можно заключить; если исключить; если обозначить* и т.д. Таким образом, значение лица оказывается весьма ослабленным, неопределенным, а следовательно, более отвлеченным.

Очень часто в научной речи глаголы используются в неопределенно-личном значении, близком к обобщенно-личному; во многом это зависит от их семантики. В таком случае деятелем может мыслиться *любой, всякий, каждый*, или же он совершенно неконкретен и неизвестен и даже вообще не может предполагаться (исходя из значения глагола): *За такие активные центры принимаются атомы; Законы обыкновенно формулируются...; Брам получают подобно хлору.*

Отвлеченность и обобщенность научной речи выражаются в повышенной употребительности имен существительных среднего рода. Это слова с абстрактным значением: *движение, количество, явление, отношение, действие, свойство, образование, изменение, распределение, состояние, влияние, значение, определение* и пр. Среди имен существительных мужского и женского рода большое место также принадлежит абстрактной лексике: *случай, опыт, процесс, вопрос, объем, характер, период, метод, результат* и др.; *часть, энергия, форма, сила, величина, масса, деятельность, возможность, потребность* и т.д. Отвлеченные имена существительные здесь, как правило, не метафоризируются и выступают в качестве терминов.

Краткие имена прилагательные в научной речи, в отступление от общей закономерности русского языка, служат для выражения не временного, а постоянного свойства предмета: *Клетки бедны протоплазмой; Трещинные алкоголи... изомерны* (ср.: *Я беден; Он счастлив* — имена прилагательные в краткой форме указывают на временное состояние).

Синтаксис научного стиля также убедительно подтверждает его абстрактность, обобщенность, логичность в выражении мысли, стремление к предельной точности и ясности. Научная фраза отличается структурной полнотой, ярко выраженной союзной связью, разнообразием подчинительных связей, усложненностью синтаксических конструкций и исчерпывающей их завершенностью. Для научной речи характерно преобладание сложноподчиненных предложений, в которых союзы четко отражают причинно-следственные отношения (*если... то...; так что; в то время как*); той же цели служит употребление местоименно-наречных и союзных слов (*и потому; поэтому; следовательно; благодаря этому; в результате этого* и др.). Сложносочиненные и тем более бессоюзные предложения здесь менее употребительны.

Безличный характер изложения как отражение объективности научной речи активизирует употребление неопределенно-личных предложений (*Порошок помещают в пробирку; Нефть добывают путем...*), а также пассивных конструкций (*Олово плавится при температуре...; Золото*

добывается...). В то же время в специфических контекстах, например в политической или юридической сфере, употребление пассивных грамматических структур выступает следствием особой стилистической заданности — стремления завуалировать или вовсе скрыть субъект действия (*Меры принимаются; Запись расшифровывается; Вина устанавливается; Дело движется*).

Правильный порядок слов в предложениях способствует ясности и точности формулировок. Вместе с тем необычное расположение членов предложения (инверсия) может служить логическому усилению, выделению той или иной части высказывания, поэтому возможны и отступления от стилистически нейтрального порядка.

Особую важность приобретает правильное, четкое выделение абзацев, помогающее подчеркнуть логическую сторону речи. Этой же цели служат и умелое объединение отдельных предложений в сложные синтаксические целые (сверхфразовые единства). Последовательность в развитии мысли отражают вводные слова и словосочетания (*во-первых, во-вторых, наконец, так, таким образом*). В то же время синтаксису научной речи чужды вставные предложения и присоединительные конструкции, лишające высказывание целостности.

Важно отметить, что стройность, логичность, упорядоченность синтаксических построений свойственны всем жанрам научных произведений. Отличие состоит лишь в употреблении терминов, которых больше в монографиях, научных статьях и рефератах. В научно-популярной литературе терминов немного, к тому же они, как правило, дополнительно разъясняются.

1.9. Публицистический стиль

Публицистический стиль называют еще **газетно-публицистическим**, потому что публицистические произведения печатаются в первую очередь в газетах и журналах, адресованных массовому читателю. Кроме того, этот стиль представлен в журналистских выступлениях по радио, телевидению, в речах общественно-политических деятелей на митингах, съездах, собраниях (в последнем случае — в устной форме). Публицистика получила название «летописи современности», поскольку она освещает самые важные проблемы общества: политические, социальные, бытовые, философские, экономические, морально-этические. Ее занимают вопросы воспитания, культуры, искусства и т.д. Словом, тематика публицистики, как и ее жанровое разнообразие, ничем не ограничены. Живая история нашего времени отражается в разных жанрах: **информационных** (заметка, репортаж, отчет, интервью, хроника, обзорение), **аналитических** (статья, корреспонденция, комментарий, рецензия, обзор), **художественно-публицистических** (очерк, фельетон, памфлет).

В публицистическом стиле соединены две важнейшие функции языка — **информационная** и **воздействующая**. Журналист — не равнодушный регистратор событий, а их активный участник, самоотверженно отстаивающий

свои убеждения. Публицистика призвана активно вмешиваться в происходящее, создавать общественное мнение, убеждать, агитировать. Это определяет такие важные стилиобразующие черты публицистического стиля, как оценочность, страстность, эмоциональность. Вопросы, которые поднимают журналисты, волнуют миллионы людей (экономическая политика государства, этнические конфликты, права человека и др.). Писать о них книжным, сухим языком невозможно, так как «функция воздействия, важнейшая для публицистического стиля, обуславливает острую потребность публицистики в оценочных средствах выражения. И публицистика берет из литературного языка практически все средства, обладающие свойством оценочности»¹.

Информационная функция публицистического стиля обуславливает другие его стилиобразующие черты: точность, логичность, официальность, стандартизованность. В условиях срочной подготовки газетных публикаций по следам событий, интерес к которым особенно обострен, журналисты используют хорошо известные им публицистические приемы, частотные языковые средства, устойчивые речевые обороты (клише). Это определяет стандартизацию языка газеты, а как отмечают ученые, именно стандартизованность речи обеспечивает быстроту в подготовке информации². Обращение к языковым стандартам не только экономит усилия репортера, помогая ему оперативно откликаться на события, но и облегчает читателям усвоение новой информации: пробегая глазами публикацию, можно легко уловить ее главный смысл, если он преподносится в простых, знакомых выражениях. Таким образом, сочетание экспрессии и стандарта — важнейшая черта публицистического стиля.

Поскольку произведения публицистического характера адресованы широкому кругу читателей, главным критерием отбора языковых средств является общедоступность. Публицисты не должны использовать непонятные читателям узкоспециальные термины, диалектные, жаргонные слова, иноязычную лексику; усложненные синтаксические конструкции; отвлекающую образность. В то же время публицистический стиль — это не замкнутая, а открытая система языковых средств, что позволяет журналистам обращаться к элементам других функциональных стилей и в зависимости от содержания публикации употреблять разнообразную лексику, включая внелитературные слова и выражения, необходимые для достоверного изображения событий и их героев.

Большое значение в публицистических произведениях имеет **авторский стиль** — свойственная тому или иному журналисту манера письма. В газетно-публицистическом стиле повествование всегда ведется от первого лица; для публицистики характерно совпадение автора и рассказчика, который непосредственно обращается к читателю со своими мыслями, чувствами, оценками. В этом сила воздействия публицистики.

В то же время в каждом конкретном произведении журналист создает образ автора, через который выражает свое отношение к действительности.

¹ *Созганиц Г. Я.* Русский язык: 10–11 классы. М., 1996. С. 218.

² Подробнее см.: *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971.

сти. Как композиционно-речевая категория *образ автора* может изменять свои черты применительно к жанру. Так, в обозрении журналист выступает от имени коллектива, организации, партии, конструируя коллективный образ рассказчика; в очерке образ автора обретает индивидуальные черты; в фельетоне, памфлете предстает как условный ироничный, непримиримый, критически настроенный повествователь. Но независимо от жанра авторская позиция совпадает со взглядами и оценками реального журналиста, представляющего читателям добытый им материал.

Лексика публицистического стиля отличается тематическим многообразием и стилистическим богатством. Широко представлена общеупотребительная, нейтральная книжная и разговорная лексика и фразеология. Выбор словесного материала определяется темой. Скажем, при обсуждении общественно-политических проблем находят применение слова *конвенция, приватизация, маркетинг, менеджмент, биржа, бизнес, демократия, популизм, политиканство* и пр. При решении вопросов повседневной жизни используются другие слова: *пенсия, зарплата, инфляция, потребительская корзина, безработица, уровень жизни, рождаемость* и т.п.

На общем нейтральном фоне обращают на себя внимание **оценочные лексико-фразеологические средства**. Здесь можно встретить не только разговорно-просторечные (*прихватизация, тусовка, крутой, махануть, дойная корова, загребущие руки, Дядя Сэм*), но и книжные слова и выражения (*держава, Отчизна, восторжествовать, миссия, свершить, производить, шоковая терапия, вавилонское столпотворение, соломонино решение* и др.). Публицисты часто используют **термины** в образном значении (*эпидемия болтовни, вирус экстремизма, раунд переговоров, политический фарс, предвыборный марафон, пародия на демократию, финишная прямая* и т.п.), что, прочем, не исключает их употребления в точном значении в соответствующем контексте.

Публицистический стиль открыт для использования интернациональной политической лексики, расширение круга которой особенно характерно для последнего времени (*парламент, электорат, инаугурация, спикер, импичмент, департамент, муниципалитет, легитимный, консенсус, рейтинг, эксклюзивный, коррупция, презентация* и др.). Пополняется и словарь научной терминологии, быстро выходящей за рамки узкоспециального употребления (*Интернет, принтер, виртуальный мир, стагнация, дефолт, холдинг, инвестиция, дилер, спонсор* и др.). Публицистический стиль мгновенно усваивает новые понятия и соответствующие слова и словосочетания, отражающие социальные и политические процессы в стране и мире (*финансовое оздоровление, альтернативные выборы, экономическое пространство, двойные стандарты, баланс интересов, многополярный мир, политика диалога, гражданское общество* и т.д.). Закрепляются необычные сочетания, в которых оценочные имена прилагательные характеризуют социальные и политические процессы (*бархатная, оранжевая революция, гибридная война, хрупкое перемирие, партия зеленых*).

Для публицистического стиля характерно соединение контрастных по стилистической окраске слов: в нем используется лексика книжная и разговорная, высокая и сниженная. Обращение к разноплановой лек-

сике и фразеологии зависит от жанра и должно быть подчинено принципу эстетической целесообразности. Если, например, в фельетоне возможно употребление просторечия, смещение стилей для достижения комического звучания, то в информационных жанрах такая нестрота языковых средств не оправдана.

Особого внимания заслуживает использование в публицистическом стиле **речевых стандартов**, клише. К ним, в частности, относятся выражения, получившие устойчивый характер: *незащищенные слои населения, работники бюджетной сферы, международная гуманитарная помощь, коммерческие структуры, силовые ведомства, ветви власти, информированные источники*; словосочетания типа *служба быта (занятости, питания, здоровья, отдыха* и т.д.). Эти речевые единицы широко употребляются журналистами.

От речевых стандартов, закрепившихся в публицистическом стиле, следует отличать **речевые штампы** — шаблонные обороты речи, имеющие канцелярскую окраску: *на данном этапе, в данный отрезок времени, на сегодняшний день, подчеркнула со всей остротой* и т.п. Как правило, они ничего не вносят в содержание высказывания, а лишь засоряют предложения. Например, в следующих газетных текстах исключение выделенных выражений ничего не изменит в смысле информации:

В данный отрезок времени трудное положение сложилось с ликвидацией задолженности предприятиями-поставщиками; **В настоящее время** взята под контроль выплата заработной платы горнякам; **На данном этапе** икромёт у караса проходит нормально...

Словообразование в публицистическом стиле отличается большей по сравнению с другими стилями активностью словопроизводства посредством суффиксов иноязычного происхождения. Например, для отражения новых социально значимых процессов действительности здесь используются имена существительные на *-изация* со значением 'наделение теми или иными свойствами того, что обозначает базовая основа': *американизация, компьютеризация, автономизация, регионализация* и др.¹ В начале XXI в. продуктивными в публицистическом стиле остаются номинации, образованные посредством иноязычных суффиксов *-изм, -инг*: *попул-изм, инфантил-изм, экстрем-изм, шовин-изм, бриф-инг, лиз-инг, рейт-инг, сёрф-инг, инжинир-инг* и др.

Что касается употребления префиксальных (либо префиксондных) производных, то в современной публицистике актуальными являются словообразовательные модели с приставками и префиксондами *анти-, квази-, контр-, лже-, меж-, недо-, псевдо-*, например: *антиконституционный, антирыночный, антисоциальный, квазиавторитет, квазиспециалист, контрмарш, контрконцепция, лжепредприниматель, лжеакадемизм, межнациональный, межфракционный, недоиспользование, недорыток, недовер-*

¹ См.: Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985—1995 гг.). М., 1996. С. 90—142.

шенность, псевдодемократия, псевдопарламентаризм, псевдопатриотизм, псевдоцентрист.

В качестве производящих основ в публицистике часто используются имена лиц (например, политических деятелей, бизнесменов): *ельцинизм, ельцинский, путинский, пропутинский, зюгановец, жириновец, жириновство, чубайсовский – античубайсовский* и др.

Морфологический строй публицистической речи также имеет свою специфику. Отдавая предпочтение книжным вариантам словоизменения, журналисты нередко используют и разговорные окончания, добиваясь непринужденного, доверительного звучания речи. Особенно это характерно для художественно-публицистических жанров, где разговорные окончания (*в цеху, трактора*) могут способствовать индивидуализации речи героев очерков.

В аналитических жанрах обращает на себя внимание частое употребление наиболее отвлеченных и обобщенных языковых единиц. Имена существительные в единственном числе здесь обычно получают собирательное значение (*читатель, студент, пенсионер, избиратель*). Редко используются личные местоимения *я, мои*; вместо них употребляются *мы, наш* в обобщенном значении. Для глагола показательно предпочтение форм настоящего времени (*Боевики проходят обучение за границей; Похищают даже грудных детей*). В художественно-публицистических жанрах, напротив, увеличивается употребление наиболее конкретных по значению языковых единиц, в том числе местоимений и глаголов в форме 1-го лица единственного числа (*Я спросил; Мой собеседник отвечает сразу; Никогда не забуду эти глаза*). Здесь глаголы реализуют все свое многообразие видо-временных форм и значений.

Синтаксис публицистических произведений отличается правильностью и четкостью построения предложений, простотой и ясностью конструкций. Используются монологическая речь (преимущественно в аналитических жанрах), диалог (например, в интервью), прямая речь. Журналисты мастерски применяют различные синтаксические приемы экспрессии: необычный порядок слов (инверсия), риторические вопросы, обращения, побудительные и восклицательные предложения. В публицистическом стиле представлены все виды односоставных предложений: номинативные, определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные (*Весна; Провинция; Бездорожье; Спешу поздравить; Нам сообщают; Простишь, когда поймешь; В заметке говорится*).

Важную стилеобразующую функцию выполняют необычные по синтаксическому оформлению **заголовки** и **зачины** текстов, получающие также и рекламную функцию: от них во многом зависит, прочтет ли читатель публикацию или не обратит на нее внимания. В заголовках и зачинах активизируется новизна выражения. В частности, в них используются те разновидности словосочетаний и синтаксических конструкций, которые не употребительны в других стилях, ср.: *Изыскать резервы!*; *Студент: какой он?*; *За какую парту садится ученик?*; *Учить дисциплине!* (заголовки); *Кавказ! Кто, слышав это слово, не пытался представить...?*; *Можно ли планировать прошлое?..* (зачины).

Как видим, своеобразие публицистического стиля наиболее ярко и многогранно выражается именно в экспрессивных средствах всех уровней языковой системы.

1.9.1. Язык рекламы

Лишь условно язык рекламы можно отнести к публицистическому стилю — так много свежего, необычного в речевой организации рекламных текстов. Существует множество способов передачи рекламных посланий: от классических рекламных объявлений и плакатов до этикеток и стикеров. Назовем наиболее распространенные способы рекламирования:

1) прямая реклама — по почте (директ-мейл); лично вручаемые рекламные материалы; информационные письма, листовки и т.д.;

2) реклама в прессе — в газетах, журналах (массовых и специальных), в бюллетенях фирм;

3) печатная реклама — проспекты, каталоги, буклеты, плакаты, листовки, открытки, календари и другие виды печатной продукции;

4) экранная реклама — кино, телевидение, слайд-проекция;

5) наружная реклама — крупногабаритные плакаты, нарисованные художником; электрифицированные (или газосветные) панно; свободно стоящие витрины с товарами;

6) реклама на месте продаж — витрины магазинов; вывески, знаки, планшеты в торговом зале; упаковка (коробки, футляры, бумага, клеящая лента с нанесенными названиями и товарными знаками рекламодателя).

Подготовкой рекламных текстов занято большое количество специалистов в промышленности и торговле, в специализированных рекламных агентствах и отделах рекламы компаний и средств массовой информации. От их квалификации, культуры, требовательности зависит искусство делать рекламу.

Содержание рекламных текстов весьма разнообразно. Это материалы о различных промышленных и торговых предприятиях, которые стремятся к реализации своей продукции, хотят найти партнеров для совместной деятельности; о структурах в сфере банковской, инвестиционной и другой финансовой деятельности, стремящихся к привлечению денежных средств от предприятий и населения, к оказанию услуг по кредитованию; о компаниях, предлагающих брокерские места, продающих акции и пр. В особую группу можно объединить материалы, размещаемые учебными заведениями с целью привлечь слушателей, а также медицинских, косметических, бытовых учреждений, агентств по организации отдыха и туризма и т.п. Отдельную группу образуют материалы, которые относятся к рекламе печатной продукции (книг, журналов, газет): их особенность заключается в том, что реклама печатной продукции способна оказывать социально-нравственное воздействие на возможного потребителя.

Трудно переоценить роль рекламы в развитии внешнеэкономической, в первую очередь экспортной деятельности. В особенности велика здесь роль некоммерческой, престижной рекламы. Такая реклама (имея в виду, конечно, продажу товаров как итог рекламной работы), непосредственно о товаре почти ничего не говорит. Ее цель — формирование положительных

эмоций по отношению к фирме, а одно из самых действенных средств — фирменный проспект. Обычно в фирменный проспект входят разделы, посвященные истории компании (нередко в связи с экономическим развитием страны), наиболее престижным ее клиентам и товарам, географии торговли, динамике коммерческого развития, сервисной сети, результатам международных испытаний (аттестации) товаров. Проспект может содержать и другие сведения, которые служат доказательством эффективной работы компании. Необходимость воздействия на потребителя, на повышение спроса, формирование благоприятного общественного мнения о фирме, о производимом ею товаре вынуждает коммерческие структуры вести активную рекламную деятельность.

При подготовке рекламных текстов важно учитывать основные требования к рекламной деятельности. Любое рекламное послание должно соответствовать Международному кодексу рекламной практики, принятому Международной торговой палатой в Париже в 1987 г., а также действующим национальным законодательным ограничениям. Пренебрежение этими требованиями способно стать причиной больших осложнений. Вот почему так важно хорошо знать основные принципы и нормы кодекса рекламы.

Основные принципы и нормы кодекса рекламы

Основные принципы

Любое рекламное послание обязано быть юридически безупречным, благоприятным, честным и правдивым.

Любое рекламное послание обязано создаваться с чувством ответственности перед обществом и отвечать принципам добросовестной конкуренции, обычной в коммерции.

Никакое рекламное послание не должно подрывать общественное доверие к рекламе, которая неизменно отвечает общепринятым нормам Рекламного кодекса.

Нормы

1. **Благопристойность.** Рекламное послание не должно содержать утверждений или изображений, идущих вразрез с принятыми в обществе правилами благопристойности.

2. **Честность.** Рекламное послание должно быть таким, чтобы не злоупотреблять доверием покупателя и не использовать его неопытность и недостаток знаний.

3. **Общечеловеческие ценности.** Рекламное послание не должно:

1) без веских оснований играть на чувстве страха;

2) играть на суевериях;

3) содержать ничего, что могло бы вызвать насилие или поддержать его;

4) поддерживать дискриминацию по признаку расы, религии или пола;

5) внушать, что обладание данным товаром или его использование способны дать физическое, умственное или социальное превосходство.

4. **Правдивость.** Рекламное послание не должно содержать каких-либо утверждений или изображений, которые прямо или косвенно, путем недомолвки и двусмысленности, а также преувеличения могли бы ввести покупателя в заблуждение, особенно в отношении:

а) соответствия назначению и области применения, места производства и страны происхождения товара;

б) потребительских свойств товара и действующих цен;

в) доставки, обмена, возврата, ремонта и обслуживания;

- г) условий гарантий;
- д) авторских прав и прав на промышленную собственность, таких как патенты, товарные знаки, дизайн, торговые наименования и т.д.;
- е) официального признания или одобрения, награждения медалями, дипломами, премиями.

Рекламное послание не должно искажать результаты научных и других исследований. Статистические данные недопустимо использовать так, чтобы из них следовало нечто иное, чем есть в действительности.

5. Объективность. Сравнение достоинств товаров должно быть честным и основанным на доказательных фактах. Оно должно соответствовать принципу конкуренции.

6. Доказательность. Рекламное послание не должно содержать доказательств и свидетельств, являющихся сомнительными или не связанными с квалификацией и опытом того лица, которое дает такие свидетельства, а также не должно содержать ссылок на такие доказательства и свидетельства.

7. Недопустимость очернения. Рекламное послание не должно очернять никакую промышленную или коммерческую деятельность или профессию, а также шикой товар, высказывая прямо или косвенно претренье, насмешку или что-либо подобное.

<...>

10. Ответственность. Рекламодатель, исполнитель рекламного послания или рекламное агентство, издатель, владелец СМИ (средств массовой информации) или иной участник рекламного процесса должны нести полную ответственность за то, что именно они предлагают обществу.

Структура рекламного текста заслуживает особого внимания. Текст — важнейший элемент печатной рекламы (кроме текста печатное рекламное послание может включать рисунки, фотографии, фирменные знаки и т.п.). Текст рекламного послания будет пользоваться успехом у читателей лишь при условии оптимальной структуры. Обычно рекомендуется разбивать текст на три части, каждая из которых выполняет свою функцию.

Первая часть включает слоган (лозунг), т.е. заголовок рекламного послания, и первые строки текста. Исходя из назначения слогана — привлечение внимания адресата — рекомендуется максимально обеспечивать его эмоциональную насыщенность.

Основная часть рекламного текста призвана передать всю значимую информацию. От содержательности этой части текста, его информативности, безусловной правдивости зависит эффективность рекламы. Одно из важнейших требований, предъявляемых к информационным сообщениям, — необходимость сочетания неизвестного с известным. Рекомендуется пользоваться методом индукции, т.е. движением от частного к общему. Следует начать с нового, потом соотнести новое с известной информацией, а затем снова продолжить разговор о новом. Рекомендуется применять правила рубрикации, броские заголовки, так как читателей заголовков намного больше тех, кто успевает прочитать всю рекламу.

Назначение заключительной части рекламного текста — закреплять вызванные слоганом и основной информационной частью положительные эмоции, побуждать потенциального потребителя к действию, к покупке товара.

В качестве примера приведем такой рекламный текст:

Земля Российская — богатство нашей державы. Вы думаете вложить деньги в дело, Вам хочется стабильности и гарантий. Именно эти черты присущи компании «Росинка». Она уверена в своем будущем, а значит, в будущем своих акционеров.

Общими для всех рекламных текстов являются такие требования, как простота языка, лишенная пышности и вульгарности; тональность, напоминающая доверительный разговор с умным собеседником; информативность и доказательность; оригинальность и неповторимость. Вместе с тем язык рекламы должен быть ярким: авторам рекламных текстов следует стремиться использовать богатства русской лексики, экспрессивные возможности словообразования, частей речи, синтаксических структур.

Лексику рекламных текстов отличает использование всех пластов разговорных и книжных слов, не имеющих ограничительных помет в толковых словарях (вульгаризмы, диалектизмы, жаргонизмы, арготизмы и грубое просторечие здесь, разумеется, неуместны). Специальная лексика и фразеология могут быть оправданы, если реклама обращена к специалистам. Однако книжные слова в рекламе не редкость. К специфике лексического материала, используемого в современной рекламе, относится прежде всего его растущая терминологичность. Такие слова, как *кассета, принтер, стабилизатор, картридж, дисплей, калькулятор* и многие другие, входят в рекламные тексты без дополнительных комментариев и однозначно понимаются не только специалистами, но и представителями различных социальных слоев и демографических групп. Употребление терминов позволяет выпускать рекламную литературу с текстами, содержащими компактную информацию, которая быстро воспринимается.

Рекламные тексты обязательно содержат номенклатурные наименования, в состав которых включаются и термины, например сочетание наименования товара с именем собственным (*электробытовой фен «Мечта», бухгалтерский микрокалькулятор «Аврора»*). Иногда номенклатурные наименования образуются соединением терминов с буквенно-цифровыми обозначениями из Единой товарной номенклатуры (*принтер Canon LBP 2900, ноутбук ASUS X 200 MA* и др.).

Приметой нынешнего времени является необычайно широкое применение в рекламе иноязычной лексики, преимущественно англицизмов, выделяющихся оттенками новизны, престижности (*офис, дилер, брокер, бизнес, бартер, конвертировать, сервис, презентация, тур, шоппинг, маркетинг* и т.д.). Нередко иноязычные наименования представляют собой вкрапления, которые несутся не по-русски и требуют перевода. Все это издержки западного влияния на развитие рекламного дела в России в условиях рыночной экономики. Несомненно, злоупотребление иностранными словами, а тем более непонятными наименованиями, отрицательно сказывается на стиле рекламных текстов и препятствует их пониманию. Об этом должны помнить те, кто имеет отношение к разработке данного важнейшего вида печатной продукции.

Морфологические особенности языка рекламы также вполне определены. Из всех частей речи в рекламных текстах чаще всего употребляется имя существительное, так как реклама требует наименования множества предметов и явлений, так что имена существительные выполняют важнейшую информативную функцию. С целью придания языку рекламы экспрессии авторы обращаются к качественным именам прилагательным, а также к образованным от них наречиям. Интересно отметить, что в языке рекламы употребительны местоимения, поскольку авторы рекламных текстов отдают предпочтение разговорному стилю речи. В то же время показательно использование разнообразных стилистических фигур (анафоры, эллипсиса, антитезы), а также фразеологических оборотов, заключающих в себе сильную экспрессию. Из лексических образных средств в языке рекламы широко используются эпитет, сравнение, метафора, гипербола, олицетворение.

Синтаксис рекламных текстов рассчитан на быстрое восприятие. Отсюда его простота, использование номинативных, неполных предложений. В рекламе часты обращения, побудительные конструкции, обширный перечень однородных членов. Характерно употребление вопросительных и восклицательных предложений, которые подчеркивают призывный стиль рекламы.

* * *

Как видим, своеобразие публицистического стиля наиболее ярко и многогранно выражается именно в экспрессивных средствах всех уровней языковой системы.

Демократизация языковых процессов, общая настроенность средств массовой информации на живой диалог создали условия, при которых в публицистическом контексте стали возможны и функционально оправданы различные **иностилевые** вкрапления — как терминологические (обычно экономического характера), так и разговорные, а в отдельных случаях и ненормативные (просторечные, жаргонные, профессиональные).

Отмечается, что **газетно-публицистический стиль** сегодня «сближен с разговорной речью. Ориентированный на массового читателя, он становится самым пронизываемым стилем современного литературного языка». Вдобавок границы «между официальными и неофициальными формами общения стираются в новых жанрах телевизионной речи: дискуссиях, беседах, круглых столах и проч., где телевизионная аудитория вносит раскованность, нередко и ненормативные способы выражения, языковое ёрничество (стёб)»¹.

Важно помнить, что граница между стилистически оправданным и ошибочным словоупотреблением может быть очень тонкой, поэтому профессионализм журналиста должен проявляться в том, чтобы мастерски балансировать на грани эффекта и ошибки.

¹ *Грановская Л. М.* Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. Очерки. М., 2005. С. 369–370.

1.10. Официально-деловой стиль

1.10.1. Языковые особенности официально-делового стиля

Официально-деловой стиль призван обслуживать правовые отношения между гражданами и государством, в связи с чем он применяется в различных документах: от государственных актов и международных договоров до деловой переписки. Важнейшие функции стиля — **сообщение** и **воздействие** — реализуются в таких официальных документах, как законы, постановления, указы, приказы, договоры, соглашения, заявления и многие другие. Этот стиль называют еще **административным**, так как он обслуживает сферу официальных деловых отношений, область права и государственной политики. Другое его название — **деловая речь** — свидетельствует о том, что данный стиль является самым древним из книжных, а его истоки нужно искать в деловой речи Киевской Руси, поскольку юридические документы (Правда Русская, различные договоры, грамоты) создавались уже в X в.

Официально-деловой стиль выделяется своей стабильностью, замкнутостью и стандартизованностью. Несмотря на большое разнообразие деловых документов, их язык строго подчиняется требованиям официально-делового изложения. Он предусматривает точность формулировок правовых норм и необходимость абсолютной адекватности их понимания; состав обязательных элементов оформления документа, обеспечивающих его юридическую правомочность; стандартизованный характер изложения; устойчивые формы расположения материала в определенной логической последовательности и т.д.

Для всех форм делового письма обязательно строгое соответствие литературной норме на всех языковых уровнях: недопустимо использование лексико-фразеологических средств разговорного, просторечного характера, диалектных, профессионально-жаргонных слов; нелитературных вариантов словоизменения и словообразования; разговорных синтаксических конструкций. Официально-деловой стиль не приемлет экспрессивных элементов: оценочной лексики, высоких или сниженных слов (шутливых, проницательных), образных выражений. Важнейшее требование к языку документа — объективность и беспристрастность изложения фактов.

Официально-деловой стиль функционирует преимущественно в **письменной** форме, однако не исключается и **устная**, в частности выступления государственных и общественных деятелей на торжественных собраниях, заседаниях, приемах. Устную форму деловой речи характеризуют полный стиль произношения, особая выразительность интонации, логические ударения. Выступающий может допустить некую эмоциональную приподнятость речи, даже вкрапление иноязычных языковых средств, не нарушая, однако, литературной нормы. Недопустимы неправильные ударения, нелитературное произношение.

Лексика официальной речи характеризует широкое использование специальных слов и терминов (юридических, дипломатических, военных, экономических, спортивных и т.д.). Стремление к краткости обуславливает обращение к аббревиатурам, сложносокращенным наименованиям государ-

ственных органов и надгосударственных образований, а также учреждений, организаций, обществ, партий и т.п. (*РФ, СНГ, МЧС, ВДВ, ВВС, НИИ, ЖКХ, ЛДПР, МУП, Минфин, Минздрав, Росстат*). Поскольку структура государственных органов, названия партий и общественных движений подвержены изменениям, то появляется немало новых слов и данная часть лексики постоянно обновляется, пополняется.

В деловых и официальных текстах используются слова и выражения, не принятые в других стилях: *вышеуказанный, нижеследующий, вышеперечисленный, подлежащий, воспрещается, содеянное, наказуемость* и пр. Сюда относятся и устойчивые словосочетания: *мера пресечения; кассационная жалоба; акт гражданского состояния; акт неповиновения; подписка о невыезде* и др. Регулярное употребление таких слов и выражений, не имеющих синонимов, способствует точности речи, исключает интолкувания.

Морфологические черты официально-делового стиля в значительной мере определяются его именным характером: здесь наблюдается абсолютное преобладание именных частей речи при незначительном использовании глаголов. Неуместность экспрессивной окраски официальной речи делает невозможным употребление междометий, модальных слов, ряда частиц, слов с суффиксами субъективной оценки, имен прилагательных в сравнительной и превосходной степени. Имена существительные, обозначающие должности, обычно употребляются в форме мужского рода (*бухгалтер, директор, лаборант, почтальон, контролер* и т.п.).

Высокая частотность отглагольных имен существительных является следствием закрепления устойчивых оборотов речи (синонимичных глагольным выражениям): *порядок составления и исполнения плана перевозок; в целях совершенствования порядка сборов налогов* и т.п. В таких оборотах речи часто возникает цепочка форм родительного падежа имен существительных (*выяснение условий совершения преступления; проверка соблюдения паспортного режима*), что придает фразе тяжеловесность и порой затрудняет ее восприятие.

Имена прилагательные и причастия в деловой речи нередко выступают в значении имен существительных (*больной, отдыхающий, нижеподписавшиеся*); продуктивны краткие формы прилагательных (*должен, обязан, обязателен, необходим, подотчетен, подсуден, ответствен*). Обращение к подобным формам диктуется предписывающим характером деловой речи: *Вызов экспертов обязателен для установления причин смерти* (УПК РСФСР).

Показателен отбор местоимений в деловой речи: здесь не употребляются личные местоимения *я, ты, он, она, они* в силу полного отсутствия индивидуализации речи и конкретности, точности высказывания. Вместо указательных местоимений *этот, тот, такой* и т.п. используются слова *данный, настоящий, соответствующий, известный, указанный, вышеуказанный, нижеследующий* и пр. Совсем не находят применения в деловой речи неопределенные местоимения: *некто, какой-то, что-либо* и т.п.

Для характеристики глаголов в официальной речи также важен ее именной строй, обуславливающий высокую частотность глаголов-связок (*является, становится, осуществляется*), замену глагольного сказуемого

сочетанием вспомогательного глагола с именем существительным, называющим действие (*оказывать помощь; проводить контроль; осуществлять заботу* и т.д.). В сравнении с другими книжными стилями деловой стиль имеет самую низкую частотность глаголов: на каждую тысячу слов их приходится всего 60 (в научном стиле — 90, в художественной речи — 151). Предписывающий характер официально-делового стиля, преобладание в нем констатирующего и описательного типов речи над повествованием и рассуждением определяют его статичность, вытеснение глагольных форм отглагольными именами существительными.

Среди семантических групп глаголов, представленных в деловом стиле, главная роль отводится словам со значением долженствования (*следует, надлежит, вменяется, обязуется*), а также отвлеченным глаголам, указывающим на бытие, наличие (*является, имеется*). См., например:

Лица, находившиеся на постоянном воспитании и содержании, **обязаны** доставлять содержание лицам, фактически их воспитавшим, если последние **являются** нетрудоспособными и нуждающимися в помощи и не могут получить содержания от своих детей или супругов.

В официальной речи более употребительны неличные формы глаголов — причастия, деепричастия, инфинитивы, которые особенно часто выступают в значении повелительного наклонения (*принять к сведению; внести предложение; рекомендовать, изъять из употребления* и т.д.).

Формы настоящего времени выполняют функцию предписания: *Предприятия несут ответственность...; Начальник отвечает за имущество* (такие глагольные формы времени называются *настоящим предписания*).

Формы будущего времени приобретают в контексте различные оттенки (долженствования, предписания; возможности, близкой к необходимости): *Границы будут теми, какими они существовали на 1 октября 1941 г.* (т.е. установлены договором); *Военное командование выделит...* (= «должно будет выделить»). Другое значение будущего, типичное для деловых текстов, — будущее условное (ирреальное), которое встречается обычно в сложноподчиненных предложениях с придаточными условия: *Страховая сумма выплачивается, если в течение года наступит постоянная утрата трудоспособности.*

Вполне согласуется с задачами деловой речи и функционирование форм прошедшего времени. Одно из типичных значений — прошедшее подчеркнутой констатации, ярко выраженной фиксации сообщаемого в письменной форме (соглашения, договора и т.п.):

Украина подтверждает, что она **перевела** средства... в счет погашения части задолженности за ранее поставленный российский газ; Мы, нижеподписавшиеся..., **осмотрели, обмерили, сличили** чертежи и **приняли** одноквартирный цитовой дом (акт).

Глаголы несовершенного вида как более отвлеченные по значению, чем глаголы совершенного вида, преобладают в жанрах деловой речи общего характера (конституция, кодексы, уставы и т.п.). Формы совершенного

вида употребительны в текстах более конкретного содержания (приказы, распоряжения, протоколы собраний, постановления, акты, договоры). Такие формы глагола используются в сочетании с модальными словами в значении долженствования и выражают категорическое приказание, разрешение (*должен сообщить; вправе предписать; обязан передать; обязуюсь обеспечить*), а также констатацию (*министерство рассмотрело, приняло меры, внесло предложение; организовали, оплатили, завершили* и т.д.).

Синтаксис официально-делового стиля отражает безличный характер деловой речи (*Жалобы подаются прокурору; Перевозка грузов производится...*). В связи с этим широко применяются страдательные конструкции, которые позволяют абстрагироваться от конкретных исполнителей и сосредоточить внимание на самих действиях (*По конкурсу зачислено...; Принято десять больных; Зарегистрировано 120 заявлений; Срок выполнения заказа продлевается при условии...*).

Синтаксические конструкции в официальной речи насыщены клишированными оборотами с отыменными предлогами: *в целях, в связи, по линии, на основании* и др. (*в целях совершенствования структуры; в связи с указанными осложнениями; по линии сотрудничества и взаимной помощи; на основании принятого решения*). Такие клише являются специфической чертой официально-делового стиля. Употребление подобных синтаксических конструкций необходимо для выражения типовых ситуаций; они облегчают и упрощают составление типовых текстов.

В официально-деловых документах чаще встречаются сочинительные союзы, чем подчинительные (так как закон, устав предписывает, а не объясняет, доказывает). В то же время особенностью деловой речи является преобладание сложных синтаксических конструкций: простое предложение не способно отразить последовательность фактов, подлежащих рассмотрению в официально-деловом плане.

Большую роль в официально-деловом стиле играют условно-инфинитивные конструкции (особенно в текстах законов, где это мотивировано целевым заданием — оговорить обусловленность правовой нормы). Характерной чертой деловой речи является также употребление инфинитивных и безличных предложений со значением долженствования. В целях достижения лаконизма и точности часто применяются параллельные синтаксические конструкции (причастные и деепричастные обороты, конструкции с отглагольными существительными).

Для синтаксиса делового стиля характерен строгий и определенный порядок слов в предложении, что обусловлено требованием логичности, последовательности, точности изложения мысли. Стилистической особенностью является также преимущественное использование *косвенной речи*. К прямой речи в официально-деловом стиле прибегают только в тех случаях, когда необходимо дословное цитирование законодательных актов или других документов.

В оформлении текстов официально-делового стиля большую роль играют абзацное членение и рубрикация; **реквизиты** — постоянные элементы содержания документа: наименования, даты, подписи, а также принятое для данного документа графическое оформление. Все это имеет пер-

востененное значение в делопроизводстве, свидетельствует о грамотности составителя документа, его профессионализме и культуре речи.

1.10.2. Подстили и жанры официально-делового стиля

В зависимости от сферы употребления официально-деловой стиль подразделяется на следующие подстили:

1) **дипломатический**, реализующийся в текстах коммюнике, нот, конвенций, меморандумов, международных соглашений;

2) **законодательный** (юридический), представленный в текстах законов, конституций, указов, уставов, гражданских и уголовных актов;

3) **административно-канцелярский**, используемый в канцелярской переписке, в административных актах, распоряжениях, договорах, различной документации (заявления, доверенности, автобиографии, расписки, характеристики, протоколы и т.д.).

Официально-деловые документы различаются по степени **стандартизации** речи:

1) документы, которые без стандартной формы теряют юридическую силу (паспорт, свидетельство о браке, свидетельство о рождении, аттестат зрелости, диплом);

2) документы, не имеющие стандартной формы, но для удобства использования составляемые по определенному образцу (ноты, договоры и т.п.);

3) документы, не требующие при их составлении обязательной заданной формы (протоколы, постановления, отчеты, деловые письма). Впрочем, и для этих видов деловых бумаг разработаны определенные стандарты, которые облегчают делопроизводство.

Многообразие жанров в официально-деловом стиле дает основание выделить в его составе **официально-документальные** и **обиходно-деловые жанры**: в первых представлены особенности языка дипломатии, законов; во вторых — служебной переписки, деловых бумаг. Отметим языковые черты официальных документов, принадлежащих к разным жанрам.

Язык дипломатических документов весьма своеобразен: у него имеется своя терминология (*атташе, коммюнике, демарш, саммит, пакт, конвенция*), в том числе некоторые исконно русские термины (*посол, посланник, поверенный в делах*). Иногда слова в дипломатии получают особое, специальное значение. Например, слово *протокол*, известное нам в его общеупотребительном значении (*протокол собрания* — 'документ с записью всего происшедшего на собрании', ср.: *протокол допроса* — 'точное отражение вопросов и ответов'), в речи дипломатов получает иной смысл. В дипломатии *протокол* — это совокупность общепринятых обязательных правил, традиционно соблюдаемых в международном общении. Например, правила дипломатической вежливости требуют обращения к высокопоставленным особам с указанием их титулов и форм титулования (*принц, королева, Его Высочество, Его Превосходительство* и т.п.).

Выработаны строгие формы начала и окончания различных документов. Например, личная нота должна быть написана от первого лица (от имени того, кто ее подписывает). Обращение требует добавления слова *уважаемый*, а в конце, перед подписью, обязательна формула вежливости (ком-

плизмент): *Прошу Вас, господин Посол, принять уверения в моем весьма высоком уважении.*

Сиптаксис дипломатических документов отличается сложностью: в нем преобладают длинные предложения, осложненные причастными оборотами, придаточными (преимущественно определительными и изъяснительными), пространством перечнем однородных членов, нередко подчеркнутым графически при помощи абзацного членения конструкции. Вот, например, как выглядит вводная часть (преамбула) Устава Организации Объединенных Наций:

МЫ, НАРОДЫ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ, ПРЕИСПОЛНЕННЫЕ РЕШИМОСТИ
избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни
принесшей человечеству невыразимое горе, и
вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность
человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав
больших и малых наций, и
создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение
к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников междуна-
родного права, и
содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при боль-
шей свободе,
И В ЭТИХ ЦЕЛЯХ
проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые со-
седи, и
объединить наши силы для поддержания международного мира и безопас-
ности, и
обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы воору-
женные силы применялись не иначе, как в общих интересах, и
использовать международный аппарат для содействия экономическому
и социальному прогрессу всех народов,
РЕШИЛИ ОБЪЕДИНИТЬ НАШИ УСИЛИЯ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЭТИХ ЦЕЛЕЙ.

Весь этот длинный фрагмент текста — одно предложение, в котором абзацами и абзачными отступами подчеркнуты инфинитивные обороты, а шрифтом — значащие части (субъект договора, цели и т.д.).

Язык законов отличается другим стилистическим оформлением: он всегда должен быть прост и краток, ведь главное в нем — точность выражения мысли. Четкость и точность формулировок здесь абсолютно необходимы, так как законы рассчитаны на однозначность восприятия, они не должны быть истолкованы по-разному. Приведем в качестве примера классические формулировки из Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г.

Статья 1

Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.

<...>

Статья 3

Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность.

Статья 4

Никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах.

Статья 5

Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию.

Лексика важных документов не лишена некоторой высокопарности, что определяется содержанием текста. Возвышенное звучание речи вполне закономерно в подобных случаях. Так пишутся акты правительств, международные договоры и т.п. Вместе с тем в ряду законодательных документов немало и таких, которые отличаются сухим, даже скучным языком. Подобную репутацию официально-деловому стилю создает употребление специальных слов и выражений — канцеляризмов (*жизнесплощадь; проживает; зачислить на работу; предоставить отгул (отпуск); завизировать; заслушать; надлежащий; по истечении срока; в установленном порядке; вступить в законную силу* и т.д.). Этот стиль изобилует стандартными формулировками, множеством повторов, что также функционально обусловлено. Приведем отрывки из Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (в редакции от 21 июля 2014 г.):

Статья 4. Законодательство Российской Федерации о рекламе

Законодательство Российской Федерации о рекламе состоит из настоящего Федерального закона. Отношения, возникающие в процессе производства, размещения и распространения рекламы, могут регулироваться также принятыми в соответствии с настоящим Федеральным законом иными федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации.

Статья 5. Общие требования к рекламе

1. Реклама должна быть добросовестной и достоверной. Недобросовестная реклама и недостоверная реклама не допускаются.

2. Недобросовестной признается реклама, которая:

1) содержит некорректные сравнения рекламируемого товара с находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами;

2) порочит честь, достоинство или деловую репутацию лица, в том числе конкурента;

3) представляет собой рекламу товара, реклама которого запрещена данным способом, в данное время или в данном месте, если она осуществляется под видом рекламы другого товара, товарный знак или знак обслуживания которого тождествен или сходен до степени смешения с товарным знаком или знаком обслуживания товара, в отношении рекламы которого установлены соответствующие требования и ограничения, а также под видом рекламы изготовителя или продавца такого товара;

4) является актом недобросовестной конкуренции в соответствии с антимонопольным законодательством.

3. Недостоверной признается реклама, которая содержит не соответствующие действительности сведения... <...>

4. Реклама не должна:

1) побуждать к совершению противоправных действий;

2) призывать к насилию и жестокости;

3) иметь сходство с дорожными знаками или иным образом угрожать безопас-

ности движения автомобильного, железнодорожного, водного, воздушного транспорта;

4) формировать негативное отношение к лицам, не пользующимся рекламируемыми товарами, или осуждать таких лиц;

5) содержать информацию порнографического характера.

5. В рекламе не допускаются:

1) использование иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации;

2) указание на то, что объект рекламирования одобряется органами государственной власти или органами местного самоуправления либо их должностными лицами;

3) демонстрация процессов курения и потребления алкогольной продукции;

4) использование образов медицинских и фармацевтических работников, за исключением такого использования в рекламе медицинских услуг, средств личной гигиены, в рекламе, потребителями которой являются исключительно медицинские и фармацевтические работники, в рекламе, распространяемой в местах проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий, в рекламе, размещенной в печатных изданиях, предназначенных для медицинских и фармацевтических работников;

5) указание на то, что рекламируемый товар произведен с использованием тканей эмбриона человека;

6) указание на лечебные свойства, то есть положительное влияние на течение болезни, объекта рекламирования, за исключением такого указания в рекламе лекарственных средств, медицинских услуг, в том числе методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, медицинских изделий.

6. В рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина, официальных государственных символов (флагов, гербов, гимнов), религиозных символов, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия.

Повторяемость ситуаций, рассматриваемых в законодательных документах, ведет к стандартизации способов выражения, что накладывает печать и на морфологию рассматриваемого подстиля. Для него характерно частое использование отыменных предлогов (*в целях, за счет, в деле, в области*), которые, как правило, «тянут» за собой отглагольные имена существительные (*достижение, урегулирование, взыскание, установление, обжалование, дознание* и др.). Кроме отглагольных, здесь частотны и личные существительные, обозначающие названия людей по их действиям, социальным ролям, иным признакам: *усыновитель, свидетель, задержанный, отдыхающий, клиент, абитуриент, покупатель, посетитель, зритель, пассажир* и т.д. Все эти и подобные слова получают негативную оценку за пределами официально-деловой речи как типичные канцеляризмы, но здесь употребление их оправдано, они выполняют стилиобразующую функцию.

Языку законов свойственна безличная форма изложения, поскольку в законодательстве отражается воля не отдельного лица, а государства (*Пенсия назначается...; По окончании расследования составляется обвинительное заключение*). Это объясняет обилие глаголов страдательного залога (ср.: *Дом строится акционерным обществом...; Стадион построен и обо-*

рудован спонсори школы-интерната). Из других глагольных форм здесь особенно часты инфинитивы: они нужны для императивных конструкций, выражающих предписание, приказ (*обеспечить своевременную выплату зарплат; восстановить в должности; отчитаться; отказать*).

Для синтаксиса законодательных документов характерно преобладание сложных предложений; в сложноподчиненных предложениях обычными являются придаточные условия. Здесь много условно-инфинитивных конструкций, что определяется целевым заданием — оговорить обусловленность правовой нормы, а также тем, что законы не имеют обратной силы.

В законодательном языке выработался тип предложения, связанный с особой композицией текста законов. В ней важную роль играет рубрикация, отражающая композиционную структуру текста. Простейшей рубрикой является абзац, который служит показателем перехода от одной мысли (темы) к другой. Абзац — это всегда внутренне замкнутая смысловая единица.

Характерной чертой законодательного подстиля является употребление специальных союзов (*а равно; равно как (и); а также; как..., так и*). Здесь отмечается преимущественное использование косвенной речи (прямая речь возможна только при дословном цитировании законодательных актов, а также в устной судебной речи адвокатов, прокуроров и других членов суда).

Способ изложения в законодательном подстиле — директивный.

Язык **административно-канцелярского подстиля** заслуживает особого внимания: знакомство с ним важно для каждого гражданина, поскольку такие деловые бумаги, как заявление, расписка, объяснительная записка и многие другие, постоянно сопровождают нас в работе и даже на отдыхе. Умение написать нужную бумагу является неотъемлемой чертой грамотности, культуры речи человека. Однако назначение административно-канцелярского подстиля шире, чем составление обиходно-деловой документации. Сферу его функционирования составляют административно-ведомственные отношения, с которыми связаны различного рода канцелярии, ведающие служебной перепиской, оформлением документации. У административно-канцелярского подстиля две функции: **информационно-содержательная** (повестка, объявление) и **организационно-регулирующая** (распоряжение, приказ, деловая переписка).

Административно-канцелярский подстиль включает в себя много жанров. К ним относятся так называемые *подзаконные* акты (издаваемые на основании и во исполнение законов), выпускаемые исполнительно-распорядительными органами (административные акты, циркуляры, приказы, распоряжения), и договорные документы, а также различная канцелярская документация (заявление, характеристика, автобиография, доверенность, расписка и т.п.).

Административно-канцелярские документы выделяются на фоне других деловых текстов некоторыми особенностями в использовании языковых средств.

Лексика документации включает различную терминологию (профессионально-техническую, экономическую, торговую, спортивную и т.п.), обращение к которой обусловлено ситуацией. Здесь используются номен-

клатурные обозначения различных предприятий и учреждений: *Банк России* (ЦБ РФ), *Федеральная миграционная служба* (ФМС России), *открытое акционерное общество* (ОАО), *Московская биржа* и др.; наименования должностей, ученых званий, степеней.

Используется специальная терминология, связанная с оформлением деловых бумаг: *входящий, исходящий* (документ), *документооборот* (движение документов в учреждении), *индекс* (условные обозначения, присваиваемые документам в процессе их учета, регистрации и исполнения), *гриф* (позметка, указывающая на особый характер документа: *секретно, срочно, лично*), *реестр* (перечень, список чего-либо, применяемый в делопроизводстве), *реквизиты* (обязательные элементы служебного документа), *формуляр документа* (совокупность расположенных в установленной последовательности реквизитов документа) и т.д.

Устойчивый характер получили многие обороты речи, постоянно используемые в деловой переписке. Арсенал этих языковых заготовок достаточно обширен, например: *Настоящим отвечаю на Ваше письмо от...*; *В соответствии с протоколом о взаимных поставках прошу Вас...* и т.д.

Стандартизация делового письма привела к созданию готовых текстов (типовые тексты, трафаретные письма), в которые следует лишь вписать конкретную информацию. Появление таких образцов для деловых писем связано с необходимостью решения однотипных проблемных ситуаций в производстве, на транспорте, в торговле. Такие письма имеют преимущества благодаря гораздо меньшим затратам рабочего времени на их составление (в трафаретных письмах — на заполнение пробелов) и обработку. Но трафаретных текстов сегодня становится все меньше, поскольку увеличивается количество нестандартных ситуаций, что отражается в деловой переписке. Отсутствие типовых текстов затрудняет делопроизводство.

Административно-канцелярской речи чужда экспрессия, однако в особых случаях (праздничный приказ по учреждению, почетная грамота, адрес юбиляру) возможно использование оценочных суффиксов, степеней сравнения имен прилагательных, образных выражений.

Синтаксис канцелярских документов отличается сложностью: употребительны сложноподчиненные предложения, длинный перечень однородных членов, причастные и деепричастные обороты. В приказах и распоряжениях преобладают побудительные предложения с инфинитивом, выступающим в значении повелительного наклонения (*зачислить, назначить; представить развернутый план работы; контроль за исполнением приказа возложить...*). В других видах административно-канцелярских документов побудительные предложения используются редко. Это объясняется тем, что по сравнению с законодательным в канцелярском подстиле смягчена модальность долженствования (она характерна лишь для приказов и распоряжений). В силу этого способ изложения в канцелярских текстах в основном описательный (в отчете, акте, характеристике) и повествовательный (например, в автобиографии); менее распространено рассуждение, которое встречается главным образом в служебных письмах, где нужно что-либо обосновать или доказать. В канцелярских документах очень часто сочетаются повествование, описание и рассуждение. Директив-

ный стиль изложения в этих документах применяется редко (в основном в приказах, распоряжениях).

Большую значимость в канцелярском подстиле приобретают графика, написание и расположение реквизитов. Для некоторых деловых документов, в том числе весьма распространенных, графическое оформление закреплено стандартом¹. Приведем пример такого документа:

Ректору ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова»
профессору К. В. Антипову
студента 2 курса направления подготовки
«Издательское дело»
профиля «Газетно-журнальное издательское дело»
Института издательского дела и журналистики
С. Д. Александрова

Заявление

Прошу Вас разрешить мне сдать зачеты и экзамены за IV семестр обучения досрочно в связи с тем, что во время летней зачетно-экзаменационной сессии я буду работать волонтером в составе оргкомитета в период организации и проведения VII летней Спартакиады учащихся России 2015 года.

12 мая 2015 года

(подпись) С. Д. Александров

Таким образом, сферу отношений между гражданами и государством, между структурами, органами и ветвями государственной власти, между организациями и внутри них, наконец, между частными лицами в процессе их производственной, хозяйственной и юридической жизнедеятельности жестко регламентирует официально-деловой стиль.

1.11. Стиль художественной литературы

1.11.1. Стиль художественной литературы как сложное и многогранное явление

Проблема стиля художественной литературы, его места в общей системе функциональных стилей решается неоднозначно: одни исследователи включают в систему функциональных стилей особый *художественный* стиль, другие считают, что для этого нет оснований. В частности, против выделения художественного стиля приводятся следующие аргументы:

- 1) язык художественной литературы не соотносится с литературным языком по модели других функциональных стилей;
- 2) он внутренне многостилен, не имеет специфических примет, которые были бы присущи языку художественной литературы в целом;
- 3) особая эстетическая функция художественного стиля определяет своеобразное использование языковых средств.

Бесспорно одно: язык художественной литературы и литературный язык — разные понятия. В языке художественной литературы лучшие качества литературного языка являют свою уникальность и неповтори-

¹ См., например: ГОСТ Р 6.30–2003 «Требования к оформлению документов». URL: <http://cons-systems.ru/deloproizvodstvo-gost-r-6-30-2003> (дата обращения: 29.01.2015).

мость как некий образец отбора и употребления языковых средств. Язык художественной литературы, как правило, выходит за пределы литературного языка в область национального языка, не использует все его стилистические ресурсы. Кроме того, он может включать в себя языковые особенности различных функциональных стилей (научного, официально-делового, публицистического, разговорного). При этом употребление языковых средств целесообразно и обусловлено авторским замыслом и содержанием произведения, т.е. мотивировано стилистически. Элементы других стилей в художественном произведении используются в эстетической функции.

Таким образом, можно согласиться с исследователями, которые утверждают, что нет никаких видных оснований выводить язык художественной литературы за пределы ряда функциональных стилей и признавать его «как бы языком в языке». Что же касается термина «язык художественной литературы», то, как подчеркивают ученые, его лучше было бы заменить термином «художественный стиль»¹.

Определение понятия

Мнение, подчеркивающее единство художественной речи при всех авторских индивидуально-стилевых различиях, высказывают Р. А. Будагов, А. А. Брагина, И. Р. Гальперин, В. Г. Костомаров и другие ученые.

Подобной точки зрения придерживалась М. Н. Кожина с соавторами: «Стилистику можно определить как лингвистическую науку о средствах речевой выразительности и о закономерностях функционирования (употребления) языка, обусловленных наиболее целесообразным использованием в тексте языковых единиц в зависимости от содержания высказывания, целей и сферы общения». При этом авторы учебника выделяют такие сферы общения, как научная, художественная, публицистическая, официально-деловая, разговорно-бытовая и частично — религиозная. В соответствии с ними и различаются функциональные стили².

Кроме того, авторы отмечают, что художественная речь как объект исследования в силу своей сложности допускает различные аспекты изучения и потому подразделяется на три частных направления³:

1) стилистику художественной речи (текстов) как один из функциональных стилей, обладающий спецификой, обусловленной искусством как особой формой общественного сознания;

2) науку о стилях художественной литературы, представленную прежде всего трудами В. В. Виноградова и охарактеризованную им в книге «О языке художественной литературы» (1959);

3) коммуникативную стилистику художественного текста, развиваемую под руководством Н. С. Болотниковой.

Несмотря на стилистическую разноплановость, на яркость проявления авторской индивидуальности, художественный стиль все же отличается рядом специфических особенностей, позволяющих отграничить художественную речь от любого другого стиля.

¹ См.: Головин Б. П. Вопросы стилистики. Саратов, 1978. С. 120–121.

² Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник для вузов. М., 2008. С. 34–35.

³ См.: Кожина М. Н. [и др.]. Стилистика русского языка. С. 40–41.

Художественному стилю присущи *метафоризированные* единицы всех уровней; в нем продуктивны *стилевые пласты лексикона*, различные стилевые пласты лексики. В художественном тексте *идея* в наибольшей степени определяется *идеологической концепцией*, *жанровыми* и композиционными особенностями *языка*, *стилем*, *манерой* ведения, элементом которого это слово является. *Идеология* в этом случае литературного произведения слово может приобретать *эстетическую* многозначность, не зафиксированную в словарях. *Идеология* определяет и *стиль* свою связь с *идеологической системой* *художественного произведения* и оценивается адресатом как прекрасное или *безобразное*, *трагическое* или негативное, трагическое или комическое.

В других стилях эстетическая функция не имеет *такой* *роли* в системе координат художественного произведения (*стиль* *художественного произведения* и парадигматических связей). *Коммуникативная функция* художественного стиля проявляется в том, что информация о *художественном мире* произведения как бы соединяется с информацией о *мире действительном*. Эстетическая функция тесно взаимодействует с коммуникативной, что обуславливает эмоциональное воздействие на читателя, создавая эффект соучастия в контексте разворачиваемых событий. *Эмоциональность* и экспрессивность художественного стиля создается при помощи *единицы* почти всех уровней языковой системы.

Как известно, текст есть единство плана выражения и плана содержания. План содержания текста — это его смысл, а план выражения — *речевая форма*, являющаяся способом материального существования текста и, в свою очередь, обладающая известным (системно-языковым) *планом содержания*.

Художественный текст отличается тем, что в нем реализуются *поверхностный* и *глубинный* смыслы. *Поверхностный смысл* текста — это «*актуальное значение речевых средств, употребленных в данном тексте: звуков, звуко сочетаний, слов и их форм, предложений*»¹. *Глубинный смысл* — это «*обобщенное содержание, не привязанное к отдельным речевым составляющим, но являющееся произведением многочисленных поверхностных смыслов, преломленных в речевой ткани целого текста*»².

В содержательном плане представляется необходимым различать следующие *типы информации* в художественном тексте, выделенные И. П. Давыдовым³:

1) *содержательно-фактуальная информация*, включающая *сведения* о фактах, событиях (обычно выражена языковыми средствами);

2) *содержательно-концептуальная информация*, отражающая *индивидуально-авторское понимание действительности* (может быть как *выраженной*, так и не выраженной языковыми средствами);

¹ Купина Н. А. Поверхностный смысл текста // Стилистика как методика лингвистического словаря русского языка / под ред. М. Н. Кожаной. М., 2006. С. 287.

² Там же.

³ Купина Н. А. Глубинный смысл текста // Стилистика как методика лингвистического словаря русского языка. С. 42–43.

⁴ См.: Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1987. С. 27–28.

3) содержательно-подтекстовая информация, представляющая собой только скрытый смысл, не выраженный языковыми средствами.

Определение понятия

Развивая идеи В. В. Виноградова, современный исследователь А. И. Горшков одним из доминирующих компонентов плана выражения в художественном стиле называет словесный ряд, под которым понимается «представленная в тексте последовательность (не обязательно непрерывная) языковых единиц разных уровней, объединенных композиционной ролью и соотносительностью с определенной сферой языкового употребления или с определенным приемом построения текста». Трактующий в таком смысле словесный ряд «создает образ автора и образует в своем развертывании языковую композицию текста»¹. Словесные ряды могут быть выделены по различным признакам, главными из которых являются соотносительность с определенной сферой языкового употребления и с определенным приемом построения текста. В свою очередь, композиция понимается «как система динамического развертывания словесных рядов в сложном словесно-художественном единстве»².

Целью семантико-стилистического анализа художественного текста является взаимообусловленное декодирование (как наиболее объективное) элементов всех уровней *плана содержания* (ПС) и *плана выражения* (ПВ). Жесткой схемы анализа ПС и ПВ привести невозможно, поскольку в каждом конкретном случае модель будет уточняться (расширяться или сужаться) в зависимости от особенностей самого текста. Тем не менее проиллюстрируем декодирование ПС и ПВ на примере отдельных стихотворений Ф. И. Тютчева.

Пример семантико-стилистического анализа художественного текста

Как известно, Ф. И. Тютчев является представителем поэзии *философской*, однако последнее отнюдь не означает, что языковой строй его стихотворений насыщен философскими афоризмами или традиционной для философии терминологией. Философской его поэзия признается именно потому, что Тютчев в своих стихотворениях дал собственное неповторимое художественное решение философских проблем жизни и ее течения во времени. **Философский план содержания** в стихотворениях Тютчева может быть представлен:

а) как выраженный посредством маркированных философским планом содержания синтаксических конструкций, построенных по модели «А есть В», в которой реализуется авторское дефинирование:

В разлуке есть высокое значение:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье...
(В разлуке есть высокое значение...);

Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
(Напрасный труд...);

То, что нам с каждым днем яснее,
Что пережить — не значит жить...
(Графине А. Д. Блудовой);

¹ Горшков А. И. Русская стилистика : учеб. пособие. М., 2001. С. 160, 247–250.

² Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 75.

б) как эксплицитированный посредством синкретичных синтаксических конструкций, являющихся результатом взаимодействия образно-эстетического и философского планов содержания, построенных по модели «А, как В», реализующей авторское дефинирование:

Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым — безотрадный, бесконечный дым!
(Дым);

в) как глубинный смысл, выявленный читателем посредством анализа композиции стихотворения в целом, но смысл, который лишь подразумевается и наизуую, т.е. языковыми средствами, не выражен (имплицитированный смысл). Чтобы показать это, проанализируем стихотворение «Как над горячею золой...»:

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает,
И огонь сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает,

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!.

О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас!

В приведенном стихотворении четко выделяется две композиционные части: первая повествует о предметном мире, вторая — непосредственно о чувствах и переживаниях лирического героя. Как отмечает Е. А. Некрасова, «такое построение стихотворения как бы возвращает читателя назад, к уже прочитанным строкам, чтобы еще раз их перечитать, но уже с иной точки зрения — в сопоставлении с четко индивидуальными ассоциациями и размышлениями. Поэт не подсказывает конкретного аналога в духовном мире человека, а предоставляет каждому строить сопоставление, наполнять указанное поэтом сходство объективного и субъективного мира своим содержанием»¹. Очевидно, что при таком построении стихотворения смысл рождается из взаимодействия частей: «Третья часть — желеемое. Жизнь уподобляется свитку, сгорающему на огне, вследствие чего огонь становится символом среды, сферы существования»².

Композиционно заданное, сопоставление подобного типа, называемое, как известно, *психологическим параллелизмом*, на языковом уровне поддерживается *словесными рядами*, о которых говорилось выше. В качестве таковых признаем, с одной стороны, символическую параллель *свиток — жизнь* и систему языковых единиц, реализующую ее сочетаемость (*дымится свиток — тлится жизнь; сгорает — гасну*), «скрепляющуюся» в метафоре *уходит дымом*; с другой стороны, местоименно-союзную параллель *как... и...; так..., так...*, формирующую сопоставление на синтаксическом уровне посредством сложноподчиненного предложения.

Кроме этого, особую композиционную значимость имеет языковой словесный ряд *огонь — пламень*, по прочтении стихотворения возвращающий читателя к его началу. Названная языковая синонимия в контексте реализует следующие ассоциации: *огонь... пожирает; пламень... развился по воле*.

¹ Некрасова Е. А. Поэзия мысли // Русская речь. 1983. № 6. С. 15–17.

² Григорьева А. Д. Слово в поэзии Ф. И. Тютчева. М., 1980. С. 24–25.

Именно имплицитный способ репрезентации философского плана содержания в стихотворениях Тютчева и является наиболее продуктивным. Следует, однако, отметить, что представленная в стихотворении «Как над горячею золой...» так называемая третья часть (*желасное*) в других стихотворениях обычно не выражена языковыми средствами. Например, в стихотворении «Фонтан» основу композиции составляет словесный ряд *фонтан — водовет мысли*, тем не менее осознание неизбежности разочарования в мечтаниях скрыто подтекстом.

Можно назвать несколько наиболее известных стихотворений, реализующих указанный способ: «Смотри, как на речном просторе...», «Как неожиданно и ярко...», «Как летней иногда порою...», «Я встретил вас — и все былое...», «Нет дня, чтобы душа не выла...» и др.

Таким образом, базовым способом выражения плана содержания (в данном случае — философского) в художественном стиле (в том числе в поэтическом тексте) является **словесно-композиционный ряд**, представляющий собой, с одной стороны, сложение языкового и контекстуального значения составляющих его единиц, а с другой — глубинную подтекстовую сумму смысловых парадоксов, декодируемых посредством анализа композиции самого текста, индивидуального стиля автора в целом, совокупности экстралингвистических (неязыковых) факторов.

1.11.2. Особенности включения иностилевых компонентов в художественный текст

В языке художественной литературы немало **иностилевых** употреблений. Прежде всего в художественном произведении писатель имеет право употреблять такие формы, которые не существуют в современном русском литературном языке. Это означает, что автор художественного произведения может использовать и потенциальные возможности языка, создавая неологизмы, например:

Вёрстами — врозь — разлетаются брови.
Две достоверности розной любви,
Чёрные **возжи-мои-колеи** —
Дальнородожные брови твои!
(М. Цветаева)

Отшельничаю, **берложу**,
отлеживаюсь в березах,
лужаечный, можжевельничий,
отшельничаю,

отшельничаем, нас трое,
наш третий всегда на стреме,
позвякивает ошейничком,
отшельничаем...

(А. Вознесенский)

Художественная речь также может включать диалектизмы, профессионализмы и другие внелитературные элементы (показательны в этом плане романы А. И. Солженицына, рассказы В. Т. Шаламова, поэзия В. С. Высоцкого и др.), см., например: *Бабы, прикрывая головы **платами**, кинулись к ближайшему зароду — высокому стогу длинной клади* (В. Белов).

Употребление языковых средств, в том числе иноязычных, в художественной литературе определено авторским замыслом, при этом отклонение от нормы должно быть мотивировано авторской целеустановкой, контекстом произведения, эстетической целесообразностью. Если языковые элементы, находящиеся за пределами литературного языка, выполняют определенную функциональную нагрузку, их употребление в словесной ткани художественного произведения вполне можно оправдать.

Рассмотрим функционирование идеологически-оценочной и научной лексики (литературной, но иноязычной) в художественном тексте на примере произведений Даниила Гранина.

Исследование **идеологически-оценочной** лексики традиционно ограничивается философскими или политическими произведениями дискуссионной направленности, а **научной** лексики — стандартной терминологией определенной сферы. И это не случайно, так как именно идеологически-оценочная лексика отражает представление о мире в рамках определенной идеологической системы, а научная лексика — круг понятий, востребованных той или иной областью теоретического или эмпирического знания. Однако необходимо отметить, что и в художественных произведениях употребление идеологически-оценочной и научной лексики также достаточно продуктивно¹, хотя и следует говорить о функциональных различиях последних в философском, политическом, научном и художественном контекстах. В числе основных для идеологически-оценочной и научной лексики традиционно указывают на такие признаки, как:

а) *оценочность*, которая представляет собой разновидность интеллектуальной оценки²;

б) *детерминированность* подобной оценочности либо позицией определенных общественных групп (идеологическая оценочность), либо критерием истинности/ложности (научная оценочность).

Итак, для выявления особенностей функционирования идеологически-оценочной и научной лексики в художественном тексте проанализируем романы Даниила Гранина «Искатели» (1954), «Иду на грозу» (1962), художественно-документальный роман «Зубр» (1987). С этой целью выделим в контексте произведений четыре взаимодействующих между собой пласта идеологически-оценочной и научной семантической системы:

- 1) лексика политического плана содержания (ППС);
- 2) лексика философского плана содержания (ФПС);
- 3) лексика религиозного плана содержания (РПС);
- 4) лексика научного плана содержания (НПС).

Слова первой группы в контексте произведений Даниила Гранина представлены, как правило, общественно-политической лексикой: *анархизм, государство, социум, антагонизм, расизм, репрессия* и др. См., например: *Да, конечно, антисемитизм, национализм — плохо, но зато отчизна вос-*

¹ Подробнее см.: *Радиль Т. Б.* Общественно-политическая лексика в художественной прозе А. Платонова : дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

² См.: *Голованевский А. Л.* Идеологически-оценочный словарь русского языка XIX — начала XX в. Брянск, 1995.

прият (Зубр). ППС названных лексем узואлен и зафиксирован лексико-графическим источником¹.

Приведенные термины первично номинативны в контексте. Грамматико-стилистическая модель конструкции, в которой они употреблены, с одной стороны, эксплицирует отрицательную оценочность лексем посредством предикативной функции слова категории состояния *плохо*, а с другой — имплицитно дефинирует адресата в ментальном пространстве адресата. Последующее противопоставление через союз *но* и интертекстуальный характер этой части высказывания (*отчизна восприят — ср. пунктирное Россия восприят ото сна*) репрезентирует положительную оценочность контекста.

Отмечены особенности словоупотребления лексем данной группы и в других контекстах:

(1) *На всю жизнь они были напуганы всяческой политикой* (Зубр). Атрибутивный распространитель *всяческой* является маркированным прилагательным (разг. пренебр.) и потому эксплицирует отрицательную оценочность языкового элемента *политикой*;

(2) *Его либерально-демократическая натура объединяла многих порядочных людей* (Зубр). Сложное имя прилагательное *либерально-демократический* в традиционно политическом контексте обычно реализует сочетаемость слов *партия, государство*. Разрушение стандартной модели «атрибут общественно-политической семантики + опорный элемент общественно-политической семантики» и трансформация ее в модель «атрибут общественно-политической семантики + общеупотребительное слово» снижает уровень повествования с социально-исторического до конкретно-ситуативного.

Таким образом, можно констатировать, что для лексем политического плана содержания в художественном тексте словоупотребление в первичном номинативном значении непродуктивно (это не означает, однако, что оно не встречается вообще, ср.: *Немецкая интеллигенция далеко не сразу сумела понять бесчеловечную суть фашизма* (Зубр)). Особенностью семантики является синкретизм идеологической и эмоциональной оценочности (*антисемитизм, национализм — плохо; всяческая политика*); на уровне функционального словоупотребления лексем ППС — разрушение традиционных моделей сочетаемости.

Вторая выделенная группа — лексемы философского плана содержания, а именно философская лексика и терминология, т.е. номинативные единицы, которые составляют названия явлений и понятий из мировоззренческо-философской сферы: *материя, сознание, антидарвинизм, идеализм, эмпиризм* и др. См., например:

Благородство Токова не должно было вызывать никаких сомнений, он поможет Кунину, рискуя, может быть, собственной репутацией: вряд ли Кунин, обвиненный в **релятивизме, идеализме и эмпиризме**, вправе рассчитывать на какие-либо ассигнования (*Искатели*).

¹ См.: Политология. Энциклопедический словарь / сост. и общ. ред. Ю. И. Аверьянов. М., 1993.

Философский план содержания названного лексем узואлен и зафиксирован лексикографическим источником¹. Приведем контекст употребления слова философского плана содержания:

Хочешь, открою тебе секрет? — Он таинственно понизил голос. — Одному тебе, пользуйся моей добротой. У меня теория такая: если новая техника нужна, она сама пробьет себе дорогу, как бы я ни сопротивлялся ей. Я вроде фильтра. То, что преодолевает меня, заслуживает право на существование. **Диалектику** помнишь? Новое рождается в борьбе со старым. Так вот я — это старое, без которого не родиться новому (*Искатели*).

В данном контексте понятийный план анализируемого слова эквивалентен философскому, что подтверждает контекстуальное дефинирование: *Новое рождается в борьбе со старым*. Тем не менее контекстуальные особенности словоупотребления лексической единицы ФПС можно выявить лишь с учетом всего приведенного фрагмента.

Зачин микроконтекста: *Хочешь, открою тебе секрет?* — эстетичен по своей сути. Дальнейшее содержание *секрета* представляет собой научно-философскую расшифровку личностной теории говорящего. Очевидно, что в этом случае последующее словоупотребление становится «полем пересечения» двух плоскостей: эстетического и философского. Доминантой указанного взаимодействия является сравнительная субъектно-предикативная констатация ассоциативного характера: *Я вроде фильтра*. Общее эстетическое обрамление микроконтекста создается за счет персонализации (буквального олицетворения) субъекта и его контекстуальных вариантов. Концовка: *Так вот я — старое, без которого не родиться новому* — двухчастна; построена по принципу номинативного приписывания признака «А есть В», расширенного придаточной частью. Помимо этого, с одной стороны, структурно концовка «цитирует» доминанту: *Я вроде фильтра* (с собственно научным термином, который как шпестлеговой элемент переосмыслен), а с другой — семантически контактирует заданный зачинном синкретизм эстетического и философского плана содержания.

Очевидно, что для осмысления плана содержания номинации *диалектика* необходимо декодирование цитируемого контекста, поскольку термин *диалектика* с учетом макроконтекстуальных связей становится элементом, эксплицирующим философский и имплицитующим эстетический план содержания.

Таким образом, в художественном тексте возможно терминологическое употребление слов ФПС (*идеализм, релятивизм, эмпиризм*). Однако существенной функциональной особенностью идеологически-оценочного слова ФПС в художественном стиле является потенциальная его способность вторично имплицитировать эстетический (образный) план содержания. Ср. «*Диалектика*»: *Новое рождается в борьбе со старым. Так вот я — это старое, без которого не родиться новому.*

¹ См.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994.

Третья группа — лексика религиозного плана содержания, включающая термины, слова и словосочетания, которые используются для обозначения понятий, являющихся элементами различных религиозных систем: *архиепей, протодьякон, чистилище, грешник, молитва* и др. Например: *Апостол Петр трижды отрекся от Христа, и это не помешало ему стать одним из главных апостолов (Зубр)*. Религиозный план содержания названных лексем узואлен и зафиксирован лексикографическим источником¹.

Я бывал полезен Николаю Ивановичу в смысле корректуры его немецких докладов. Из Берлина ему приходилось ездить в Халле — крупный центр прикладной ботаники, сортводства. Там он выступал, доклады писал по-немецки, и их приходилось малость подправлять.

Тут Зубр² отвлеклся, вспоминал дом Генделя в Халле, *собор*, узорчатые его своды и отлитую из металла фигурку *Христа*, падающего с *распятия*... (Зубр).

В приведенном контексте лексемы РПС употреблены в номинативном значении. Необходимость включения этого микроконтекста в макроконтекст обусловлена тем, что Зубр говорит о Халле как о крупном центре не только науки, но и культуры, искусства. Следовательно, автор стремится подчеркнуть, во-первых, что наука и искусство могут сосуществовать, а во-вторых, что потенциально высоконучное знание в итоге приводит к синтезу с религиозным. Подтверждением сказанному может быть анализ следующего фрагмента:

Стены кабинета Н. В. были увешаны портретами русских ученых-естествоиспытателей и биологов от М. В. Ломоносова до Н. А. Северцова, М. А. Мензбира, Н. К. Кольцова, С. С. Четверикова и С. И. Огнева. «Мой *иконостас*», — так это называл Зубр.

Употребление лексемы *иконостас* в контекстуально метафорическом значении фиксирует трансформацию собственно религиозного значения в образное, и это соответствует концепции всего произведения. Главный герой документально-биографического романа «Зубр» принципиально не разграничивает науку и религию; более того, доказывает возможность их сосуществования, о чем свидетельствует также частое употребление религиозных лексем в научных разговорах и спорах.

В этой связи представляется возможным констатировать, что *религиозный* микроконтекст в произведениях Даниила Гранина в отдельных случаях приобретает условный статус *религиозно-научного*, включенного в художественный текст и потому подвергнувшегося образному «смысловому приращению». Продуктивно также *религиозно-образное* значение лексем РПС в контексте произведений Гранина:

¹ См. Христианство : словарь / под общ. ред. Л. Н. Митрохина [и др.], М., 1994.

² «Зубр» — главный герой одноименного романа Даниила Гранина, реальная уникальная личность, крупнейший русский (солетский) ученый Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, который руководил отделом Института биологии Уральского филиала АН СССР, занимается вопросами генетики, несмотря на известную травлю в период «лысенковских веяний».

Библейский Иов¹ вел себя человечески. <...> Иов призывал Бога к ответу, искал справедливости, требовал встречи с Богом, чтобы доказать свою невиновность. Он не боялся единоборства. Он горько жаловался друзьям на беззаконие Бога, на безжалостность его, оправдывался перед ними, просил их внимания, сочувствия. <...> Зубр на месте Иова, наверное, надменно молчал бы, презирая оправдания, жалобы. В этом была его независимость и свобода от всех властителей вплоть до Вседержителя (Зубр).

В приведенном отрывке имеет место эксплицитное сравнение героя произведения с библейским Иовом.

Четвертая группа — лексемы научного плана содержания, к которым в данном случае относится научная терминология из области физики: *атомная энергия, радиолокация, электричество, сила тяготения, рефракция, рентгеновское облучение, амперметр, закон Ома, емкость, биофизика* и др. См., например:

Последний год Дан занимался исследованием **электрической плазмы**. Задача вызывала противоречивые толки. Связь с **электрическим полем** Земли? А кому это нужно? Слишком абстрактно, вероятность успеха мала, практический эффект неясен (*Иду на грозу*).

Научный план содержания названных лексем узурпирован и зафиксирован лексикографическим источником². Приведенные термины первично номинативны в микроконтексте. Мотивированность включения научных терминов в контекст обусловлена тем, что в период создания анализируемых произведений (1980-е гг.) область научного знания активно развивалась, и потому героями являются талантливые люди, увлеченные поисками научной истины.

Говоря о продуктивной номинативности научных терминов в микроконтексте произведений Даниила Гранина, мы в то же время фиксируем их функциональную семантическую многоплановость в макроконтексте:

— Но я могу быть ученым и порядочным человеком, не слушая музыки, — возражал Полтавский. — Вы — да, общество — нет, — говорил Дан. — Что, по-вашему, отличает людей от животных? **Атомная энергия?** Телефон? А по-моему, нравственность, фантазия, идеалы. Оттого, что мы с вами изучим **электрическое поле** Земли, души людей не улучшатся. Подумаешь, **циклотрон!** Ах, открыли еще **элементарную частицу**. Еще десять. Мир не может состоять из чисел. Не путайте бесполезное и ненужное. Бесполезные вещи часто самые нужные. Слышите, как заливаются эти птицы? (*Иду на грозу*).

¹ «Иов — главная фигура названной его именем книги, которая состоит из прозаического обрамления и стихотворной основной части. Обрамление — древнее народное сказание о богатом, справедливом и благочестивом Иове, который с позволения Бога ввергнут сатаной и ангелами в несчастья, болезнь и нищету, но, несмотря на эти испытания, остается благочестивым, пока не возвращается его прежнее счастливое состояние. Основную часть образуют его споры-диалоги с его тремя друзьями» (Большой путеводитель по Библии. М., 1993. С. 213–214).

² См.: Физический энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова [и др.]. М., 1983.

Итак, лексемы научного плана содержания в данном случае, действительно, номинативны, однако эмоциональность и реальная полемичность приведенного художественного фрагмента репрезентируют взаимосвязь научного и художественного: *Ах, открыли еще элементарную частицу. Еще десять. Мир не может состоять из чисел. Не путайте бесполезное и ненужное. Бесполезные вещи часто самые нужные* — на который спроецирована эстетическая финальная часть: *Слышите, как заливаются эти птицы?* — позволяет говорить не только о синкретизме научного и философского, но и о своеобразном включении научно-философского фрагмента в художественный текст, т.е. о реальной репрезентации художественно-научного синкрета¹ (с учетом того, что условно философия также является областью научного знания).

Таким образом, разграничение лексем всех четырех планов содержания, употребленных в контексте произведений Даниила Гранина, продуктивно в целях констатации их определенного смыслового взаимодействия в художественном тексте. Последнее может быть подтверждено следующим анализом фрагмента: *О, она больше закона! Она Бог! Современная религия (Иду на грозу)*. В данном контексте расширение сочетаемости существительного *религия* посредством прилагательного *современная* предполагает знание читателем (определенную информационную базу воспринимающего субъекта, или тезаурус) макроконтекстуального плана, который, безусловно, шире даже цитируемого фрагмента:

О, она больше закона! Она Бог! Современная религия. Все мы ходим под кнопкой. Молиться ей надо. В соборах вместо распятия — кнопку. Нет Бога, кроме кнопки. Что вы противопоставите ей? Перед кнопкой все глупо — и ложь, и подвиг, и мужество, и даже цинизм.

Первая часть контекста: *О, она больше закона! Она Бог! Современная религия* — реально и потенциально репрезентирует философский, религиозный и политический ПС на художественном «поле», что подтверждается эксплицитной и имплицитной образностью составляющих элементов.

Представим сказанное посредством эксплицитного моделирования первичного семантического узального уровня: ФПС (*больше закона*) + + (РПС + ФПС (с учетом того, что номинация *Бог* узально совмещает в себе религиозный и философский план содержания)) + (РПС + ФПС + + НПС (с учетом того, что номинация *религия* узально совмещает в себе также религиозный и философский план содержания, а дефинирующая данное сочетание лексема *кнопка* (*ядерная) реализует научный план содержания)).

Вторичный семантический окказиональный уровень несколько осложняет указанную модель: ФПС → ассоциативно образное контекстуальное значение — *больше закона* — объект сравнения с учетом субъекта *современная религия* + (РПС + ФПС) → ассоциативно образное контекстуаль-

¹ *Синкрет* — слово, словосочетание или синтаксическая единица, в которой совмещаются две или более составляющих лексической, грамматической или стилистической семантики.

ное значение — *она Бог* — объект сравнения с учетом субъекта *современная религия* + (РПС + ФПС + НПС) → индивидуально авторское терминологическое сочетание научно-религиозно-философского ПС *современная религия*, дефинированное последующим контекстом (современная религия есть «ядерная кнопка»).

Следовательно, значение авторского терминологического сочетания *современная религия* может быть декодировано лишь посредством репрезентации всех составляющих первого и второго семантического уровней.

Можно утверждать, что контекстуальное словоупотребление идеологически-оценочных и научно-оценочных слов в художественном тексте представляет собой сложное взаимодействие единиц лексического уровня разного плана содержания (научного, философского, политического, религиозного). При таком подходе индивидуальный стиль (идиостиль) определенного автора должен быть охарактеризован с учетом наиболее продуктивной контаминации, или ассоциативной многоплановости. Это позволяет охарактеризовать идиостиль произведений Даниила Гранина как художественно-научный дискурс (с наибольшей продуктивностью идиостилевых лексем научного плана содержания, употребленных узואльно или семантически трансформированных в контексте), реализующий макро- и микроконтекстуальное взаимодействие единиц различного плана содержания.

Таким образом, стилевое многообразие текстов в современном русском литературном языке отнюдь не утрачивается, жанровые разновидности текстов совершенствуются. Приметой времени становится **взаимопроникновение стилей** (научного и художественного, художественного и публицистического, публицистического и разговорного). При этом следует учитывать, что книжные стили по-прежнему выдерживают устойчивую нормативность всех уровней, несмотря на активное функционирование в них идиостилевых элементов, освобождение слов от привычных значений, а в некоторых случаях и жанровую трансформацию.

1.12. Церковно-религиозный стиль

В контексте изменения социально-идеологических ориентаций начиная с 1990-х гг. в русистике возобновляется интерес к религиозной сфере общественного сознания и ее языковому воплощению. В 1994 г. Л. П. Крысин в статье «Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка» поставил вопрос о необходимости выделения и описания особого функционального стиля, употребляемого в религиозной коммуникации¹. Эта идея была поддержана лингвистами².

¹ См.: Крысин Л. П. Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка // Русский язык в школе. 1994. № 3. С. 69–79.

² См.: Гальберг И. М. Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002 ; Крылова О. А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006. С. 612–616 ; Дегтярева М. В., Леденёва В. В. Функциональная стилистика русского языка : учеб. пособие. М., 2010. С. 54–65 ; и др.

Под церковно-религиозным стилем понимается функциональная разновидность современного русского литературного языка, которая обслуживает сферу церковно-религиозной общественной деятельности и соотносится с религиозной формой общественного сознания¹.

При описании данного стиля используется вариантная терминология: *религиозный, религиозно-проповеднический, религиозно-культурный, церковно-богослужебный стиль*², *конфессиональный стиль* (в украинистике)³. Однако термин *церковно-религиозный стиль* представляется предпочтительным, поскольку «указывает одновременно и на сферу общественной деятельности, в которой он функционирует, и на религиозную форму общественного сознания, и на церковных деятелей как авторов соответствующих текстов, но ограничивает его реализацию лишь жанром»⁴.

Признание учеными наличия указанного функционального стиля в современном русском литературном языке можно считать вполне объективным и своевременным. Приведем образец церковно-религиозного стиля, созданного в жанре послания:

Обращение Святейшего Патриарха Кирилла по случаю празднования Дня православной молодежи⁵

Дорогие братья и сестры!

Сердечно поздравляю всех вас с праздником Сретения Господня, а также с отмечаемым ныне Днем православной молодежи.

Сегодня мы молитвенно воспоминаем, как Пречистая Дева Мария принесла своего Сына — Богомладенца Иисуса — в Иерусалимский храм, где их встретил старец Симеон, муж, по свидетельству Писания, *праведный и благочестивый, на котором был Дух Святой* (Лк. 2:25). Сей человек прожил долгую и богоугодную жизнь и уже в конце ее сподобился узреть обещанного пророками Мессию, Спасителя мира.

Большинство из нас, и в первую очередь это относится к молодым людям, встретились в своей жизни со Христом, еще не достигнув преклонных лет, в юности или среднем возрасте. Эту драгоценную возможность мы получили от Господа безвозмездно, даром, и призваны бережно хранить возгоревшийся в наших сердцах огонь веры и любви к Богу. И чем ярче будет свет этого огня, чем крепче будет сила этой любви, тем радостнее и теплее будет нам и нашим ближним в этом мире.

Хотел бы сегодня призвать всех, а особенно молодых людей, не тратить впустую свое время. Помните, что у человека нет возможности переписать сценарий всей своей жизни с чистого листа, вновь задействовать имевшийся когда-то потенциал. По слову апостола Павла, *поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы... Не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия... и исполняйтесь Духом* (Еф. 5:15–18).

¹ См.: Крылова О. А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006. С. 612.

² См.: Булгаева И. В. Стилистические особенности и жанры религиозной сферы // Стилистика текста: междуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Плисов. Н. Новгород, 2005. С. 3–11.

³ См.: Шевченко Л. Л. Конфессиональный стиль // Украинська мова: енциклопедія. Київ, 2000. С. 252–253.

⁴ Крылова О. А. Церковно-религиозный стиль. С. 613.

⁵ Обращение Святейшего Патриарха Кирилла по случаю празднования Дня православной молодежи (послание) // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3991785.html> (дата обращения: 01.04.2015).

Людам старшего поколения хорошо известно, сколь непросто и опасен бывает жизненный путь. Дабы уверенно и твердо идти по нему, не спотыкаясь о камни соблазнов и успешно преодолевая препятствия, нам нужно иметь своим попутчиком самого Бога. Для этого необходимо обращаться к Нему в молитве и приобщаться Святых Христовых Тайн, стремиться всегда исполнять Его волю и всем своим существом прилепляться к Нему. Тогда Господь непрестанно будет с нами и дарует нам с избытком Свои великие милости. Он подаст их нам намного больше, чем мы того заслуживаем, больше, чем мы могли порой даже помыслить. А когда придет время завершить свое земное странствование и переступить порог вечности, да удостоимся мы встретиться со Христом, призывающим нас приобщиться *нетленных Его благ, которые Он уготовал любящим Его*. Аминь.

+КИРИЛЛ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

15 февраля 2015 г.

Характеризуя церковно-религиозный стиль, исследователи обращают внимание на его экстралингвистические и сугубо лингвистические особенности, которые составляют стилистическое содержание этой разновидности современного русского литературного языка. Важнейшими экстралингвистическими признаками стиля, которые обуславливают системность его языковых характеристик, являются¹:

1) совокупность видов коммуникации, среди которых выделяются *коллективная* коммуникация, *личная*, а также особый вид коммуникации — *массовая*;

2) *диалогичность*, присущая монологическому религиозному тексту;

3) сочетание функций *сообщения* и *воздействия*, в которых реализуется просветительская и дидактическая направленность текстов религиозного содержания;

4) стилевая доминанта, представляющая собой синтез двух языковых систем — *русского староцерковнославянского* и *современного русского* языка.

Таким образом, церковно-религиозный стиль православия наряду с аналогичными стилями других конфессий, по сути, и определяет специфику церковно-религиозного стиля в целом.

Церковно-религиозный стиль имеет свою **систему жанров**: молитва, акафист, проповедь, послание, религиозное песнопение, богослужение, житие, канон, решение церковного Собора, циркулярные письма церковных иерархов и др. Каноническим жанром церковно-религиозного стиля является *библейская притча*.

Научная дискуссия

Проблему классификации жанров церковно-религиозного стиля исследователи предлагают решить посредством различного рода шкал².

1. **Шкала институциональности**, где определяющим фактором оказывается характеристика сферы общения по степени *официальности* — *неофициальности*. На одном

¹ Подробнее см.: Прохвятилова О. А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2 : Языковедение. Вып. 5. Волгоград. 2006. С. 19–26.

² См.: Мишланов В. А., Худякова Е. С. О жанровой специфике текстов церковно-религиозного стиля. URL: <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2008/1.pdf> (дата обращения: 28.03.2015).

полное шкалы можно выделить жанр интимно-личной сферы общения — молитву, затем жанр исповеди; на другом полюсе — «официальные», социально-маркированные жанры: богословские статьи и трактаты, послания, уставы, каноны и циркулярные письма.

2. Шкала субъективности, где определяющим оказывается фактор *адресанта* и *адресата*. В соответствии с данным критерием можно выделить: а) квазидialogические жанры с внедиалоговым гипотетическим адресатом — молитва, исповедь; б) конкретно-диалогические жанры с индивидуальным адресатом — письма и распоряжения определенным лицам; в) конкретно-диалогические жанры с массовым адресатом — проповедь, устав, циркулярное письмо; г) конкретно-диалогические жанры с абстрактно-массовым адресатом, не маркированным по церковности или принадлежности к собору, — субжанры посланий, функционирующие в настоящее время в среде СМИ.

3. Интенциональная шкала, которая состоит из двух взаимосвязанных шкал:

1) *шкалы метажанров*, где на одном полюсе находятся жанры проповеди, традиционного послания к пастве, молитвы и исповеди, а на другом — апология, устав, канон;

2) *содержательно-интенциональной шкалы*, на которой церковно-религиозные жанры дифференцируются по принципу «центральная — периферийная интенция». Здесь выделяются жанры: а) выражения индивидуальной веры — молитва, исповедь; б) утверждения и обоснования вероучения — богословские труды; в) «внушения веры» — проповедь, поучение, послание; г) установления правил и норм духовной и социальной жизни верующих — устав, канон, циркуляр.

Система языковых средств церковно-религиозного стиля включает лексические единицы следующего характера¹:

1) нейтральную, межстилевую лексику (*поздравлять, встретиться, исполнять, стремиться, хранить* и др.);

2) общекиржичную лексику (*бытие, сомнение, терпение, страдание, потенциал* и т.п.);

3) церковно-религиозную лексику (*Господь Вседержитель, Святые Христовы Тайны, Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, Дух, Святой Дух, миряне, благочестивый, благочиние* и т.д.);

4) лексику с газетно-публицистической функционально-стилевой окраской (*круглая дата; опасности, обрушившиеся на страну; основание академии; освободиться от плена; судьбоносные решения* и др.).

К грамматическим особенностям церковно-религиозного стиля относятся:

1) особая продуктивность осложненных конструкций простого и сложного предложений:

Сегодня мы молитвенно вспоминаем, как Пречистая Дева Мария принесла своего Сына — Богомладенца Иисуса — в Иерусалимский храм, где их встретил старец Симеон, муж, по свидетельству Писания, праведный и благочестивый, на котором был Дух Святой (Лк. 2:25) (Послание по случаю празднования Дня православной молодежи);

4 декабря, в праздник Введения во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и 95-ю годовщину со дня интронизации святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Божественную литургию в Патриаршем Успенском соборе Московского Кремля (газета «Брянские епархиальные ведомости», № 29 за 2012 г.);

¹ См.: Крылова О. А. Церковно-религиозный стиль. С. 615.

2) архаические морфологические формы:

Во внимание к помощи Русской Православной Церкви; Его Святейшеству сослужили...; Патриарх был воздвигнут десницей Божией к своему крестному служению; Сей человек; исполняйтесь Духом и др.

О, пречудный отче Серафиме, великий Саровский Чудотворче, всем прибегающим к тебе скоропослушный помощник! Во дни земнаго жития твоего никтоже от тебе тощ и неутешен отыде, но всем в сладость бысть видение лика твоего и благоуветливый глас словес твоих (молитва преподобному Серафиму Саровскому);

Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Пречистая Дево. Ты нам помози, на Тебе надеемся, и Тобою хвалимся, Твои есмь рабы, да не постыдимся (канон молебный ко Пресвятой Богородице);

3) стилистическое многообразие конструкций и порядка слов (переносы, инверсия и др.):

Патриарх [Тихон] был воздвигнут десницей Божией к своему крестному служению именно в то тяжкое и смутное время, чтобы сохранить единство Церкви, чтобы одолеть внутренние расколы и внешние силы, которые работали на разделение Церкви, чтобы уберечь веру православную в сердце нашего народа, чтобы, несмотря на открытые гонения, убийства иерархов и священнослужителей, закрытие храмов и монастырей, уничтожение школ, уничтожение всей системы церковной благотворительности — всего того, что Церковь делала и чем жила ради народа своего, — чтобы в эту страшную, смятенную эпоху Первосвятитель был исполнен силы и духа и был в состоянии сохранить то, что можно было сохранить¹;

4) предельно распространенные событийные заголовки в материалах церковно-религиозных СМИ:

Предстоятель Русской Церкви совершил панихиду по приснопамятному Патриарху Алексию II в Богоявленском соборе в Елохове; В праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы Предстоятель Русской Церкви совершил Литургию в Успенском соборе Московского Кремля; В Неделю 5-ю Великого поста Предстоятель Русской Церкви совершил Литургию в возрожденном Троицком храме в п. Филимонки г. Москвы.

Кроме того, церковно-религиозный стиль, как уже отмечалось, сочетает в себе функции *сообщения* и *воздействия*, поэтому в нем продуктивно используются эмоционально-оценочные, идеологически-оценочные и эмоционально-экспрессивные языковые средства. Так, в приведенном выше Послании по случаю празднования Дня православной молодежи используется прием развернутой метафоризации:

Эту драгоценную возможность мы получили от Господа безвозмездно, даром, и призваны бережно хранить возгоревшийся в наших сердцах огонь веры и любви к Богу. И чем ярче будет свет этого огня, чем крепче будет сила этой любви, тем радостнее и теплее будет нам и нашим ближним в этом мире.

¹ Предстоятель Русской Церкви совершил молебен у раки с мощами святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, в Донском монастыре (4 декабря 2012 г.) // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2631397.html> (дата обращения: 18.04.2015).

Если речь идет о газетно-публицистической вариации церковно-религиозного стиля, которая имеет место, когда этот стиль «работает» в пределах православных СМИ, то использование языковых средств оценочности и экспрессии носит смешанный характер. В подобных случаях привлекаются как собственно книжные средства создания речевой выразительности, так и языковые средства сниженного характера:

Еще слава Богу, Господь иногда дает видеть свои немощи, которых как песка морского. <...> Так вот, вся моя задача — это стяжание благодати Святаго Духа. Мелкими моими силами, малыми моими возможностями, греховным всем моим существом, продырявленной моей душой, истрепанными моими нервами, скотскими моими привычками! Вот при всем этом хоть как-то открыться Господу нашему! И когда Он обезоружит меня своей любовью — вот тогда я стою в изумлении и ошеломлении от Его милости. Это бывает. Очень редко, но бывает¹.

Таким образом, церковно-религиозный стиль представляет собой функциональную разновидность языка, основанную, как правило, на соединении особенностей староцерковнославянского и современного русского литературного языка. Церковно-религиозный стиль наряду с традиционными описанными выше функциональными стилями современного русского литературного языка должен быть комплексно и глубоко описан лингвистами с учетом погружения в его жанровую специфику и особенности употребления религиозных текстов.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что такое языковая политика? Расскажите о государственной языковой политике в историческом и современном аспектах.
2. Как соотносятся понятия «русский литературный язык» и «национальный язык»?
3. Каковы признаки литературного языка?
4. В чем суть нормирования языковых фактов?
5. Дестабилизирует ли языковая вариативность систему норм русского литературного языка?
6. Приведите примеры кодифицированных и некодифицированных языковых явлений.
7. Опираясь на приобретенные знания, дайте определение понятиям «орфографические нормы» и «пунктуационные нормы».
8. Что такое стиль?
9. Дайте определение функциональных стилей речи.
10. Какие дифференциальные признаки могут быть названы стилесобразующими?
11. Охарактеризуйте факторы, влияющие на выделение функциональных стилей речи.
12. В чем суть разграничения понятий «русский литературный язык» и «язык художественной литературы»?

¹ Петр Мамонов: «Хочешь быть крутым — давай кровь проливай»: [интервью П. П. Мамонова записал М. Эдельштейн] // Сайт Журнала православной жизни «Нескучный сад». 2012. № 8 (79). URL: <http://www.nsad.ru/articles/petr-mamonov-hochesh-byt-krutym-davaj-krov-prolivaj> (дата обращения: 18.04.2015).

13. Как следует понимать значение термина «иностильевые элементы»?
14. Что такое принцип коммуникативной целесообразности?
15. Какое качество речи нарушает использование слов-паразитов, диалектных и жаргонных слов? Возможны ли случаи, когда употребление названных типов языковых единиц оправдано?
16. Какое место занимает церковно-религиозный стиль в системе функциональных стилей современного русского литературного языка?
17. Назовите разновидности церковно-религиозного стиля. По какому принципу можно дифференцировать подстили в предложенной типологии?

Глава 2

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ

В результате изучения материала данной главы студент должен:

знать

- специфику стилистического маркирования лексических единиц в современном русском языке;
- функциональные особенности стилистически маркированных языковых единиц;
- основы стилистического оценивания целесообразности употребления стилистически маркированных языковых единиц;
- критерии нормативного и ненормативного стилистического использования лексических единиц;
- условия, определяющие богатство устной и письменной речи;
- этический компонент культуры стилистически окрашенных и стилистически нейтральных языковых единиц;

уметь

- оценивать динамические явления функционирования системы современного русского языка;
- выделять и анализировать стилистически нейтральные и стилистически маркированные единицы различных уровней языковой системы;
- устанавливать целесообразность использования стилистически маркированных языковых единиц;
- определять функции языка и связанных с ним явлений;

владеть

- методами и способами подготовки и редактирования текста;
 - навыками анализа языковых явлений современного русского языка;
 - принципами стилистического анализа и основами стилистического редактирования микро- и макротекста;
 - навыками функционального описания языкового материала.
-

2.1. Стилистическая окраска слов

Стилистическая окраска слова зависит от того, как оно воспринимается нами: как закреплённое за тем или иным стилем или как уместное в любой речевой ситуации, т.е. **общеупотребительное**. Мы чувствуем связь слов-терминов с языком науки (например: *квантовая теория, эксперимент, монокультура*); выделяем публицистическую лексику (*всемирный конгресс, ознаменовать, провозгласить, избирательная кампания*); узнаем по канцелярской окраске слова официально-делового стиля (*правопорядок, потерпевший, проживание, воспрещается, предписать*).

Книжные слова неуместны в непринужденной беседе: *На зеленых насаждениях появились первые листочки; Мы гуляли в лесном массиве и загорали у водоема.* Столкнувшись с таким смещенным стилем, мы спешим заменить чужеродные слова их общеупотребительными синонимами (не *зеленые насаждения*, а *деревья и кусты*; не *лесной массив*, а *лес*; не *водоем*, а *озеро*).

В то же время **разговорные** слова, а тем более **просторечные**, т.е. находящиеся за пределами литературной нормы, нельзя употребить в беседе с человеком, с которым мы связаны официальными отношениями, или в официальной обстановке.

Обращение к стилистически окрашенным словам должно быть мотивировано. В зависимости от содержания речи, ее стиля, от той обстановки, в которой рождается слово, и даже от того, как относятся друг к другу говорящие (с симпатией или с неприязнью), они употребляют различные слова.

Высокая лексика необходима в том случае, когда говорят о чем-то важном, значительном. Эта лексика находит применение в выступлениях ораторов, в поэтической речи, где оправдан торжественный, патетический тон. Однако когда, например, человек захочет пить, ему не придет в голову по такому пустячному поводу обратиться к своему товарищу с тирадой: *О, мой незабвенный соратник и друг! Утоли мою жажду животворящей влагой!* — если слова, имеющие ту или иную стилистическую окраску, используются неумело, они придают речи комическое звучание.

Еще в античных пособиях по красноречию, например в «Риторике» Аристотеля, большое внимание уделялось стилю. По мнению Аристотеля, он «должен подходить к предмету речи»: о важных вещах следует говорить серьезно, подбирая выражения, которые придадут речи возвышенное звучание. О пустяках не говорится торжественно, в этом случае используются слова шуточные, презрительные, т.е. **сниженная лексика**. На противопоставление «высоких» и «низких» слов указывал и М. В. Ломоносов в теории «трех степеней». Современные толковые словари дают стилистические пометы к словам, отмечая их торжественное, возвышенное звучание, а также выделяя слова сниженные, презрительные, уничижительные, пренебрежительные, вульгарные, бранные.

Конечно, разговаривая, мы не можем каждый раз заглядывать в толковый словарь, уточняя стилистическую помету к тому или иному слову, но, будучи носителями языка, мы чувствуем, какое именно слово нужно употребить в определенной ситуации. Выбор стилистически окрашенной лексики зависит от нашего отношения к тому, о чем мы говорим. Приведем простой пример.

Двое спорили:

— Я не могу относиться серьезно к тому, что говорит этот **белобрысый юнец**, — сказал один.

— И напрасно, — возразил другой, — доводы этого **белокурого юноши** весьма убедительны.

В этих противоречивых репликах выражено разное отношение говорящих к молодому блондину: один из спорщиков подобрал для него обидные

слова, подчеркнув свое пренебрежение; другой, наоборот, постарался найти такие слова, которые выразили симпатию. Синонимические богатства русского языка предоставляют широкие возможности для стилистического выбора **оценочной лексики**: одни слова заключают в себе положительную оценку, другие — отрицательную.

В составе оценочной лексики выделяются слова **эмоционально и экспрессивно окрашенные**.

Слова, которые передают отношение говорящего к их значению, принадлежат к **эмоциональной лексике** (*эмоциональный* (от лат. *emoveo* — 'потрясаю, волную') значит 'основанный на чувстве, вызываемый эмоциями'). Эмоциональная лексика выражает различные чувства. В русском языке есть немало слов, имеющих яркую эмоциональную окраску. В этом легко убедиться, сравнивая близкие по значению слова: *белокурый, белобрысый, белесый, беленький, белехонький, лилейный; симпатичный, обаятельный, чарующий, восхитительный, смазливый; красноречивый, болтливый; провозгласить, сболтнуть, ляпнуть* и т.д. Сопоставляя их, мы стараемся выбирать наиболее выразительные, которые сильнее, убедительнее смогут передать нашу мысль. Например, можно сказать *не люблю*, но можно найти и более сильные слова: *ненавижу, презираю, питаю отвращение*.

В подобных случаях лексическое значение слова осложняется особой **экспрессией** (лат. *expressio* — 'выражение'), т.е. выразительностью. К **экспрессивной лексике** относятся слова, усиливающие выразительность речи. Часто одно нейтральное слово имеет несколько экспрессивных синонимов, различающихся по степени эмоционального напряжения, например: *несчастье, горе, бедствие, катастрофа; буйный, безудержный, неукротимый, неистовый, яростный*. Нередко к одному и тому же нейтральному слову тяготеют синонимы с прямо противоположной окраской: *просить* — *молить, кланяться; плакать* — *рыдать, реветь*.

Экспрессивно окрашенные слова могут приобретать различные **стилистические оттенки**, на что указывают пометы в словарях: **торж.** (торжественное): *незабвенный, свершения*; **высок.** (высокое): *предтеча; ритор.* (риторическое): *священный, чаяния; поэт.* (поэтическое): *лазурный, незримый*. От всех этих слов резко отличаются **сниженные**, которые выделены пометами: **шутл.** (шутливое): *благоверный, новоиспеченный*; **ирон.** (ироническое): *соблаговолить, хваленый; фам.* (фамильярное): *недурственный, шушукаться; неодобр.* (неодобрительное): *мусор* (= «милиционер»), *педант; пренебр.* (пренебрежительное): *кобыла* (о нескладной женщине), *малевать; презр.* (презрительное): *подхалим, тварь; уничиж.* (уничижительное): *хлюстик; вульг.* (вульгарное): *хануза; бран.* (бранное): *дурак, ублодок*.

Оценочная лексика требует к себе внимательного отношения. Неуместное использование эмоционально и экспрессивно окрашенных слов может придать речи комическое звучание, что нередко имеет место, например, в ученических сочинениях: *Ноздрев был заядлый забияка; Все гоголевские помещики дураки, тунеядцы, бездельники и дистрофики*.

2.2. Стилистическое использование синонимов и антонимов

Современная лексикология рассматривает *синонимию* и *антонимию* как крайние, предельные случаи взаимозаменяемости и противопоставленности слов по содержанию. При этом если для синонимических отношений характерно семантическое сходство, то для антонимических — семантическое различие.

2.2.1. Стилистическая маркированность синонимов

Лексическая синонимия по праву заслуживает самого пристального внимания стилиста. Кроме того, знание синонимических богатств родного языка — необходимое условие речевой культуры человека.

Определение понятия

Состав синонимов русского языка изучается уже более двух столетий (первый синонимический словарь вышел в 1783 г., его автором был известный русский писатель Д. И. Фонвизин). Современная наука достигла больших успехов в изучении и описании лексической синонимии. Особую ценность представляют словари синонимов. Писатели и переводчики отдают предпочтение «Словарю синонимов русского языка» З. Е. Александровой (первое издание вышло в 1968 г.). Словарь интересен широким охватом лексического материала: здесь даются синонимы, принадлежащие к различным стилям литературного языка, в том числе устаревшие слова, народно-поэтическая, а также просторечная, сниженная лексика. В конце синонимического ряда приводятся в виде приложения фразеологизмы, синонимичные названным словам.

На основании многолетнего изучения русской синонимии в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН создана функциональная картотека синонимов. Итог этой работы был подведен изданием двухтомного академического «Словаря синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (1970). Синонимические ряды в нем насчитывают немного слов, так как составители словаря объединили в них лишь слова с тождественным и близким значением только современного русского литературного языка. Устаревшая, областная, узкоспециальная, терминологическая, жаргонная лексика в нем не представлена; слова с яркой эмоционально-экспрессивной окраской — просторечные или высокие — остались за пределами синонимических рядов, что снижает интерес к двухтомнику. Ценность академического словаря, содержащего характеристику синонимов с примерами их употребления в литературной речи, определяется стилистическим комментарием, который дается порой более обстоятельно, чем в толковых словарях. На основе этого словаря был составлен, также под редакцией А. П. Евгеньевой, однотомный «Словарь синонимов. Справочное пособие» (1975). В нем, по сравнению с двухтомником, больше синонимических рядов, шире система стилистических помет, хотя сокращен иллюстративный материал.

Словари, представившие и описавшие русскую синонимию, содержат неопценимый материал для изучения выразительных возможностей языка, его лексических богатств, стилистического многообразия. Однако успехи в создании синонимических словарей русского языка не исключают трудностей в теоретической разработке проблем лексической синонимии. Само понятие синонимии получает у лингвистов разное толкование. Ученые спорят о том, какие слова следует считать синонимами, как их классифицировать, какие критерии синонимичности являются определяющими. При этом высказываются разнообразные, часто противоречивые мнения.

Лингвисты, стремящиеся дать исчерпывающее определение понятия синонимии, для выделения синонимов предлагают различные критерии. Одни считают обязательным критерием синонимичности слов обозначение ими одного и того же понятия. Другие берут за основу выделения синонимов их взаимозаменяемость. Третьи решающим условием синонимичности признают близость лексических значений слов (при этом в качестве критерия выдвигается: 1) близость или тождественность лексических значений; 2) только тождественность лексических значений; 3) близость, но не тождественность лексических значений).

Важнейшим условием синонимичности слов является их **семантическая близость**, а в особых условиях — **тождество**. В зависимости от степени семантической близости синонимичность может проявляться в большей или меньшей мере. Синонимичность слов *спешить* — *торопиться* выражена яснее, чем, например, слов *смеяться* — *лохотать* — *заливаться* — *закатываться* — *покатываться* — *хихикать* — *фыркать* — *прыскать*, имеющих значительные смысловые и стилистические отличия. Наиболее выраженный характер получает синонимия при смысловом тождестве (ср.: *здесь* — *тут*, *языкознание* — *лингвистика*).

В современной лексикологии достигнута четкость в определении хронологических границ синонимии. При установлении синонимических отношений необходимо учитывать синхронность рассматриваемых лексических единиц. Так, не образуют синонимического ряда слова *странник* и *турист*, поскольку относятся к разным историческим эпохам. Подвергается критике выделение так называемых *контекстуальных*, или *функционально-речевых*, синонимов, к которым относятся слова, сближаемые по значению только в определенном контексте.

Уточнение понятия синонимии ведется и в направлении разграничения синонимов и вариантов слов. В отличие от синонимов **варианты** слов полностью совпадают в значениях при некоторой модификации фонетического, орфографического или орфоэпического оформления (ср.: *полночь* — *полуночь*, *Фаддей* — *Фаддей*, *индустрия* — *индустрия*). Выделение морфологических вариантов слов возможно в том случае, когда у них разные окончания (*георгии* — *георгина*) и разные словообразовательные морфемы, которые, однако, не изменяют лексического значения слова (*близнецы* — *близнята*).

Чтобы глубже исследовать семантику синонимов, их необходимо рассматривать в **контексте**. Синонимы, которые могут показаться вне контекста очень близкими семантически, в употреблении иногда значительно расходятся своей лексической сочетаемостью (ср.: *быстрый* (*взгляд, походка, шаги, решение, движение*) — *скорый* (*поезд, помощь*)).

Многочисленные слова редко совпадают во всех значениях. Гораздо чаще синонимические отношения связывают отдельные значения полисемичных слов. Например, глагол *опустить* в значении 'переместить что-либо в более низкое положение' синонимичен слову *спустить* (ср.: *В кабинете обе шторы были спущены, — я их не опускала сегодня...* (А. Толстой)), но в значении 'поместить во что-либо, внутрь, в глубь чего-либо' синонимизируется со словом *погрузить* (ср.: *Я приготовился опустить ложку в дымящуюся кашу* (А. Чаковский) — *Я придвигаюсь к столику, беру ложку*

и *погружают ее в борщ* (Н. Ляшко)). В значении 'сильно наклонить (голову) вперед' слово *опустить* имеет синонимы *потупить*, *поцурить*, *повесить* (ср.: *Нахлобучив шапки как можно глубже, мы шли, опустив головы так, чтобы видеть только то, что было в непосредственной близости под ногами* (В. Арсеньев) — *Литвинов расхаживал по комнате у себя в гостинице, задумчиво потупив голову* (И. Тургенев) — *Дыма мрачно поцурил голову и шагал, согнувшись под своим узлом* (В. Короленко) — *Ходил он степенно, мертвым шагом, повеся голову и нахмурил брови* (А. Островский)). В значении 'перевести, устремить вниз (глаза, взгляд)' глагол *опустить* синонимичен только слову *потупить* (*Юноша смущенно опускает свои глаза* (М. Горький) — *Рудин остановился и потупил глаза с улыбкой невольного смущения* (И. Тургенев)).

Смысловые и стилистические отличия позволяют дифференцировать синонимы:

1) **семантические**, т.е. различающиеся оттенками значений (*молодость — юность; красный — багровый — алый*);

2) **стилистические**, имеющие одинаковое значение, но разную стилистическую окраску. К ним относятся:

а) синонимы, принадлежащие к различным функциональным стилям речи (ср.: *жить* (межст.) — *проживать* (офиц.-дел.); *новобрачные* (офиц.) — *молодые* (разг.));

б) синонимы, принадлежащие к одному и тому же функциональному стилю, но имеющие различные эмоциональные и экспрессивные оттенки (ср.: (разг.) *толковый* (с положительной окраской) — *башковитый*, *головастый* (с оттенком грубовато-фамльярным); *сказанул* — *лянул* — *брякнул* — *отколол* — *отмочил* — *выдал*).

Внутристилевая синонимика, особенно развитая в разговорной речи, значительно богаче и ярче, чем межстилевая:

3) **семанτικο-стилистические**, которые отличаются и по смыслу, и по своей стилистической окраске. Ср., например:

И я пойду, пойду опять,
Пойду **бродить** в густых лесах,
Степной дорожкой **блуждать**...
(Я. Полонский);

Сперва ругались.
«Шатается без дела!»
(В. Маяковский);

И страна березового ситца
Не заманит **шляться** босиком.
(С. Есенин)

Все эти синонимы имеют общее значение 'ходить без определенной цели', но отличаются семантическими оттенками: слово *блуждать* имеет дополнительное значение 'плутать, терять дорогу'; в слове *шататься* есть оттенок 'ходить без всякого дела'; глагол *шляться* подчеркивает неповиновение, непослушание. Кроме того, приведенные синонимы отличаются и стилистической окраской: *бродить* — стилистически нейтральное слово,

блуждать имеет более книжную окраску, *шататься* и *шляться* — просторечные, причем последнее грубое.

Важнейшая стилистическая функция синонимов — быть средством наиболее точного выражения мысли. Окружающие явления и предметы, их свойства, качества, действия, состояния познаются нами со всеми их особенностями, и понятие называется словом, наиболее подходящим для выражения нужного значения. Так возникают **ряды синонимов**, позволяющих с предельной точностью детализировать описание явлений действительности.

Работая над лексикой своих произведений, писатели выбирают из множества близких семантически слов то, которое наиболее верно передает нужный оттенок смысла: работа с синонимами отражает творческую позицию писателя, его отношение к изображаемому. Изучить варианты стилистической правки художественных текстов можно по авторским черновикам и разным редакциям.

Интересны синонимические замены М. Ю. Лермонтова в романе «Герои нашего времени». Например, в повести «Княжна Мери»: *Я стоял сзади одной толстой [пышной] дамы, осененной розовыми перьями* — употребив определенное *толстая* вместо *пышная*, писатель подчеркнул свое презрительно-проничное отношение к представительнице «водяного общества». В другом случае семантические оттенки, различающие синонимы *упорный* — *упрямый*, указывают на предпочтительность первого:

Одно мне всегда было странно: я никогда не делался рабом любимой женщины, напротив: я всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть... <...> или мне просто не удавалось встретить женщину с **упорным** [упрямым] характером?

В повести «Максим Максимыч» при описании портрета Печорина сделана такая синонимическая замена: *Его запачканные [грязные] перчатки казались нарочно шитыми по его маленькой аристократической руке* — слово *грязные* Лермонтов посчитал неуместным в контексте.

А. С. Пушкин, описывая впечатление Андрея Гавриловича Дубровского от встречи с враждебно настроенным к нему Троекуровым, вначале употребил такие слова: *заметил злобную улыбку своего врага*; но потом одно из них заменил синонимом: *заметил злобную улыбку на лице своего противника*. Исправление сделало высказывание более точным.

Всё это случаи *косвенного* использования синонимов, потому что в итоговом тексте синонимы как таковые отсутствуют. Мы видим стилистически обработанный материал, где слова употреблены в точном соответствии с их значением и эмоционально-экспрессивной окраской, но за каждым словом можно подразумевать синонимический ряд слов-конкурентов, из которых автор выбирал наиболее подходящие. Только изучение рукописей вводит нас в творческую лабораторию писателя, позволяет проследить, как шел отбор лексики.

Различные стилистические функции в речи получают синонимы при **открытом** их использовании, т.е. при употреблении в тексте нескольких синонимов одновременно.

Так, синонимы могут выполнять в речи функцию уточнения. Употребление дополняющих друг друга синонимов позволяет более полно выразить мысль: *Он словно потерялся немного, словно сбобел* (И. Тургенев). Один из синонимов в этом случае может сопровождаться словами, подчеркивающими значение: *Так вышло, что необщительный, даже нелюдимый художник оказался у Невредимовых* (С. Сергеев-Ценский).

Синонимы используются и в функции разъяснения, например: *Я употребляю его [слово обиденный] в том смысле, в котором оно значит: обыкновенный, тривиальный, привычный* (И. Тургенев). При употреблении специальной лексики, иноязычных слов, архаизмов, которые могут быть непонятны читателю, писатели нередко поясняют их синонимами: *Началась анархия, то есть безначалие* (М. Салтыков-Щедрин). Как правило, синонимами поясняются узкоспециальные термины в научно-популярной литературе: *Эти случайные, или, как говорят, пекулярные, скорости измеряются в диске немногими десятками километров в секунду*.

Синонимы могут быть использованы для сопоставления обозначаемых понятий; в этом случае автор обращает внимание на различия в их семантике: *Врача пригласить, а фельдшера позвать* (А. Чехов).

В особых случаях синонимы выполняют функцию противопоставления: *Он, собственно, не шел, а влчилея, не поднимая ног от земли* (И. Курин).

Важнейшая стилистическая функция синонимов — функция замещения, когда необходимо избежать повторения слов: *Орловский мужик живет в дрянных осиновых избенках. <...> Калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах* (И. Тургенев).

Разнообразить речь помогают и близкие по значению слова, не принадлежащие к синонимам: *Лорд Байрон был того же мненья; / Жуковский то же говорил* (А. Пушкин). Необходимость избегать повторения слов особенно часто возникает при передаче диалога. Для обозначения факта речи употребляются различные глаголы:

Душевно рад, — начал он. <...> — Надеюсь, любезнейший Евгений Васильич, что вы не соскучитесь у нас, — продолжал Николай Петрович. <...> — Так как же, Аркадий, — заговорил опять Николай Петрович. <...> — Сейчас, сейчас, — подхватил отец (И. Тургенев).

Подбирая новые слова для обозначения близких понятий, писатели не механически заменяют одно слово другим, а учитывают их разнообразные смысловые и экспрессивные оттенки.

Открытое использование синонимов предоставляет художникам слова большие стилистические возможности. В эмоциональной речи называние синонимов служит усилению признака, действия. Сошлемся на примеры из произведений А. П. Чехова:

Эта некрасивая, уродливая женщина имеет свою, в высшей степени интересную повесть (*Кривое зеркало*); Через двести-триста лет жизнь на Земле будет невообразимо прекрасной, изумительной (*Вишневый сад*).

Синонимы, последовательно выстроенные в ряд с целью усиления или ослабления признака, качества, свойства лица или предмета, создают **градацию**. Этот прием Чехов использует в рассказе «Темной ночью»: *Путеец подскакивает к нему и, подняв вверх кулаки, готов растерзать, уничтожить, раздавить*. Для усиления того или иного слова писатель может рядом с ним употребить и фразеологический синоним: у Чехова, например, интересны такие фразы:

Мы либералы, — писал он. — **Смейтесь** над этим термином! **Скальте зубы!** (*Ревнитель*); **Ступай** туда, откедова пришел! **Вороти оглобли!** (*Дурак*).

Попробуйте исключить из этих реплик синонимы-фразеологизмы! Без них речь становится беднее, теряет живость, динамичность.

Для создания градации можно использовать не только синонимы, но и слова, связанные общностью значений, не входящей до синонимии. См., например:

Настанет день — печальный, говорят!
Отцарствуют, отплачут, отгорят, —
Остужены чужими пятаками —
Мои глаза, подвижные как пламя.
И — двойника нащупавший двойник —
Сквозь легкое лицо проступит лик.

(М. Цветаева)

Анализируя разнообразные стилистические функции синонимов, следует помнить, что благодаря устойчивым связям в пределах синонимии, отражающим системные отношения в лексике, каждое слово, имеющее синоним, воспринимается в речи в сопоставлении с другими словами синонимического ряда. Экспрессивно окрашенные слова как бы проецируются на их стилистически нейтральные синонимы. Например, встречая в романе «Отцы и дети» И. С. Тургенева разговорные слова в речи Базарова, читатель мысленно сопоставляет их со стилистически нейтральными, отмечая демократический стиль речи героя. Так, крестьянскому мальчику Базаров объясняет: *...если ты занеможеешь и мне тебя лечить придется...* (а не *заболеешь*); или: *А я завтра к **батьке** уезжаю* (а не *к отцу*).

У Ф. М. Достоевского лексика «предельного значения» производит на читателя сильное впечатление благодаря возможности скрытого сопоставления эмоционально-экспрессивных слов с ослабленными и стилистически нейтральными синонимами:

В ужасе смотрел Раскольников на прыгавший в петле крюк запора; **Вдруг в бешенстве** она [Катерина Ивановна] схватила его [Мармеладова] за волосы и потащила в комнату; <...> плюнул и убежал **в остервенении** на самого себя.

Выбор синонимов в художественной речи зависит от особенностей стиля писателя. Синонимия создает широкие возможности отбора лексических средств, но поиски точного слова стоят автору большого труда. Иногда нелегко определить, чем именно различаются синонимы, какие они выра-

жают смысловые или эмоционально-экспрессивные оттенки; и уж совсем не просто из множества слов выбрать единственно верное, необходимое.

Обилие синонимов в русском языке требует особенно внимательного отношения к слову не только от писателя. Не владея синонимическими богатствами родного языка, человек не может сделать свою речь выразительной, точной. Бедность словаря приводит к частому повторению слов, к тавтологии, к употреблению слов без учета оттенков их значения. Однако для автора и редактора важно не столько то, что объединяет синонимы, сколько то, что их разъединяет, что позволяет отличать друг от друга соответственные речевые средства, ведь из многих близких по значению слов необходимо выбрать единственное, которое в данном контексте будет лучшим.

Причиной стилистических погрешностей слога очень часто становится неудачный или неточный выбор синонима. Например, пишут: *Теперь в нашей печати отводится значительное пространство для рекламы, и это нам не импонирует*. Одно из значений слова *пространство* по смыслу как будто подходит ('место, где что-то помещается'), но в данном случае все же лучше употребить его синоним — *место* (ср.: *Реклама занимает много места в нашей печати...*). Такой выбор синонима подсказывает лексическая сочетаемость слов (*свободное пространство, безвоздушное пространство — много места, мало места*). Иноязычное слово *импонирует* тоже требует синонимической замены (*...и нам это не нравится*).

Рассмотрим примеры стилистической правки текстов, в которых неправильный выбор синонимов привел к неточности словоупотребления:

1. Всё вокруг *налилось* поразительной тишиной.

1. Всё вокруг *наполнилось* поразительной тишиной.

2. Последователем этого философского учения был *знаменитый* религиозный философ Фома Аквинский.

2. Последователем этого философского учения был *известный* религиозный философ Фома Аквинский.

3. Имя драматурга *знакомо* во многих странах.

3. Имя драматурга *известно* во многих странах.

4. Теннис *культивируется* в нашем городе с 1949 года.

4. Теннис *развивается* в нашем городе с 1949 года.

Нередко в результате неточного выбора синонима нарушается лексическая сочетаемость; например: *Старый моряк вышел на прогулку в своем нарядном кителе* — о *кителе* лучше сказать *парадный*, тем более если важно обратить внимание на нарядный вид моряка.

Причиной лексических ошибок в рассмотренных выше предложениях являются не синонимы как таковые, а неумение использовать выразительные возможности языковой синонимии. Однако довольно часто приходится наблюдать и неправильное употребление синонимов в тексте. Например, если говорящий затрудняется дать точное определение того или иного понятия, может возникнуть неоправданное **наизывание синонимов**, которые выражают мысль приблизительно, порождая речевую избыточность:

Во время сессии трудно приходится тем студентам, у которых много **пропусков и прогулов, пробелов и недоработок**; Нарушение правил пользования газом приводит к **беде, к несчастью, к драматическим последствиям и трагическим случаям**.

Такое употребление синонимов свидетельствует о беспомощности в обращении со словом, о неумении точно выразить мысль, а ведь за многословными предложениями кроются вовсе не сложные истины:

Во время сессии трудно приходится студентам, которые пропускали занятия и не освоили тех или иных разделов программы; Нарушение правил пользования газом приводит к несчастным случаям.

Стилистическая правка предложений, в которых неоправданное употребление синонимов создает плеоназмы, чаще всего сводится к устранению речевой избыточности. Например, следует исключить выделенный синоним в предложении: *Это обеспечило ритмичную и бесперебойную работу предприятия*.

Напизывание синонимов может привести к ошибкам в построении градации, что нередко наблюдается в торопливой, сумбурной речи. Так, А. Ф. Конн, описывая выступление плохого оратора, приводит пример:

Господа присяжные! Положение подсудимого перед совершением им преступления было поистине адское. Его нельзя не назвать трагическим в высшей степени. Драматизм состояния подсудимого был ужасен: оно было невыносимо, оно было чрезвычайно тяжело и, во всяком случае, по меньшей мере неудобно.

Нагромождение синонимов и близких по значению слов, которые в ином случае могли бы усилить экспрессивную окраску речи, при неумелом, беспорядочном их расположении порождает речевую избыточность; уточняющие определения, разрушая градацию, создают нелогичность и комизм высказывания.

При стилистической правке очень часто возникает необходимость синонимической замены слов, которые стали причиной неточного выражения мысли. Например, следует отредактировать предложение: *Около палаток сновали ребята, торопя друг друга, чтобы установить палатки до дождя*. Неудачен выбор глагола **сновать**, подчеркивающий разнонаправленность движения (ср.: *Перед глазами у вас снуют взад и вперед пестрая толпа* (М. Салтыков-Щедрин)). Здесь лучше употребить глагол **суетиться**, который, передавая значение 'торопливо двигаться', вносит и оттенок 'хлопотать, стараться что-то сделать'. Целесообразно также заменить слово **торопя** синонимом **подгоняя**, потому что во втором глаголе больше динамики и он соответствует по своей стилистической окраске разговорному стилю предложения. Синонимическая замена необходима в словосочетании *установить палатки*, так как глагол *установить*, используемый обычно в специальном тексте (ср.: *установить приборы*), не сочетается со словом *палатка*. Предложение можно выправить так: *Ребята, подгоняя друг друга, суетились около палаток, чтобы поставить их, пока не пошел*

дождь. Использование синонимов помогает выразить мысль точно, ясно и стилистически правильно.

2.2.1. Стилистическая маркированность антонимов

Антонимия, отражая существенную сторону системных связей в лексике, охватывает слова, противопоставленные по значению: *правда — ложь, добрый — злой, говорить — молчать*. Существование антонимов в языке обусловлено характером нашего восприятия действительности во всей ее противоречивой сложности, в единстве и борьбе противоположностей. Поэтому контрастные слова, как и обозначаемые ими понятия, тесно связаны между собой. Например, слово *добрый* вызывает в нашем сознании слово *злой*; слово *далеко* напоминает о слове *близко*; слово *ускорить* — о слове *замедлить*. Антонимизируются названия таких явлений и предметов, которые соотносительны, принадлежат к одной и той же категории объективной действительности как взаимоисключающие понятия. Из этого следует, что антонимы не только взаимно отрицают, но в то же время и предполагают друг друга.

Антонимы объединяются в **пары по контрасту**, однако то или иное слово может иметь не один антоним, ведь синонимические отношения позволяют выражать противопоставление понятий и в «незакрытом», многочисленном ряду (ср.: *конкретный — абстрактный — отвлеченный, веселый — грустный — печальный — унылый — скудный — кручинный*). Подобный подход к изучению антонимов заставляет пересмотреть распространенное мнение, согласно которому антонимы образуют замкнутые пары слов.

При изучении антонимических отношений между словами необходимо учитывать, что у многозначных слов в антонимические отношения иногда могут вступать отдельные их значения. Например, слово *день* в значении 'часть суток' имеет антоним *ночь*, а в значении 'сутки, дата' вовсе не имеет антонимов. У разных значений одного и того же слова могут быть разные антонимы. Например, слово *близкий* в значениях 'находящийся на небольшом расстоянии' и 'отдаленный небольшим промежутком времени' имеет антоним *далекий* (*близкое — далекое расстояние; близкие — далекие годы*). В значении 'кровно связанный' прилагательное *близкий* антонимично слову *чужой* (*близкие — чужие люди*), а выступая в значении 'сходный, похожий' оно образует антонимическую пару со словом *различный* (*произведения, близкие по содержанию, но различные по форме*).

Однако многозначное слово может иметь и один антоним, который тоже выступит в нескольких значениях. Например, слово *верхний* в значении 'находящийся сверху, выше прочих' имеет антоним *нижний* в значении 'расположенный внизу' (*верхняя — нижняя ступенька*). Второму значению этого слова — 'близкий к верховью реки' противопоставлено соответствующее значение его антонима — 'расположенный ближе к устью' (*верхнее течение; нижнее течение*). Антонимизируются и специальные значения этих слов: 'относящийся к верхам' (*верхний регистр*) и 'образующий нижний предел диапазона какого-нибудь голоса или инструмента' (*нижний регистр*).

Слова, имеющие широкие границы лексической сочетаемости, образуют множество антонимических сочетаний (*левый — правый (рука, плечо,*

бок, ухо, глаз, крыло, лапа, сторона, часть, половина, берег, фланг, партия, уклон). У слов с узкими границами лексической сочетаемости зона антонимии невелика (*свежий — черствый (батон, булка, хлеб)*).

В современной лингвистической науке явление антонимии рассматривается как особая дополнительная характеристика лексического значения слова. Однако в речи могут противопоставляться любые слова, иногда даже очень близкие по значению. Например, у А. С. Пушкина читаем:

Ученых много — умных мало,
Знакомых тьма — а друга нет!

Подобное сопоставление слов в контексте не делает их антонимами. В речи часто противопоставляются слова, связанные в сознании говорящих ассоциацией по смежности понятий (*родители и дети; брат и сестра; луна и солнце; волки и овцы*). Можно противопоставить слова, имеющие словообразовательные связи, сходное звучание (*Литература и литературица; Поза или позиция?* (заголовки статей)). В условиях определенного контекста противопоставляются даже синонимы:

А у Ули глаза были большие, темнокарие, — не глаза, а очи, с длинными ресницами, молочными белками, черными таинственными зрачками... (А. Фадеев).

В подобных случаях иногда говорят о *контекстуальных* антонимах, но этот термин критикуют, так как антонимия предполагает регулярность противопоставления слов с противоположными значениями.

Антонимы используются как яркое выразительное средство в художественной речи. Писатель видит жизнь в контрастах, и это свидетельствует не о противоречивости, а о целостности восприятия им действительности.

Основная стилистическая функция антонимов — быть лексическим средством выражения антитезы. Как стилистический прием антитеза широко распространена в народном поэтическом творчестве, например в пословицах: *Ученье — свет, а неученье — тьма; Мягко стелет, да жестко спать*. Классические примеры использования антитезы дает русская художественная литература:

Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт;
Ты румян как маков цвет,
Я как смерть и тощ и бледен.
(А. Пушкин);

Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
(М. Лермонтов);

Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь...
(А. К. Толстой)

Антитеза бывает **простой** (одночленной): *У сильного всегда бессильный виноват* (Н. Крылов), и **сложной** (многочленной). В сложную антитезу должно быть вовлечено несколько антонимичных пар:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

(М. Лермонтов)

Обращение к антонимам отражает важные особенности мировоззрения и слога писателя. М. Ю. Лермонтов, стремясь к выразительности, афористической отточенности речи, нередко вводил в текст антонимы в процессе авторедактирования, предпочитая контрастные слова нейтральным. См., например:

Что до меня касается, то я убежден только в одном, — сказал доктор [Вернер] <...> что рано или поздно в одно **прекрасное утро** я умру. — Я богаче вас, — сказал я [Печорин]: — у меня, кроме этого, есть еще убеждение, — именно то, что я в один **прегадкий вечер** имел несчастье родиться.

В черновом автографе это противопоставление еще не имело такой остроты; там выпадал один из элементов антитезы — Печорин повторял эпитет Вернера: *в один прекрасный вечер*.

Антонимы способствуют раскрытию противоречивой сущности предметов, явлений:

Ты и **убогая**,
Ты и **обильная**,
Ты и **могучая**,
Ты и **бессильная**,
Матушка-Русь!

(Н. Некрасов);

То **серьезный**, то **потешный**,
Нипочем, что дождь, что снег, —
В бой, вперед, в огонь кромешный
Он идет, **святой** и **грешный**,
Русский чудо-человек.

(А. Твардовский)

Часто обращаются к антитезе публицисты: *Нет на войне промежуточных тонов, бледных красок, все доведено до конца — великое и презренное, черное и белое* (И. Эренбург). Употребление антонимов придает публицистической речи яркую экспрессию. Так, А. Н. Толстой писал в годы Великой Отечественной войны:

Наша земля немало поглотила полчищ наезжавших на нее насильников. На западе **возникали** империи и **гибли**. Из **великих** становились **малыми**, из **богатых** — **нищими**. Наша родина ширилась и крепла, и никакая вражья сила не могла пошатнуть ее.

Противопоставление усиливает эмоциональность речи, поэтому антонимия не случайно лежит в основе многих афоризмов, крылатых фраз: *Чем ночь темней, тем ярче звезды* (А. Майков); *Дома новы, но предрассудки стары* (А. Грибоедов); *Мне грустно, потому что весело тебе* (М. Лермонтов); *То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть* (Н. Некрасов); *Двери настежь у вас, а душа взаперти* (В. Высоцкий); *Силу подлости и злобы одолеет дух добра* (Б. Пастернак).

По принципу антитезы построены многие заглавия художественных произведений («Война и мир» (Л. Толстой); «Дни и ночи», «Живые и мертвые» (К. Симонов)). Особенно часто используется антонимия в заголовках газетных и журнальных статей (*Химия добрая и злая; Доходы и расходы; Мертвая система не слышит живых людей; Ретро и модери рядом; Проводы трагические и веселье; География разная — биографии схожие; Бедность при богатстве; Макси-страсти по мини-футболу*).

Противоположен антитезе прием, состоящий в отрицании контрастных признаков у предмета:

В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод (Н. Гоголь).

Наименование антонимов отрицанием подчеркивает заурядность описываемого лица или явления, отсутствие у него ярких качеств, четко выраженных признаков. Подобное использование антонимов дает возможность указать на такие понятия, которые в языке не имеют точного определения, например:

Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг, а — так...
(В. Высоцкий)

Сильную экспрессию создает употребление одного из членов антонимической пары с отрицанием:

Кем ты станешь — я гадать не буду.
Мир не постарел — помолодел:
На просторах Родины повсюду
Множество больших и малых дел!
(С. Викулов)

Подобное соединение антонимов усиливает, подчеркивает значение одного из них, употребленного без отрицания. Речевая избыточность при этом выполняет избыточную функцию — служит средством актуализации понятия, на которое автор хочет обратить особое внимание: *Жив, а не умер демон во мне* (М. Цветаева); *Не ссориться я пришел, а мириться; Я не враг тебе, а друг*. Писатели используют этот стилистический прием для передачи оттенков разговорной речи с характерной для нее эмфатической интонацией: *Тащи-ка корягу кверху, добрый человек... как тебя? Кверху, а не книзу, дьявол!* (А. Чехов).

Явление антонимии лежит в основе оксюморона (греч. *οξυμῶρον* — 'остроумно-глупое'), яркого стилистического приема образной речи, состоящего в создании нового понятия соединением контрастных по значению слов. Сочетание антонимов в чистом виде в оксюморе встречается редко (ср.: *Начало конца* (заголовок статьи), *Плохой хороший человек* (название кинофильма), *В разгар периода застоя...* (из газетной публикации)). В большинстве случаев слова, имеющие противоположное значение, соединяются как определяемое и определяющее (ср. заголовки газетных

публикаций по схеме «сущ. + прил.»: *Крутые мелочи; Дорогая дешёвизна; Неудобные удобства*); их нельзя считать антонимами в точном значении термина (антонимы должны принадлежать к одной части речи).

Яркие оксюмороны создали русские поэты: *Люблю я пышное природы увяданье* (А. Пушкин); *О как мучительно тобою счастлив я* (А. Пушкин); *Но красоты их безобразной я скоро таинство постиг* (М. Лермонтов); *Убогая роскошь наряда* (Н. Некрасов); *С наглой скромностью смотрит в глаза* (А. Блок); *Смотри, ей весело грустить, такой нарядно обнаженной* (А. Ахматова); *Мама! Ваш сын прекрасно болен!* (В. Маяковский); *Пришла пора всезнающих невежд* (В. Высоцкий).

Оксюморон часто встречается в названиях художественных произведений («Живые мощи» (И. Тургенев), «Оптимистическая трагедия» (В. Вишневский)), в заголовках статей (*Сложная простота; Холода — сезон жаркий; Разбуженная тишина; Громкий шепот анекдота; Неофициальное об официальном; Отступление вперед*).

Стилистические функции антонимов не исчерпываются выражением контекста, противопоставления. Антонимы помогают писателям показать полноту охвата явлений (*Все минуло: и счастье и горе* (Вл. Соловьев); *Перед ним толпа бежала, / Бьель и небьель разглашала* (А. Пушкин)), широту временных границ (*Войска идут и день и ночь; / Им становится невмочь* (А. Пушкин)). Использование антонимов в такой стилистической функции иногда приводит к **понижению антонимических пар**, см., например, в «Записках советского актёра» Н. К. Черкасова:

Палитра красок человеческих характеров не имеет границ. Есть люди добрые и злые, храбрые и трусливые, умные и недалекие, красивые и уроды, здоровые и больные, веселые и угрюмые, старые и молодые, прямые и скрытные, открытые и хитрые...

Некоторые антонимические пары выступают в речи как лексическое единство, приобретая **фразеологический** характер: *и стар и млад; и те и другие; рано или поздно*. Их употребление вносит в художественную речь разговорные интонации:

Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не помрем.
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — всё вернем.
(А. Твардовский)

Сопоставление антонимов может отражать чередование действий, смену явлений, наблюдаемых в жизни:

В 7 часов
человечий прилив,
В 17 часов
— отлив.
(В. Маяковский);

Помиримся.
И посоримся.
И снова ты не уснешь.
Мы сложим
наши бессонницы
в сплошную белую ночь...
(Р. Рождественский);

указывать на быструю смену действий:

Вон вдали блеснула ясная зарница,
Вспыхнула — погасла, не видать во мраке...
(А. Блок)

При столкновении антонимов речь нередко приобретает ироническую окраску; писатели-юмористы часто используют комические антитезы:

Самый отдаленный пункт земного шара к чему-нибудь да близок, а самый близкий от чего-нибудь да отдален; Незрелый ананас для человека справедливого всегда хуже зрелой смородины (афоризмы Козьмы Пруткова).

На антонимах строятся **каламбуры**, например: *Где начало того конца, которым оканчивается начало?* (Козьма Прутков); *Было так поздно, что стало уже рано* (А. Солженицын). Этот литературный прием основан на употреблении многозначных слов, которые выступают как антонимы не во всех значениях (ср.: *Молодая была уже не молода* (Н. Ильф и Е. Петров)).

Особый стилистический прием — использование одного из антонимов, в то время как по смыслу следовало бы употребить другой. См., например: *Отколе, умная, бредешь ты голова?* (И. Крылов). Здесь слово *умная* сказано в насмешку по отношению к Ослу, и читатель понимает, что за этим определением стоит его антоним — *глупая*. Употребление слова в противоположном значении называется **антифразисом**. Часто антифразис встречается в текстах, пронизанных авторской иронией, например в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя:

Итак, два почтенные мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собою! и за что? за вздор, за гусака. <...> Тогда процесс пошел с необыкновенною быстротою, которою обыкновенно так славятся судилища.

Резкий сатирический эффект создает антонимическая замена одного из компонентов в устойчивых словосочетаниях: *Бюро злостных услуг. Долг платежом черен* (заголовки фельетонов). В подобных сочетаниях особенно обращает на себя внимание нелогичность высказывания, поскольку языковая форма фразеологизма диктует употребление противоположного по значению слова.

Изучая стилистическое использование антонимов в художественной речи, следует иметь в виду, что их выразительные возможности реализуются не только при непосредственном противопоставлении, но и в том случае, когда в тексте какой-либо член антонимической пары отсутствует. Благодаря своим устойчивым связям антонимы воспринимаются в речи на фоне их «противочленов». Например, читая описание внешности Пугачева в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина, мы отмечаем особую выразительность слов, имеющих антонимические пары:

Лицо он имеет смуглое, но чистое, глаза острые и взор страховитый; борода и волосы на голове черные; рост его средний или меньше; в плечах хотя и широк, но в поясице очень тонок.

Использование антонимов в речи должно быть стилистически мотивировано. Неуместное употребление антонимов затрудняет восприятие фразы (ср.: *Ответ В. Пушкина был лучшим из худших*).

Следует избегать сочетания взаимоисключающих признаков предмета (*Дорога шла прямая, хотя и извилистая*). Однако писатели могут нарушить это требование с целью речевой характеристики героя. Так, в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Фамусов говорит Скалозубу: *Давно полковники, а служите недавно*.

Антонимические пары должны составляться логично: нельзя противопоставлять несопоставимые понятия. Нелогичность подобного противопоставления обыграна в драме А. П. Чехова «Три сестры», где в диалоге с Ольгой целеное возражение Наташи подчеркивает ее ограниченность:

Ольга. (Вполголоса испуганно.) На вас зеленый пояс! Милая, это не хорошо!

Наташа. Разве есть примета?

Ольга. Нет, просто не идет... и как-то странно...

Наташа (плачущим голосом). Да? Но ведь это не зеленый, а скорее матовый.

Анализируя употребление антонимов в речи, иногда можно столкнуться с ошибками в построении антитезы. См., например: *Эта книга охватывает всё. Она рассказывает о рождении и смерти, о любви и радости, о ненависти, страданиях и горе* — автор нарушил последовательность перечисления, лишив речь стройности. Прием антитезы требует четкости в сопоставлении контрастных понятий: после слова *любовь* следовало поставить его антоним *ненависть*, рядом со словом *радость* — *горе*, упомянув о *страданиях*, нужно было дать антоним к этому слову или исключить выпадающее из антитезы существительное.

Употребление антонимов оправдано, если оно отражает диалектическое единство противоположностей окружающей жизни. Но иногда игра слов, построенная на антонимах, не передает реального противопоставления, не вскрывает внутренних противоречий и воспринимается как своего рода графарет (например, в заголовках газетных статей: *Большие беды малого кино; Большие беды малого флота; Большие беды малого бизнеса* и т.д.).

Стилистической погрешностью слога могут стать и неудачные оксюмороны. Например, в статье под названием «Теплая метель» рассказывается о том, как во время стихийного бедствия люди были окружены вниманием и заботой: автор стремится провести параллель между *теплой заботой* и *метелью*. Как заголовок статьи о добыче угля в Заполярье использован другой оксюморон: *Жаркая мерзлота*. Так как уголь идет на топливо, автор пытается вызвать у читателя ассоциацию между *жаром* и *мерзлотой*. Нелогичность подобных заголовков очевидна.

Еще больший ущерб стилю наносит немотивированный оксюморон, случайно проявляющийся в результате соединения несовместимых понятий, например: *При наличии отсутствия необходимых материалов трудно наладить работу*. Причиной неуместного комизма высказывания иногда становится и невольный каламбур, который может возникнуть в результате не замеченной автором антонимии многозначных слов, что порой при-

дает речи двусмысленное, комическое звучание. Например: *Старый портфель отца был еще новый* — здесь слово *старый* использовано в значении 'существующий с давнего времени', а слово *новый* — в значении 'прочный'. Однако, оказавшись почти рядом, эти прилагательные столкнулись в значениях 'непорченный от употребления' и 'не бывший в употреблении', что сделало фразу абсурдной.

Искажает смысл высказывания и неуместный антифразис, например: *Трудность нашего общения с местным населением состояла в знании языка*. Слово *знание* автор использовал по ошибке, имея в виду как раз противоположное ему — *незнание*. Подобные ассоциативные ошибки порой не просто заметить: *Не разговорчивый, но и не болтливый, он притягивал к себе какой-то внутренней силой* (следовало: *не молчаливый*).

Регулярность антонимических отношений в языке не позволяет свободно изменять состав антонимической пары. В частности, о плохом знании лексики свидетельствуют ошибки в построении антонимической пары: *Молодые люди живут активно, они не соглядатаи жизни, а ее участники*. Слово *соглядатаи* означает 'человек, тайно наблюдающий за кем-то', оно не связано со словом *участник* антонимическими отношениями; следовало написать: *праздный наблюдатель, созерцатель*.

Регулярность антонимических отношений делает невозможным употребление слов вне противопоставления, и столкновение антонимов в речи становится причиной комизма, порождает каламбуры: *Щель — узкое место, широко встречающееся в строительстве*.

Рассмотрим примеры стилистической правки текстов, в которых антонимы употреблены неудачно:

Неотредактированный текст

1. Лично я в этом ничего плохого, кроме хорошего, не вижу.
2. В силу слабой разработки этого метода оценка его преждевременна.

Отредактированный текст

1. Я в этом ничего плохого не вижу.
Или: Я думаю, что это не плохо, а, наоборот, хорошо.
2. Из-за слабой разработки этого метода оценка его преждевременна.

Для стилистической правки первого предложения пришлось отказаться от одного из антонимов, ставших причиной абсурдности высказывания, исключить плеоназм (*лично я*). Во втором предложении возник немотивированный оксюморон: первое из слов антонимической пары, выступая в функции предлога, в тексте не должно было сохранять первоначальное лексическое значение, но из-за близкого соседства его антонима это значение проявилось, соединение несовместимых понятий стало причиной нелогичности высказывания. При редактировании предложения в нем исключили стилистически не оправданный оксюморон и устранили канцелярскую окраску речи.

2.3. Стилистическое использование в речи многозначных слов и омонимов

2.3.1. Стилистическая маркированность многозначных слов

Полисемия (от греч. *poly* — 'много' и *sema* — 'знак') означает способность слова иметь одновременно несколько значений. Явление полисемии,

или многозначности, относится к числу важнейших проблем семасиологии и постоянно находится в центре внимания лингвистов.

Определение понятия

Современная лексикология видит в многозначности слов их способность к **семантическому варьированию**, т.е. изменению значения в зависимости от контекста. Например, слово *взять* имеет до 50 значений, но вне контекста мы их не воспринимаем. Вне связи с другими словами глагол *взять* воспринимается лишь с одним, основным значением – *схватить*. Употребление этого слова в речи раскрывает все богатство его значений. Например, у А. С. Пушкина слово *взять* встречается в таких значениях:

- 1) 'захватить рукой, принять в руку': *И каждый взял свой пистолет;*
- 2) 'получить что-нибудь в свое пользование': *В награду любого возьмешь ты коня;*
- 3) 'отправляясь куда-нибудь, захватить с собой': *С собой возьмите дочь мою;*
- 4) 'изымать, извлечь из чего-нибудь': *надписи, взятые из Корана;*
- 5) 'овладеть чем-нибудь, захватить что-нибудь': *«Все возьму», – сказал булант;*
- 6) 'арестовать': *Шебрид Очень рад! Гусары! Возьмите его!*
- 7) 'принимать на службу, на работу': *Хоть умного себе возьми секретаря* и т.д.

Изучение полисемии, с одной стороны, позволяет выделить в многозначных словах **основные (первичные) значения**, которые характеризуются наибольшей частотностью и минимальной зависимостью от контекста, и **неосновные (вторичные)**, менее частотные и всегда обусловленные контекстом. С другой стороны, полисемия реализуется в появлении у многозначных слов, наряду с их основным, **прямым значением, переносных, образных, значений**. Переносные значения всегда вторичны, однако «далеко не всякое неосновное значение можно квалифицировать как переносное, ибо не любое из них основывается на ассоциации сходства, создающей эффект образности»¹.

Разные значения образуют сложное семантическое единство, которое лингвисты называют **семантической структурой слова**. Развитие в слове переносных значений, как правило, связано с уюодоблением одного явления другому; при этом названия переносятся на основе внешнего сходства объектов (их формы, цвета и т.д.), на основе производимого ими впечатления или по характеру их движения. В таких случаях источником полисемии могут быть **метафоры, метонимии, синекдохи**.

Закрепившиеся в языке переносные значения слов нередко утрачивают образность (*усики винограда, бой часов, колено трубы, спишка стула*). Однако они могут и сохранить метафорический характер, экспрессивную окраску (*вихрь событий, буря страстей, искра чувства, тень улыбки, голос разума, лететь навстречу, светлый ум, железная воля*).

Общеязыковые метафоры представляют собой разновидности значений слова, фиксируемые толковыми словарями. См., например, значение слова в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова:

Вихрь м. 1. Прерывистое круговое движение ветра. *Снежный вихрь. С быстротою вихря.* 2. *Перен.* Стремительное движение, течение событий, круговорот жизни (книжн.).

¹ Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1982. С. 104, 110.

От общеязыковых следует отличать **индивидуально-авторские метафоры**, значение которых рождается в художественном контексте и не становится достоянием языка. Ср.: *серп луны, свод небес* — общеязыковые метафоры; *Небо — как колокол. / Месяц — язык* — самобытный художественный образ С. А. Есенина. Индивидуально-авторские переносы значений наиболее заметны и эмоционально выразительны; см., например, в стихотворениях Арсения Тарковского:

Если правду сказать,
я по крови — домашний сверчок,
Заповедную песню
пою над печною золой...

(Сверчок);

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру...

(Меркнет зрение — сила моя...);

В дом вошел я, как в зеркало, жил наизнанку,
Будто сам городил колченогий забор...

(Дом)

Особым видом метафоры является **символ**. С одной стороны, метафора и символ — явления одного порядка, разновидность не прямой референции. С другой стороны, это разнофункциональные явления: в метафоре связь между первичным и вторичным значением достаточно очевидна, прозрачна, может быть четко эксплицирована, а в символе — скрыта, разорвана, имплицирована, иногда вообще утрачена и может быть восстановлена лишь посредством фоновых, экстралингвистических знаний.

Символ представляет собой двучлен — *символизируемое* и *символизирующее*, в идеале связанные между собой как в сознании говорящего (*адресанта*), так и в сознании воспринимающего (*адресата*). Процесс символизации осуществляется путем вторичной номинации посредством трансформации первичного значения слова.

Символ является закодированным носителем информации. Для воспринимающего субъекта (адресата) немаловажным становится его декодирование в макроконтексте, с одной стороны, и в тезаурусе личности — с другой. Поле формирования значения символа может быть *минимальным*, если и объект, и средство символизации эксплицированы в микроконтексте, и *максимальным*, если объект символизации имплицирован.

Прямые и опосредованные связи символа в авторском контексте, в контексте эпохи (эпох) предполагают, что символическое значение складывается посредством *близких* и *дальних* «смысловых бликов» образа, выражающих инвариант смысла.

Различают **узуальные** и **окказиональные** символы.

Узуальные (языковые, архетипические, зафиксированные в энциклопедических источниках) символы — это *игла, огонь, змея, крест, меч, свет, око, сердце, вода, дым, хлеб* и пр. См., например, в стихах Максимилиана Волошина:

Огонь есть жизнь.
И в каждой точке мира
Дыхание, биенье и горенье.
Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье —
Творящий ритм мятежного огня.

(*Мятеж*);

Не сеятель сберет колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.

(*Народу русскому...*);

Змеиные, непрожитые сны.
Волнуют нас тоской глухой тревоги.
Словами змия: «Станете, как боги!»
Сердца людей извечно прожжены.

(*Lunaria*, сонет 8)

Окказиональные — это собственно авторские символы, приобретающие свою символическую ауру в контексте творчества поэта или писателя. Кроме того, узуальные символы в контексте произведений могут быть в той или иной степени трансформированы согласно содержательной и смысловой целеустановке, определенной автором. См., например, *кузнечик* как безмятежный певец свободы в поэзии Арсения Тарковского:

Не то он лугового бога
На языке зеленом просит:
— Дай мне пожить еще немного,
Пока травы коса не косит!

Изучение многозначности лексики исключительно важно для стилистики. Наличие различных значений у одного и того же слова объясняет особенности употребления его в речи, влияет на стилистическую окраску. Так, различные значения слова могут разойтись стилистически. Например, слово *дать*, стилистически нейтральное в сочетаниях *дать книгу*, *дать работу*, *дать совет*, *дать концерт* и т.п., приобретает разговорную окраску в восклицаниях, призывающих к осуществлению чего-нибудь или содержащих угрозу:

Мишка, открыв клавикорды, играл на них одним пальцем. <...> — Тетенька, я полегоньку, — сказал мальчик. — Я те дам полегоньку. Постреленок! — крикнула Мавра Кузьминична, замахиваясь на него рукой (Л. Толстой).

Со значением 'ударить' глагол *дать* используется в просторечии: *Смотрю <...> этот самый Мишка [олень] стоит возле меня, голову нагнул, глаза кровью налились, и собирается дать мне* (М. Пришвин), а также в выражениях, имеющих профессиональную окраску: *Дав лошадям шпоры, полковник с есаулом понеслись галопом к площади* (Н. Островский).

Полисемичное слово может иметь разную лексическую сочетаемость. Например, слово *низкий* в своем основном значении — 'малый по высоте;

находящийся на небольшой высоте от земли, от какого-нибудь уровня' — имеет широкие границы лексической сочетаемости (*низкий человек, рост, гора, берег, дерево, лес, дом, забор, столб, стол, шкаф, каблук*). Однако выступая в значениях 'плохой' или 'подлый, бесчеловечный', оно сочетается далеко не со всеми словами, к которым подходит по смыслу (например, нельзя сказать *низкое здоровье, низкие знания, низкий ответ* или *низкий студент*).

В составе многозначных слов выделяются и такие, у которых развиваются противоположные, взаимоисключающие значения. Например, глагол *отходить* может означать 'приходить в обычное состояние, чувствовать себя лучше', но это же слово может означать 'умирать' (*отойти в вечность*). Развитие противоположных значений у одного слова называется **внутрисловной антонимией** (антонимией значений), или **энантнотемией**.

Многозначные слова наиболее употребительны, имеют достаточно обобщенные значения. Однозначные слова отличаются либо предельной конкретностью семантики (как имена собственные), либо узкопредметным значением (*бинокль, битт*). Со временем однозначное слово может проявить заложенную в нем способность к полисемии.

Научная дискуссия

Оценка полисемии вызывает у лингвистов противоречивые мнения. Некоторые ученые считают, что в «видельном» языке слово должно иметь лишь одно значение, причем для каждого значения должно быть особое наименование¹. Однако это может показаться удобным только на первый взгляд, ведь на самом деле такая «однозначность» слов уменьшила бы возможности языка, лишила бы его национального своеобразия. Большинство ученых справедливо видят в многозначности слов проявление силы, а не слабости языка. Как утверждают некоторые лингвисты, в русском языке около 80% всех слов имеют не одно, а несколько значений. Подсчитать их нет никакой возможности, и не потому, что у некоторых слов этих значений слишком много (иногда до 40), а потому, что язык постоянно пополняется новыми лексическими значениями, они даже не успевают фиксироваться словарями.

Многозначность свидетельствует о неограниченных возможностях языка, так как богатство его словарного состава заключается не только в количестве слов, но и в разнообразии их значений, в способности лексем получать все новые и новые семантические оттенки. Развитие у слов новых значений дает простор для творческого использования лексических запасов языка.

Омонимия (от греч. *homos* — 'одинаковый' и *onyma* — 'имя'), т.е. совпадение в звучании и написании слов, различных по значению, внешне напоминает многозначность. Однако употребление слова в разных значениях не дает основания говорить о появлении каждый раз новых слов, в то время как при омонимии сталкиваются совершенно различные слова, совпадающие в звучании и написании, но не имеющие ничего общего в семантике.

¹ Эта точка зрения получила отражение в коллективной монографии: Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). Кн. 1 : Лексика современного русского литературного языка / под ред. М. В. Панова. М., 1968.

См., например, *брак* в значении 'супружество' и *брак* — 'испорченная продукция'. Первое слово образовано от глагола *брати* с помощью суффикса *-к* (ср.: *братъ замуж*), омонимичное ему имя существительное *брак* заимствовано в конце XVII в. из немецкого языка (нем. *Brack* — 'недостаток' восходит к глаголу *brechen* — 'ломать').

У многозначных слов различные значения не изолированы одно от другого, а связаны, системны, тогда как омонимия находится за пределами системных связей слов в языке. Правда, бывают случаи, когда омонимия развивается из многозначности, но и тогда расхождение в значениях достигает такого предела, что возникшие в результате этого слова утрачивают какое бы то ни было смысловое сходство и выступают уже как самостоятельные лексические единицы. Ср., например, слово *свет* в значении 'восток солнца, рассвет' (*Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног* (А. Грибоедов)) и в значении 'земля, мир, вселенная' (*Хотел объехать целый свет. / И не объехал сотой доли* (А. Грибоедов)).

Определение понятия

Разграничение омонимии и многозначности отражено в толковых словарях: различные значения многозначных слов приводятся в одной словарной статье, а омонимы — в разных. Для изучения явления омонимии можно воспользоваться специальными словарями. Интересен «Словарь омонимов русского языка» О. С. Ахмаповой (первое издание его вышло в 1974 г.), в нем русские омонимы переведены на английский, французский, немецкий языки и снабжены грамматическими и стилистическими пометами. Широкому кругу читателей адресован «Словарь омонимии в русского языка» Н. П. Колесникова (Тбилиси, 1978).

Вместе с омонимией обычно рассматриваются омофония и омография — смежные с ней явления, относящиеся к звуковой и графической сторонам речи. Слова, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному (*луг* — *лук*), называются **омофонами** (от греч. *homos* — 'одинаковый' и *phone* — 'голос, звук'). Слова, которые совпадают только на письме, но отличаются произношением, называются **омографами** (от греч. *homos* — 'одинаковый' и *grapho* — 'пишу'). Омографы обычно имеют ударение на разных слогах (*кружкѣ* — *кру́жки*, *попада́ют* — *попа́дают*, *сбро́к* — *соро́к* и т.п.). В современном русском языке больше тысячи пар омографов, некоторые из них имеют различную стилистическую окраску (ср.: *добы́ча* (общеупотр.) — *дóбыча* (проф.)).

К явлению омофонии близки случаи, когда при произнесении совпадают, с одной стороны, слова, а с другой — части слов или несколько слов (*Не вы, но Сима страдала невыносимо, водой Невы носима*).

В языке можно найти немало одинаково звучащих и совпадающих в написании речевых единиц. Однако реальными лексическими омонимами являются лишь слова одной и той же сферы употребления. Такие слова, как, например, *лев* — животное и *лев* — болгарская денежная единица, *бар* — ресторан и *бар* — единица атмосферного давления, встречаются рядом почти исключительно в словарях, поэтому как омонимы в значительной степени потенциальны.

2.3.2. Стилистическая маркированность омонимов

Многозначность лексики — неисчерпаемый источник обновления значений слов, необычного, неожиданного их переосмысления. Под пером художника в каждом слове, как писал Н. В. Гоголь, характеризуя язык А. С. Пушкина, обнаруживается «бездна пространства: каждое слово необъятно, как поэт»¹. Если же принять во внимание, что многозначные слова составляют большую часть словарного состава русского языка, то без преувеличения можно сказать, что способность слов к многозначности порождает всю образную энергию речи.

Остановимся на использовании многозначных слов как средства экспрессии в их **прямых** значениях. Ограничив таким образом изучение стилистических функций многозначных слов, мы можем одновременно говорить и об омонимах, так как употребление многозначных слов и омонимов в художественной речи, несмотря на принципиальное различие многозначности и омонимии, часто дает одинаковый стилистический результат.

Если слово имеет несколько значений, выразительные возможности его увеличиваются. Писатели и публицисты находят в многозначности источник яркой эмоциональности, даже не прибегая к метафоризации. Например, в тексте может быть неоднократно употреблено многозначное слово, которое, однако, выступает в различных значениях (*Поэт — издавелека заводит речь. / Поэта — далеко заводит речь* (М. Цветаева); *Из зоны радиации в зону бюрократии* (заголовок очерка В. Миролевича)).

Словесная игра, основанная на столкновении в тексте различных значений многозначных слов, может придать речи форму парадокса (греч. *paradoxos* — 'странный, неожиданный'), т.е. высказывания, смысл которого расходится с общепринятым, противоречит (иногда только внешне) здравому смыслу (*Единица — вздор. / единица — поль* (В. Маяковский)).

Наряду с многозначными словами в словесную игру часто вовлекаются омонимы. При омонимии между словами устанавливается лишь звуковое тождество, а смысловые ассоциации отсутствуют, поэтому столкновение омонимов всегда неожиданно, что создает большие стилистические возможности для их обыгрывания. Кроме того, употребление омонимов в одной фразе, подчеркивая значения созвучных слов, придает речи экспрессию (*Миру нужен мир!* (лозунг); *Каков ни есть, а хочет есть* (погов.); *Фунт сахара и фунт стерлингов* (заголовок статьи)).

Как средство своеобразной звуковой игры используются **омонимические рифмы**. Их мастерски применял В. Я. Брюсов:

Ты белых лебедей кормила,
Откинув тяжесть черных кос...
Я рядом плыл; сошлись кормила;
Закатный луч был странно кос.
...Вдруг лебедей метнулась пара...
Не знаю, чья была вина...
Закат замлел за дымкой пара,
Алея, как поток вина...

¹ Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 6 т. М., 1950. Т. 6. С. 38.

На многозначных словах и омонимах строятся шутки, каламбуры, например:

Дети — цветы жизни. Не давайте им, однако, распускаться; Женщины подобны диссертациям: они нуждаются в защите (Э. Кроткий); Требуется человек, хорошо владеющий языком, для наклеивания марок; Два одиноких фотографа срочно снимают ванную комнату (из «Литературной газеты»).

В каламбурах совмещаются прямое и переносное значения слова, в результате чего происходит неожиданный смысловой сдвиг. Мысль, выраженная в каламбурной форме, выглядит ярче, острее: писатель обращает внимание на обыгрываемое слово.

Каламбуры нередко строятся на основе различных звуковых совпадений. Это могут быть собственно омонимы (*Трамвай представлял собой поле брани* (Э. Кроткий)), омоформы (*Может быть / — старая — / и не нуждалась в няньке, / может быть, и мысль ей моя казалась пошла, / только / лошадь / рванулась, / встала на ноги, / ржанула / и пошла* (В. Маяковский)), омофоны («*Искра*» *играет с искрой* (заголовок спортивного обозрения)), наконец, совпадение в звучании слова и нескольких слов (*Над ним одними все нимбы, нимбы. / Побольше терниева над ним бы* (К. Симонов)).

Каламбуры могут быть использованы писателями как средство осмеяния персонажей, которые не обращают внимания в речи на столкновения разных значений многозначных слов (*На половине покойника сидеть не разрешается* (М. Булгаков)). На каламбуре построены прописные ответы на письма читателей в «Литературной газете» (*У вас такой странный юмор, что без подсказки я не пойму, в каких местах надо смеяться. — Только в специально отведенных*), шутки, помещаемые на 16-й странице (*Он совершил такое, что перед ним бледнели его коллеги; Нет такой избитой темы, которую нельзя было бы ударить еще раз; Как жаль, что способность делиться осталась лишь преимуществом простейших*).

Не следует забывать о возможности двупланового осмысления многозначных слов и слов, имеющих омонимы, хотя контекст обычно уточняет их значение. Нельзя допускать близкого соседства полнсемичных слов, так как их столкновение порождает неуместный комизм (*Водопроводная система часто выходит из строя, а у ремонтников нет никакой системы; Повышенный расход электроэнергии связан со значительными расходами*). Еще хуже, если при употреблении многозначного слова возникает двусмысленность высказывания. См., например: *Люди увидели в нем доброго руководителя* — слово *добрый* может иметь и значение 'хороший', и значение 'делающий добро другим, отзывчивый'. Двусмысленно и такое предложение: *В кустах Можайского района прошли профсоюзные собрания*. Используя слово *куст*, автор имел в виду, конечно, групповое объединение предприятий, однако получился каламбур.

М. Горький, редактируя рукописи начинающих авторов, обращал особое внимание на неудачное использование многозначных слов. Например, о предложении «Дробью рассыпался пулемет» он прописчески заметил: «Простодушный читатель может задуматься как же это — стреляет пулями,

а рассыпается дробью?»¹ Каламбур здесь возникает оттого, что многозначное слово, употребленное в переносном значении, воспринимается читателем в основном, прямом значении, которое проявляется под действием контекста. От подобных промахов не застрахованы и современные авторы.

Рассмотрим примеры стилистической правки предложений, в которых из-за неудачного употребления многозначного слова или слова, имеющего омоним, возникли каламбуры:

Неотредактированный текст	Отредактированный текст
1. Наше предприятие представляло научно-техническую выставку за рубежом.	1. Недавно наше предприятие организовало научно-техническую выставку за рубежом.
2. У нас в питомнике много собак, мы в основном питаемся за счет клубного собаководства.	2. У нас в питомнике много собак, а пополнение мы получаем в основном из клуба собаководства.
3. Археологи заметили, что покойники из северного захоронения переключаются с покойниками из южного захоронения.	3. Археологи заметили много общего в северном и южном захоронениях.

В первом примере при редактировании устранена неясность высказывания путем лексической замены многозначного слова; во втором и третьем примерах понадобилось переделать предложения, чтобы избежать нежелательного каламбура.

При употреблении многозначных слов и слов, имеющих омонимы, речевая недостаточность нередко вызывает неясность высказывания. См., например: *Наша шахматистка отстала от соперницы в развитии*. Неуместный каламбур возник вследствие речевой недостаточности и употребления многозначного слова: следовало уточнить термин шахматной игры — *развитие фигур*. Вот еще примеры из заголовков статей: *Освобожден за беспринципность* (надо было уточнить: *...от занимаемой должности*), *Работать без жалоб*; *Виноват брак*. Подобные ошибки встречаются и в рекламных материалах: *Самый надежный способ размножения* (реклама копировальной техники).

Невнимательное отношение к слову нередко встречается в разговорной речи: так, у кассы магазина можно услышать: *Выбейте мне мозги*; в поликлинике: *Снимите череп и запишитесь к хирургу* и т.п. Случайные каламбуры могут возникнуть в результате индивидуально-авторской омонимии: *Летом количество пассажиров на электропоездах увеличится из-за огородников и садистов* (последнее слово как окказионализм образовано от существительного *сад*, но в языке известен его омоним с криминальным значением); *Внимание домовладельцев загаженных домов: проверка будет 16 мая* (имеются в виду *дома*, *подключенные к газопроводу*).

Подобного рода каламбурами, создающими абсурдность высказывания, обычно отличаются очень короткие тексты, например объявления, так как ограниченный объем информации в них не дает возможности правильно

¹ Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.) / под ред. Б. В. Томашевского, Ю. Д. Левина. Л., 1954. С. 704.

осмыслить многозначные слова: *С июня самолет будет летать с остановками; Мастерская заказы на пояса не принимает; заболела поясница.*

Неуместный комизм, возникающий при употреблении в речи слов, у которых есть омонимы, вынуждает пересматривать терминологию. Так, при упорядочении отраслевой терминологии было предложено заменить термины *кишка Дауценберга, грязный котел, баба копра, ледяной череп, паразитная шестерня* и т.п., но до сих пор существуют такие, например, названия профессий, как *трепач, щипальщик, загибальщик*, которые у неспециалиста вызывают нежелательные ассоциации.

Комизм и двусмысленность высказыванию могут придать аббревиатуры, имеющие лексические омонимы¹, например: *ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь), МНИ, МУХИН* (названия институтов) и др. Некоторые из них исчезли после реорганизации соответствующих учреждений. Так, не стало аббревиатур *ОЛЯ* (Отделение литературы и языка АН СССР), *ИВАН* (Институт востоковедения АН СССР). Однако управлять процессом создания сложносокращенных слов не всегда удается. Об этом свидетельствует тот факт, что русский язык продолжает пополняться аббревиатурами, которые омонимичны словам: *АИСТ (автоматическая информационная станция), МАРС (машина автоматической регистрации и сигнализации), АМУР (автоматическая машина управления и регулирования).*

Конечно, нельзя произвольно переделывать аббревиатуры, которые уже закрепились в языке, но при стилистической правке неудачные сокращения можно раскрыть, заменить синонимами или близкими по смыслу словами. Это особенно актуально для случаев, когда возникает неясность, каламбур: *Наш коллектив наладил творческий контакт с НИМИ (с Научно-исследовательским институтом молочной торговли и промышленности); Об этом убедительно говорит ТИТ (телевизионная испытательная таблица); Решение этого вопроса невозможно без участия ФЕИ (Международной федерации конного спорта).*

Причиной неясности высказывания может стать внутрисловная антонимия (антонимия значений). Например, непонятны предложения: *Врач решил это лекарство оставить (отменить или, наоборот, рекомендовать принимать?); Я прослушал ваши замечания (слышал или, слушая, не воспринял?); Проверяя глубину посева, агроном обошел пятый участок (проверил участок или пропустил?).* Двусмысленно и такое высказывание: *Меня и моих товарищей крепко захватила идея, брошенная мастером.* Автор употребил слово *бросить* в значении 'высказать что-нибудь резко и неожиданно', однако в памяти всплывает значение 'покинуть, оставить'. Лучше было написать: *Меня и моих товарищей захватила идея, которую нам подал мастер.*

Антонимия значений присуща многим словам, например: *просмотреть* ('бегло ознакомиться' — 'не заметить, пропустить при чтении'), *огово-*

¹ Подробнее см.: *Виноградова С. И.* О социальном аспекте лексической нормы (общественная оценка аббревиации и аббревиатур в 20-х — начале 30-х годов) // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983. С. 82—83.

риться ('специально в предисловии' — 'печально'), *отказать* (*отказать в просьбе* — *отказать наследство*), *задуть* (*свечку, домну*) и др. Употребление их в речи требует особого внимания.

Причиной двусмысленности в речи становятся различные проявления омонимии и шире — совпадения в звучании речевых отрезков. Нежелательная игра слов возникает при **омоформии**. Например, двусмысленно заглавие: *И снова простой* — слово *простой* может быть понято и как отглагольное существительное мужского рода в именительном падеже, и как полное прилагательное мужского рода единственного числа.

Часто причиной неясности высказывания оказываются **омографы**, так как в русской графике не принято обозначать ударение. Ср.: *По движению поэтического чувства мы безошибочно узнаем Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока (узнаем или узнаём?)*; *Мы можем спросить у поэта: «Откуда его модель антимира — из Хеймана или из Пикассо?» — и поэт признается: «Из Пикассо» (признается или признаётся?)*.

Для письменной речи омография представляет серьезную трудность (ср.: *Большая часть выпускников осталась в деревне (большая или больша́я?)*; *Как же они туда попадали? (попада́ли или попадали?)*). В частности, омография обязывает быть внимательным к некоторым особенностям графического изображения слова. Так, иногда важно разграничение букв *e* и *ё*, которые могут изменить смысл слова (*Все это знали (все или всё?)*).

Омография нередко не только затемняет смысл фразы, но и придает ей комическое звучание. Например: *Из-под ножа агрегата выходят еще теплые, парящие полосы фанеры*. Стоит прочесть причастие *парящие* (от глагола *парить*) и представится, что полосы фанеры *парят* где-то под потолком. Лучше было бы написать: *Из-под ножа агрегата выходят еще теплые полосы фанеры, от которых поднимается пар*.

Омофония, в отличие от других смежных с ней явлений, как правило, не порождает двусмысленности в письменной речи. Однако в отдельных случаях неясность все же возникает. Так, в заголовках обычно не различаются прописные и строчные буквы (все слова набираются одним шрифтом), поэтому, например, непонятно название статьи: **ЭКСПОРТИРУЕТ ЛЬВОВ**. Двусмысленность появилась из-за совпадения написания города *Львов* и формы родительного падежа множественного числа существительного *лев*.

Омофония может создать игру слов и неясность в устной речи. Например, нельзя надеяться на правильное понимание смысла, если в радиопередаче произносится фраза: *В схожести двух разных растений выражается равноценность их свойств* (слышится *всхожест*, и содержание текста провоцирует ошибку). В иных случаях омофония не затрагивает смысловую сторону речи, но столкновение созвучных слов придает высказыванию комический характер (*После длительной и трудной работы удалось получить в наших трудах потомство от белого амура, завезенного с Амура*). Омофония нередко возникает при использовании слов или сочетаний, представляющих собой условные названия (*Недавно в театре поставили «Голубой ларец» (надо: пьесе «Голубой ларец»)*).

В устной речи может быть искажен смысл высказывания из-за неверного деления текста на речевые единицы. Так, когда-то гимназисты, заучи-

вая элегию К. Н. Батюшкова «Пленный», не вникая в смысл, читали строку: *Шуми, шуми волнами, Рона*; слышалось: *волна Мирона*. М. Горький рекомендовал начинающим писателям следить, чтобы конечный слог слова не сливался с начальным слогом другого слова. Он напоминал, что в случайных созвучиях часто улавливается посторонний смысл, вызывающий неуместные ассоциации. В рукописи одного начинающего писателя Горький обратил внимание на такую фразу: *Сквозь чащу кустарника пробирался мокрый Василий и истошно кричал: «Братцы, шуку тымал, ей-богу!»* Не без иронии Горький заметил: «Первая шука — явно лишняя»¹.

Случайная игра слов в результате омофонии встречается даже у поэтов-классиков. Отмечено несколько случаев омофонии в произведениях А. С. Пушкина (*Слыхали ль вы за рощей глас почной / Певца любви, певца своей печали?*). Недоброжелательные критики сознательно вырывают из контекста отдельные словосочетания, чтобы подчеркнуть возможность их двойного толкования. Например: *Души прекрасные порывы...* (*душить порывы?*); *С огнём Прометейя...* (*сонём Прометейя?*). Невольные каламбуры найдены у М. Ю. Лермонтова (*С свитцом в груди лежал недвижим я*). В. Я. Брюсова (*И шаг твой землю тяготил*).

Омофония может возникнуть при переводе произведения на другой язык. Так, в переводе одного стихотворения оказалась строчка: *Можно ли быть равнодушным ко злу?* Внимательное отношение к слову позволит избежать подобных ошибок.

2.4. Стилистическая оценка диалектизмов

На протяжении истории русского литературного языка его лексика пополнялась диалектизмами. Среди слов, восходящих к диалектизмам, есть стилистически нейтральные (*тайга, сопка, филип, земляника, улыбатся, пахать, очень*) и слова с экспрессивной окраской (*пудный, аляповатый, мямить, прикорнуть, чепуха, морока*). Многие слова диалектного происхождения связаны с жизнью и бытом крестьянства (*батрак, борона, веретено, землянка*). В первые десятилетия XX в. вошли в литературный язык слова *хлебобоб, вспашка, зеленя, пар, косовица, доярка, почип, новосел*². Обогащается русский литературный язык и этнографической лексикой. В 1950—1960-е гг. освоены сибирские слова-этнографизмы *падь, распадок, шуга* и др. В связи с этим в лексикографии высказывается мнение о необходимости пересмотра системы стилистических помет, ограничивающих употребление слов указанием на их диалектный характер. Однако для развития современного литературного языка диалектное влияние все же не имеет существенного значения.

В художественной речи диалектизмы выполняют важные стилистические функции: помогают передать местный колорит, особенности речи героев; кроме того, диалектная лексика может быть источником речевой экспрессии.

¹ Горький М. Собр. соч. : в 30 т. Т. 24. С. 414.

² См.: Козоткова Т. С. Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

Использование диалектизмов в русской художественной литературе имеет свою историю. Поэтика XVIII в. допускала диалектную лексику только в низкие жанры, главным образом в комедии: диалектизмы были отличительной особенностью нелитературной, преимущественно крестьянской речи персонажей. При этом часто в речи одного героя смешивались диалектные черты различных говоров.

Писатели-сентименталисты, предубежденные против грубого, «мужицкого» языка, отражали свой слог от диалектной лексики.

Интерес к диалектизмам был вызван стремлением писателей-реалистов правдиво отразить жизнь народа, передать «простонародный» колорит. К диалектным источникам обращались, в частности, И. А. Крылов, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой. В произведениях И. С. Тургенева, например, часто встречаются слова из орловского и тульского говоров (*большак, цупотить, понева, элье, воста, лекарка, бучило* и др.).

Писатели XIX в. использовали диалектизмы, которые отвечали их эстетическим установкам. Это вовсе не значит, что в литературный язык допускались лишь какие-то оиозтизированные диалектные слова. Стилистически могло быть оправдано и обращение к сниженной диалектной лексике. Например, у И. С. Тургенева в романе «Отцы и дети»: *Как нарочно, мужички встрянулись все обтерханные*. Здесь диалектизм с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской в контексте сочетается с другой сниженной лексикой (придорожные ракиты стояли, *как нищие в лохмотьях*, а крестьяне ехали на *плохих клячонках*).

Иллюстрацией мотивированного употребления диалектного слова являются также произведения Н. А. Бунина:

Гурьево село большое, старинное, с просторными выгонами, с двумя мельницами, водяной и ветрянкой, — стоит на реке, тонет в целых рощах лозняка, осинника, и грачей в этих рощах — несметные тысячи (*Веселый двор*); ...под ее легкой сквозной сенью уже давным-давно возвышался ветхий, серый голубец, — крест с треугольной тесовой кровелькой, под которой хранилась от непогод суздальская икона Божией матери (*Эпифания*); Мирон, молодой, веселый, со сдвинутой на затылок шапкой, продирается к ней через толпу, несет целый узел гостинцев: рожков, сусликов, жамок... (*Веселый двор*)

Очевидно, что в приведенных контекстах семантическое содержание диалектизмов актуализируется с помощью внутренних ресурсов самого текста, т.е. диалектные слова не отторгаются художественной тканью произведения, а органично в ней растворяются.

Современные авторы также используют диалектизмы при описании деревенского быта, пейзажа, при передаче речи персонажей. Умело употребленные диалектные слова являются благодатным средством речевой экспрессии.

Следует отличать «цитатное» употребление диалектизмов, когда они используются в контексте как иностилевый элемент, от употребления их на равных правах с лексикой литературного языка, с которой диалектизмы стилистически должны слиться.

При «цитатном» употреблении диалектизмов важно соблюдать меру, помнить о том, что язык произведения должен быть понятен читателю. См., например:

Все вечера, а то и ночи сидят [ребята] у **огончиков**, говоря по-местному, да пекут **опалихи**, то есть картошку (Ф. Абрамов); Ни кола и ни двора, / Из осины — **вица**¹. / В Божий храм идти пора, / За душу молиться (Н. Поснов).

Подобное употребление диалектизмов стилистически оправдано. При оценке эстетического значения диалектной лексики следует исходить из ее внутренней мотивированности и органичности в контексте. Ведь само по себе наличие диалектизмов еще не может свидетельствовать о реалистическом отражении местного колорита. Как справедливо подчеркивал М. Горький, «быт нужно в фундамент укладывать, а не на фасад налеплять. Местный колорит — не в употреблении словечек: *тайга, заимка, шаньга* — он должен из нутра вышираться»².

Более сложной проблемой является использование диалектизмов наравне с литературной лексикой как стилистически однозначных речевых средств. В этом случае увлечение диалектизмами может привести к засорению языка произведения: *Все вабит, привораживает; Плавал одаль бело-зор; Склон с прикрутицей муравится*³. Подобное введение диалектизмов затемняет смысл произведения.

При определении эстетической ценности диалектизмов в художественной речи следует учитывать, какие слова выбирает автор. Исходя из требования доступности, понятности, обычно отмечают как доказательство мастерства писателя употребление таких диалектизмов, которые не требуют дополнительных разъяснений и понятны в контексте. Поэтому часто писатели условно отражают особенности местного говора, используя несколько характерных диалектных слов. В результате нередко диалектизмы, получившие распространение в художественной литературе, становятся «общерусскими», утратив связь с конкретным народным говором. Обращение писателей к диалектизмам этого круга уже не воспринимается современным читателем как выражение индивидуальной авторской манеры, оно становится своего рода литературным штампом.

Писатели должны стараться выходить за рамки «междиалектной» лексики и стремиться к нестандартному использованию диалектизмов. Иллюстрацией творческого решения этой задачи может быть проза В. М. Шукшина. В его произведениях нет непонятных диалектных слов, но речь героев всегда самобытна, народна. Например, яркая экспрессия отличает диалектизмы в рассказе «Как помирал старик»:

Егор встал на припечек, подсунул руки под старика.
— Держись мне за шею-то... Вот так! Легкий-то какой стал!
— Выхворался... <...>
— Вечерком ишо зайду попроведаю. <...>
— Не ешь, вот и слабость, — заметила старуха. — Может, зарубим курку — сварю бульону? Он ить скусный свеженькой-то... А? <...>
— Не надо. И поисть не поем, а курку решим. <...>

¹ *Вица* в брянских говорах — прут, хворостина.

² Горький М. Собр. соч. Т. 29. С. 303.

³ См.: Калинин А. В. Культура русского слова. М., 1984. С. 83.

— Хоть час-то не ерепенся!.. Одной уж ногой там стоит, а ишо шебаршит ково-то. <...> Да ты чо уж, помираешь, что ли? Может, ишо оклемаисся.<...>

— Агнюша, — с трудом сказал он, — прости меня... я маленько заполошный был..

С одной стороны, характерные для нашей исторической эпохи процессы все более широкого распространения литературного языка и отмирания диалектов проявляются в сокращении лексических диалектизмов в художественной речи. С другой стороны, диалектизмы как выразительное средство могут быть использованы лишь в тех стилях, в которых выход за нормативные границы лексики литературного языка в народные говоры стилистически оправдан. Так, в научном и официально-деловом стилях диалектизмы не находят применения. Введение диалектной лексики в произведениях публицистического стиля возможно, но требует большой осторожности.

В публицистике нежелательно употребление диалектизмов наравне с литературной лексикой, но особенно недопустимы диалектизмы в авторском повествовании. См., например: *Тут Широких увидел Лушикова, и они вернулись на место сбора, разложили костер и стали кричать товарищей* (здесь уместнее было бы общеупотребительное слово: *стали звать товарищей*). Другой пример: *Ледокол шел ходко, но Степан надеялся проскочить на правый берег, пока тропы на реке не порушена* — заменяя диалектизмы общеупотребительными словами, предложение можно исправить так: *Ледокол двигался быстро, но Степан надеялся проскочить на правый берег, пока лед на реке был еще цел (пока не тронулся лед)*.

Совершенно недопустимо использование диалектных слов, значение которых не вполне ясно автору. Например, повествуя о юбилейном рейсе паровоза, журналист пишет: *Все было так, как 125 лет назад, когда такой же паровичок прошел по **первопутку**...* Однако он не учел, что слово *первопуток* означает «первый зимний путь по свежему снегу».

Следует помнить, что употребление диалектизмов не оправдано даже как характерологическое средство, если автор приводит слова героев, сказанные в официальной обстановке. В качестве иллюстрации приведем примеры речи героев публицистических очерков:

Надо своевременно **доглядеть** животное, поставить в известность ветеринарную службу; Шефы принесут продукты, **мости** [*мост* — 'пол в избе'] вымоют, белье в прачечную сдадут, а иногда и просто **повечерять** зайдут.

В таких случаях диалектизмы создают недопустимый разнобой речевых средств, потому что в беседе с журналистами сельские жители стараются говорить на литературном языке. Авторам процитированных очерков можно было написать: *Надо вовремя позаботиться о животном; ...попы вымоют, а иногда просто поужинать зайдут*.

Научная дискуссия

Приметой времени является некоторое ослабление актуальности лингвистического осмысления особенностей употребления в художественном тексте диалектного слова. Однако в связи с развитием междисциплинарного лингвокультурологического

аспекта исследований названное направление все-таки возобновляется, о чем свидетельствует появление ряда научно-исследовательских работ¹.

Таким образом, включение диалектной лексики в тексты произведений, в том числе художественных, не может быть самоцелью. В художественной речи диалектизмы служат для номинации экстралингвистических реалий, для «развертывания на местности» описываемых событий, являются средством воссоздания речевого портрета персонажей. Важно отметить, что территориально ограниченные в употреблении наименования могут быть использованы авторами не только в языке персонажей, но и (реже) в авторской речи.

Кроме того, тексты художественных произведений являются источником изучения мировосприятия носителей диалекта, что свидетельствует о ценности, значимости, высокой информативности диалектного лексического пласта в структуре произведения.

2.5. Стилистическая оценка жаргонизмов

Жаргонная лексика обозначает понятия, которые уже имеют общеупотребительные наименования в языке. **Жаргон** — это разновидность разговорной речи, используемая определенным кругом носителей языка, объединенных общностью интересов, занятий, положением в обществе.

В современном русском языке достаточно продуктивен **молодежный жаргон**, или **сленг** (англ. *slang* от *s(special)lang(language)* — ‘слова и выражения, употребляемые людьми определенных профессий или возрастных групп’). Из сленга в разговорную речь пришло множество слов и выражений: *шпаргалка*, *зубрить*, *двост* (‘академическая задолженность’), *плавать* (‘плохо отвечать на экзамене’), *удочка* (‘удовлетворительная оценка’) и т.п. Появление многих жаргонизмов связано со стремлением молодежи ярче, эмоциональнее выразить свое отношение к предмету, явлению. Отсюда такие оценочные слова, как *потрясно*, *обалденный*, *клевый*, *ржать*, *балдеть*, *кайф*, *шашить*, *пахать*, *загорать* и пр. Все они распространены только в устной речи и нередко отсутствуют в словарях. В то же время в сленге немало слов и выражений, которые понятны лишь «посвященным». В качестве иллюстрации приведем юмореску из студенческой газеты.

Конспект одного крутого студента одной забойной лекции

Хаммурапи был нехилый политический деятель. Он в натуре катил бочку на окружавших кентов. Сперва он наехал на Ларсу, но конкретно обломился. Воевать с Ларсой было не фигушки воробьям показывать, тем более что ихний Рим-Син был настолько навороченным шкафом, что без проблем приклеил

¹ Еадюков А. П. Диалектная и просторечная лексика в художественном дискурсе Е. П. Носоиз : на материале рассказов писателя. Курск, 2005 ; Иадерина Л. П. Диалектизмы в языке «Царь-рыбы» как особенность видности В. Астафьева. Красноярск, 2008 ; Крюков Ю. Ю. Субстантивная диалектная лексика в произведениях И. А. Бунина. Орел, 2009 ; Важилова И. Б. Диалектизмы в языке художественных произведений бурятских писателей. Улан-Удэ, 2003.

Хаммурапи бороду. Однако того не так-то легко было взять на понт. Ларса стала ему сугубо фиолетова, и он перевел стрелки на Мари. Ему удалось накидать лапши на уши Зимрилимму, который тоже был крутым мэном, но в данном случае прощелкал клювом. Закорифанившись, они наехали на Эшнуну, Урук и Иссин, которые долго пружинили хвост, но пролетели, как стая рашпелей («Университетская жизнь» от 9 декабря 1991 г.).

Для непосвященного такой набор жаргонных слов оказывается непреодолимым препятствием к пониманию текста, поэтому переведем отрывок на литературный язык:

Хаммурапи был искусным политическим деятелем. Он проводил экспансионистскую политику. Сначала правитель Вавилона пытался захватить Ларсу, но это ему не удалось. Воевать с Ларсой оказалось не так-то просто, тем более что их правитель Рим-Син был настолько изворотливым дипломатом, что с легкостью заставил Хаммурапи отказаться от своего намерения. Но Хаммурапи продолжал завоевательные походы с целью расширения территории своего государства. Оставив на время попытки покорения Ларсы, он изменил политический курс, и вавилонская армия устремилась на север. Ему удалось заключить союз с правителем Мари Зимрилимом, который тоже был неплохим политиком, но в данном случае уступил войскам Хаммурапи. Объединенными силами были покорены Эшнуну, Урук и Иссин, которые упорно защищались, но в конце концов оказались побеждены.

При сравнении этих столь разных «редакций» нельзя отказать первой, насыщенной жаргонизмами версии, в живости и образности. Однако неуместность употребления сленга на лекции по истории очевидна.

Экспрессивность жаргонной лексики способствует тому, что слова из жаргонов переходят в общенародную разговорно-бытовую речь, не связанную строгими литературными нормами. Большинство слов, получивших распространение за пределами жаргонов, можно считать жаргонизмами только с генетической точки зрения, так как в момент их рассмотрения они уже принадлежат просторечию. Этим объясняется непоследовательность помет к жаргонизмам в толковых словарях.

Например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова слово *засыпаться* в значении 'потерпеть неудачу' содержит помету *разг.*, а в значении 'попасться, оказаться уличенным в чем-нибудь' — *прост.* В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова *засыпаться* имеет помету *простореч. из воровского арг.* Слово *зубрить* у С. И. Ожегова имеет помету *разг.*, а у Д. Н. Ушакова — *школьн. арг.* Многие жаргонизмы в новейших словарях даются со стилистической пометой *прост.* (например, у С. И. Ожегова: *предки* — «родители» (*прост., шутл.*); *хвост* — «остаток, невыполненная часть чего-нибудь, например экзаменов» (*прост.*); *салага* — «новичок, повобранец, младший по отношению к старшим» (*прост.*) и т.д.).

Жаргонная лексика уступает литературной в точности, что предопределяет ее неполноценность как средства общения. Значение жаргонизмов, как правило, варьируется в зависимости от контекста. Например, глагол *кемарить* может означать 'дремать, спать, отдыхать'; глагол *наехать* — 'угрожать, вымогать, преследовать, мстить'; прилагательное *клёвый* имеет значе-

ния 'хороший, привлекательный, интересный, надежный' и т.д.: таково же значение слова *убойный* и ряда других. Все это убеждает в нецелесообразности замены богатого, яркого русского языка сленгом.

Отдельную социально ограниченную группу слов в современном русском языке составляет так называемый **лагерный жаргон** — им пользуются люди, поставленные в особые условия жизни. Этот жаргон отразил страшный быт в местах заключения: *зек* ('заключенный'), *шпон* или *шмон* ('обыск'), *баланда* ('пohлебка'), *вышка* ('расстрел'), *стукач* ('доносчик'), *стухать* ('доносить') и т.п. Такие жаргонизмы используются при реалистическом описании лагерной жизни бывшими «узниками совести», получившими возможность открыто вспомнить о репрессиях. Цитируем одного из талантливейших русских писателей, не успевших реализовать свой творческий потенциал по известным причинам:

Если тебя вызывают на вахту, это значит — жди неприятностей. Либо карцер следует, либо еще какая-нибудь пакость... <...> Правда, в карцер меня на этот раз не посадили и даже не «лишили ларьком». «Лишить ларьком» или «лишить свиданием» — это начальственные формулы, возникшие в результате склонности к лаконизму, это 50% экономии выражения. «Лишить права пользования ларьком» или «...свиданием». Начальству, вконец замученному стремлением к идеалу, приходилось довольно часто прибегать к спасительной скороговорке, и оно, естественно, старалось сбереечь секунды. Так вот, меня ожидало нечто необычное. Войдя, я увидел нескольких надзирателей и во главе их — «Режима». Мы ведь тоже были склонны к краткости, правда, по другим соображениям: когда приближалась опасность, проще и выгоднее было шепнуть: «Режим!», чем произносить: «Заместитель начальника лагеря по режиму».

Кроме «Режима», надзирателей и меня, в комнате был еще некто, и я сразу уставился на него (Ю. Даниэль).

По приведенному отрывку можно составить представление и о самом «механизме» появления употребленных жаргонизмов. Хочется надеяться, что для их закрепления в русском языке не будет экстралингвистических условий и они быстро перейдут в состав пассивной лексики.

Однако того же нельзя сказать о языке преступного мира (воров, бродяг, бандитов). Эта жаргонная разновидность языка определяется как *арго* (фр. *argot* — 'замкнутый, недействительный'). Арго — засекреченный, искусственный язык уголовников (*блатная музыка*), известный лишь посвященным и бытующий также лишь в устной форме. Отдельные арготизмы получают распространение за пределами арго: *блатной, перо* ('пож'), *малина* ('приют'), *расколоться, шухер, фраер* и пр. Такие слова практически переходят в разряд просторечной лексики и в словарях даются с соответствующими стилистическими пометами: *просторечное, грубопросторечное*.

Возникновение и распространение в речи жаргонизмов оценивается как отрицательное явление в жизни общества и развитии национального языка. Однако введение жаргонизмов в литературный язык в исключительных случаях допустимо: эта лексика может понадобиться писателям для создания речевых характеристик персонажей или журналистам, описывающим жизнь в колониях. Чтобы подчеркнуть, что жаргонизмы в таких случаях приводятся «цитатно», автор обычно заключает их в кавычки. См., например:

«Паханы», «бугры» и другие (название газетной статьи); Людей «опускают» по приговору воров за разные грехи: стукачество, неуплату карточного долга, неподчинение «авторитету», за то, что на следствии «сдал» поделщиков, что имеет родственников в правоохранительных органах... (из газеты «Труд» за 27 ноября 1991 г.).

Многие известные писатели с осторожностью относились к жаргонизмам. В частности, И. Ильф и Е. Петров при переиздании романа «Двенадцать стульев» отказались от некоторых жаргонизмов. Стремление писателей оградить литературный язык от влияния жаргонизмов продиктовано необходимостью непримиримой борьбы с ними: недопустимо, чтобы жаргонная лексика популяризовалась через художественную литературу.

В публицистических текстах возможно обращение к арготизмам в материалах определенной тематики, например в рубрике «Криминальные сюжеты»:

«Сливки» преступного мира — «воры в законе». <...> Ниже стоят обычные блатные, которых в колонии называют «отрицаловкой» или «шерстью». Жизненное кредо «отрицаловки» противодействовать требованиям администрации и, наоборот, делать все, что запрещает начальство. <...> А в основании колонийской пирамиды — основная масса осужденных: «мужики», «работяги». Это те, кто искренне встал на путь исправления (газета «Труд», 27 ноября 1991 г.).

В редких случаях жаргонизмы могут использоваться в газетных материалах острой сатирической направленности. Однако обращение к жаргонизмам не в сатирических контекстах, продиктованное стремлением авторов оживить повествование, расценивается как стилистический недочет. Например, автор увлекся игрой слов, назвав свою заметку так: *Художник Дали совсем офонарел* (в заметке описывается необычная скульптура художника — в виде светильника, что дало основания корреспонденту для каламбура: *фонарь — офонарел*). Для читателя, не владеющего жаргоном, подобные словечки становятся загадкой, а ведь язык газеты должен быть доступен всем!

Заслуживает порицания и увлечение жаргонной лексикой журналистов, пишущих о преступлениях, убийствах и грабежах в шутовском тоне. Употребление в таких случаях арготических и жаргонных слов придаст речи неуместно веселый оттенок. О трагических событиях повествуется как об увлекательном происшествии. Например, для современных корреспондентов «Московского комсомольца» такой стиль стал привычным:

На Тверской улице в прошлый четверг милиционеры подобрали двух девиц, которые пытались «толкнуть» прохожим видеомагнитофон на золотишко. Выяснилось, что девахи накануне ночью обчистили квартиру на Осеннем бульваре. <...> Заводилой выступала 19-летняя бомжиха.

Приведем еще один пример, уже из региональных средств массовой информации: *Двое несовершеннолетних изнасиловали девушку. Спустя три дня полиция задержала недоносков* — таково было сообщение в бегущей строке новостей.

Тенденция к снижению стиля газетных статей наглядно демонстрируется многими изданиями. Это приводит к употреблению жаргонизмов и аргоизмов даже в серьезных публикациях, а для коротких заметок и репортажей стиль, «расцветченный» сниженной лексикой, стал обычным:

А я не уступлю вам коридорчик

В Кремле новый заскок: одарить братскую Беларусь выходом к морю через Калининград. «Мы собираемся договориться с поляками и получить их согласие на строительство участка магистрали через их территорию», — сказал давеча Президент России.

Однако такая «примета времени» не встречает сочувствия у стилистов, которые не одобряют смешение стилей, создающее неуместный комизм в подобных публикациях.

2.6. Стилистическое использование историзмов и архаизмов

Лексика, переставшая активно использоваться в речи, забывается не сразу. Какое-то время устаревшие слова еще понятны говорящим, знакомы им по художественной литературе, хотя при общении людей в этих словах уже не возникает потребности. Такие слова переходят в состав лексиконного запаса, они приводятся в толковых словарях с пометой *устар.* Их могут использовать писатели, изображая прошедшие эпохи, или ученые-историки при описании исторических фактов, но со временем архаизмы совсем уходят из языка. Так было, например, с древнерусскими словами *комоль* — 'конь', *усние* — 'кожа' (отсюда *заусеница*), *червьёе* — 'вид обуви'. Отдельные устаревшие слова иногда возвращаются в состав активного словарного запаса. Например, не употреблявшиеся какое-то время слова *солдат*, *офицер*, *прапорщик*, *гимназия*, *лицей*, *вексель*, *биржа*, *департамент* теперь вновь активно используются в речи.

Особая эмоционально-экспрессивная окраска устаревших слов накладывает отпечаток на их семантику. Ведь, как писал Д. Н. Шмелев, сказать, что, например, глаголы *грясти* и *шествовать* «имеют такие-то значения без определения их стилистической роли, — это значит, по существу, отказаться именно от их семантического определения, подменив его приблизительно формулой предметно-понятийных сопоставлений»¹. Это ставит устаревшие слова в особые стилистические рамки и требует к ним большого внимания.

В составе архаической лексики выделяются историзмы и архаизмы.

Историзмы — это слова, которые называют исчезнувшие предметы, явления, понятия (*кольчуга*, *гусар*, *продialog*, *изп*, *октябренок*, *комиссар* и т.п.). Историзмы могут быть связаны как с весьма отдаленными эпохами, так и с событиями сравнительно недавнего времени, ставшими, однако, фактами истории (*советская власть*, *партактив*, *генсек*, *политбюро*). Историзмы не имеют синонимов среди слов активного словарного запаса, являясь единственными наименованиями соответствующих понятий.

¹ Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964. С. 111.

Арханзмы — это названия существующих вещей и явлений, по каким-то причинам вытесненные другими словами, принадлежащими к активной лексике (ср.: *вседневно* — *всегда*, *комедиант* — *актер*, *злато* — *золото*, *ведать* — *знать*).

Устаревшие слова неоднородны по происхождению: среди них есть некогда русские (*полоп*, *шелом*); старославянские (*глад*, *лобзать*, *святыня*); заимствованные из других языков (*абшид* — 'отставка'; *вояж* — 'путешествие').

Особый интерес в стилистическом отношении вызывают слова старославянского происхождения, или **славянизмы**. Значительная часть славянизмов ассимилировалась на русской почве и стилистически слилась с нейтральной русской лексикой (*сладкий*, *плен*, *здравствуй*). Однако есть и такие старославянские слова, которые в современном языке воспринимаются как отзвук высокого стиля и сохраняют свойственную ему торжественную, риторическую окраску.

С судьбой славянизмов в русской литературе сходна история поэтической лексики, связанной с античной символикой и образностью (так называемых **поэтизм**ов). Имена богов и героев греческой и римской мифологии, особые поэтические символы (*лира*, *элизий*, *Парнас*, *лауры*, *мирты*), художественные образы античной литературы в первой трети XIX в. составляли неотъемлемую часть поэтического словаря. Подобно славянизмам поэтическая лексика усиливала противопоставление речи возвышенной, романтически окрашенной и речи будничной, прозаической. Однако эти традиционные средства поэтической лексики недолго использовались в художественной литературе: уже у преемников А. С. Пушкина поэтизмы архаизируются.

Писатели часто обращаются к устаревшим словам как к выразительному средству художественной речи. Интересна история использования старославянской лексики в русской художественной литературе, особенно в поэзии. Стилистические славянизмы составляли значительную часть поэтической лексики в произведениях писателей первой трети XIX в. Поэты находили в этой лексике источник возвышенно-романтического и «сладостного» звучания речи. Славянизмы, имеющие в русском языке созвучные варианты, прежде всего неполногласные, были короче русских слов на один слог и использовались в XVIII–XIX вв. на правах «поэтических вольностей»: поэты могли выбирать из двух слов то, которое отвечало ритмическому строю речи. См., например, у К. Н. Батюшкова:

Я вздохну... и глас мой томной,
Арфы голосу подобной
Тихо в воздухе умрет¹.

Со временем традиция «поэтических вольностей» преодолевается, но устаревшая лексика продолжает привлекать поэтов и писателей как сильное средство экспрессии. Устаревшие слова выполняют в художе-

¹ А. С. Пушкин на полях этого стихотворения написал «*преlestь*» (см.: Пушкин А. С. <Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 12 : Критика. М. ; Л., 1949. С. 261.

ственной речи разнообразные стилистические функции. Архаизмы и историзмы используются для воссоздания колорита отдаленных времен. В этой функции их уногреблял, например, А. Н. Толстой:

Земля оттич и дедич — это те берега полноводных рек и лесные поляны, куда пришел наш пращур жить навечно. Он был силен... смышлен и нетороплив... он огородил тыном свое жилище и поглядел по пути солнца в даль веков.

И ему померещилось многое — тяжелые и трудные времена: красные щиты Игоря в половецких степях, и стоны русских на Калке, и установленные под хоругвями Дмитрия мужицкие копыя на Куликовом поле, и кровью залитый лед Чудского озера, и Грозный царь, раздвинувший единые, отныне нерушимые, пределы земли от Сибири до Варяжского моря... (*Родина*).

Архаизмы, в особенности славянизмы, придают речи возвышенное, торжественное звучание. Старославянская лексика выступала в этой функции еще в древнерусских памятниках письменности. В русской литературе XIX в., в поэзии русских классиков, функционально маркирована также именно старославянская лексика. См., например, в произведениях Ф. И. Тютчева:

И наша жизнь стоит **пред** нами,
Как призрак, на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...

(*Бессонница*);

пред — фонетический старославянизм 'перед';

Но для меня сей взор **благодаянье**;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне:
Он нужен ей, как небо и дыханье.

(*К. Н.*);

благодаянье — словообразовательный старославянизм;

Куда **ланит** девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Всё опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

(*О, как убийственно мы любим...*);

ланита — лексический старославянизм 'щека';

Как жадно к небу рвешься ты!..
Но **длань** незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Сверкает в брызгах с высоты.

(*Фонтан*)

длань — лексический старославянизм 'тыльная сторона ладони';

В поэтической речи XIX в. с высокой старославянской лексикой стилистически уравнились древнерусизмы, которые тоже стали привлекаться для создания патетики художественной речи. Высокое, торжественное звучание устаревших слов оценили и писатели XX в. Так, в годы Великой Отечественной войны И. Г. Эренбург писал:

Отразив удары хищной Германии, она [Красная армия] спасла не только свободу нашей Родины, она спасла свободу мира. В этом залог торжества идей

братства и гуманности, и мне видится вдалеке мир, просветленный горем, в котором воссияет добро. Наш народ показал свои воинские добродетели...

В некоторых случаях устаревшее слово в стилистических целях используется наряду с современным общеупотребительным; ср. *ведал* — *знал*: *Если б я ведал, где ты пылче обедал, знал бы я, чью ты песню поешь* (посл.).

Устаревшая лексика может приобретать проницательную окраску; см., например:

Кто из родителей не мечтает о понятливом, уравновешенном ребенке, который все схватывает буквально на лету. Но попытки превратить свое **чадо** в «**чудо**» катастрофически часто заканчиваются неудачей (газ.).

Существует мнение, что устаревшая лексика распространена в официально-деловом стиле. Действительно, в деловых бумагах употребляются отдельные слова и обороты речи, которые в иных условиях мы вправе рассматривать как архаизмы (например, юридические термины *деяние*, *дееспособный*, *содеянное*, *кара*, *возмездие* в словарях сопровождаются пометой *арх.*). В некоторых документах пишут: *сего года: к сему прилагается; ниже подписавшийся, вышепоименованный* и т.д. Эти специальные официально-деловые слова в пределах своего функционального стиля не имеют экспрессивной окраски. Никакой стилистической нагрузки такая устаревшая лексика в официально-деловом стиле не несет.

Анализ стилистических функций архаизмов в том или ином произведении требует знания общезыковых норм, действующих в описываемую эпоху. Например, в произведениях писателей XIX в. встречаются слова, которые архаизовались в более позднее время. Так, в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» наряду с архаизмами и историзмами встречаются слова, которые перешли в состав пассивной лексики лишь в советское время (*царь*, *царствую* и т.п.); естественно, их не следует причислять к устаревшей лексике, несущей в произведении определенную стилистическую нагрузку.

Употребление устаревших слов без учета их экспрессивной окраски становится причиной грубых стилистических ошибок. См., например:

Спонсоров в интернате **привечали** с радостью; Лаборантка зашла к шефу и **поведала** ему о случившемся; Молодой предприниматель быстро **узрел** деловитость своего менеджера.

В этих предложениях славянизмы архаичны. Слово *привечать* даже не включено в «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, а в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова оно дается с пометой *устар.*, *поэт.* Слово *поведать* у С. И. Ожегова имеет помету *устар.*, а у Д. Н. Ушакова — *книжн. устар. и ритор.*; слово *узреть* имеет помету *стар.* Контекст, в котором нет установки на юмористическую окраску речи, не допускает употребления устаревших слов; их следовало бы заменить синонимами (соответственно *приветствовали*, *рассказала*, *увидел (заметил)*).

Иногда авторы, употребляя устаревшее слово, искажают его значение. Например: *В результате бурного собрания домочадцев ремонт дома был начат* — слово *домочадцы* использовано здесь в значении 'жильцы', а в словаре С. И. Ожегова оно сопровождается пометой *устар.* и объясняется как 'люди, которые живут в семье на правах ее членов'. Еще пример: *На собрании вскрывались даже самые нелицеприятные недостатки в работе* — слово *нелицеприятный* означает 'беспристрастный', к тому же оно имеет ограниченные возможности лексической сочетаемости (*нелицеприятной* может быть только *критика*). Неправильное употребление архаизмов очень часто осложняется нарушением лексической сочетаемости, ср.: *Андреева аттестовали как человека, очень долго проработавшего на этой стезе* — однако *стезю* избирают, *стезею* следуют, но на ней не *работают*.

В современном русском литературном языке значение устаревшей грамматической формы слова способно трансформироваться. См., например: *Будучи доставлен в суд, потерпевший дал необходимые показания. Будучи доставлен* — в русских грамматиках, начиная с М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова и др., описывается с грамматическим статусом: «деепричастие страдательного залога, образованное по общему правилу формирования аналитических грамматических форм из деепричастия вспомогательного глагола и краткого причастия». В современных грамматиках *будучи* — форма деепричастия несовершенного вида глагола *быть*, которая образована посредством непродуктивного в современном русском литературном языке суффикса *-учи*. Однако грамматическое значение деепричастия «подавляется» страдательным грамматическим значением формы причастия прошедшего времени страдательного залога, поэтому в конструкциях типа *будучи приглашен, будучи обижен, будучи травмирован* и др. грамматическое значение непрямого глагольной формы переходит во вспомогательное, связочное.

Устаревшие слова могут придавать тексту канцелярскую окраску. Кроме того, в некоторых случаях стремление повысить «статусность» речевого облика высказывания способно привести к стилистической ошибке, т.е. неуместному употреблению слова:

Проводить занятия нужно в **надлежащем** помещении; Необходимо **провозгласить** административную ответственность за нарушение государственными служащими этических норм.

В деловых бумагах, где многие архаизмы закрепились как термины, использование такой специальной лексики должно быть целесообразным. Нельзя, например, считать стилистически оправданным обращение к устаревшим оборотам речи типа *на ваше благоусмотрение; прилагаю при сем; вышепоименованный нарушитель; по получении таковых* и т.п.¹

Стилисты отмечают, что в последнее время получают распространение устаревшие слова, находящиеся за пределами литературного языка; причем нередко им присваивается новое значение. Например, неправильно

¹ Подробнее см.: Рахманит Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1988.

используется слово *втупе*, имеющее в словаре С. И. Ожегова помету *устар.* и поясняемое синонимами *бесцельно, напрасно*: *Намерения найти разумный компромисс оставались втупе; Остаются втупе вопросы создания севооборотов и применение комплекса удобрений* (ср.: *Разумный компромисс найти не удалось; Не введен севооборот и не применяется комплекс удобрений*).

При частом повторении устаревшие слова порой теряют отличивший их ранее оттенок архаичности. Это можно наблюдать на примере слова *ныне*. У С. И. Ожегова паречье *ныне* дается со стилистическими пометами *устар.* и *высок.*: *Ныне там / По обновленным берегам / Громады стройные теснятся / Дворцов и башен* (А. Пушкин). Современные авторы часто употребляют это слово как стилистически нейтральное: *Многие выпускники МГИМО ныне стали дипломатами; На факультете ныне не так много можно найти студентов, которые бы довольствовались стипендией*. В первом предложении слово *ныне* следовало бы опустить, а во втором заменить синонимом *теперь*. Очевидно, пренебрежение стилистической окраской устаревших слов неизбежно приводит к речевым ошибкам.

2.7. Стилистическая оценка неологизмов

Каждая эпоха обогащает язык новыми словами. В периоды наибольшей активности общественно-политической и культурной жизни нации приток новых слов особенно увеличивается. В нашей стране сложились исключительно благоприятные условия для обогащения лексики. Бурные события конца XX и начала XXI в. — крушение СССР, отказ от командно-административной системы хозяйствования, становление новых социально-экономических и духовных основ общественной жизни — внесли коренные изменения во все сферы жизнедеятельности людей.

Появление новых понятий обусловило и приток новых слов в русский язык. Они дополнили самые различные тематические группы лексики — от названия государств (*Российская Федерация, Республика Саха, СНГ*), правительственных учреждений (*дума, департамент, муниципалитет, мэрия, Федеральная миграционная служба*), должностных лиц (*менеджер, префект, губернатор*), учебных заведений (*лицей, гимназия, кадетское училище*), представителей общественных организаций и движений (*аграрники, единороссы*) и пр. до наименования новых коммерческих предприятий (*акционерное общество, товарищество с ограниченной ответственностью, холдинг, управляющая компания*) и реалий, ставших приметам экономический преобразований (*приватизация, акции, дивиденды, банкротство, внешнее управление, секвестр* и др.). Многие из этих слов употреблялись в русском языке как иноязычные названия понятий из жизни других государств (*президент, мэр, префектура*), или как историзмы, закрепленные за эпохой Российской империи (*департамент, лицей, гимназия*). Теперь эта лексика воспринимается как новая, становится весьма употребительной.

Судьба новых слов складывается в языке по-разному: одни очень быстро получают признание, другие проходят проверку временем и закрепляются, но не сразу, а иногда и вовсе не признаются, забываются. Слова, получаю-

ние широкое распространение, вливаются в состав активной лексики. Так, в разные периоды XX в. вошли в русский язык слова *вуз, ликбез, зарплата, космонавт, луноход, жвачка, молочный бизнес, федералы* и др. В настоящее время они уже не кажутся нам новыми.

В отличие от них, слова не до конца освоенные языком, сохраняют оттенок необычности. Так, появившееся в 1930-е гг. слово *дальновидение* уступило место своему синониму — *телевидение*; в первом наименовании передачи изображения на расстояние до сих пор не стерся оттенок новизны, свежести, поскольку оно не вошло в состав активной лексики. Неологизмы, появляющиеся в языке как наименования новых предметов, долгое время могут оставаться в составе пассивной лексики, если соответствующие им понятия не получают всеобщего признания. Мы не можем предвидеть, как сложится судьба таких, например, неологизмов, как *провайдер* ('поставщик интернет-услуги'), *лизинг* ('долгосрочная аренда'), *чартер* ('договор между владельцем транспортного средства и нанимателем на аренду всего судна или его части на определенный срок или рейс'). Пройдет время, и они сами о себе заявят или будут забыты.

Стилистический интерес представляют новые слова, к которым еще не успели привыкнуть, которых пока нет в словарях. Практически все новые слова определенный период пребывают в этом качестве. Однако со временем некоторые из них утрачивают стилистический оттенок новизны, а иные даже архаизируются (ср. историзмы *колбед, стахановец, красноармеец*).

Слова, сохраняющие оттенок свежести, новизны, называют **неологизмами**. Термин «неологизм» сужает и конкретизирует понятие «новое слово»: при выделении *новых слов* принимают во внимание только время их появления в языке, тогда как отнесение слов к *неологизмам* подчеркивает их особые стилистические свойства, связанные с восприятием таких слов как необычных наименований. Учитывая это, составители толковых словарей обычно отказываются от стилистических помет, указывающих на новые слова.

Неологизмы, как отмечалось, появляются и функционируют в языке по-разному, что позволяет выделить в их составе несколько групп. В основе классификации неологизмов лежат различные критерии их оценки.

1. В зависимости от способов образования выделяют неологизмы:

а) **лексические**, которые создаются по продуктивным моделям или заимствуются из других языков (*подписант* — 'официальное лицо, подписывающее документ'; *посткоммунистический, антирыночный, разгосударствление, партсовноменклатура, спецназ, БТР, ОМОН, федерал, видеобар*);

б) **семантические**, возникающие в результате присвоения новых значений уже известным словам (*челнок* — 'мелкий торговец импортными товарами, привозящий их из-за рубежа', *тусоваться* — 'общаться в дружеской обстановке', *крутой* (*парень, мотив*), *обвал* (*национальной валюты*) и т.п.).

Семантические неологизмы по количеству уступают лексическим, хотя, например, в 1980—1990-е гг. немало слов получило несвойственные им значения. Своеобразие семантических неологизмов состоит в том, что как лек-

семьи они давно известны в языке, но, обновив свое значение, из прежних тематических групп перемещаются в совершенно новые, изменяя при этом лексическую сочетаемость и нередко стилистическую закреплённость, экспрессивную окраску. Например, слово *обвал* в словарях русского языка приводится в двух значениях: 1. *Падение отделившейся массы (обвал здания)*; 2. *Снежные глыбы или обломки скал, обрушившихся с гор*. При таком употреблении оно стилистически нейтрально: семантика роднит его со словами, относящимися к явлениям природы (*селовой поток, камнепад, лавина*). Однако употребление этого слова в публицистической речи начала 1990-х гг. кардинально меняет его значение:

Обвал национальных валют Украины, Белоруссии; Рекордный обвал доллара по отношению к иене; На московском рынке межбанковских кредитов практически не осуществлялись операции по взаимному кредитованию, что однозначно связывается с обвалом банковской системы... Никакого обвала не получится, — заявил министр финансов (газ.).

В своем новом значении — ‘крах, катастрофа’ — слово *обвал* принадлежит к тематической группе слов, связанных с финансовыми операциями; оно становится экспрессивно окрашенным и закрепляется за публицистическим стилем русского языка.

В составе семантических неологизмов слова с яркой экспрессивной окраской не единичны, ведь не случайно модные новые словечки заимствуются из жаргонов. Так, слово *тусоваться* вначале употреблялось картежниками, его прокомментировал в своем словаре В. И. Даль: *Тасовать карты, мешать наудачу, разбивать, рассовывать по всей колоде*. Правда, здесь были указаны и переносные значения этого слова: *тасовать товар* — «мешать сыпучий товар разного достоинства», а также *тасовать людей* — «помыкать подчиненными». Литературный вариант слова требовал написания через *а*, так как этот глагол образован от французского *tasser* — ‘собирать в кучу’. А. С. Пушкин употреблял его в шутовском контексте в значении, близком к современному:

С тобой тасуюсь без чинов,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краев, —
Рассудок! Бог с тобою!

Очевидно, экспрессия явилась причиной необыкновенно широкого употребления этого жаргонного словечка, вошедшего в наш язык с новым значением. Оно не сходит со страниц журналов и газет, обрастая родственными словами (*тусовка, тусовщик, тусовочный* и т.д.):

Наши художники, которые занимаются современным искусством, всегда стояли особняком в европейской художественной тусовке; Не признающая авторитетов «горбушечная» тусовка и завсегдагатаи ночных клубов, стремительно подкатывающие к ним на своих «мерсах»...; «Осень, осень, давай тусовку спросим...» (заголовок статьи); ТУСОВКА (название рубрики в газете «Аргументы и факты»).

Не менее экспансивным семантическим неологизмом с яркой экспрессией является и слово *крутой*, новое значение которого развилось также не без влияния жаргона. Как лексема имя прилагательное *крутой* было известно давно, поэтому в любом словаре оно приводится как общеупотребительное и нейтральное. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова дается такое толкование:

Крутой 1. Отвесный, обрывистый. *Крутой берег. Крутой обрыв, спуск.* 2. С резким, внезапным изменением направления. *Крутой поворот.* 3. перен. Суровый, строгий. *Крутой характер. Крутые меры.* 4. Доведенный варкой, замешиванием до определенной степени плотности, густоты. *Крутое яйцо. Крутая каша. Крутой кипяток — бурлящий кипяток.* 5. Крайний в проявлении своих свойств; богатый, преуспевающий и т.д. *Крутой парень, крутые ребята*¹.

В этих значениях слово *крутой* имело ограниченные возможности сочетаемости с именами существительными: невозможны были сочетания *крутой человек, крутая девушка, крутой мотив*. Употребление прилагательного в новом значении — высшей степени оценки проявления качества — изменило его валентность: теперь его можно соединить с неограниченным кругом существительных; мода на словечко сделала его общеупотребительным. Приведем несколько примеров из разных газет:

Город, слава святым, пока еще не делится на «слободки» по общинному при знаку, но жители его уже несколько лет пребывают в **крутом** раздразе с самими собой («АиФ»); Тогда Александр Иванович выглядел растерянным и явно не знал, что делать. Всем своим видом он как бы пытался сказать: «Вообще-то я **крутой**, просто сейчас болею» («МК»); **Некрутой** вечерок с **крутыми** ценами (заголовок в «МК»); Нелепо предположить, будто под крышей филиала отмывались чьи-то **крутые** деньги («Труд»).

2. В зависимости от условий создания неологизмы следует разделить на две группы:

1) слова, возникновение которых не связывается с именем их создателя; их можно назвать **анонимными**. Большинство неологизмов относится именно к этой группе, и хотя у каждого вновь созданного слова есть творец, обычно он остается неизвестным (никто не может сказать, кем были придуманы слова *земляне, рыночник, думцы, бесхоз* и т.п.). Чаще новое слово создается по такой продуктивной модели, что его начинают употреблять многие (*читабельный, смотрибельный, парботки, подвижки, гэкачеписты*);

2) слова, введенные в употребление конкретными авторами, т.е. **индивидуально-авторские** неологизмы. К данной группе неологизмов принадлежит, например, созданное В. Маяковским слово *прозаседавшиеся*, которое неизменно заставляет нас вспомнить сатирическое произведение поэта, написанное по поводу бесконечных заседаний. Перешагнув границы индивидуально-авторского употребления, став достоянием языка, такие слова присоединяются к активной лексике. Например, давно освоены русским

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2010. С. 258.

языком термины, созданные М. В. Ломоносовым: *созвездие, полнолуние, притяжение*; введенные Н. М. Карамзиным некогда новые имена существительные *промышленность, будущность* и др.

3. В зависимости от целей создания, назначения новых слов в речи все неологизмы можно разделить на **номинативные** и **стилистические**. Первые выполняют в языке номинативную функцию, прямо называя понятия; вторые дают образную характеристику предметам, которые уже имеют названия.

Появление номинативных неологизмов диктуется прежде всего потребностями развития науки и техники. Эти неологизмы возникают как наименования новых понятий. Номинативные неологизмы обычно не имеют синонимов, хотя возможно одновременное возникновение конкурирующих наименований (ср. *космонавт — астронавт*), одно из которых со временем вытесняет другое. В составе номинативных неологизмов много узкоспециальных терминов, как правило, стилистически нейтральных в эмоционально-экспрессивном отношении. Изобретатели стараются ввести в употребление и новые предметы, и их наименования. Этому способствует реклама новых технологий, товаров, продуктов: *наночастица, нанокрем, нанопить, наноматериал* и др. Новые термины становятся известны через средства массовой информации, в которых публикуются научно-популярные статьи на разные темы. См., например:

Все уравнения физики наряду с частицами допускают существование античастиц с обратным зарядом. И такие частицы (антипротон, антинейтрон, антиэлектрон, он же позитрон) уже давно обнаружены. На ускорителе в Протвино, к примеру, работает накопитель антипротонов, где поставлено немало уникальных экспериментов. Проблема, однако, заключается в том, чтобы создать устойчивый атом антивыведением большого количества энергии (газ.).

Стилистические неологизмы создаются как яркое экспрессивное средство, они всегда имеют положительную или отрицательную окраску. Например, неудачи и злоупотребления во время приватизации государственных предприятий послужили поводом к рождению сатирического словечка *прихватизация*. Порождением эпохи перестройки и гласности стали и такие стилистические неологизмы, как *совки* (т.е. советские граждане), *совковский*: резко сатирическое словечко *членовоз* ('персональная машина чиновника высшего ранга'); *ужастики* ('фильмы ужасов'), *чертуха* ('разоблачительные фильмы'); *беспредел* и пр. В отличие от номинативных неологизмов, появление которых вызвано необходимостью назвать новое явление, предмет, научное открытие, стилистические неологизмы создаются как наименования уже известных понятий. Новое слово содержит его оценку, отражает отношение к нему говорящего. У стилистических неологизмов есть синонимы, которые обычно уступают им по интенсивности экспрессивной окраски. Однако частое употребление в речи неологизмов этого типа ведет к нейтрализации их стилистической окраски.

4. В зависимости от того, входят ли неологизмы в язык или остаются лишь фактами речи, создаются «на случай», различают неологизмы **языковые** (общенародные) и **оказиональные** (от лат. *occasionalis* — 'случай-

ный»). Языковые неологизмы со временем становятся достоянием межгеттолевой или специальной лексикой, фиксируются словарями. Как и обычные слова, они воспроизводятся в речи с закрепленными за ними значениями. Примерами языковых неологизмов могут служить все рассмотренные нами лексические и семантические, номинативные и стилистические, анонимные и индивидуально-авторские неологизмы.

Окказиональные неологизмы, или **окказионализмы**, — это слова, употребленные в определенном контексте лишь один раз. К ним относятся, например, детские новообразования: *Дай мне распаковать пакеты; Смотри, как надулся дождь!* Среди них могут быть не только лексические, но и семантические неологизмы: *Мама, смотри, идет гусеница с детками!* (о гусыне); *Включи этот ключик в шкаф; Поддай мне пододеяльник и подподушник!* Подобные окказионализмы возникают особенно часто в устной речи, они создаются произвольно, что отличает их от прочих неологизмов.

В письменной речи окказионализмы могут цитироваться при передаче чьих-либо разговоров, выступлений, шуток. Например, в газете рассказывается о фестивале «Золотой Остап», посвященном юмористам. В связи с этим публикуется «Тронная речь Президента Российской Академии Юмора» Александра I (Ширвиндта):

«Золотой Остап» — это замечательная бессмыслица в ряду общей бессмыслицы, которая существует в стране. (*Бессмысленные аплодисменты.*) Самая веселая бессмыслица. (*Веселые хлопки.*) Остап и сегодня, как ни странно, актуален по всем параметрам. (*Возгласы: «Верно говорит!»*) Как бы его не **отфестиваливали**, всегда получается современно («Аргументы и факты»).

Окказиональное словечко можно услышать по телевизору; например, ведущий программы «Утро» обещает появляться на экране *ежебуднично*. В книжном литературном языке окказионализмы могут употребляться, если в тексте воспроизводится диалог. Так, в интервью с бывшим пресс-секретарем президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, журналистом Сергеем Медведевым, читаем:

Можете вспомнить какой-нибудь смешной случай из вашей телевизионной практики? — Самое страшное в прямом эфире — это когда нападает **хохотунчик** и ужасно трудно удержаться от смеха... («Известия»).

Рассказывая об английском парламенте, корреспондент использует окказионализм, который, по его мнению, поможет слушателям живо представить себе дебаты англичан: *С речью выступил заднескамеечник сэр Джон...* Подобные новации не всегда удачны, но, созданные по случаю, не наносят особого ущерба языку, поскольку быстро забываются.

Научная дискуссия

Проблема окказионализмов недостаточно изучена; обычно окказионализмы рассматриваются в составе неологизмов, однако некоторые лингвисты справедливо подчеркивают, что, будучи фактами речи, окказионализмы в язык не входят.

Особое место в ряду новых слов занимают так называемые **индивидуально-стилистические неологизмы**. Они создаются писателями, философами, публицистами с определенной художественной целью, например: *утреет* (А. Блок), *листоlet* (С. Есенин), *ежевечерие* (Б. Пастернак), *интеллигенщина*, *машинность*, *государствование*, *национальничанье*, *коммунизан*, *сатанократия*, *цивилизирование* (Н. А. Бердяев), *демонократия*, *монархомания*, *правоволение*, *правоопраие*, *светприобщение*, *рядомжителство* (И. А. Ильин).

Индивидуально-стилистические неологизмы объединяет с окказионализмами употребление их в пределах контекста; они живут только в том произведении, в котором их использовал автор. В особых случаях эти неологизмы могут повторяться, но они не воспроизводятся, а как бы рождаются заново. Например, Александр Блок ввел в текст стихотворения «На островах» новое слово *оснежённые*:

Вновь **оснежённые** колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.

Через шесть лет Анна Ахматова употребила такое же определение в своем стихотворении «9 декабря 1913 года»:

Вот, поняла, что не надо слов,
Оснежённые ветки легки...
Сети уже разостлал птицелов
На берегу реки.

Однако никто не станет утверждать, что подобное словоупотребление указывает на зависимость стиля одного поэта от другого, и уж тем более на стремление к повторению «поэтической находки» или подражание.

Индивидуально-стилистические неологизмы имеют ряд существенных отличий от окказионализмов. Во-первых, окказионализмы используются в разговорной речи главным образом при устном общении, а индивидуально-стилистические неологизмы принадлежат книжной речи и фиксируются на письме. Во-вторых, окказионализмы возникают спонтанно, тогда как индивидуально-стилистические неологизмы создаются в процессе сознательного творчества с определенной стилистической целью.

Индивидуально-стилистические неологизмы по своей художественной значимости сходны с тропами: в основе создания и тех и других лежит стремление дать образное описание предмета, причем автор не ставит перед собой цели ввести изобретенные им слова в широкое употребление.

Индивидуально-стилистические неологизмы долго не теряют своей свежести. Очень образны и поэтичны они в произведениях устного народного творчества, например: *Плотнички бестопорнички срубили горенку безуголенку* (посл.). Много неологизмов дала русская литература: *огнезвездный океан* (Г. Державин); *широкошумные дубровы* (А. Пушкин); *омедведила тебя захоластная жизнь* (Н. Гоголь); *громкокипящий кубок* (Ф. Тютчев); *обломовщина* (И. Гончаров); *карамазовщина* (Ф. Достоевский); *проглядные дали*, *некудрые тучи* (А. Белый); *безраздумный*, *надвьюжный*, *непо-*

годная полночь (А. Блок). Индивидуально-стилистические неологизмы потому столь выразительны, что от обычных наименований они отличаются свежестью внутренней формы слова. В таких, например, неологизмах, как *озлатонивить* (С. Есенин), *в тяжелозмейных волосах* (А. Блок), *огнекистые веточки бузины* (М. Цветаева), ясно просматривается внутренняя форма слов, а необычное соединение корней усиливает их образную основу.

Сатирическую окраску индивидуально-стилистических неологизмов высоко ценят публицисты. На волне «речевой демократизации» журналисты нередко прибегают к созданию индивидуально-стилистических неологизмов при описании современной действительности. Так, Арсений Замостьянов в статье, опубликованной в «Литературной газете», пишет:

Украинцам сегодня не свойственна ностальгия по СССР, а тем более — по Российской империи. Годы ежедневного **облаивания** общего прошлого по всем украинским телеканалам и СМИ не проходят даром. Тем более к этому **облаиванию** с охотой и рвением присоединяются и наши деятели¹.

Таким же негативно-оценочным является и стилистический неологизм заголовка приведенной статьи.

Однако и в трудные времена изобретаются веселые, добрые новые словечки-шутки, которые должны вызвать у читателя улыбку, например: *Путешествие из Москвы в Конфетенбург* (заголовок статьи о названиях московских улиц — Медовый переулочек, Кисельный и т.п.); *Барду нужно высказаться, выговориться, вылететь!* и др.

Индивидуально-стилистические неологизмы более емки по смыслу, чем обычные слова. Так, семантически многопланово определение *декабрь* у В. В. Маяковского:

Вот и вечер в ночную жуть
ушел от окон, хмурый,
декабрь.

Декабрь — это не то, что *декабрьский*. Это поэтическое определение настроения, перенесенное на само восприятие природы. В основе образа лежит фразеология живой разговорной речи, ведь о хмуром человеке говорят: *Смотрит декабрем*.

Создание индивидуально-стилевых неологизмов может быть обусловлено стремлением с помощью лексических средств отразить своеобразие нового литературного направления. Так, русские поэты-символисты с помощью индивидуально-стилистических неологизмов выделяли слова-символы, которые воплощали возвышенное начало (*звездность*, *звездолкость*, *снежность*, *беловеинный*, *жемчужность*, *хрустальность*). Писатели, борющиеся с «красивостью» изысканной поэтической речи, создавали неологизмы, сообщавшие стилю непринужденно-разговорный, даже сниженный оттенок. Ср., например: *Ты не освистал себя, а обыкал* (А. Чехов); *нешкодёрм; выжиревший лакей* (В. Маяковский).

¹ Замостьянов А. Руины независимости. Что готовят стране победившие на майдане // Лит. газ. 2014. № 8 (6451). 26 февр.

Современные публицисты любят политические шутки. Например, в одной из газет были напечатаны сатирические четверостишия в рубрике «Злободневки», представлявшей собой тоже стилистический неологизм:

Хунте

Нам порядок обеспечен,
Комитет нам друг и брат!
Он немного пиночетен
И слегка хусейноват.

(В. Орлов)

Очевидно, что возможности экспрессивного использования индивидуально-стилистических неологизмов неисчерпаемы, однако выразительная сила этих речевых средств зависит от мастерства их создателей.

Использование неологизмов в речи вызывает большие трудности, поскольку лексическая, грамматическая, синтаксическая и стилистическая характеристика многих новых слов еще не вполне определена. Обращение к неологизмам всегда должно быть стилистически мотивировано, их следует создавать в соответствии с литературно-языковыми нормами. Непонятные, нарочито придуманные словечки выискивал еще М. Горький, критиковавший новообразования типа *трушиться*, *буруздить*, *подьялдыкивать*, *базынить*, *скукоживаться*, *выцикуривывать*¹.

Неудачными с точки зрения словообразования считаются неологизмы, в которых нарушены требования благозвучия речи. К ним, в частности, относятся многие сложносокращенные слова (*текстомидискожа*, *асбоизо-бутилентластик*). Не отвечают эстетическим требованиям и новообразования типа *реагаж* (от глагола *реагировать*), *халтураж*, *жонгляж*, *репрессанс* (от *репрессии*), *аспиратесса*, *гидесса*, *критикесса*.

Звуковая форма неологизма также непринемлема, если она вызывает нежелательные ассоциации из-за сходства в звучании нового слова с уже известным. Например, использование журналистами таких неологизмов, как *забелдос* («защитник Белого дома»), *ебелдос* («Ельцин и Белый дом»), промелькнувших на страницах газет² после провала ГКЧП, оцениваются читателем как хулиганство и вседозволенность.

Создание неблагозвучных, каламбурных неологизмов возможно лишь в пролическом контексте, например в фельетонах: *Товарищи, во многих из нас еще сильны элементы детсадизма*. Употребление подобных неологизмов без специального стилистического задания придает речи неуместный комизм: *Товарищи спортсмены, жеребьевка продолжается. Кто отжеребился, пройдите к своим машинам*. Неожиданный комический оттенок придали речи неологизмы и в предложениях: *Важной задачей является более значительное облесение пейзажа* (ср. *облысение*); *Несмотря на то что склад особачен, материальные ценности похищены*.

Отрицательную стилистическую оценку получают неологизмы, которые имеют канцелярскую окраску (*недовзнос*, *недополив*, *несмотрибельное время* (для теленерелач), *охлатиться* и т.п.).

¹ См.: Горький М. Собр. соч. Т. 26. С. 292–293; Т. 27. С. 138–141, 150–152.

² См., например: Собеседник. 1992. № 14.

Иногда авторы статей, стараясь придать речи наукообразный вид, придумывают неологизмы, претендующие на роль терминов, однако непонятные и не имеющие точного значения. Приведем примеры: *Повышалось самоощущение* больного (ср.: *Улучшалось самочувствие* больного; *У больного появлялось ощущение бодрости*); *Необходима своевременная работа с детьми по развитию элементов ранней ручной умелости* (ср.: *Необходимо вовремя начать с детьми упражнения для рук, развивающие координацию и ловкость движений*). Подобное использование неологизмов наносит ущерб не только стилистической стороне речи, но и смыслу.

2.8. Стилистическая оценка заимствованных слов

Русский язык всегда был открыт для пополнения лексики из иноязычных источников. Заимствования из древних языков (греческого, латинского), тюркизмы, галлицизмы, слова из голландского, немецкого, английского, полонизмы, украинизмы и др. осваивались русским языком в разные исторические эпохи, не нанося ущерба его национальной самобытности, а лишь обогащая язык и расширяя его пределы. Однако слишком большой приток иноязычных слов в определенные периоды вызывал тревогу у деятелей русской культуры, в первую очередь у писателей, которые всегда предостерегали от бездумного засорения родной речи. С призывами остановить поток англоязычных заимствований в русский язык выступают и современные литераторы, журналисты, лингвисты, указывая на необычную активность в 1980–1990-е гг. в России «звонкого иноязычия»¹.

В конце XX — начале XXI в. особенно сильно увеличился приток иностранных слов в русский язык в связи с изменениями в сферах политической и экономической жизни, культуры и нравственной ориентации общества. Как известно, язык находится в постоянном движении, в своей эволюции он тесно связан с историей и культурой народа — носителя данного языка; и каждое «новое поколение вносит что-то свое не только в философское и эстетическое осмысление действительности, но и в формы, способы выражения средствами языка такого осмысления»². В свою очередь это требует наряду с привычными для старшего поколения речевыми средствами создания новых способов самовыражения, необычной манеры речевого поведения. В сложившихся условиях на ход языковой эволюции очень сильное влияние оказывает приток иностранных слов, хлынувших в наш язык через шлюзы, предоставленные самой жизнью.

Небывалую экспансию иноязычной лексики мы наблюдаем во всех областях. Она заняла ведущие позиции в политической жизни: *президент, парламент, инаугурация, спикер, импичмент, электорат, департамент, муниципалитет, легитимный, консенсус* и пр. Иноязычные термины стали господствующими в самых передовых отраслях науки и техники: *компьютер, дисплей, файл, драйвер, модем, мониторинг, плейер, факс*; в финансово-

¹ См.: *Новиков Н. В.* Звонкое иноязычие // *Русская речь.* 1992. № 4. С. 57 и далее.

² См.: *Бельчиков Ю. А.* Русский литературный язык: стилистика, лексика, история. М., 2001. С. 9–18.

коммерческой деятельности: *аудитор, брокер, бизнес, дилер, инвестиция, спонсор, траст, холдинг* и т.п. В культурную сферу вторгаются *бестселлеры, вестерны, триллеры, литы, шоумены, дайджесты* и т.д. Бытовая речь живо принимает новые реалии с их нерусскими названиями: *сникерс, гамбургер, чизбургер, спрайт, кока-кола, маркетинг, супермаркет, шоппинг* и др. Даже просторечие и жаргоны пополняют свой лексический запас американизмами, чаще всего искаженными, изуродованными: *герла, шотник, фейс, шузы, баксы, грины, тин* (сокращенное *тинэйджер*) и т.п. Как отмечает профессор Н. В. Новиков, погоня за новым, «красивым», звучным, а иногда и непонятным для «непосвященных» названием приводит к тому, что крестьянин-единиличник (говоря «простым» языком — *арендатор*) хочет быть только *фермером*, бандит-вымогатель называется не иначе, как *рэкетир*, а женщина легкого поведения и совсем уж необычно, красиво и загадочно — *тутана*.

Научная дискуссия

Борьба с заимствованием иностранных слов приобрела особую остроту в середине 1990-х гг. Академик Е. П. Чельшев, член Президиума РАН, активно работающий в Совете по русскому языку при Президенте РФ, в полемической статье, опубликованной в «АиФ», заявляет: «Одно дело — экономически оправданные естественные заимствования, постепенно усваиваемые языком и не разрушающие его национальную основу, и совсем другое — агрессивная, тотальная его “американизация”. Например, совершенно неприемлемо пришедшее из американского варианта английского языка слово “киллер”, в котором размыта негативная оценка, содержащаяся в русском слове “убийца”. Сказать человеку “Ты убийца” — это вынести ему суровый приговор, а назвать его киллером — это как бы просто определить его профессию: “Я — дилер, ты — киллер, оба вроде делом занимаемся”».

В. Ю. Троицкий, ученый-литературовед и публицист, отмечал, что переименование затрудняет верную оценку явлений жизни. В русском языке есть почти бранное слово — «безбожник». Его стали подменять безразлично звучащим словом «атеист», чтобы снять оттенок осуждения и пренебрежения к тем, кто отрекся от веры своего народа или вообще от веры в Бога.

Заимствование широкоупотребительных иностранных слов-интернационализмов порой сопровождается искажением их значения. Например, английское *тинэйджер*, означающее ‘девушка или молодой человек в возрасте от 13 до 19 лет’ (именно в этих именах числительных в английском языке есть элемент *тин*, послуживший основой для наименования), в русском языке употребляется не только в значении подросток; чаще оно получает иной оттенок: ‘некто вроде панка или хищни’. Во всяком случае так его употребляют авторы публикаций в «МК»: *Тинэйджер — длинные ноги, длинные волосы — пришел трудоустроиваться...*

В средствах массовой информации «полюбили» слова *популизм, популист*, однако используют их совсем не так, как принято на Западе. Там слово *популизм* понимают как ‘искусство завоевывать симпатии людей’. Основы этого искусства были сформулированы еще в древности, и ничего предосудительного в такой черте лидера нет. В отечественной прессе это слово стало негативно-оценочным; лидеров обвиняют в *популизме* (*Попу-*

лист повторяется измененным интересам толпы — вопреки здравому смыслу и интересам страны). Примеров такого толкования слова можно привести множество, вот один из них:

Как **популист** [Александр] Лебедь действовал не только в Чечне, но даже и в Брюсселе. Там, почувствовав настроение натовской аудитории, он мигом забыл все, что говорил перед отлетом, и, не в силах сопротивляться настроению слушающих, легко согласился на расширение НАТО (газ.).

Словари иностранных слов не успевают освоить новые заимствования, поэтому читатель, не владеющий английским, нередко оказывается беспомощным, встречая непонятные слова в газетных и журнальных материалах, изобилующих иноязычными терминами: *экслюзивный* ('исключительный'), *пресс-релиз* ('специальный бюллетень для работников средств массовой информации, выпускаемый правительственным учреждением'), *консенсус* ('согласие'), *рейтинг* ('индивидуальный числовой показатель оценки популярности, ценности кого/чего-либо', например *высокий (низкий) рейтинг президента*) и т.д.

Научная дискуссия

Наблюдая все печальные последствия «тотальной американизации» нашего языка, трудно сохранять объективность в развернувшейся полемике о целесообразности иноязычных заимствований в современном русском языке. Но голоса в защиту нерусских слов, закрепляющихся в общении, все же раздаются. Так, академик Е. П. Чельшев справедливо утверждает: «Нет никаких оснований возражать против многих современных заимствований. Разве лучше громоздкое "электронно-вычислительная машина" или даже краткое "ЭВМ", чем "компьютер"? В нашу жизнь в последние годы входят новые явления, а с ними и новые слова».

Подобные процессы обогащения лексики за счет заимствований происходят во всех современных языках. «В пек бурного технологического развития поток новых идей, вещей, информации, технологий требует быстрого называния предметов и явлений, заставляя вовлекать в язык уже имеющиеся иностранные названия, а не ожидать создания самобытных слов на русской почве», — отмечают одни участники дискуссии. Другие разумно добавляют: «Научно-техническая, военная, финансовая, банковская, спортивная лексика во всем мире стремится к интернационализации. Тяга к научно-техническому прогрессу, к цивилизации находит отражение в языке. Отчасти происходит выравнивание словаря русского языка по международному стандарту».

Насколько это изменит облик русского языка, обогатит его или «иностранит», покажет время. Оно определит и судьбу тех или иных заимствований, которые в конце концов будут одобрены или отвергнуты лингвистическим вкусом эпохи. Русский язык не впервые сталкивается с необходимостью воспринять из международного опыта полезную информацию в виде иностранных слов. Со временем выясняется, какие из них остаются, вливаясь в систему литературного языка, а какие предаются забвению, бесследно исчезая.

Например, в эпоху Петра I в русский язык вошло 1500 слов из голландского языка, из них в современном языке сохранилось немногим более 250, которые достаточно обрусели, так что человеку неискушенному в лингвистических исследованиях теперь нелегко установить их источник. Не утратил русский язык своего национального лица, и несмотря на длительное влияние на него французского языка. Подсчитано, что около 74% слов, заимствованных из французского, получили новые оттенки значений (от двух до пяти оттенков значений, свойственных заимствованным словам в языке-

источнике, и русском языке утрачиваются): 18% слов стали однозначными, 35% приобрели самостоятельные значения. Все это свидетельствует о могучей жизненной силе русского языка, подчиняющего заимствования своей лексической системе.

Научный подход к стилистической оценке употребления заимствованных слов в разных текстах требует учитывать все особенности лексики иноязычных источников: степень освоения ее русским языком, стилистическую закрепленность, отсутствие соответствующих русских наименований или, напротив, возможность синонимической замены чуждого слова, время его появления в языке, частотность использования в речи и т.д. Исходя из указанных критериев, можно предложить классификацию заимствованных слов по степени их освоения русским языком. Выделенные при этом лексические пласты будут существенно отличаться в стилистическом отношении. Такая группировка заимствованной лексики преследует практические цели – выработать рекомендации к употреблению в речи тех или иных заимствований.

А. Заимствованная лексика, имеющая неограниченную сферу употребления в современном русском языке. По степени ассимиляции языком эти заимствования можно подразделить на три группы.

1. Слова, утратившие какие бы то ни было признаки нерусского происхождения (*картина, кровать, стул, лампа, уют, тетрадь, школа, огурец, вишня*). Такие слова не выделяются на фоне русской лексики ни фонетически, ни морфологически, ни стилистически – «иноязычность» не оказывает никакого влияния на их употребление в речи.

2. Слова, сохраняющие некоторые внешние признаки иноязычного происхождения, например не свойственные русскому языку созвучия (*вуаль, жюри, джаз*); нерусские суффиксы (*техникум, студент, директор*), приставки (*трансляция, антибиотики*). Некоторые из этих слов не склоняются (*кино, пальто, кофе*). К данной группе относятся слова, которые, обозначая прочно вошедшие в нашу жизнь явления, широко используются в речи как единственные наименования распространенных предметов, понятий. Эти заимствованные слова стилистически слились с исконно русской лексикой. О таких иноязычных словах писал А. С. Пушкин:

Но *панталоны, фрак, жилет,*
Всех этих слов на русском нет..

3. Общеупотребительные слова из области науки, политики, культуры, искусства, известные не только в русском, но и в других европейских языках. Такие слова, занимающие большое место в составе заимствованной лексики, называют **европеизмами**, или **интернационализмами**. Интернациональная лексика, особенно та, что семантически связана с политической тематикой, в русском языке очень активно закреплялась после 1917 г. (*диктатура пролетариата, террор, комиссар, коммуна*). Многие политические термины, осевшие в русском языке в первые послереволюционные годы, заимствованы из французского и восходят к эпохе Парижской коммуны.

Научно-технический прогресс обусловил широкое распространение таких интернациональных слов, как *телеграф, телефон, репродукция,*

иллюстрация и т.п.; они стилистически нейтральны и часто употребляются в речи. Новейшие заимствования — *пейджер, гаджет, факс, дисплей, дайджест* и др. в настоящее время максимально продуктивны. Они получили широкое распространение не только как наименования предметов, ставших атрибутами современной, предельно ритмизированной жизни, но и в первую очередь как термины, не имеющие русских эквивалентов. Например, *дайджест* — не просто краткий пересказ того или иного текста, а специальное издание, в котором содержится сокращенное, адаптированное изложение популярного художественного произведения или опубликованных ранее материалов периодической печати.

Заимствованные слова трех рассмотренных групп, не имеющие русских синонимов, используются в речи без всяких ограничений; большинство из них относится к межстилевой, нейтральной в эмоционально-экспрессивном отношении лексике. Иной стилистической оценки заслуживает следующий пласт заимствований.

Б. Заимствованная лексика ограниченного употребления. В состав заимствованной лексики ограниченного употребления входят слова, неоднородные по степени освоения их русским языком и по стилистической окраске, что также позволяет выделить в ней несколько групп.

1. Книжные слова, которые не получили всеобщего распространения (*аморальный, апологет, акцентировать, эпатировать*). Эти слова, как правило, имеют русские или старославянские синонимы (ср.: *аморальный* — *безнравственный, порочный, растленный, испорченный, развращенный, распущенный*; *апологет* — *защитник, заступник, сторонник*; *акцентировать* — *выделять, оттенять, заострять, выпячивать, утрировать, напирать*; *эпатировать* — *потрясти, ошеломить, ослепить, озоршить, оглушить, ошарашить*). К этим примерам можно добавить немало «свежих» заимствований: *шоу* — *спектакль, представление, зрелище*; *стагнация* — *застой*; *коррупция* — *продажность должностных лиц, взяточничество, подкуп*; *бизнес* — *предпринимательство*; *приватизация* — *разгосударствление*; *презентация* — *представление* (чего-либо нового — *книги, фильма*); *инаугурация* — *вступление президента в должность*.

Значительную часть заимствованной книжной лексики составляют термины. Многие из них условно можно отнести к определенному иноязычному источнику. Например, к греческому языку восходят термины *космос, автомат*, к латинскому — *агрегат, негатив*. У некоторых терминов невозможно определить реальный источник заимствования, потому что они образованы из латинско-греческих корней, а значение свое получили уже в каком-то современном живом языке. См., например: *аквонавтика* (от лат. *aqua* — 'вода' и греч. *nautike* — 'мореплавание') — 'наука, занимающаяся изучением возможностей длительного пребывания человека под водой'; *футурология* (от лат. *futurum* — 'будущее' и греч. *logos* — 'учение') — 'научное предвидение будущего'.

Термины иноязычного происхождения в большинстве своем не имеют русских синонимов, что делает их незаменимыми в научном стиле (*жаргон, диалект, фонема, морфема, метрика, рифма*). Однако немало и таких иноязычных терминов, у которых есть русские или старославянские синонимы

(ср.: импорт — ввоз; эволюция — развитие; комюнике — сообщение; агрессивный — захватнический). У русских синонимов обычно ослаблен оттенок научности, официальности, поэтому в книжных стилях часто отдают предпочтение иноязычным терминам. В то же время стилисты не без основания отмечают, что научный стиль перегружен заимствованными словами.

В состав книжной лексики иноязычного происхождения входят и слова, не имеющие строго терминологического значения (*престиж, эквивалентный, эрудиция, энциклопедизм, дифференцировать*).

2. Заимствованные слова, проникшие в русский язык под влиянием салонно-дворянского жаргона (*амурный* — 'любовный'; *бонвиван* — 'легкомысленный человек'; *рандеву* — 'свидание'; *плезир* — 'удовольствие'; *сентименты* — 'чувствительность'). Слова этой группы значительно архаизовались, они всегда имеют русские синонимы, которые чаще всего и употребляются в речи.

3. **Экзотизмы** — заимствованные слова, которые характеризуют специфические национальные особенности жизни разных народов и употребляются при описании нерусской действительности¹. Так, при изображении жизни и быта народов Кавказа используются слова *аул, сакля, джигит, арба*; при описании событий в Афганистане — экзотизмы *душманы, талибы, Талибан* и пр. Итальянский колорит придают речи слова *гондола, тарантелла*, испанский — *мантилья, кастаньеты, идальго*. Отличительной особенностью экзотизмов является то, что они не имеют русских синонимов, поэтому обращение к ним при описании жизни иных народов продиктовано необходимостью. На фоне прочей иноязычной лексики экзотизмы выделяются как слова, не вполне лексически освоенные русским языком.

4. **Иноязычные вкрапления** в русскую лексику (*аллегро, о'кей (okeй), мерси*), которые часто сохраняют нерусское написание (*happy end* (англ.) — 'счастливый конец'; *pater familias* (лат.) — 'отец семейства'; *dum spiro spero* (лат.) — 'пока дышу, надеюсь'). Иноязычные вкрапления обычно имеют лексические эквиваленты в составе русской лексики, но стилистически от них отличаются и закрепляются в той или иной сфере общения как специальные наименования или как выразительное средство, придающее речи особую экспрессию. Характерной чертой иноязычных вкраплений является их распространение не только в русском, но и в других европейских языках.

5. **Варваризмы**, т.е. перенесенные на русскую почву иностранные слова, употребление которых носит индивидуальный характер. О варваризмах нельзя сказать, что они *входят* в состав русской лексики, они еще не освоены языком, не являются его принадлежностью; это «не закрепившиеся в общелитературном языке единицы»². В отличие от всех лексических заимствований варваризмы не зафиксированы словарями иностранных слов, а тем более словарями русского языка. Варваризмы попадают в речь

¹ См.: Михайловская Н. Г. Варианты «безэквивалентной» («экзотической») лексики // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983. С. 120–139.

² Шмелев Д. И. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. С. 161.

как окказиональные средства, их употребление не носит общепринятого характера. Например, у В. В. Маяковского варваризм, означающий «прошу прощения», передан средствами русского алфавита:

Негр подходит к туше дебелой:
«*Ай бэг ёр пёрдон*, мистер Брэгг!
Почему и сахар, белый-белый,
должен делать черный негр?..»

От других иноязычных заимствований варваризмы отличаются еще и тем, что имеют «иностранный» облик, резко выделяющий их на фоне русской лексики. В отличие от экзотизмов большинство варваризмов обозначает понятия, которые имеют в русском языке наименования. Наконец, в отличие от иноязычных вкраплений варваризмы носят окказиональный характер, они лишены стилистической окраски книжности, научности. Варваризмы только условно можно отнести к заимствованной лексике, имеющей ограниченную сферу употребления, — на самом деле они остаются за пределами русского словаря.

Итак, выделив в составе заимствованной лексики несколько групп, мы проследили постепенное усиление в них «иностранный» окраски, присутствие которой в слове нельзя не учитывать при стилистической оценке его употребления в речи. Заимствованные слова, получившие всеобщее распространение и закрепившиеся в составе межстилевой русской лексики, с точки зрения стилистики не представляют интереса. В стилистической оценке нуждаются заимствованные слова, имеющие ограниченную сферу употребления.

Приступая к анализу использования заимствованных слов в художественной и публицистической речи, необходимо отметить следующее: та или иная степень увлеченности автора иноязычными вкраплениями и соответственно отражает его отношение к проблеме лексических заимствований. Сатирики XVIII в. зло пародировали жаргон светского общества, насыщенный французскими (часто искаженными) словами. Так, у Д. И. Фонвизина советница в «Бригадире» говорит: *Я капбельна взбеситься: Вам время уже себя этабелировать* (= «устроить»). Традицию сатирического осмеяния светского жаргона продолжил Н. В. Гоголь:

Юбка вся собирается вокруг, как бывало в старину фижмы, даже сзади немножко подкладывают ваты, чтобы была совершенная **бельфам** (= «прекрасная женщина»); Словом, скандальёзу наделал ужасного, вся деревня сбежалась, ребёнки плачут: все кричит, никто не понимает, ну просто **оррёр, оррёр, оррёр!** (= «ужас»).

Речь, насыщенная варваризмами, называется **макаронической**, т.е. изобилующей **макаронизмами** (иностранными словами, которые перенесены в речь механически, в неизменном виде). В XIX в. широкой популярностью пользовались макаронические стихи И. М. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею...», в которых высмеивалась речь тамбовской барыни, попавшей в Париж:

Тут собрался целый мир
Изо всех концов Европы:
Адонисы и Езопы,
Богачи и пролетер,
Ом дэта и милитер...

т.е. «бедные», «государственные
мужи» и военные.

Сатирически изобразил французоманию высшего общества Л. Н. Толстой в романе «Война и мир». А. П. Островский, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, А. П. Чехов, А. Н. Толстой, А. П. Куприн использовали иноязычные слова в речевых характеристиках персонажей. Писатели пародировали неправильное употребление французских слов и искажение русских на иностранный манер. Вот пример рассуждения Бальзаминовой из пьесы Н. А. Островского «Свои собаки грызутся, чужая не приставай»:

Вот что, Миша, есть такие французские слова, очень похожие на русские: я их много знаю; ты бы хоть их заучил когда, на досуге. <...> Вот слушай! Ты все говоришь: «Я гулять пойду!» Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: «Я хочу *праминаж* сделать!» <...> Про кого дурно говорят, это *мараль*. <...> А вот если кто заважничает, очень возмечтает о себе, и вдруг ему форс-то собьют, — это *асаже* называется.

Советские писатели также осмеивали употребление в речи заимствованных слов, которые затрудняют ее понимание. Этой теме посвящено, например, стихотворение В. В. Маяковского «О фиасках, апогеях и других неведомых вещах».

Однако писатели всегда считали, что часть заимствованной лексики нужна литературному языку как яркое стилистическое средство живописного изображения быта других народов или как наиболее действенное средство выражения мысли. При описании нерусской действительности для воссоздания кавказского колорита экзотизмы мастерски применяли А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой и др.

В XIX в. в русский язык вошла интернациональная лексика, она несла в себе идеи Просвещения, прогрессивной философии Запада. Эту лексику широко использовали В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов. Так, В. Г. Белинский писал: «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пнетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности»¹; а свою знаменитую статью «Взгляд на русскую литературу 1847 года» он открыл волнующим рассуждением о пользе для русского языка заимствованного слова *прогресс*.

Современная публицистика, призванная отражать оперативную жизнь во всем ее многообразии, не может отказаться от использования иноязычных слов, получивших распространение в общении. Некорректно обвинять публицистов в популяризации заимствований, поскольку, описывая ту или иную ситуацию, журналист обращается к принятой в этом случае лексике, включая и заимствования. См., например:

¹ Белинский В. Г. Письмо к Гоголю // Н. В. Гоголь в русской критике : сб. ст. М., 1953. С. 244.

Александр Лукашенко упорно не хотел соглашаться с датой референдума — 24 ноября, считая своим числом удачи 7 ноября. Люди, близкие к администрации президента, утверждали, что эту дату ему рекомендовали придворные колдуны, экстрасенсы и маги. <...> Теперь в листе за импичмент необходимые 70 подписей есть. В числе вновь прибывших оказалось и имя спикера Семена Шарецкого (газ).

В особых случаях может быть стилистически оправдано обращение автора даже к варваризмам, если они вводятся «цитатно», например:

Во всем мире под «отмыванием» денег имеется в виду перевод наличных на легальный банковский счет. А наши криминалы всеми правдами и неправдами стремятся мифические нули и другие цифры со своих счетов перевести в вожделенный «кэш» — наличные.

Некоторые заимствования последних лет получили в русском языке особую экспрессивную окраску — они звучат шутливо. Это позволяет журналистам использовать их в пролическом контексте: *Маша должно не могла привыкнуть к своему бой-френду; Где нынешнему студенту взять «гринь», если он будет аккуратно посещать лекции?..* Журналисты вправе использовать как средство юмора и окказионализмы, образованные по модели модных заимствований. Нельзя, например, отказать в остроумии автору корреспонденции о праздновании 8 Марта, опубликованной под заголовком «Бизнесмены поздравили бизнес-вуменов» (от англ. *woman* — 'женщина').

Острый сатирический эффект создаст пародийное употребление иноязычных слов в макаронических стихах, публикуемых также в газетах. См., например:

Нюрины дебаты

Агафье говорила Нюра: — Чудесна нынче конъюнктура, И мой опинион таков, Что есть немало женихов. Но, хоть я этому и рада, дифференцировать их надо, Давай, Агафья, мы вдвоем По ним дебаты проведем. Во-первых, исключим из квоты Тех, у которых нет работы Или валюты в банке нет, А есть с нуждою паритет. И тех, кто ростом слишком мал, Пусть и имеет капитал.	Но финишируем вступленье — Начнем само перечисленье: Варфоломей еще студент, Он не создаст истаблшмент, Ивана я не уважаю, Ему импичмент выражаю, И мне не нравится Семен — спонтанно нелоялен он, А трансформировать Павлина Весьма опасно в семьянина. Зато Василий мной любим: Есть у меня консенсус с ним!
---	---

(Евгений Бергер)

Подобное осмеяние «звонкого иноязычия», думается, наиболее действенная форма «борьбы» с засильем иностранных слов, потому что запреты и призывы отказаться от заимствований не оказывают заметного влияния на развитие языка. Требование деятелей русской культуры разумно предпочитать заимствованным словам исконно русские, если они точно передают соответствующее значение, не имеют ничего общего с **пуризмом**, т.е.

с консервативным стремлением к сохранению языка в неизменном виде, к ограждению его от каких бы то ни было новшеств, заимствований. Как правило, в русском языке не закреплялись слова, которыми пуристы предлагали заменить иноязычные заимствования. Так, в мир преданий отошли придуманные А. С. Шишковым *просад* (аллея), *шарокат* (бильярд), *книжница* (библиотека), *водовет* (фонтан), *мокроступы* (галюши), *чистяк* (пурист). Не привились и сочиненные В. И. Далем *ловкосилие* (гимнастика), *мироколица* (атмосфера), *живуля* (автомат), *насыл* (адрес) и др.

Не разделяя пуристических взглядов, мы, тем не менее, не можем признать эквивалентно «звонкого иноязычия» в современной русский язык. Употребление тех или иных заимствований в конкретном тексте (до его опубликования) должно стать предметом стилистической правки. Автор должен нести ответственность за перенасыщение речи иностранными словами, за их неправильное употребление, искажение. Именно эта сторона проблемы стилистической оценки заимствований в современном русском языке представляет специальный интерес для практической стилистики.

В свою очередь, неоправданное введение в текст заимствованных слов наносит большой ущерб художественной речи: она обезличивается, если разнообразным и ярким русским синонимам предпочитают слова книжные, невыразительные. Например, пишут: *Я хорошо помнил модуляции ее голоса* (а почему бы не сказать *переливы* или — как звучал ее голос?); *Я не могу сконцентрироваться* (лучше было бы написать *сосредоточиться*, *подумать*); или даже так: *В старину все деревенские новости концентрировались у колодца*¹.

Злоупотребление заимствованными словами, имеющими ограниченную сферу использования, нежелательно и в нехудожественных текстах. Авторы научных работ часто справедливо упрекают за неоправданное увлечение иностранной терминологией, которая затрудняет чтение текста, а иногда становится непреодолимым препятствием для его понимания. Например, не оправдано использование непереведенных иноязычных терминов *импеданс* вместо *полное сопротивление*, *свин-генератор* вместо *генератор качающейся частоты* и т.п.

Не следует употреблять заимствованные слова, если у них есть русские эквиваленты, точно передающие то же значение. Например, реклама расхваливает *квалитетную женскую обувь* (а почему не *качественную*?); юрист пишет о *консалтинговой деятельности* (не лучше ли вместо непонятного слова употребить его синоним — *консультативной*?); издательство оговаривает с автором *эксклюзивное право на публикацию рукописи* (яснее и проще — *исключительное право*); *договаривающиеся стороны достигли консенсуса* (а точнее — *согласия, единодушия*) *по всем вопросам* и т.д.

Публицистам следует знать, что непонятные иноязычные слова неуместны в заголовках, ведь именно название статьи призвано привлечь

¹ О непростительных злоупотреблениях заимствованными словами в переводах из художественной литературы см.: Галь Н. Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора. М., 1979. (Отдельные примеры заимствованы из этой книги.)

внимание читателя. Однако возникают сомнения, сможет ли он разгадать смысл таких, например, заглавий: *В войне трейлеров — временное затишье; Ошибка киллера; Дума готовит вора́м индульгенцию; Экспертиза детекторов валют; Деревенская концептуальность (!); Союзники знали о холокосте.* Чтобы уяснить, что в первой заметке речь идет о зашлюмбированных грузовых машинах, пересекающих границу с Финляндией, читателю надо просмотреть три колонки текста. В последней заметке, правда, автор сразу же разъясняет значение загадочного варваризма:

То, что называют английским словом «**холокост**», должно бы отражать боль Белоруссии. Там, в местечке Слоним, впервые состоялась **массовая казнь** (В. Надейн, газета «Известия»).

Составители рекламы наносят себе значительный урон, шеголяя варваризмами, экзотизмами, ведь читатель не сможет заинтересоваться предложением рекламодателя, если не поймет публикации. Приведем пример:

Тональный крем Vichy Aera Teint. Эксклюзивная технология Аэра-Тэкс воспроизводит воздухопроницаемую структуру кожи, не закупоривая поры и позволяя коже дышать. Гипоаллергенно.

Очевидно, что такой «терминологический туман» служит сокрытию некоторых существенных для потребителей сведений, выводя на передний план информацию, понятную лишь специалисту¹.

В газетных статьях недопустимо употребление узкоспециальных иноязычных терминов, непонятных широкому читателю; например:

По сообщению Прайм-ТАСС, 21 ноября парламентарии Иркутской области запретили исполнительной власти продавать свою долю в **аффилированной** компании «Сиданко» — «РУСИА Петролеум». Потенциальным покупателем наблюдатели называли одного из акционеров иркутской компании — корейскую Hanbo Group (в лице **аффилированной** компании East Asia Gas Corp).

Употребление заимствованной книжной лексики нередко вносит стилистический разноречивый, так как функционально закрепленные слова оказываются неуместными в нейтральном или художественном контексте. Например: *Как прекрасен этот смешанный лес!* (из соч.). Очевидно, что употребление биологического термина *смешанный лес*, обозначающего 'соединение в одном лесном массиве хвойных и лиственных пород деревьев', в художественном описании является неуместным. Недопустимо смешение слов, принадлежащих различным терминологическим системам, стилям (*ренессанс паротурбинных насосов; эскалация радости*). Не может быть оправдано использование экзотизмов при описании русской жизни (*Был я и стюардом на волжских пароходах*), а также заимствованных слов, освоенных языком сравнительно недавно, при описании прошлых событий

¹ См.: Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. М., 2013. С. 56. (Иллюстрация автора.)

(В углу кают-компании висела икона святого Николая-угодника — шефа Российского флота).

Грубые лексические ошибки возникают при употреблении заимствованных слов без учета их значения, например: *Продаем парадоксальные итальянские светильники* (реклама в «МК»). Подобные ошибки объясняются стремлением выразиться «красиво». Ср. еще: *Дружная игра нашей команды не позволила шведским хоккеистам добиться успеха в дебюте матча* (следовало написать: *в начале матча*).

Употребление заимствованных слов без учета их семантики часто приводит к нарушению лексической сочетаемости. См., например: *Я очень конспективно говорил; По бережной двинулась кавалькада автомашин; Вяленая вобла давно воспета гурманами рыбных блюд*. Но конспективно можно записывать что-то выступление, а говорить можно кратко, сжато, лаконично; кавалькадой называется группа всадников, едущих вместе, машины же едут колонной. Слово *гурман* — ‘любитель и знаток тонких блюд’ — не может управлять существительными, которые уточняют его значение (нельзя сказать: *гурман конфет*); в данном контексте лучше было написать: *ценителями (знатоками) рыбных блюд*.

С употреблением заимствованных слов может быть связана и речевая избыточность. В этом случае рядом с заимствованным словом используется русское, очень близкое по смыслу, а иногда и дублирующее его значение. Так возникают сочетания *единый монолит; инициативное начинание; все подробности и детали; ускорить и форсировать* и т.п. См., например: *Студенты-вечерники ограничены лимитом времени; Разнообразна во флористическом отношении растительность высокогорных скал и каменных осыпей; Этот внешний антураж, все детали и подробности обстановки вскоре перестанешь замечать*. Такие предложения требуют основательной стилистической правки. Первое можно переделать так: *Время студентов-вечерников ограничено; У студентов-вечерников мало времени* и т.д. Стилистическая правка второго предложения сводится к исключению лишних слов — *во флористическом отношении*, так как *растительность* и *флора* — синонимы. В третьем предложении следует заменить нелогичное сочетание *внешний антураж* и исключить иноязычный синоним к русскому слову *подробности* (ср.: *Окружающую обстановку, со всеми ее подробностями, вскоре перестанешь замечать*).

Чаще всего приходится иметь дело с неоправданным увлечением иноязычными словами: *После отчаянной дискуссии с комендантом общежития жильцы его достигли желаемого консенсуса, отвовав себе право приглашать панков, битников и хиппи на студенческие тусовки*. Такое количество нерусских слов в одном предложении наводит на мысль: не пародирует ли автор макаронический стиль? Однако содержание публикации показывает, что корреспондент настроен на серьезный лад; все заимствованные слова он употребляет без какого бы то ни было намека на иронию: это его стиль, его привычная лексика. Конечно, подобное злоупотребление иностранными словами достойно осуждения.

Вдумчивое отношение к заимствованным словам, использование их в соответствии с точным значением и стилистической окраской поможет избежать лексических ошибок в речи.

2.9. Стилистическая оценка языковых и авторских фразеологизмов

2.9.1. Фразеологические средства языка и их применение в различных стилях

Фразеологическая стилистика изучает употребление в речи сложных по составу языковых единиц, имеющих устойчивый характер (*ломать голову; сгущать краски; кот заплакал; на вес золота; прожиточный минимум; шоковая терапия*). При этом главное внимание уделяется стилистическим свойствам и выразительным возможностям фразеологизмов, а также их преобразованию в художественной и публицистической речи; рассматриваются различные приемы фразеологического новаторства писателей. В центре внимания фразеологической стилистики находится предупреждение речевых ошибок при употреблении фразеологизмов.

Фразеологизмы следует отличать от свободных словосочетаний. Чтобы уяснить их принципиальные отличия, остановимся на особенностях употребления фразеологизмов в речи.

1. Важнейшей особенностью фразеологизмов является их **воспроизводимость**: они не создаются в процессе речи (как словосочетания), а используются такими, какими закрепились в языке.

2. Фразеологизмы всегда **сложны по составу**, они образуются соединением нескольких компонентов (*попасть впросак; верх тормашками; кровь с молоком*). Важно подчеркнуть, что компоненты фразеологизмов несут на себе ударение. Вот почему в строгом значении термина нельзя называть фразеологизмами употребляемые вместе, но пишущиеся отдельно служебное и знаменательное слова типа *под мышкой, до смерти, с кондачка*, которые имеют лишь одно ударение. Сложность состава фразеологизмов наводит на мысль об их сходстве со свободными словосочетаниями (ср.: *попасть впросак — попасть в ловушку*). Однако компоненты фразеологизма или не употребляются самостоятельно (**просак, *тормашки*), или изменяют во фразеологизме свое обычное значение (например, *кровь с молоком* означает 'здоровый, с хорошим цветом лица, с румянцем').

Многие фразеологизмы эквивалентны одному слову, ср.: *раскинуть умом — подумать; кот заплакал — мало; пятое колесо в телеге — лишний*. Эти фразеологизмы имеют **нерасчлененное** значение. Однако есть и такие, которые можно приравнять к целому описательному выражению: *садиться на мель — попадать в крайне затруднительное положение; нажимать на все педали — прилагать все усилия для достижения цели или выполнения чего-либо*. Для подобных фразеологизмов базовыми являются стандартные общепотребительные в тот или иной период времени сочетания, а трансформация свободного соединения двух значений лексем в одно целое есть результат переносного употребления лексических единиц.

3. Фразеологизмы характеризует **постоянство состава**. В свободных словосочетаниях одно слово можно заменить другим, если оно подходит по смыслу (ср.: *читаю книгу, просматриваю книгу, изучаю книгу, читаю роман, читаю повесть, читаю сценарий*). Фразеологизмы такой замены не допускают. Никому не придет в голову вместо *кот заплакал* сказать *кошка заплакала*, вместо *раскинуть умом* — *разбросить умом* или *рас-*

кинуть головой. Правда, есть фразеологизмы, которые имеют варианты. Например, наряду с фразеологизмом *раскинуть умом* употребляется его вариант *раскинуть (пораскинуть) мозгами*; параллельно используются фразеологизмы *от всего сердца* и *от всей души*. Однако существование вариантов некоторых фразеологизмов не означает, что в них можно произвольно заменять слова. Закрепившиеся в языке варианты фразеологизмов тоже характеризуются постоянным лексическим составом и требуют точного воспроизведения в речи.

Постоянство состава фразеологизмов позволяет говорить о «предсказуемости» их компонентов. Так, зная, что во фразеологизме используется слово *закадычный*, можно предсказать другой компонент — *друг*; слово *заклятый* подсказывает используемое вместе с ним слово *враг* и т.д. Фразеологизмы, которые не допускают никакого варьирования, относятся к абсолютно устойчивым сочетаниям.

4. Большинству фразеологизмов свойственна **непроницаемость** структуры: не допускается включение в них новых слов. Так, зная фразеологизмы *потупить голову*, *потупить взор*, нельзя сказать: *низко потупить голову*, *еще ниже потупить печальный взор*. Однако есть и такие фразеологизмы, которые допускают вставку отдельных уточняющих слов (ср.: *разжигать страсти* — *разжигать роковые страсти*; *намылить голову* — *хорошенько намылить голову*). В некоторых фразеологизмах возможен пропуск одного или нескольких компонентов. Например, говорят *пройти сквозь огонь и воду*, отсекая конец фразеологизма: *и медные трубы*, или *выпить чашу до дна* вместо: *выпить горькую чашу до дна*. Редукция фразеологизмов в таких случаях объясняется стремлением к экономии речевых средств и специального стилистического значения не имеет.

5. Фразеологизмам присуща **устойчивость грамматического строения**, в них обычно не меняются грамматические формы слов. Так, нельзя сказать **бить баклуши*, **вытачивать лясу*, заменив формы множественного числа *баклуши*, *лясы* формами единственного числа, или употребить полное прилагательное вместо краткого во фразеологизме *на босу ногу*. Однако в особых случаях вариации грамматических форм во фразеологизмах возможны (ср.: *греть руку* — *греть руки*; *слыханное ли дело* — *слыхано ли дело*).

6. Большинство фразеологизмов имеет **строго закрепленный порядок слов**. Например, нельзя поменять местами слова в выражениях *ни свет ни заря*; *битый небитого везет*; *все течет, все изменяется*, хотя смысл, казалось бы, не пострадал, если бы мы сказали: *все изменяется, все течет*. В то же время в некоторых фразеологизмах возможно изменение порядка слов (ср.: *набрать в рот воды* — *в рот воды набрать*; *не оставить камня на камне* — *каменя на камне не оставить*). Перестановка компонентов обычно допускается во фразеологизмах, состоящих из глагола и зависящих от него именных форм.

Неоднородность структурных признаков фразеологизмов объясняется тем, что фразеология объединяет довольно пестрый языковой материал, причем границы фразеологических единиц очерчены недостаточно определенно.

Фразеологические средства языка, как и лексика, находят применение в различных функциональных стилях и, следовательно, имеют ту или иную стилистическую окраску.

Самый большой стилистический пласт составляет **разговорная** фразеология (*без году неделя, во всю ивановскую, водой не разольешь*), она используется преимущественно в устной форме общения и в художественной речи. К разговорной близка **просторечная** фразеология, более сниженная (*отравить мозги, чесать языком, у черта на куличках, драть глотку, задирать нос*). Другой стилистический пласт образует **книжная** фразеология, которая употребляется в книжных стилях, преимущественно в письменной речи. В составе книжной фразеологии можно выделить научную (*центр тяжести, щитовидная железа, периодическая система*), публицистическую (*шоковая терапия, прямой эфир, черный вторник, закон джунглей*), официально-деловую (*минимальная зарплата, потребительская корзина, давать показания, конфискация имущества*).

Наконец, можно выделить слой **общеупотребительной** фразеологии, которая находит применение как в книжной, так и в разговорной речи (*время от времени, друг друга, иметь значение, иметь в виду, сдерживать слово, Новый год*). Таких фразеологизмов немного.

С позиции **эмоционально-экспрессивного отношения** все фразеологизмы можно подразделить на две группы. Большой стилистический пласт составляют фразеологизмы с яркой эмоционально-экспрессивной окраской, которая обусловлена их образностью, использованием в них выразительных языковых средств. Так, фразеологизмы разговорного характера окрашены в фамильярные, шуточные, иронические, презрительные тона (*ни рыба ни мясо, сесть в лужу, только пятки засверкали, как снег на голову, из огня да в полымя*). Книжным фразеологизмам присуще возвышенное, торжественное звучание (*обогреть руки в крови, уйти из жизни, возводить в перл создания*). Другой стилистический пласт составляют фразеологизмы, лишенные эмоционально-экспрессивной окраски и употребляемые в строго номинативной функции (*компостировать билет, железная дорога, военно-промышленный комплекс, взрывное устройство, повестка дня*). Таким фразеологизмам не свойственна образность, они не содержат оценки. Среди фразеологизмов этого типа много составных терминов (*ценные бумаги; валютные операции; удельный вес; магнитная стрелка; знаки препинания; вирусный грипп*). Как и все термины, они характеризуются однозначностью, а образующие их слова выступают в прямых значениях.

Одну и ту же мысль можно выразить, используя различные фразеологизмы, выступающие в качестве **синонимов** (ср.: *одним миром мазапы, два сапога пара, одного поля ягоды; тьма-тьмуца, несть числа, хоть пруд пруди, что песку морского, как собак нерезаных*). Фразеологизмы подобно словам нередко создают синонимические ряды, с которыми синонимизируются и отдельные слова. См., например: *оставить в дураках, оставить с носом, обвести вокруг пальца, отвести глаза (кому), втереть очки (кому), взять на пушку, обмануть, одурачить, провести, обойти, надуть, обегорить, мистифицировать*. Богатство лексических и фразеологических

синонимов обуславливает огромные выразительные возможности русского языка.

Определение понятия

Проблема синонимии фразеологизмов вызывает большой интерес. Одни исследователи предельно сужают понятие «фразеологизм-синоним», другие толкуют его расширенно. Представляется оправданным отнесение к фразеологическим синонимам тождественных или близких по значению фразеологизмов, которые могут отличаться стилистической окраской, сферой употребления. При этом следует считать синонимами и такие фразеологизмы, у которых повторяются отдельные компоненты (ср.: *овчинка выделки не стоит — игра не стоит свеч*). Фразеологизмы, частично совпадающие по составу, но имеющие в основе разные образы, носят синонимический характер (ср.: *задать баю — задать перцу; гонять лодыря — гонять собак; повесить голову — повесить нос*).

От фразеологических синонимов нужно отличать фразеологические варианты, у которых различия в лексическом составе и структуре не нарушают тождества фразеологизма (ср.: *не ударить лицом в грязь — не удариться лицом в грязь; зажимать в кулак — зажимать в кулаке; закидывать удочку — забрасывать удочку*).

Не будут синонимичными фразеологизмы, которые сходны в значениях, но отличаются сочетаемостью и употребляются в разных контекстах. Например, фразеологизмы *с три короба* и *куры не клюют* хотя и означают 'много', но в речи используются по-разному: выражение *с три короба* сочетается со словами *наговорить, наболтать, наболтать* и т. п., а *куры не клюют* относится только к деньгам.

Фразеологические синонимы подобно лексическим могут отличаться друг от друга стилистической окраской (ср.: *камя на камне не оставить, учинить расправу* (книжн.); *разделать под орех, задать перцу* (разг.)); могут полностью совпадать в значениях (ср.: *стреляный воробей — тертый калач*) или иметь небольшие смысловые отличия (ср.: *за тридцать земель — куда Макар телят не гонял* (первый фразеологизм обозначает 'очень далеко', второй — 'в самых отдаленных, глухих местах')). Иногда фразеологические синонимы отличаются степенью интенсивности действия. См., например: *лить слезы, обливаться слезами, утонать в слезах, выплакать все глаза* — каждый последующий синоним передает более сильное проявление действия.

Богатая лексическая и фразеологическая синонимия позволяет писателям из множества сходных языковых средств выбирать наиболее точные. Например, А. П. Чехов в рассказе «Налим» использовал такие синонимы: *исчез; куда-то провалился; поминай как звали; и след простыл; только его и видели; без слова тягу дал; как в воду канул*.

В художественной и публицистической речи возможно употребление лексических и фразеологических синонимов одновременно: *Венеция меня очаровала, свела с ума* (А. Чехов). При этом наизывание синонимов часто выполняет уточняющую функцию:

О Куропаткине отзывались хорошо. Он импонировал. Говорили только, что он связан по рукам и ногам, что у него нет свободы действий (В. Вересаев).

В иных случаях употребление фразеологических синонимов (которые могут сочетаться и с лексическими) создает градацию (*сломать; разбить*

вдребезги; стереть с лица земли). Особый прием параллельного использования в тексте нескольких синонимов-фразеологизмов — соединение в одно целое фразеологизмов, у которых есть общий член:

Вы хотите посвятить себя всецело сцене — это хорошо, и **стоит тут овчинка выделки и игра свеч**, но... хватит ли у Вас сил? (из письма А. П. Чехова И. Л. Леонтьеву).

Антонимические отношения во фразеологии развиты значительно меньше, чем синонимические.

Антонимия фразеологизмов поддерживается антонимическими отношениями их лексических синонимов (ср.: *умный — глупый; семи пядей во лбу — пороха не выдумает; румяный — бледный; кровь с молоком — ни кровинки в лице нет*). В особую группу выделяются антонимические фразеологизмы, которые частично совпадают по составу и имеют компоненты, противопоставленные по значению (ср.: *с тяжелым сердцем — с легким сердцем; не из храброго десятка — не из трусливого десятка; поворачиваться лицом — поворачиваться спиной*). Компоненты, придающие таким фразеологизмам противоположное значение, могут либо являться лексическими антонимами (*храбрый — трусливый; легкий — тяжелый*), либо получать противоположный смысл только во фразеологически связанных значениях (*лицо — спина*). Для писателей и публицистов представляют интерес антонимические фразеологизмы, имеющие в своем составе общие компоненты, так как их столкновение особенно оживляет речь, придает ей каламбурное звучание. См., например:

В самом же начале своей речи Дженкинс предупредил, что предлагаемые им меры будут «суровыми», что новый бюджет будет «жестким». <...> «Столь жесткий бюджет необходим, чтобы **поставить Англию на ноги**», — утверждал Дженкинс. «Не знаем, как Англию, но нас, англичан, он **сбивает с ног**», — горько иронизирует человек с улицы (М. Стурья).

Большинство фразеологизмов отличается **однозначностью**: они имеют всегда одно и то же значение. Например: *витать в облаках* — ‘предаваться бесплодным мечтам’; *на первый взгляд* — ‘по первому впечатлению’; *ставить в тупик* — ‘приводить в крайнее затруднение, замешательство’. Но есть фразеологизмы, у которых несколько значений. Ср., например, *мокрая курица* — 1) ‘безвольный, бесхитростный человек, размазня’; 2) ‘человек, имеющий жалкий вид, подавленный, расстроенный чем-либо’; *валить дурака* — 1) ‘ничего не делать’; 2) ‘вести себя несерьезно, дурачиться’; 3) ‘делать глупости’.

Многозначность фразеологизмов чаще всего возникает в результате закрепления в языке их **переносных значений**. Например, фразеологизм *боевое крещение* — ‘первое участие в бою’ — получил в языке еще одно значение вследствие образного его употребления — ‘первое серьезное испытание в каком-либо деле’. Наиболее часто переносные значения появляются у фразеологизмов терминологического характера (*привести к одному зна-*

менателю; центр тяжести; удельный вес; точка опоры; родимое пятно). Легче развивается многозначность у фразеологизмов, которые имеют неразложимое, целостное значение и по своей структуре соотносительны со словосочетаниями.

Омонимия фразеологизмов возникает в том случае, когда одинаковые по составу фразеологизмы выступают в совершенно различных значениях. Ср.: *брать слово* — 'по собственной инициативе выступать на собрании' и *брать слово* (с кого) — 'получать от кого-либо обещание, клятвенное уверение в чем-либо'. Омонимические фразеологизмы появляются в результате образного переосмысления одного и того же понятия, когда за основу берутся его разные признаки. Например, фразеологизм *пускать (красного) петуха* в значении 'устранять пожар, поджигать что-либо' восходит к образу огненно-рыжего петуха, напоминающего по цвету пламя, а фразеологизм *пускать (давать) петуха* в значении 'издавать инклинные звуки' создан на основе сходства звучания голоса певца, сорвавшегося на высокой ноте, с пением петуха. Такая омонимия возникает из-за случайного совпадения компонентов, образовавших фразеологические обороты. В иных случаях фразеологические омонимы являются следствием окончательного разрыва значений многозначных фразеологизмов. Например, образное значение фразеологизма *ходить на цыпочках* — 'ходить на кончиках пальцев ног' — послужило основой для появления его омонима *ходить на цыпочках* — 'закисывать, всячески угождать кому-нибудь'.

Фразеологизмы способны иметь соответствия среди свободных словосочетаний. Например, *прикусить язык* может употребляться как сочетание слов, имеющих свободные значения: *Я хотел было завести разговор с моим ямщиком, но только что раскрыл рот, меня подбросило, и я прикусил язык* (И. Добролюбов). Однако чаще данное выражение выступает как фразеологизм со значением 'замолчать, воздержаться от высказывания': *Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и закусил язык* (А. Пушкин). В таких случаях контекст подсказывает, как следует понимать то или иное выражение: как фразеологизм или как сочетание слов, выступающих в своем обычном лексическом значении. См., например, у К. Паустовского: *Тяжелая и сильная рыба бросилась в кугу, под берег. Я начал выводить ее на чистую воду* — здесь никто не станет придавать метафорическое значение словам, которые в иных условиях могут входить в состав фразеологизма *вывести на чистую воду*.

Писатели обращаются к фразеологическим богатствам родного языка как к неисчерпаемому источнику речевой экспрессии. Вспомним И. Ильфа и Е. Петрова — как выразительна их речь, благодаря частому обращению авторов к пословицам, поговоркам! Приведем несколько примеров:

Тут не надо брезговать никакими средствами. Пан или пропал. Я выбираю пана, хотя он и явный поляк;

Он еще неясно представлял себе, что последует вслед за получением ордера, но был уверен, что тогда все пойдет как по маслу: «А маслом, — почему-то вертелось у него в голове, — каши не испортишь». Между тем каша заваривалась большая.

В художественной и публицистической речи фразеологизмы часто употребляются в их обычной языковой форме и с присущим им значением. Введение в текст фразеологизмов, как правило, обусловлено стремлением автора усилить экспрессивную окраску речи. См., например:

Что же делать в такой ситуации России? Опять надеяться купить дружбу путем понижения цены на газ и многомиллиардных инвестиций в украинские евро-бонды? <...> Несмотря на **богатырский размах** затрат, российская дипломатия не выстроила на Украине никаких прочных построек. Просто наблюдала, как на Украине любой негатив тупо связывается с Россией. В политике недостаточно **позвенеть серебром**... Побеждают те, кто умеет последовательно терпеливо **знуть свою линию**¹.

Присущая фразеологизмам образность оживляет повествование, способствует наиболее эффективному воздействию автора на адресата с целью со-бытия в микромире очерченных фактов, со-участия и со-переживания:

Первый учитель — космос для маленького человека. Он может увлечь и навсегда сделать притягательной **галактику знаний**, а может оттолкнуть **черной дырой** трудностей, необходимостью вечного **преодоления барьеров** (Е. Захарова, «Дорогая Раиса Михайловна» («Брянская учительская газета», 26 декабря 2014 г.)).

Фразеологизмы очень любят использовать юмористы и сатирики — они ценят разговорную, стилистически сниженную фразеологию, нередко прибегая к смешенно стилям для создания комического эффекта:

Это не просто стреляный воробей [о графомане, занимающем высокое служебное положение], а скорее воробей, пристреливающийся к другим. Ты его не опубликуешь — он тебя не напечатает. <...> Как видим, хроническая графомания чревата полиграфическими осложнениями (газ.);

Если вам приспичило выдать на гора рецензию, делайте так. <...> Если вам взбрело в голову похвалить вышеописанное, долго размышлять не стоит, к чему тянуть резину, инспектор любит во всякую щель свой нос совать. Ох, и мастер он строить козни! (газ.).

Разговорно-просторечная фразеология выступает в качестве средства языковой характеристики персонажей: *Извините великодушно... я на кухне вожусь, а мама туга на ухо, ничего не слышит. Присаживайтесь...* (И. Шатуновский). Используется она и для стилизации авторской речи, которая воспринимается как непринужденная беседа условного рассказчика с читателем: *«Хм», — хмыкнул директор, которого эта идея взяла за живое; Западные рекламщики не горят желанием делиться с российским бюджетом* — в этом случае сниженные фразеологизмы воссоздают картину живого общения.

Яркий стилистический эффект создает пародийное использование книжных фразеологизмов, употребляемых нередко в сочетании с ино-

¹ *Замостьянов А. Руины независимости... // Лит. газ. 2014. 26 февр.*

стилевыми лексико-фразеологическими средствами. Сама природа фразеологизмов, обладающих яркой образностью, стилистической окраской, создает предпосылки для их использования в экспрессивной, прежде всего в художественной и публицистической речи. Эстетическая роль фразеологических средств определяется умением автора отобрать нужный материал и ввести его в текст. Такое употребление фразеологизмов обогащает речь, служит «противоядием» против речевых штампов.

2.9.2. Приемы фразеологического новаторства

Однако возможности применения фразеологизмов значительно шире, чем простое воспроизведение их в речи. Фразеологические богатства языка оживают под пером талантливых писателей, публицистов и становятся источником новых художественных образов, шуток, неожиданных каламбуров. Художники слова могут обращаться с фразеологизмами как с «сырьем», которое подлежит «творческой обработке». В результате фразеологического новаторства писателей, публицистов возникают оригинальные словесные образы, в основе которых лежат «обыгранные» устойчивые выражения. Творческая обработка фразеологизмов придает им новую экспрессивную окраску, усиливая их выразительность. Чаще всего писатели преобразуют фразеологизмы, которые имеют высокую степень устойчивости лексического состава и выполняют в речи экспрессивную функцию, при этом измененные фразеологизмы сохраняют художественные достоинства общенародных: их образность, афористичность, ритмико-мелодическую упорядоченность.

Рассмотрим некоторые приемы фразеологического новаторства художников слова.

1. **Преобразование образного значения фразеологизма.** Обновляя семантику фразеологизмов, писатели и публицисты, нередко восстанавливают первоначальное значение входящих в них слов. См., например:

Томилинскую птицефабрику разнесли в пух и прах, причем в пух даже больше, чем в прах: несколько дней обезумевшие от бомбежки куры, отчаянно кудахта, в полной панике носились по окрестностям Томила (М. Галлай).

В приведенном тексте автор как бы возвращается к свободному употреблению слов *в пух и прах*, образовавших устойчивое сочетание, и обыгрывает их обычное лексическое значение. В результате происходит **двуплановое осмысление фразеологизма**.

Проблемы терминологии

Стилистический прием переосмысления фразеологизмов называют по-разному: *буквализация фразеологического значения, двойная актуализация фразеологизма, восприятие фразеологизма в его необразном значении* и т.п.

Другой пример: *Не в бровь, а в глаз учителю химии попал пятиклассник Сня Орликов горошиной из специальной трубочки. До слез расстроженный педагог скоро выпишется из больницы («ЛГ»)* — возникающая при таком

переосмыслении внешнего омонимия фразеологизма и свободного словосочетания рождает каламбур. На двуплановом осмыслении фразеологизмов основаны многие шутки:

Пьеса наделала шуму: во всех ее действиях стреляли. Мудрецы и зубные врачи смотрят в корень; Пожарный всегда работает с огоньком; Радио будит мысль. Даже в те часы, когда очень хочется спать (Э. Кроткий).

Второй план значения фразеологизма может выявляться при чтении последующего текста: *Попал в переплет, но утешился, прочитав свое имя на обложке* («ЛГ»); *Беда никогда не приходит одна: и его сочинение вышло в двух томах* («ЛГ»). Однако иногда двуплановое значение фразеологизма выясняется лишь в широком контексте. Так, читая заглавие статьи *Битая карта*, мы вначале воспринимаем его в обычном значении — 'полная неудача чьих-либо замыслов'. Однако в статье рассказывается о *географической карте* Гитлера в последние месяцы войны:

Это карта конца. Она лишена угрожающих стрел наступления и фланговых ударов. Мы видим плацдарм, сжатый до пяточка, и нервически нанесенные на сетку дорог полукружья — последние очаги сопротивления (А. Кривицкий).

Такая трактовка заставляет воспринимать заглавие статьи по-новому, наполняет его иным смыслом, обогащая образное значение фразеологизма.

Прием разрушения образного значения фразеологизма не затрагивает его лексико-грамматического состава. Внешняя форма фразеологизма при этом обычно сохраняется, но смысл толкуется по-новому:

Что вы за человек? Я никак не могу вас раскусить... — Не надо меня кусать... (Э. Рязанов); Жизнь бьет ключом. И все по голове (Дон Аминадо).

Фразеологизмы, сознательно употребленные писателем в несвойственном им значении, можно назвать **семантическими неологизмами** во фразеологии. Их часто используют юмористы (*рвать и метать* — «заниматься спортом»; *быть на побегушках* — «участвовать в состязаниях по бегу»).

2. Изменение количества компонентов фразеологизма. С целью актуализации фразеологизмов писатели придают им необычную форму. Видоизменения фразеологизмов могут выражаться в **сокращении** (редукции) или **расширении их состава**.

Редукция фразеологизма обычно связана с его переосмыслением. Например: *Заставь депутата Богу молиться...* — отсечение второй части пословицы (ср.: *Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет*) лишь усиливает критику относительно деятельности депутатского корпуса. Еще пример: *Полезные советы: Не родись красивой* («ЛГ») — отсечение второй части пословицы (*Не родись красив, а родись счастливым*) привело к изменению ее значения; смысл нового афоризма: «красота ведет к несчастью».

Противоположно редукции расширение состава фразеологизма. Например: *Это те гранитные камни преткновения на дороге знания, которые*

во все времена были одни и те же... (А. Герцен) — определенное *границные*, введенное в устойчивое словосочетание, придает образу особую наглядность. Состав фразеологизма часто расширяется благодаря введению уточняющих слов: *Кошки не обыкновенные, а с длинными желтыми когтями, скребли ее за сердце* (А. Чехов); *Не в наших деньгах счастье*.

Изменение состава фразеологизма может стать средством усиления экспрессивной окраски речи: *С величайшим нетерпением буду ждать... только не откладывайте в слишком долгий ящик* (М. Горький). В иных случаях введение дополнительных слов во фразеологические обороты придает им новые смысловые оттенки. Например: *Скверное время для совместных выступлений — можно сесть в грязную лужу, а этого не хочется* (М. Горький). Выражение *сесть в лужу* означает 'поставить себя в неловкое, глупое, смешное положение'; определение, введенное в данный фразеологизм, расширяет его смысл: 'позволить себя вовлечь в нечестную игру, стать жертвой махинаций враждебно настроенных людей'.

3. Изменение лексического состава фразеологизма. В художественной и публицистической речи с определенной стилистической целью можно изменять лексический состав фразеологизма, обновляя один или несколько его компонентов: *Солдат по осени считают* (о призывной кампании («Брянская учительская газета», 17 октября 2014 г.)) — ср.: *Цыплят по осени считают; цыплят → солдат; Бей своих, чтобы чужие смеялись* («ЛГ», 19 ноября 2014 г.) — ср.: *Бей своих, чтобы чужие боялись; боялись → смеялись; Возвращение блудного сына* (библейский фразеологизм): *сына → сочинения; Коваль своего счастья* («ЛГ», 6 февраля 2013 г.) — ср.: *Кузнец своего счастья; кузнец → коваль*.

К замене словарных компонентов фразеологических оборотов часто прибегают фельетонисты. Этот стилистический прием мастерски использовали И. Ильф и Е. Петров: *Всеми фибрами своего чемодана он стремился за границу*. Новые времена подсказывают нашим сатирикам иные шутки: *Колбаса как зеркало русской революции; В конце тоннеля есть горячий суп; Тайна, покрытая крахом; С миру по строчке* (заголовки газетных статей).

Обновление состава усиливает экспрессивную окраску фразеологизмов, но может и не влиять на их значение (*От обиды и огорчения она хлопнулась в обморок*), однако чаще значение фразеологизма все же меняется (*Служить бы рад, прислуживаться тоже*). Авторы часто заменяют компоненты фразеологизмов с целью коренного изменения их значения и создания острого сатирического эффекта:

Хорошее место социалистическим лагерем не назовут; Критика почтила роман молчанием; Хорошо смеется тот, кто смеется без последствий; Пришел? Увидел? Помолчи!

Прием преобразования состава фразеологизма ценят поэты; известно, например, фразеологическое новаторство В. В. Маяковского: *В тесноте, да не обедая...*

Используя этот прием, авторы стремятся к возможно более точному сохранению звуковой организации фразеологизма: *Что написали опером...*

(статья о преступности в Москве); *Хоть гол на голове теши* (о футболисте, который мастерски забивает голы головой).

Преобразование фразеологизмов в художественной речи может заключаться в **изменении грамматических форм их компонентов**. Например, В. В. Маяковский заменяет во фразеологизме *черный как негр* прилагательное в положительной степени формой сравнительной степени:

Везде печеные картошки личек,
черней, чем негр, не выдавший бань,
шестеро благочестивейших католичек
влезло на борт парохода «Эспань».

Преобразование фразеологизма может заключаться в **изменении порядка слов в устойчивом обороте**. Инверсия во фразеологизме, имеющем устойчивый порядок слов, нередко полностью обновляет его значение: *Дальше едешь, тише будешь* (ср. посл.: *Тише едешь, дальше будешь*). Иногда нарушается целостность состава фразеологизма, и он цитируется по частям: *Ей-богу, не знаю... как и чем я родня ему: кажется, седьмая вода, может быть, даже и не на киселе, а на чем-нибудь другом* (Ф. Достоевский).

Своеобразным стилистическим приемом авторской обработки фразеологизмов является **контаминация нескольких фразеологических единиц**. См., например: *Пеший голодному не товарищ* (ср.: *Пеший конному не товарищ; Сытый голодного не разумеет*). Часто писатели и публицисты прибегают к контаминации фразеологизмов для выражения мысли в необычной, остроумной формулировке:

Разделяй чужое мнение и властвуй; Не потому ли молчание золото, что оно — знак согласия?; Жил своей жизнью за чужой счет; Поворачивал реки вспять, чтобы не плыть против течения (из публикаций в «ЛГ»).

Контаминация фразеологизмов нередко сопровождается их переосмыслением, например: *Мыслям так просторно, что слов нет; Юмора у него не отпущешь: чего нет, того нет!* Комический эффект этих шуток основан на столкновении несовместимых утверждений: второй фразеологизм отрицает мысль, заключенную в первом.

На основе преобразования фразеологизмов писатели создают художественные образы, которые воспринимаются как развитие темы, заданной фразеологизмом. Так, поговорка *Душа меру знает* дает основание поэту сказать:

Доложить про все по форме,
Сдать трофеи не спеша.
А потом тебя покормят, —
Будет мерою душа.

(А. Твардовский)

Поэт здесь лишь намекнул на известный фразеологизм, но тот уже присутствует в сознании читателя, создавая своеобразный подтекст.

Авторское преобразование фразеологизма может заключаться в своеобразной интерференции (наложении) двух фразеологизмов посредством

имплицитного (без включения лексических компонентов) использования модели известного фразеологизма или некой производной от нее. Например: *Снег, посчитанный по весне* — заголовок статьи («ЛГ», 16 апреля 2013 г.) косвенно воспроизводит модель поговорки: *Цыплят по осени считают* → *цыплята, посчитанные по осени*.

Разрушение старого значения фразеологизма, «раскрепощение» заложенного в нем образа создает порой неожиданный художественный эффект: *...миру по шитке — голая станешь, / ивой поникнешь, горкой растаешь* (А. Вознесенский). Положив в основу этих строк поговорку *С миру по шитке — голому рубаха*, поэт придает ей противоположный смысл.

Фразеологическое новаторство писателей может проявляться и в создании ими образных выражений, паномнирующих известные фразеологизмы. Например, В. В. Маяковский в стихотворении «Сергею Есенину» удивительно сильно и емко преобразовал известный есенинский афоризм:

С. А. Есенин	В. В. Маяковский
В этой жизни умирать не ново, Но и жить, конечно, не новей.	В этой жизни помереть не трудно. Сделать жизнь значительно трудней.

Развивая в стихотворении тему жизни и смерти, поэт создает новый афоризм, причем по философской глубине и выразительности фразеологизмы Маяковского не уступают фразеологизму Есенина, послужившему для них основой:

Надо жизнь сначала переделать,
переделав — можно воспевать.

Фразеологическое новаторство писателей не ограничивается рассмотренными здесь стилистическими приемами: возможности творческого обновления фразеологизмов неисчерпаемы.

Речевые ошибки при употреблении фразеологизмов возможны вследствие таких причин, как незнание точного значения фразеологизма, его лексико-грамматического состава, экспрессивно-стилистических особенностей, сферы употребления, сочетаемости. Кроме того, к речевым ошибкам приводит невнимательное отношение к образной природе фразеологизмов. Однако возникающие при употреблении фразеологизмов ошибки могут быть не связаны со спецификой именно фразеологических единиц как воспроизводимых устойчивых оборотов. Ведь неудачный выбор фразеологического синонима, употребление фразеологизма без учета его семантики, нарушение сочетаемости фразеологического оборота со словами окружающего контекста и др. — все эти ошибки, по существу, не отличаются от аналогичных речевых ошибок при использовании отдельных слов.

Употребление фразеологизма без учета его семантики искажает смысл высказывания. Так, А. С. Пушкин, прочитав «Ответ Гнедичу» К. Н. Батюшкова, напротив строк *Твой друг тебе навек отынет / С рукою сердце отдаст* написал на полях: «Батюшков женится на Гнедиче!»¹

Использование фразеологизма с определенной стилистической окраской может вступить в конфликт с содержанием и стилем произведения.

¹ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 275.

Например: *Он метался, искал спасения, придумал трогательную историю в свое оправдание, но она прозвучала как лебединая песня этого прожженного негодяя.* В данном контексте фразеологизм *лебединая песня*, в котором заключена положительная оценка, сочувственное отношение к тому, о ком говорится, стилистически неуместен. Нельзя соединять в одном предложении фразеологизмы с контрастной стилистической окраской, как сниженные, разговорные, так и книжные, торжественные. Например: *Он обещал, что не ударит в грязь лицом, будет трудиться под стать кадровым водителям степных кораблей* — употребленные в данном контексте фразеологизмы (*не ударить в грязь лицом* и *быть под стать*) имеют разную стилистическую маркированность — книжную и разговорную соответственно.

Недопустимо сочетание экспрессивно окрашенных фразеологизмов с официально-деловой лексикой: *Председатель осыпал меня золотым дождем на сумму восемьдесят тысяч рублей*; эмоционально ярких, поэтических фразеологизмов с речевыми штампами, восходящими к «канцелярскому красноречию»: *Счастлив тот, кто и жить торопится, и чувствовать спешит по большому счету.* Возникающее при их соединении смешение стилей придает речи пародийное звучание.

Проанализируем ошибки, которые встречаются при неправильном употреблении устойчивых оборотов речи и связаны с неоправданным изменением состава фразеологизма или с искажением его образного значения.

1. Изменение состава фразеологизма. В конкретных речевых ситуациях состав фразеологизма может изменяться по-разному.

Во-первых, встречается немотивированное расширение состава фразеологизма в результате употребления уточняющих слов. Например: *Для животноводов главным гвоздем программы является выведение ценных пород скота* — есть фразеологизм *гвоздь программы*, однако определение *главный* здесь явно неуместно. Авторы, не учитывая непропущаемости фразеологизмов, пытаются их «дополнить», расцвечивают эпитетами, что порождает многословие. Вот еще примеры: *Будем надеяться, что он скажет свое большое слово и в тренерской работе; Со всех своих длинных ног она кинулась бежать.*

В ненормированной речи довольно часто встречаются сочетания плеонастического характера, образованные из фразеологизмов и избыточных определений к их компонентам: *потерпеть полное фиаско; случайная шальная пуля; тяжелый сизифов труд; веселый гомерический смех.* В иных случаях расширение состава фразеологизма не связано с плеоназмом. Например: *Незавидная пальма первенства по росту преступности принадлежит этому административному округу; Коммерческие организации оказались на высоте стоящих перед ними новых задач* — фразеологизмы *пальма первенства*, *быть на высоте* не допускают распространения.

Во-вторых, наблюдается неоправданное сокращение состава фразеологизма в результате пропуска его компонентов. Так, пишут: *это усугубляющее обстоятельство* (вместо: *усугубляющее вину обстоятельство*). Ошибочно усеченные фразеологизмы теряют смысл, употребление их в речи может приводить к абсурдности высказывания: *Успехи этого ученика*

желают много лучшего (вместо: оставляют желать много лучшего); Тренер сделал «хорошую мину» (опущено: при плохой игре).

В-третьих, нередко происходит искажение лексического состава фразеологизмов: *Мастер не раз по душам толковал со своими подопечными* (надо: *говорил*). Ошибочная подмена одного из компонентов фразеологизма может объясняться синонимическим сходством слов: *Тропинка вела от ворот к тому флигелю, из которого он только что еще убрал ноги* (следовало: *унес*). Но еще чаще это вызвано смешением паронимов: *Он вошел в себя* (надо: *ушел*); *вырвалось у него с языка* (надо: *сорвалось*); *провести вокруг пальца* (надо: *обвести*); *не унал духом* (надо: *не нал*). В иных случаях вместо одного из компонентов фразеологизма употребляется слово, лишь отдаленно напоминающее вытесненное: *Им, как говорят, и книги в руки* (вместо: *карты*); *Организаторы этой поездки сами же ее и испортили, плюхнув в ведро меда каплю дегтя* (вместо: *добавить в бочку меда ложку дегтя*). Ложные ассоциации иногда порождают очень смелые и нелепые ошибки: *Поди разберись, кто из них прячет топор за пазухой* (фразеологизм: *держат камень за пазухой*); *Через полчаса он выглядел ошпаренной курицей перед администрацией* (искажен фразеологизм *мокрая курица*).

В-четвертых, изменение состава фразеологизма может быть вызвано обновлением грамматических форм, употребление которых в устойчивых словосочетаниях закреплено традицией. Например: *Дети заморили червячков и развеселились* (ср.: *заморить червячка* — нельзя использовать множественное число вместо единственного). Неоправданная замена грамматической формы одного из компонентов фразеологизма нередко является причиной неуместного юморизма — удивляет непривычная, странная форма знакомых устойчивых оборотов: *Остается тайной, как такую машину смогли воздвигнуть четыре человека, пусть они даже семи пядей во лбах и косях сажены в плечах*.

В иных случаях новая грамматическая форма того или иного слова в составе фразеологического сочетания влияет на смысловую сторону речи. Так, употребление глагола несовершенного вида настоящего времени вместо глагола совершенного вида прошедшего времени делает высказывание нелогичным: *Более двадцати лет назад переступает через порог своего отделения милиции ветеран*. Фразеологизм *переступить через порог* употребляется в значении 'входить к кому-либо, куда-либо'. Как отмечено в лексикографическом источнике¹, названный фразеологизм имеет два видовых варианта: *переступить через порог* и *переступить через порог*. Употребление варианта с глаголом совершенного вида маркировано контекстом: распространитель со значением времени — *более двадцати лет назад* — фиксирует выбор глагольной формы совершенного вида.

В составе фразеологизмов нельзя также допускать искажения предлогов: *Он никогда не думал, что эти слова сбудутся в его судьбе с полной мерой* (вместо: *в полной мере*). Такое небрежное обращение с предлогами и падежными формами делает речь безграмотной. Однако некоторым фразеологиз-

¹ См.: Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А. И. Федоров. М., 1997. Т. 2. С. 84.

мам поистине «не везет» — в них то и дело заменяют предлоги: *ставить точки на и; семи пядей на лбу; одеться под скорую руку*. Неумение правильно выбрать надежные формы и предлоги в составе фразеологизмов порождает такие «странные» ошибки: *скривя сердцем; власти предержащие; это дело чреватое и с последствиями; скатерть ему на дорогу; в голове идет кругом*.

2. **Искажение образного значения фразеологизма.** Наибольший ущерб стилю нанесит неоправданное разрушение образности фразеологического выражения. Например: *Грампластика не сказала еще своего последнего слова* — здесь контекст «проявил» прямое значение слов, образовавших фразеологизм, и в результате возник каламбур. Восприятие фразеологизма в его непривычном, необразном значении придает речи неуместный комизм. Необходимо учитывать особенности контекста, чтобы избежать, например, подобных ошибок:

В этом году Аэрофлоту удалось удержать поток пассажиров на высоком уровне; Приступая к работе на дрейфующей станции, наш коллектив вначале еще не чувствовал почвы под ногами.

Контекст может не только «проявлять» необразное значение фразеологизмов, но и вскрывать противоречивость их метафорического строя, если автор неосмотрительно «сталкивает» несовместимые по смыслу устойчивые сочетания. Например: *Эти люди крепко стоят на ногах, поэтому вам не удастся подрезать им крылья* — первый фразеологизм как бы «прикрепляет» образ к земле, что делает невозможным употребление второго фразеологизма, в основе которого лежит представление о полете: *подрезать крылья* — значит «лишить возможности летать». Один фразеологизм исключает другой.

Противоречивые образы, лежащие в основе фразеологизмов и тропов, не уживаются и в таком предложении: *Авиаторы на своих крыльях всегда вовремя приходят на помощь* (на крыльях не *приходят*, а *прилетают*). Как бы ни было нам привычно переносное значение фразеологизмов, их метафоричность сразу же дает о себе знать, если образность устойчивых выражений вступает в конфликт с содержанием. Вот почему неудачны, например, предложения, в которых об охотничьей собаке хозяин говорит: *Уж эта не придет с пустыми руками*; а писатель-фантаст, рисуя марсиан со щупальцами вместо рук, замечает, что инопланетянин *взял себя в руки*¹.

Нарушение единства образной системы фразеологизма и контекста придает речи комизм. Например: *Оратор говорил громким и визгливым голосом, как иерихонская труба* — получается, что *иерихонская труба* не только *говорит*, но даже имеет визгливый голос. Слова, окружающие фразеологизм, обычно вовлекаются в образный контекст. Поэтому недопустимо их употребление в переносном значении, при котором не учитывается образная природа связанных с ними фразеологизмов. Например: *Решение собрания гласит черным по белому; Трудный жизненный путь выпал на долю ветерана* — черным по белому можно *писать*, а путь — *проходят*, *изби-*

¹ См.: Галь Н. Слово живое и мертвое. С. 109.

рают. Выбор глаголов в таких случаях «подрывает» образность фразеологических сочетаний.

Обязательным условием правильного использования фразеологизмов является строгое соблюдение особенностей сочетаемости их со словами контекста. Так, фразеологизм *выпустить в свет* может быть употреблен только в сочетаниях с наименованиями печатных изданий, поэтому стилистически неверно предложение: *Музыкальный театр выпустил в свет балет «Белеет парус одинокий»*. В этом случае следовало написать: *поставил балет* или *подготовил премьеру*. Стилистически неверна и такая фраза: *Жизнь, как на ладоши, проходила на людях* (фразеологизм *как на ладоши* требует слова *видна*).

При употреблении фразеологизмов часто соединяются различные ошибки. Так, изменение лексического состава фразеологизма сопровождается искажением образного значения. Например: *Обломов был знаменем времени* — в предложении искажен фразеологизм *знамение времени* — ‘общественное явление, типичное для данной эпохи’. Подмена образа, лежащего в основе фразеологизма, в корне преобразует его смысл. Некоторые ошибки, связанные с искажением состава фразеологизма и его образного значения, получают в речи широкое распространение: *Хоть кол на голове теши* (надо: *теши* — от глагола *тесать*); *Довести до белого колена* (надо: *до белого колени*).

3. **Контаминация различных фразеологизмов.** Причиной неправильного употребления фразеологизмов в речи может быть контаминация элементов различных устойчивых выражений. Например: *Язык не поднимается говорить об этом* — известны фразеологизмы *язык не поворачивается* и *рука не поднимается*; но автор использовал существительное из первого фразеологизма, а глагол из второго. Некоторые устойчивые сочетания становятся источником постоянных ошибок. Например, говорят: *предпринять меры* (из *принять меры* и *предпринять шаги*); *уделить значение* (из *уделить внимание* и *придавать значение*); *оказать значение* (из *оказать влияние* и *придавать значение*). Подобные стилистические ошибки объясняются ложными ассоциациями. Некоторые ошибки, вызванные контаминацией элементов различных фразеологизмов, настолько часто повторяются, что мы воспринимаем их как выражения, закрепившиеся в просторечии (*играть главную скрипку*; ср.: *первая скрипка* — ‘самый важный, главный человек в каком-либо деле’ (разг.)).

Контаминация элементов различных устойчивых выражений может делать речь нелогичной: *Многие, зная об этих безобразиях, смотрят на фокусы предприимчивых дельцов спустя рукава* (но *спустя рукава* — *работают*, а *смотрят* — *сквозь пальцы*); *Это дело гроша выделенного не стоит* (смещение фразеологизмов: *гроша ломаного не стоит* и *яйца выделенного не стоит*). В иных случаях смысловая сторона речи не страдает, но предложение все-таки нуждается в стилистической правке: *Мы могли бы забить во все колокола, но сначала решили все спокойно обдумать* — здесь следует устранить контаминацию фразеологизмов *забить тревогу* и *звонить во все колокола*.

Контаминация элементов различных фразеологизмов может стать причиной комического звучания речи (*третий воробей*; *стреляный калач*; *не все коту помелые*; *в чужом пиру масленица*). Примеры контаминации

элементов различных фразеологизмов можно было встретить в популярном в советское время журнале «Крокодил» в разделе «Парочко не придумаешь»: *Таким образом и остался я за бортом разбитого корыта.*

Рассматривая стилистические ошибки, связанные с неправильным употреблением фразеологизмов, следует коснуться и тех случаев, когда в речи возникают невольные **каламбуры**, из-за того, что говорящий использует слова в их прямом значении, но слушатели воспринимают их сочетание как образное выражение фразеологического характера, так что высказыванию придается совершенно неожиданное значение. Ставшая причиной ошибки так называемая *внешняя омонимия* фразеологизмов и свободных сочетаний может привести к самым неожиданным каламбурам, придавая речи неуместный комизм. Например, взволнованный оратор говорит о беспорядках на строительной площадке: *Трижды записывали в протоколе решение о необходимости зарезервировать для полигона кровельный материал, а пришло время — **крыть нечем.*** На фоне эмоционально окрашенного высказывания последние два слова воспринимаются не в прямом смысле, а как фразеологизм *нечем крыть*, означающий 'печего сказать в ответ, нечего возразить'.

Таким образом, **фразеология**, являясь источником образности и выразительности речи, может создавать и значительные трудности при невнимательном отношении к слову.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Назовите критерии разграничения стилистически нейтральных и стилистически окрашенных языковых средств.
2. Возможно ли неоправданное употребление синонимов в письменной и устной речи?
3. Объясните влияние правильного (или неправильного) употребления синонимов на точность речи.
4. Охарактеризуйте основное предназначение антонимов в художественном тексте.
5. Как влияет употребление синонимов и антонимов на выразительность речи?
6. Как избежать двусмысленности речи при употреблении многозначного слова?
7. Какое употребление диалектного слова (или выражения) не будет стилистически ошибочным?
8. Объясните цель использования в современном русском языке неологизмов и архаизмов.
9. Как экстралингвистические факторы влияют на появление новых слов?
10. Когда употребление заимствованного слова можно считать оправданным, а когда излишним?
11. Назовите причины, обуславливающие трансформацию фразеологизма.
12. Почему использование фразеологических единиц в современной устной и письменной речи становится менее продуктивным?
13. Возможно ли признание стилистической ошибки стилистическим приемом?
14. Назовите критерии редактирования текста на этапе стилистической оценки лексических средств.
15. Как стилистические особенности языковых средств определяют точность, богатство и выразительность письменной и устной русской речи?

Глава 3

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

В результате изучения материала данной главы студент должен:

знать

- критерии стилистической оценки словообразовательных средств современного русского языка;
- условия, определяющие сосуществование грамматических вариантов;
- факторы, обеспечивающие точность и грамматическую правильность письменной и устной речи;
- специфику стилистической оценки синтаксических единиц;
- коммуникативную обусловленность выбора стилистически нейтральных либо стилистически маркированных словообразовательных и грамматических средств;

уметь

- дифференцировать нормативные и ненормативные словообразовательные и грамматические языковые факты;
- оценивать динамические явления функционирования грамматической системы современного русского языка;
- установить обусловленность выбора словообразовательных и грамматических вариантов;
- определять особенности употребления грамматических средств;

владеть

- основами стилистической дифференциации словообразовательных и грамматических языковых единиц;
 - различными грамматико-стилистическими средствами коммуникации в процессе своей профессионально-педагогической деятельности;
 - навыками анализа словообразовательных и грамматических языковых явлений современного русского языка с синхронической и диахронической точек зрения;
 - критериями стилистической целесообразности использования стилистически нейтральных и стилистически маркированных словообразовательных и грамматических единиц.
-

3.1. Стилистическая оценка русского словообразования

3.1.1. Стилистический потенциал словообразовательных средств

Русский язык отличается исключительным богатством словообразовательных ресурсов, обладающих яркой стилистической окраской. Это обусловлено развитой системой русского словообразования, продуктивностью оценочных суффиксов, придающих словам разнообразные экспрессивные оттенки, и функционально-стилевой закрепленностью некоторых словообразовательных моделей.

Словообразование вызывает стилистический интерес в следующих случаях:

1) если мотивированное слово приобретает стилистическую окраску, несвойственную мотивирующему слову: *дочурка* (уменьш.-ласк.) — *дочь*; *инженерша* (прост.) — *инженер*;

2) если аффиксация способствует функционально-стилевой закреплённости слова: *потребовать* (общеупотр.) — *востребовать* (офиц.-дел.); *шитье* — *пошив* (спец.); *гречиха* — *гречка* (разг.); *даром* — *задаром* (прост.), *задарма* (груб. прост.);

3) если особенности словообразования ограничивают сферу использования слов, которые употребляются лишь в диалектах или получают профессиональный либо жаргонный оттенок: *земляника* — *земляница* (диал.); *свистеть* — *свистать* (*всех наверх*) (проф.); *мультфильм* — *мультик*, *мультишка* (жарг.);

4) если особенности словообразования становятся причиной архаизации слова, уступающего свое место в активном лексическом запасе синониму с новыми аффиксами: *дерзостный* (устар.) — *дерзкий*; *грузинец* (*Армяне, грузинцы, черкесы, персияне теснились на... площади* (А. Пушкин)) — *грузин*;

5) если словообразование используется как источник речевой экспрессии при создании окказионализмов: *широкошумные* (*дубравы*) (А. Пушкин); *блиноед* (А. Чехов); *прозаседавшиеся* (В. Маяковский).

Важно подчеркнуть, что стилистический интерес представляет лишь синхроническое словообразование, поскольку оно отражает соотносительность мотивированных и мотивирующих основ, а стилистическая оценка требует четкого восприятия словообразовательной структуры интересующего нас слова. Остановимся более подробно на стилистических ресурсах словообразования в современном русском языке.

Словообразование в русском языке является ярким источником речевой экспрессии благодаря богатству и разнообразию оценочных аффиксов. У разных частей речи оценочность, создаваемая аффиксацией, проявляется по-разному.

Наиболее сильной экспрессией обладают суффиксы субъективной оценки имен существительных. От существительных, нейтральных в эмоционально-экспрессивном отношении, путем аффиксации можно образовать такие, которые имеют яркое оценочное значение: *дом* — *домик*, *домишко*; *брат* — *братец*, *браток*, *братишка*; *рука* — *ручка*, *рученька*. Подобные существительные получают уменьшительно-ласкательное значение, обычно с оттенком положительной оценки. Рядом с такими существительными часто используются оценочные прилагательные: одно слово как бы «заражает» (по выражению А. А. Потебни) другое: *маленький домик*, *седенький старичок*.

В составе размерно-оценочных суффиксов выделяются и увеличительные: *дом* — *домина*, *домище*; *детина*, *ножища*. Они, как правило, включают и оттенок негативной оценки.

Выделяются суффиксальные образования:

а) с устойчивой шутливой окраской: *бумаженция*, *книженция*, *старушенция*;

б) собирательные существительные с характерными суффиксами, выражающими пренебрежение: *солдатня, матросня, пацаны*;

в) отвлеченные существительные, которые благодаря суффиксам получают отрицательное оценочное значение: *спатьё, суетня, кислятина, пошла-тина, галдёж, скудёж, скукота, смехота*.

Разнообразные экспрессивные оттенки негативной оценки выражают суффиксы, указывающие на категорию лица: *воображала, подпевала, гуляка, кривляка, слабак, чужак, вертун, ловкач, рвач, разгильдяй, холуй*. Правда, у некоторых слов с такими суффиксами экспрессия стирается и сохраняется лишь разговорная окраска: *бородач, силач, грамотей, бродяга*.

В русском языке исключительным богатством экспрессивных оттенков отличаются суффиксальные образования существительных, обозначающих лицо: *девочка — девчушка — девчушка — девчонка — девчоночка — девотка — девулька — девка — деваха; старик — старичок — старикан — старикашка — старичишка*. Русское словообразование позволяет называть аффиксы субъективной оценки, так что «экспрессивное напряжение слова может выразиться в удвоении, утроении суффиксов»¹: *дочурочка, бабуленция, крохотулечка, духотища, срамотища*.

Интересна в стилистическом плане и префиксация имен существительных. Ей обязаны своей выразительностью такие, например, слова, как *раскрасавица, сверхчеловек, супердлина, ультрамода, экстрасовершенство*. Однако префиксальный способ словообразования уступает суффиксальному и по количеству продуктивных моделей, и по богатству экспрессивных оттенков.

Для словообразования имен прилагательных также в высшей степени характерно выражение различных оценочных значений с помощью аффиксации. Разнообразны суффиксы субъективной оценки, имеющие положительную эмоциональную окраску: *маленький, малосенький*; отрицательную эмоциональную окраску: *вертялый, высоченный, завалыщий, холодный*. Экспрессивны приставочные образования имен прилагательных, указывающие на степень проявления признака: *всевастный, всеильный, предобрый, прескучный, развеселый, разудалый*. Особой выразительностью обладают и словообразовательные модели прилагательных типа *милый-милий, долгий-предолгий*, которые указывают на сильное проявление признака.

Как правило, имена числительные не образуют экспрессивных форм с помощью аффиксации. Исключение составляют лишь те, которые совмещают значение числительных и других частей речи. Так, слова *тысяча, миллион, миллиард*, сохраняющие грамматические признаки имен существительных, образуют формы субъективной оценки: *тысячка, миллиончик*. В составе неопределенно-количественных слов, совмещающих функции имен числительных и наречий, суффиксальные экспрессивные образования не редкость: *немножко, немножечко, маленько, маленечко, многовато, маловато, столечко*.

Среди местоимений можно указать такие, которые благодаря суффиксам получают экспрессивную окраску: *всяческий, нашенский, ничегошеньки*,

¹ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986. С. 102.

никогошески, таковский. Все они снижены, причем некоторые выражают пронию, пренебрежение.

В стилистическом словообразовании **наречий** отражаются закономерности аффиксации тех частей речи, с которыми они соотносительны: *рядком, вприкусочку, вприсядочку, давненько, недалеко, полегоньку, ранешенько, нисколючко, помаленьку, по-свойски, по-нашенски*. Отдельные словообразовательные модели типичны только для наречий: *опосля, впервой, одругорядь*.

Глагольное словообразование уступает изменному по силе экспрессии (ср. «странное» словечко у В. Хлебникова: *Кому сказатеьки, как важно жила барынька?*). Однако и среди глаголов можно выделить ряд интересных словообразовательных моделей с яркой стилистической окраской. Как правило, экспрессивны глаголы, образованные от местоимений: *якать, тыкать, выкать*; междометий: *ахать, охать, мяукать, таякать*; от имен существительных и качественных прилагательных, имеющих оценочное значение: *баларить, горланить, глупить, грубиянить, ловчить, жульничать, летяйничать, обезьяничать, подличать*.

Среди глагольных новообразований продуктивны сниженные глаголы на *-ничать*: *активничать, дипломатничать, насмешиничать, подхалимничать, принципиальничать* (их дополнительные смысловые оттенки — 'неодобрение', 'порицание').

Другая продуктивная модель — глаголы на *-ить*, образованные от имен существительных: *бюллетенить, температурить*. Они также выделяются сниженной окраской. Разговорно-просторечный характер отличает глаголы типа *тормозить, спекулировать*.

Для глагольного словообразования весьма характерно снижение стиля путем прибавления постфикса *-ся*, который в этом случае не влияет на залоговое значение глагола: *звониться (в дверь), зеленеться, краснеться, маячиться, обещаться, провозжаться*.

В арсенале словообразовательных средств глагола большое место занимает префиксация, которая нередко вносит изменения не только в семантику слов, но и значительно усиливает их экспрессивную окраску, превращая глаголы межстилевые в разговорные и даже просторечные: *тратиться — поистратиться; франтить — прифрантиться — выфрантиться*.

Среди многочисленных приставочных образований глаголов особое внимание привлекают те, которые имеют сильную экспрессию, хотя образованы сочетанием нейтральных основ с нейтральными аффиксами: *добегаться, забегаться, отбегаться, уездиться, уходиться, обхохотаться, подзаработать, прихватить, попридержать* и пр. Именно приставки создают особую выразительность таких глаголов, указывая на высокую степень интенсивности действия или на разнообразные оттенки его проявления (исчерпанность, ограниченность и т.д.) и придавая словам сниженную, разговорную окраску.

Кроме знаменательных частей речи, стилистическую активность в процессе аффиксации проявляют **междометия** и **частицы**. Многие из них получают яркую экспрессию благодаря суффиксам: *баюшки, баютошки, охохонюшки, агушки, агуношки, шиньки* (частица *а*), *нетушки, спасибочко*

и др. К этим эмоционально окрашенным словам примыкают и изолированные формы изменяемых частей речи, трансформированные в результате экспрессивной суффиксации: *спатеньки, потягушки, потягушеньки, потягушочки*. Эти слова употребляются только в устной речи с экспрессией ласкательности, причем обычно при обращении к детям.

3.1.2. Экспрессивное словообразование в художественной и публицистической речи

В художественной речи сложилась давняя традиция стилистического использования слов с аффиксами субъективной оценки. Обращение писателей и публицистов к экспрессивному словообразованию в разные эпохи отражало не только лингвистический вкус времени, но и условности литературных стилей и методов.

На заре российской словесности, в XVIII в., слова «умалительные» и «увеличительные» считались принадлежностью низкого стиля. Их употребление, согласно теории «трех стилей» М. В. Ломоносова, было возможно лишь в «подлых» жанрах (баснях, сатирах, комедиях). Причем обращение к оценочной лексике не отражало эмоционального отношения автора к предмету описания: *Под землею ты заключен, жить бы там в дамшке; / Да и ползаешь всегда только по землишке* (В. Тредиаковский).

Новым шагом в освоении стилистических ресурсов русского словообразования был отбор «нежных», «чувствительных» слов писателями-сентименталистами, создавшими вокруг оценочной лексики особый ореол «приятности»:

Везде царствовала тишина. Но скоро восходящее светило дня пробудило всё творение; рощи, кусточки оживились, птички вспорхнули и запели, цветы подняли свои **головки**, чтобы напиться животворными лучами света (Н. Карамзин).

Лингвистическая полемика начала XIX в. привела к переоценке уменьшительно-ласкательных слов, многократно повторявшихся в «новом слоге». Это дало повод к ироническому их переосмыслению. А. С. Пушкин в лицейский период пародировал поэтическую речь, «украшенную» уменьшительно-ласкательными суффиксами:

«Ах, сударь! мне сказали,
Вы пишете стихи;
Увидеть их нельзя ли?
Вы в них изображали,
Конечно, ручейки,
Конечно, василечек,
Иль тихий ветерочек,
И рощи, и цветки...»

(К Дельвигу)

Вместе с тем писатели начала XIX в. отразили стилистическое использование слов с суффиксами субъективной оценки, свойственное живой разговорной речи. Так, в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Фамусов старается показать расположение к собеседнику: *Прозябли вы, согреем*

вас: / *Отдушишчик отвернем поскорее*. Подобные лексические единицы придают речи героя прощическую окраску: *Будь плохенький, да если наберется / Душ тысячки две родовых, — / Тот и жених*; создают фамиллярно-непринужденный тон его высказываний: *Как станешь представлять к крестикшу ли, к местечку. / Ну как не порадеть родному человечку!..* Употребление уменьшительно-ласкательных слов Молчалиным подчеркивает льстивые интонации в его репликах: *Ваш шниц, прелестный шниц; не более палецка; / Я гладил всё его; как шелковая шерстка!* В монологах Чацкого экспрессивное словообразование выполняет сатирическую функцию: *Французик из Бордо <...> Посмотришь, вечером / Он чувствует себя здесь маленьким царком...*

В поэзии А. С. Пушкина эта оценочная лексика отразила все богатство красок словообразования разговорной речи, став источником юмора, шутки (вспомним «Домик в Коломне»). Особенно щедр поэт на уменьшительно-ласкательные слова в произведениях, близких к устному народному творчеству:

В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...

Стилистическое применение экспрессивного словообразования в творчестве крупнейших русских писателей обусловлено особенностями их слога и конкретными художественными задачами, которые решались при отборе выразительных средств языка для того или иного произведения. Некоторые авторы активно использовали этот источник экспрессии (И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов), другим такая манера была чужда (А. П. Чехов, Л. Н. Толстой). Например, у М. Е. Салтыкова-Щедрина экспрессивное словообразование выполняет чаще всего сатирическую функцию. Так, в создании психологического портрета «Иудушки-кровопивушки» «ласковые» слова с суффиксами субъективной оценки играют важную стилистическую роль — они придают речи Головлева слащавость, слейность, подчеркивают его лицемерие, ханжество:

А знаете ли вы, маменька, отчего мы в дворянском званье родились? А все оттого, что милость божья к нам была. Кабы не она, и мы сидели бы теперь в избушечке, да горела бы у нас не свечечка, а лучинушка, а уж насчет чайку да кофейку — об этом и думать бы не смели! Сидели бы; я бы лаптишечки ковырял, вы бы щец там каких-нибудь пустыньких поужинать собирали...

В произведениях Ф. М. Достоевского наиболее яркое воплощение получило стилистическое использование словообразования для создания речевой характеристики социально приниженного героя. Так, в романе «Бедные люди» Макарь Девушкин обильно пересыпает свою речь уменьшительно-ласкательными словами:

...Было мне всего семнадцать годочков, когда я на службу явился; Стыдненько мне было, Варенька! Да уж натурально робеешь, когда сквозь одежду голые локти

светятся да пуговики на ниточках мотаются; А оттого, что я смирененький, а оттого, что я тихонький, а оттого, что добренький!

В иных случаях обращение героев Достоевского к уменьшительно-ласкательным суффиксам получает тонкое психологическое обоснование, например, так создается насмешливо-язвительный тон речи следователя Порфиря Петровича в романе «Преступление и наказание»:

...Я ведь... знаю, что он моя жертвочка и куда не убежит от меня! Да и куда ему убежать, хе-хе!; Говорит, а у самого еще зубки во рту один о другой колотятся, хе-хе! Иронический вы человек!; Губка-то опять, как и тогда, вздрагивает...

Н. А. Некрасов показал искусное применение слов с суффиксами субъективной оценки для достижения народно-поэтического звучания речи: *Доля ты! — русская долюшка женская!; Ты прости, прости, полянушка!; Белый плат в крови мокрехонек!; Мало слов, а горя реченька, / Горя реченька бездонная!..* Поэт осваивает новые пласты экспрессивной лексики с размерными суффиксами: *Вон — направо — избенки унылые; Чу! клячонку хлестнул старичиния; Попрощался со скотиною; Тихо по двору похаживал / Да постукивал топориком.* В сатирических произведениях Некрасова формы субъективной оценки были действенным средством достижения сарказма: *Статейку тиснул в пол-листа / <...> / О пользе плети и кнута; Так за эту бы речь / Мужичонку посець...*

В современной литературе экспрессивное словообразование выступает прежде всего в качестве средства создания иронической, сатирической окраски речи. Такие стилистические возможности аффиксации оценил еще В. В. Маяковский; в его политической сатире формы субъективной оценки придают речи резкое памфлетное звучание: *Болтают язычишки газетных строк; Слушай! Министерская компанийка!*

У современных писателей и публицистов экспрессивные словообразовательные средства не менее разнообразны. В журналистике не редкость такие «находки», как *кликуха*, *депрессуха* (= «депрессия»), *бомжатник* («ночлежка для бомжей»), *водяра* (= «водка»), *обряжуха* и т.д. Ограничимся лишь одним примером:

Женщина с четырьмя детьми из российского городка поругалась с мужем и ушла от него вместе со всеми детьми. Теперь бомжует в столице. А некоторые бомжики, так те своих детей вообще продают «в хорошие руки». Эдак миллиона за два... А сами ищут приюта в бомжатнике.

Очевидно, что функционально закрепленные словообразовательные модели привлекают внимание художников слова и как средство индивидуализации речи персонажей. Писатели и публицисты охотно используют слова с характерными аффиксами, связанные в нашем сознании с определенной сферой деятельности людей, их различным культурным уровнем, характером словообразования, воспитания и т.п. В таких случаях особые словообразовательные типы, общие с публицистической, газетной, научно-деловой речью, в художественном тексте получают стилистическую

нагрузку. Чем заметнее функционально-стилевая закреплённость того или иного аффиксального образования, тем более мотивированным стилистически должно быть его использование в контексте.

Сильным стилистическим средством речевой характеристики персонажей стали словообразовательные модели, тяготеющие к официально-деловому стилю. Такие канцеляризмы отличают речь героев, связанных с административной деятельностью:

Прошу внимания, — говорит товарищ Сугубов, постучав карандашиком по графину с желтой водой. — Тем, кто оформляется в «Севергаз», необходимо пройти медицинскую комиссию... подвергнуться **авансированию**... (А. Рекемчук).

Обращение к подобным словечкам отражает неумение человека найти обычную форму выражения самой простой мысли. Еще примеры:

А в вас я видел **наличествование** недоступной для меня мечты (В. Козыко); Так-то я приехал однажды в колхоз. Бабы плачут, председатель плачет — тоже баба. У меня и получилось **раскисание** да благодущие (Ф. Абрамов).

Термины и профессионализмы с яркими словообразовательными признаками также являются сильным характерологическим средством:

Пять лет опоры возили. **Высоковольтку** тянули (М. Белкина); «**Нулёвщики**» сделали подвал и всё бросили (Л. Лондон).

Современные писатели и публицисты используют подобные словообразовательные модели и в авторской речи:

Отдел технической информации и библиографии, он же «**информашка**» (С. Залыгин); Станичники... заодно прихватили вот эти азовские кусты, которые с тех пор именуются в станицах «**азовками**» (В. Фоменко).

При таком разъяснении значения необычных слов, получивших узкоспециальное применение, особенно очевидна стилистическая направленность словообразования: *Бери **винтарь!**.. — Пусть с **винтовкой** едет, — недовольно отозвался Стенка* (В. Быков).

Даже если профессионально-жаргонное и жаргонное словообразование вызывает трудности у читателей, некоторые авторы не отказываются от него, разъясняя непонятные слова в примечаниях. См., например, в романе В. О. Богомолова «Момент истины»:

Так... Документов у них достаточно... И никаких **вазомоторов**, никакой **вегетатики!**..⁴

[Примечание автора:] Жаргонное обозначение внешних проявлений вазомоторных и вегетативных нервных реакций.

Профессионально-жаргонная окраска подобных словообразовательных вариантов привлекает авторов тем, что такие словечки кажутся как

бы заново рожденными и особенно выразительными. Вот почему сниженная лексика, получающая благодаря аффиксации определенную функционально-стилевую закрепленность, имеет широкое распространение в современной художественной речи.

Еще одним ярким стилистическим средством в современной художественной литературе и публицистике является свойственная просторечному и разговорному стилям экспрессивная аффиксация, выражающая разнообразные эмоции — восхищение, сочувствие, синехождеие, пренебрежение и т.п.: *Вот это да! Везуха! С моим шурыгой можно кашу сварить* (Ф. Абрамов); *Сделайся, значит, простягой, и дельги твои?* (В. Распутин). Приставочные образования выражают сильное проявление качества у прилагательных: *Зоотехника заслали в самую распродальную дыру в районе; Он пушил, клял этих разнесчастных дурех на чем свет стоит* (Ф. Абрамов).

Значительная роль принадлежит и экспрессивному словообразованию глаголов, получающих в результате аффиксации разговорную и просторечную окраску: *Срезанными ветками хлестануло по лицу* (Ю. Бондарев); *Может, думаю, твистану с ними, а то кручина заедает* (А. Герцен). Наряду с суффиксацией в глагольном словообразовании не менее выразительна и префиксация, также усиливающая интенсивность действия и придающая словам разговорный характер: *Пооткормили меня, поотлежался, да и вдругорядь на фронт* (В. Белов); *Одна за другой бабы завыскакивали из толчи* (Ф. Абрамов). Популярны и модели глагольного словообразования, уменьшающие интенсивность проявления действия: *Война подзатихла было* (В. Тендряков); *А оно у меня подызносилось порядком, горло. Не выдержит* (М. Алексеев).

Черты диалектного словообразования реже получают отражение в художественной речи, хотя могут служить характерологическим средством при создании словесного портрета героя:

Руби вона те листьвяги, тащи сюда... Васятка направился было к трем небольшим лиственницам (Г. Комраков); Мой-то шурыга круглый год живет на Богатке... <...> шурин его жил в нижнем конце деревни (Ф. Абрамов).

Как видно из примеров, авторы, использующие диалектизмы, обычно стараются пояснить их значение в контексте (*лишьвяга — лиственница; шурыга — шурин*).

Чем «свежее» аффиксальное (в том числе и формообразующее) новообразование, тем больше оно «впечатляет». В качестве примера приведем статью Александра Зрячкина из «Литературной газеты»:

Не уверен в себе? Молчи!

Многими гражданами, начисто лишенными правосознания, запрет цензуры был воспринят как снятие и САМОЦЕНЗУРЫ, то есть того барьера, который каждый выстраивал для себя, исходя из соображений морали и нравственности. Чем перцовее писатель, тем аншлаговее нынче его книги. И если сначала это казалось остро — ого, человек публично выругался, значит, есть в нем, что называется,

перчинка, — то теперь стало ясно: воплотилась установка тех, кого раньше называли авторитетами: «Мы матом не ругаемся, мы на ём разговариваем».

Кто-то где-то недавно изрек: мол, одно забористое **словцо** передает во много раз больше ощущений и оттенков, чем все культурные разговоры и литературные труды, вместе взятые. Господи, как мне жаль этого человека... Хотя... Быть может, матерясь, он становится самодостаточным, компенсирует неуверенность в себе?

Если это так, то все еще страшнее. Получается, что в сегодняшней России не уверены в себе 90% населения. В том числе и так называемые **сливки общества**... Последним, кстати, так и хочется задать вопрос: уважаемые «образцы», куда ж вас **слили**, что вы настолько деградировали?

Говорят, мол, тринадцатизэтажный сленг есть творческая свобода. Бред. Это **антисвобода** во всей красе. Мат значительно сужает кругозор, заставляет людей деградировать. И не важно, в каких условиях звучит жаргон — в стрессовой ситуации или удовольствия ради¹.

Следует учитывать, что экспрессивное словообразование должно быть стилистически мотивированным.

Без стыда и совести: штрихи к портрету высокопоставленного плута...

Сегодня мы впервые воспроизводим один документ, который на протяжении почти десятка лет является главным яблоком местного раздора. Это много раз поминаемый поддельный диплом об окончании нашим «героем» престижного авиационного института. Эта, возможно, купленная в каком-то столичном подземном переходе с чьих-то грязных рук **липовая бумаженция** и стала для **мошенника** пропуском в муниципальную власть. Административная звезда нашего «авиатора» взошла в самом начале 2000-ных. Вот здесь и был «заигран» поддельный диплом. Правда, к тому времени **псевдоавиатор** кинулся было за дипломом в государственное учебное заведение, однако получить его так и не сумел по причине отчисления.

Законченный **проходимец** с незаконченным высшим образованием продолжал упираться почти полтора года. Столько длился позорный «марафон», который стал апофеозом глумления над правом. Под различными предложениями NN не являлся в суд. Самой ходовой его «отмазкой» были многочисленные бюллетени, даты которых всякий раз совпадали с датами повесток в суд. Впрочем, одна из таких хворей никак не помешала **отвязанному** чиновнику смотаться в Сочи на Зимнюю Олимпиаду.

Кому-то воспоминания о «дипломном» мошенничестве покажутся назойливыми: сколько-де можно толочь воду в ступе?.. Но каждый раз накануне выборов, например в региональные и муниципальные органы власти, мы снова переживаем очередной приступ жажды хорошей власти. Спросите у любого, а какая власть — хорошая, и вам не задумываясь ответят: ответственная, компетентная, порядочная, честная... Без честности нет и всего остального «джентльменского набора». Честность — не вишенка на торте; это первооснова, главное условие. Какими бы успехами ни похвалялся наш «герой», каждый местный избиратель должен знать, что имеет дело с **мазуриком**, плутом, и, самое скверное, — упорствующим в этом **плутовстве** (по материалам прессы).

В приведенном резко оппозиционном материале имеет место стилистически маркированное употребление негативно оценочных номинаций: *псевдоавиатор, (липовая) бумаженция, мазурик, плутовство, (законченный)*

¹ Зрячкин А. Не уверен в себе? Молчи! // Лит. газ. 2007. № 20 (6120). 16 мая.

проходимец, мошенник и пр. Названные экспрессемы, наряду со значительным количеством других эмоционально-оценочных средств, в том числе сниженного характера, действительно, мощно воздействуют на читателя, эксплицируя фактическое наличие «управленческого беспередела». Однако представляется, что в тексте явно превышены нормативные параметры стилистической уместности ряда языковых средств, даже с учетом контекста авторского «политического противостояния» в описываемой ситуации.

3.1.3. Стилистическая маркированность словообразовательных средств

Важно подчеркнуть, что уменьшительные и увеличительные суффиксы в контексте могут выражать различные оценочные значения. Так, уменьшительные формы, образованные от нейтральных слов, передают и неодобрение (*Порядочки у них тут!*), и восхищение (*Ух, старик, и матерьяльщик для повести я отхватил*). Увеличительные формы реализуют и значение большого размера (*Вон какая квартирица!* (В. Розов)), и положительную оценку (*Важнецкий диванище* (Ф. Кнорре)), и отрицательную (*От вашего табачища и здорового вытошнить может* (А. Гайдар)). Появление различных стилистических оттенков у слов с «размерными» суффиксами отмечается как характерная черта развития современного русского языка.

В современном русском языке происходит процесс стилистического опирочения уменьшительно-ласкательных слов. В живой речи они часто употребляются без всякого стилистического задания, как своеобразная «форма разговорности»¹: *Еще одна страничка осталась, статью дописываю; Можно, я холодненькой водички добавлю?* Слова с аффиксами, которые обычно считаются формами отрицательной экспрессии, в обиходной речи также не воспринимаются как средство выражения негативного отношения: *Алка говорит, что скучно там; Бабка опять заболела*. Некоторые имена существительные со значением лица, особенно часто встречающиеся в диалогах, не только утратили оттенок пренебрежительности, но и получили положительное оценочное значение: ср.: *Девчонка с ним шла красивая; Как же не радоваться: мой мальчишка из армии возвращается!* Нейтрализация такой лексики связана с ее частотностью в разговорном стиле.

Из этого, однако, не следует, что обращение к формам субъективной оценки всегда стилистически мотивировано. В разговоре с ребенком, например, слова с суффиксами субъективной оценки употребляются в их исконном уменьшительно-ласкательном значении: *Дай маме ручку; Машенька, возьми куколку; Головка болит?* В обращении врача к больному они могут выражать сочувствие, участие: *Таблеточки принимаете?.. Выпишем пустырничек, валерьяночку... Обязательно прогулочки...* Хотя в подобных случаях чувствуется «приторность» речи, в чем, по мнению В. В. Виноградова, сказываются черты «речевого мешанства».

Еще более претит стилистической норме пристрастие к «ласковым» словечкам у некоторых людей, стремящихся быть подчеркнута вежливыми

¹ См.: Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М., 1980. С. 249.

в аптеке, у канцелярского стола, в телефонных разговорах. Порой можно услышать: *Будьте добры, мне горчишнички и валокординчику; Мне бы справочку; Номерочек не подскажете?; В понедельникек позвоните* — стилистика дает резко отрицательную оценку подобной речевой практике.

Обилие экспрессивных вариантов с уменьшительными, уничижительными и ласкательными суффиксами является характерной чертой современных бытовых диалогов. Введение такой оценочной лексики в разговор сообщает ему фамильярную, интимную окраску, иногда выражает сочувствие, пронию и во всех случаях придает речи характер живой, непринужденной беседы.

3.1.4. Стилистическая маркированность моделей словообразования

Русское словообразование отличается стилистической гибкостью. Путем аффиксации создаются **словообразовательные варианты**, получающие определенную **функционально-стилевую закрепленность**. Те или иные словообразовательные модели оказываются более продуктивными в определенных стилях.

Противопоставлены прежде всего **книжные** и **общеупотребительные** или **разговорные** словообразовательные варианты, у которых только аффиксы определяют их функционирование в речи. Так, книжный характер отглагольных имен существительных с суффиксами *-ани-*, *-ени-* и некоторыми другими выявляется при сопоставлении их с однокорневыми словами, лишенными книжной окраски благодаря иному суффиксальному оформлению: *закаливание* — *закалка*, *откупоривание* — *откупорка*, *плетение* — *плетка*, *транспортирование* — *транспортировка*. Первые слова воспринимаются как книжные, вторые стилистически не закреплены. В случае утраты книжного оттенка у существительных, образованных по данной модели, их варианты переходят в разряд разговорных: *базирование* — *базировка*, *нумерация* — *нумеровка*, *обмундирование* — *обмундировка*, *отжимание* — *отжимка*, *перепаживание* — *перепажка*, *протираание* — *протирка*. В таких парах вторые существительные даются с пометой *разг.*

Следует подчеркнуть, что в русском языке разговорная окраска у слова чаще возникает в результате его суффиксации. Реже в этих случаях используются префиксы; ср.: *жилет* — *жилетка*, *табурет* — *табуретка*, *набок* — *набекрень*, *наискось* — *наискосок*, *нежить* — *нежничать*, *нежиться* — *разнежиться*, *просто* — *запросто*. Иногда аффиксация настолько снижает стилистическую окраску слова, что оно становится просторечным: *пропасть* — *запропасться*, *тормозить* — *тормознуть*, *раскидать* — *пораскидать*, *модерн* — *модерновый*. Изменение экспрессивной окраски слова (появление фамильярного, вульгарного оттенка) налагает ограничения на функционирование его в речи; слова, осложненные подобными аффиксами, нередко оказываются за пределами литературной нормы.

Как отмечалось выше, вся оценочная лексика, имеющая характерные аффиксы, является достоянием разговорного стиля. Функционально-стилевая закрепленность слов с суффиксами субъективной оценки является более устойчивой, чем их эмоционально-экспрессивная окраска: ведь они остаются разговорными, даже утрачивая экспрессивные значения.

Для русского языка показательна и более узкая специализация отдельных словообразовательных моделей. Например, в научном стиле как медицинские термины используются имена существительные с суффиксами *-ом-* (*ангиома, аденома, гранулема, миома, папиллома, фиброма*), *-ит* (*бронхит, менингит, нефрит, радикулит, спондилит*), *-ин* (*анальгин, антиспазмин*), *-ол* (*астматол, валидол, ментол*).

Некоторые словообразовательные модели продуктивны в научном и публицистическом стилях: см. имена существительные: *Пушкиниана, Шопениана, Сибириада, Чаплиниана, ницшеанство, толстовство, утопизм, космизация* (ср. новообразования *натурализация, коммерциализация, десоветизация, ваучеризация*); прилагательные: *биогенный, вулканогенный, телегенный, фотогенный, диссертабельный, коммуникабельный*.

Для глагольного словообразования в научном стиле и профессиональной речи регулярно используется модель, по которой создаются термины на основе существительных и прилагательных, имеющих также терминологическое значение: *аммонизировать, азотировать, багажировать, вакуумировать, баризировать, дезинтировать, докировать, йодировать, капелировать, фторировать, хлорировать* (новые: *крупноизировать, педалировать*).

Для пополнения терминологии применяются модели, включающие греческие и латинские словообразовательные элементы, превратившиеся в интернациональные форманты: *антропоним, патроним, этноним, бароскоп, виброскоп, гироскоп, вольтметр, дозиметр, пульсометр, тахометр*.

В настоящее время многие книжные средства словообразования стали весьма продуктивными. Слова, включающие книжные суффиксы, нередко получают широкое распространение и становятся общеупотребительными, поэтому в словарях часто даются без помет: *акклиматизация, колониализм, новаторство, опережение*. Однако книжная окраска этих словообразовательных моделей проявляется при образовании новых терминов — научно-технических (*цементация, складирование*), юридических (*задержание, пресечение, наследование*). Стилистическое значение подобных книжных суффиксов проявляется и в том, что присоединение их к основам, имеющим разговорную окраску, устраняет ее (ср.: *ветренный — ветренность, вертлявый — вертлявость*), а присоединение их к нейтральным основам создает книжные слова (*очевидный — очевидность, картинный — картинность*)¹.

В современном русском языке функционально закреплены и некоторые приставки, прежде всего иноязычного происхождения, имеющие устойчивую книжную окраску и участвующие в образовании терминов, используемых в научном и публицистическом стилях: *алогизм, антитоксический, асинхронный, архиреакционный, гиперзвуковой, демаскировать, дешифровать, дезинформация, демилитаризация, интервокальный, квазимпульс, квазинаучный, псевдонаучный, постэмбриональный, транслунный, экстразональный*.

Выделяются также книжные исконно русские и старославянские приставки, образующие термины: *вневедомственный, внутриатомный, между-*

¹ См.: *Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984. С. 8—9.*

ведомственный, межконтинентальный, предынфарктный, соавтор, совладелец. Некоторые старославянские приставки придают словам высокое звучание: *всевластный, преисполнить, воспылать, предвозвестить*. Это способствует закреплению таких слов в художественной речи и публицистическом стиле.

Функционально-стилевая специализация характерна и для образования сложных слов. Так, прилагательные, образованные способом чистого сложения (с сочинительным и подчинительным отношением основ), закрепляются в книжной речи, нередко получая терминологическое значение: *легкоатлетический, лесопарковый, металлорежущий, торгово-промышленный, научно-технический, тазобедренный, турбореактивный, сушильно-очистительный, взаимовыгодный, общеевропейский, добрососедский, многосторонний*. Есть модели, используемые в официально-деловой речи: *новоприбывший, общеобязательный, повсеместный, самоустранение*. Характерной окраской выделяются слова, образованные лексико-синтаксическим способом: *вышеуказанный, нижеподписавшийся, трудновоспринимаемый*.

Сложные слова, состоящие из трех и более основ, как правило, закрепляются в книжных стилях: *трубопроводостроительный, трыякоперисторасщеченный, тибетско-санскритско-русско-английский (словарь)*; причем большинство словообразовательных моделей данного типа отличается узкоспециальным назначением: *трихлоритрометан, метилмоносиантриол, фторацетамид*.

Большое значение для пополнения лексики книжных функциональных стилей имеет аббревиация. В современном русском языке образование сложносокращенных слов различных типов очень продуктивно в научном и официально-деловом стилях. Как правило, вновь созданные сокращения вначале становятся известны узкому кругу специалистов, и лишь очень высокая частотность тех или иных новых слов приводит к утрате ими функционально-стилевой закреплённости.

Разговорная стилистическая окраска выделяет словообразовательные модели, созданные на основе буквенных сокращений и суффиксации, которые из профессиональной речи пришли в разговорный стиль. Это названия самолетов: «У-2» — *уточка*, «АН-2» — *аннушка*; подводных лодок: «С» — *эски*, «М» — *малютки*, «Щ» — *щуки*; наименование реактивной установки в годы Великой Отечественной войны — *катюша*.

Особый стилистический интерес представляют словообразовательные модели, имеющие ограниченную сферу употребления: они используются в диалектах, профессиональной и жаргонной среде и, следовательно, воспринимаются как отступление от литературно-языковой нормы.

Диалектные суффиксы по стилиевой окраске близки к разговорным и просторечным, однако придают словам особый колорит, выделяющий диалектизмы на фоне общенародной лексики. Так, в русских говорах распространены существительные со значением лица, имеющие суффиксы *-ан, -ун, -ух-, -уш-*: *братан, бородун, плакун, пыхтун, сластун, вековуха, запевуха, роднуша*. Суффикс *-ен-* в диалектах используется для образования существительных, обозначающих лиц и животных: *бурена, гладёна, гулёна, модёна, смирёна*. Весьма продуктивны в диалектной речи суффиксы

существительных *-ав* -, *-ев*-, *-ив*-, *-ов*-, *-иц*-, *-ниц*-, *-их*-, *-ух*- и др.: *вербава* (= «ветка вербы»), *лягава* (*лягушка*), *прядево*, *месиво*, *хлебово*, *золовица*, *маковица*, *земляница*, *рваниха*, *волнуха* (*гриб*). Печать диалектной речи отличает слова с этими и подобными суффиксами в особенности в тех случаях, когда у них есть соответствия в литературном языке с иным суффиксальным оформлением: *бруслица* — *бруслика*; *грузево* — *грузило*; *любавя* — *любимая*; *забалуи* — *баловень*.

От диалектизмов стилистически отличаются профессионализмы, слова, имеющие терминологическое значение, но употребляемые преимущественно в разговорной речи людьми одной профессии. Как правило, это специальные наименования производственных процессов, орудий производства, сырья, изготавливаемой продукции: *розлив*, *подсол*, *переплав*, *нагрев*, *отжим*. В словообразовательных моделях данных лексических единиц словообразовательным средством является *нулевой суффикс*, присоединение которого сопровождается усечением производящей основы. В толковом Малом академическом словаре¹ такие профессионализмы даются с пометой *спец.*, иногда указывается сфера их применения: «*недолив* (*техн.*) — неполная заливка литейной формы металлом»; «*откорм* (с.-х.)». Иногда они даются без помет: «*разруб* — сортовой разруб мяса». При отсутствии помет словообразование может служить ориентиром в определении сферы употребления подобных слов.

Слова, относящиеся к профессионально-жаргонной лексике, известны лишь в узкопрофессиональной среде, также имеют особые приметы в словообразовании. Очень часто они образуются в результате усечения основы: *демисезон* (= «демисезонное пальто»), *легал*, *нелегал* («о людях, находящихся на легальном — нелегальном положении»), *нейтрал*, *негабарит*, *неликвид*, *огнеупор*, *ординар*, *ультрафиолет*, *централ*, *эфектив*, *экслюзив*, *федерал*.

Профессиональная и профессионально-жаргонная лексика активно пополняется существительными, образованными путем стяжения неоднословных наименований и суффиксации; причем и здесь особой продуктивностью отличается суффикс *-к*: *атомка* (= «атомная электростанция»), *горючка* (= «горючие материалы»), *информашка* (= «информационное сообщение»), *легковушка* (= «легковая машина»), *непрерывка* (= «непрерывная работа»), *мерзлотка* (= «мерзлотная станция»), *попутка* (= «попутная машина»), *порожняк* (= «порожний вагон»). Иногда такие «конденсаты» могут варьироваться, получая разнообразные суффиксы, вносящие особые экспрессивные оттенки: *отрицалка*, *отрицуха*, *отрицашка*, *отрицага*, *отрицуша*, *отрицога* («отрицательный отзыв о работе»).

Профессионализмы и жаргонизмы, созданные по таким словообразовательным моделям, понятны всем. Поэтому они получают широкое распространение в разговорной речи, а в толковых словарях русского языка даются с пометами: «*гражданка* (*разг.*) — жизнь невоенных, гражданских людей»; «*самоволка* (*прост.*) — самовольная отлучка из воинской части,

¹ См.: Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стр. М., 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/nias/nias-abc/default.asp> (дата обращения: 23.12.2014).

военного учебного заведения, госпиталю, с судна». Однако многие слова, образованные в профессиональной речи по этим моделям, все же остаются за пределами словарей: *академка* (= «академический отпуск студента»), *высоковольтка*, *пятиэтажка*.

Более специфичны жаргонизмы, возникшие в результате усечения основы производящего слова, нередко в сочетании с аффиксацией: *афер* — *аферист*; *губа* — *гауптвахта*; *дембель* — *демобилизованный*; *рок* — *рок-н-ролл*; *фоно* — *фортепиано*. Обычно их не включают в словари, однако в разговорной речи они все же получают распространение, как и подобные словечки из молодежного жаргона: *велик* — *велосипед*, *тедик* — *телевизор*, *комп* — *компьютер*, *винд* — *OS Windows*, *видюха* — *видеокарта*, *проц* — *процессор*, *прогсы* — *программы*, *бад* — *бадминтон*.

Эта же словообразовательная модель узнается и в более сниженных жаргонных словах: *туник* — *тунец*, *шизик* — *шизофреник*, *алик* — *алкоголик*; впрочем, в жаргоне они могут варьировать (ср.: *туня*, *шизя*, *алкаш*). В литературном языке они, как правило, имеют эквиваленты — слова с неусеченной основой. Возможность их стилистического сопоставления позволяет ощутить грубую, вульгарную окраску пелитературных словообразовательных моделей.

3.1.5. Лексико-словообразовательные архаизмы

На фоне современных словообразовательных аффиксов стилистически выделяются устаревшие, которые придают словам архаическую окраску: *рыбак* — *рыбарь*, *лодка* — *ладья*. Большинство словообразовательных архаизмов отличаются от современных вариантов суффиксами: *дерзостный*, *коккетствовать*, *предрассуждение*, *первический*, *сербин*, *грузинец*; некоторые имеют устаревшие приставки: *изыти*, *низвергнуть*, *нисполать*, *преступить*, *уготовить*; а у иных устарели и суффиксы, и приставки: *восшествие* — ср. *приход*.

Особую группу лексико-словообразовательных архаизмов составляют сложные слова, созданные как кальки с греческого языка по устаревшим сейчас словообразовательным моделям: *благовоние*, *благожелатель*, *благорасположение*, *достопамятный*, *досточтимый*, *злокозненный*, *злословие*, *злонравный*, *зоречивый*, *злоумышлять*, *всемогущественный*, *всеславный*.

В современных толковых словарях русского языка большинство лексико-словообразовательных архаизмов дается с пометой *устар.*; ср.: *милостивый*, *мужеский*, *неприветный*, *сонмище*, *усталь*. Иные слова не снабжены такими пометами, однако об их архаизации свидетельствует низкая частотность употребления, ср.: *милoduшествовать* — *милoduшничать*, *распутствовывать* — *распутничать*, *идеализирование* — *идеализация* (в «Словаре трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой такие слова даны с пометой «реже»). Наконец, многие архаизмы старославянского происхождения выделяются пометой *высок.*, указывающей на их торжественное, возвышенное звучание, ср.: *владычествовать*, *преисполнить*, *преклониться*, *собрать*. Единичные архаизмы имеют пометы: *устар.* и *шутл.* — ср. *одеяние*; *устар.* и *офиц.* — *предуведомить*; *офиц.* — *предуказывать*.

Лексико-словообразовательные архаизмы составляют значительную часть экспрессивного словаря русского языка. Такие слова привлекали внимание писателей XIX в., искавших в них средство достижения патетического звучания речи: *Беги, сокройся от очей, / Цитеры слабая царица!* (А. Пушкин); воссоздания колорита минувших эпох: *Я царствую... но кто вослед за мной / Приемлет власть...* (А. Пушкин); а также речевые краски для выражения иронии:

Скажи им, что ты юный питомец Муз; впервые выступаешь на поприще славы...
а между тем проси их **воспоможения** и покровительства¹.

Подобные стилистические функции выполняют лексико-словообразовательные архаизмы и в текстах современных авторов; ср. возвышенное звучание речи: *Не отнимай хоть песенницу силу, / <...> / чтоб горестный и славный / твой путь воспеть* (О. Берггольц); шутливо-ироническое: *Келлер **воспылал** симпатиями к Андрею* (А. Лебедев).

Учитывая разное время архаизации тех или иных аффиксов и словообразовательных моделей, следует проявлять особую осторожность в их стилистической оценке в тексте. Так, многие слова, причисляемые нами к словообразовательным архаизмам, в XIX в. еще не были устаревшими и употреблялись писателями без определенной стилистической установки; ср.:

В **семейственной** жизни прадед мой Ганибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин; Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они **сходствовали** отчасти и в характерах и в наклонностях (А. Пушкин).

Иные же архаизовались так давно, что практически забыты и потому не представляют стилистического интереса; их экспрессивные возможности утрачены: *молодизна, ситизна, кустарь (кустарник)* и др.

3.1.6. Индивидуально-авторские неологизмы

В поисках выразительных средств художественной речи писатели и публицисты иногда прибегают к словотворчеству. Создание индивидуально-авторских неологизмов обычно связано с использованием словообразовательных ресурсов родного языка. Эстетическая ценность таких новообразований определяется искусством автора, его умением применить наиболее яркие и стилистически оправданные экспрессивные краски тех или иных словообразовательных моделей. В поэзии словотворчество открывает путь к демократизации стихотворной речи, к неограниченным возможностям для новаторства. Художественная проза также характеризуется обилием окказионализмов, отражающих экспрессивные функции русского словообразования.

¹ Пушкин А. С. <Альманашик> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 11 : Критика и публицистика. 1819–1834. М. : Л., 1949. С. 134.

Современные художественные окказионализмы можно разделить на две группы. Одни построены по законам книжного словообразования: *Вызываю тебя, изначальная алчь!* (А. Вознесенский); *Вся моя юнь с этим бревнышком загадочным...* (Ю. Трифонов). Другие «скроены» из разговорных и просторечных аффиксов: *За ним с детской тяжестью трусил его мальчонка* (Ю. Нагибин); *под ухмылки и веселые перегляды товарищей* (Ф. Абрамов).

По экспрессивной окраске окказионализмы также неравноценны. Одни обладают яркой выразительностью, ср.: *массы карусельно несущейся воды*; *суперметаллические стены* (В. Катаев); *распоследние гости* (Ф. Абрамов). Другие выполняют смысловую функцию, называя предметы, понятия: *ночью во время просыпа...* (В. Солоухин); *Он не хозяин, а проживала — проживает всё дотла* (Н. Дубов).

Многие окказионализмы создаются писателями на основе образного осмысления словообразовательной модели — в них могут быть «скрыты» эпитеты, метафоры, сравнения:

Лунный свет бледно голубел в рыхлом инее (Г. Березко); Чистоглазый мужичок растет, Тинушка. Ох, чистоглазик парены! (Б. Васильев); Сходни муравьино кишели приедем народом (Е. Носов); Загорелый... с огромными руками, которые он сразу же медвисто растопырил (А. Ананьев).

Немало окказионализмов обязано своей выразительностью экспрессивным аффиксам или особым словообразовательным моделям, которые усиливают интенсивность качества, динамизм действия. Стилистическое использование экспрессивной аффиксации при создании индивидуально-авторских неологизмов можно иллюстрировать примерами из произведений В. В. Маяковского. Поэт создавал яркие определения паранцием экспрессивных приставок и суффиксов к основе имен прилагательных: *разбольшуций, распронаглавный, тысячемиллионокрыший, шепотоголовый*. Среди неологизмов Маяковского множество экспрессивных глаголов с необычной аффиксацией: *изыздеваться, испавлившись, испозолотить, расколоколовать, извытаться*. Не менее выразительны и его окказиональные существительные: *адище, громоверзила, громадьё, дамьё, лбёнки, любеночек, чашико* и др. Поэты наших дней также ценят экспрессивные возможности словообразования: *Девочкой была огромноглазю* (Е. Евтушенко).

В современной прозе использование аффиксации отмечается прежде всего при создании образных глагольных форм: *Моя тоже: вербовка была на целину, заездила: поеду и поеду. <...> Нацелиничалась...* (Е. Носов). Реже аффиксация используется в именном словообразовании: *Что он смотрит на меня, этот очкастый! Пенавижку смотрельщиков* (К. Паустовский); *Марья такая была чистоплотка* (В. Лихопосов). Велика продуктивность окказиональных имен прилагательных, образованных путем сложения основ: *Плазмассово-застывший океан* (Е. Евтушенко); *Ослепительно-полуденный солнечный свет* (В. Катаев).

Создание некоторых окказионализмов диктуется юмористической установкой автора: *Ваша профессия?.. — Я юрик. — Это еще что*

такое? — *Новая профессия: член жюри* (Я. Островский). Комизм подобного словообразования обусловлен необычным сочетанием морфем: *Воробей приклювил полбокала* (С. Михалков); сходством новых слов с известными, образованными по тем же словообразовательным моделям: *людовед* (ср. *людоед*); *душелюб* (ср. *душегуб*) («ЛГ»); омонимией окказионализма и слова, имеющего совершенно иное значение: *Я кофейница... я без кофе и дня не могу начать* (В. Лидин).

В особых случаях экспрессивную функцию выполняют даже не слова, а отдельные аффиксы, с которыми связывается возможность образования новых слов: *...книги отца с матерью и бабушки с бабушкой, а иногда — изредка — и прапра...* (М. Шагинян).

В контексте иногда даются словообразовательные модели, объясняющие процесс создания окказионализма, что усиливает его экспрессию:

«Скрытная она, что ли?» — удивлялся Петров, злясь на свою болтливость, отнюдь не чрезмерную, если бы у него был собеседник. Но Таню и вообще так не назовешь, она сомолчальница (Ю. Нагибин); Но Сережа никогда не мог уйти вовремя, ему все казалось, что надо что-то доделать: допить, доесть, дообъяснить или же доругаться (Ю. Трифонов); Много тратит на библиотеку, фонотеку и прочие «теки» («ЛГ»).

Для стилистического использования окказионализмов большое значение имеет функционально-стилевая окраска словообразовательных моделей, по которым создаются новые слова. Так, юмористический оттенок появляется у шутливых слов, если они образованы посредством книжных аффиксов:

Доктор выслушал младенца,
А потом и говорит
— Инфлюэнца-симуленца,
Притворенца, лодырит!
(С. Маршак)

Такой же эффект создает сочетание разностилевых морфем: *козлодром* — 'место, где играют в домино', т.е. «забивают козла»; пародирование канцеляризмов:

Любой носовой платок — это кляп! Хватайте этого кляпоносца прежде, чем он успеет законопатить ваш рот своим гнусным оружием. Обескляпьте его... (журн.).

Использование словообразования с установкой на языковую игру свидетельствует о творческом подходе к применению языковых ресурсов. Каламбурное словотворчество характерно не только для художников, преследующих определенные эстетические цели: такая языковая игра доступна всем. Изучение экспрессивных свойств разговорной речи убеждает в широком распространении индивидуального словотворчества. Желание говорящих пошутить реализуется в создании таких, например, забавных окказионализмов в живой речи:

Вы живете в **академятнике**. Я пробовал было образовать с другим суффиксом, но не получается: **академарий** — не звучит (разговор в академическом городке).

Словообразовательные ресурсы языка необходимо целенаправленно использовать для наиболее точного выражения мысли. Выбор аффикса, предпочтение той или иной словообразовательной модели может получить в контексте принципиально важное значение. А. С. Пушкин, например, решительно отверг предлагаемый цензором вариант прилагательного в «Кавказском пленнике», отстаивая первоначально употребленное слово: *...Верил я надежде / И **упоительным** мечтам* (не *уповательным*, как рекомендовал цензор)¹. Уместно вспомнить и такой эпизод: Н. В. Гоголь, всегда внимательный к слову, однажды во время застольной беседы погрузился в размышления, сравнивая словообразовательные варианты *научный* — *наукообразный*. Один из присутствовавших при этом вспомнил:

[Гоголь] смотрит во все глаза на своего соседа и повторяет несколько раз сказанное мною слово: «*Научный, научный, а мы все говорили "наукообразный": это неловко, то гораздо лучше*»².

М. Горький в своих отзывах о языке писателей-современников нередко обращал внимание на неточности в использовании аффиксов. Так, отмечая неблагозвучие фразы «С рыком сорвался с цепи», он пишет: «Да и не сорвался, а *рванулся*»³. В другом случае он проицирует по поводу использования в глаголе постфикса *-ся*, цитируя предложение «Мортира *заплевалась* огнем лихорадочно часто»: «*Заплеваться* значит — *заплевать себя*»⁴. Особенно раздражало Горького неумелое окказиональное словообразование писателей. В книге Андрея Белого «Маски» он находит множество слов, искаженных в результате аффиксации: *серявые* — вместо *сероватые*, *сверт* — вместо *поворот*, *стаха* — вместо *соня* и др. Не одобряя подобного словотворчества, Горький задает вопрос:

Почему нужно писать «*тутовый*» вместо — *здешний*? Есть тутовое дерево, и есть тошнотворное, достаточно уродливое словцо — «*тутошний*» — зачем нужно еще более уродовать его?»⁵

Неудачное словообразование может придать речи канцелярскую окраску:

Не доказав **фактически** **проживаемости**, вы не можете претендовать на раздел жилплощади; Голосованием охвачены все **постельнобольные**.

В иных случаях отступление от общеупотребительных моделей означает уступку разговорно-просторечному стилю, например:

¹ См.: Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.). Л., 1954. С. 121.

² Там же. С. 177.

³ Там же. С. 711.

⁴ Там же. С. 741.

⁵ Там же. С. 723.

Уже в прошлом году в нашем районе было 170 легковушек; Ароматен и пользителен мед, особенно с чаем; Ослабла связь с учащимися профтехучилища.

Из-за ошибок в словообразовании может возникнуть нелогичность высказывания: *Трофимов в порядке оказания взаимопомощи производил ремонт агрегата совместно с Трушиным* (имеется в виду *помощь Трофимову* — он помогал Трушину ремонтировать агрегат); а также нарушение лексической сочетаемости: *Машина лейтенанта стала достигать беглецов* (*достигать* можно берега, успеха, а в погоне *настигают* беглецов).

Новации в словообразовании удивляют, нередко смешат: *Мехдойка полюбила работников фермы; Для создания яркого образа еще маловато фантажа*. Однако чаще это свидетельствует о низкой речевой культуре автора, не пожелавшего проверить себя по словарю (ср.: *для ликвидации этого недостатка... — надо: для ликвидации; надвисающие над крылом перья* — следует: *нависающие; улыбающие лица* — вместо *улыбающиеся* и т.п.).

Стилистическая правка необходима, если словообразование ведет к нарушению литературно-языковой нормы; например: *Научное освещение проблемы возможно лишь при дарвиновском истолковании законов развития природы*. Прилагательное от фамилии *Дарвин* образовано неправильно: в нем буквосочетание *-ин* не является суффиксом, поэтому прилагательное должно иметь иное суффиксальное оформление — *дарвиновском*; ср.: *Киплинг — киплинговский, Грин — гриновский*.

Погрешности в словообразовании придают речи разговорную или диалектную окраску. Сталкиваясь с ошибками такого рода, необходимо заменить аффиксы, устранить стилистический разнобой. Приведем примеры правки (в скобках даны первоначальные неправильные словообразовательные варианты):

На этой фотографии поэт (*заснят*) **снят** во весь рост; Лес стоит в сказочном уборе, но уже (*обсыпаются*) **осыпаются** клены, березы; Намечена мелиорация болот, заросших (*ольшняком*) **ольшаником**, и распашка этих земель; Совхоз продает молока (*вдосталь*) **достаточно**.

Неправильный выбор аффикса вносит порой неуместные грамматические оттенки в семантику слова. Например, правки требует такое предложение: *Охотничьи ружья, предназначенные для стрельбы дробью, по способу их зарядения подразделяются на...* Выделенное имя существительное следовало образовать не от глагола совершенного вида *зарядить*, а от глагола несовершенного вида *заряжать*, передающего многократность, повторяемость действия; исправленный вариант будет таким: *...по способу их зарядания*.

Ошибки в словообразовании приводят к появлению неуместной экспрессивной окраски в речи. См., например: *Возникают трудности с (малосенькими) миниатюрными изданиями* — при редактировании была найдена замена для прилагательного с суффиксом субъективной оценки, неправомерно вытеснившего термин.

Наиболее вдумчивого отношения к слову заслуживает стилистическая правка, продиктованная стремлением использовать словообразовательные уточнения и усиления выразительности речи. Рассмотрим примеры такой правки:

1. Мать, низкая, сухощавая, в простом ситцевом платье и клетчатом платке, повязанном шалашиком, со слезами на глазах припала к груди сына.

2. Все многозначительно переглянулись, но молчали, не решаясь вступить в разговор.

1. Мать, низенькая, худенькая, в простеньком ситцевом платье и клетчатом платочке, повязанном шалашиком, со слезами припала к груди сына.

2. Все многозначительно переглянулись, но помалкивали, не решаясь заговорить.

В первом примере стилистически оправдана замена нейтральной лексики на эмоциональную: уменьшительно-ласкательные суффиксы передают нежное отношение сына к матери. Во втором примере использование глагольных аффиксов усиливает выразительность речи, помогая более экономно сформулировать мысль.

3.2. Имя существительное. Вариантные формы

Имя существительное занимает важнейшее место среди морфологических ресурсов русского языка, что обусловлено его семантическими свойствами, количественным преобладанием над другими частями речи и потенциальными изобразительно-выразительными возможностями. Слова данной части речи заключают в себе предметные значения, без которых невозможно выражение мысли, поэтому использование имен существительных является обязательным условием всякой речевой деятельности. Однако их употребительность в сравнении с другими частями речи колеблется в зависимости от содержания текста, его стилевой принадлежности, функционально-смыслового типа речи, особенностей слога, замысла писателя и т.д. Особенно велика потребность в частом обращении к существительным в **книжных стилях** — официально-деловом, научном, публицистическом: в них постоянно возникает необходимость наименования учреждений, лиц, предметов деятельности людей, их действий. Характер книжных стилей собственно и создается благодаря распространенной в них замене глагольного сказуемого глагольно-именным сочетанием, повторением одних и тех же наименований, что обусловлено стремлением к точности, отказом от употребления местоимений. Все это дает основание утверждать, что имя существительное господствует в книжных функциональных стилях и только в отдельных жанрах публицистики уступает свои позиции глаголу, привносящему в речь событийный характер.

Соотношение глаголов и существительных по функциональным стилям весьма показательно. Именной характер речи в наибольшей степени свойствен официально-деловому стилю. На втором месте стоит научный стиль. В публицистическом стиле с именами существительными (при определенных условиях) могут конкурировать глаголы. В художественной речи

частотность употребления существительных заметно снижается (здесь она в два раза меньше, чем в официально-деловом стиле).

1. В официально-деловом стиле тексты носят предписывающий характер. Из функционально-смысловых типов речи здесь преобладают констатация (сообщение), описание, в то время как повествование и рассуждение не получают распространения. Все это и определяет широкое использование имен существительных. Содержание текстов, как правило, требует наименования множества деталей:

На страхование принимаются автомобили (в том числе с прицепами промышленного производства), мотоциклы, мотороллеры, мотоколяски, снегоходы (азросани), мопеды.

Средство транспорта считается застрахованным на случай гибели (**повреждения**) в результате **аварии, пожара, взрыва, удара молнии, провала под лед**, а также на случай **похищения, угона**...

При этом, как видим, глагольные конструкции оказываются неуместными и действия обозначаются отглагольными именами существительными (ср.: *если средство транспорта погибнет, взорвется, провалится под лед* и т.п.). Широко используемая в официально-деловой речи рубрикация позволяет при одном глаголе давать целый ряд именных словосочетаний.

2. В научном стиле при свойственном ему именованному типу речи существительные выполняют важнейшую информативную функцию, называя предметы живой и неживой природы, которые представляют собой объекты научных исследований, процессы, происходящие в природе и обусловленные производственной деятельностью человека, результаты этой деятельности и т.д. При этом многие существительные в языке науки используются как термины:

Понятия случайного события, вероятности, случайной величины являются математическими абстракциями. Каждая оценка параметра по выборке сама является случайной величиной, имеющей некоторое распределение (монография).

Важно отметить, что имена существительные в официально-деловом и научном стилях употребляются только в прямом значении: метафорическое их переосмысление невозможно.

3. В публицистическом стиле конкуренция именованного и глагольного типов речи в значительной мере отражает его характерную черту — сочетание стандарта и экспрессии. Так, если информация в газетных материалах облекается в стандартизованную форму, то именные конструкции становятся закономерным и естественным ее выражением. Однако именной характер речи уступает глагольному, если журналист избирает жанры, близкие к художественным, и отдает предпочтение разговорной форме изложения.

Нередко в публицистическом стиле отказ от использования глагольных форм и замена их отглагольными существительными порождает капителярский оттенок речи. Стилистическая правка в таких случаях состоит

в замене отлагательных существительных глаголами и устранении канцеляризма; ср.:

Основное внимание докладчик сосредоточил на изжитии недостатков в выполнении домашних заданий, в обеспечении учебного процесса наглядностью, в оказании помощи отстающим; подчеркнул необходимость усиления воспитательной работы среди учащихся.

Докладчик убедительно говорил о том, что необходимо хорошо выполнять домашние задания, использовать на занятиях наглядные пособия, помогать отстающим, а главное — усилить воспитательную работу среди учащихся.

4. В художественной речи, которая характеризуется в целом значительным сокращением количества имен существительных, вытесняемых глаголами, предпочтение тех или иных частей речи, как правило, связано с творческой установкой писателя, решением конкретных стилистических задач. Определяющее значение при этом имеет обращение писателя к конкретному функционально-смысловому типу речи: описанию, повествованию, рассуждению.

В художественной речи имена существительные выполняют не только информативную, но и эстетическую функцию. Употребление их может быть обусловлено экстралингвистическими факторами, поскольку тема произведения обращает автора к существительным тех или иных лексико-грамматических разрядов: вещественные, собирательные, отвлеченные, конкретные имена существительные, употребительные в любом из функциональных стилей, находят применение и в художественной речи. При этом стилистически нейтральные существительные вовлекаются в систему выразительных средств языка и обретают соответствующую экспрессивную окраску. Например, имя собственное обретает новое символическое значение в названии повести Н. С. Лескова, использовавшего прием антономазии — «Леди Макбет Мценского уезда» и т.д.

Необходимо подчеркнуть, что употребление имен существительных в эстетической функции может быть и не связано с их метафорическим пересмыслением. В автологической (т.е. свободной от тропов) речи имена существительные также могут играть важную стилистическую роль, выступая как яркий источник экспрессии.

А. Особый стилистический интерес представляет использование писателями **отвлеченных имен существительных** для усиления действенности речи.

Психология творчества различает два типа мышления: **наглядное и теоретическое**. Первый тип мышления характеризуется возникновением в сознании человека представлений, отражающих действительность в единичных понятиях, которые получают выражение в **конкретных** наименованиях предметов реальной действительности. Второй тип состоит в создании **абстрактных** понятий, закрепленных в существительных отвлеченного значения, не получающих отражения в конкретных образах. Отвлеченное мышление свойственно прежде всего ученым, оно проявляется в абстракции различных языковых средств в научном изложении, в частности в предпочтении отвлеченных имен существительных перед конкретными,

а также в том, что конкретные слова в научных текстах обычно употребляются в отвлеченном значении. Однако в научном стиле вокруг имен существительных не возникает экспрессивного ореола, ведь они выполняют лишь информативную функцию.

Принципиальное отличие стилистического использования отвлеченных имен существительных в художественной речи состоит в активизации их выразительных возможностей. Под пером художников слова могут стать сильным источником речевой экспрессии, хотя их эстетическая функция порой недооценивается, что искажает представление о стилистических ресурсах морфологических средств.

Русские писатели всегда придавали большое значение освоению отвлеченной лексики в художественной речи. Отвлеченные имена существительные вовлекались в систему экспрессивных средств поэтами — для отражения духовного мира лирического героя, обозначения возвышенных нравственных и эстетических категорий. См., например, у А. С. Пушкина:

Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Их вовсе недостойн я.

(Евгений Онегин);

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновение,
И жизнь, и слезы, и любовь.

(К***)

Поэты второй половины XIX в. расширили репертуар имен отвлеченных существительных, придающих стилю взволнованно-патетическое звучание. Например, у Н. А. Некрасова часто употребляются такие слова, как *свобода, вера, святыня, скорбь, нищета, отчаянье, борьба, насилие* и др. Чтобы усилить экспрессию отвлеченных существительных, получающих в контексте политическую окраску, поэт использовал особый графический прием — писал их с прописной буквы:

Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела...

(Муза)

У классиков русской прозы отвлеченные имена существительные были средством изображения богатой духовной жизни героев. Много слов этого лексико-грамматического разряда ввел в художественную речь М. Ю. Лермонтов, который искусно уточнял их значение выразительными эпитетами: *холодная злость, безмерное отчаянье, неистовая храбрость, глубокое презрение, сладкие заблуждения, необъяснимое наслаждение*.

В последни каждого большого русского писателя можно найти характерные для его стиля, имеющие глубокое философское и эстетическое значение отвлеченные имена существительные, введенные в активное последующее употребление: у И. А. Гончарова — *обломовщина*, у И. С. Тургенева — *нигилизм*, у Н. Г. Чернышевского — *эмансипация, патриотизм*.

В наше время отвлеченные имена существительные воспринимаются в большинстве своем как стилистически нейтральные слова. Однако нередко они все же сохраняют экспрессивные оттенки, с которыми связано представление о литературности, возвышенном способе выражения, и потому сферой их стилистического использования являются размышления, философские искания героев. Составляя значительную часть «интеллигентского словаря», отвлеченные имена существительные привлекаются для речевой характеристики героев-интеллектуалов:

[Сергей] искал нити, соединявшие прошлое с еще более далеким прошлым и с будущим. <...> Человек, говорил он, никогда не примирится со смертью, потому что в нем заложено ощущение бесконечности нити, часть которой он сам. Не бог награждает человека бессмертием и не религия внушает ему идею, а вот это закодированное, передающееся с генами ощущение причастности к бесконечному ряду... (Ю. Трифонов).

Важно подчеркнуть и еще одну особенность функционирования отвлеченных имен существительных в художественном тексте — в речи они получают конкретное значение:

«Первые радости» (К. Федин); «Долгое прощание» (Ю. Трифонов); Смерть как будто заигрывала с казаком; Расплескал злобу в драке с Петром (М. Шолохов); Жизнь бушевала в нем. Она шумела в крови, как майская гроза в кустах весеннего сада; Здоровье вытекало по каплям, как сок из подрубленной березы (Б. Лавренев).

При этом абстрактная семантика отвлеченных имен существительных преобразуется в результате метафорического переосмысления, расширения границ лексической сочетаемости, обновления их значения. В этом проявляется важнейшая черта художественной речи — предметно-образная конкретизация описываемого.

В экспрессивной функции отвлеченные имена существительные выступают и в публицистическом стиле современного русского языка, пополняя состав общественно-политической лексики, обладающей оценочными значениями: *активность, атмосфера, борьба, дружба, кампания, клевета, мир, общественность, оплот, политика, потенциал, сотрудничество, старт, тактика, эскалация* и др. Такие отвлеченные имена существительные играют ведущую роль в составе строевой лексики газеты: отличаясь особой широтой семантики, они характеризуют разнообразные обстоятельства, события, явления, сопровождая их резкой оценкой.

Б. Противопоставлены отвлеченным конкретные имена существительные, которые тоже обладают большими потенциальными возможностями создания речевой экспрессии в художественной речи. Писателям и публицистам свойственно преимущественно паглядное мышление в противовес отвлеченному, что практически находит отражение в широком использовании конкретных имен существительных: искусное введение их в текст создаст зримые картины. Причем в художественной речи эстетическую функцию могут выполнять имена существительные, употребленные в прямом значении, не подвергаясь образному переосмыслению:

Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трех сторон у меня чудесный (М. Лермонтов).

Особая стилистическая ценность конкретных имен существительных определяется их изобразительными возможностями при описании художественных деталей. В этом случае слова, называющие бытовые реалии, нередко — весьма прозаические вещи, заключают в себе большую образную энергию и предоставляют неограниченные изобразительные возможности для описания жизни героев, обстановки, картин природы, быта. Вспомним гоголевские строки:

«Прошу покорно закусить», сказала хозяйка. Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припёками: припёкой с лучком, припёкой с маком, припёкой с творогом, припёкой со сняточками, и нивесть чего не было.

Следует подчеркнуть, что возможность стилистического использования подобных существительных в процессе предметно-образной конкретизации в русской литературе свидетельствовала о торжестве реалистического метода. Чтобы осмыслить эстетическое значение конкретно-бытовой лексики во всем богатстве и многообразии ее значений, нужен был гений А. С. Пушкина, утвердившего право художника показывать жизнь во всех ее проявлениях и доказавшего, что для поэта нет низких предметов. С признанием достижений натуральной школы в российской словесности были созданы все условия для эстетического освоения конкретных имен существительных как источника яркой изобразительности художественной речи.

Конкретные имена существительные составляют основу образного описания и у современных авторов. На эстетическую ценность художественных деталей указывали опытные мастера. Так, К. А. Федин, К. Г. Паустовский отмечали, что в рукописях начинающих авторов нередко словесные обобщения вытесняют деталь, а ведь ничто так не оживляет описания как подробности. Для их художественного изображения и нужны конкретные имена существительные, которые всегда вызывают представление о реальном предмете или явлении.

В. Изучение экспрессивной функции имен существительных собственных открывает большой простор для стилистических наблюдений; их экспрессивная окраска обусловлена стилистическими особенностями использования в разных стилях речи и богатой традицией эстетического освоения в русской литературе.

1. Имена и фамилии занимают одно из видных мест в составе стилистических ресурсов русского языка: они выделяются большим разнообразием словообразовательных вариантов, получивших определенную стилистическую окраску, и неограниченными возможностями образного применения в художественном контексте.

Отличительной особенностью русской системы именования лиц является противопоставление официального обращения по фамилии (*гражданин Рубин*), а также употребления фамилии с инициалами в письменной речи (*И. П. Рубин*) разговорным вариантам. Последние предусматривают использование имени-отчества в официальной обстановке при вежливом обращении (*Павел Павлович*) и — в условиях непринужденного общения — одного имени, причем чаще его сокращенного варианта (*Паша, Иван, Ваня*), а также интимно-ласковых (*Павлуша, Ванечка, Ванюша, Ванюшка*) и стилистически сниженных вариантов (*Павлуха, Ванька, Ванюха*). Выбор вариантов имен отражает и возрастные черты собеседников (к старшим обычно обращаются по имени-отчеству), и их социальный статус (к должностным лицам не принято обращаться в фамильярной форме). Отступление от названных условий этикетки может стать в художественной речи источником экспрессии.

В XIX в. наблюдалось еще большее богатство экспрессивных оттенков у различных вариантов имен людей, отражавших сословно-имущественную градацию общества, моду, лингвистический вкус времени. Поэтому без стилистического комментария современный читатель не всегда способен осмыслить художественное значение того или иного имени персонажа в русской классической литературе.

Экспрессивные ореолы вокруг имен собственных в царской России отражали прежде всего классовое расслоение общества: бесправие и унижение человеческого достоинства проявлялись в том, что люди, по словам В. Г. Белинского, сами называли себя не именами, а кличками — *Ваньками, Васьками, Степиками, Палашиками*. По свидетельству историка В. О. Ключевского, еще в самом начале XVIII в. Петр I запретил писаться уменьшительными именами, однако монарху-преобразователю не удалось сломить эту российскую традицию. Вот почему употребление писателями сниженных вариантов имен по отношению к представителям низкого звания следует рассматривать не как выражение презрения, а как дань традиции (например, у Н. В. Гоголя — *Петрушка*). В то же время уважительные имена верных слуг (например, *Еремеевна* в «Недоросле» Д. И. Фонвизина) заключают в себе оттенок особого почтения. В непринужденной обстановке бытовала и манера дружеского обращения не по имени, а по фамилии, что запечатлелось в многочисленных посланиях поэтов пушкинской эпохи. Имена царствующих особ в России было принято употреблять без отчества — *Петр, Павел, Елизавета, Екатерина*, что конечно, не придавало им ни фамильярного, ни демократического оттенка.

Потенциальные экспрессивные возможности личных имен обусловлены еще и тем, что многие из них восходят к греческим корням и несут в себе скрытое символическое значение: *Митрофан* — 'слава матери', *Елена* — 'избранная, светлая' и т.д. Писатель, нарекая своего героя, может кратко выразить и свое отношение к нему; ср., например, у А. Н. Островского: *Катерина* — 'вечно чистая', *Варвара* — 'дикарка, грубая'. Однако эстетическое значение подобных имен в художественном контексте факультативно; для одних читателей они значимы, другим же ничего не говорят. Следовательно, необходим стилистический комментарий, который расширит восприятие художественного образа.

При эстетической оценке именованных литературных героев важно учитывать популярность имени в соответствующую эпоху, его оценку лингвистическим вкусом времени, особенности звучания, национальный или иноязычный облик, историю освоения и т.д. Сословные предрассудки налагали запрет на те или иные имена (вспомним ироническое замечание А. С. Пушкина о старушке Лариной, которая *звала Полиною Прасковью*). Галломания приводила к насаждению чуждых русским обычаям имен, что давало повод к их сатирическому осмеянию (например, у Н. В. Гоголя: имена детей Манилова — *Алкид* и *Фемистоклос*). Вот почему и в обращении писателей к простым русским именам может быть скрыт глубокий смысл, как, например, в решении А. С. Пушкина дать своей героине, дворянской барышне, простонародное имя — *Татьяна*, с которым у современников связывалось «воспоминанье старины или девичьей». В этой дерзости поэта выразилось его стремление к демократизации литературного языка, желание преодолеть всякие условности.

Редкостные, странные имена придают речи юмористическую окраску: *Варух, Солоха, Хивря*. Яркую экспрессию создает столкновение неупотребительного имени с весьма распространенным отчеством или фамилией: *Феодулия Ивановна* (Н. Гоголь); *Аполлон Мерзавецкий* (Н. Островский); *Васисулалей Лоханкин* (И. Ильф и Е. Петров). Один из приемов обыгрывания имен собственных — применение знаменитого имени к заурядному или комическому персонажу: *сапожник Гофман, жестяник Шиллер* (Н. Гоголь).

Русская ономастика предоставляет писателям неограниченные возможности и для словотворчества. Так, еще в эпоху классицизма драматурги сочиняли выразительные фамилии-характеристики: *Правдин, Стародум, Бескорыст, Здравомысл, Дурыкин, Плутягин* (Д. Фонвизин). Галерею отрицательных персонажей, наделенных красноречивыми фамилиями, пополнили писатели XIX в.: *Молчалин, Скалозуб* (А. Грибоедов); *Буянов, граф Нулин* (А. Пушкин); *Держиморда* (Н. Гоголь); *Алтышников, Грош* (Н. Некрасов). Комическое звучание отличает прозвищные фамилии, омонимичные самым неподходящим по значению именам существительным: *Петух, Ячичица, Пробка, Колесо* (Н. Гоголь); *Прыц, Удав, Дыба* (М. Салтыков-Щедрин).

В сокровищнице русской литературно-художественной ономастики есть фамилии, окруженные экспрессией сочувствия, отразившие ущербность героев: *Макар Девошкин, князь Мышкин* (Ф. Достоевский). Есть фамилии насмешливо-иронические: *Красоткин, Поцелуев* (Н. Гоголь); есть и остросатирические: *учитель Вральман* (Д. Фонвизин), *судья Ляпкин-Тяпкин* (Н. Гоголь). Комическую окраску им придает словообразование: *ездный лекарь Христиан Иванович Гибнер*, у которого все большие «как мухи, выздоравливают» (Н. Гоголь); смешные созвучия: *Чичиков, Люлюков* (Н. Гоголь); нерусский фонетический облик в сочетании с прозрачной этимологией: *шевалье Какаду, француз Куку* (Н. Гоголь).

Однако наряду с богатым набором сниженных характеристических фамилий в русской литературе известно и немало собственных имен существительных, свободных от подобных ассоциативных оценочных значений. Они воспринимаются не как нейтральные, а как хорошие, откры-

тые для создания вокруг них ореола положительных эмоционально-экспрессивных оттенков: *Онегин, Печорин, Ларин, Ленский, Исаров, Ростов*. Подобные фамилии расцениваются читателем как красивые благодаря их эстетическому звучанию и насаивающимся на них различным оттенкам значений, обусловленным возможными реминисценциями. Например, по замечанию В. Г. Белинского, фамилия лермонтовского *Печорина* указывает на близость персонажа к его литературному предшественнику — пушкинскому *Онегину* («Несходство их между собою гораздо меньше расстояния между Онегою и Печорою»¹).

Особые возможности для стилистического использования имен и фамилий в художественной и публицистической речи открывает их образное переосмысление. В этом случае писатели прибегают к **антономазии** — тропу, состоящему в употреблении собственного имени в значении нарицательного; ср.: *Времен новейших Митрофан* (М. Лермонтов); *Молчаливых тихоньбствующих сонм и многоликость рожки Скалозуба* (Е. Евтушенко). В. О. Ключевский писал о русских самодержцах: «С Александра I они почувствовали себя Хлестаковыми на престоле, не имеющими чем уплатить по трактирному счету»².

Научная дискуссия

В последнее время лингвистический статус антономазии лингвистами определяется как *синкретичный*, соединяющий в себе черты *стилистического приема* и *акта номинации*³. Антономазия как стилистический прием, феномен языка, находящийся на пересечении имен собственных и нарицательных, рассматривается в работе И. Б. Голуб «Стилистика русского языка»⁴.

2. Другую группу стилистически активных имен собственных составляют **географические наименования**. В русском литературном языке вокруг них нередко создаются особые экспрессивные ореолы, обусловленные различными ассоциациями. Так, в годы Великой Отечественной войны острое политическое значение обрели многие географические названия: *Брест, Сталинград, Волга, Урал, Ялта* и др. Они получили яркое публицистическое звучание благодаря героизму воинов, прославивших русскую землю самоотверженной борьбой с фашизмом. Ряд географических названий связывается в сознании русского человека с национальной гордостью, патриотической темой: *Москва, Владимир, Смоленск, Бородино*; иные наименования ассоциируются с традициями русского искусства: *Кижы, Палех, Гжель, Гусь Хрустальный*.

Появление оценочных оттенков у географических наименований особенно характерно для публицистического стиля, поскольку журналисты любят использовать такие имена существительные в переносном значении:

¹ Белинский В. Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 3. М., 1978. С. 146.

² Ключевский В. О. Исторические портреты и этюды. М., 1993. С. 76.

³ См.: *Наер И. М.* Структура, семантика и прагматика антономазии (на материале немецкого языка). М., 2011.

⁴ См.: *Голуб И. Б.* Стилистика русского языка. 4-е изд. М. : Айрис-пресс, 2002. С. 137.

Набат Бухенвальда отозвался в сердцах всех честных людей планеты; Человечество никогда не забудет Освенцим, Хатынь, Хиросиму; Мы помним горячие рукопожатия на Одере (газ.).

В публицистическом стиле названия столиц часто употребляются вместо названий государств, они символизируют социальную систему, внешнюю и внутреннюю политику стран: *Москва, Лондон, Вашингтон*; указывают на уроки истории, факты международной жизни:

Хельсинки — символ воли всех народов жить в мире и сотрудничестве;
Рейкьявик — символ возникновения реальной возможности положить начало ядерному разоружению.

В спортивной журналистике географические названия заменяют наименования международных соревнований, Олимпиад: *Гренобль, Лейк-Плэсид, Калгари, Пекин, Лондон, Сочи*. В репортажах с международных конкурсов, фестивалей новыми экспрессивными красками расцветаются названия таких городов, как *Авиньон, Канны, Юрмала, Ялта*.

Географические названия могут использоваться для создания комического эффекта. Так, ироническую окраску придает речи приравнивание неизвестных или однозвучных имен собственных к популярным, знаменитым:

Сотни тысяч людей, богато обеспеченных людей, будут стремиться в Васюки. <...> НКПС построит железнодорожную магистраль Москва — Васюки. <...> ...Аэропорт «Большие Васюки» — регулярное отправление почтовых самолетов и дирижаблей во все концы света, включая Лос-Анжелес и Мельбурн (И. Ильф и Е. Петров).

Сатирическую роль выполняют и построенные на переосмыслении географических названий перифразы, например образное определение Нью-Йорка как *Железного Миргорода* в очерке С. А. Есенина об Америке.

Экспрессивная окраска географических названий может изменяться, что связано с влиянием экстралингвистических факторов. Для писателей XIX в. Москва была символом патриархального быта, ярмаркой невест. Н. В. Гоголь писал в «Петербургских записках 1836 года»:

Москва — старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается в свете; Петербург — разбитной мальчик, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европой, раскланивается с заморским людом. <...> Москва женского рода, Петербург мужского. В Москве всё невесты, в Петербурге всё женихи.

В наше время название *Москва* воспринимается как символ России, олицетворение русской национальной идентичности, культуры и духовности.

В художественной речи заметную стилистическую роль играют окказиональные географические наименования с выразительной этимологией: *город Глухов (М. Салтыков-Щедрин.); уезд Тернигорев, Пустопорожняя волость, деревни Горелово, Неслово, Заплатово, Дырявино, Неурожайка*

(Н. Некрасов). Окказиональное словообразование собственных имен существительных данного типа привлекало и советских писателей: у Ильи Ильфа и Евгения Петрова есть названия городов *Удоев*, *Колокаламск*, у Андрея Платонова — город *Градов*.

3.2.1. Стилистический потенциал грамматических категорий имени существительного

Имя существительное выделяется из всех других именных частей речи тем, что его грамматические категории — род, число, падеж — способны получать особые стилистические значения. Стилистическая активность указанных категорий обусловлена их функционально-стилевой специализацией и экспрессивным применением в художественной речи.

А. Наибольшими выразительными возможностями обладает категория рода имени существительного. В современном русском языке наблюдается известная функционально-стилевая специализация рода имен существительных.

1. Имена существительные среднего рода наиболее употребительны в книжных стилях. Это объясняется популярными в научном стиле отвлеченными значениями многих существительных среднего рода. Например, слова с продуктивными суффиксами *-ни-*, *-ств-* указывают на состояния, действия, собирательность: *удаление, настроение, погружение, повторение, осмысление; гражданство, отечество, качество, мужество, вмешательство, учительство*.

Абстрактно-собирательное обобщенное значение свойственно и многочисленным именам существительным среднего рода, образованным в результате субстантивации имен прилагательных: *невероятное, очевидное, удивительное*; иные существительные, восходящие к прилагательным, называют общие виды и роды животного и растительного мира, получив значение терминов: *парнокопытное, лилиецветное*. На книжный характер имен существительных среднего рода указывает и тот факт, что в просторечии формы среднего рода часто искажаются, принимая окончания мужского рода (*полотенец, крылец, яблок*).

2. Имена существительные мужского рода также тяготеют к книжным стилям. Это проявляется прежде всего в том, что многозначные слова, имеющие неустойчивую форму рода, закрепляются в научном стиле в строго терминологическом значении преимущественно в мужском роде: *проток* (мед.) — ‘узкая соединительная полость, канал’ (*желчный проток*); *протока* (и *проток*) [без помет] — ‘ответвление русла реки, а также речка, соединяющая два водоема’; *просек* (горн.) — ‘горизонтальная выработка для проветривания шахты или соединения выработок в толще полезного ископаемого’; *просека* [без помет] — ‘очищенная от деревьев полоса в лесу, служащая границей участка’; *спазм* (мед.) — ‘судорожное сокращение мышечной стенки кровеносных сосудов пищевода, кишечника с временным сужением их просвета’; *спазма* (общеупотр.): *Я снял шапку и ничего не мог ему ответить. Спазма жжало мне горло* (К. Паустовский). В связи с этим стилисты говорят об экспансии мужского рода в научном стиле.

Закреплению имен существительных мужского рода в книжных стилях способствует их экспрессивная нейтральность, отсутствие у них эмоционально-оценочных значений, которые возникают у существительных женского рода, образованных путем аффиксации; ср.: *жилет* — *жилетка*, *промах* — *промашка*, *кассир* — *кассириша*, *купец* — *купчиха*.

3. Имена существительные женского рода отличаются богатством и разнообразием грамматических средств выражения родовой принадлежности. Аффиксация делает женский род сильным, подчеркнутым, наиболее четко оформленным, создает различные экспрессивные оттенки у таких имен существительных, а это приводит к тому, что существительные женского рода часто получают вполне определенный стилистический «паспорт» и не могут быть использованы за пределами своего стиля. Показательно и то, что в случае колебания грамматического рода у некоторых имен существительных формы женского рода закрепляются в профессиональной сфере, а мужского рода остаются общеупотребительными. Ср.: *гарнитура* (проф.) — ‘полный комплект типографских шрифтов различных начертаний и кеглей, но одинаковых по характеру рисунка’ и *гарнитур* [без помет] — ‘полный набор, комплект предметов, служащих для определенной цели’; *желатина* (техн.) — ‘белковое вещество (коллоид) животного происхождения, раствор которого при охлаждении переходит в студенистое состояние’ и *желатин* (общеупотр.) — ‘наименование продукта питания’.

Особым стилистическим своеобразием отличаются имена существительные со значением лица, образующие пары мужского и женского рода: *студент* — *студентка*, *учитель* — *учительница*, *деlegates* — *делегатка*, *докладчик* — *докладчица*, *кондуктор* — *кондукторша*, *лифтер* — *лифтерша*, *поэт* — *поэтесса*. Существительные мужского рода выражают общее понятие о человеке, указывая на его социальную или профессиональную принадлежность независимо от пола; они имеют официальный оттенок, в то время как личные существительные женского рода отличаются разговорной или просторечной окраской, что препятствует их употреблению в книжных стилях, в официальной обстановке. На стилистическое использование подобных имен существительных женского рода оказывают влияние многие экстралингвистические факторы — от общественного разделения труда между мужчинами и женщинами, их социального неравенства в определенные периоды до возникших в быту предрассудков о неравноценности слов женского рода, обозначающих профессии. Так, известно, например, отношение женщины, сделавших поэзию своим профессиональным занятием, к слову *поэтесса*. Анна Ахматова терпеть не могла, когда ее называли «поэтесса», гневалась: «Я — поэт».

Принятое в книжных стилях официальное наименование профессий, должностей с использованием имен существительных мужского рода может создавать неудобства, если из контекста неясно, о мужчине или о женщине идет речь. См., например: *Наград удостоены конструктор завода И. Б. Тищенко, заместитель главного металлурга завода Т. И. Гурджиенко, директор завода М. Шолар* (названы фамилии женщин). В подобных случаях возможен комизм высказывания, и этим пользуются юмористы:

Машиниста Степанова знаешь? — Еще бы! — Женился. — На ком? — На начальнике станции; Когда кончится война, поженим твоего сержанта на моем ефрейторе.

В современном русском языке восприятие многих имен существительных женского рода со значением лица изменилось. До 1917 г. они воспринимались преимущественно как обозначение замужней женщины по должности мужа: *председательша, губернаторша, дворничиха*; теперь на первый план выступает значение профессии. Ряд существительных данного типа архаизовались как лексические единицы, а иные утратили прежнее значение замужней женщины, получающей название по роду занятий мужа, и лишь отдельные слова сохраняют старинное значение суффиксов: *генеральша*. В то же время многие имена существительные женского рода со значением лица получили профессиональную окраску: *прыгунья, пловчиха, конькобежка*.

Влияние времени сказывается и на продуктивности словообразовательных моделей существительных женского рода в окказиональном словообразовании; ср. разговорные проницательные названия: *критикесса, агентесса, гидесса, клоунесса, геологиня, хирургиня, директриса, шефиня*. Многие окказионализмы этого типа имеют добродушно-шуточный оттенок, но есть и резко сниженные: *гидша, учительша, учителька, воспитателька, воспитуха*.

4. Особой экспрессией отличаются имена существительные **общего рода**, которые представляют одну из групп существительных со значением лица, называя людей по характерному для них действию или свойству и выражая при этом эмоциональную оценку (чаще отрицательную): *гуляка, жадина, ломака, кривляка, писака, тихоня, умница, ябеда*. По замечанию В. В. Виноградова, совмещение мужского и женского рода у таких имен существительных «оправдывается их резкой экспрессивностью», они носят «резкий отпечаток фамильярного и даже вульгарного стиля»¹.

Экспрессию подобных имен существительных определяет, конечно, их семантика, однако перенос значения слов с формальным признаком женского рода на лиц мужского пола усиливает и подчеркивает оценочность. К тому же у писателей прошлого можно часто встретить и согласование с такими существительными по женскому роду: *Горемыка я, горемыка несчастная!* — жалобы банщика Капитона в рассказе И. С. Тургенева «Муму». Для современного языка нормой является согласование с существительными общего рода только по смысловому признаку: *девочка — большая перьяха, мальчик — большой перьяха*.

К рассмотренной группе слов семантически близки и существительные женского рода, употребленные в образном значении: *шляпа, лиса, змея, пила, тряпка*. Однако в отличие от имен существительных общего рода они требуют строго грамматического согласования. Нарушение этой нормы придает речи грубо просторечную окраску и может быть источником комизма:

[Собака], может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... (А. Чехов).

¹ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. С. 71.

Художники слова нередко используют формы рода имен существительных с особой стилистической установкой. Так, сочетание существительных разного грамматического рода, указывающих на одно и то же лицо, придает речи комическую окраску:

А невесте скажи, что она подлец! (Н. Гоголь); ...а ведь все кончится тем, что эта старая баба Петр Николаевич и его сестра попросят у него извинения (А. Чехов).

Своеобразным юмористическим приемом является изменение формы рода имен существительных, называющих людей. С этой целью писатели изменяют окончания таких слов: *усатый нянь* (В. Маяковский); *За мною гуляла лесной фей; Три нимфа переглянулись и громко вздохнули* (И. Ильф и Е. Петров).

Особым источником экспрессии в художественной речи является образное использование имен существительных мужского и женского рода при олицетворении. Например, М. Ю. Лермонтов демонстрирует этот прием в стихотворении «Листок»:

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, наконец, докатился до Черного моря.
У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская..
<...>
«На что мне тебя? — отвечает младая чинара, —
Ты пылен и желт — и сынам моим свежим не пара...»

Контраст имен существительных мужского и женского рода, взятых за основу олицетворения, создает яркую экспрессию. Напротив, образность речи разрушается, если грамматический род имен существительных не соответствует условному литературному образу, что иногда случается при переводе художественных произведений. Так, М. Ю. Лермонтов, переводя стихотворение Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» («Сосна стоит одиноко»), точно повторил название дерева: *сосна*. Но в русском языке это существительное женского рода, а в немецком — мужского. Поэтому в переведенном стихотворении («На севере диком...») оказалось утраченным противопоставление образов мужчины и женщины, навеки разделенных непреодолимым расстоянием. Как заметил Л. В. Щерба, Гейне создал «образ мужской неудовлетворенной любви к далекой, а потому недоступной женщине. Лермонтов женским родом отнял у образа всю его любовную устремленность и превратил сильную мужскую любовь в прекраснодушные мечты»¹. Другой поэт, Ф. И. Тютчев, стараясь сохранить авторский образ, в переводе того же стихотворения изобразил «кедр одинокий», которому снится «юная пальма». Примеры подобной замены имен существительных при переводах не единичны.

¹ Щерба Л. В. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 109.

Стилистические казусы могут возникнуть и в результате образного сближения двух понятий, обозначаемых именами существительными разного рода. Так, иронические замечания вызывает перифраза «матерь городов русских», как нередко называют Киев, «неизвестно почему переделывая его в женщину»¹.

В особых случаях при олицетворении писатель может изменить грамматический род существительного (предпочитая диалектные или просторечные, а также устаревшие формы), если в стилистике образа есть для того основание. Так, в повести В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой» дается поэтическое описание знаменитой лиственницы, точнее, *лиственя*:

Матёру, и остров и деревню, нельзя было представить без этой лиственницы... Она возвышалась и возглавлялась среди всего остального, как пастух возглавляется среди овечьего стада, которое разбрелось по пастбищу. Она и напоминала пастуха, несущего древнюю сторожевую службу. Но говорить «она» об этом дереве никто, пускай пять раз грамотный, не решался; нет, это был он, «царский листвень» — так вечно, могуче и властно стоял он на бугре в полверсте от деревни, заметный почти отовсюду и знаемый всеми.

Стилистическая оценка форм рода имен существительных связана и с другой важной проблемой практической стилистики — правильным употреблением в речи имен существительных, у которых форма рода **неустойчива**. В их составе можно выделить несколько групп:

1) имена существительные, у которых разные формы рода сосуществуют, не различаясь стилистически, например *жираф — жирафа*: ...далёко, далёко, на озере Чад / Изысканный бродит жираф (Н. Гумилев) — У меня была жирафа, я кормил ее из шкафа (А. Барто). Варианты разного грамматического рода при этом могут принадлежать к одному и тому же функциональному стилю, скажем, научному (*морф — морфа*, перифраз — перифраза) или иметь общеупотребительный характер (*вольер — вольера*, *лангуст — лангуста*, *клавиш — клавиша*, *скирд — скирда*, *ставень — ставня*). Чаще всего в этих случаях варьируются формы мужского и женского рода; варианты со средним родом встречаются как исключение: *плес — плесо*, *кайло — кайла*:

2) имена существительные, у которых одна из параллельных форм архаизовалась, например: *антитеза — антитез*, *зал — зала*, *фаластер — фаланстера*, *санаторий — санатория*, *фильм — фильма*. Вышедшие из употребления варианты теперь отсутствуют в словарях или даются с пометой *устар.*, но мы встречаем их у писателей: *Он берет чужую идею, привлекает к ней ее антитез, и каламбур готов* (Ф. Достоевский). Такие имена существительные представляют интерес и для современных авторов, стремящихся к архаизации речи при описании прошлого;

3) имена существительные, у которых родовые варианты отличаются стилистической окраской; ср.: *рельс — рельса* (прост.); *туфля — туфель* (прост.); *метаморфоза — метаморфоз* (спец.); *повидло — повидла* (обл.). Обращение к таким существительным может быть оправдано стилистиче-

¹ Сверхбес Д. И. Записки. М., 1899. Т. 2. С. 16.

ской задачей. Например, в басне С. В. Михалкова употребление в мужском роде имени существительного *мышь* придает речи сниженную окраску: *Кот Тимофей — открытая душа, / Коту Василию принес в зубах мыша*. Нарушение литературной нормы в подобных случаях может стать и средством речевой характеристики героя: *Зараз в один секунд кончатю; Обожди, не подымай оружию* (М. Шолохов).

К разным формам рода нередко принадлежат и словообразовательные варианты имен существительных, как правило, тоже отличающиеся стилистической окраской: *плашет* — *плашетка*, *мочало* — *мочалка*, *браслет* — *браслетка*. Употребление их в художественной речи придает ей непринужденно-фамильярную окраску: *Вон наша домишка стоит, самая крайняя* (Ю. Трифонов); *В кинотеатре «Маяк», самой плохой кинешке в Москве, он увидел фильм «Красные дьяволята»* (Ю. Нагибин).

Особые трудности вызывает определение рода несклоняемых существительных иноязычного происхождения. Известно правило, по которому к мужскому роду следует относить все несклоняемые одушевленные существительные: *кенгуру, какаду, шимпанзе*; если же контекст указывает на особь женского пола (самку), они могут быть отнесены к женскому роду: *Кенгуру иссла в сумке детеныша*. Неодушевленные несклоняемые существительные согласно данному правилу должны относиться к среднему роду: *депо, кашне, кино, такси*. Однако такое деление не охватывает всех случаев употребления заимствованных несклоняемых имен существительных, среди которых есть и немало слов женского рода: *авеню, бери-бери, саями, колибри, иваси, кольраби, цеце*. Кроме того, общему правилу не подчиняются многие существительные, которые осознаются как слова мужского рода благодаря их семантической близости к синонимам или родовым наименованиям мужского рода: *арго* ('жаргон'), *аитраша* ('прыжок'), *банджо* ('инструмент'), *бенгали* ('язык'), *пенальти* ('удар'), *сирокко* ('ветер'), *эмбарго* ('запрет'). Получается, что исключений из правила больше, чем слов, которые его иллюстрируют.

Наблюдения показывают, что при определении рода несклоняемых иноязычных слов мы опираемся на родовые понятия или синонимы лишь в тех случаях, когда заимствованное слово недостаточно освоено родным языком. При этом возможны колебания, в результате чего возникают варианты. Не случайно иногда выделяют группу слов, которые употребляются в формах двух родов: *авто, арго, бибабо, бренди, виски*. Формы рода таких слов, не подкрепленные словарными пометами, но мотивированные семантическими связями слов в языке, не представляются резким нарушением нормы. Только при употреблении несклоняемых иноязычных существительных, обозначающих лиц, форма рода должна строго соответствовать полу: *милая леди, белокурая фрекен, утомленный кули, веселый кабальеро, юная мисс*. Как двуродовые выступают слова *визави, протеже, инкогнито*; ср.: *Мой/моя визави оказался/оказалась веселым спутником / веселой спутницей*.

Употребление личных несклоняемых имен существительных в форме среднего рода порождает комизм: *Это бы еще ничего. Инкогнито проклятое!* (Н. Гоголь).

Б. Различные формы категории числа имени существительного также могут проявлять стилистическую активность в определенных речевых ситуациях. Повышенной экспрессивностью обладают формы единственного числа, поскольку у них особенно часто развивается метафорическое значение, несвойственное существительным множественного числа: *бrevio, ворона, дуб, индюк, квочка, лиса, медведь, осел, петух, пила, тюфяк* и т.п. В редких случаях перенос значения сохраняется и во множественном числе: *Ослы! Сто раз вам повторять?* (А. Грибоедов).

Формы единственного числа могут употребляться в собирательном значении, и тогда эта грамматическая форма имени существительного указывает на перасчлененное множество предметов: *К нему и птица не летит / И тигр не идет* (А. Пушкин); *Всякого зверя и в степях и в лесах было невероятное количество* (С. Аксаков). Такое образное употребление форм единственного числа придает речи афористичность и эмоциональность: *Превосходная должность — быть на земле человеком, сколько видишь чудесного!* (М. Горький). В конструкциях, имеющих устойчивый характер, отмечается народно-разговорный оттенок, порой придающий речи ироническую окраску: *Но что там хорошо, так это купец! Всем купцам купец* (А. Чехов).

Употребление существительных единственного числа в обобщенно-собирательном значении свойственно и публицистической речи. Часто этот стилистический прием используется в заголовках газетных и журнальных статей, названиях рубрик: *Агроном и поле; Русское поле; Для чего человек учится?; Через сердце художника; Читатель предлагает* и др. Однако именно в газетах можно наблюдать и стилистически не оправданную замену формы множественного числа единственным числом, придающим высказыванию разговорно-просторечную окраску: *Огурец в этом году не уродился; Студент пошел разболтанный*.

В художественной речи можно встретить случаи употребления существительных в единственном числе, не соответствующие современной языковой норме, их следует отнести к грамматическим архаизмам: *Раздался смех и даже аплодисмент, хотя и немногочисленный* (Ф. Достоевский).

Встречается и дистрибутивное употребление формы единственного числа существительных, указывающее на то, что названный предмет относится к нескольким лицам или предметам: *Бутовщики потутили голову; Повелено брить им бороду* (А. Пушкин). Такая замена единственным числом множественного вполне допустима и специальной стилистической нагрузки не несет. Однако смешанное употребление форм числа в подобных случаях создает нелогичность: *Люди шли, обвязавши носы и рты платком* (правильнее: *нос и рот платком* или *носы и рты платками*). Практическая стилистика рекомендует избегать дистрибутивного употребления форм единственного числа в научном и официально-деловом стилях, чтобы исключить разночтения.

Формы множественного числа имен существительных также могут становиться стилистически активными в определенных контекстах. Немаркированное употребление этой грамматической формы часто бывает связано с эмоциональностью, экспрессией высказывания. Например, форма множественного числа может указывать не на множество предметов, а на один,

выделяя его, однако, особой экспрессией: *Вы тут обедали, а нас по милициям водили* (А. Макаренко) — речь идет об одном отделении милиции. Еще пример: *На Дальнем Востоке и в Маньчжурии белогвардейские востанания, товарищ. Мы не имеем времени отправлять какие-то экспедиции с буддами* (Вс. Иванов) — имеется в виду одна экспедиция, везущая статую Будды. Подобное экспрессивное употребление множественного числа характерно и для живой разговорной речи: *Чему вас только в институтах учат!; Нет у меня времени по театрам расслаживаться.*

Яркую экспрессию заключают в себе формы множественного числа имен собственных, прежде всего фамилий, при образном их переосмыслении в результате антономазии. Говорят, например: *держиморды* — о людях с грубыми, полнейскими замашкам; *полтадуры* — об администраторах-самодурах; *донкихоты, ловеласы* и др. Трансформация числа придает таким именам существительным значение нарицательных, поэтому они пишутся со строчной буквы.

Стилистическое значение получают и географические названия, употребленные во множественном числе, что также приводит к их переосмыслению и созданию соответствующего экспрессивного ореола: *Мы не допустим новых освещимов!; А сколько их, майданеков, на польской земле!* (газ.).

Формы единственного и множественного числа в современном русском языке часто варьпруют. Во многих случаях возможны обе формы — и единственное, и множественное число, но множественное подчеркивает обширность охватываемого пространства; ср.: *До горизонта желтел песок пустыни — До горизонта желтели пески пустыни.* Экспрессивному употреблению множественного числа во втором примере можно противопоставить чисто информативное, не допускающее вариантов: *В углу двора насыпан песок.*

Множественное число отвлеченных имен существительных подчеркивает интенсивность действия, силу проявления признака: *морозы, холода, встры*; придает им особую значимость: *А зимних праздников блестящие тревоги...* (А. Пушкин); *Зима роскошествует. Нет конца / Ее великолетьям и щедротам* (В. Ийбер). В художественной речи очень часто можно встретить замену единственного числа множественным как более экспрессивным: *А воды уж веслой шумят* (Ф. Тютчев); *Разливы рек ее, подобные морям...* (М. Лермонтов). При этом некоторые имена существительные во множественном числе получают и дополнительные смысловые оттенки. Например, *времена* — это не просто отрезок времени, а длительный срок, исторический период, отдаленная эпоха; ср.: *Осень подходит. Это любимое мое время*¹ (А. Пушкин); *Времен Очаковских и покоренья Крыма* (А. Грибоедов); *Бывали хуже времена, / Но не было подлей* (Н. Некрасов).

Отвлеченные имена существительные во множественном числе нередко указывают на конкретные проявления качеств, действий: *Задрожавшим от волнения голосом он стал перечислять красоты родной страны* (Э. Казакевич). Существительные, обозначающие эмоции, настроения, ощущения,

¹ Пушкин А. С. Письмо Плетиеву П. А., 31 августа 1830 г. Москва // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 110.

во множественном числе получают оттенок конкретности и интенсивности проявления чувства: *ужасы войны; радости и печали первой любви*. Некоторые устойчивые сочетания с формой множественного числа существительных данного типа имеют разговорно-просторечную окраску: *на радостях; в сердцах; завидки берут*.

Отдельные случаи замены единственного числа существительных множественным у писателей прошлого оцениваются сейчас как грамматические архаизмы. Так, в XIX в. при вежливом обращении было возможно употребление личного существительного во множественном числе по отношению к собеседнику: *Пустьте, ветренники сами, / Опомнитесь, вы старики...* (А. Грибоедов). Со временем такая трансформация форм числа получила лакейский оттенок; ср.: *Виктор Иванович, какие вы умники!*

Некоторые имена существительные в современном русском языке изменили форму числа, ср., например:

Позвольте вас попросить расположиться в этих **креслах**, — сказал Манюлов. — <...> Это **кресло** у меня уж ассигновано для гостя (Н. Гоголь); Он сидел спокойно в своем кабинете, в **креслах**; Каждый день создавал он для меня новые **карьеры** и планы; Разумеется, все это были одни **клеветы** (Ф. Достоевский).

Современный читатель воспринимает такие грамматические формы как архаизмы, но для автора обращение к ним не имело никакого стилистического значения.

В современном русском языке в первую очередь в публицистическом стиле возрастает продуктивность форм множественного числа существительных, для которых ранее нормой считалась только форма единственного числа. Прежде всего это относится к отвлеченным именам существительным: *вредности, даниности, зависимости, мощности, недосказанности, отвлеченности, очевидности, одинаковости, повседневности, реальности* и др. Как свидетельствуют исследования, «сейчас нельзя назвать ни одного суффикса отвлеченных существительных, который не допускал бы возможностей образования форм множественного числа»¹. Происходит грамматическое, семантическое и стилистическое переосмысление тех существительных, которые в традиционной грамматике отнесены к группам слов, имеющим только единственное число.

Важно отметить, что стилистическая маркированность таких форм осознается лишь в тех случаях, когда коррелятивные формы единственного и множественного числа не признаются регулярными.

Экспрессивно, например, употребление необычного множественного числа в следующем контексте: «Их *превосходительства* Банки!» («ЛГ», 27 августа 2014 г.). В словаре русского языка С. И. Ожегова дается такое толкование: «*Превосходительство*, -а, ср. Титулование некоторых высших чинов (в соединении с местоимениями *ваше, их, его*)»². Приведенная иллюстрация фиксирует переносное употребление отвлеченного существитель-

¹ Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. С. 173.

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2010. С. 469.

ного *превосходительство*, сопровождаемое грамматической реализацией формы множественного числа, не свойственной первичному значению в литературном языке.

В телеэфире радио «Брянская губерния» 27 марта 2015 г. журналист, поздравляя актеров с Международным днем театра, воскликнул: «Вы истинные мастера. Все вы *доки!*» В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова читаем: «*Дока*, -н, м. в чём (*прост.*). Знарок, мастер своего дела»¹. Существительное *дока* является просторечным, т.е. языковой единицей, не входящей в состав русского литературного языка, причем в приведенном примере оно употреблено в несвойственной ему грамматической форме множественного числа. С грамматико-стилистической позиции такое словоупотребление следует признать ошибочным.

В научном стиле, профессиональной речи весьма распространены формы множественного числа имен существительных, употребляемых в специальном значении: *мощности, скорости, режимы, ремонты, энергии* и пр. Ср., например: *физика высоких энергий и космических лучей; нефти, масла, мраморы, черноземы, торфы, корма* и т.п. Эти формы множественного числа являются стилистически немаркированными, но могут осознаваться как функционально прикрепленные:

Большое внимание уделяется внедрению высокоурожайных сортов сильных пшениц; Нефтехимический завод выпускает свыше 10 видов нефтепродуктов: бензины, дизельные или котельные топлива, битумы различных марок, сжиженный топочный газ и т.д.

В. Категория падежа. Развитие русского склонения представляет собой живой, активный процесс, который приводит к появлению вариантных окончаний, получающих определенную экспрессивную окраску и дающих возможность стилистического отбора. Кроме того, отдельные имена существительные (некоторые географические названия, имена, фамилии, иноязычные слова) могут склоняться факультативно, что создает условия для функционально-стилевого закрепления изменяемых и неизменяемых форм. Маркированные падежные окончания нередко становятся неточником речевой экспрессии в художественной речи, что также представляет стилистический интерес.

Падежные формы в современном русском языке многозначны, а отсюда широкий простор и для стилистического выбора разнообразных оттенков грамматических значений русских падежей. Однако представление о выразительных возможностях падежей было бы неполным без учета стилистических оттенков вариантов падежных окончаний.

Вариантные окончания встречаются лишь в небольших разрядах слов или в отдельных словах, в то время как **основные** окончания свойственны большинству слов, относящихся к данному склонению. Вариантные окончания могут иметь особые оттенки в значении падежной формы. Ср.: *В лесу раздавался топор дровосека* (Н. Некрасов) — флексия *-у* указывает

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. С. 150.

на место действия; *Актер прославился исполнением главной роли в «Лесе» Н. А. Островского* — флексия *-е* указывает на объект. Вариантные окончания могут отличаться стилистической окраской, функционально-стилевой закрепленностью, например: *клапаны* (общеупотр.) — *клапана* (спец.); *в отпуске* (лит.) — *в отпуску* (разг.). Бывает, что вариантное окончание одновременно отличается и оттенком в значении, и стилистической окраской. Например, у А. С. Пушкина в лирическом отступлении о дамских пожарах в «Евгении Онегине» вариантное окончание, имеющее значение объекта, в то же время воспринимается как устаревшее:

Взлеяны в восточной неге,
На северном, печальном снеге
Вы не оставили следов...

Наибольший стилистический интерес вызывают те вариантные формы, у которых развились разнообразные стилистические оттенки. В данном отношении ведущая роль в русском языке принадлежит **именительному падежу множественного числа**. В этой форме наряду с традиционной флексией *-и* (*-ы*) широко используется новое окончание *-а* (*-я*), и для большого количества слов оно стало уже ведущим: *векселя, везеля, кителя, тополя, флигеля, штабеля* и др. Сферами распространения форм с флексией *-а* (*-я*) стали профессиональная речь и просторечие, откуда эти формы проникают в художественные и публицистические произведения, что дает интересный материал для стилистических наблюдений. Вспомним, например, слова из песни В. С. Высоцкого:

Мы говорим не «штормы», а «шторма» —
Слова выходят коротки и смачны:
«Ветра» — не «ветры» — сводят нас с ума,
Из палуб выкорчевывая мачты.

Проблемы терминологии

Составители словарей обычно указывают на закрепление подобных форм в профессиональной речи; см., например: *Все в порядке, мякко сели, высьлайте запчастя — фюзеляж и плоскостя* (из фольклора летчиков). Однако стилистические пометы к вариантным окончаниям данного типа в словарях могут быть разные. Например, в словаре Л. К. Граудиной с соавторами даются пометы *спец.* (*боцмана, веса, дросселя, промысла, рапорта, ротора, сеттера, хода (судовые); техн.* (*дизеля, кожанка, конуса, пресса, сахара*); *морск.* (*лоцмана*); *проф.* (*мичмана, щелюка*). Немало вариантов имеют помету *разг.* (*ветра, диспетчера, договора, инструктора, свитера, трюфеля, шофера*); реже — *прост.* (*слесаря, токаря*)¹. В словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под редакцией К. С. Горбачевича (М., 1973) большинство этих форм дается с пометой *прост.*, а составители толковых словарей не приводят таких вариантов вовсе. Подобное многообразие стилистических помет отражает не столько функционально-стилевое расслоение в употреблении этих форм, сколько недостаточную научную разработанность проблемы.

¹ См.: Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976. С. 118–119.

Итак, стилистическое значение имеет противопоставление надежных окончаний, получивших профессиональную окраску, разговорных форм (которые неуместны в книжных стилях) и просторечных (т.е. сниженных, воспринимающихся как нарушение литературной нормы). В то же время писателям, журналистам, редакторам необходимо учитывать частотность использования тех или иных надежных форм в речи, чтобы правильно оценить их стилистические возможности и отчасти предвидеть их дальнейшую судьбу, разграничивая популярные и малоупотребительные формы.

Внимание стилистов привлекает **родительный падеж множественного числа**, дающий простор разговорным формам существительных. Наиболее активно конкурируют в речи нулевая флексия и окончание *-ов*, реже — нулевое и флексия *-ей*. Они получают разговорную окраску в парах: (*несколько*) *апельсин* — *апельсинов*, *гектар* — *гектаров*, *грамм* — *граммов*, *килограмм* — *килограммов*, *мандарин* — *мандаринов*, *носок* — *носков*, *помидор* — *помидоров*, *рельс* — *рельсов*, а также *доля* — *долей*, *дядь* — *дядей*, *тетя* — *тетей*, *ясель* — *яслей*. Вариантное окончание *-ов* обычно более снижено и воспринимается как просторечное, если нормой закреплена нулевая флексия: *У них, бают, яблоков моченых страсть как много!* (М. Алексеев). Разговорные варианты часто приводятся в словарях с соответствующими пометами, а просторечные варианты, как правило, опускаются. Некоторые варианты родительного падежа архаизовались, например *свечи* (*Изра не стоит свечи*), или закрепились в высоком стиле: *колена* — *колен* (при нейтральном *коленей*). Все это создает значительную нестроту стилистической окраски у форм родительного падежа множественного числа имен существительных.

Стилистически неравноценными могут быть и варианты **предложного падежа единственного числа** имен существительных мужского рода. Одни имеют разговорную окраску (*в цеху*), другие — просторечную (*в хору*). Однако в большинстве случаев такие варианты отличаются не стилистически, а оттенками в значении; ср. *в аду* — *об аде*: значение места и объекта.

Без стилистических помет обычно даются в словарях варианты **родительного падежа единственного числа** имен существительных мужского рода, ср.: *Из темного леса навстречу ему / Идет вдохновенный кудесник* (А. Пушкин) — *Я из лесу вышел; был сильный мороз* (Н. Некрасов). Выбор вариантов в данном случае зависит от различных факторов (например, определение при существительном, его вещественное значение подсказывает старое окончание *-а*). В речевой практике можно наблюдать стилистическое использование вариантных окончаний с профессиональным оттенком, что находит отражение и в художественной литературе: *Сколько тебе алебастру потребуется?* (В. Семин), но: *Камня в горе много; и алебаstra белого и желтоватого, и селенита* (А. Ферсман). Стабильно сохраняют окончание *-у* вещественные имена существительные со значением уменьшительности, употребление которых возможно лишь в разговорной речи: *Ну, тогда я вам положу медку...* (Н. Рыленков); *Нам бы бензинчику... машину заправить* (И. Дворецкий).

В отдельных случаях вариантные флексии в родительном падеже единственного числа имеют архаический оттенок; обращение к ним может быть обусловлено созданием народно-поэтического колорита. Так, М. Ю. Лермонтов в «Песне про купца Калашникова» заменил в процессе авторедакти-

рования литературное окончание «простонародным», уже тогда имевшим оттенок устарелости: *Не таился он свету* [первоначально: *света*] *небесного*.

Указывая на стилистическую активность вариантных окончаний существительных мужского рода в родительном падеже единственного числа, необходимо подчеркнуть, что к настоящему времени особые стилистические оттенки в их окраске утрачены. В частности, изжито противопоставление окончаний — «высокого» *-а* и «презренного» *-у*, о чем некогда писал М. В. Ломоносов, сравнивая «приличные в высоких жанрах» формы *святого духа, ангельского гласа*, с одной стороны, и допустимые лишь в «низких жанрах» *розового духу, птичьего голосу* — с другой. Для современного носителя русского языка окончание *-у* «представляет собой второстепенную вариантную форму, свойственную прежде всего устной речи, в письменных же стилях она держится преимущественно во фразеологизмах и в уменьшительных формах»¹. В случаях колебаний, учитывая тенденцию развития форм на *-а* — *-у*, практическая стилистика рекомендует предпочитать флексию *-а* как нормативную, основную форму родительного падежа во всех его значениях и для всех стилей литературного языка.

Варианты окончаний творительного падежа единственного числа у имен существительных женского рода на *-а(-я)*, например: *водой* — *водою*, часто не имеют стилистического значения, они удобны в поэтической речи лишь для версификации; ср.: *То было раннею весной* (А. К. Толстой) — *Весною здесь пеночка робко поет, / Проворная, неспрая птичка* (С. Маршак). Однако некоторые варианты архаизовались, и в прозе уже невозможно употребление многих существительных с флексией *-ою*, хотя в 1920-е гг. они еще встречались на страницах газет в обеих формах: *демократиею, организациею, выгрузкою, нагрузкою, Россиею, командою, просьбою, цифрою*. Вариантные окончания данного типа следует признать грамматическими архаизмами, несмотря на то, что составители словарей не снабжают их стилистическими пометами.

Пример

Современные писатели не отказываются от употребления устаревших вариантных окончаний, если те могут придать речи желаемую стилистическую окраску. Например, народно-поэтическое звучание придает речи старая форма именительного падежа множественного числа существительного *снег* в стихотворении Е. А. Евтушенко «Идут белые снеги...»:

Чьи-то души бесследно,
растворяясь вдали,
словно белые снеги,
идут в небо с земли.

В XIX в. у поэтов были еще более широкие возможности для подобного варьирования; ср., например:

А. С. Пушкин
Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вины европеец.;
Вот ива. Были здесь ворота —
Снесло их, видно. Где же дом?

Е. А. Баратынский
Бывало, отрок, звонким кликом
Лесное эхо я будил,
И верный отклик в лесе диком
Меня смятенно веселил.

¹ Граудина Л. К. [и др.]. Грамматическая правильность русской речи. С. 234.

Кроме того, стилистическое значение имели и такие надежные окончания, которые сейчас представляются весьма устаревшими: *Перед тем цыба со светелкой.* / <...> / *С дубовыми тесовыми вороты* (А. Пушкин) – архаизованная форма творительного падежа; *Чего тебе надобного, старче!* (А. Пушкин) – утраченный звательный падеж. Современные авторы уже не используют подобные формы даже как средство стилизации.

В то же время у писателей-классиков могут встретиться формы, которые кажутся нам архаическими, но в прошлом веке они были вполне допустимыми, так что обращение к ним никакой стилистической цели не преследовало. См., например, у А. С. Пушкина: *Цыганы шумною толпой по Бессарабии коцуют*. Поэт и теоретически старался обосновать свое предпочтение данной форме: «Я пишу *цыганы*, а не *цыгане*... Почему? потому что все имена существительные, кончающиеся на *анин, яшин, ариш* и *яриш*, имеют свой родительный во множественном на *ан, ян, ар* и *яр*, а именительный множественного на *ане, яне, аре* и *яре*»¹. Такова была литературная норма в пушкинскую эпоху.

Стилистического комментария также требует склонение имен **собственных**, допускающее в современном русском языке варианты формы. По общему правилу не склоняются нерусские имена: *Ирен, Мери, Пабло, Анри*; многие иноязычные и славянские фамилии: *Гете, Данте, Гюго, Золя, Шоу*, а также *Войниченко, Короленко, Доброга, Дурново*; женские фамилии, оканчивающиеся на согласный: *Войнич, Сенкевич*. Но такая норма установилась не сразу, в XIX в. были приемлемы варианты: *встречался с Шевченком* и *с Шевченкой, Коваленки, к Коваленкам*. В пушкинскую эпоху писали: *произведения Жоржа Санда* (склоняя женский псевдоним); *книга, сочиненная Гётем*, что, однако, вызвало возражения А. С. Пушкина: «Иностранные собственные имена, кончающиеся на *е, и, о, у*, не склоняются <...> против этого многие у нас погрешают. Пишут: *книга, сочиненная Гётем*, и проч.»² Отголоски этих колебаний влияют на современное употребление таких существительных. В разговорной речи можно встретить склоняемые формы украинских фамилий на *-ко*, которые признают допустимыми для устного общения. Нередки случаи нарушения нормы: склонение женских фамилий типа *Маринич* и, напротив, употребление их без изменения в применении к мужчинам (*у студента Маринич*), с чем, конечно, согласиться нельзя.

Значительные разночтения наблюдаются в употреблении надежных форм некоторых **географических названий**. Все русские топонимы, как правило, должны склоняться, однако в последние десятилетия все чаще употребляются в начальной форме географические наименования на *-о*: *в Одинцово, под Усово, из Голицыно*; ср.: *Я нынешний год проживаю опять в уже классическом Пушкино* (В. Маяковский). Эта тенденция отражает влияние книжных стилей. Вначале несклоняемые формы употреблялись географами и военными, для которых важно было привести названия в исходной номинативной форме, чтобы не спутать с дублетными названиями без окончания: *Белов — Белово, Киров — Кирово, Иванов — Иваново, Пушкин — Пушкино*. Об активности процесса варьирования склоняемых —

¹ Пушкин А. С. Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 6 : Статьи и заметки. 1824–1836. М., 1962. С. 346.

² Там же. С. 347.

несклоняемых форм таких имен собственных свидетельствуют примеры из газет, журналов, художественных произведений; ср.: *Мы готовились к Белой Олимпиаде в Сараево — Репортажи из Сараева; Нужно продлить до Белкино маршрут городского автобуса — Спать в Богатове ложатся рано* (В. Лидин). В то же время у русских классиков мы находим только склоняемые формы: *в селе Горюхино* (А. Пушкин); *В деревню Дюевку* (А. Чехов); *В Ястребине завтра ярмарка* (И. Бунин).

Учитывая динамику и активность процесса закрепления в речи топонимов на -о в неизменяемой форме, практическая стилистика санкционирует такое их употребление в разговорной речи и в специальной литературе. В то же время несклоняемые формы не рекомендуются для строгого литературного употребления. Однако если наименование на -о заключено в кавычки, то в письменной речи оно должно употребляться без изменения: *Территория инновационного центра «Сколково» вошла в состав Москвы*. Стилистически оправдано употребление в начальной форме нерусских малоизвестных географических наименований, что позволяет исключить разночтения: *Асуль, Дырях, Багио, Варгаши, Карагайлы, Маазик, Леншу, Неверли, Нецедро*.

Варианты склоняемых — несклоняемых имен существительных в русском языке появляются и при употреблении аббревиатур. В момент освоения их языком (когда новое слово, образованное путем сложения начальных звуков или букв сложного наименования, сохраняет еще оттенок свежести) инициальные аббревиатуры, как правило, не склоняются. Так, известное специалистам с 1930-х гг. слово БАМ вначале не склонялось: *Транссибирская железная дорога будет соединяться с БАМ тремя линиями*. Однако со временем многие аббревиатуры уподобляются обычным существительным и начинают изменяться по падежам: *Строительство второй ветки БАМа будет продолжено*.

Стилистический интерес представляют аббревиатуры, которые употребляются двояко — в разговорной речи склоняются: *Она работает в МИДе*, а в книжных стилях используются как неизменяемые: *Официальный представитель МИД России провел брифинг*. Склоняемые варианты подобных аббревиатур имеют разговорную окраску в отличие от книжных, неизменяемых; ср.: *работает в ТАССе — по заявлению ТАСС*. Однако норма остается жесткой в отношении аббревиатур с гласными на конце (типа *ГЛИ, МГИМО*) и тех, которые произносятся по названиям букв: *СНГ, ЖКХ* (жилищно-коммунальное хозяйство), *РКЦ* (расчетно-кассовый центр), *ТСЖ* (товарищество собственников жилья) — их склонение недопустимо.

Особого комментария требует нарушение норм склонения в художественной речи. У писателей прошлого можно встретить устаревшие падежные окончания: *Я должен у вдове, у докторше, крестить* (А. Грибоедов), а также такие, по которым можно судить об отсутствии строгой регламентации в употреблении тех или иных имен существительных (чаще заимствованных): *На бюре, выложенном перламутною мозаикой... лежало множество всякой всячины* (Н. Гоголь).

От подобных случаев непреднамеренного отклонения от нормы следует отличать сознательное употребление писателями нелитературных падеж-

ных форм с определенной стилистической целью. Так, художники слова стремятся воспроизвести неправильности в речи героев, предпочитающих просторечие: [Фамусов] *Да не в мадаме сила* (А. Грибоедов); отразить ее профессиональные особенности: *Малайцы... предлагали свои услуги как лоцмань* (И. Гончаров); *Если в лекаря противно, или бы в министры* (А. Чехов). Чем грубее нарушение нормы в таких случаях, тем ярче экспрессивная окраска просторечных окончаний:

Кондуктора кричали свежими голосами: «Местов нет!» (И. Ильф и Е. Петров);
В деревне без рукомесла нельзя, рукам махать и речи говорить — трибунов
на всех не наберешься! (В. Астафьев); Никого в деревне не стало, там, в городе,
и женюсь (В. Белов).

Склонение неизменяемых заимствованных слов придает речи комическое звучание; см., например, у В. В. Маяковского:

(1) Поевши, душу веселя,
они одной ногой
разделявали вензеля,
увлечены тангой;

(2) Прочли:
— «Пуанкаре терпит фиаско». —
Задумались.
Что это за «фиаска» за такая?..
с «фиаской» остро держи ухо...

Вообще в сатирических произведениях В. В. Маяковского склонение иноязычных имен собственных было изысканным приемом юмора: *король Луи XIV, Пуанкарей* (родительный падеж множественного числа) и др.

Таким образом, отклонения от литературно-языковой нормы могут быть вполне оправданы в художественных произведениях; экспрессивные возможности вариантных окончаний и другие морфологические ресурсы языка вызывают обоснованный интерес писателей и стилистов. Однако при употреблении имен существительных встречаются и всевозможные речевые ошибки.

Например, неправильно употребляются варианты форм падежных окончаний имен существительных: *Авторы пишут о неоплатном долгу каждого перед матерью* (следовало: *долге*); *Мать выпекает хлеба* (следовало: *хлебы*, так как имеется в виду печеный хлеб, а не злаки). Стилистически неоправданным может быть предпочтение форм женского рода личных имен существительных, получающих разговорно-просторечную окраску: *Выступила лауреатка второй премии Миццуко Ухидо*. Однако в иных случаях покажется немотивированной форма мужского рода личных имен существительных, получивших широкое распространение в женском роде: *Материалы о первых женщинах-ударниках* (следовало: *ударницах*). В специальном тексте не следует употреблять формы рода существительных-терминов, отличающиеся от закрепившихся в данном значении в книжном стиле: *Омертвление участка того или иного органа в результате закупорки или спазма кровеносных сосудов* (следует: *спазма* — в специальном значении это слово мужского рода). Без специального стилистического задания нельзя заменять соответствующие норме формы рода и числа просторечными вариантами: *Набив мешок отборной шишкой, Потапов сбросил его*

с вершины могучей **кедры** (следовало: *(отборными)* шишками (множественного числа), *кедра* (мужского рода)).

Анализируя при редактировании употребление грамматических категорий имен существительных, необходимо устранять речевые ошибки в выборе форм рода. Приведем примеры такой стилистической правки:

1. Муж-офицер предложил жене: иди контракником в армию; женщины-контрактники хоть как-то помогают заполнить брешь в штатном расписании.	1. <...> предложил жене: иди в армию служить по контракту ; женщины-контрактницы хоть как-то помогают...
2. Остудите подстакана бульона и разведите в нем столовую ложку желатинны .	2. <...> разведите в нем столовую ложку желатина .
3. Никогниго явилось неожиданно.	3. Никогниго явился (явилась) неожиданно.

Труднее заметить ошибки в выборе форм числа, однако устранение их не требует особых редакторских усилий:

1. Способность человека, несомненно, является одной из ступеней на пути к успеху и счастью. Необходимы также целеустремленность, трудолюбие, терпение, умение распределять силы в пути, не упуская представляющейся возможности , каждая из которых может быть единственной.	1. Способности человека, несомненно, являются одной из ступеней на пути к успеху и счастью. Необходимы также целеустремленность, трудолюбие, терпение, умение распределять силы в пути, не упуская представляющихся возможностей , каждая из которых может быть единственной.
2. Преклоняюсь перед мужеством наших ученых, которые сделали лучший в мире самолет Су-27 и МИГ-29. Ни одно государство больше не обладает машинами такого класса, как эти самолеты, выполняющие сложнейшие фигуры высшего пилотажа — кобру и колокол. Мастерству наших летчиков, техническому уровню наших самолетов отдали должное участники авиасалона в Ле-Бурже и Фарнборо, Снэтле и Мельбурне. В скором времени авиация пополнится новыми боевыми самолетами Су-27 ИБ, которые уже проходят летные испытания.	2. Преклоняюсь перед мужеством наших ученых, которые сделали лучшие в мире самолеты Су-27 и МИГ-29. <...> Мастерству наших летчиков, техническому уровню наших самолетов отдали должное участники авиасалонов в Ле-Бурже и Фарнборо, Снэтле и Мельбурне. В настоящее время летные испытания проходит новый боевой самолет Су-27 ИБ. В скором времени авиация пополнится самолетами этой марки.

При стилистической правке особое внимание необходимо обращать на ошибки в употреблении вариантных окончаний имен существительных, исключая просторечные и разговорные формы:

В музее хранятся древние иконы и хоругви, воинские медальоны и иконостасы. Взирающие на нас с икон **образа** Спаса Нерукотворного и Архангела Михаила всегда были для русских воинов воплощением победы (правка: **образы**). В свете **свеч** (следует: **свечей**) икона предстает перед верующими живым источником духовных сил;

Возможность использования Северного Ледовитого океана для ведения военных действий подводными силами имела огромное значение. Во-первых, арктические льды обеспечивали скрытность передвижения лодок; во-вторых, на льде (следует: на льду) невозможно было разместить противолодочные средства.

Ошибки в выборе падежной формы имени существительного или в склонении встречаются значительно реже. См., например: *Корабль имел еще одно важное новшество — всплывающая антенна* (следует: всплывающую антенну); *Администрация вручила юбиляру Анатолию Борисовичу Авербах ценный подарок* (следовало мужскую фамилию поставить в дательном падеже — *Авербаху*).

3.3. Имя прилагательное. Вариантные формы

3.3.1. Стилистический потенциал имени прилагательного

В системе морфологических ресурсов русского языка имени прилагательному отводится видное место как категории, в чьей семантике доминирует понятие *качества*, которое определяет имя существительное. По количеству лексем прилагательное уступает только существительному, что выгодно отличает наш язык от языков, вовсе не имеющих имен прилагательных или весьма бедных на эту часть речи. Так, в старославянском языке, превосходившем русский язык по богатству лексических изобразительных средств, был не очень широк «круг качественных определений жизненно-бытового, гражданского и общественно-психологического характера — отвлеченных и эмоциональных»¹.

В эпоху своего становления русский национальный язык активно пополнялся именами прилагательными, впитывая красочные определения и эмоционально-оценочные эпитеты из успешного народного творчества. Качественные оценки внутреннего и внешнего мира, изощренные приемы отвлеченно-оценочного и пластического изображения свойств и признаков предметов отчасти были восприняты нашим языком из западноевропейских, особенно из французского языка, в XVIII в. Все это способствовало интенсивному развитию категории качества в русском литературном языке.

Богатая и гибкая система имен прилагательных создает разносторонние изобразительно-выразительные возможности языка, которые реализуются **эстетической функцией** этой части речи. Не менее важна **информативная функция** прилагательных, используемых для сужения объема понятия, выражаемого существительными. Это делает имя прилагательное незаменимым во всех стилях речи, когда возникает необходимость в конкретизации значения, выраженного предметным словом.

Частотность имен прилагательных в тексте в значительной мере определяется частотностью имен существительных. При именном типе речи в тексте господствуют, как правило, не только существительные, но и прилагательные. Отличительным признаком употребления прилагательных в разных функциональных стилях является преобладание относительных

¹ *Виноградов В. В. Русский язык... С. 159.*

прилагательных в научном и официально-деловом стилях, обилие качественных прилагательных в художественной речи. В этом проявляется влияние экстралингвистических факторов, обуславливающих семантикотематический отбор качественных слов в текстах разного содержания и функционально-стилевой принадлежности.

Так, обращение к относительным прилагательным в **официально-деловом стиле**, законодательных документах обусловлено необходимостью частого выражения в них отношений между лицами и государством, лицами и предметами и т.п. Здесь постоянно используются имена прилагательные *государственный, производственный, коммерческий, финансовый, хозяйственный, общественный, частный, индивидуальный* и пр. Немало прилагательных выполняет функцию терминов, а также входит в состав устойчивых словосочетаний-терминов и имен собственных (около 30%): *Содружество Независимых Государств, Государственная дума, Евразийский экономический союз, Таможенный союз* и др.

В официально-деловом стиле наиболее употребительны краткие прилагательные со значением модальности. Как правило, они указывают на долженствование или предписание: *Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия...* (Конституция РФ); *Сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание...* (Гражданский кодекс РФ). В деловых документах прилагательные этой группы составляют 75% от всех кратких форм, в то время как в научных текстах их употребление отмечается крайне редко, а в художественной речи они практически не встречаются.

В **книжных стилях**, в том числе в публицистическом, происходит специализация некоторых семантических групп имен прилагательных, которым отводится особое место в составе оценочной лексики, несущей большую экспрессивную нагрузку. Это, например, такие прилагательные, как *дремучий, разгуданный, махровый, оголтелый, обвальный* и т.п. В публицистической речи они выступают указателями наивысшей степени качества, передаваемого именами существительными, к которым относятся.

Однако было бы неверно исключать из состава прилагательных, используемых в книжных стилях, общеупотребительные лексемы, которые, как правило, представлены в любом тексте. См., например, в монографии:

Применение математических методов в психологии сопряжено с огромными трудностями прежде всего потому, что построение вероятностной модели явления — достаточно тонкая задача, требующая подчас даже больших усилий, чем последующая работа математика с такой моделью.

В **книжных стилях** имена прилагательные, выступающие в чисто информативной функции, не употребляются в переносном значении и не допускают синонимических замен в случае терминологизации:

Готовая к выпуску книга помимо авторского текста включает ряд дополнительных текстов, в силу чего появилась необходимость отличать объем литературного произведения, оплачиваемого автору, от полного объема книги. Для этого введена единица измерения — **издательский лист**. Для измерения количества бумаги, идущей на изготовление книги, служит такой показатель, как **печатный лист**.

Такое употребление имен прилагательных, исключая установку на эстетику речи и преследующее лишь практическую цель, соответствует функционально-стилевой специфике использования морфологических ресурсов языка. Потенциальные же изобразительно-выразительные возможности имени прилагательного реализуются в художественной и публицистической речи, предоставляющей в распоряжение стилистики обширный материал для наблюдений.

Стилистическое значение прилагательных как источника речевой экспрессии в художественной и отчасти в публицистической речи трудно переоценить. *Качественные слова*, как иногда называют имена прилагательные¹, — самая живописная часть речи. Не случайно писатели большое значение придают точному употреблению прилагательных-определений, усматривая в этом проявление профессионализма, мастерства. Обращение к прилагательным диктуется необходимостью в деталях обрисовать внешность героя:

Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зеленый сертук с тремя медалями на полинялых лентах (А. Пушкин).

Прилагательные участвуют в создании психологического портрета персонажа, описании его привычек, уклада жизни и т.д.:

Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к обществу, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые (А. Пушкин).

Нередко имена прилагательные характеризуют и поведение героя (хотя здесь с ними успешно конкурируют глаголы), при этом предпочтение отдается кратким формам прилагательных, берущим на себя предикативную функцию:

Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
<...>
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушно слезой!

(А. Пушкин)

В русской художественной литературе сложилась богатая традиция стилистического освоения прилагательных-эпитетов в различных описаниях, прежде всего в пейзажных зарисовках. Проиллюстрируем это примером описания лунной ночи:

¹ В истории развития русской грамматической мысли известна попытка переименовать прилагательное, назвав его «именем качественным». Подробнее об этом см.: Андреев В. Ф. Знаменательные и служебные слова в русском языке // Журнал министерства народного просвещения. 1895. № 10. С. 238–279.

Из-за гряды песчаных бугров... появилась луна, обливая море серебряным блеском. Большая, кроткая, она медленно плыла вверх по голубому своду неба, яркий блеск звезд бледнел и таял в ее ровном, мечтательном свете (М. Горький).

Господство прилагательных в системе выразительно-изобразительных средств проявляется и в том, что вовлеченные в контекст имена существительные, глаголы, наречия также нередко связаны своими значениями с понятием качества: ср.: *блеск, свет, бледнел, медленно*.

В русском языке определились своеобразные семантические ряды прилагательных, которые образуют богатую палитру красок при воссоздании картин природы. Например, *свет луны* в романтическом контексте часто рисуется с помощью таких прилагательных: *бледный, голубой, серебряный, серебристый, зеркальный, лимонный, желтый, томный, таинственный, прозрачный, загадочный*. Для описания реалистической (нередко сниженной) картины лунной ночи привлекаются иные имена прилагательные: (*луна*) *большая, огромная, круглая, рыжая, красная, кроваво-красная*, ср.: *Диск луны, огромный, кроваво-красный, поднимался за деревьями парка...* (М. Горький).

Частотность использования подобных эпитетов может привести к рождению литературных штампов, получающих негативную оценку в стилистике. Однако подлинны мастера художественной речи проявляют большую изобретательность в *соединении слов* (согласно пушкинскому определению). В свою очередь, богатство семантических групп прилагательных в русском языке создает широкие возможности для их творческого применения. Так, А. С. Пушкин мог к одному слову подобрать до 50 прилагательных-определений в разных контекстах.

В то же время отказ писателей от использования прилагательных при изображении природы в художественном тексте может стать своеобразным стилистическим приемом, демонстрирующим ироническое отношение автора к метафоричному слогу, стремление к деромантизации пейзажа. Такой прием реализован, например, в рассказе М. Горького «Месть»: *Соловьи и луна, тени, запах цветов — все это имелось налицо и в количестве гораздо большем, чем было нужно...* Читатель невольно сравнивает эту фразу с пейзажной зарисовкой, приведенной чуть ранее: *Эта река и камыш по ее берегам, а за ним темные, пышные деревья так хороши, облитые чудным, приветливым светом луны!* — и тогда отказ автора от использования прилагательных-эпитетов расценивается как выражение протеста против фальши «красивых слов».

Стилистическое значение имени прилагательного в системе выразительных ресурсов морфологии ставит его в особое положение в сравнении с другими частями речи. Умение автора найти художественное определение нередко выступает критерием хорошего слога, а потому замечания опытных писателей о стиле молодых авторов особенно часто касаются употребления прилагательных.

Пример

Так, М. Горький обратил внимание на стилистическую беспомощность одного из начинающих литераторов, «украшившего» речь прилагательными: *Бессмысленная,*

вялая какал-то, скучная смерть всяля ронным дыланием. Горький пишет: «Это очень характерная фраза для Вас. А ведь в ней, несмотря на три определения понятия "смерть", — нет ясности. Сказать "вялая смерть" и прибавить к слову "вялая" — "какая-то" — это значит подвергнуть сомнению правильность эпитета "вялая". Затем Вы добавляете — "скучная", — к чему это нагромождение?»¹

Таким образом, при использовании прилагательных важно сохранять чувство меры, не злоупотребляя эпитетами, порождающими многословие. А. П. Чехов советовал молодому Горькому: «...читая корректуру, вычеркивайте, где можно, определения... <...> Понятно, когда я пишу: "человек сел на траву"; это понятно, потому что ясно и не задерживает внимания. Наоборот, неудобопонятно и тяжеловато для мозгов, если я пишу: "высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и нудливо оглядываясь". Это не сразу укладывается в мозгу, а беллетристика должна укладываться сразу, в секунду»².

Стилистические возможности разрядов имен прилагательных — качественных, относительных, притяжательных — не одинаковы, что обусловлено самой природой этих семантических разрядов слов, которые используются в речи по-разному.

Качественные прилагательные, в которых наиболее полное выражение получают грамматические черты имени прилагательного как части речи, обладают самыми яркими экспрессивными свойствами; ведь в их семантике заключены разнообразные оценочные значения: *добрый, гордый, щедрый, громкий, сладкий, тонкий, большой, стремительный* и др. Даже неметафорическое их употребление сообщает речи выразительность, а обращение к определенным их семантическим группам придает сильную эмоциональную окраску: *Милая, старая, добрая, нежная!* / *С грустными думами ты не дружись...* (С. Есенин). Употребление качественных прилагательных в переносном значении усиливает их образную энергию.

Важно отметить, что экспрессивная яркость метафорического переосмысления качественных имен прилагательных находится в обратной зависимости от частности тех или иных переносов значения. Так, многократно повторяющиеся эпитеты хотя и сохраняют элемент изобразительности, но, утратив свежесть, не выделяются как образные определения в привычной речевой ситуации: *горькая правда, теплый прием, светлый ум*. Единичные же, редкостные определения поражают наше воображение: *задумчивых почей прозрачный сумрак; блеск безлунный* (А. Пушкин). Выразительность эпитетов может быть усилена тем, что в них бывают «спрятаны» различные тропы — олицетворения: *Утра луч / Из-за усталых, бледных туч / Блеснул над тихою столицей* (А. Пушкин); метонимия: *белый запах нарциссов* (Л. Толстой); гиперболы: *смертельная тоска, сногшибательный успех*. Изобразительность прилагательных могут подчеркнуть сравнения: *как лань лесная, боязлива; румян, как вербный херувим* (А. Пушкин). Источником экспрессии качественных прилагательных иногда становится их окка-

¹ Русские писатели о языке... С. 696.

² Чехов А. П. Письмо Пешкову А. М. (Горькому М.). 3 сентября 1899 г. Ялта // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1974—1983. Т. 8 : Письма. 1899. М., 1980. С. 258—259.

эпональное словообразование: *широкошумные дубравы* (А. Пушкин); *лазорево-синесквозное небо, рука миллионопалая* (В. Маяковский); *Молчалиных тихоньствующих сонм* (Е. Евтушенко).

Разнообразные оттенки оценочных значений качественных имен прилагательных передаются присущими только им формами субъективной оценки, указывающими на степень проявления признака без сравнения предметов: *беловатый, злощип, здоровенный, прехитрый, разудалый*. В таких прилагательных значение меры качества обычно взаимодействует с различными экспрессивными оттенками субъективной оценки. В иных случаях эти прилагательные подчеркивают своеобразие авторского стиля: *Блондинистый, почти белесый...* (С. Есенин); *Мы найдем себе другую в разызысканной жакетке* (В. Маяковский).

Относительные прилагательные, выступающие в своем основном, необразном значении, употребляются во всех стилях речи прежде всего в информативной функции: *каменный дом, городская улица, железная руда*. Однако прилагательные именно этого разряда обладают наибольшими возможностями для образования переносно-метафорических значений, поскольку и в относительных прилагательных заложен оттенок качественности, который в определенном контексте всегда может проявиться, придавая им изобразительность; ср.: *воздушное течение — воздушный пирог, земной шар — земные помыслы, стальное перо — стальные мускулы*. Появление переносно-метафорических значений у относительных прилагательных, как правило, связано с их перемещением из одной смысловой сферы в другую.

Определение понятия

В. В. Виноградов подчеркивал, что развитие у относительных прилагательных качественных значений обусловлено семантикой имен существительных, послуживших для них мотивирующей основой, поскольку «то, что в производном прилагательном кристаллизуется как отдельное значение, в соответствующем существительном еще брезжит как своеобразный метафорический ореол слова, как намечающееся переносное значение»¹. Например, образное значение прилагательного *мраморный* ('белый и гладкий как мрамор' — *мраморное чело*) в соответствующем существительном обнаруживается в очень ограниченном контексте: *мрамор чела*. Однако для прилагательного появление качественного оттенка, возникающего в результате метафоризации, вполне закономерно: *мраморная кожа (белизна, бледность, холодность, строгость, невоодушевленность* и т.д.). Это свидетельствует о стилистической гибкости имени прилагательного, для которого метафоризация является постоянно сопутствующим признаком.

Переход относительных прилагательных в качественные создает огромный резерв для пополнения стилистических ресурсов языка. Не будет преувеличением утверждать, что именно относительные прилагательные создают неисчерпаемые экспрессивные возможности данной части речи. Кроме того, следует учесть, что в количественном отношении господствует как раз этот разряд имен прилагательных: состав качественных сравни-

¹ Виноградов В. В. Русский язык... С. 161.

тельно ограничен, относительные же легко образуются едва ли не от каждого существительного, и состав их постоянно пополняется.

Притяжательные прилагательные в современном русском языке занимают особое место. Обозначая принадлежность предмета лицу или животному, они «лишены оттенка качественности, и сама прилагательность их условия»¹, что подчеркивает и грамматическая их исключительность: отсутствие степеней сравнения, форм, означающих степени качества, субъективную оценку; от этих прилагательных не образуются наречия. Притяжательные прилагательные выделяют и своеобразная система склонения, которая в настоящее время значительно расширилась. Так, разговорными формами вытесняются книжные: вместо *от бабушкина дома* говорят *от бабушкиного дома*; архаизирующиеся формы замещаются синонимическими конструкциями: не *отцов костюм*, а *костюм отца*, не *учителево пальто*, а *пальто учителя*, не *материн платок*, а *платок матери*. Все это дает основание утверждать, что судьба притяжательных прилагательных лишена перспективы в русском языке. В количественном отношении их группа немногочисленна (около 200 слов) и почти не пополняется.

Необычность притяжательных прилагательных требует особого стилистического подхода: употребление их в речи должно быть мотивировано. Однако в стилистической оценке этих слов мнения лингвистов расходятся.

Определение понятия

Грамматисты уже давно отмечали «ветхость», «угасание» притяжательных прилагательных. Так, А. А. Шахматов называл их *бесперспективными*; а В. В. Виноградов пишет: «...совершенно очевидна хлещность группы нечленных притяжательных на *-ов*, *-ин*», «совсем вымирают нечленные формы родительного и дательного падежей мужско-среднего рода у слов с суффиксами *-ов* и *-ин*»². В то же время часто можно встретить утверждение, что притяжательные прилагательные характерны для разговорного языка. Однако с этим нельзя согласиться, ведь именно в разговорной речи прежде всего избегают употребления таких определений, как *учителяв*, *сестрицын*. Некоторые притяжательные прилагательные используются лишь в составе фразеологизмов (например: *соломоново решение*, *танталовы муки*), которые носят, однако, книжный характер.

Писатели прошлого обычно употребляли притяжательные прилагательные как обычные литературные формы, без особого стилистического задания: *Закралась грусть в красавицыну грудь* (И. Крылов); *Из хозяйкина кармана было тут тысячи три* (Н. Чернышевский). Для современного читателя такие прилагательные стали своеобразными временными «указателями», отделяющими нас от изображаемой в произведении эпохи. В художественной литературе обращение к притяжательным прилагательным без особого стилистического задания также достаточно редкое явление:

Неужто **отцовы** слова так тяжко слушать? (М. Горький); Старуха... глянула прямо в **сыново** лицо (Л. Сейфуллина); Только с **Евграфовым** чутьем можно было выбрать... настоящее **сусликово** жилье (К. Федин); Он уже оплывал, все глубже уходя в **тестеву** коммерцию (Л. Леонов).

¹ Виноградов В. В. Русский язык... С. 165.

² Там же. С. 168, 170.

Однако уже В. В. Маяковский искал в этой категории экспрессивные краски; он ценил неограниченные возможности словообразовательных моделей притяжательных прилагательных, изобретая окказионализмы: *шестидюймовка Авророва, чахоткины плевки* и др.

Наиболее устойчивой традицией стилистического использования притяжательных прилагательных является стилизация, при этом они придают речи фольклорный оттенок: *На то есть воля батюшкина, чтобы я шла замуж* (А. Островский); *По щучью веленью / Все тебе готово* (А. Кольцов).

В художественную литературу уже в XIX в. стали проникать разговорные формы притяжательных прилагательных, вытесняющие в живой речи архаизирующиеся формы косвенных надежд: *возле матушкиного кресла* (И. Тургенев); *Все верил маменькиному усмотрению* (М. Салтыков-Щедрин); *Три версты отделял церковь от тетушкиного дома* (Л. Толстой). Но если для писателей прошлого подобное словообразование отражало влияние разговорной речи, то у более поздних авторов такие формы уже стилистически не мотивированы: *город папиного детства* (В. Катаев); *Дело касалось тайны, которую Арсений Романович доверил Алешиному отцу* (К. Федин). В современном русском языке чаще всего используются притяжательные прилагательные, изменившие косвенные надежи по образцу полных имен прилагательных, образованные от имен собственных: *к Машиному дому, Ванюного друга*. Именно они в нечленной форме родительного и дательного надежд теперь кажутся весьма устаревшими (вряд ли кто сейчас скажет: *привет от Машина мужа!*).

Притяжательные прилагательные на *-ий, -ья, -ье, -ин*, совмещающие в своей семантической структуре значение единичной принадлежности — *лисья морда* и собственно относительное значение — *лисья шуба*, могут развивать и качественные значения: *лисья хитрость*. Выступая в роли качественных, такие имена прилагательные обладают сильной экспрессивной окраской, обусловленной переносом значения: *медвежья услуга, волчий аппетит, собачий холод, куриные мозги, девичья память*. Их употребление ограничено из-за сниженной стилистической окраски.

Грамматические формы рода, числа, падежа имени прилагательного в отличие от форм имени существительного обычно не получают дополнительных лексических значений, выражая лишь общее значение согласуемого признака, а потому они не представляют стилистического интереса. Однако при субстантивации прилагательных их грамматические формы преобразуются.

Интерес представляет неполная субстантивация, при которой слово может употребляться двояко — и как прилагательное, и как существительное: *Рассказать про старое, про бывалое*. В этом случае наиболее продуктивны формы среднего рода, приспособленные для выражения отвлеченных понятий. Среди них немало экспрессивных прилагательных, по своей семантике тяготеющих к эмоциональной речи, что позволяет вводить их в поэзию: *Несказанное, синее, нежное... / Тих мой край после бурь, после гроз...* (С. Есенин). Некоторые из таких форм типичны для книжных стилей: *общее, частное, личное, общественное, конкретное, непредсказуемое*.

Употребление имен прилагательных в значении существительных добавляет к их лексическому наполнению предметность и образность, а форма среднего рода придает оттенок отвлеченности, нередко создающей впечатление чего-то неуловимого, не вполне осознанного: *И повеяло степным, луговым, цветным* (журн.). Субстантивированные прилагательные в формах мужского и женского рода обретают большую наглядность, конкретность; в этих формах обычно достигается полная субстантивация прилагательных:

Когда для **смертного** умолкнет шумный день...

(А. Пушкин);

Сочинена такая сказка? — я уверен,

Что проповедники об рае и об аде

Не верят ни в награды рая,

Ни в тяжкие мученья **преисподней**.

(М. Лермонтов)

Формы степеней сравнения имени прилагательного несут в себе значительные выразительные возможности. Сама природа их как грамматической категории, указывающей на более (или менее) интенсивное проявление качественного значения, делает их экспрессивными:

Можно краше быть Мери,

Краше Мери моей,

Этой маленькой пери;

Но нельзя быть милей...

(А. Пушкин);

Молчалин прежде был так глуп!..

Жалчайшее создание!

(А. Грибоедов)

Различные способы грамматического выражения степеней сравнения усиливают их экспрессивные возможности. Писатели и публицисты используют различные сочетания форм степеней сравнения прилагательных, создающие гиперболизм при указании на преобладание того или иного признака: *Дороги хуже худшего* (А. Чехов); ср.: *лучший из лучших, яснее ясного, проще простого*.

Подчеркнуто экспрессивный характер имеет **элатив** (лат. *elatus* — 'поднятый, возвышенный'), представляющий собой разновидность превосходной степени в простой форме, указывающую на большую меру качества без сравнения: *милейший человек, добрейшая душа, обыкновеннейший случай*. Многие прилагательные в форме элатива активно используются в книжных стилях: *новейшие достижения, благороднейшая цель, наилучший результат*; некоторые из них фразеологизировались: *кратчайший путь, теснейшим образом, низжайший поклон*; иные закрепились как термины: *новейшая история, высшая математика*. Синтетическая форма превосходной степени в ее обычном — **суперлативном** значении в современном русском языке нередко выглядит как устаревшая; мы воспринимаем как архаизм, например, такую конструкцию: *Он был... достойнейший человек, наилучший из всех, которых мне встречать удавалось* (Ф. Достоевский).

Легко определить функционально-стилевое закрепление простых и сложных форм сравнительной и превосходной степеней прилагательных:

Форма степеней сравнения	Стили речи		
	Книжный	Общепотребительный	Разговорный
Сравнительная	<i>более (менее) трудный</i>	<i>труднее</i>	<i>потруднее</i>
Превосходная	<i>труднейший, нитруднейший, наиболее (наименее) трудный</i>	<i>самый трудный, труднее всех</i>	

Однако книжная окраска сложной формы сравнительной степени недостаточно устойчива. При отсутствии формы простой сравнительной степени у того или иного прилагательного сложная степень становится универсальной и употребляется без стилистических ограничений. Она используется вместо простой и при существительных в косвенных падежах: ср.: *занят более важной работой* — нельзя сказать *работой важнее*, возможна лишь разговорная форма — *работой поважнее*. В редких случаях писатели нарушают эту закономерность: *Я не встречал человека находчивей, чем наш водитель* (Л. Леонов) — подобное сочетание становится возможным только в том случае, если прилагательное следует за существительным. В конструкциях с предлогом аналитические формы сравнительной степени оказываются единственно приемлемыми: *в более трудных случаях, с менее удачным результатом, от более осведомленного лица* и т.п.

При употреблении форм сравнительной и превосходной степеней прилагательных могут быть отклонения от литературной нормы. Так, просторечную окраску имеют плеонастические сочетания сравнительной степени **более лучший, *более худший, *менее предпочтительнее*, а также превосходной степени — **самый сладчайший, *наиболее выгоднейший*. «Гибридные» формы превосходной степени довольно часто употреблялись писателями прошлого: {княгиня Ольга} *давала уставы, самые простые и самые нужнейшие* (Н. Карамзин); *по самой выгоднейшей цене* (Н. Гоголь); *...считаю... самым сквернейшим поступком* (Ф. Достоевский). Против такого употребления протестовали их современники-грамматисты; например, Н. И. Греч писал: «Нельзя говорить *самый сладчайший*»¹. Однако языковая практика с этим не считалась. Теперь мы воспринимаем подобные сочетания как грамматические архаизмы, хотя некоторые «осколки» прежних плеонастических сочетаний превосходной степени остались в современном языке: *самый ближайший путь, самая кратчайшая дорога, самым теснейшим образом*, а их употребление не вызывает негативной оценки.

В современной речевой практике используются и некодифицированные формы простой сравнительной степени имен прилагательных. Одни из них даются в словарях с пометой *разг.*, например: *ловчее* при общепотребительной форме *ловче*; другие носят просторечный характер: *бойчее, звончее, слаже*; третьи представляются резко сниженными: *красивше*. Писа-

¹ Греч Н. И. Чтения о русском языке. СПб., 1840. Ч. 2. С. 210.

тели могут использовать их как характерологическое средство, например для создания комического эффекта:

Сошлись и погуляли,
и хмурит Жан лицо, —
нашел он, что у Ляли
красивше бельецо.

(В. Маяковский)

У художников слова можно встретить окказиональные формы степеней сравнения, выделяющиеся нагромождением аффиксов для выражения высшей степени качества, создающие предельное экспрессивное напряжение оценок: *человек простроумнейший* (М. Салтыков-Щедрин); *будь он распрофидиасовский Аполлон* (Ф. Достоевский); *распропауглавный* (В. Маяковский).

В художественной речи употребляются и необычные формы простой сравнительной степени, образованные от относительных прилагательных: *Она была еще мертвей, / Еще для сердца безнадежней* (М. Лермонтов); *Всё каменней ступени, / Всё круче, круче всход* (В. Брюсов). Подобное образование степеней сравнения связано с метафоризацией прилагательного, которое в контексте из относительного превращается в качественное, получая новый заряд экспрессии. И чем меньше оснований для сближения с качественным того прилагательного, которое подвергается переосмыслению, тем ярче стилистический эффект. Это оценили юмористы, создающие такие окказионализмы в комическом контексте: *Разведи там... какую-нибудь мантифолию поцицеронистей, а уж какое спасибо получишь!* (А. Чехов).

Краткие формы имен прилагательных также представляют значительный стилистический интерес. Сама их грамматическая природа уже предопределяет большую экспрессию в сравнении с полными прилагательными. Ведь краткие формы называют не постоянный, пассивный признак как отвлеченную категорию, а признак переменный, конкретный, развивающийся во времени: *веселый человек — весел я*. В ряде конструкций, в которых подчеркивается интенсивное проявление признака во времени, используются только краткие формы: *Будь здоров!*; *Будь счастлив!* и т.п. С наречиями, усиливающими проявление качества, также употребляются краткие прилагательные: *Как прекрасен этот мир!*

Обычная грамматическая роль кратких прилагательных — быть **именной частью составного именного сказуемого** — как бы уравнивает их в стилистическом отношении с полными формами, выступающими в этой роли. Для некоторых прилагательных можно даже отметить стилистическую нейтральность в синонимических конструкциях: *небо чистое — небо чисто, мальчик талантливый — мальчик талантлив, он неопытный — он неопытен, она болтливая — она болтлива*. Однако такая инертность кратких форм проявляется лишь при их абсолютной лексической соотносительности с полными прилагательными, что наблюдается сравнительно редко. В иных случаях происходит стилистическая специализация кратких прилагательных, обусловленная особенностями их функционирования в речи.

Экспрессия кратких прилагательных проявляется, если они выступают в качестве обособленных определений, получающих в контексте особо важное значение: *Она лежит, раскинув города, / Вся в черных обручах меридианов, / Непобедима, широка, горда* (К. Симонов), а также в качестве присвязочного члена в сложном сказуемом: *Как исполни в ночном тумане / Встал новый год, суров и слеп* (В. Брюсов).

Экспрессивно окрашены и некодифицированные формы кратких прилагательных: *Как хорошо показалось небо, как голубо, спокойно и глубоко* (Л. Толстой); краткие формы, образованные от прилагательных относительных, получающих при этом качественное значение: *Дневной воздух меден* (Л. Мартынов); *Физиономии стали важны, кукольны и надменны* (Л. Леопов). Такие необычные формы прилагательных в публицистическом стиле часто даются в кавычках, что служит дополнительным (графическим) средством их выделения: *Также «дневниковы» и доверительны стихи о творчестве, долге художника* (газ.).

Определение понятия

Грамматисты обращают внимание на книжный характер кратких прилагательных: «Краткая форма в ее исключительно предикативном значении есть явление чисто литературное. Это придает краткой форме оттенок большей книжности, отвлеченности, сухости, иногда категоричности, чем это свойственно полной форме»¹. Краткие формы прилагательных в речи употребляются реже полных. Так, *Он добрый* говорится чаще, чем *Он добр*; *Он весь красный* звучит гораздо лучше, чем *Он весь красен*; в свою очередь, это ведет к дальнейшему стилистическому обособлению кратких форм².

Следует учитывать определенную традицию использования кратких и полных форм отдельных прилагательных в речи. Некоторые из них утратили лексическую соотносительность: ср.: *живой взгляд — Ты жива еще, моя старушка?* (С. Есенин); *плохой конец — Стара я стала и совсем плоха* (С. Есенин). При сопоставлении в художественной речи обычно употребляются краткие прилагательные: *Ты богат, я очень беден; Ты румян как маков цвет, / Я как смерть и тощ и бледен* (А. Пушкин). В конструкциях со словами *у меня, у вас*, используемых в разговорном стиле, преобладают полные формы: *Он у нас смиренный; Она у вас непослушная*.

Краткие прилагательные могут указывать на относительный признак: *Велика у стула ножка: подпилю ее немножко* (С. Маршак), на временное состояние: *Как взор его был быстр и нежен, / Стыдлив и дерзок...* (А. Пушкин), хотя в контексте эти оттенки значения могут и не проявляться, ср.: *Широка страна моя родная* (В. Лебедев-Кумач); *Велика Россия, а отступать некуда...* (А. Кривицкий).

Краткие прилагательные могут управлять именами существительными: *согласен с тобой; велик костюм для моего сына; фильм интересен всем* (ср. *для маленьких детей*). Употребление в подобных конструкциях полных прилагательных исключается или резко снижает стиль: *Ты способный*

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 225–226.

² Виноградов В. В. Русский язык... С. 221.

к работе, через год, два — будешь пекарем (М. Горький); *Прошу допустить меня до новой жизни, так как я с ней вполне согласный* (М. Шолохов). В книжных стилях подобная замена кратких прилагательных полными недопустима.

Если в роли именной части сказуемого выступает прилагательное без управляемых слов, то краткой форме синонимична полная в творительном падеже: *Чем могу быть вам полезен?* — *...вам полезным?*; *Он оказался очень наивен* — *...очень наивным*. Как указывает Д. Э. Розенталь, в современном языке преобладает второй вариант, однако при глаголе-связке *быть* чаще встречается конструкция с краткой формой¹; ср.: *Он был молод* — *Он был молодым*, *Она была красива* — *Она была красивой*.

При однородных сказуемых их именная часть может быть выражена только одинаковыми формами — краткой или полной. В случае их неидентичности нарушается норма: *Год был дождливый и неблагоприятен для картофеля*.

От кратких прилагательных следует отличать **усеченные формы**, которые широко использовались поэтами XIX в.: *О страд! о грозны времена!*; *Давнишни толки стариков* (А. Пушкин). Будучи короче полных прилагательных на один слог, усеченные формы могли их заменять, если того требовал размер стиха. В отличие от кратких форм, которые можно образовывать только от качественных прилагательных, усеченные легко образуются и от прилагательных относительных: *вакхальны припевы* (А. Пушкин); *Из сердца камня потек бы слез ручей* (К. Батюшков), и даже от причастий: *подъяв дрожащи длани* (К. Батюшков). Усеченные формы имеют ударение на том же слоге, что и полные: *руки бѣлы, черна тень*; *О вы, которых трепетали / Европы сѣльны племена* (А. Пушкин). Они употребляются в косвенных падежах и в предложении выступают в роли согласованного определения:

Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день, —
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
(К. Батюшков)

В пушкинскую эпоху усеченные формы употреблялись не только на правах поэтической вольности, но и как стилистическое средство создания патетического звучания речи: *Мой друг! я видел море зла / <...> / Войну и гибельны пожары* (К. Батюшков); *Бессмертны вы вовек, о росски исполны!* (А. Пушкин), а в иных случаях и при народничестве высокого слога, как, например, в «Видении на берегах Леты» К. Н. Батюшкова: *Их мысль на небеса вперенна; Стихи их хоть немного жѣстки, / Но истинно варягоски*. О стилистически осознанном привлечении усеченных прилагательных в подобных случаях свидетельствуют примеры авторедактирования — зачеркивая полное прилагательное, автор предпочитает ему усеченное:

¹ См.: Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1997. С. 220.

И ты, о, вечный Тибр, поитель всех племен,
 Засеянный костями граждан вселенны — — первоначально: *вселенной*
 Вас, вас приветствует из сих унылых стен
 Безвременной кончине обреченной!
 (К. Батюшков)

Для поэтов более позднего времени стилистическая роль усеченных прилагательных свелась к стилизации речи в произведениях народно-поэтического склада, например у М. Ю. Лермонтова: *Опусти головушку на широку грудь*. Отголоски этой традиции до сих пор удерживаются в сочетаниях, получивших устойчивый характер: *мать — сыра земля, красна девица, добра молодца, ворона коня, во чисто поле* и др.

Снижение интереса к усеченным формам имен прилагательных и восприятие их как устаревших, возможно, влияет и на стилистическую оценку кратких прилагательных как книжных, менее употребительных.

Вариантные формы в системе склонения имени прилагательного единичны, причем значительная архаичность практически исключает возможность их использования современными авторами. Однако в произведениях писателей XIX в. эти архаизмы еще играли стилистическую роль. Так, у А. С. Пушкина встречаем: *Под скипетром великия жены; Жало мудрыя змеи* — окончания родительного падежа единственного числа женского рода *-ия, -ья* уже и в пушкинскую эпоху оценивались как устаревшие, но уместные в «высокой» речи. В современном русском языке стилистическое значение этих флексий утрачено. Другие отличные от современных окончания имен прилагательных, архаизовавшиеся значительно позже и употреблявшиеся в художественной речи XIX в. вне стилистического задания, воспринимаются как характерная черта грамматики языка русской классической литературы:

Не пой, красавица, при мне
 Ты песен Грузии печальной:
 Напоминают мне оне
 Другую жизнь и берег дальный.
 (А. Пушкин)

В системе грамматических форм имени прилагательного есть варианты с книжной, разговорной или просторечной стилистической окраской:

Книжные формы	Общепотребительные формы	Просторечные формы
<i>более, боле</i> (устар.)	<i>больше</i>	—
<i>менее</i>	<i>меньше</i>	—
<i>далее, дале</i> (устар.)	<i>дальше</i>	—
—	<i>бойче</i>	<i>бойчее</i>
—	<i>звонче</i>	<i>звончее</i>
—	<i>ловче</i>	<i>ловчее</i>
—	<i>длинее</i>	<i>длиньше</i>
—	<i>красивее</i>	<i>красивше</i>
—	<i>слаще</i>	<i>слажше</i>

Стилистически неравноценны также отдельные краткие формы: *остр* (нейтр.) — *остёр* (разг.); *полн* (книжн.) — *полоп* (нейтр.). Наибольшей экспрессией отличаются просторечные и грубопросторечные грамматические формы прилагательных, которые привлекают юмористов: *панорама покрасивше*.

Резко сниженный и теперь уже архаический оттенок имеют простонародные формы имен прилагательных в превосходной степени типа *слабнеющий*, испытывавшие в словообразовании влияние причастий: *картошки важнеющие*; *первоещее дело*. Их можно встретить у писателей прошлого как средство речевой характеристики.

3.3.2. Синонимия имен прилагательных и существительных в косвенных падежах

Стилистические возможности русского языка в выражении различных оттенков качественной характеристики предметов расширяются благодаря использованию наряду с именами прилагательными косвенных падежей имен существительных с предлогами и без предлогов, также выполняющих роль определений. Ср. синонимические конструкции: *московские вокзалы — вокзалы Москвы*, *морское дно — дно моря*, *горный аул — аул в горах*, *годовой план — план на год*, *студенческий вечер — вечер для студентов*, *экзаменационные билеты — билеты для экзаменов*. Эти конструкции совпадают по значению и потому взаимозаменяемы, хотя в стилистическом отношении они имеют некоторые отличия: имена прилагательные, всегда заключающие в себе качественную характеристику предмета, указывают на устойчивый признак, а косвенный падеж имени существительного указывает лишь на отношения между двумя предметами, которые могут носить и временный характер.

Конструкции с именами существительными в косвенных падежах, синонимичные конструкциям с именами прилагательными, обладают более значительным потенциалом экспрессии. Сочетание двух существительных вызывает отчетливое представление о двух предметах и тем самым создает условия для большей изобразительности: *благообразный, щеголевато одетый, с тонкими пальцами музыканта* (М. Горький) (ср.: *с тонкими музыкальными пальцами*); *рыжий, плешивый, скуластый человек с большим животом... с огромным ртом и зубами лошади* (М. Горький) (ср.: *с лошадиными зубами*). Замена прилагательного родительным падежом существительного создает яркий образ, вызывая у читателя представление о предмете со всеми его особенностями.

Конструкции с косвенными падежами существительных имеют еще и то преимущество, что в них возможна более полная и точная характеристика предмета при помощи определяющих прилагательных: ср.: *лисы повадки — повадки хитрой лисы*; *стол из карельской березы* (но нельзя сказать: *березовый стол*). Такую семантическую емкость конструкций с косвенными падежами имен существительных ценят писатели, создавая особенно полные характеристики описываемого предмета:

Человек большого ума, большой наблюдательности, он бездну видел, слышал, помнил... (А. Герцен); Все теми же шагами, однообразными, равномерными шагами долгих ожиданий, ходил я взад и вперед (Л. Андреев).

Яркая изобразительность подобных конструкций стимулирует происходящий в русском языке активный процесс формирования отвлеченных качественных значений у имен существительных, способных принимать на себя функции прилагательных, и живой, быстрый рост *родительного качества* или *родительного определительного* в системе имен существительных и расширение его семантических функций¹.

В книжных стилях весьма популярны словосочетания, в которых существительные в форме родительного падежа, имеющего определительное значение, употреблены с прилагательными, например: *люди доброй воли, специалист высокого класса; товары повседневного спроса, изделие высокого качества*. Замена многих из них синонимичными конструкциями нецелесообразна, а иногда и невозможна, несмотря на то, что и в числе подобных конструкций могут быть взаимозаменяемые и стилистически равноценные; ср.: *колебания высокой частоты — высокочастотные колебания*.

Однако при метафоризации вес прилагательного значительно увеличивается и тогда употребление его может придать речи большую изобразительность, чем надежная форма соответствующего имени существительного: *золотой браслет — браслет из золота* (стилистически равноценны), но: *золотое слово, золотые руки, дни золотые*. Экспрессивность метафорических определений, выраженных именами прилагательными, находит яркое применение в художественной речи:

Сказочно и непонятно это сверкание огня... невыразимо прекрасен его великолепный, едва заметный для глаза трепет, создающий в пустыне неба и океана волшебную картину **огненного города** (М. Горький); ср.: *город из огня*.

Изучение черновиков писателей позволяет говорить о предпочтении ими конструкций с прилагательными при такой синонимии. См., например, в стихотворении А. С. Пушкина «Деревня»: *Приветствую тебя, пустынный* (первоначально: *пустыни*) *уголок*.

В практической стилистике получили подробное освещение разнообразные (семантические, грамматические и стилистические) особенности синонимических конструкций прилагательных и существительных в косвенных падежах. Не углубляясь в анализ разнообразных случаев этой синонимии, отметим, что при обращении к той или иной конструкции важно учитывать как смысловые нюансы, так и стилистическую окраску отдельных сочетаний, закрепленных в книжных стилях или разговорной речи.

3.3.3. Морфолого-стилистические ошибки при употреблении имен прилагательных

Самой распространенной ошибкой при употреблении имен прилагательных является неправильное образование степеней сравнения: соединяют простую форму сравнительной степени и элемент сложной формы — слово *более* (*более лучший, более худший*). В подобном случае возникает плеонастическое сочетание, которое подлежит стилистической правке:

¹ См.: *Виноградов В. В. Русский язык... С. 158.*

Более лучший показатель характеризует финансовое положение населения в 2013 году.

Более высокий показатель характеризует. Или: Финансовое положение населения в 2013 году несколько улучшилось.

Плеонастические сочетания при употреблении прилагательных в сравнительной и превосходной степени свидетельствуют о крайне низкой культуре речи. См., например:

Бытовые условия в поселке оказались **более предпочтительнее**, чем в леспромхозе; Нет ничего **более худшего**, чем невежество; К еще **более строжайшей** экономии материалов, сырья призвал мастер цеха металлопокрытий; Ницету этого зрелища подчеркивают все более роскошные наряды и все **более ординарнейшие** украшения.

Приведем другие примеры стилистической правки ошибок в образовании степеней сравнения: *Она оказалась в **преглупейшем** положении* (следует: *в глупейшем*); *Свои? — с **наивозможнейшим** сарказмом спросил Ленька* (ср.: *с едким сарказмом*). Не оправдано и «удвоение» превосходной степени прилагательного в таком, например, предложении:

В 1551 году, во время одной из так называемых Итальянских войн между Францией и Испанией за торговлю и колониальную гегемонию, произошел **прелюбопытнейший** случай.

При редактировании можно сделать такую замену: **прелюбопытный** (*весьма любопытный, очень интересный*) случай.

Плеонастическое сочетание возникает и при соединении превосходной степени прилагательного с именем существительным предельного значения. См., например: *Из рассказа можно смело заключить, что Александр Демьянов был разведчиком **самого высокого экстра-класса*** — в подобных случаях при стилистической правке можно либо исключить имя прилагательное (*был разведчиком экстра-класса*), либо заменить имя существительное (*был разведчиком самого высокого ранга*).

При использовании имен прилагательных возможны ошибки в образовании кратких форм: *Такой призыв и в настоящее время **действенен***; *Характеру героя **свойственен** лиризм*. Эти формы кратких прилагательных архаизуются, предпочтительнее использовать слова: *действен, свойствен*.

3.4. Имя числительное. Вариантные формы

3.4.1. Стилистический потенциал имени числительного

Имя числительное как часть речи, указывающая на отвлеченные числа, количество предметов и порядок их при счете и в силу этого предназначенная для выражения точной, беспристрастной информации, находит широкое применение в книжных стилях. Прежде всего данная часть речи обслуживает сферу точных наук, хотя в текстах, насыщенных специальной информацией, выраженной на «языке цифр», числительное как таковое не представлено: в письменной форме речи для обозначения чисел используются цифры. В других книжных стилях, по преимуществу в офи-

циально-деловой речи, точная информация, связанная с привлечением значительного количества чисел, также часто получает формализованное выражение, при котором числительные заменяются цифрами. Однако этот графический способ обозначения числа и количества здесь уже не является единственным: параллельно могут быть использованы и словесные обозначения чисел, количества предметов, что открывает пути к функционально-стилевому применению имен числительных.

В силу своей семантической исключительности числительные не допускают переноса значения, а значит, и метафорического использования. Вследствие этого вопрос об экспрессивности числительных может показаться необоснованным: за ними закрепились репутация самой «сухой», лишенной каких бы то ни было эмоциональных красок части речи. Однако было бы глубоким заблуждением исключать имя числительное из состава стилистических ресурсов морфологии. В публицистическом стиле и эта часть речи может стать сильным источником речевой экспрессии при определенных условиях, в особом контексте.

Числительные, используемые в публицистике, подчас вызывают всплеск эмоций, выступая при этом в своем обычном (неметафорическом) значении. Например, может ли не затронуть чувства читателя информация о том, что Великая Отечественная война унесла *двадцать миллионов* жизней? Мы небезразличны к статистическим данным, и нас волнуют сведения об увеличении или уменьшении налогов, показатели борьбы с преступностью, данные расследований террористических актов и т.п. В этих случаях имя числительное, не утрачивая своей информативной функции, оказывается важнейшим средством усиления экспрессивности речи.

В спортивной журналистике имя числительное получает особое стилистическое значение, концентрируя информацию об «очках, голах, секундах». Однако в этом случае «настоящие» числительные представлены лишь в устной форме репортажей (передаются по радио, телевидению); тогда как в газетных материалах предпочтительнее отдается цифрам:

Оценка Туктамышевой за технику выше, чем у наших мужчин

По итогам короткой программы Елизавета Туктамышева набрала 77,62 балла. Этот результат сложился из 44,09 за технические элементы и 33,53 — за компоненты. Обе оценки являются личными рекордами фигуристки. Ее предыдущими лучшими результатами были 36,99 за технику (Кубок Варшавы-2014) и 32,34 за компоненты (чемпионат Европы-2015). Столь высокие баллы за технику в этом сезоне судьи выставили впервые. А за всю историю женского катания и техническая оценка, и сумма Туктамышевой являются третьими — больше (причем чуть-чуть) набирали только кореянка Юна Ким и японка Мао Асада.

Кроме того, 44,09 за технику в короткой программе — результат на уровне лидеров... мужского одиночного катания! Например, если брать главные турниры мужчин в этом сезоне, то в финале «Гран-При» Туктамышева по технической оценке стала бы пятой, а на чемпионате Европы — и вовсе второй, опередив всех россиян, включая Максима Ковтуна (40,27) и серебряного призера ЧЕ-2015 Сергея Воронова (41,53), и лишь два балла уступив чемпиону континента Хавьеру Фернандесу (46,09)! («Спорт-экспресс», 27 марта 2015 г.).

Особого внимания заслуживает частотность числительных в публицистической информации, рассчитанной на зрительное или слуховое вос-

приятие. Насыщение текста числительными, включение их в систему языковых средств, усиливающих действительность речи, зависит от авторской установки, жанра, размера публикации, ее стилистического воплощения. Если в короткой заметке о новом спортивном рекорде числительное является господствующей частью речи, то в очерке, интервью его оттесняют на второй план иные средства речевой экспрессии. Журналисты, пишущие о том или ином событии в живой, занимательной форме, не могут не считаться с особым положением имен числительных среди других частей речи и понимают, что перенасыщение текста цифровым материалом утомляет читателя, а потому противопоказано для экспрессивных жанров публицистики.

Особенно нежелательно злоупотребление числительными в текстах, рассчитанных на слуховое восприятие. Трудно слушать оратора, который приводит много цифровых данных, поэтому опытные лекторы выносят статистические сведения в специальные таблицы, рассчитанные на зрительное восприятие, не загромождая числительными свою речь.

В художественной речи, подверженной влиянию книжных функциональных стилей, получает отражение и характерное для них употребление имени числительного. Вместе с тем в художественном тексте наблюдается стилистически неоднозначное использование этой части речи. Здесь четко определилось два подхода к стилистическому освоению имени числительного: использование его в **информативной и экспрессивной функциях**.

Точное наименование числа, количества обусловлено содержанием произведения. Так, актуализируя информативную функцию числительных, писатель употребляет их «цитатно», привнося в художественную речь сведения, заимствованные из других стилей (научного, официально-делового). Могут воспроизводиться функционально-стилевые черты первоисточника, при этом читатель понимает, что автор использует фактические данные, извлеченные из тех или иных документов:

Полк Карпова занимал оборону на линии: высота 251 — деревня Петелино — разъезд Дубосеково. В тот день разведка донесла, что немцы готовятся к новому наступлению. В населенных пунктах Красиково, Жданово, Муровцево они сконцентрировали свыше 80 танков, два полка пехоты, шесть минометных и четыре артиллерийские батареи (из очерка А. Кривицкого).

При таком включении числительных в художественную речь читатель ощущает их иностилевую принадлежность, но подобное употребление и придает повествованию особую действительность, заставляя поверить в достоверность описываемого.

Обращение художников слова к числительным, использование их в строго информативной функции обусловлено стремлением во всем следовать правде жизни. Не случайно стилистическое освоение этой части речи стало художественным достижением в творчестве выдающихся писателей-реалистов. Л. Н. Толстой одним из первых стал широко употреблять имена числительные при описании фактов, воспроизводимых с документальной точностью:

Пройдя еще шагов триста, вы снова выходите на батарею... Здесь увидите вы, может быть, человек пять матросов... и морского офицера... <...> Офицер этот расскажет вам... про бомбардированье пятого числа, расскажет, как на его батарее только одно орудие могло действовать и из всей прислуги осталось восемь человек... покажет вам из амбразуры батареи и траншеи неприятельские, которые не дальше здесь, как в тридцати — сорока саженях.

Стилистическая активность имени числительного в художественной речи возрастает, если эта «самая точная» часть речи используется при изображении событий, не связанных с воспроизведением исторических фактов. Употребление числительных при описании поведения героев, их внешности, обстановки придает повествованию оттенок особой достоверности, создает иллюзию «настоящей жизни»:

В **десять часов** вечера Ростовы должны были заехать за фрейлиной к Таврическому саду; а между тем было **без пяти минут десять**, а еще барышни не были одеты (Л. Толстой).

Еще большую экспрессивную нагрузку получают числительные в художественном тексте, если автор вовлекает их в систему изобразительно-выразительных средств речи, придавая особое значение их актуализации.

Стилистическая активизация числительных в контексте

Рассмотрим стилистическую роль числительных в контексте на примере повести А. С. Пушкина «Никитина дама»:

Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в **пятом** часу утра. <...>

— А каков Германн! — сказал один из гостей, указывая на молодого инженера: — отроду *не брал карт в руки... а до **пяти** часов сидит с нами* и смотрит на нашу игру! <...>

— Германн немец: он расчетлив, вот и всё! — заметил Томский. — А если кто для меня непонятен, так это моя бабушка графиня Анна Федотовна. <...>

— Да что ж тут удивительного, — сказал Нарумов, — что **осьмидесятилетняя** старуха не понтирует?

— Так вы ничего про нее не знаете? <...> О, так послушайте:

Надобно знать, что бабушка моя, **лет *шестьдесят* тому назад**, ездила в Париж и была там в большой моде. <...> Однажды при дворе она проиграла на слово герцогу Орлеанскому *что-то очень много*. <...> Покойный дедушка <...> вышел из себя, принес счета, доказал ей, что в полгода они **издержали *полмиллиона***, что под Парижем нет у них ни подмосковной, ни саратовской деревни, и начисто отказался от платежа. <...>

[Бабушка] выбрала **три** карты, поставила их одну за другою: *все **три** выиграла...*

— Как! — сказал Нарумов, — у тебя есть бабушка, которая угадывает **три** карты сряду, а ты до сих пор не перенял у ней ее кабалистики?

— Да, чорта с два! — отвечал Томский: — у ней было **четверо** сыновей, в том числе и мой отец: *все **четыре** отчаянные игроки*, и ни одному не открыла она своей тайны, хоть это было бы не худо... Но вот что мне рассказывал дядя... Покойный Чаплицкий, тот самый, который умер в нищете, *промотав **миллионы***, однажды в молодости своей проиграл... *около **трех сот** тысяч*. Он был в отчаянии. Бабушка... сжалилась над Чаплицким. Она дала ему **три** карты, с тем, чтоб

он поставил их одну за другою, и взяла с него честное слово впредь уже никогда не играть. <...> Чаплицкий поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл сонника... отыгрался и остался еще в выигрыше...

Однако пора спать: уже без четверти шесть.

Употребление числительных в пушкинском тексте настолько органично, что, кажется, нет оснований говорить об их особой стилистической функции. Действительно, сочетания *в пятом часу три карты, четверо сыновей* выполняют чисто информативную функцию и не выделяются особой экспрессией. Однако в художественном контексте, где каждое слово имеет определенное эстетическое значение, они также не остаются нейтральными, хотя их художественное значение открывается не сразу.

Допадка об особом экспрессивном значении числительных в этом пушкинском тексте возникает, когда мы замечаем их необычную частотность в речи. Действительно, числительные здесь оказываются «движущей пружиной» сюжета, что подтверждается дальнейшим повествованием.

По экспрессивной насыщенности не все числительные равноценны. Экспрессивная нагрузка некоторых очевидна: *промотав миллионы, проиграл около трех сот тысяч*; иные же постепенно вовлекаются в систему выразительных средств художественной речи. Например, вначале мы не замечаем дополнительного значения первого в тексте сочетания с числительным: *в пятом часу* — однако указание на время не случайно. Точное определение времени при повторном упоминании: *до пяти часов сидит с нами!* — акцентирует внимание на числительном, подчеркивая незаурядность описываемой беседы. Тем более что числительное дается в предположении, насыщенном экспрессивными элементами: фразеологизм *отроду не брал*; противопоставление *не брал* (т.е. *не играет*), *а сидит с нами*; восклицательная интонация. На этом фоне числительное также получает оценочное значение, но окончательно его стилистическая роль проявляется в конце цитированного отрывка, где вновь указывается точное время, и мы невольно сопоставляем: *в пятом часу — уже без четверти шесть*.

Стилистически значимые числительные Пушкин как бы подчеркивает, стараясь обратить на них внимание читателя. Так, «малозаметное» число, «спрятанное» в сложной основе прилагательного — *осьмидесятилетняя старуха*, подготовило восприятие следующего: *лет шестьдесят тому назад*, а сочетание с неопределенно-количественным словом — *что-то очень много* — подводит к оценке денежной суммы: *полмиллиона*. Контекст убеждает, что за приведенными словами нет преувеличения, и это подчеркивает их экспрессию.

Числительное в сочетании *три карты*, воспринимаемое при первом употреблении как нейтральное, обретает экспрессивную окраску по мере его повторения в тексте. Актуализации этого числительного способствует субстантивация, присоединение к нему определительного местоимения: *все три выиграли*. Многократное обыгрывание этого числительного в тексте создает вокруг него особый экспрессивный ореол.

Повторение основы числительного и субстантивация его в следующем абзаце выделяют сочетание: *было четверо сыновей — все четыре отчаянные игроки*. Далее читатель, уже как бы нацеленный на стилистическое выделение числительных, в рассказе Томского как экспрессивно воспринимает наименования больших денежных сумм. Гиперболизация — *промотав миллионы*, сгущение в тексте составных числительных наглядно отражают «денежную лихорадку» обезумевших в жажде успеха игроков. Так, под пером художника «самая неэмоциональная» часть речи становится действенным средством выразительности, раскрывая свои возможности.

Стилистическое освоение имени числительного в художественной речи связано со стремлением писателей использовать все языковые средства вопреки искусственным ограничениям, требованиям «приятности», «хоро-

шего слога», «поэтичности». Не случайно умелое применение числительных отличает писателей-реалистов, выступавших за сближение литературного языка с разговорным, за демократизацию поэзии.

Стилистическое использование числительных в поэтической речи заслуживает особого внимания, поскольку «язык богов» в начальнейший период развития русской словесности представлялся многим недоступным для информации, которую передает имя числительное. Включение данной части речи в стихотворный язык было обусловлено расширением тематики русской поэзии, разработкой новых форм, обновлением образных средств. Такая демократизация поэтической речи связана прежде всего с творчеством Н. А. Некрасова. На примере его произведений проявляем стилистические свойства имени числительного в стихотворном тексте. Н. А. Некрасов с особой настойчивостью употреблял числительные, в чем некоторые литераторы видели «унижение» поэзии. Отдельные его современники сочли непозволительным «прозаизмом» указание времени в таком, например, контексте:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Несмотря на нападки критики, Некрасов не желал делать уступок условностям поэтической речи и последовательно демонстрировал возможность стилистического использования числительных наряду с другими частями речи в стихотворном тексте. Особенной «дерзостью» было употребление поэтом числительных в сатирических произведениях, вскрывающих незаконные прибыли новоявленных финансистов:

В нашем банке заседают
Пять ростовщиков,
Фортель их таков:
Меж собой распределяют
Весь наличный капитал
Из осьми... а выручают
Сорок... Подло!..

Виртуозно вставляя в стихотворные строки длинные и «неизящные» числа, поэт иронически комментирует убедительность «языка цифр»:

Дал он рабочему квас превосходный!
Этим и наша достигнута цель:
<...>
Быстро в артели упал аппетит
На двадцать два с половиной процента.
Я умолкаю... графа дивиденда
Красноречивее слов говорит!..

Столь радикальное решение проблемы использования числительных в поэтической речи потребовало обновления ее лексики. Такие слова, как *артель*, *процент*, *дивиденд*, *биржа*, *комитет* и т.п., ранее считались недопу-

стными в поэтическом контексте, однако Некрасов нарушает эти запреты, расширяя границы поэтического словаря.

В художественной речи еще в начале XIX в. наметилась и другая традиция стилистического использования числительных: их экспрессивная окраска могла быть обусловлена вовлечением некоторых из них в систему изобразительных средств народной поэзии. В произведениях, близких к фольклору, традиционно используются числительные, имеющие особое символическое значение: *три, семь, сорок, сто* и др. Обращение к ним поэтов объясняется стремлением к стилизации, воспроизведению народных средств образности речи: *три девицы, семеро богатырей, тридцать три богатыря* у А. С. Пушкина; *двенадцать (человек)* у А. А. Блока и т.д. Примеры стилистической актуализации таких числительных, окруженных особым экспрессивным ореолом, встречаются в заглавиях произведений современных писателей и публицистов: *Семь пар нечистых* (В. Каверин); *Три кита современной экономики* (газ.).

Употребление некоторых числительных в переносном значении, как тропов, также может быть сильным источником речевой экспрессии. Большие числа используются для гиперболизации: *тысяча мелочей, миллион терзаний; в одну секунду; ...до смерти — четыре шага* (А. Сурков).

Образное употребление возможно и для некоторых порядковых числительных: *первая ученица, второй сорт, дело десятое* (ср. фразеологизм: *седьмая вода на киселе*). Однако метафоризация лишает числительные их основного грамматического признака — выступать в качестве точного обозначения числа или количества, поэтому нельзя говорить в строгом значении термина о собственно числительных, употребленных в контексте тропов. Выступая как гиперболы, литоты или эпитеты, числительные отчасти выходят за пределы первичных морфологических признаков, как бы превращаясь в существительные: *миллион, тысяча*, прилагательные: *первый, третий*; обретают оценочное значение.

Более органична экспрессивная функция неопределенно-количественных слов, которые часто являются средством усиления (*много-много*) или ослабления (*мало-мало, немножечко*), а также образуют антонимические пары, на которых строится антитеза:

Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.
(С. Есенин)

3.4.2. Синонимия количественно-именных сочетаний

В современном русском языке используются различные способы обозначения количества, что порождает синонимию количественно-именных сочетаний. Среди них прежде всего выделяются сочетания с собирательными и количественными именами числительными: *два сына — двое сыновей*. Имена числительные собирательные имеют ограниченную сочетаемость с существительными, обозначающими считаемые предметы, и тяготеют к устно-разговорной речи; количественные числительные употребляются без стилистических ограничений.

Собирательные числительные сочетаются с существительными, называющими лиц мужского пола; со словом *лицо* в значении 'человек'; с существительными общего рода, обозначающими лиц мужского пола: *двое студентов, трое сирот*. Нарушением литературной нормы является сочетание собирательных числительных с именами существительными женского рода: **трое ткачих*, а также общего рода, обозначающими лиц женского пола (в этом случае возможны лишь сочетания типа *две стороны, три калекки*). Встречающиеся в речевой практике отклонения от этого правила расцениваются практической стилистикой как речевые ошибки:

Создано три звена, по три доярки в каждом, из которых **двое** (следует: **две**) работают и одна отдыхает; Все девушки получили третий спортивный разряд по волейболу, а **двоим** (следует: **двум**) присвоен третий разряд по настольному теннису.

С существительными мужского рода на *-а* сочетаются только собирательные числительные: *двое слуг*; синонимическая замена их количественными числительными порождает ошибки: *Перед нами два крепких, сильных мужчины* (следует: *двое мужчин*).

Возможны сочетания собирательных числительных с названиями детенышей животных: *семеро козлят*; неправомерны — с названиями взрослых животных, птиц, рыб. Например, требуют правки такие предложения: *Двое буйволов отбились от стада* (следует: *два буйвола*); *Крупные язи живут в одиночку или группами по двое-трое* (следует: *по два-три*). При конкуренции синонимических сочетаний обычно учитывается как нейтральный характер количественных, так и разговорная окраска собирательных числительных (не случайно в русской народной сказке мы встречаем *семеро козлят*, а в переводе английской — *три поросенка*, а не *трое поросят*).

В разговорной речи можно допустить сочетание *трое девчат* (разговорно-просторечная окраска этого имени существительного оправдывает употребление при нем ненормативного числительного), но в книжных стилях представляются недопустимыми сочетания **трое министров*, **двое королей*, **пятеро академиков* и т.п., поскольку собирательные числительные не сочетаются с книжными существительными, тяготеющими к официально-деловой речи.

Собирательные числительные употребляются без стилистических ограничений, подвергаясь субстантивации: *Трое в лодке, не считая собаки*; *Только двое стоят у подъезда*, а также в сочетании с субстантивированными прилагательными, причастиями: *семеро смелых, двое учащихся*, с личными местоимениями: *Нас было двое: брат и я* (М. Лермонтов).

В сочетании с существительными, называющими парные предметы, собирательные числительные указывают на количество пар: *двое сапог, трое чулок*, а соответствующие количественные числительные указывают на единичные предметы: *два сапога, три чулка*. Однако из синонимических сочетаний типа *двое перчаток — две пары перчаток* второе предпочтительнее.

Собирательные числительные *двое, трое, четверо* используются в количественно-именных сочетаниях с существительными, не имеющими формы единственного числа: *сутки, часы, щипцы, сани*. Это объясняется тем, что соответствующие количественные числительные в именительном-винительном падеже управляют существительными в форме родительного падежа единственного числа: *два стола*. Но поскольку эта форма не образуется от таких слов, как *сутки, часы, сани*, мы вынуждены заменять количественные числительные собирательными: *двое суток, четверо саней*. Однако при склонении количественно-именных сочетаний характер связи числительного с существительными меняется — в косвенных падежах числительные согласуются с существительным во множественном числе: *двух столов*. Следовательно, необходимость в замене количественных числительных собирательными отпадает: *двух суток, четырех саней, двумя сутками*. Формы типа **двоих суток, *двоими сутками* представляются неоправданными. Потребность в них возникает в исключительных случаях, например, чтобы разграничить сочетания *двое часов* и *два часа*; при склонении первого не используется собирательное числительное: *У двоих часов поврежден механизм*, но ср.: *Около двух часов длилась операция*. Собирательные числительные в косвенных падежах используются также при субстантивации числительных и в сочетании с личными местоимениями: *Пригласите двоих; С нами троими уже беседовали*.

Начиная с числительного *пять* в количественно-именных сочетаниях должны быть использованы только количественные числительные, поскольку они легко сочетаются с любыми существительными: именительный-винительный падеж числительного управляет формой родительного падежа множественного числа существительного: *пять столов, шесть щипцов, восемь саней, десять щипцов*.

При написании числительных цифрами иногда возникают ошибочные сочетания типа *23 суток*. Их нельзя прочитать, так как двузначных собирательных числительных в русском языке нет (нельзя сказать **двадцать трое*, а слово *сутки* не сочетается с количественным числительным: *двадцать три суток*). Такое употребление цифр недонутимо. При стилистической правке подобных сочетаний можно прибегнуть к лексической замене существительного — *23 дня* или ввести предлог *в течение*, который подскажет употребление количественно-именного сочетания в родительном падеже; при этом будет оправдано использование количественного числительного в форме *трех*, согласуемой с существительным: *в течение двадцати трех суток*.

В художественной речи встречаются вышедшие из употребления числительные: [квитанция] *в казне с лишком четыре ста стоит* (М. Салтыков-Щедрин); *Знаменитые отпиратели всяких дверей и сундуков... пробились трою суток... и объявили замок неотпираемым* (И. Гончаров); ср. также употребляемые в сказках числительные: *в тридевятом царстве, за тридевять земель*. Для современного носителя русского языка они представляются весьма устаревшими. Однако писатели могут использовать их, чтобы воссоздать колорит древности: *Все сорок сороков московских забили набат* (А. Толстой), или для того, чтобы придать речи народно-поэтическое звучание:

Село, значит, наше — Радово.
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.

(С. Есенин)

Рассматривая стилистические синонимы в составе имен числительных, следует затронуть вопрос о различных способах обозначения числа (количества) предметов в русском языке, где источником синонимии нередко выступают **счетные имена существительные**, создающие возможности стилистического выбора: *тройка лошадей* — *три лошади*; *десяток яиц* — *десять яиц*. Употребление счетных существительных чаще всего стилистически ограничено: большинство из них имеет разговорную окраску, а некоторые архаизовались, например слово *дюжина*. К тому же такие существительные отличаются довольно ограниченными возможностями лексической сочетаемости: они не сочетаются со словами, имеющими книжную окраску, например, нельзя сказать **десяток министров*, **сотня экспериментов*, **дюжина объектов*. Большинство счетных существительных закрепилось за узким кругом наименований: *тройка лошадей* (не *коров*, не *кошек* и т.п.); *десяток яблок* (*груш*, *слив*), однако это существительное не соединяется с наименованием лиц: **десяток студентов* (*певиц*, *скрипачей*); *дюжина платков* (*вилков*, *ножей*), но нельзя сказать: *дюжина дней*, *лет* и т.п.

Возможность для стилистического выбора предоставляют такие синонимы: *пятерка* — *пять баллов* (соответственно *двойка*, *тройка*, *четверка* — *два*, *три*, *четыре балла*); *сто рублей* — *сотня* и пр. В сравнении со стилистически нейтральными количественно-именными сочетаниями счетные существительные в таких случаях, как правило, стилистически маркированы. Одни имеют разговорную окраску: *пятерка*, *двойка*; другие — просторечную: *тройак*; иные — профессиональную: *сотня* ('войсковое подразделение в казачьих войсках в России'). Разнообразные суффиксы придают им не только семантические оттенки, но и экспрессию; ср.: *сотенка*, *тысячка*, *двушка*, *пятак*, *пятачок*.

Особого стилистического комментария требует употребление счетных имен существительных, наделенных двойственной природой, т.е. соединяющих в себе значение числительного и счетного слова. В отличие от других числительных они образуют экспрессивные формы, если используются в предметном значении: *миллиончик*, *миллионище*. Без управляемого слова такие числительные употребляются в значении наименований денежных сумм: *Марфа Тимофеевна при самых скудных средствах держались так, как будто за ней водились тысячи* (И. Тургенев).

Слово *тысяча* выступает то в значении числительного: *тысяча рублей*; то в значении счетного существительного: *У меня тысячи причин плакать* (А. Чехов), а следовательно, имеет разные формы творительного падежа: *тысячью* (числ.) — *тысячей* (сущ.). Соответственно должна меняться и его грамматическая связь с зависимым существительным — в роли счетного существительного оно управляет формой родительного падежа множественного числа: *тысяча мелочей*, *к тысяче мелочей*, *с тысячей мелочей*. Выступая в значении количественного числительного, оно должно (как

и всякое числительное) в именительном-винительном надеже управлять, а в косвенных надежах согласовываться с зависимым существительным: ср: *тысяча рублей — к тысяче рублям, тысячью рублями, о тысяче рублях*. Однако в результате взаимовлияния параллельных словосочетаний эти нормы строго не выдерживаются; см., например, в названии кинофильма: *Человек с тысячью лиц* (в соответствии с грамматическими правилами надо: *с тысящей лиц* или *с тысячью лицами*). В устной речи получили распространение количественно-именные сочетания со словом *тысяча*, которое склоняется, но неизменно управляет существительным в форме родительного надежа множественного числа: *тысячами трюшков, о тысячах лиц*.

Слово *пара* может употребляться и в значении 'два': *Почем эти пряники? — Копейка пара* (А. Чехов); и в значении 'несколько, причем указывая, как правило, на небольшое количество: *Квартир пока нет. Через пару дней будет, кажется, одна комната* (А. Чаковский). В таких случаях счетное существительное имеет разговорную окраску и в книжных стилях неуместно. В иных значениях (например, называя два однородных или одинарных предмета: *пара чулок*, указывая на два лица или существа, объединенные чем-либо общим: *супружеская пара, танцующие пары*) это существительное используется без стилистических ограничений.

Стилистической оценки требуют различные способы определения количества в русском языке. Архаический оттенок или народно-поэтическое звучание приобретает оборот с предлогом *о* при указании количества предметов: *напка о двух концах* (ср.: *чудище о трех головах*).

Количество сверх какой-либо меры может быть обозначено указанием на число в сочетании с предложно-надежной формой *с лишним*: *Плыли мы четверо суток с лишним* (А. Чаковский). Однако такое обозначение может оказаться неуместным при указании на людей или на предметы, представляющие особую ценность: *На заводе сто с лишним инженеров*.

В речевой практике встречаются обороты типа *два и более*, обращение к которым порождает трудности. Дело в том, что говорящий пытается использовать в них имя существительное ставить в грамматическую зависимость от слова *более*, а не от имени числительного. Правильно говорить *два и более задания* (но не *два и более заданий*; ср.: *два задания и более*). Однако и само использование этого счетного оборота оказывается неуместным: *За год вносится четыре и более ценных предложения*. Лучше выразить мысль иначе: *...не менее четырех* или *более четырех (предложений)*. Особенно нелогичным представляется использование этого счетного оборота, когда называются округленные двузначные, трехзначные и т.д. числа. Например, можно сказать *двадцать и более*, но не *двадцать один и более*.

3.4.3. Стилистическая характеристика вариантных форм имени числительного

Вариативность падежных форм числительных в современном русском языке обусловлена прежде всего развитием аналитизма в их склонении. По словам академика В. В. Виноградова, старая техника языка вступает в противоречие с новыми принципами понимания и выражения отвлеченных понятий *числа* и *количества*, и, подчиняясь влиянию математического

мышления, числительные унифицируют свои формы¹. Происходит перераспределение функций количественных и порядковых числительных: вместо склоняемых форм порядковых числительных все чаще употребляются количественные в начальной форме. См., например: *Живу в квартире 31* — варианты: *тридцать один* — *тридцать первой*; *Ехал поездом 75* — варианты: *семьдесят пять* — *семьдесят пятым*; *Из дома № 1* — варианты: *номер один* — *номер первый*. Явное предпочтение сегодня отдается первым вариантам, однако еще в начале XX в. в подобных случаях, как правило, употреблялось порядковое числительное: *пакет из дома номер первый; падашка номер вторая; плитки номер пятидесятый*.

Распространение знаковых обозначений чисел и связанная с этим стандартизация речи обязаны влиянию математического языка, где закрепились несклоняемые формы числительных в сочетаниях типа: *десять плюс один; ровно пять; плюс шесть*. Из профессиональной речи несклоняемые варианты числительных переходят в разговорный и литературный язык. Даже поэты отдают дань этому влиянию:

Кирпичные скорлупища. И тут же
Висят домов кубические души.
Душа мечети, души двух хибар,
Душа номер семнадцать дробь двенадцать.
Они воспоминаньями дымятся...

(А. Вознесенский)

Публицисты любят использовать броские «инфриванные» названия, образованные с постпозитивными количественными числительными в начальной форме: *В Москве на ВВЦ открылась международная выставка «Связь-2010»*. Закреплению конструкций этого типа способствуют их лаконизм и выразительность, ср.: *выставка «Оборудование и технологические процессы производства связи 2010»* — *«Связь-2010»*. Продуктивность подобных сочетаний обусловлена распространением наименований, в которых количественные числительные используются в роли кодовых (научных и технических) определителей: *Алгал-68, уран-235, ка-два-мезон, станция «Зонд-3»*. По-прежнему актуальна потребность в маркировке моделей: самолетов — *ИЛ-96, Ту-204, Боинг-777*; автомашин — *МАЗ-500, ЗИЛ-5301* («бычок»); *ВАЗ-2101* («конейка»); космических кораблей, спутников — *Восток-6, Протон-500, Ариан-5, Луна-21, Луноход-2*. Несмотря на существование вариантов типа *Ту-двести четыре* — *Ту-двести четвертый*, мы отдаем предпочтение более коротким и простым, с неизменяемыми формами количественных числительных.

Некоторые имена числительные в разговорной речи перестают склоняться или утрачивают былое разнообразие падежных окончаний. Так, в склонении числительного *сто* к нашему времени стабилизировалось лишь две формы: во всех косвенных падежах, кроме винительного, — *ста*, в именительном-винительном — *сто*. Иные формы архаизовались и встречаются у писателей как исключение: *...шесть автоматчиков — вот они, шагают метрах в стах от меня* (М. Шолохов); *Заплатил за штуку по сту*

¹ Виноградов В. В. Русский язык... С. 243, 263.

рублей (В. Панова). Однако еще в начале прошлого века ученые рекомендовали склонять *сто* по всем падежам.

Несклоняемость числительных и отступление от флективности в образовании составных, сложносоставных и дробных числительных стали характерной чертой разговорной речи. Например, выражение *встреча с 5574 бойцами* обычно читается так: *с пять тысяч пятьсот семьдесятю четырьмя бойцами*; вполне обычны и такие формы: *Доклад напечатан в количестве пятьсот-шестьсот экземпляров; работа над двадцатью девятью темами*. Распространены и такие «склеенные» образования: *Передача 150-тысячного автомобиля* читается как *сто пятьдесяттысячного*; *Полеводы ждут 350-центнеровый урожай* — читается: *тристаньдесятцентиновый*. Несомненно, все эти варианты следует расценить как не оправданные в литературном языке.

Однако в письменной речи иногда можно встретить «уступки» просторечно в случае побуквенного написания числительных: *Только за один день боя у Прохоровки наши танкисты уничтожили более четыреста фашистских танков* (газ.). Ошибки подобного рода не часты, ибо на письме принято цифровое обозначение составных числительных. Однако именно оно и провоцирует в устной речи стирание падежных форм числительных и несклоняемость первого слова-числительного в сложных образованиях или на стыке первых слов составного числительного.

Развитие аналитизма в склонении числительных наглядно отражается и в закреплении безаффиксных форм в предложных сочетаниях: в дистрибутивном обороте с предлогом *по* нормой для устной речи стали сочетания *по пять рублей, по семь человек, по несколько дней*; у числительного *много* равноправны обе формы: *по много* и *по многу*. Варианты *по пяти, по пятисот семидесяти восьми, по сколько* воспринимаются как книжные, а варианты *по сту, по ста, по девяносто* выделяются архаической окраской. Наряду с общеупотребительными формами творительного падежа числительных *восьмью, восьмьюдесятью* встречаются книжные, устаревающие: *восемью, восемьюдесятью*. Как разговорный и литературный следует рассматривать варианты типа *пятидесятью — пятьюдесятью* и т.п. Стремление к унификации форм косвенных падежей у подобных числительных также свидетельствует о развитии тенденции к несклоняемости этой части речи.

Иные варианты падежных форм имен числительных появляются под действием аналогии. Так, в просторечии составные порядковые числительные в винительном падеже с предлогом употребляются с изменяемым первым словом *тысяча*, хотя должно склоняться только последнее слово. Например, нередко можно услышать: *в тысячу девятьсот сорок пятом году* — вместо: *в тысяча девятьсот сорок пятом*; или: *к тысяче девятьсот девяносто седьмому году* — вместо: *к тысяча девятьсот девяносто седьмому*.

Новое тысячелетие уже давно является действующим летоисчислением, однако множество ненормативных вариантов употребления составных порядковых числительных по-прежнему характерно для носителей языка, в том числе журналистов. Ср.: *две тысячи четырнадцатый год, две тысячи*

пятнадцатый год, в две тысячи четырнадцатом году, в две тысячи пятнадцатом году (нормативный литературный вариант) — *двух тысячи четырнадцатый год, двух тысячи пятнадцатый год, в двух тысячи четырнадцатом году, в двух тысячи пятнадцатом году* (просторечный ненормативный вариант).

Слова *оба, обе* (которые традиционно рассматриваются в составе числительных, хотя в некоторых вузовских учебниках они анализируются в составе местоимений) при склонении формы женского рода образуют варианты: литературный — *обеих, обеим, обеими* и т.д. и разговорно-просторечный — *обоих, обоими* и т.д., где отличие женского рода утрачено. На экспансию форм мужского рода в данном случае лингвисты указывали еще в прошлом веке, предсказывая унификацию в склонении этого числительного, однако в книжных стилях до сих пор единственно правильными считаются формы, различающие мужской и женский род.

Варианты падежных окончаний имен числительных возникают как результат непоследовательного отражения ими категории *одушевленности*. Из количественных числительных только слова *два, три, четыре*, употребленные с одушевленными существительными, имеют форму винительного падежа, сходную с родительным: *встретил двух друзей и трех подруг, проконсультировал четырех студентов*; ср.: *прочитал два тома, три страницы, четыре стихотворения*. Правда, если в таких количественно-именных сочетаниях существительные называют не лиц, а живых существ, то категория одушевленности в числительном может и не проявляться: *На них он выменял борзые три собаки* (А. Грибоедов); *...платил прогоны за две лошади* (А. Пушкин). Такие варианты падежных форм числительных имеют разговорную окраску. При употреблении составных числительных с одушевленными существительными стилистическая оценка форм винительного падежа меняется — литературной норме соответствует конструкция, не отражающая категорию одушевленности: *зарегистрировать двадцать три депутата*; конструкция *разместить в гостинице двадцать трех человек* имеет разговорный характер.

Следует предупредить некоторые распространенные ошибки в выборе форм имен существительных, употребляемых в сочетании с числительными. Так, при числительных, называющих дробные или смешанные числа, существительное ставится в единственном числе, родительном падеже и как управляемая форма не должно изменяться при склонении количественно-именного сочетания: *одна десятая секунды, пять и три десятых секунды; от одной десятой секунды, к семи десятым секунды, с тремя десятыми секунды* и т.д. Однако нередко можно наблюдать неверное употребление форм существительного в таких, например, сочетаниях: *на 126,7 процентов; за 40,0 секунд* — существительным управляет дробь, поэтому оно должно стоять в форме единственного числа: *на 126,7 процента; за 40,0 секунды*.

В сочетании со словом *полтора (полторы)* существительное употребляется в форме единственного числа родительного падежа, если количественное числительное стоит в именительном-винительном падеже: *полтора часа, полторы минуты*; в остальных падежах числительное должно

согласоваться с существительным, получающим форму множественного числа: *к полутора литрам, с полутора литрами, о полутора литрах*. Такие же правила регламентируют употребление имен существительных с числительным *полтора*.

Следует иметь в виду, что некоторые числительные в косвенных падежах могут не только согласоваться с именами существительными, но и управлять ими, выступая в функции самостоятельного счетного слова. Поэтому в речи встречаются такие, например, сочетания: *с двумястами карточек* (наряду: *с двумястами карточками*), *с тремястами земных поклонов* (не *поклонами*), *поселок с тремя тысячами жителей*. Из них стилистически нейтральными являются только те, в состав которых входят слова *тысяча, миллион, миллиард*, тогда как иные (с элементом *сто*) имеют разговорную окраску.

В словосочетаниях, обозначающих даты, имя числительное управляет существительным, которое соответственно не должно изменяться при склонении сочетания: *к Первому мая, поздравить с Первым мая* и т.д. Сочетания типа *к первому апрелю* оцениваются как просторечные.

Таким образом, при небольшом количестве слов, составляющих рассматриваемую нами часть речи, она отличается значительным разнообразием синонимических форм, стилистических вариантов, которые заслуживают пристального внимания и в плане изучения ресурсов морфологии, и в плане предупреждения морфолого-стилистических ошибок в речи.

Необходимо подчеркнуть, что употребление в речи имен числительных вызывает немалые трудности. Например, встречаются ошибки в склонении: *Этим лицам разрешено совместительство, лишь бы общая сумма не превышала триста рублей* (надо: *трехсот*); *Самодельных духовых оркестров в нашей республике более полуторасот* (следует: *полутораста*); *На четырехсот шестидесяти участках все подготовлено к встрече с избирателями* (правильно: *на четырехстах шестидесяти*). Происходит смешение основ мужского и женского рода у числительного *оба* — *обе*, ср.: *Палка о двух концах, его били обеими* (вместо: *обоими* (имеется в виду *концами*)); *При выводе уравнения мы приняли, что в обоих системах отсчета размер световых часов одинаков* (следует: *в обеих*). Иногда по ошибке собирательные числительные соединяются с существительными женского рода: *Четверым молодым работницам присвоен очередной профессиональный разряд* (правильно: *четырем работницам*).

Часто неправильно употребляется надежная форма имени существительного в словосочетаниях, обозначающих даты, в которых числительное всегда должно управлять родительным падежом второго слова: *Администрация обещает ликвидировать задолженность по зарплате к 15 декабря* (вместо: *декабря*); *К первому маю будут произведены единовременные выплаты ветеранам труда* (вместо: *мая*); *Письмо датировано двадцать третьим декабрем 1943 годом* (следовало: *23 декабря 1943 года*).

В систему числительных вовлекаются счетные имена существительные, однако употребление их в речи не всегда стилистически мотивировано, так как нередко они вносят нежелательную просторечную окраску в текст: *В настоящее время в пролете нагревательных устройств работает пара*

клевещевых кранов (нужно: *два... крана*); *Грамоту вручили Анне Федоровне Голубевой, которой скоро исполнится восемь десятков* (нужно: *которая скоро отметит свой 80-летний юбилей*).

При литературном редактировании рукописи необходимо внимательно проверять правильность цифровых обозначений и в нужных случаях обобщивать предпочтение им словесного наименования числа, контролировать употребление десятичных и простых дробей, не допуская при этом разнобоя.

Следует помнить, что при обозначении смешанных чисел (целого числа и дроби) существительным управляет не целое число, а дробь. Это правило нарушено в таких, например, предложениях: *Число безработных в ФРГ достигло 2 131 828 человек, а это означает, что уровень безработицы возрос за месяц с 8,4 до 8,6 процентов* (следует: *процента*); *Руководитель Департамента торговли и услуг города Москвы пояснил, что было ввезено лишь 19,2 тысячи тонн сухого молока* (следует: *тысячи*).

Нередки ошибки в выборе падежной формы числительного в словосочетании с одушевленным существительным, которые требуют стилистической правки:

1. На вертолетах в госпиталь доставили двадцать двух раненых.	1. ...доставили двадцать два раненых.
2. Комбат не мог рассказывать об этом спокойно: скольких товарищей он потерял в бою!	2. ... сколько товарищей он потерял в бою!
3. За весь день мы поймали лишь два рака и три линя.	3. ...поймали двух раков и трех линей.

Категория одушевленности проявляется только при употреблении числительных *два, три, четыре* при указании на живые существа.

Приведем еще примеры стилистической правки речевых ошибок, вызванных неверным образованием собирательных числительных (от двузначных и трехзначных чисел), а также нарушением норм согласования в количественно-именном сочетании:

1. Трудились без отдыха 23 суток.	1. Трудились без отдыха в течение 23 суток (23 дня).
2. Для уроков труда нужно кунить 34 ножниц.	2. Для уроков труда нужно кунить 34 штуки ножниц.
3. В пакете 24 рукавиц.	3. В пакете 24 пары (две дюжины) рукавиц.
4. Длинной вереницей вытянулись медленно схапине 22 саней.	4. Медленно двигалась длинная вереница из 22 саней.
5. 274 суток провели папанинцы на дрейфующей льдине.	5. Девять месяцев провели папанинцы на дрейфующей льдине.
6. Гараж построили в полутораэта метров от дома.	6. ...в полутораэта метрах от дома.
7. Пришлось ждать до полутора часа.	7. ...до полутора часов.

В заключение отметим, что, поскольку в письменной речи числительные часто передаются цифрами, следует особенно внимательно «озвучивать» тексты такого рода.

3.5. Местоимение. Вариантные формы

3.5.1. Стилистический потенциал местоимения

При функционально-стилевой характеристике местоимений прежде всего обращает на себя внимание их особая употребительность в **разговорной речи**. Именно здесь они выступают как категориальные единицы, выработанные языком для целей указания. Не случайно исследователи утверждают, что разговорный язык *местоименен* по своей сути. Дело в том, что для устной формы общения требование абсолютной точности не является столь обязательным, как для письменной. Непосредственный контакт участников диалога, его ситуативная восполняемость, возможность использования говорящими предситуации, которая определяет тему и выступает своеобразным прологом к высказыванию, — все это позволяет использовать местоимения в разговорной речи гораздо чаще, чем в книжной.

Обращение к местоимениям в процессе живого общения характеризуется рядом особенностей. В частности, только здесь возможна конкретизация местоимения жестом, что позволяет предельно сократить языковое выражение мысли. В устной речи часто не принимается во внимание порядок слов, который в письменной речи препятствует правильному пониманию высказывания: *Смотри, все выбегают из домов и несут какие-то вещи! Ты их видишь?* (не *вещи*, не *дома*, а тех, кто *выбегает*). В подобных случаях смысл зависит от интонации, которая столь значима в устной форме общения, где местоимения несравненно чаще, чем в книжном литературном языке, занимают ударную позицию во фразе.

В разговорной речи употребление местоимений сопровождается различными приемами их актуализации; ср. плеонастическое употребление местоимений при указании на субъект действия: *Дима, он не подведет*, а также конструкции типа: *Так оно и было; Идет она — прическа, платье — всё у нее по моде*.

Местоимения *такой, что* и местоименные наречия *как, так, когда, тогда, где, там, куда, откуда* в разговорной речи выступают в роли актуализаторов, определяющих интонационное членение высказывания и выделяющих те или иные его части: *А он что? Обещал зайти? Она как? Нас берет? А вы куда? В деревню едете?* На слова и словосочетания, выделенные таким образом, падает логическое ударение, они получают больший динамический вес. Использование местоимений в разговорном стиле отличается также свойственная исключительно устной сфере общения возможность вводить в речь отдельные местоимения как незначительные слова для заполнения пауз при подыскивании нужного слова: *Ты помнишь... эту самую... Соколову... (слово найдено — Соколова)*.

Только в устной речи употребляются местоимения в незавершенных фразах: *А ты, я вижу, того... А он это... знает?* — в словах-указателях,

по сути, содержится намек на продолжение высказывания, однако собеседнику предоставляется возможность самому домыслить его содержание.

Для функционально-стилевой характеристики местоимений важна избирательность их употребления в различных стилях. В частности, в книжных стилях, в первую очередь в официально-деловом и научном, находят применение местоимения *таков, таковой, какой, иной, некто, нечто, некий*. В разговорной речи широко используются местоимения *этакий, всяческий, такой-сякой, кое-кто, кое-что, кое-какой, сколько-нибудь* и др. Следует также отметить отказ от употребления в книжных стилях некоторых нейтральных местоимений. Например, в официально-деловом и научном стилях вместо слов *этот, такой, некоторый* чаще используются подверженные прономиниализации имена прилагательные и причастия *данный, указанный, вышеуказанный, вышеупомянутый, следующий, нижеследующий, определенный, известный* и т.п.: *Известный интерес представляет следующая точка зрения...*

Функционально-стилевая специализация местоимений проявляется и в том, что у многих стилистически нейтральных местоимений наметилась тенденция к большей частотности в книжной или разговорной речи. Особенно наглядно это видно на примере неопределенных местоимений. Так, в произведениях книжных стилей употребительны местоимения *кто-либо, что-либо, какой-либо, некоторый*; в разговорной речи чаще используются близкие к ним по значению слова *кто-то, что-то, какой-то, какой-нибудь*. Вопросительные местоимения *кто, что, какой, чей, сколько* чаще употребляются в разговорной речи, что связано с частотностью вопросительных предложений в диалогах. Соответствующие относительные местоимения, а также слова *который, каков* проявляют особую активность в книжных стилях, поскольку здесь особенно употребительны сложные синтаксические конструкции, в структуре которых играют важнейшую роль союзные слова, представленные этими местоимениями и местоименными наречиями *где, когда, куда* и др.

О функционально-стилевой закреплённости различных местоимений убедительно свидетельствуют особенности употребления **личных местоимений**. В художественной речи они господствуют; используются в семь раз чаще, чем в официально-деловых бумагах, и в 3,5 раза чаще, чем в научной литературе. Интересны сведения об употреблении разных форм личных местоимений в книжных стилях. Например, местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа *я, мы, ты, вы* совершенно не представлены в официально-деловом стиле. В научном стиле крайне редко можно отметить обращение к личному местоимению 1-го лица единственного числа — его вытесняет авторское *мы*; местоимения 2-го лица здесь также отсутствуют. Это обусловлено, несомненно, экстралингвистическими факторами, лежащими в основе стилей, однако такая избирательность в использовании форм личных местоимений определяет базовые специфические стилиевые черты той или иной сферы общения, сферы функционального предназначения языковых средств.

Интересные закономерности можно отметить и в изменении семантики отдельных местоимений в зависимости от условий их использования в разных стилях и просторечии. В живом общении одно местоимение нередко заменяет другое. Вспомним особенность речи Гаева в пьесе А. П. Чехова

«Винищевый сад» — его на первый взгляд неуместный вопрос *кого?* вместо *что?* при выражении непонимания:

[Гав.] Когда-то мы с тобой, сестра, спали вот в этой самой комнате, а теперь мне уже пятьдесят один год, как это ни странно. [Лопухин.] Да, время идет. [Гав.] **Кого?** [Лопухин.] Время, говорю, идет.

В просторечии реплики при диалоге нередко сводятся к таким вот «странным» вопросительным местоимениям, как, например, у В. П. Астафьева:

...На стог свежеспавшего сена... безмятежно спал Венька Фомин. Сошнин стянул его с сена, грубо потряс за отвороты телогрейки. Венька долго на него пялился, моргая, не понимая, где он, что с ним.

— Ты **ково?**

— Я **чево**. Вот ты **ково?**

— Я тя спрашиваю: ты **ково?**

— Пойдем за ворота, там женщины тебе объяснят, **ково** и **чево**.

Разговорный характер имеет и употребление формы *чего*, вытесняющей нейтральную *что* в вопросительных предложениях со значением 'почему, по какой причине?': *Чего в этом хорошего? Чего зря выступать?*; ср. также типичное для разговорной речи: *Чего там! Все равно!*

Стилистически ограничено употребление ряда местоимений в особых значениях. Так, местоимение *который*, употребленное в значении неопределенного, получает просторечную окраску: *К теляткам, бывало, так привыкнешь, что когда которого отпощишь и его поведут колоть для стола... после три дня плачешь* (Н. Лесков). Местоимение *самый*, употребленное при личном местоимении в значении 'собственной персоной', имеет разговорный характер: *Разве это он? — Он самый*. Местоимение *такой* получает разговорную окраску, когда употребляется в сочетании с местоимениями *кто*, *что*, *какой* для их выделения: *А ты кто такой? Ну-с, посмотрим, какие-такие ваши секреты, барышня* (С. Мстиславский).

Яркую стилистическую окраску могут получать отдельные грамматические формы тех или иных местоимений. Так, краткая форма общепотребительного местоимения *всякий* имеет устаревшую или просторечную окраску: *Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, / И назовет меня всяк сущий в ней язык* (А. Пушкин); *И ведь за всяку безделицу поровит выругать лысым* (И. Гончаров). Подчеркнуто просторечную окраску имеет и соответствующее наречие *всяко*: — *Ты сама-то хорошо жила?.. — Я? Хорошо. И плохо жила — всяко...* (М. Горький).

Стилистически маркирована форма родительного падежа местоимения *сколько* с предлогом: *до сколько, к сколько*; ее употребление возможно только в разговорной речи.

Особый стилистический интерес вызывают местоимения и отдельные их формы, подвергшиеся архаизации. Большинство устаревших местоимений носит подчеркнуто книжный характер, поэтому обращение к ним всегда должно быть стилистически мотивировано.

Употребление местоимений *сей, оный* в самом начале XIX в. вызвало полемику, в которой приняли участие О. И. Сенковский, П. И. Греч, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский. В частности, литератор и критик Сенковский считал использование таких местоимений нежелательным. Пушкин и Гоголь отнесли к гонениям на эти «певниные» слова проищески. Белинский же осуждал их употребление в художественной литературе «без всякой нужды», но признавал за писателями право обращаться к этим словам как к стилистическому средству.

В художественной речи первой половины XIX в. еще только намечалось стилистическое освоение этих местоимений. А. С. Пушкин, например, мог употреблять их без специального стилистического задания: *В сие время двери в залу открылись, и Вальская взошла; Мой бедный Ленский, сердцем он / Для оной жизни был рожден*. Но нередко поэт обращается к таким местоимениям как к средству стилизации, достижения возвышенного звучания речи:

И день настал. Встает с одра
Мазепа, **сей** страдалец хилой,
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой.

Или использует их с целью создания юмористической окраски высказывания (в письме):

Напомни этому милому беспамятному эгоисту, что существует некто А. Пушкин, такой же эгоист и приятный стихотворец. **Оный** Пушкин продал ему когда-то собрание своих стихотворений...¹

Н. В. Гоголь обращался к этим местоимениям, пародируя канцелярский слог:

Но **оный** злокачественный дворянин, будучи обо всем этом сведущ, не для чего иного, как чтобы нанести смертельную для моего чина и звания обиду, обругал меня **оным** гнусным словом. **Сей** же самый неблагопристойный и неприличный дворянин посягнул при этом на мою родовую... собственность...

Во второй половине XIX в. архаическая окраска, а следовательно, и экспрессивная функция данных местоимений определились вполне: они стали средством стилизации речи. В современном языке слова *сей, оный* воспринимаются прежде всего как устаревшие канцеляризмы. Они уже не могут быть средством создания речевой патетики, но используются наряду с другими архаизмами для достижения иронической окраски речи:

На перекрестке... у кинотеатра, горело световое табло, на табло выскакивали цифры... Перед табло стоял я, пытаюсь уразуметь, что сие означает (Д. Гранин).

Процесс архаизации местоимений протекает по-разному, он может коснуться лишь отдельных значений местоимения или некоторых его грам-

¹ Пушкин А. С. <Бестужеву А. А., 29 июня 1824 г. Из Одессы в Москву> // Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 9. С. 104–105.

матических форм. Например, вопросительное местоимение *кой* в краткой форме единственного числа мужского рода воспринимается как устаревшее (или диалектное): *А кой тебе годик? — Шестой миновал...* (Н. Некрасов). Как архаизмы представлены соответствующие формы женского и среднего рода: *коя, кое*. Однако в составе устойчивых сочетаний *на кой, кой черт, на кой черт* слово *кой* получает просторечную или грубопросторечную окраску, а, выступая в роли относительных, все эти местоимения, как правило, в формах косвенных падежей могут свободно употребляться без специального стилистического задания в книжных стилях: *На свете еще немало людей растленных, для коих идея, как одежда, на время...* (А. Фадеев). Выпадение указанных форм из устной речи свидетельствует об их книжном характере и наметившейся архаизации, а образованные от местоимения *кой* слова *кой-кто, кой-что, кой-куда, кой-как, кой-какой, кой-когда* имеют яркую разговорную окраску.

Архаический оттенок получают полные формы вопросительно-относительных местоимений *каковой, таковой*, а соответствующие краткие формы — *каков, таков, какова* — входят в состав активного лексического запаса книжной речи, ср.: *Каков я прежде был, таков и ныне я; Порядок, с каковым обоз следовал за войском... удивителен* (А. Пушкин).

Как устаревшие отмечаются образованные от нейтральных местоимений *столько, сколько* формы множественного числа: *столькие, сколькие*. Архаизовались и формы косвенных падежей местоимения *некий* (*некая, некое*): *неким, некоей, неких, некими*, (*о*) *некоих*, уступив место более простым вариантам: *неким, некой, неких, некими*. Современный читатель воспринимает как архаические и такие падежные формы: *оие, ея, моя, всея*. Первые два местоимения широко использовались в стихотворном языке XIX в., так как при версификации были удобными вариантами вытеснивших их форм; ср. у А. С. Пушкина:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оие
Другую жизнь и берег дальный.

Со временем эти варианты совсем вышли из употребления.

3.5.2. Выразительные возможности местоимений

Отмечая особую частотность местоимений в художественной речи, обычно указывают на экстралингвистические факторы: содержание, конкретность повествования, стремление писателей избежать повторений. В то же время литераторы ищут в местоимениях своеобразные источники речевой экспрессии: обращение к ним нередко продиктовано эстетическими мотивами, что вызывает особый стилистический интерес. Проанализируем выразительные возможности некоторых местоимений.

По богатству экспрессивных красок на первом месте среди них стоят *личные* и *притяжательные*: употребление местоимений *я, мы, мой, наш* приводит к субъективации авторского повествования. Данный стилистический прием широко используют писатели и публицисты. Так, журналист, выступая в очерке от первого лица, создает впечатление достоверности

описываемых событий, как бы приближая их к читателю: *Я вхожу в комнату, где живет режиссер Алексей Герман... и будто попадаю в знакомый по экрану мир.* Личные местоимения в прямой речи, которая тоже является сильным источником экспрессии, создают эффект присутствия читателя в описываемой ситуации:

Узнаю, что многие вещи германовской квартиры переселялись в павильон и снимались в фильме. Зачем? — Мне это было очень важно. Висел портрет отца, портрет матери... Соврать под их взглядом было немислимо.

На читателя воздействует неожиданное введение в текст личных местоимений *ты, мы*; это создает иллюзию причастности, соучастия:

Германа собирались увольнять со студии. И тут он своими руками изрезал «Лапшина», думал, что спасает. Друзья, увидев новый вариант, пришли в ужас: «**Что ты наделал?**» Хорошо, что ему удалось восстановить картину. **Мы так ликовали!** Прыгали от счастья. Фильм ожил.

В приведенном отрывке эмоциональные исплески приходится на предложения с местоимениями *ты, мы*. Насколько проиграл бы текст, если бы автор очерка написал: *Друзья режиссера пришли в ужас от того, что он наделал. Единомышленники Германа ликовали.* Таким образом, в сочетании с синтаксическими приемами обращение к личным местоимениям позволяет автору усилить экспрессивную окраску речи.

Если в речи происходит замена личных местоимений 1-го лица местоимениями 3-го лица, создается эффект отстранения, описываемое как бы отдалается, что также может стать стилистическим приемом:

Это был сон о возвращении в детство... Будто я вхожу в наш двор. Здесь сидят все наши ребята. Мне навстречу выходит мальчик, и я знаю, что он — это я. Выходят мать и отец, совсем молодые, смотрят на него и молчат. Я тоже молчу. Не могу же я им сказать, что этот стоящий перед ними человек, который скоро (странно представить!) обгонит в возрасте своего рано умершего отца, тоже — я.

Экспрессивные ореолы вокруг местоимений возникают и в случае перехода автора от неопределенных местоимений к личным, в чем отражается процесс узнавания. Вспомним эпизод из поэмы С. А. Есенина «Анна Снегина»:

Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар.
И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.
Мой мельник с ума, зная, спятил.
Поехал,
Кого-то привез...
Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.
<...>

Я встал.
И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый:
«А!
Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала...
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы — знаменитый поэт.
.....»

Выбор местоимений в приведенном отрывке отражает переход от неизвестного, неопределенного к известному, реальному: посторонний (*кто-то*) обретает знакомые черты. Воспроизвести процесс узнавания весьма важно для художника, который стремится отразить события через восприятие своего героя.

В поэтической речи особенно заметна экспрессивная окраска личных местоимений: они незаменимы в текстах, где в центре внимания сам автор или его лирический герой. Вспомним пушкинские строки:

Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Употребление личных и притяжательных местоимений придает речи оттенок искренности — нередко именно им обязаны своей выразительностью самые задуманные и взволнованные лирические строки; см., например, у А. А. Блока:

О да, любовь вольна, как птица,
Да, все равно — я твой!
Да, все равно мне будет снится
Твой стан, твой огневой!
<...>

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь — звездам!

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

Показательно, что в полном собрании сочинений А. А. Блока 92 стихотворения начинаются местоимением *я*, 49 — местоимением *ты*. Местоимения *он*, *она*, *они* открывают 22 стихотворения, а местоимение *вы* — только два. Второе место при таком подсчете занимают притяжательные местоимения: *мой* начинает 14 стихотворений Блока, *твой* — девять.

Особое стилистическое значение имеет выбор форм числа личных местоимений, отражающих или официальный, или дружеский, интимный характер речи. Вспомним выразительный переход к обращению на «ты» в письме Татьяны к Онегину:

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.

И вдруг:

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!

То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...

Пристрастие к личным и притяжательным местоимениям отражает склонность авторов к самоанализу, углубленность в мир переживаний (не случайно и критики, анализируя поэзию, оперируют понятием «лирическое я»); лирическая окраска речи во многом зависит от частотности таких местоимений.

В разговорном стиле, лирическом лиризме, употребление местоимений *я*, *мой* и в особенности их навязчивое повторение создают неблагоприятное впечатление: отражают нескромность говорящего, его стремление подчеркнуть свой вес, влияние. Вспомним в «Ревизоре» Ш. В. Гоголя сцену хвастовства Хлестакова:

Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю... так и быть... только уж у меня: ни, ни-ни!.. уж у меня ухо остро! уж я... О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку... я такой! Я не посмотрю ни на кого...

Гипертрофированное употребление личных и притяжательных местоимений негативно оценивается и в письменной речи. В связи с этим в книжных стилях широкое распространение получило так называемое *авторское мы*, когда форма множественного числа употребляется в значении единственного для указания авторства: *мы отметили, мы доказали, как нам представляется, мы полагаем, мы подчеркиваем, мы утверждаем* и т.п.

Экспрессивные оттенки личных местоимений проявляет и контекст. Местоимения *ты*, *твой* получают отрицательную оценку, если отражают фамильярно-пренебрежительное отношение говорящего ко второму лицу, что воспринимается как нарушение норм вежливости. Вспомним характерную сцену из романа Даниила Грамина «Картина»:

Пронзительно скрипнули тормоза. Черная «Волга» остановилась у поребрика. Приоткрыв дверцу, высунулся мужчина в светло-сером костюме, курявый, румяный, счастливо-самодовольный. Он... громко, с укором заговорил:

— Так-то ты, Аркадий Матвеевич, выполняешь. <...>

— Напрасно беспокоитесь, товарищ Сечихин, завтра к утру статья будет готова, — лоб и щеки Аркадия Матвеевича неровно покраснели... конфузливо вздрагивающая улыбка его как бы извинялась... Улыбка эта резанула Лосева больше всего. Он ударил ладонью о горячую крышу машины...

— Почему вы себе позволяете тыкать человека, который старше вас?

В русском языке XIX в. местоимение *ты* могло получать высокопарное звучание при обращении к самодержцам:

О ты, который возведен
Погибшей вольности на трон,
Или, простее говоря,
Особа русского царя!

(А. Полежаев)

В устах монарха местоимение *мы* звучало официально-торжественно: *Мы, Николай Первый...* В то же время подобострашие, подхалимство чувствовалось в «лакейском» *они* — употреблении множественного числа вместо единственного в разговоре о третьем лице: *Я предлагал вашей маменьке... свое сердце и руку относительно вас, и они сказали...* (А. Чехов).

Учитывая разнообразные семантические и экспрессивные оттенки местоимений, писатели искусно привлекают их для передачи тонких наблюдений над психологией и взаимоотношениями героев. Вспомним сцену последней встречи властной генеральши Варвары Петровны и сбежавшего из-под ее опеки домашнего учителя, умирающего Степана Трофимовича, у Ф. М. Достоевского:

— О, бесстыдный, неблагородный человек! — возопила она вдруг, сплеснув руками. — Мало **вам** было осрамить меня, **вы** связались... <...> *Кто она такая?* <...> Варвара Петровна вдруг, гремя, вскочила со стула; раздался ее испуганный крик: «Воды, воды!» ...тут только в первый раз догадалась она о размерах его болезни. <...>

— Сейчас, сию минуту *эту* **опять** назад. Воротить ее, воротить! <...> Ну, вот **она** **вам**. Не съела же я ее. <...>

Степан Трофимович схватил Варвару Петровну за руку, поднес ее к своим глазам и залился слезами, навзрыд, болезненно, припадочно. <...> Долго она не позволяла ему говорить. Он поднес руку ее к губам и стал целовать. <...> [*Я вас любил!*] — вырвалось у него наконец. Никогда не слышала **она** от него такого слова, так выговоренного. <...> Она все молчала. <...> Наконец бросила его и упала на стул, закрыв руками лицо. — Довольно! — отрезала она, выпрямившись. — Двадцать лет прошло, не воротись...

— [*Я вас любил*], — сложил он опять руки.

— Да что **ты** мне все [*любил да любил!*] Довольно! — вскочила она опять. — И если **вы** теперь сейчас не заснете, то я... **Вам** нужен покой; спать, сейчас спать, закройте глаза. Ах, боже мой, **он**, может быть, завтракать хочет! Что **вы** едите? Что **он** ест? Ах, боже мой, *где та! Где она?*

В приведенном отрывке стилистически значимо не только противопоставление местоимений в формах единственного и множественного числа *ты — вы*, отражающее холодно-вежливое и интимное обращение, но и параллельное употребление местоимений *вы — он, она — та — эта* в одном и том же значении, передающее богатую гамму чувств. Столкновение местоимений, быстрая их смена, калейдоскопическое мелькание в потоке речи создают яркий стилистический эффект.

Разнообразные семантические и экспрессивные оттенки, появляющиеся у местоимений в контексте, открывают неограниченные возможности для использования их литераторами. Остановимся на некоторых случаях стилистической активизации этой части речи.

Обращение публицистов, писателей к местоимению *мы*, объединяющему в своем значении автора и его единомышленников, слушателей, читателей, подчеркивает единство взглядов, общность убеждений людей, живущих в одну эпоху, принадлежащих одному поколению. См., например, в стихотворении А. А. Блока, посвященном З. Н. Гиппиус:

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забуть не в силах ничего.

Местоимению *мы* при этом нередко противопоставляются местоимения *вы, они*, указывающие на представителей противоположных взглядов, на идейных противников, врагов: *Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы; Для вас — века, для нас — единый час* (А. Блок). В произведениях о Великой Отечественной войне *наши* означает «советские войска», «партизаны»: *Там был бой, когда наши наступали; Сколько наших тогда полегло в болоте...*

Замена единственного числа личных и притяжательных местоимений множественным числом может указывать на просторечие, крестьянскую речь; ср. пример В. И. Даля: *Кто там? — Мы. — А кто вы? — Калмыки. — А много вас? — Я одна*. При обращении замена местоимения *вы* формой 1-го лица *мы* придает речи оттенок шуточного участия: *Мы, кажется, улыбаемся?* (А. Чехов).

Употребление местоимений *он, тот, этот* (*она, та, эта*) для указания на присутствующих вместо имен собственных или соответствующих личных имен придает речи презрительный, пренебрежительный тон: *Да кто он такой, чтобы ему такие почести, да еще от родной своей матери!* (Ф. Достоевский).

В толковых словарях дается и такое значение местоимений *он, она*: «любимый (любимая), возлюбленный (возлюбленная), герой (героиня) романа»; их использование имеет яркую эмоциональную окраску:

- Но кто ж тебя пленила?
- **Она**. <...>
- Но почему ж ты столько огорчен? <...>
- Я ей не **он**.

(А. Пушкин)

В художественной речи подобное употребление личных местоимений становится стилистическим приемом, если писатель не называет имен своих героев и отказывается от использования личных существительных:

Ночная синяя чернота неба в тихо плывущих облаках, везде белых, а возле высокой луны голубых. <...> **Она** боком сидит на подоконнике раскрытого окна и, отклонив голову, смотрит вверх — голова у нее немного кружится от движения неба. **Он** стоит у ее колен (И. Бунин).

На основе такого значения местоимений строится своеобразный стилистический прием «обманутого ожидания», когда местоимение с иным значением употребляется в препозиции по отношению к заменяемому существительному. См., например, в рассказе А. П. Чехова:

Моя «она»

Она, как авторитетно утверждают мои родители и начальники, родилась раньше меня. Правы они или нет, но я знаю только, что я не помню ни одного

дня в моей жизни, когда бы я не принадлежал ей и не чувствовал над собой ее власти. Она не покидает меня день и ночь; я тоже не выказываю поползновения удрать от нее, — связь, стало быть, крепкая, прочная... <...> За ее привязанность я пожертвовал ей всем: карьерой, славой, комфортом... По ее милости я хожу раздет, живу в дешевом номере, питаюсь ерундой, пишу бледными чернилами. Всё, всё пожирает она, ненасытная! Я ненавижу ее, презираю... Давно бы пора развестись с ней, но не развелся я до сих пор не потому, что московские адвокаты берут за развод четыре тысячи... Детей у нас пока нет... Хотите знать ее имя? Извольте... Оно поэтично и напоминает Лилу, Лелю, Нелли...

Ее зовут — *Лень*.

Другой стилистический прием экспрессивного обыгрывания местоимений состоит в употреблении их без конкретизирующих слов, что дает возможность читателю догадываться, как истолковать местоимение. См., например, в поэме С. А. Есенина «Анна Снегина»: *Ну, сядем. Прошла лихорадка? / Какой вы теперь не такой!*.. Выделенное местоимение можно заменить различными определениями: *не прежний; не такой, как мне хотелось бы; не такой, каким я вас себе представляла*, и т.д. За указательными местоимениями в подобных случаях нередко стоит значение высшей оценки проявления качества: *Расскажи мне что-нибудь такое / Про твою веселую страну* (С. Есенин). Или, напротив, подразумевается резко сниженная оценка (в разговорной речи): *Кто на тебя на такую посмотрит!; Это тот еще язык!* В последнем случае местоимения выполняют функцию эвфемизмов.

В иных случаях, когда употреблению местоимения сопутствует его содержательная конкретизация, появление экспрессивной окраски у указательных слов обычно связано с использованием их для актуализации той или иной части высказывания. Наиболее последовательно это наблюдается при «местоименном удвоении» с привлечением указательных местоимений: *Ах, Виктор! Этот всегда выйдет сухим из воды; Маргарита, та хоть старается.*

Целям усиления подчеркивания того или иного слова служат **вопросительно-относительные** местоимения:

Не странно ли? сын Курбского ведет / На трон, кого? да — сына Иоанна (А. Пушкин); «Господи владыко!» — простонал мой Савельич. — «Зайчий тулуп почти новешенький! и добро бы кому, а то пьянице оголелому!» (А. Пушкин).

Аналогичную усилительную роль выполняют местоимения и в такого рода конструкциях: *Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме.*

Особой экспрессией наполняются **вопросительные** местоимения и местоименные наречия в риторических вопросах, являясь сильным средством привлечения внимания читателя, собеседника к выделяемому предмету: *Что день грядущий мне готовит?; Куда, куда вы удалились, / Весны моей златые дни?* (А. Пушкин). В вопросах, на которые автор сам же дает ответ, местоимения выступают средством актуализации называемого далее понятия: *Что слава мира?... дым и прах; Кого ж любить? Кому же верить?* <...> *Любите самого себя* (А. Пушкин). Особенно эмоциональны те вопро-

сительные предложения, за которыми угадывается скрытое отрицание: *Что я еще могу сказать?* (А. Пушкин), *Кто же сердце мое порадует? / Кто его успокоит, мой друг?* (С. Есенин). В подобных конструкциях вопросительные местоимения как бы удваивают свое значение, выражая риторический вопрос и подсказывая отрицательный ответ.

Для стилистического анализа интересны **неопределенные** местоимения, которые на фоне всех остальных выделяет семантическая исключительность: их значения никогда до конца не выявляются в контексте. См., например, в произведениях А. С. Пушкина: *Когда б не смутное влечение / Чего-то жаждущей души...*; *Однако пожла Терсихоры / Прелестней чем-то для меня*. Если личные и притяжательные местоимения выступают средством субъективации авторского повествования, как бы «приближают» описываемое, то неопределенные местоимения, напротив, способствуют «отдалению» предметов и событий, о которых идет речь:

[Степан Трофимович Верховенский] успел напечатать... начало **одного** глубочайшего исследования — кажется, о причинах необычайного нравственного благородства **каких-то** рыцарей в **какую-то** эпоху или **что-то** в этом роде. По крайней мере, проводилась **какая-то** высшая и необыкновенно благородная мысль. <...> Прекратил же он свои лекции потому, что перехвачено было **как-то** и **кем-то**... **письмо к кому-то** с изложением **каких-то** «обстоятельств» вследствие чего **кто-то** потребовал от него **каких-то** объяснений... (Ф. Достоевский).

Настойчивое повторение местоимений (как в примере) заставляет усомниться в достоверности информации, настолько нереальным представляется скрытое в них значение. Однако в иных случаях присущее неопределенным местоимениям значение неясности, неизвестности создает вокруг них экспрессию таинственности, загадочности, что ценят поэты:

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

(А. Блок)

Отсутствие содержательной конкретизации неопределенных местоимений в контексте способствует развитию у них разнообразных оценочных значений. Чаще всего они получают негативную окраску, передавая пренебрежение:

Тут непременно кругом растет дрок (непременно дрок или **какая-нибудь** **такая** трава, о которой надобно справляться в ботанике). При этом на небе непременно **какой-то** фиолетовый оттенок, которого, конечно, никто никогда не примечал из смертных... (Ф. Достоевский).

Введение в текст неопределенных местоимений может быть вызвано и нежеланием собеседников назвать конкретное лицо, которое им хорошо известно: *Кое-кто будет не рад этому; Кто-то сейчас злится, узнав о вашем успехе*. Подобное употребление местоимений придает им значение, близкое к эвфемизмам.

Особую экспрессивную нагрузку получают неопределенные местоимения, используемые в контексте как символы понятий, лишенных реальной ценности, ничего не значащих для говорящего:

Проснуться было так неинтересно,
настолько не хотелось просыпаться,
что я с постели встал,
не просыпаясь,
умылся и побрился,
выпил чаю,
не просыпаясь,
и ушел куда-то,
был там и там,
встречался с тем и с тем,
беседовал о том-то и о том-то,
кого-то посещал и навещал,
входил,
сидел,
здоровался,
прощался,
кого-то от чего-то защищал,
куда-то вновь и вновь перемещался,
уговещал кого-то
и прощал,
кого-то где-то чем-то угощал
и сам ответно кем-то угощался,
кому-то что-то твердо обещал...

(Ю. Левитанский)

Здесь местоимения и скрытые за ними понятия, по сути, заполняют пустоту: то, что происходит в жизни лирического героя, не представляет никакой ценности.

В работе писателя над языком произведения местоимениям уделяется значительное внимание. Требование точности речи, борьба с многословием обязывают автора удалять в тексте те местоимения, которые не выполняют информативной и экспрессивной функции. М. Горький, шлифуя слог одного из молодых литераторов, подчеркивал, что слова *как-то*, *что-то*, *почему-то* надо употреблять лишь в крайних случаях: «Авторы должны знать, как, что и почему...»¹

Анализируя авторскую правку известных русских писателей, можно привести убедительные факты исключения из текста подобных местоимений и замену их точными определениями. Так, в поэме Н. А. Некрасова «Русские женщины»: *Достались вы ему / С богатством, с именем, с умом, / С такою красотой* — последние слова в рукописи зачеркнуты, вместо них вписано: *С доверчивой душой*. В предложении: *Какой-то тусклый и сырой / Пред нею коридор* внесено исправление: *Пред нею длинный и сырой / Подземный коридор*.

¹ См.: Русские писатели о языке... С. 705.

Можно проиллюстрировать и случаи отказа от точного наименования предмета и предпочтении автором местоимения, если оно в контексте получает стилистическую нагрузку. Например, известная пушкинская фраза из «Медного всадника» сначала звучала так: *На берегу Варяжских волн / Стоял глубокой думы полн / Великий Петр*. Однако поэт зачеркнул имя собственное; вместо него было вписано: *царь*, затем *муж*, и наконец поэт остановился на местоимении, которое, будучи употреблено без конкретизирующих существительных, в контексте звучит более значительно, торжественно: *На берегу пустынных волн / Стоял он, дум великих полн...*

Работая над «Станционным смотрителем», Пушкин несколько раз возвращался к сцене, которая в окончательной редакции обрела такой вид:

Потом, сунув ему **что-то** за рукав, он [Минский] отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице. Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава **сверток бумаг**; он вынул их и развернул **несколько пяти и десятирублевых смятых ассигнаций**.

Здесь соотношение неопределенное/определенное передается благодаря искусному введению местоимения: дан ряд *что-то* — *сверток бумаг* — *несколько ассигнаций*. Однако такой выразительности речи удалось достигнуть не сразу. В первой редакции было: *Потом, взяв несколько ассигнаций, сунул он мне за обшлаг*; во второй редакции: *Потом, взяв со стола несколько ассигнаций, сунул он мне их за рукав*. И только в окончательной редакции изложение объективируется благодаря использованию местоимения. О том, насколько важно это было для А. С. Пушкина, свидетельствует его правка.

3.5.3. Стилистический анализ вариантных форм местоимений

В системе склонения и словообразования местоимений имеются варианты, употребление которых в речи требует стилистического обоснования. Так, стилистически неравноценны варианты винительного падежа единственного числа местоимения женского рода *сама*. Формы *самоё* — *саму* сосуществуют в русском литературном языке. Сравнительно недавно второй вариант составители словарей относили к разговорному стилю, но теперь и его дают без ограничительных помет. Хотя форма *самоё* в словарях приводится первой, в речевой практике предпочтение отдается не ей. Об архаизации этой формы свидетельствует все более редкое употребление ее даже в книжных стилях: *Этими же словами можно определить и саму атмосферу, в которой оказались хоккеисты* (газ.).

Местоимение выделяется из всех частей речи богатством стилистических вариантов в словообразовании. Наиболее характерно стилистическое противопоставление литературных и разговорных или просторечных вариантов: *всякий* — *всяческий* (разг.), *какой* — *каковский* (прост.), *ничей* — *ничейный* (разг.), *какой* — *экий*, *экой* (разг.), *такой* — *такой-сякой* (разг.), *этакий* (разг.), *эдакий* (прост.), *их* (в значении притяжательного местоимения) — *ихний* (прост.), и т.д. Разговорные и отчасти просторечные вари-

анты, имеющие наибольшую экспрессию, неизменно привлекают внимание художников слова:

Ненавижу всяческую мертвечину!
Обожаю всяческую жизнь!
(В. Маяковский);

Там был приют суждений ярых
О недалекой старине,
О прежних выдумщиках — барах,
Об ихней пище и вине...
(А. Твардовский)

Некоторые варианты местоимений представляются грубым искажением литературной нормы: *ситот, кажинный, евоинный, ихний*. Составители словарей их не приводят даже с ограничительными пометами. Однако писатели не могут отказаться от употребления таких просторечных форм — настолько колоритны эти варианты местоимений как средство речевой характеристики:

Ну, дядюшка, дядюшка, спасибо! Отец-покойник в ноги бы тебе поклонился, ежели бы с войны вернулся. Ведь он-то думал, сын **евонный**, сирота горемычная, под крылом у дяди, а меня ворона своим крылом больше грела, чем дядя... (Ф. Абрамов).

Резко сниженные варианты местоимений выступают в художественной речи как своеобразные «стилистические сигналы» просторечия, и нередко достаточно одних этих «вкрапленных», чтобы воссоздать народный говор:

— А мы с Егором поедем, — сказала Настасья... — Может **ничё**... <...> Егор, ключ **куды**? — В Ангару, — сплюнул дед Егор. <...> — Давай **сюды**, — прикрывая рот платком, чтоб не разрыдаться, Дарья взяла у нее ключ, зажала его в кулаке. — Пушай у меня будет. Я тут буду заходить, доглядывать. <...> Мне тут рядом. **Кажин** день буду смотреть. Ты **об этим** не думай (В. Распутин).

Писатели настолько ценят диалектную, просторечную окраску вариантных форм местоимений, что часто стараются отразить особенности их произношения, сохраняют стяженные варианты:

Чё с **има** разговаривать — порешить их за это тут же... (В. Распутин); Мама, мама, да **како тако** чудо случилось?; Три года живу с **има**; Я говорю: «Меры **тки** примайте...» (Ф. Абрамов).

Стилистическое обыгрывание подобных вариантов местоимений в художественной речи нейтрализует их грубопросторечную окраску, уравнивая эти формы с иными народно-разговорными средствами русского языка.

Резко сниженные, просторечные варианты местоимений не представляют угрозы для культуры речи, так как не конкурируют с литературно правильными в условиях обычного контекста: выбор вариантов при употреблении местоимений не вызывает трудностей у говорящих. Однако

при обращении к местоимениям могут возникнуть иные проблемы, связанные со спецификой функционирования данной части речи.

Способность местоимений замещать предшествующие слова может стать причиной неясности высказывания: *Когда на пятом участке было замечено отставание, то по рекомендации профкома руководить им направили Головина* (местоимение может быть соотнесено с существительными *профком, отставание, участок*). Иногда возникает и искажение смысла, приводящее к комизму высказывания; см., например, напутствие журналиста спортсмену: *Пусть на этих километрах Владимиру встретятся хорошие люди, а попутный ветер поможет их преодолеть (людей?)*. Подобные казусы с толкованием местоимений обыгрывают юмористы:

Двое дерутся, третий не мешайся... Абрамка стал было его унимать, чтоб в кабаке не безобразил, а он Абрамку по уху. Абрамкин работник его... А он схватил его, поднял и оземь... Тогда тот сел на него верхом и давай в спину барабанить... Мы его из-под него за ноги вытащили. — Кого его? — Известно кого... На ком верхом сидел... — Кто? — Да этот самый, про кого сказываю (А. Чехов).

Во избежание двусмысленности и комизма высказывания (*Боясь грозы, старушка спрянула голову под подушку и держала ее там до тех пор, пока она не кончилась*) использование в речи местоимений требует особого внимания. Обычно местоимения указывают на употребленные ранее в тексте имена существительные, стоящие в той же грамматической форме рода, числа. В предложении при этом не должно создаваться условий для ошибочного осмысления местоимений, как, например, в следующем случае:

На фабрике будет новая **поточная линия**. Она позволит предприятию перейти на выпуск **обуви** новых моделей. Уже подготовлены помещения и площадки для ее установки...

Здесь между местоимением *ее* и существительным, на которое это местоимение указывает, оказалось еще одно существительное женского рода единственного числа (*обувь*), что мешает правильному восприятию текста. Такое неправильное употребление местоимений нередко приводит к абсурдности и комизму высказывания:

Из института на судно пришло **письмо**. Скоро **оно** снялось с якоря; готовится диспут на тему: «Свободное время **подростка** и как **его** убить»; **Воспитатель** обращает внимание ребят на то, что у кролика длинные уши и короткий хвост, **он** прыгает...

Из контекста должно быть ясно, какое именно слово замещается местоимением. В наших примерах это требование не выдержано. Для устранения таких ошибок нужно изменить порядок слов: *Пришло письмо на судно. Скоро оно снялось с якоря*; переделать фразу: *диспут на тему «Как организовать досуг подростка»*; отказаться от использования местоимения: *...кролик прыгает*.

Рассмотрим несколько примеров стилистической правки предложений, в которых причиной речевых ошибок стали местоимения:

1. Выросло целое поколение, для которых война — история.	1. ...поколение, для которого война — история. Или: ...поколение людей, для которых...
2. Это сцена последнего свидания и победных, молча прижавшихся в этом в последний момент перед всеми бойцами.	2. Это сцена последнего свидания героев, которые прижались в любви в минуты прощания перед всеми бойцами.
3. Пить сок желательно между приемами пищи (за 30–40 минут до еды). Выпитые во время еды, они могут усиливать брожение в кишечнике.	3. ...Сок, выпитый во время еды, может усиливать брожение в кишечнике.

Как видим, наиболее универсальный способ стилистической правки в подобных случаях — замена местоимения соответствующим именем существительным. Вместе с тем как речевая ошибка рассматривается и введение в текст местоимения при отсутствии существительных, которые замещаются. Например: *У железнодорожников пока всего пять очков, и он (вероятно, футбольный клуб?) вынужден будет расстаться с высшей лигой* (в данном контексте следует написать: *они вынуждены будут...*).

Иногда автор неправильно выбирает грамматическую форму местоимения, которое должно быть согласовано с замещаемым существительным:

1. Когда в институт приходит новое пополнение, мы убеждаемся, насколько различен уровень их подготовки.	Отсутствует согласование между местоимением их и существительным пополнение .
2. Ведомственная санитарная служба не имеет своего лица. Не лучше ли, покончив с ведомственностью, влить его в систему государственного санитарного надзора?	Местоимение должно указывать на существительное женского рода (<i>ведомственная служба</i>), но получилось, что оно согласовано со словом лицо .

В результате авторской небрежности порой возникает неоправданная замена одного местоимения другим: *Мы провели это время без **никакой** пользы* (следовало: *без всякой пользы*); *Создается впечатление **таково**, что вы ждете помощи со стороны* (нужно: *такое впечатление*); *Не могли бы вы нам **что-то** посоветовать?* (лучше: *что-либо, что-нибудь посоветовать*); *Ни о **какой-либо** внезапности не может быть и речи* (должно быть: *ни о какой внезапности...*); *Петров вывел Джека на прогулку со всеми своими медалями* (нужно: *его медалями*).

Ошибки возникают в результате неудачного выбора притяжательных местоимений, например: *Напротив старого городского укрепления раскинулась современная Иена с ее **цейсовскими** заводами* (следует: *со своими цейсовскими заводами*). Другой пример: *Врач попросил сестру взять в лаборатории **свой** анализ крови* (его анализ или ее?) — возвратно-притяжательное местоимение порождает двусмысленность, если в предложении два реальных субъекта действия (в данном случае — *врач* и *сестра*).

Употребление местоимений в тексте нередко создает речевую избыточность: *Перед своей смертью преступник покаялся* (уточнение своей излишне). Подобные конструкции требуют устранения плеоназма: *Николая Лукьяновича сердечно поздравили с его 80-летним юбилеем* (местоимение следует исключить); *Признание и успех не помешали Владимиру в своем выступлении выразить свою большую благодарность своему учителю* (в этом предложении только последнее местоимение может быть оправдано); *Я решил остаться работать в родной для меня деревне* (следует исключить выделенные слова).

Таким образом, специфика употребления местоимений в современном русском литературном языке обусловлена их особыми лексико-грамматическими свойствами. Во-первых, она требует пристального внимания к тем компонентам высказывания, которые впоследствии замещаются именем, указывающим на предмет, лицо, признак или количество. Во-вторых, необходимо скрупулезное отношение к форме согласуемых слов, а также к последовательному выбору нормативных, а не стилистически сниженных вариантов. Наконец, требуется внимательно подходить к фактам речевой избыточности и речевой недостаточности.

3.6. Стилистические особенности грамматических категорий глагола. Вариантные формы глагола

3.6.1. Стилистический потенциал глагола

Из всех частей речи глагол выделяется лингвистами как самая сложная и самая емкая; к тому же он аккумулирует огромную потенциальную силу экспрессии, так как обладает широкими возможностями описания жизни в ее развитии, движении.

Определение понятия

А. Н. Толстой отмечает: «Движение и его выражение – глагол – являются основой языка. *Найти верный глагол для фразы – это значит дать движение фразе*¹. В художественных произведениях все, о чем рассказывает автор, лишь тогда «оживает», когда события, люди, мотивы их поступков, свойства характеров представлены в динамике, в действии. Это закон художественного отображения жизни, о котором знали еще античные поэты. Аристотель, в частности, утверждал: «Те выражения представляют вещь наглядно, которые изображают ее в действии»².

В разных стилях глаголу отводится своя роль. Так, употребление глагольных форм сводится к минимуму в **официально-деловом стиле**, который отличается наиболее ярко выраженным именным характером речи. Здесь средняя частота употребления глаголов на каждую тысячу слов равна 60, в то время как в научном стиле она составляет 90, а в художественной речи – 151. Предписывающий характер официально-делового стиля, преобладание в нем констатирующего, описательного типов речи над пове-

¹ Толстой А. Н. Собр. соч. : в 10 т. М., 1961. Т. 10. С. 212.

² Цит. по: Античные мыслители об искусстве. М., 1938. С. 200.

ствованием, рассуждением определяют его статичность, вытеснение глагольных форм отглагольными существительными. Среди семантических групп глаголов, представленных в этом стиле, главная роль отводится словам со значением долженствования (*следует, надлежит, вменяется, обязуется* и пр.) и отвлеченным глаголам, указывающим на бытие, наличие (*является, имеется*). См., например, формулировку статьи из Семейного кодекса РФ:

Статья 63. Права и обязанности родителей по воспитанию и образованию детей

1. Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей.

Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей.

Родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами.

2. Родители обязаны обеспечить получение детьми общего образования.

Родители имеют право выбора образовательной организации, формы получения детьми образования и формы их обучения с учетом мнения детей до получения ими основного общего образования.

Научный стиль, которому в целом также присущ именной тип речи, все же предстает более глагольным в сравнении с официально-деловым. Хотя в научных текстах собственно повествование, событийный план по объему незначительны по сравнению с художественной речью, характеристика действий, процессов, закономерностей занимает здесь немалое место. Не случайно глагольность научного стиля в полтора раза выше, чем официально-делового. Стремление к абстрактизации речи в научных текстах получает отражение в подборе глаголов отвлеченной семантики (*быть, являться, иметь* и др.):

Мысль о том, что язык постоянно изменяется, не требует особых доказательств. <...> Самое важное для языка — расширение его общественных функций, так как от них зависит его судьба. Если язык утрачивает свои общественные функции, то он становится мертвым. Примером может служить латинский язык после падения Рима. <...> Интенсификация функционального развития обуславливает количественный рост лингвистических явлений, форм, способов — одним словом, обуславливает структурные изменения. Темпы и масштабы функционального развития языка влияют на внутроструктурное развитие, структурное же не определяет функционального развития языка, хотя язык с более развитой структурой имеет больше шансов быть многофункциональным¹.

В публицистическом стиле глагольность может стать определяющей чертой, если функционально-смысловой тип речи ориентирует на повествовательный, событийный характер изложения. При иных условиях в газетно-публицистических текстах (особенно если они испытывают сильное влияние официально-делового стиля) глагольность порой сводится к минимуму, что в одних случаях вполне закономерно, а в других оценива-

¹ Хроленко А. Т., Бондалетов В. Д. Теория языка : учеб. пособие. М., 2004. С. 375.

ется как проявление негативного влияния стандарта, снижающего эстетическую сторону речи. Например, стилистически оправдано употребление отглагольных существительных при низкой частотности глаголов в таком случае:

Согласно Конституции, государственным языком Российской Федерации является русский. Помимо обязательности его использования это означает и государственную его поддержку. То есть создание эффективной государственной системы обучения, широкую государственную пропаганду грамотной русской речи и письма, принятие правовых актов, требующих соблюдения правил русского языка и запрещающих его засорение¹.

В приведенном отрывке из глубоко эмоционального публицистического материала о необходимости государственной поддержки и защите русского языка употреблены два глагола и две глагольные неспрягаемые формы, при этом используется целый ряд отглагольных существительных, выступающих в значении «опредмеченного действия» как гибкое непредикативное средство зачина статьи. Такое распределение имен и глаголов в газетной статье отвечает задачам публицистического стиля. Иная картина соотношения указанных частей речи характеризует стиль репортажа:

Свой 75-летний рубеж перешагнуло ведущее образовательное учреждение города Новозыбкова — гимназия, предтечей которой стала средняя школа № 2, заложившая глубокие и ценные традиции. На них равняются, их развивают нынешние учителя гимназии, чей вклад в благородное дело обучения и образования маленьких граждан России заметен и неоспорим (газ.).

Публицистический стиль в сравнении с другими книжными стилями обладает значительно большими возможностями для использования различных семантических групп глаголов, хотя ограничения жанрового и тематического характера несколько сдерживают свободу авторского выбора.

В художественной речи глагольность выступает как функционально-стилевой параметральный признак. Значительное количество глаголов (в 2,5 раза больше, чем в официально-деловом стиле) является преимуществом образной речи и свидетельствует о том, что повествование занимает в художественных текстах существенное место.

Определение понятия

Об экспрессивных возможностях русского глагола говорили многие лингвисты и писатели. Так, еще Н. И. Греч отмечал, что глагол «придает речи жизнь», «присутствием своим живописит отдельные слова»². Современные исследователи утверждают, что в глаголе «струится самая алая, самая свежая, артериальная кровь языка» (А. К. Югов). Во всем богатстве своей семантики, со свойственными ему значениями грамматических форм и возможностями синтаксических связей, при многооб-

¹ Соколов В. «Котлеты-хаус», или Почему закон о языке игнорируется повсеместно // Лит. газ. 2014. № 24 (6467). 18 июня.

² Греч Н. И. Чтения о русском языке. Ч. 1. С. 292.

В художественной речи глагол используется прежде всего для передачи движения, выражающего динамику окружающего мира и духовной жизни человека. Если писатель хочет отобразить картины, в которых предметы перестают быть неподвижными, «вдохнуть жизнь» в повествование, он обращается к глаголам. Эту важнейшую стилистическую функцию глагола в художественной речи — **придавать динамизм описаниям** — проиллюстрируем примером из повести Василия Быкова «Сотников», где речь, насыщенная глаголами, выразительно рисует стремительно разворачивающиеся события, создает энергию и напряженность повествования:

Сотников сидел на головном в батарее тракторе... Перед самым рассветом Сотников не выдержал и только задремал на сиденье, как громовой взрыв на обочине вырвал его из сна. Комбата обдало землей и горячей волной взрыва, он тут же вскочил: «Комсомолец» сильно осел на правую гусеницу. И тут началось... танки расстреливали полк на дороге. <...>

Сначала нельзя было и разглядеть, где те танки: головные в колонне машины горели, уцелевшие бойцы с них бежали назад, дым и покореженные тракторы впереди мешали прицелиться. Но полминуты спустя между вербами он все же увидел первый немецкий танк, который медленно полз за канавой и, свернув орудейный ствол, гахал и гахал выстрелами наискосок по колонне.

Мастера художественного слова и стилисты видят в глаголе также яркое средство **образной конкретизации речи**. По наблюдению М. И. Кожинной, «для художественного повествования или описания характерна постепенность в передаче события, действия, движения, состояния, мысли, чувства как осуществляющихся во времени, как бы “дробность” изображения и отсюда — эстетически обусловленная последовательность глаголов»¹. Сравним стилистическое использование глаголов в прозе В. В. Быкова:

Поняв, что им отведено несколько скудных секунд, Сотников с расчетом кое-как развернул прямо на дороге последнюю уцелевшую гаубицу и, не укрепляя станин, едва успев содрать чехол со ствола, выстрелил тяжелым снарядом. <...> Сотников оттолкнул наводчика (орудие было уже заряжено), дрожащими руками кое-как довернул толстенный гаубичный ствол и наконец поймал это еще тусклое в утренней дымке страшилище на перекрестие панорамы.

Выстрел его грохнул подобно удару грома, гаубица сильно сдала назад, больно ударила панорамой в скулу; внизу, из-под незакрепленных сошников, брызнуло искрами от камней, одна станина глубоко врезалась сошником в бровку канавы, вторая осталась на весу на дороге. Сквозь пыль, поднятую выстрелом, он еще не успел ничего разглядеть, но услышал, как радостно закричал наводчик, и понял, что попал.

Если представить описание этой сцены средствами нехудожественной речи, то иным прежде всего окажется изображение действия: можно ожи-

¹ Кожина М. И. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966. С. 107.

дать более скудной подбор глагольных слов. Очевидец, вспоминая об описанных событиях, скорее всего, сказал бы: *Сотников навел пушку, выстрелил и подбил вражеский танк*. Писатель же детализирует описание, используя как средство речевой конкретизации целый ряд глаголов, и такое последовательное изображение действий создает эффект достоверности описываемой картины.

В художественной речи можно выделить целый ряд семантических групп глаголов, которые регулярно используются литераторами как средство образной речевой конкретизации. Эти глаголы лишены внеконтекстуальной стилистической окраски и даются в словарях без помет. Однако они неуместны в научном и официально-деловом стилях, где изложение отличается абстрактностью, тогда как выделяемые группы глаголов обозначают преимущественно конкретные, образно детализованные действия: *красться, метаться, кувыркаться, полоснуть, зашагать*. Таким образом, именно в художественной речи находит применение огромный выразительный потенциал глаголов самой разнообразной семантики, которые используются писателями с наибольшей полнотой.

Показательно, что по отношению к числу глаголов движения, зафиксированных в художественной речи, 67% отмечено только в ней (глаголы детализованной семантики), 27% — одновременно в художественной и газетно-публицистической речи, 15% — в художественной и научной, 9% — в художественной и официально-деловой речи.

Изображая героя через его действия, писатель не только создает реальный образ, но и проникает в психологию, внутренний мир персонажа, так как из отдельных поступков складывается поведение человека, а в нем, в свою очередь, отражаются чувства, желания и даже тайные помыслы.

Определение понятия

А. Н. Толстой, большой мастер «глагольного повествования», писал: «В человеке я стараюсь увидеть жест, характеризующий его душевное состояние, и жест этот подсказывает мне глагол, чтобы дать движение, вскрывающее психологию. Если одного движения недостаточно для характеристики, — пишу наиболее замечательную особенность (скажем — руку, прядь волос, нос, глаза и тому подобное) и выделяю на первый план эту часть человека определением... даю ее опять-таки в движении, то есть вторым глаголом детализирую и усиливаю впечатление от первого глагола»¹.

Особое значение для характеристики героя имеет выбор наиболее выразительных ключевых глаголов. При этом нередко вместо перечисления ряда действий, не имеющих принципиально важного художественного значения, называется одно действие, обозначенное необычным глаголом, отражающим, как в фокусе, сразу несколько движений героя, его реакцию, впечатления и т.д., представленных в обобщенном виде. Например, при передаче диалога писатели часто отказываются от употребления глаголов говорения, коммуникации (*сказал, отвечал, повторил, спросил*), а стараются найти слова, изображающие действия, которые сопровождают речь:

¹ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. : в 15 т. М., 1949. Т. 13. С. 569.

«Как!» — вспыхнула Дуня; По крайней мере вы-то на меня не сердитесь? — протянул ему руку Ставрогин. — Нисколько, — воротился Кириллов, чтобы пожать руку (Ф. Достоевский).

В таких случаях (в противоположность детализации) наблюдается компрессия, обобщающее изображение действия, ср.: *Дуня смуглилась, покраснела и сказала: «Как!»* Но подобная замена одних глагольных слов другими возможна лишь в художественных произведениях; в иных случаях, как правило, ограничиваются констатацией факта речи посредством соответствующего глагола. Круг глаголов, которые выступают в авторском повествовании в качестве проводников прямой речи, довольно широк и все более увеличивается благодаря метафоризации слов, рисующих психологические состояния, жесты, движения и действия людей. Другими словами, выразительные возможности глагола значительно увеличивает его образное переосмысление.

Определение понятия

Многие исследователи отмечают, что эстетическую функцию глагола определяют широкие возможности его метафоризации. А. М. Пешковский писал, что глагол более, чем какая-либо другая часть речи, пригоден для «одушевления» предметов при олицетворении. Иллюстрируя эту мысль, он привел пушкинские строки:

(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья, кусты теснятся
Под сенью их как дети

и дал такой комментарий: «Если бы было сказано: *растут тесно или в тесноте*, то это не подходило бы к сравнению кустов с детьми, потому что кусты здесь именно намеренно теснятся, стремятся расти теснее, как дети, сбегавшиеся под защиту матери»¹.

На особую активность глаголов в метафорической речи указывал профессор А. И. Ефимов. Анализируя метафорическое употребление глаголов, он назвал целый ряд слов, особенно часто используемых в переносном значении. Это, например, глаголы, характеризующие поведение животных: *вить, реветь, скулить, лаять, брехать, ржать, мычать*; глаголы движения: *лечь, ползать, идти* и пр.² Образное употребление таких глаголов свойственно также разговорно-просторечному стилю и составляет неотъемлемую черту национального колорита русского языка.

Глаголы в русском языке легко допускают субстантивные замены: *любить — относиться с любовью; гнаться — быть (пребывать) во гнев; покраснеть — стать красным*. Но метафоризация «оживляет» не глагольно-именные конструкции, а только глаголы. На это также обращал внимание А. М. Пешковский. Восхищаясь выбором глагольных метафор в стихотворении А. В. Кольцова «Лес», ученый сравнивает их с синонимическими конструкциями, подчеркивая преимущество выразительных глаголов как средства олицетворения:

Почернел ты весь,
Затуманился...
Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Л., 1928. С. 89.

² См.: Ефимов А. И. Стилистика русского языка. М., 1969. С. 184–186.

Ученый подчеркивал, что если бы «вместо *почернел, одичал* сказано было *сделался черен, сделался дик*, лес не показался бы нам таким живым, не напомнил бы так ясно пасунившегося, нахмурившегося человека»¹.

Преобладание глагольных конструкций над именными в художественной речи (а также отчасти в публицистическом стиле и в разговорной речи) способствует живости, эмоциональности данных стилиевых разновидностей русского языка. В противовес этому экспансия имени, вследствие замены глаголов отглагольными существительными, в научном и официально-деловом стилях создает тяжеловесность конструкций, определяя характерную для указанных стилей статичность описаний. Не случайно Г. О. Винокур, указывая на преимущества глагольности повествования при образном описании событий, подчеркивал, что употребление отглагольно-именной конструкции там, где возможна нормальная глагольная, делает выражение более «худосочным», «вялым», «книжным»².

Перечислив достоинства глагола, которые высоко ценятся художниками слова, мы, однако, не дали пока объяснения его исключительности как выразительного средства русского языка. Ведь не только глаголы, но и другие языковые средства могут изобразить движение, придать речи динамизм, быть средством речевой конкретизации и источником образности описаний. Например, А. С. Пушкин нарисовал картину Полтавского боя, полную динамики и борьбы, используя отглагольные существительные:

Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Безглагольные эллиптические конструкции способны передать стремительное движение: *Татьяна в лес, медведь за нею* (А. Пушкин). Ряд однородных существительных живо передает мельканье предметов при быстром движении, создавая тем самым динамизм пушкинского описания:

[Татьяна] мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала...

Примеры свидетельствуют, что глагол не является единственным средством изображения жизни в динамике; писатели иногда предпочитают иные источники речевой экспрессии. Кроме того, далеко не все глаголы могут служить указанной цели, поскольку их семантика весьма неоднородна. В составе рассматриваемой части речи есть немало слов, обозначающих состояния, не связанные с активными действиями. Это глаголы чувства, восприятия, мышления, внимания, желаний, эмоциональных, психических состояний и т.д. Соответственно, и стилистический эффект употребления глаголов различных семантических групп не одинаков.

Секрет изобразительной силы глагола, как и имени существительного, кроется не в семантике, а в его грамматической природе. Глагол — един-

¹ *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. (1926). С. 89.

² *Винокур Г. О.* Глагол или имя? Опыт стилистической интерпретации // *Русская речь*. Л., 1928. Вып. 3. С. 75.

ственная часть речи, которая представляет действие как процесс в грамматических формах времени, лица, наклонения, залога. В данных грамматических категориях получает исчерпывающее выражение понятие глагольности как процесса, отчего и установилось мнение, что глагол как часть речи «специально создан» для изображения действия. Отсюда следует вывод, что специфика глагольного сюжетоведения заключена в стилистическом использовании его грамматической природы и что источники экспрессии глагола должны быть связаны со стилистическим применением перечисленных основных категорий. Их взаимодействие с семантикой глагольных слов и создает неограниченные возможности для передачи тонких смысловых и экспрессивных оттенков при описании действия в самом широком значении этого слова. Отсюда и преимущества глагольного повествования, основанного на полном и точном изображении действия, что придает достоверность и выразительность художественной речи.

3.6.2. Стилистическая маркированность глагольных категорий

Выразительные возможности основных глагольных категорий обусловлены их непосредственной связью с важнейшими *понятийными* категориями, которые отражают в нашем сознании реальную действительность и необходимы для ее художественного воссоздания. Глагольное время отражает категорию *темпоральности*, вид — категорию *аспектуальности*, наклонение передает *модальность*, лицо — *персональность*, залог — *субъектно-объектные отношения*. Эти функционально-семантические категории могут быть выражены, конечно, и другими языковыми средствами (например, лексически, синтаксически), но в отличие от других частей речи глагол обладает специфическими грамматическими формами для их воплощения, что и ставит его в исключительное положение.

Поскольку в центре внимания стилистики должно быть использование глагольных категорий для усиления действенности речи, то объектом наблюдения являются прежде всего *художественная речь* и *публицистический стиль*, открытые для экспрессивного использования глагола.

3.6.3. Категория времени

При изучении стилистики глагола особое внимание привлекает категория времени, которую характеризуют, во-первых, своеобразное функционирование в разных видах речевой деятельности, а во-вторых, широкие экспрессивные возможности благодаря богатой синонимии временных форм. В сравнении с другими грамматическими категориями глагола категория времени наиболее наглядно отражает функционально-стилевую специфику использования глагольных форм.

В художественной речи, как и в разговорной, широко представлены самые различные формы времени с разнообразными оттенками их значений; см., например, у Ю. В. Трифонова:

Год назад, в сорок девятом, я окончил Литературный институт, куда работать не устроился, сидел дома и писал книгу. <...> На семинаре в Литинституте я читал раза два главы из повести, и Федину они как будто нравились. — Я сейчас

позвоню Твардовскому и скажу ему про вашу рукопись, — сказал он. <...>

Прошло много лет, и теперь я знаю, что такое толстые папки, которые приносят начинающие писатели. Они напоминают маленькие, хорошо упакованные коробки с динамитом: что-нибудь непременно будет взорвано. Ваша работа, ваше время, ваше спокойствие или ваши отношения с людьми. <...>

Прощаясь, Твардовский сказал:

— А Константин Александрович прав: читается ваша рукопись с интересом... Но сору там много. Дадим опытного редактора, поработаете как следует... — И вдруг прозрачно-голубые глаза, сохранявшие прохладную дистанцию, стали теплыми, близкими. — А знаете, Юрий Валентинович, моя жена заглянула в вашу рукопись и зачиталась, не могла оторваться. Это неплохой признак! Проза должна тянуть, тянуть, как хороший мотор...

Автор использует глаголы в форме прошедшего времени, описывая минувшее (*окончил, сидел, писал*); обращается к настоящему времени, указывая на факты, не связанные с временной протяженностью (*они (папки) напоминают*), или называя обычные, повторяющиеся действия, не связанные с конкретным моментом (*приносят (писатели)*), а также употребляя глагол для характеристики постоянного свойства предмета (*(рукопись) читается с интересом*); наконец, вводит глаголы в форме будущего времени, чтобы назвать предстоящие действия (*дадим, поработаете*). Все эти временные формы глагола легко сочетаются друг с другом, как бывает в непринужденной беседе или художественном повествовании.

В книжных стилях, прежде всего в научном и официально-деловом, репертуар временных форм глагола значительно беднее. Глаголы настоящего времени в научной речи, как правило, указывают на постоянные свойства, качества предметов, известные науке закономерности, процессы, характеризующие мир живой и неживой природы: *Волга впадает в Каспийское море*.

Научный стиль отличает использование таких малоупотребительных значений настоящего времени, как **настоящее регистрирующее**: *Опыты и анализы приводят к заключению...*; **настоящее предположения (ирреальное)**: *Допустим, существует две точки...*; при очень редком обращении авторов к привычным значениям указанной временной формы — к **настоящему времени момента речи**: *Тема, которую я решаюсь предложить...*; **расширенному настоящему**: *В последние годы разрабатывается проблема...* В научном стиле совсем не используется настоящее историческое время.

Формы прошедшего времени в научном стиле встречаются редко, и только в некоторых произведениях научного характера глаголы прошедшего времени преобладают (например, в сочинениях по истории). Формам будущего времени в научных текстах отводится минимальная роль; они могут встретиться в доказательствах теорем: *Проведем прямую*; в обобщениях формулировок. Следует подчеркнуть, что для научного стиля характерно использование и форм прошедшего, и форм будущего времени в отвлеченно-обобщенных значениях, синонимичных настоящему вне-временному: *В исследовании отмечалось...* (ср.: *отмечается*); *Опыты показали...* (*показывают*).

Официально-деловой стиль также отдает предпочтение формам настоящего времени, однако здесь они выражают долженствование: *Величина*

ущерба определяется страховой компанией. В документах юридического характера весьма последовательно употребляется настоящее предписания, реже встречаются глаголы со значением **вневременного действия**. См., например, формулировку ст. 4 из Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»:

Лица, нарушившие установленные настоящим Федеральным законом требования об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В официально-деловом стиле используется и будущее время глагола, которое выступает здесь в двух значениях — 1) **будущего долженствования**: *Это позволит решить...; Границы будут теми, какими они существовали...;* 2) **будущего условного**:

Российский Союз Автостраховщиков (РСА) произведет компенсационные выплаты собственнику транспортного средства в том случае, если страховая выплата по договору обязательного страхования или возмещение страховщику, осуществившему прямое возмещение убытков в соответствии с соглашением о прямом возмещении убытков, <...> в счет страховой выплаты не могут быть осуществлены.

В публицистическом стиле временные формы глагола представлены значительно шире, хотя в разных жанрах характер их меняется в зависимости от того, насколько стиль изложения приближен к книжной или разговорной речи. В первом случае в употреблении времен глагола прослеживаются те же закономерности, что и в других книжных стилях, — преобладание форм настоящего времени, употребляемых в отвлеченном значении:

Комбайн **вырезает** из монолита блоки, **подает** их на укладку; Стальные трубопроводы все чаще **заменяются** полиэтиленовыми.

Однако в отличие от научной и официально-деловой речи публицистический стиль открыт для использования форм настоящего времени глагола в значениях, придающих речи разговорный оттенок и экспрессию:

1) для **настоящего исторического**:

Партия регионов стремительно разваливается. <...> Идеология, государственный миф независимой Украины строятся на отказе от общего с Россией наследия¹.

2) для **настоящего актуального**: *Ох, закрутилась, открываю, открываю!*
Или: *Закопалась в быту... Переключаюсь, переключаюсь...*

¹ Замостьялов А. Руины независимости... // Лит. газ. 2014. 26 февр.

Употребление прошедшего и значительно более редкого будущего времени глагола в публицистическом стиле характерно для хроники, информации:

В пресс-центре «Интерфакса» состоялся брифинг для российских и зарубежных журналистов; Принятые решения, несомненно, будут способствовать созданию в творческой среде обстановки высокой профессиональной взыскательности.

Расширение временных форм глагола, как правило, связано со стремлением к выразительности речи, что, конечно, является достоинством языка, придает ему живость и разговорность. Очевидна также зависимость употребления временных форм глагола от способа изложения в разных функциональных стилях. В научном стиле «использование настоящего времени или его значительное преобладание свойственно описанию; напротив, преимущественное обращение к прошедшему характеризует повествование; сравнительное разнообразие времен, но с преобладанием настоящего, отличает рассуждение»¹.

Иная закономерность прослеживается в художественной речи: здесь описание обычно оформляется глаголами прошедшего времени, тогда как в повествовании широко используются формы настоящего времени. При оценке выразительных возможностей временных форм глагола наибольший интерес вызывает именно художественная речь, в которой получает применение все богатство стилистических оттенков и экспрессивных значений времен глагола. Однако следует иметь в виду, что темпоральная структура художественных текстов принципиально отличается от выражения временных отношений в иных функциональных стилях. Это объясняется тем, что мир образов, созданных писателем, воплощается в художественном времени, которое не является непосредственным отображением времени реального.

Временная структура художественного текста многообразна и сложна, в ней соединяются отражение объективного мира и вымысел писателя. Наши наблюдения не связаны с анализом темпоральной структуры целых текстов, поэтому ограничимся обзором использования синонимии временных форм глагола как источника речевой экспрессии, не забывая, однако, о том, что в художественных произведениях дается лишь образная модель реального времени.

В художественной речи, как, впрочем, и в иных стилях, экспрессивная окраска временных форм глагола очень часто определяется контекстом, речевой ситуацией. Поэтому одни и те же глагольные формы при определенных условиях могут оказываться и стилистически нейтральными, и экспрессивно окрашенными.

1. Экспрессивную окраску приобретает настоящее время при его **переносном** употреблении. Яркие краски для описания прошлых событий

¹ Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972. С. 211.

в форме живого рассказа представляет настоящее историческое (или *настоящее повествовательное*) время:

Вот и мы трое идем на рассвете по зелено-серебряному росному полю; слева от нас, за Окою... встает, не торопясь, русское ленивенькое солнце. Тихий ветер сонно веет с тихой мутной Оки... (М. Горький).

Благодаря использованию настоящего исторического времени события, о которых повествует автор, словно приближаются к читателю, предстают крупным планом: картина разворачивается как бы у нас на глазах. Обращение к настоящему историческому придает живость и газетным репортажам:

Крым подыхает маками и российскими флагами. Триколоры висят над козырьками магазинов, на балконах жилых домов, развеваются на автобусах. Девчонки щеголяют в красно-сине-белых платьях. В кафе особой популярностью пользуется соответствующий трехслойный коктейль. <...> На развалах и в палатках вместо традиционных украинских рубах-вышиванок продают футболки с изображением «вежливых людей» («зеленых человечков»), а также тельняшки с надписями «Няшмяш, Крым наш». <...> Над волнами плывет «Севастопольский вальс» (Светлана Самоделова, «Крым бросил якорь в России», «Брянская учительская газета» по материалам газеты «Московский комсомолец» от 30 мая 2014 г).

Писатели находят различные средства, которые помогают им усилить экспрессию глагольных форм в настоящем историческом. Например, его употребляют при описании неожиданного действия, нарушающего закономерное течение событий, что придает речи особую выразительность: *Пришли они, расположились поудобнее, разговорились. Вдруг является этот... и говорит...*

Экспрессивное использование художественного времени позволяет употреблять *настоящее* время в значении *будущего* для указания намеченного действия, а также для описания воображаемых картин:

У меня уже все готово, я после обеда отправляю свои вещи. Мы с бароном завтра венчаемся, завтра же уезжаем... начинается новая жизнь (А. Чехов); Об чем, бишь, я думал? <...> Ну знакомлюсь, разумеется, с молодой, хвалю ее, ободряю гостей (Ф. Достоевский).

II. Употребление форм *прошедшего* времени в экспрессивных стилях открывает еще большие возможности для усиления действенности речи. Глаголы прошедшего времени оказываются преобладающими в художественной речи, однако в переносном значении — для указания на действия, происходящие в настоящем или будущем времени, — они употребляются исключительно редко, так как «грамматическая сфера прошедшего времени наиболее глубоко и резко очерчена в русском языке. Это сильная грамматическая категория»¹. Вот почему выражающие ее формы с трудом поддаются субъективному переосмыслению, хотя трансформация временных

¹ Виноградов В. В. Русский язык... С. 211.

планов при употреблении глаголов прошедшего времени создает яркий стилистический эффект.

Очень оживляет повествование включение прошедшего времени совершенного вида в контекст будущего, что позволяет представить ожидаемые события как уже свершившиеся: *Ну... мундир на тебя, дубину, наденут... <...> Надел ты, дурак, мундир, нацепил медали... а потом что?* (Г. Успенский); или в контекст настоящего, когда действие оценивается как фрагмент повторяющейся ситуации: *Хорошо, Пикешка, в солдатах! Встал утром... лошадь вычистил... ранец... Ши, каша... ходи! вытягивайся* (М. Салтыков-Щедрин). Возможно и разговорное употребление прошедшего времени совершенного и несовершенного вида в значении будущего или настоящего с яркой экспрессией презрительного отрицания или отказа: *Так я и пошла за него замуж* (т.е. ни за что не пойду за него); *Да ну, боюсь я ее!* (т.е. не боюсь я ее). В подобных случаях проницательная констатация действия означает, что на самом деле оно никогда не осуществится. Неадекватность формы и содержания таких конструкций создает яркую их экспрессию.

Особая изобразительность прошедшего времени объясняется еще и тем, что в его арсенале, на периферии основной системы глагольных временных форм, есть такие, которые образно рисуют действия в прошлом, передавая их разнообразные оттенки. Несмотря на то что эти особые формы прошедшего времени носят нерегулярный характер и охватывают ограниченный круг лексем, их стилистическое применение заслуживает внимания. Так, выделяется ряд экспрессивных форм прошедшего времени, которым присуща преимущественно разговорная окраска, но «основная сфера их употребления – язык художественной литературы. Именно здесь они выступают как стилистическое средство, сохраняя свойственные живой разговорной речи модальные значения и яркую эмоциональную окраску»¹.

1. Формы **давнопрошедшего** времени с суффиксами *-а-, -ва-, -ива-* (*-ыва-*) указывают на повторяемость и длительность действий в далеком прошлом: *Бывало, писывала кровью / Она в альбомы нежных дев* (А. Пушкин). Писатели прошлого могли легко образовать подобные формы от самых различных глаголов, ср.: *бранивал, дировались* (И. Тургенев); *лакомливались, кармливал* (М. Салтыков-Щедрин); *мывала, севал, танцовывали, угацивали, смеивались* (Л. Толстой). В современном русском языке сохранились немногие из этих форм: *знавал, хаживал, едал, говаривал*; к ним писатели обращаются прежде всего как к средству речевой характеристики, придающему народно-разговорный оттенок высказыванию: *Это от простуды. Ишо с мялюшки дюже от простуды хварывал...* (М. Шолохов).

Грамматическое значение форм **давнопрошедшего** времени может усиливаться их сочетанием с частицей *бывало*: *...заснул тяжелым сном, как бывало сытал в Гороховой улице* (И. Гончаров). Правда, употребление этой частицы выходит за рамки лишь данной конструкции; частица *бывало* придает глаголу значение действия, повторившегося в давнем прошлом, и в сочетании с формами настоящего времени и будущего совершенного вида:

¹ Прокопювич Е. И. Стилистика частей речи (глагольные словоформы). М., 1969. С. 49–50.

Бывало... сидит... и смотрит на Ирину; Он возьмет, бывало, ружье, наденет ягдташ и отправится будто на охоту (И. Тургенев).

2. Формы прошедшего времени мгновенно-произвольного действия указывают на быстрое, совершавшееся в прошлом действие, подчеркивая его внезапность и стремительность: *...На грех поехал Симеон Петрович с пряжей в Москву, дорогой и заболел* (П. Мельников-Печерский). Эти глаголы только внешне совпадают с формами повелительного наклонения; по мнению большинства ученых, они представляют собой особые формы прошедшего времени изъявительного наклонения. В отличие от форм повелительного наклонения, которым совершенно чуждо значение времени, рассматриваемые глагольные формы всегда указывают на время. Они могут употребляться в одном временном плане с формами настоящего времени в рассказе о событиях прошлого:

Идет он с уздечкой на свое гумно... <...> а ребята ему шутейно и скажи... (М. Шолохов); Привели Татьяну, барыня и спрашивает: — Ты о чем? — А та с простоты и ляпни... (П. Бажов).

Впечатление неожиданности, мгновенности действия усиливают присоединяемые к глаголу элементы *возьми и...*, *возьми да и...*, которые придают действию оттенок неподготовленности, а порой и неуместности: *Приехала экскурсия, мы с Костей... стали комбайн показывать, а кто-то возьми да и запусти мотор...* (В. Каверин).

3. К экспрессивным формам прошедшего времени относятся и глагольно-междометные формы **внезапно-мгновенного действия** со значением стремительного движения или звучания: *прыг, бух, толк, стук, бац, бах, тук*. Многие из них синонимичны глаголам с суффиксом *-ну-*, обозначающим однократное действие в прошедшем времени: *прыг — прыгнул, бац — бацнул*; но в сравнении с ними такие формы стилистически более ярки и несут разговорно-просторечную окраску. Писатели широко используют эти глагольные слова, чтобы показать «ультрамгновенное» (по выражению А. М. Пешковского) действие: *Окунь сорвался с крючка, запрыгал по травке к родной стихии и... бултых в воду!* (А. Чехов).

Анализируя использование форм прошедшего времени в экспрессивных стилях, следует указать на большие выразительные возможности глаголов прошедшего времени с **перфектным значением**, выражающих понятие качественного состояния предмета в прошлом: *побледнеть, похудеть, помолодеть, поумнеть*. Изобразительность таких форм обусловлена тем, что они соотносительны с прилагательными и служат для качественной характеристики предмета; ср.: *побледнел — стал бледный, поумнел — стал умнее*. Как и прилагательные, они сочетаются с наречиями меры и степени, что выделяет их из числа других глаголов: *Знаете, мне кажется, что за последнее время я страшно поумнела* (А. Чехов). Эти формы совершенного вида прошедшего времени в изобразительной функции могут обозначать такие события прошлого, которые как бы располагаются в одной плоскости, не следуя друг за другом, что также уподобляет их прилагательным. Изобразительная функция подобных глаголов особенно очевидна в описании

портрета героев: [Николай Иванович] *постарел, расплодился, обрюзг; щеки, нос и губы тянутся вперед. — того и гляди хрюкнет...* (А. Чехов).

III. Глаголы **будущего** времени обычно получают заряд экспрессии при **переносном** их употреблении в иных временных планах. Будущее совершенного вида может указывать на действия, обращенные к настоящему времени: *Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой* (А. Грибоедов). Будущее совершенного вида часто рисует быстро сменяющиеся и повторяющиеся действия безотносительно к моменту речи:

Они поют — и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, — глядит...

(М. Лермонтов)

В сочетании с частицей *как* глагол в форме будущего времени совершенного вида, употребленный в значении **настоящего исторического** времени, указывает на внезапное наступление действия, отличающегося особой интенсивностью: *Достает Прохор Палыч «послание» и кладет на стол. Иван Иванович берется читать и... как захохочет!* (Г. Троепольский).

Будущее несовершенного вида уступает в выразительности рассмотренным выше формам. Переносное его употребление может привести к возникновению **абстрактного настоящего**, имеющего обобщающий смысл:

В литературе, как в жизни, нужно помнить одно правило, что человек будет тысячу раз раскаиваться в том, что говорил много, но никогда, что мало (А. Писемский).

В иных случаях его образность обусловлена модальными оттенками, которые будущее время может получать в речи. Так, выступая в собственном значении будущего времени, глаголы несовершенного вида способны выражать оттенок готовности совершить действие: *Целый день марабу будет дежурить у бойни, чтобы получить кусок мяса* (В. Песков). Если заменить форму будущего времени формой настоящего (*марабу целый день дежурит*), признак готовности у глагола исчезнет.

Другой возможный модальный оттенок будущего несовершенного — уверенность в совершении действия: *Вернувшись из далекого путешествия, обязательно будешь хвастаться, рассказывать диковинные вещи* (В. Солоухин).

3.6.4. Категория вида

В использовании грамматической категории вида глагола в различных стилях наглядно отражается специфика каждого из них, поскольку степень конкретности речи или ее отвлеченно-обобщенный характер закономерно проявляются в преобладании глаголов того или иного вида. При этом избирательность в употреблении видов глагола согласована и с использованием его времен, в чем проявляются системные связи этих грамматических категорий на основе их общей функции.

Наибольшим разнообразием видовых форм глагола выделяется разговорная речь, в которой предпочтение тех или иных видовых значений всегда обусловлено экстралингвистическими факторами и выступает реальным выражением категории аспектуальности. Глаголы совершенного и несовершенного вида в разговорно-бытовой, синтетической речи и диалогах художественных произведений распределяются относительно равномерно.

Богат видовыми формами глагола и публицистический стиль, отражающий жизнь во всей ее динамике и подверженный влиянию разговорной и художественной речи. Однако в жанрах, испытывающих воздействие официально-делового и научного стилей, увеличивается процент форм несовершенного вида, которые по лексико-грамматическому и функциональному значению являются более отвлеченными, обобщенными (в научном стиле соотношение глаголов несовершенного и совершенного вида составляет 77,8 к 20,8%; при этом 1,4% — глаголы двувидовые).

Обращает на себя внимание не только количественная, но и качественная сторона, а именно функционально-семантический отбор глагольных слов. Выделяется целый ряд глаголов, которые в научном стиле могут выступать только в форме несовершенного вида, что объясняется особенностями их значений и употребления. Здесь широко представлены глаголы, выражающие постоянные признаки предметов: *вода растворяет, железо плавится, кислота разъедает*; глаголы, употребляющиеся в устойчивых сочетаниях: *реакция протекает, напрашивается вывод, задается уравнение*. Двувидовые глаголы (*активизировать, гарантировать, использовать, образовать, унифицировать* и пр.) реализуют свое значение несовершенного вида. Наконец, в научных текстах широко представлены непарные глаголы, у которых нет формы совершенного вида: *существовать, зависеть, наблюдаться, состоять, соответствовать, отсутствовать, полагать* и др.

В официально-деловом стиле (при общем предпочтении форм несовершенного вида) наблюдаются резкие расхождения видовых форм в различных жанрах. Так, в уставах, правовых актах, нотах, заявлениях, сводах законов, представляющих собой изложение правил и норм общественной жизни, стиль носит более отвлеченный характер, что создает условия для использования форм несовершенного вида: *Дееспособность — это возможность лица своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права и обязанности*. В жанрах более конкретного содержания — приказах, протоколах, постановлениях, актах, договорах — могут преобладать глаголы совершенного вида. Они указывают на долженствование, приказание, разрешение произвести то или иное действие и т.д.: *рассмотреть, подписать, сообщить, предупредить, проверить, передать, обеспечить, улучшить, устранить, утвердить* и др.

Кроме того, в официально-деловом стиле есть глаголы, которые выступают только в форме несовершенного вида: *предоставляется (право), (жалобы) подаются*. Часто повторяются одни и те же глаголы из состава двувидовых, выступающие здесь в значении несовершенного вида: *рекомендовать, организовать, контролировать, соответствовать*.

Особый интерес представляет изучение видовых форм глагола в художественной речи. Ее конкретно образный характер, казалось бы, должен

проявиться в решительном преобладании глаголов совершенного вида. Однако увеличению их числа в художественной прозе препятствует обстоятельство, что большая роль в ней отводится повествованию, которое требует употребления настоящего исторического и прошедшего повествовательного времени, выражаемых глаголами несовершенного вида. Но все же и здесь прослеживается общая закономерность: конкретность содержания обращает автора к использованию конкретных языковых единиц, в том числе глаголов совершенного вида.

Важно подчеркнуть, что глаголы совершенного вида передают поступательное движение от одного факта к другому в цепи событий, тогда как глаголы несовершенного вида не выражают развития событий во времени, вследствие чего с совершенным видом связывается элемент динамики, а с несовершенным — статике. Однако выразительность и динамичность в художественных текстах достигается использованием экспрессивных возможностей обоих видов глаголов: причем для образного их употребления характерна весьма неравномерная частотность то одних, то других видовых форм, что также способствует усилению двойственности речи. Кроме того, изменение конкретно-фактического видового значения глагола в контексте возможно лишь в эмоциональной речи.

Наибольшая выразительность присуща глагольным формам совершенного вида, который в русском языке выступает как сильный член видового противопоставления и потому при трансформации свойственного ему грамматического значения привлекает внимание новизной своей функции. Так, при обозначении повторяющегося действия глаголами совершенного вида возникает возможность передачи типичного через единичное: *Чего женщина не сделает, чтоб огорчить соперницу!* (М. Лермонтов). Это потенциальное значение совершенного вида указывает на то, что названное действие может произойти *всегда* при известных обстоятельствах, ср.: *Так делает всякая женщина, когда хочет огорчить соперницу.*

Глаголы несовершенного вида, обозначающие **обобщенно-фактическое действие**, привлекаются для указания на действие, присущее обычно совершенному виду, — конкретно-фактическое: *Скорее кончилось бы всё это!* (М. Горький); ср.: *скорее кончилось бы.*

Образному восприятию глаголов способствует и **нейтрализация видового противопоставления**, т.е. употребление глаголов несовершенного вида, получающих некоторые функции совершенного, в таких временных планах, которые, казалось бы, исключают совершенный вид. Например, глаголы в форме настоящего исторического, настоящего сценического или настоящего в значении будущего, имеющие форму несовершенного вида, в тексте как бы замещают глаголы совершенного вида, обретая характерные для них значения; ср.: *Прихожу я вчера и узнаю — Пришел я вчера и узнал; Завтра же уезжаем и расстаемся навсегда — Уедем и расстанемся*; в таких случаях глаголы несовершенного вида обозначают конкретный единичный факт.

Нейтрализация видового противопоставления значительно расширяет диапазон выразительных возможностей несовершенного вида. В частности, в этом случае они могут обозначать **конкретное единичное действие**.

паступившее после предшествовавшего длительного: *Саперы работают без передышки. Вдруг Шапов падает* (П. Павленко); ср.: *работали... упал*. В подобных контекстах глаголы несовершенного вида даже изменяют свою грамматическую сочетаемость — могут сочетаться с наречиями, обозначающими быстрое действие, смену событий: *вдруг, неожиданно*.

При нейтрализации видового противопоставления глаголы несовершенного вида, означающие многоактивный способ действия, получают значение одноактного действия: *С полатей выбирается мальчуган, напяливает подшубок, схватывает шапочку и хлопает дверью* (П. Бажов). Такое «наложение», сочетание контрастных видов живо рисует действие, создавая зримую картину.

Очевидно, нейтрализация видового противопоставления является стилистическим средством достижения образительности глагольного слова. Однако нельзя забывать и о том, что переносное употребление видовых форм глагола может стать причиной двоякого понимания высказывания. См., например: *Герой добивается любви этой девушки* — неясно, достигну действие результата или нет.

Современные грамматисты связывают изучение вида с характеристикой лексико-грамматической категории **способов глагольного действия**, которая наряду с категорией вида является морфологическим выражением категории аспектуальности и тесно взаимодействует с видовыми значениями глагола. Анализ способов глагольного действия представляет большой интерес для грамматической стилистики, поскольку различные группы глаголов, объединенных по способу действия, аккумулируют в себе особую образительную энергию. Разнообразные оттенки видовых значений и стилистической окраски у глаголов разных способов действия определяются, как правило, особенностями их словообразования.

Стилистически маркированы глаголы совершенного вида, обозначающие **одноактный способ действия**, образованные при помощи суффикса *-ану-*; они имеют просторечную окраску и оттенок резкости, **неожиданности и интенсивности действия**: *резануть, рубануть*. Близкие к ним по значению, но лишенные просторечного оттенка глаголы совершенного вида с суффиксом *-ну-* (*кольнуть, свистнуть, крикнуть, стукнуть*) привлекают писателей своим динамизмом, значением **интенсивности начала действия** и также выполняют образительную роль в речи. Так, М. Горький, анализируя язык романа «Бруски» Ф. И. Панферова, указал на недостаточное внимание автора к слову при употреблении глагола; например, в конструкции: *С рыком сорвался с цепи* — он предложил использовать более выразительную форму: *рванулся*¹. Нельзя пренебрегать оттенками способов действия, делаящими речь точной и выразительной.

Разговорный характер носят глаголы несовершенного вида **прерывисто-смягчительного способа действия**, образованные с помощью приставки *по-* и суффиксов *-ва-*, *-ива-* (*-ыва-*): *повизгивать, позевывать, покрикивать*. Глаголы несовершенного вида, обозначающие много раз совершаемое действие, образованные от бесприставочных глаголов несовершенного

¹ См.: Горький М. Собр. соч. : в 30 т. М., 1953. Т. 26. С. 402–403.

же вида с помощью суффиксов *-а-*, *-ва-*, *-ива-*(*-ыва-*), имеющие только формы прошедшего времени и значение **многократности действия**, также используются в разговорной и художественной речи: *хаживать, говорить, знавать, певать*. Их стилистическая окраска привлекает писателей. Интересно отметить, что А. С. Пушкин, работая над повестью «Станционный смотритель», заменил стилистически нейтральную форму глагола народно-разговорной: *Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался?* (первоначально было: *бранился*).

Ряд способов глагольного действия выделяет особенно сильная экспрессивная окраска. Это прежде всего **усилительный способ действия**: *разахаться, разовсваться, разоткровенничаться*. Не уступает ему в экспрессии **интенсивный способ действия**, представленный несколькими группами глаголов, выражающих различные оттенки значения: *забегаться, заждаться, загоститься, загуляться* (такие глаголы обозначают действие, выходящее за пределы обычного или допустимого, отражая увлеченность, поглощенность субъекта действием); *загнуть, заласкасть, заездить, закормить* (эти глаголы указывают на результативность, которая иногда бывает осложнена оттенком такой полноты и интенсивности действия, что доводит объект до какого-то крайнего, выходящего из обычных границ состояния); *убегаться, упрыгаться, уходиться, уездиться* (глаголы данной группы обозначают действие, которое вызывает усталость, бессилие субъекта); *избегаться, изголодаться, исстрадаться* (у таких глаголов подчеркнуты длительность, интенсивность и исчерпанность действия).

Экспрессивны и глаголы, обозначающие **длительно-смягчительный способ действия**: *наигрывать, напевать, насвистывать*. Они называют длительное, но в то же время ослабленное, приглушенное действие и употребляются преимущественно в разговорном стиле. Нельзя отказать в выразительности и некоторым другим глаголам, характеризваемым разными способами глагольного действия: *разгуливать, выделявать, выглясывать, переловить, пересажать*.

Так, особую стилистическую нагрузку имеют способы глагольного действия (СГД) в поэзии С. А. Есенина:

1) длительно-ограничительный СГД:

Проплясал, проплакал дождь весенний,
Замерла гроза;

2) финитивный СГД:

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Или:
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет;

3) смягчительный СГД:

Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок;

4) накопительный СГД:

Напылили кругом. Накопытили.	Пли:
И пропали под дьявольский свист.	Понакаркали черные вороны
	Грозным бедам широкий простор;

5) тотальный СГД:

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса;

6) СГД со значением действия, выходящего за пределы допустимого:

И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.

Стилистически мотивированным является использование вида глагола в формах **повелительного** и **сослагательного** наклонения. В повелительном наклонении также возможна нейтрализация видового противопоставления глаголов; ср.: *Сядь — Садись; Зайдите — Заходите*. В таких случаях формы несовершенного вида имеют оттенок приглашения, а формы совершенного вида представляются более категоричным выражением побуждения и означают скорее приказание, чем просьбу, ср.: *Рассказывайте, рассказывайте, мы внимательно слушаем — А ну, расскажи, как ты сам жил в эти годы* (М. Горький). В иных случаях (например, при повторе глагола и сопоставлении видовых форм) несовершенный вид может выразить оттенок более резкого и решительного требования: *Выверните карманы! Ну, живо! Что я вам говорю? Выворачивайте!* (Н. Островский). Для выражения совета с помощью сослагательного наклонения обычно используется глагол несовершенного вида: *Шла бы ты домой, Пенелопа!* (шуточная песня), *Молчали бы вы лучше*; и только некоторые глаголы, означая желание, просьбу, употребляются в сослагательном наклонении преимущественно или исключительно в форме совершенного вида: *вы спросили бы, ты сказал бы*. При отрицании глаголы сослагательного наклонения в форме совершенного вида выражают беспокойство, опасение: *не опрокинул бы, не ударилась бы, не забыли бы*.

3.6.5. Категория наклонения

Стилистический интерес к категории наклонения обусловлен развитой синонимией и яркой экспрессивной окраской ряда глагольных форм. Стилиобразующим признаком является частотность форм **изъявительного** наклонения (на 1000 словоупотреблений в научном стиле приходится 72 формы изъявительного наклонения, в официально-деловом — 38, в художественной речи — 132). Изъявительное наклонение по сфере употребления универсально, оно свободно используется в любом стиле и потому в стилистическом комментарии не пуждается. Объектом изучения стилистики должны быть повелительное наклонение и сослагательное наклонение, которые как «косвенные» противопоставлены изъявительному, или «прямому», наклонению. Обозначая нереальное действие, они

являются сильными членами противопоставления в системе наклонений, что и определяет их экспрессивную окраску. Из-за ограниченного употребления в функциональных стилях повелительное и сослагательное наклонения стилистически маркированы¹.

Повелительное наклонение принадлежит преимущественно разговорной речи и проникает в те книжные стили, которые открыты для ее влияния. Показательно, что в официально-деловом стиле, для которого весьма характерна модальность, отличающая повелительное наклонение (приказание, требование, побуждение и т.д.), непопулярны чистые повелительные формы (ни в одном приказе мы не встретим: *наградите орденом, поблагодарите работников, уплати штраф, возместите убытки*). Здесь для выражения соответствующего модального значения используются иные языковые средства, например инфинитивные конструкции: *наградить, возместить, оштрафовать* (чаще — *назначить наказание в виде штрафа*). Сама природа повелительного наклонения, в выражении которого решающее значение приобретает интонация, указывает на его «разговорность», принадлежность устной форме речи.

Яркая экспрессия императива привлекает к нему писателей и публицистов. Они используют формы повелительного наклонения для воспроизведения диалога:

— И ни-ни! не пушу! — сказал Ноздрев. — Нет, не обижай меня, друг мой, право, поеду, — говорил зять... <...> Нет, ты не держи меня! (Н. Гоголь).

В поэтической речи повелительные формы глагола служат средством создания эмоционально ярких побудительных конструкций: *Отворите мне темницу, / Дайте мне сиянье дня* (М. Лермонтов); средством достижения высокой патетики речи: *Встань, пророк, и виждь, и внемли...* (А. Пушкин).

В повествовании стилистически обыгрывается «разговорность» повелительного наклонения: автор обращается к читателю, как к доброму собеседнику, придавая речи непринужденный, дружеский тон:

Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! Фу ты пропасть, какие смушки! <...> Взгляните ради бога на них!.. (Н. Гоголь).

В научно-популярных произведениях, в некоторых жанрах научного стиля (прежде всего в учебной литературе) повелительное наклонение помогает автору установить контакт с читателем, воздействовать на восприятие текста, вызвать интерес, усилить внимание: *Не забывайте, что мы с вами перенеслись на несколько столетий назад*. Этот прием оживляет речь, увеличивает читательскую активность.

В публицистическом стиле, помимо случаев обращения журналиста к читателю с целью активизировать его восприятие, следует указать на особую сферу стилистического применения повелительных форм гла-

¹ Повелительное и сослагательное наклонения вместе составляют в научной речи (и в авторской художественной речи) менее 1%.

гола — газетные заголовки с побудительными конструкциями: *Берегите леса сибирские!*; *Наследуй опыт!*; *Дерзай, твори!* и др. Подобные обращения в заголовках призваны воздействовать на читателя.

Особый стилистический прием, популярный в публицистическом стиле и художественной речи, — побуждение к действию неодушевленного предмета или животного, приводящее к олицетворению: *Работай, великан!* (о заводе); *Расти, норка, большая!* (о звероводстве); *Скажи мне, ветка Палестины* (М. Лермонтов).

Сослагательное наклонение не встречает функционально-стилевых преград. Оно употребляется и в разговорной речи, и в книжных стилях. Однако потребность в нем в силу экстралингвистических факторов возникает нечасто, поскольку модальность гипотетичности действия наблюдается значительно реже, чем модальность реальности действия или побуждения к нему; ср.: *Полчаса тому назад, сударь вы мой, вы бы увидели меня в совершенно другой позиции* (И. Тургенев) — *Вскоре я увидел в туманной мгле какие-то строения*. Вторая конструкция, несомненно, более употребительна. Что касается переносного употребления сослагательного наклонения (для выражения желания, побуждения), то его сфера ограничивается разговорной и художественной речью: *Я сыграла бы теперь что-нибудь* (А. Чехов); *...Вы бы поговорили с Александрой, она ведет себя отчаянно* (М. Горький).

Для грамматической стилистики представляют интерес языковые средства выражения различных экспрессивных оттенков значений «косвенных» наклонений. Так, известно, что добавление к форме повелительного наклонения постфикса *-ка* смягчает приказание: *Посмотри-ка сюда!* Однако этим не ограничивается стилистическая роль постфикса, он может придавать высказыванию оттенок интимности: *Не спиится мне... боязно чего-то, поговори-ка ты со мной* (М. Горький), иронии, насмешки: *Нет, голубчик, иди-ка, иди!* (М. Горький). В сочетании с формой повелительного наклонения, не имеющего значения времени, постфикс *-ка* уточняет темпоральность высказывания; его употребление обычно указывает на действие, близкое к моменту речи: *Дай-ка мне книгу!*; *Подожди-ка!*; *Вернись-ка!* Ср. в старинной песне: *Тебя я умоляю, о дай мне снова жить! Вернись ко мне, вернись!* — действия не близкие, а скорее весьма отдаленные: *вернись когда-нибудь, в необозримом будущем*.

Частица *пускай*, вовлекаемая в образование форм 3-го лица повелительного наклонения, придает им разговорную окраску: *пускай говорит, пускай все узнают*. От нее стилистически отличается частица *пусть*, которая, наряду с частицей *да*, используется в лозунгах и восклицаниях, придавая речи торжественную окраску: *Да здравствует солнце, да скроется тьма!* (А. Пушкин); *Пусть всегда будет солнце!* Разговорные частицы *да, же*, присоединяемые к формам повелительного наклонения совершенного вида, придают им оттенок настойчивости, нетерпения: *Да подожди!*; *Да не спеши ты!*; *Отвечай же!*

Стилистически разнятся повелительные конструкции с личным местоимением и без него: *Заходите — Вы заходите; Не говори — Не говори ты*.

Добавление местоимения смягчает требование, придает высказыванию оттенок просьбы, создает атмосферу интимности.

Интересна особенность употребления вида в повелительных формах глаголов при утверждении и отрицании: совершенный вид в побудительной конструкции закономерно сменяется несовершенным в отрицательной. Ср.: *Расскажите!* — *Не рассказывайте!*; *Принеси!* — *Не принеси!*; *Оставьте!* — *Не оставайтесь!*; *Вызовите!* — *Не вызывайте!* Если же употребить повелительное наклонение совершенного вида (*Не расскажите!*), то оно выразит предостережение.

Форма совместного действия, нередко включаемая в парадигму повелительного наклонения, образуется нерегулярно; некоторые глаголы в этой форме выглядят как книжные, устаревшие: *накормите, потратите, сосчитайте, решите*. Напротив, оттенок непринужденности, а нередко и фамильярности отличает формы с частицей *давай* (*давайте*): *Давайте сделаем!*; *Давай расскажем!*

Яркую эмоционально-экспрессивную окраску имеет глагол в повелительной форме 2-го лица единственного числа, обращенный ко многим лицам: *Ложись! Стой!* Так обычно в устной речи выражается команда: [майор] *обернувшись, вполголоса подает команду: «Под-тя-ни-ись, братцы!»* (Ю. Бондарев).

Экспрессивно окрашены и формы повелительного наклонения, употребленные в переносном значении, когда императивность сменяется иными модальными оттенками. Так, форма повелительного наклонения в конструкциях, направленных к обобщенному лицу, означает невозможность действия: *А попробуй скажи ему об этом. Куда там!* (Г. Троспольский); *Жди от такого помощи, как же* (С. Залыгин). Подобные конструкции выражают невозможность побуждения к действию. Повелительное наклонение может означать вынужденную необходимость действия: *У нее нет ни дома, ни родных. Хочешь не хочешь, а иди и слушай разговоры* (А. Чехов). В таких конструкциях отсутствует всякое побуждение.

3.6.6. Категории лица и числа

Категория лица, выражающая значение персональности, справедливо считается одной из основных в системе морфологических признаков глагола наряду с формами времени и наклонения. Грамматисты видят в совокупности этих категорий средство выражения предикативности высказывания, и хотя персональность в сочетании с темпоральностью и модальностью не исчерпывают значения предикативности, они отражают ее важнейшие стороны, определяя организующую роль глагола в структуре предложения.

Для стилистической оценки рассматриваемых категорий важно, что лицо и число из всех формальных признаков глагола наиболее способствует наглядности, конкретности изображения действия, от чего зависит и экспрессивная окраска глагольных форм, и специфика их использования в разных стилях речи. Переносное употребление личных форм глагола создает разнообразные стилистические оттенки в их значении.

Использование форм лица и числа глаголов в функциональных стилях подчиняется определенным закономерностям. Наиболее свободно указан-

ные формы функционируют в художественной речи, тогда как в официально-деловом стиле они сведены до минимума. Это объясняется преобладанием глагольности в художественной речи, ее личностным характером в противовес именованному типу речи деловых документов и господствующему в них «безличному» стилю изложения, исключающему указание на конкретное лицо.

Научный стиль выделяется полным отсутствием глаголов 2-го лица единственного числа и очень редким употреблением 2-го лица множественного числа. В соответствии с функциональной спецификой научного стиля в нем широко используется 1-е лицо множественного числа, означая так называемое **авторское мы**: *Как нам представляется*; *Как мы считаем*; *Ниже мы приводим диаграммы*; *Напомним, что...*; *Заметим, что...* и т.д., а также **мы совокупности** — при активном привлечении слушателей, читателей к описываемому: *Станем нагревать стержень...*; *Возьмем более поздний период...* и т.п.

Нередко 1-е лицо множественного числа в научном стиле получает характерный оттенок **обобщенности**: *Мы называем пустым сосуд, если в него ничего не налито*; **безличности**: *Длительный звук мы называем музыкальным* (ср.: *принято называть...*); *Описанные особенности мы можем выразить таким образом (можно выразить...)*.

В то же время в научном стиле практически отсутствует самое характерное для 1-го лица множественного числа значение — указание на нескольких лиц (*я и другие*), которое как исключение встречается лишь в коллективных трудах.

В научном стиле 3-е лицо глагола также отражает его отвлеченность — указывает преимущественно не на лицо, а на предмет: *Водород получается следующим образом*. В научном изложении глаголы 3-го лица очень часто приобретают неопределенно-личное значение, иногда с оттенком обобщенности: *Эти свойства приписывают кислороду*. Во многих случаях формы 3-го лица в научном стиле, по существу, не содержат вовсе указания на какого-либо деятеля, он неконкретен, неизвестен: *Материя познается...*; *Присутствие масла не замечается...*

Официально-деловой стиль также характеризует ограниченность употребления личных форм глагола. Форма 1-го лица единственного числа употребляется лишь в особых клишированных оборотах некоторых видов деловых бумаг, например в заявлениях: *Прошу рассмотреть*; доверенности: *Доверяю получить*, а также в резолюциях: *Разрешаю*; *Не возражаю*. Формы 2-го лица единственного и множественного числа практически не употребляются, что обусловлено экстралингвистическими факторами и господствующей здесь «безличной» формой речи. Глаголы 3-го лица в этом случае употребляются чаще, чем в научном стиле. Это объясняется содержанием официально-деловых текстов: в них регулируются отношения между лицами, организациями, устанавливаются их права и обязанности. Поэтому в документах, закрепляющих такие отношения, называются лица и предметы, а глаголы согласуются с их наименованиями в 3-ем лице: *Окончательные расчеты производятся...*; *Платежи вносятся...*; *Поставщик*

обязуется... и др. Причем в официально-деловом стиле в отличие от художественной речи форма 3-го лица глагола очень часто указывает не на субъект действия, а приобретает страдательное значение: *Выплата страховой суммы производится по истечении срока...; Договор признается недействительным...*

Публицистический стиль дает простор для использования всех трех личностных форм глагола в единственном и множественном числе. Обращение к ним обычно диктуется стремлением журналиста сделать текст живым, эмоциональным. Повествование от 1-го лица обычно ведется в тех случаях, когда автор пытается показать свое отношение к факту, воздействовать на читателя. Личные формы глагола дают возможность выразить ту или иную мысль через субъективное восприятие автора или его героев, что значительно повышает действенность речи, решает проблему «очеловечивания» темы, затронутой публицистом. Приведем яркий пример:

Либеральные златоусты лишены общения с жаждущей их живого слова аудиторией. Однако это парадоксальным образом не сказывается на их, так скажем, материальном положении. <...> Обличать, бунтовать, ёрничать, глумиться, элементарно злостствовать, оказывается, необычайно выгодно.

Ну, хорошо, они присяжные, можно сказать, профессиональные демократы. Я же демократ скорее стихийный, по происхождению и душевному складу. Значит ли это, что разница в нашем жизненном укладе должна буквально подавлять воображение. Я пойду выстаивать очередь в районной поликлинике за льготным рецептом, а они упорхнут на Мальдивы скорбеть о неуважении в их несчастном отечестве к незабываемым основам европейского правосознания. <...> Никогда еще в истории России оппозиционная активность не была столь коммерчески выгодна.

Заметьте, я ничуть не подвергаю право литератора искренне страдать по поводу российского устройства и российской политики. Я лишь, по нынешнему выражению, не догоняю, каким образом эти высокие чувства уживаются с презрением к отечественной культуре и цивилизации как таковой... <...>

Над этим курортом [Майами]... витает дух сытой российской оппозиции. Суть его, этого духа, в эгоистическом равнодушии к реальным проблемам страны и народа. Я даже не хочу обвинить оппозицию в особой агрессивности и злобе, она именно безразлична и равнодушна ко всему, что не есть ее собственное благополучие и сытость. Зато уж чрезвычайно чувствительна ко всему, что представляется ей на эту сытость покушением. <...>

Насколько я понимаю, именно это и называется: «прогибаться под изменчивый мир». А ведь когда-то призывали к совершенно противоположному¹.

В статье Анатолия Макарова, опубликованной в «Литературной газете», прежде всего обращает на себя внимание разнообразие личных форм глагола, в частности таких, которые свойственны диалогической речи, что придает стилю эмоциональность. Речь от первого лица в наибольшей мере содержательно определяет это формально письменное монологическое повествование как «подтекстовый диалог», полемически направленный к представителям современных оппозиционных течений и партий. С помощью названных грамматических средств публицист репрезентирует свою

¹ Макаров А. Сытые в оппозиции // Лит. газ. 2014. № 41 (6483). 22 окт.

позицию гражданина, патриота, представителя российской интеллигенции, сторонника русской национальной культуры, государственности и духовности. Убедительность изложения при этом максимальна.

В случае возможной конкуренции личных форм глагола, конкретизирующих действие, и синонимичных им, но при этом придающих речи обобщенный, отвлеченный характер, журналист отдает предпочтение первым: ср.: *Я пишу эти заметки... — Эти заметки писались...; Забудем прошлое... — Забудется прошлое...* Личные формы глагола, которые употреблены в обобщенном, неопределенно-личном значении, в контексте воспринимаются почти конкретно: *Нет, не примиримся* — за 1-м лицом множественного числа мыслится не обобщенный субъект с отвлеченным значением, а русские люди как убежденные противники войны. В подобных случаях в публицистическом тексте употребление лица глагола становится средством образной конкретизации речи.

В материалах, посвященных актуальным темам современности, журналисты используют такие личные формы глагола, которые помогают представить информацию живой, исходящей непосредственно от человека, от действующего лица. Вот примеры заголовков газетных статей: *Штурмуем рекорды; Держим экзамен; Ищем модель Содружества* — форма 1-го лица в этих случаях предпочтительнее формы 3-го лица (*Держат экзамен*).

Не чужды публицистическому стилю и приемы переносного употребления личных форм глагола, приобретающих в тексте дополнительные оттенки значения и экспрессии.

Художественная и разговорная речь характеризуются использованием всех личных форм глагола, которые функционируют здесь не только в своих основных грамматических значениях, но и в образных, возникающих при переносном употреблении форм лица. Использование разнообразных экспрессивных оттенков лица глагола получает эстетическую функцию в художественных и публицистических произведениях, на чем следует остановиться подробнее.

В экспрессивной речи развита **синонимия личных форм глагола**. Богатство значений отличает употребление 2-го лица единственного числа. Эта форма может:

а) указывать на говорящего:

Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложишь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охапку,—
Вспоминай лишь, как звали меня.

(С. Есенин);

б) исключать конкретное лицо: *Это здесь ты отчаянный, а в Москве из тебя слова не вытянешь*; а также представлять его обобщенно:

Наскучило идти — берешь извозчика, и сидишь себе, как барин, а не хочешь заплакать ему, — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет (Н. Гоголь).

Во множественном числе 2-е лицо также может передавать обобщенно-личное значение: *Если, говоря с начальником, вы ему позволите поднять голос, вы пропали...* (А. Герцен).

Форма 3-го лица единственного числа может приобретать безличное значение: *Тихо светит по всему миру: то месяц показался из-за горы* (Н. Гоголь). Это же значение развивается у глаголов прошедшего времени в форме среднего рода единственного числа: *Из сада несло сладким запахом лип* (И. Тургенев). Во множественном числе 3-е лицо при отсутствии подлежащего в предложении развивает неопределенно-личное значение: *Здесь судят военных преступников*; такое же значение приобретают формы множественного числа глаголов прошедшего времени: *Уж сколько раз твердили миру, / Что лесть гнусна, вредна...* (И. Крылов). Подобное употребление глагола подчеркивает, усиливает его значение. Афористический характер высказыванию придает обобщенно-личное значение 3-го лица множественного числа: *Снявши голову, по волосам не плачут* (посл.), а также множественного числа у глаголов прошедшего времени, у которых форма лица грамматически не выражена: *Голосовали — веселились, подсчитали — прослезились* (заголовок статьи). Реже 3-е лицо получает в контексте значение 1-го лица: *Тебе говорят или нет?!*; ср.: *Тебе говорю*.

Форма 1-го лица единственного и множественного числа также может приобретать обобщенное значение: *Чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу; Что имеем, не храним, потерявши, плачем* (посл.). Во множественном числе эта форма обобщает говорящего и собеседника (собеседников): *Мы почитаем всех нулями, / А единицами — себя* (А. Пушкин); выступает в значении «авторского мы»:

Но прежде чем приступим к описанию сего торжества и дальнейших происшествий, мы должны познакомить читателя с лицами для него новыми, или о коих мы слегка только упомянули в начале нашей повести (А. Пушкин).

Такое же значение свойственно и множественному числу глаголов прошедшего времени: *...дочь Кирила Петровича, о которой сказали мы еще только несколько слов...* (А. Пушкин). Реже 1-е лицо во множественном числе употребляется в значении 2-го лица, подчеркивая участие говорящего, сочувствие:

Нина! Нина! Это вы... вы... Я точно предчувствовал, весь день душа моя томилась ужасно. О, моя добрая, моя ненаглядная, она пришла! Не будем плакать, не будем (А. Чехов).

Особой экспрессивней выделяются наиболее редкие переносы значения личных форм глагола. Так, о себе говорящий тоже может отозваться как о 3-ем лице: *Я увидел себя как бы со стороны и отметил: а он держится правильно!* Эта же форма изредка используется по отношению к собеседнику: *О, моя добрая, моя ненаглядная, она пришла!* (А. Чехов). Подобное употребление 3-го лица исключает обращение к собеседнику, хотя имеется в виду именно он; реплика принимает форму отвлеченного замечания, характер ремарки.

На стилистическую окраску личной формы глагола влияет и сочетание ее с личным местоимением либо пропуск его. Как заметил В. В. Виноградов, «формы настоящего времени 1-го и 2-го лица в сочетании с личными местоимениями являются более нормальными и нейтральными, чем соответствующие формы без личных местоимений»¹, поэтому пропуск местоимений воспринимается как стилистический прием. Так, один из героев Ф. М. Достоевского, оценивая речь сатирического персонажа, замечает: *Всего более обозлило меня то, что он почти уже совсем перестал употреблять личные местоимения — до того заважничал.* В другом случае сам писатель комментирует этот стилистический прием:

Подхожу сегодня к зеркалу и смотрю в него, — продолжал Фома, торжественно пропуская местоимение я. — Далеко не считаю себя красавцем, но поневоле пришел к заключению, что есть же что-нибудь в этом сером глазе...

В заключение еще раз отметим, что всевозможные случаи стилистического использования личных форм глагола, придающие речи яркую образительность, лиризм или, напротив, резкость, афористичность и т.д., характерны лишь для эмоциональной речи и недопустимы в официально-деловом и научном стилях.

3.6.7. Категория залога

При стилистической оценке категории залога важно показать функционально-целевую специализацию соотносительных действительных и страдательных конструкций, а также экспрессивные особенности некоторых залоговых форм.

Многие русские глаголы можно употребить в форме действительного и страдательного залога, образуя соотносительные конструкции; см., например: *Автор пишет аннотацию — Аннотация пишется автором; Книжки выдают в читальном зале — Книжки выдаются...; Решили, что повесть нужно опубликовать — Было решено, что...* Соотносительные залоговые обороты могут быть трехчленными (первая пара конструкций), двухчленными (вторая пара) и одночленными (последний пример).

Наиболее ярко страдательное значение выражено в трехчленной конструкции с творительным падежом, указывающим на реальный субъект действия: *Средства выделяются (выделены) организациями.* В других страдательных конструкциях к основному значению залога добавляются различные семантические оттенки, а грамматические варианты залоговых значений превращаются в лексические. В частности, отмечается произвольный характер действия: *Считается, что...;* указывается на совершение действия помимо воли субъекта: *Средств не выделялось; Работа была прервана.* Таким образом, главная особенность страдательного залога заключается в его способности обозначать действие в отвлечении от субъекта, в статике. При этом в пассивных конструкциях нередко на «категориальное значение глагола накладывается дополнительное значение качества,

¹ Виноградов В. В. Русский язык... С. 374—375.

свойства, способствующие нейтрализации значения процессуальности и динамики»¹: *Соли обнаруживаются кислотой; Последственность передается распадае посредством ее семян.*

Страдательным конструкциям отдается предпочтение в научном и официально-деловом стилях: для них в высшей степени показательно обобщенное указание на действие как на факт (а не на поступательный процесс) без конкретизации времени его осуществления, без уточнения субъекта, но при выдвигании на первый план самого действия и его объекта.

В научном стиле реализуется такая важная черта пассива, как изображение фактов объективной действительности, независимых от воли субъекта познания — исследователя: *Водоросли использовались в пищу...; Политические теории создавались под сильнейшим влиянием того общественного положения, которое...*

В официально-деловом стиле страдательные глаголы усиливают акцент на самом действии как необходимом, неизбежном, в чем отражается предшесывающий характер стиля: *Административный штраф взимается...; Взыскание налагается...* и т.п. В деловых документах, требующих особой точности, страдательные конструкции обычно включают указание на производителя действия — существительное в творительном падеже: *Следственными органами установлено...; Убытки возмещаются...* и т.д. Однако часто и здесь указание на субъект действия опускается, если в толковании текста не возникает двусмысленности: *Окончательные расчеты производятся на станции назначения; Выполнение плана перевозок учитывается в учетной карточке.*

В публицистическом стиле глаголы страдательного залога употребляются реже, чем в других функциональных стилях, хотя в некоторых случаях обращение к подобным формам стало почти традицией: *В материалах конференции указывалось...; В наших комментариях подчеркивалось...* и т.п. Журналисты порой излишне увлекаются пассивными конструкциями. Вот, например, типичные случаи их использования: *За последние годы организация снабжения значительно улучшилась; Прежде в фанерном производстве использовалось ограниченное число разновидностей древесины* (газ.). Между тем чрезмерное насыщение речи глаголами страдательного залога не украшает слог публициста. Эканация страдательных оборотов порождает штампованную речь, поэтому журналистам надо по возможности отказываться от страдательных глаголов на -ся, заменяя их активными глаголами действительного залога.

В разговорной и художественной речи употребление страдательных конструкций часто оценивается как нежелательное явление «канцелярита». Действительно, обращение к возвратным глаголам страдательного залога наносит ущерб стилю. Например, вряд ли можно признать удачными такие фразы: *Материал котился долго; Ошибки исправляются постепенно.* Пристрастие к глаголам страдательного залога нередко придает речи комизм:

¹ Кириченко П. В. О некоторых особенностях функционирования возвратных глаголов страдательного залога в научном стиле // Специфика и эволюция функциональных стилей. Пермь, 1979. С. 40.

Птенцы выкармливаются насекомыми; Племенные бычки по решению акционеров проданы другой агрофирме; Лён мочится и треплется.

Неуместное употребление возвратных глаголов иногда осложняется двунаправленным восприятием их залогового значения — они могут указывать и на страдательный, и на средневозвратный залог (с общевозвратным значением); например: *Деталь бросается в ванну*. В результате такого употребления возникают невольные каламбуры:

Ко встрече большой воды **готовятся** откачивающие средства и другие механизмы; Четыре тысячи пальто отсюда ежедневно **отправляются** в магазины столицы; В помощь охотнику в сани **впрягается** собака; Поросята сразу после рождения **обмываются** и **вытираются** полотенцем.

В современном литературном языке формы страдательного залога от некоторых глаголов архаизовались. В XIX в. писатели употребляли, например, такие глаголы:

Скоро комната наполнилась детьми, девочками и мальчиками. Их было пятеро. Шестое **принеслось** на руках (Н. Гоголь); Слова **произнесли** полушепотом, за ними следовал глубокий вздох... (Ф. Достоевский).

В последнее время в общественно-политической сфере деятельности достаточно продуктивны возвратно-страдательные формы глаголов: *Документы направлялись на рассмотрение неоднократно; Ваш вопрос рассматривался дважды; Ответственность определяется...; Проблема решается...* и т.д. Синкретизм возвратного и страдательного значения глаголов в подобных словоупотреблениях позволяет говорящему выбрать такую речевую стратегию, в ходе которой субъект действия не называется, следовательно, в данном высказывании невозможно установить, кто является исполнителем.

3.6.8. Вариантные формы глагола

В системе глагольного словоизменения существует также множество вариантов, возникших преимущественно в результате активного влияния продуктивных классов глаголов на непродуктивные. Как отмечают исследователи, конкурентные отношения между этими вариантами длятся в течение двух и более столетий, причем в одних случаях происходит стилистическая, а иногда и семантическая специализация конкурирующих форм; в других случаях вариантность затухает, не оставив следа в области семантических и стилистических языковых средств¹. Стилистический интерес вызывает, конечно, появление экспрессивной окраски у тех же или иных вариантных форм и возможность использования их с определенным стилистическим заданием.

В соответствии с современной нормой инфинитив глаголов с основой на [с], [з] имеет окончание *-ти*: *брести, плести, цвести* (за исключением глаголов *клясть, красть, лезть, пасть, сесть* и некоторых других). В XIX в.

¹ См.: Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. 1980. С. 211.

широко использовались и усеченные формы таких глаголов: *Вот бы вас с тетушкой свисть; Не смею моего сужденья произнести* (А. Грибоедов). Мы воспринимаем их как устаревшие, однако в поэтической речи эти варианты еще удерживаются как удобные для верификации: *Я знаю — город будет, / я знаю — саду цветъ* (В. Маяковский). Иные же глаголы получили просторечную окраску и привлекают писателей как средство стилизации: *После обеда бабы начинали грестъ. Скошенная трава вяла и сохла...* (М. Шолохов). Наконец, ряд глаголов закрепляется в разговорной речи в усеченном варианте, а в письменной речи с окончанием *-ти*: *обрестъ — обрести, перенестъ — перенести, расцветъ — расцвести*.

В глагольных парах типа *видеть — видать, слышать — слышать* второй компонент, употребляющийся только в неопределенной форме и прошедшем времени, приобретает разговорную окраску: *...если нынче ночью Бэла не будет здесь, то не видать тебе коня* (М. Лермонтов). В глагольной паре *свистеть — свистать* второй вариант, получающий в контексте стилистическую окраску (ср.: *Свистать всех наверх!*), может пользоваться в профессиональной речи. В иных случаях та же форма звучит как разговорная, например употребленная в переносном значении 'бить с силой': *В голове дыра, а из дыры так и свистет кровь...* (Л. Толстой).

Из вариантов *поднимать — подымать* второй имеет разговорную окраску: *[цыганы] глядели лошадям в зубы, подымали им ноги и хвосты, кричали, брались...* (Н. Тургенев). Однако образованные от этого глагола личные формы в словарях даются с пометами *книжн., устар.: подьемлю, подьемлешь*. Из вариантов *стариться — стареться* второй дается с пометами *устар. и прост.: Жена стареется, а ты полон жизни* (Л. Толстой). Из вариантов *мучиться — мучаться* (*мучаюсь, мучаешься, мучается* и т.д.) второй является просторечным.

Варианты неопределенной формы типа *достичь — достигнуть* стилистически не отличаются, но более короткая форма вытесняет конкурирующую, что диктуется, очевидно, стремлением к экономии речевых средств. В разговорной речи вследствие этого особенно заметно преобладание усеченного варианта. Тенденция к вытеснению более длинных форм приводит и к закреплению в литературном языке глаголов прошедшего времени типа *сох* и постепенной архаизации вариантов типа *сохнул*. Свидетельством тому служит включение С. И. Ожеговым в словарь только кратких вариантов из 22 наиболее употребительных глаголов данной группы: *гас, глож, зыб, мёрз, пах, сох* и др. К ним примыкают и глаголы совершенного вида с неделимой основой: *верг, вторгся, постиг, смолк, стих*. Однако в книжных стилях еще встречается употребление их неусеченных вариантов: *Снег липнул к лыжам, и это облегчало подъем* (газ.); *[снег на горах] принимая последние отсветы солнца, розовел и быстро меркнул* (Ч. Айтматов).

Более четко противопоставлены вариантные формы приставочных глаголов с суффиксом *-ну-* и без него: *иссохнул — иссох, исчезнул — исчез, вымокнул — вымок, возникнул — возник, стихнул — стих*. Первые вышли из употребления (в орфографических словарях с 1957 г. даются только бессуффиксные формы этой группы глаголов) и могут быть оправданы лишь в поэтической речи как верификационное средство:

Стоишь в метро, конечной,
с открытой головой,
и в диске, как в колечке,
замёрзнул пальчик твой.

(А. Вознесенский)

Процесс редукции суффикса *-ну-* проявляется и в образовании форм причастий от соответствующих глаголов — в причастиях от глаголов с приставками, как правило, суффикс отсутствует: *промерзший, оглохший, размякший*. Лишь в художественной речи, преимущественно в поэзии, можно встретить архаизирующиеся варианты: *Все озаривший, не согретый, / Возникнувший в своем же сне* (А. Белый). Однако для бесприставочных глаголов нормой остаются причастия с суффиксами: *сохнувший, гложувший, блекнувший, вянувший, мерзнувший, пахнувший*.

Явлением аналогии объясняется возникновение множества вариантов личных форм глаголов в изъявительном наклонении настоящего-будущего времени ряда непродуктивных классов, пополнивших самый крупный пласт вариантных форм, существующих на протяжении всей истории русского литературного языка и продолжающих конкурировать в наши дни. В составе глаголов непродуктивной группы типа *брызгать, двигаться, капать, мурлыкать, полоскать* около 40 слов, образующих вариантные формы: *брызжет — брызгает, движется — двигается, каплет — капает, мурлычет — мурлыкает, полощет — полоскает*. В их числе следует выделить две группы глаголов.

1. Глаголы, которые закрепились в современном языке с различными оттенками значений, не получив особых стилистических отличий. Например, форма *брызжет* употребляется как в прямом значении ('быстро рассеивать мелкие частицы жидкости'): *брызжут слезы (брызжет дождь, водопад, фонтан)*, так и в переносном: *брызжет смех (счастье, молодость)*; вариант *брызгает* используется только в узком конкретном значении ('опрыскивать что-нибудь жидкостью'): *брызгает водой цветы*. Глаголы *движется — двигается* синонимичны в значении 'перемещаться': *Осторожно двигаются, ползут на часах стрелки (журн.)*, но переносное значение присваивается только первому варианту: *И слово движет. И земля горит!* (Е. Винокуров). Стилистических ограничений в использовании вариантов таких глаголов нет, они вполне соответствуют норме, однако можно говорить о различиях в их экспрессивной окраске — употребляемые в конкретном, прямом значении глаголы нейтральны, а те, что используются как языковые метафоры, получают экспрессивную окраску: *брызжет молодость; разум и воля движет* и др.

2. Стилистически противопоставленные вариантные формы непродуктивных глаголов настоящего-будущего времени (около 30 пар). Традиционные варианты обычно соответствуют литературной норме, а вторичные, которые развились под влиянием продуктивных глаголов, имеют разговорную, просторечную или диалектную окраску. Нейтральны, например, формы: *колеблет, машет, пашет, плещет, полощет, рыщет, сыплет, треплет, хнычет, щиплет* (соответственно: *машу, пашу; маши, паши; машущий, пашущий* и т.д.). Их варианты стилистически маркированы: *кликаешь*

(прост.), *кликает* (прост.), *плескаю* (прост.); *махаю* (разг.), *пахаяю* (прост.), *полоскаю* (прост.), *рыскаю* (прост.), *сытешь* (прост.), *сынет* (прост.), *трещешь* (прост.), *хлыкаю* (разг.), *хлестаю* (прост.), *щипаю* (прост.).

Приведенная дифференциация вариантов выполнена согласно данным Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова¹. Следует иметь в виду, что научный статус данного лексикографического источника позволяет разграничить названные варианты как разговорные и просторечные следующим образом: разговорные фиксируются пометой *разг.*, просторечные варианты не фиксируются вообще, поскольку имеют характеристику ненормативных. Соответственно, отсутствие в словарной дефиниции вариантов форм с пометой *разг.* свидетельствует о том, что статус анализируемых вариантов просторечный.

Сопоставление приведенных вариантов свидетельствует о том, что влияние просторечных форм и их вторжение в разговорный стиль современного русского литературного языка является продуктивной тенденцией, хотя способ образования всех просторечных форм, и даже тех, которые уже получили статус разговорных (*махаю*, *хлыкаю*), ненормативный. Он нарушает установленные модели образования глагольных форм для глаголов непродуктивных групп: *мерить* — *мерит* (книжн.), *меряешь* (разг.), *меряет* (разг.) (непродуктивный глагол образует вариантную разговорную форму по аналогии с продуктивными глаголами типа *читает*). Подобное формообразование влечет за собой и изменение типа спряжения нормативного варианта глагола: *мерить* — *мерят* (*и/ят* → II спряжение), *меряют* (ассоциативное соотношение с ненормативной формой инфинитива ²*мерять* — *меряют* (*я/ют* → I спряжение)). При этом в дееспособных формах некоторых из приведенных глаголов нормативными являются уже формы, образованные от «псевдопродуктивных» глаголов: *махая*, *плеская*, *полоская*, *рыская*, *хлыкая*².

В истории русского литературного языка имеются факты, когда «неправильные» разговорные формы подобных глаголов вытеснили «правильные» и сменили статус разговорных на «полноценно» литературные: *лобзать* — *лобзают*, *рыкать* — *рыкают*, *черпать* — *черпают* (ср. исконые формы: *лобжут*, *рыжут*, *черплют*). В современном русском литературном языке отмечается совместное функционирование вариантных форм, которые различаются по значению либо стилистической окраске. Так, полностью разошлись значениями варианты *клепает* — *клеплет*: в значении 'скреплять металлические части с помощью заклепок' употребляются варианты *клепают*, *клепает*; в значении 'клеветать, наговаривать на кого-либо' употребляются формы *клепелешь*, *клепелете*, *клепелют*³.

В последнее время эта тенденция закрепления различных значений за вариантными формами также фиксируется, например: *кликать* — *кличу* (книжн.), *кликаю* (прост.) → *кликаю*, *кликаешь*, *кликают* (книжн.) в значении 'щёлкнуть': «*Кликать, кликаю, кликаешь, кликают*. Когда вы при работе

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М., 2010.

² См.: Граудица Л. К. [и др.]. Грамматическая правильность русской речи. С. 205.

³ См.: Там же С. 202, 204.

с компьютером, кликаете на какую-либо ссылку, окно и т.п., вы нажимаете кнопку мыши, поставив курсор над этим объектом»¹.

Ряд непродуктивных глаголов на *-еть* (*выздороветь, опротиветь, опостылеть*) в разговорной речи употребляется в стяженной форме: *выздоровлю, опостылрю, опротивлю, выздоровят* и т.д.

Немало вариантов известно в форме 1-го лица у глаголов с основой на согласные [д], [т], [з], [с], требующие чередования: *лазить — лажу, колесить — колешу, насадить — насажу, прекратить — прекращу*. Отступления от нормативных форм, возникающие при образовании 1-го лица без чередования, носят резко сниженный характер: *вылазить — вылажу — (прост.) вылазю; ездить — ежжу — (прост.) ездю*, а также (прост.) *кадю, бузю*; (разг.) *пылесосу*. В парах слов *тягочусь — тягоцусь, свячу — свящу, лачу — лачу* вторые имеют архаическую окраску, что связано с их старославянским происхождением.

В прошлом состав старых форм был шире. Так, В. И. Чернышев в стилистической грамматике (СПб., 1910) приводит пример из Ветхого Завета: *...я пригвожду его копьем к земле одним ударом* (1 Цар, 26:8); в произведениях Г. Р. Державина встречается глагол *наслаждусь*, у М. В. Ломоносова — слово *награжду*. В наше время подобные варианты кажутся неприемлемыми, а в словарях дается единственная форма: *пригвожду*.

От многих непродуктивных глаголов (например: *победить, убедить, очутиться, чудить, чудесить, дудеть, угораздить* и др.) нельзя образовать форму 1-го лица. Однако это явление «недостаточного спряжения» в просторечии преодолевается, и необычные для слуха личные формы глагола иногда употребляются, как, скажем, в песне В. С. Высоцкого: *Чуду-Юдую и так победю*. Глагольные формы, образованные вопреки существующим в языке фонетико-орфоэническим нормам, в словарях даются иногда с пометой *шутл.*: *перубедю, победю, убедю*. В диалектах варианты личных форм глаголов, не отражающие присущих литературному языку чередований, представлены очень широко: *молотю, платю, спросю, пустью, ходю, шутю* и пр., однако из-за своей сниженности они не проникают в книжные стили.

Глаголы, имеющие в инфинитиве флексию *-чь* (*жечь, течь, печь* и др. — всего 16 словоформ), образуют варианты формы 3-го лица единственного числа; причем наряду с литературными (*жжёт, течёт, печёт*) встречаются и просторечные: *жёт, текёт, некёт*. Как резко сниженные используются писателями просторечно-диалектные варианты при воспроизведении речи героев:

Развяжи, брат, совестно перед людьми... — Врешь, **убегешь**... в хате развяжу... (А. Серафимович); Ты примолвил ее, Шибалок, ты должен ее и прикончить... а нет — тебя на капусту **посекём**... (М. Шолохов).

Контрастирующие по стилистической окраске варианты образуют глаголы и в повелительном наклонении. В парах слов *ляг — ляжь (ляжьте)*,

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003. С. 465.

беги — *бежи* (*бежите*), *не тронь* — *не трожь*, *погоди* — *погоди*, *выйди* — *выдь*, *выложи* — *выложь* и т.п. первые являются литературными вариантами, вторые — просторечными. Ряд вариантов имеет помету разг.: *выверь*, *вывесь*, *выдвинь*, *вычисть*, *ездь*, *клянчь*, *пянь*, *порть*, *чисть* и др. при литературных нестяженных формах — *выверн*, *чистн* и т.д. Отдельные варианты устарели: *высыпши*, *осыпши*.

Стилистически как *специальные* выделяются усеченные формы повелительного наклонения возвратных глаголов в приказах: *Равняйся!* *По порядку номеров рассчитайся!* Такие варианты используются лишь в устной форме речи.

Отдельные глаголы не имеют форм повелительного наклонения: *хотеть*, *мочь*, *видеть*, *слышать*, *ехать*, *жаждать*, *гнить* и др. Употреблявшиеся в XIX в. старославянские формы *виждь*, *внемли* архаизовались; просторечные варианты *не моги*, *схай*, *не трожь*, *не кусь*, *вывесь* остаются за пределами литературной нормы; форма *езжай* носит разговорный характер: литературно правильна форма *поезжай*, образованная от ранее существовавшего глагола *поезжать*.

Источником вариативности глагольного формообразования выступают и видовые пары типа *обусловить* — *обусловливать/обуславливать* (свыше 20 глаголов). Некоторые из них, как и приведенные выше, стилистически равноценны и не выделяются пометами в словарях, дающих оба варианта. Однако большинство вариантов противопоставлены как устаревшие и современные, например: *дотроговаться* — *дотрагиваться*, *заготовливать* — *заготавливать*, *задобривать* — *задабривать*, *оспоривать* — *оспаривать*; см. употребление в эпоху А. С. Пушкина: *И не оспоривай глумца*. Отдельные варианты носят книжный характер: *замороживать*, *условливаются*; другие являются разговорными: *занодозривать*, *подзадоривать*, *приурочивать*, *разрознивать*. Некоторые варианты к нашему времени забыты: *оформливать*, *ознакомливать*, *ускоривать*.

Суффиксальное словообразование глаголов также порождает варианты типа *вымерять* — *вымеривать*. Некоторые из них используются параллельно, не получая стилистической окраски: *изготавливать* — *изготовлять*, *приспособливать* — *приспособлять*; ср.: *Палатка изготавливается из достаточно плотной легкой ткани* — *Целесообразно изготовлять надувные матрасы из эластичных материалов*.

Имеются варианты и у некоторых глаголов с суффиксами *-изирова-*, *-изова-*: *стандартизировать* — *стандартизовать*, *колонизировать* — *колонизовать*. Соотношение их в русском языке исторически менялось. Так, у ряда глаголов варианты с суффиксом *-изирова-* архаизовались и в настоящее время используются только более короткие варианты: *деморализовать*, *децентрализовать*, *локализовать*, *мобилизовать*, *материализовать*, *нормализовать*, *парализовать*; у иных глаголов выпли из употребления варианты с суффиксом *-изова-*: *канонизовать*, *конкретизовать*. Не образуют вариантов непереходные глаголы с суффиксом *-изирова-*: *иронизировать*, *симпатизировать*; отдельные переходные глаголы: *гипнотизировать*, *магнетизировать*. Тем не менее традиционная модель с суффиксом *-изирова-* остается продуктивной в русском литературном языке; в частности,

отмечаются такие новообразования: *дестабилизировать, департизировать, забюрократизировать, заидеологизировать, капитализировать, капитализироваться* и др.¹

В случаях использования вариантов данного типа можно рекомендовать опираться на традицию, поскольку большинство таких глаголов имеют терминологическое значение и как термины закрепились в соответствующих стилях. О различиях в их стилистической окраске говорить трудно, так как эти слова, образованные от заимствованных основ, имеют явно выраженный книжный характер; тем не менее, как указывают стилисты, более книжный характер все же присущ вариантам с элементом *-ир-*. В словарях такие глаголы стилистических помет не имеют.

С точки зрения изучения языковой нормы наибольший интерес вызывают варианты формы, которые слабо различаются стилистически и варьируют в нейтральных стилях литературного языка. Для правильного употребления их в речи следует пользоваться справочной литературой, словарями. Для стилистики же интересны те варианты, которые являются нарушением литературной нормы, поскольку они имеют яркую экспрессивную окраску, позволяющую использовать их как характерологическое средство; обращение к ним требует стилистического обоснования, а употребление — особого чутья и лингвистического вкуса.

Ряд глаголов, имеющих особенности в словообразовании при близости семантики, образует синонимические пары, где слова различаются в стилистическом отношении. Так, невозвратные и возвратные глаголы типа *зеленеет — зеленеется* (в значении 'выделяться своим зеленым цветом') отличаются разговорным оттенком второго слова; ср.:

И ель сквозь иней **зеленеет**,
И речка подо льдом **блестит**.
(А. Пушкин);

Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

(И. Никитин)

Таково же соотношение пар *белеет — белеется, краснеет — краснеется, чернеет — чернеется*, из которых возвратные глаголы имеют разговорный оттенок и едва уловимое семантическое отличие — обозначают менее четкое проявление признака. Некоторые пары предоставляют в распоряжение поэтов варианты, облегчающие версификацию: *Дорогая, с чадрой не дружись...* (С. Есенин).

Синонимичны и пары *звонить — звониться, стучать — стучаться, грозить — грозиться, плескать — плескаться, плевать — плеваться*. Однако возвратные глаголы в них могут указывать на большую интенсивность действия, заинтересованность в его результате, к тому же они имеют разговорный или просторечный оттенок.

Некоторые глаголы, образованные с помощью постфикса *-ся*, воспринимаются в отдельных значениях как устаревшие:

¹ См.: Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Склиаревой. М., 2001.

[Зять] нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стуле, ежеминутно **клевался** носом (Н. Гоголь); В душе его **тлелась** искра надежды — воскреснуть и освежиться в тиши уединения, на лоне природы (В. Белинский).

3.7. Стилистическое использование вербоидов

1. **Инфинитив** как неспрягаемая форма глагола лишен важнейших грамматических категорий — склонения, времени, лица, рода, числа, что определяет его особое положение: инфинитив не центр глагольной системы, а ее окраина, как образно об этом сказал В. В. Виноградов. Однако, давая минимальную грамматическую информацию, неопределенная форма глагола выражает в наиболее чистом виде идею процесса, что определяет специфику его употребления в разных стилях речи.

При статистическом подсчете получены интересные данные об использовании инфинитива в книжных стилях. При этом недостаточно знать, как часто употребляются в них неопределенные формы глагола: важно учесть среднюю частотность инфинитивов в отношении к общему числу глаголов в каждом из стилей. Как отмечают ученые, при наименьшем количестве глаголов деловая речь дает наибольшее количество форм инфинитива¹, что полностью соответствует стилистическим особенностям официальных документов, где «чистое» название действия, процесса важнее всего.

Обращение к инфинитиву в научном стиле отражает его отвлеченный характер: здесь тоже порой лишь называется действие без уточнения его конкретных особенностей.

Для разговорной и художественной речи отвлеченного наименования действия недостаточно, поэтому инфинитивные формы здесь непопулярны. Однако обращение к ним писателей все же не исключается; более того, отсутствие у инфинитива конкретных глагольных категорий открывает путь к его необычному стилистическому использованию, связанному с переносом тех или иных грамматических значений.

Инфинитив называет действие как отвлеченное понятие, как возможное свойство предметов. Отсутствие грамматических характеристик в этом «голом» представлении о действительности позволяет сфокусировать внимание на его лексическом значении. В художественной речи используются, как правило, глаголы конкретной и яркой семантики, поэтому их неопределенные формы могут стать в условиях контекста средством речевой конкретизации. Вспомним, например, пушкинские строки:

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать...
<...>
Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять...

¹ См.: Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля... С. 141.

Инфинитив, выступая в качестве «глагольного номинатива» (В. В. Виноградов), по стилистической функции приближается к имени прилагательному: назначение обеих частей речи — показать отличительные признаки предмета, лица. Но если прилагательное указывает на статические признаки, то инфинитив называет те свойства, которые проявляются в динамике, в данном случае — реализуются в поведении героя.

Русские грамматисты высказывали мысль о том, что в инфинитиве потенциально заложено отношение к лицу. Это позволяет употреблять инфинитив вместо различных форм глагола: *Я бежать — ноги не несут; Она кричать — никто не слышит*. При этом неопределенная форма глагола получает значение изъявительного наклонения и может успешно конкурировать со спрягаемыми глагольными формами в экспрессивной речи. Выразительные возможности таких параллельных конструкций рассматриваются в синтаксической стилистике.

2. **Причастие** является важнейшим средством обозначения признаков предметов в форме согласованного определения. Соединяя в себе черты имени прилагательного и глагола, причастие не только образно характеризует предмет, но представляет его признак в динамике: *Зарумянившееся лицо ее... сияло радостью и решимостью* (Л. Толстой). В отличие от прилагательного (ср.: *румяное лицо*) причастие обладает грамматическими категориями времени, вида, залога, которые отражают становление признака. В то же время причастие как бы сжимает информацию, позволяя в определении передать содержание, которое можно выразить и придаточной частью предложения; ср.: *Страницы, прочитанные мною — Страницы, которые я прочитал* — первая форма предпочтительнее в книжных стилях.

В современном русском языке причастия широко используются в книжных стилях:

а) в научном:

Аббревиатура — это слово, образованное из первых букв единиц в словосочетании, из начальных частей двух и более слов или представляющее собою сложение начала одного слова с другим словом словосочетания;

б) официально-деловом:

По договору страхования, оплаченному единовременным взносом, страхователь может получить выкупную сумму независимо от периода, истекшего от начала действия договора;

в) публицистическом:

Развитию широкого и плодотворного сотрудничества с целью мирного и безопасного использования ядерной энергии был посвящен завершившийся семинар, организованный по инициативе международного комитета «Наука за мир».

«Книжность» причастий объясняется их историей: восходя к старославянскому языку, они издавна были принадлежностью письменной речи. В поэзии XVIII в. обилие причастий составляло отличительную черту «высокого стиля».

М. В. Ломоносов полагает, что «причастия только от тех российских глаголов произведены быть могут, которые от славенских как в произношении, так и в знаменовании никакой разности не имеют», например: *питаемый, питающий, питающийся; венчающий, венчаемый, видимый* и пр. Он предостерегал против образования причастий «от тех глаголов, которые нечто подлое значат и только в простых разговорах употребительны»: *марамый, брякнувший, чавкающий, въртущий* и т.п.¹

Со временем ограничения в образовании причастий были преодолены, однако приподнято-торжественное звучание указанных глагольных форм в поэтической речи осознавалось значительно дольше.

Современные поэты и писатели ценят причастия не за их книжный характер, а за то, что в них аккумулируется значительная выразительная энергия русского языка. Изобразительная функция причастий наиболее наглядно проявляется при употреблении их в роли определений: [*Левин*] *видел ее воспаленное, то недоумевающее и страдающее, то улыбающееся и успокаивающее его лицо* (Л. Толстой). Но и сказуемые, выраженные причастиями, тоже могут придавать особенную экспрессивность художественной речи:

И ветер в круглое окно
Вливался влажною струей, —
Казалось, небо сожжено
Червонно-дымною зарею.
(А. Ахматова)

Развитие у причастий переносных значений нередко связано с утратой глагольных признаков.

Адъективированные причастия, получившие метафорическое значение, обычно становятся языковыми тропами: *кричащие противоречия, немеркнущая слава, блестящий успех, изысканные блюда, ограниченный человек, отчаянный поступок*. Их экспрессивная окраска привлекает внимание писателей и публицистов: *Правительство демонстрирует умеренный оптимизм; В жизни нет недостижимых высот* (газ.); *Я иду заброшенной тропинкой, / Время заплывает паутиной* (Л. Аннинченко).

Между тем выразительные возможности таких причастий, как и иных образных средств, получивших относительно устойчивый характер, не следует переоценивать. Сферой широкого образного использования адъективированных причастий является публицистический стиль. Здесь в экспрессивной функции выступают причастия, пополнявшие состав негативно-оценочной лексики, означающие предельно высокую степень проявления интензивности действия: *угрожающее положение, вопиющее беззаконие, массивный удар; бюрократизированная система; распоясавшийся хулиган* и др.

Причастия, не подвергшиеся адъективации, привлекают художников слова своими глагольными признаками. Так, глагольное управление

¹ Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7 : Труды по филологии. М. : Л., 1952. С. 496.

позволяет расширить выразительные возможности причастий-определенных при употреблении их с уточняющими словами. Причастные обороты очень часто выполняют экспрессивную функцию в художественной речи:

Какие бывают эти общие залы — всякой проезжающий знает очень хорошо: те же стены, выкрашенные масляной краской, потемневшие сверху от трубчатого дыма и залосненные снизу спинами разных проезжающих... тот же закопченный потолок, та же копченая люстра... (Н. Гоголь).

Живописность причастий здесь усиливается пояснительными словами, входящими в причастный оборот. В иных случаях обыгрывается значение времени, получающего в контексте особую выразительную функцию, как, например, в эпиграмме С. Я. Маршака «Начинающему поэту»:

Мой друг, зачем о молодости лет
Ты объявляешь публике читающей?
Тот, кто еще не начал, — не поэт,
А кто уж начал, — тот не начинающий.

Поскольку из всех причастий наиболее подвержены адъективации страдательные прошедшего времени на *-тый*, писатели порой предпочитают им более «глагольные» формы, у которых значение времени выражено ярче. Показательна стилистическая правка М. Ю. Лермонтова в стихотворении «Русалка»:

1. Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной... — первоначально: *озаренная*;
2. Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны.
<...>
Он спит, — и склонившись на перси ко мне, — первоначально: *склоненный*.
Он не дышит, не шепчет во сне!..

В первом примере для лексической замены использовано страдательное причастие настоящего времени, во втором — деепричастие совершенного вида, т.е. формы, у которых глагольность проявляется сильнее, чем у причастий на *-тый*, употребленных в черновом варианте.

Употребление кратких причастий в поэтической речи является спецификой индивидуального стиля поэта:

Родная речь — дарованное благо,
сложным-сложна, а то простым-проста.
Пусть сожжена бесценная бумага,
слова живут — текут из уст в уста.
Родная речь всегда одноплеменна,
напоена богатством от корней,
и этим, говорят, несовершенно
искусство, тесно связанное с ней...

(Л. Васильева)

Обращение поэтов к причастиям может быть обусловлено и давней традицией употребления их как источника возвышенного звучания речи:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагривших руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

(Н. Некрасов)

Однако на эстетическую оценку причастий накладывает отпечаток негативное отношение писателей к неблагозвучным суффиксам *-ши*, *-вши*, *-ущ-*, *-ющ-*. В частности, М. Горький неоднократно высказывал критические замечания по поводу скопления в тексте свистящих и шипящих звуков. В письме К. А. Тренёву Горький приводит пример неблагозвучных сочетаний: *Слезящийся и трясущийся протоиерей*, подчеркивая: «Все эти “виши”, “щи” и прочие свистящие и шипящие слоги надобно понемножку выправлять из языка»¹. Изучение авторского редактирования убеждает в стремлении Горького избегать употребления причастий с неблагозвучными суффиксами. Сравним, например, такие строки из рассказа «Челкаш»:

1. ...Море — бесконечное, безмолвное, блестящее и ровно вдыхающее — развернулось перед ними, уходя далеко вдаль, где из его вод выплывали на небо толпы туч, что бросают от себя такие тоскливые, тяжелые тени... угнетающие ум и душу.

2. Сонный шум волн, плескавшихся о суда, грозил чем-то...

3. Впереди ему [Челкашу] улыбался солидный заработок, требовавший немного труда и много ловкости.

1. ...Море — бесконечное, могучее — развернулось перед ними, уходя в синюю даль, где из вод его издымались в небо горы облаков... что бросают от себя такие тоскливые, тяжелые тени.

2. Сонный шум волн гудел угроמו и был страшен.

3. Впереди ему улыбался солидный заработок, требуя немного труда и много ловкости.

Писатель или вовсе отказывается от неблагозвучных глагольных форм, сокращая текст, или заменяет их другими, в которых нет «шипящих» суффиксов.

В иных случаях неблагозвучие причастий может стать выразительным средством фоники, если поэт захочет передать средствами звукописи резкие, не ласкающие слух акустические впечатления:

Гремит плавучих льдин резня
И поножовщина обломков.
И ни души. Один лишь хрип,
Тоскливый лязг и стук ножовый,
И сталкивающих глыб
Скрежещущие пережёвы.

(Б. Пастернак, *Ледоход*)

.....
не часто я притрагиваюсь к лире,
но счастлив тем, что в рушащемся мире
тебя нашел — и душу сохранил.
(Б. Чичибабин, *Не лъну к трудам...*)

Употребление причастий требует особого внимания, так как случаи отклонения от нормы в образовании и использовании в речи указанных отглагольных форм встречаются довольно часто.

В составе причастий выделяются немногочисленные варианты **морфологического просторечия**, употребляющиеся в диалектной и простореч-

¹ Русские писатели о языке... С. 708.

ной среде: *убратый, замятый, даден, отдаден*. Находясь на периферии грамматической системы литературного языка, эти варианты не вступают в конкурентные отношения с их нейтральными эквивалентами, но всегда экспрессивно окрашены. Такие сниженные причастия встречаются теперь как редкость, однако С. П. Обнорский приводит их еще как живые формы: *отдата, наслаты, порваты, убрата, сломаты, даденый, брадены, взядены* и др.¹

В просторечии у причастий, образованных от возвратных глаголов, опускается постфикс *-ся*: *пипнут*, например, *небьющая посуда* (вместо *небьющаяся*); ср.: *За трудящихся всего мира!* (Б. Лавренев). Происходит своеобразная контаминация форм причастий на *-ущ-*, *-ющ-* и превосходной степени имен прилагательных: *первоее дело, важнейшие картошки* (Л. Толстой); *Самый что ни на есть первоеющий барин* (А. Эртель); наблюдается совмещение причастного оборота и придаточной определительной части сложноподчиненного предложения: *Люди, которые знающие...*; ср. у А. П. Чехова: *В городе Москве... жила одно... семейство, которое всеми любимое*.

В книжных стилях при употреблении причастий возникают иные трудности. Вместо страдательного причастия иногда употребляют действительное с постфиксом *-ся*: *седины, опалившиеся войной* (вместо *опалённые*). Использование возвратной формы действительного причастия для выражения страдательного залога возможно лишь в том случае, когда страдательное причастие не образуется: *строящийся дом* (нет причастия *строимый*), но *построенный дом* (а не *построившийся*).

Замена страдательного причастия действительным, образованным от возвратного глагола, может привести к искажению смысла в результате изменения оттенков залоговых значений: *Посылки, отправляющиеся в Москву на самолетах, прибывают туда в тот же день* (на страдательное причастие насланается общезовратное).

Двузначность может возникнуть и в результате неправильного восприятия времени причастия. У действительных причастий в силу их подчеркнутой глагольности это грамматическое значение выражено особенно четко. Причастие действительное настоящего времени указывает на действие, совпадающее по времени с действием, которое обозначено глаголом-сказуемым. Ср.: *Разъясняющий свою мысль лектор привел пример* — оба действия имели место в прошлом; *Разъясняющий свою мысль лектор рисует диаграмму* — действие совпадает с моментом речи или совершается постоянно при определенных условиях (возможно и значение настоящего исторического времени). Пример неправильного употребления причастия: *К автобусу бежала одевающаяся модно женщина и аккуратно бреющийся мужчина*. В таких случаях стилистическая правка заключается в замене действительного причастия настоящего времени страдательным прошедшего времени: *...одетая модно женщина и аккуратно выбритый мужчина*.

Как нарушение литературной нормы воспринимается образование отглагольных форм на *-но*, *-то* от непереходных глаголов: *приступить* — *приступлено, поступить* — *поступлено*. В законодательных документах

¹ См.: Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С. 206 и далее.

1920-х гг. такие отглагольные формы еще употреблялись: *С нарушителями будет поступлено со всей строгостью; В городе приступлено к устройству парка.* В современном русском литературном языке подобные конструкции неприемлемы.

3. Деепричастия в современном русском языке по стилистической окраске распадаются на две противоположные группы — книжные формы с суффиксами *-а, -я, -в*, например *дыша, зная, сказав*, и разговорно-просторечные с суффиксами *-вши, -ши*: *сказавши, пришедши*.

В литературном языке XIX — начала XX в. использование деепричастий на *-вши, -ши* было стилистически не ограничено. Мы находим их и у писателей-классиков (А. С. Пушкин, Н. М. Карамзин, по свидетельству В. И. Чернышева, употребляли почти исключительно эти формы; у И. С. Тургенева они преобладают), и у советских авторов, например у В. П. Катаева: *И, сказавши эти приятные слова... пошел и сел в автомобиль*; и в публицистике первой трети прошлого века. Однако с годами все больше проявляется стилистическое переосмысление этих вариантов деепричастий. Сегодня они используются как яркое стилистическое средство; возродилась их былая народная и разговорно-просторечная окраска; они служат целям создания речевых масок людей «из народа»¹.

Между тем неверно было бы утверждать, что абсолютно все деепричастия на *-вши, -ши* стилистически маркированы. Возвратные глаголы образуют нейтральные деепричастия: *закрасневшись, наплакавшись, оставшись, улыбающийся*. Стилистически нейтральны и те немногие деепричастия невозвратных глаголов, которые без *-ши* не могут быть образованы: *выросши, легши, простерши, разжегши*.

Есть среди деепричастий и «реликтовые» формы — осколки старой грамматической системы. Так, архаизовались деепричастия на *-ючи, -ючи*, которые в пушкинскую эпоху еще употреблялись, но воспринимались как элемент народно-поэтической речи: *идучи, стоячи, скакучи* и др.; ср.: *Смотрит в поле, ища очи / Разболелись глядячи* (А. Пушкин).

Деепричастия, резко выделяющиеся своей стилистической окраской, в наше время привлекают внимание художников слова, которые высоко ценят глагольные формы на *-а, -я, -в*. Чем же интересны эти деепричастия, каковы их экспрессивные возможности?

По сравнению с причастиями деепричастия обладают большей глагольностью, что обусловлено их семантико-синтаксической связью с глаголом-сказуемым. Обозначая добавочное действие, деепричастия придают речи особую живость, наглядность:

Надоел я вам, — вскочил вдруг Петр Степанович, схватывая свою круглую, совсем новую шляпу и как бы уходя, а между тем все еще оставаясь и продолжая говорить беспрерывно, хотя и стоя, иногда шагая по комнате и в одушевленных местах разговора ударяя себя шляпой по коленке (Ф. Достоевский).

Если в приведенном предложении заменить деепричастия спрягаемыми формами глагола, то вместо динамического описания мы получим обычное

¹ См.: Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. С. 224.

повествование. И наоборот, стоит ввести деепричастия в то или иное описание действия, и картина сразу оживится.

Уместно вспомнить эпизод, о котором рассказывал Д. В. Григорович, рисуя литературный портрет Ф. М. Достоевского:

[Достоевский], по-видимому, остался доволен моим очерком... ему не понравилось только одно выражение... У меня было написано так: «Когда шарманка перестает играть, чиновник из окна бросает пятак, который падает к ногам шарманщика». «Не то, не то, — раздраженно заговорил вдруг Достоевский, — совсем не то! У тебя выходит слишком сухо: пятак упал к ногам... Надо было сказать: *пятак упал на мостовую, звеня и подпрыгивая*...» Замечание это — помню очень хорошо — было для меня целым откровением. Да, действительно, *звеня и подпрыгивая* выходит значительно живописнее, дорисовывает движение... Этих двух слов было для меня довольно, чтобы понять разницу между сухим выражением и живым художественно-литературным приемом!

Изучение рукописей русских писателей показывает, что в процессе авторского редактирования они порой вводят в текст деепричастия, выполняющие эстетическую функцию в речи. Например, известные строки М. Ю. Лермонтова из стихотворения «Выхожу один я на дорогу...» претерпели такую стилистическую правку:

Вариант автографа	Окончательный текст
День и ночь, чтоб голос мне отрадный	Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь рассказывал и пел,	Про любовь мне сладкий голос пел,
И чтоб дуб, зеленый и прохладный,	Надо мной, чтоб вечно зелenea,
Надо мной склонялся и шумел.	Темный дуб склонялся и шумел.

В первой редакции совсем не было деепричастий, но поэт изменял лексический состав строфы, вычеркнув ряд прилагательных и вставив эти выразительные глагольные формы.

В. Г. Короленко, редактируя рассказ начинающего автора, заменил глагол деепричастием: *Молодой парень подтаскивает [бревна] к козлам, низко (гнется) сгибаясь под тяжестью лиственниц²* — деепричастие *сгибаясь* придает описанию особую наглядность.

Деепричастия, образно рисуящие действие, часто выполняют функцию тропов. Как и наречия, они могут указывать на признак действия:

Люблю грозу в начале мая, Когда весенний, первый гром, Как бы резвяся и играя, Грохочет в небе голубом.	Росные колосья раздвигая, Предрассветной сонной тишиной По тропинке, что бежит, виляя, Я привел тебя к себе домой.
(Ф. Тютчев);	(Л. Анищенко)

Однако экспрессивная функция деепричастий не исчерпывается применением их в качестве тропов: эти неспрягаемые формы глаголов, наряду с личными формами, постоянно используются литераторами как яркое

¹ Русские писатели о языке... С. 555—556.

² См.: Толстяков А. П., В. Г. Короленко правит рассказ начинающего автора: урок мастера // Редактор и книга. М., 1982. Вып. 9. С. 97.

средство образной конкретизации при «глагольном сюжетоведении». В данном отношении стилистическое использование глаголов и деепричастий одинаково:

Ростов, сдержав лошадь, отыскивал глазами своего врага, чтобы увидеть, кого он победил. Драгунский французский офицер одной ногой прыгал на земле, другую зацепился в стремя. Он, испуганно щурясь, как будто ожидая всякую секунду нового удара, сморщившись, с выражением ужаса взглянул снизу вверх на Ростова (Л. Толстой).

При трансформации текста, если заменить личные формы глагола деепричастиями и наоборот (*Ростов, сдерживая лошадь, отыскивал...; офицер, одной ногою прыгая на земле, другую зацепился в стремя* и т.д.), картина детализированного описания действия в основных чертах не изменится. Но эстетическая обусловленность употребления именно деепричастий заключается в стремлении автора дорисовать главное действие, уточнить его указанием на сопутствующие движения и жесты. Например, в последнем предложении процитированного отрывка главное, к чему приковано внимание, — момент, когда поверженный взглянул в лицо своему возможному убийце. Но указание на это было бы не так весомо, если бы писатель не воспроизвел сопутствующих действий, отражающих душевное состояние обреченного: *щурясь, сморщившись*. Именно такое («дробное») описание критического эпизода делает читателя живым свидетелем событий и вскрывает мотивы поведения Ростова, пощадившего врага:

Лицо его, бледное и забрызганное грязью, белокурое, молодое, с дырочкой на подбородке и светлыми голубыми глазами, было самое не для поля сражения, не вражеское лицо, а самое простое комнатное лицо.

Для художника, изображающего действия персонажей, конечно, небезразлично, какое из них представить как главное, а какое — как сопутствующее.

Внимание стилиста привлекают вариантные формы деепричастий, образование и употребление которых требует комментария. Стилистические варианты деепричастий появляются в результате ненормативного образования форм на *-а, -я* от глаголов совершенного вида, для которых нормой являются деепричастия с суффиксом *-в*: *увидев — увидя, заметив — заметя, оставив — оставя*. Грамматисты предостерегают против употребления суффикса *-я* не по назначению. Так, еще Н. И. Греч отмечал, что «должно говорить и особенно писать: *посадив*, а не *посадя*; *...бросив*, а не *брося*»¹. Однако писатели уже тогда отступали от этих правил: *Гирей сидел, потупя взор* (А. Пушкин). Через сто и более лет возможность создавать подобные варианты не утрачена:

[Пестовский] живет, сцепя зубы, злится и ждет лучшего (А. Блок); Казалось, не устоя пред нашествием отскакивающего с воды солнца, она вот-вот начнет тихо кружиться (А. Грин).

¹ Греч Н. И. Чтения о русском языке. Ч. 1. С. 292.

У деесричастий в возвратной форме совершенного вида суффикс -я не является нарушением нормы: *встретясь, притаясь, спохватясь, не спросясь*. То же следует сказать и о деесричастиях, закрепившихся в устойчивых сочетаниях: *сломя голову, спустя рукава, положила руку на сердце, сложа руки, немного погодя, разиня рот* и др.

В заключение отметим, что в русском языке есть немало непродуктивных глаголов, от которых нельзя образовать деесричастия: *ехать, вязать, лизать, мазать, низать, плясать, казаться, драсть, звать, лгать, ждать, чесать, петь, искать, беречь, жечь* и т.д.

* * *

Рассмотрев стилистическое применение спрягаемых и неспрягаемых форм глагола, заметим, что их семантика, тонкие и экспрессивные оттенки, выразительные возможности раскрываются лишь при искусном использовании в речи. Небрежность, невниманье автора и редактора приводят к досадным ошибкам в употреблении глаголов.

3.8. Стилистические особенности употребления глагольных форм

При стилистической правке рукописи необходимо обращать внимание на ошибки в образовании личных форм глагола: *Когда я в следующий раз очучусь в этих местах, я уже сумею хорошо ориентироваться* (следует: *я окажусь в этих местах*; или: *мне будет суждено очутиться в этих местах* — глагол не имеет формы первого лица); *Моль угнездается моментально* (*может угнездиться моментально*).

Стилистически не оправдано употребление разговорно-просторечных форм «изобилующих» глаголов: *В случае раздражения носоглотки ее поло-скают* (надо: *полощут*) *двухпроцентным раствором соды или водой*. Подлежат правке и ошибки в образовании тех или иных спрягаемых глагольных форм, например: *Дерево развешало густые ветви* (*развесило* — от глагола *развесить*, а не *развешать*).

Особого внимания требует употребление временных форм глагола. Стилистически не мотивировано использование глагола в прошедшем времени в таком предложении: *У носорога всегда имелся запас жира на суровое время года в форме особого нароста на загривке* — здесь следовало использовать форму настоящего времени со значением вневременного действия (*имеется запас жира*). Впрочем, стилистическая правка в этом случае может быть более радикальной: *На загривке у носорога есть огромный нарост, это запас жира, который помогает ему пережить бескормицу*.

При переносном употреблении видо-временных форм глагола не должно возникать неясности, двусмысленности в контексте, поэтому в некоторых случаях необходимо уточнение: *Подследственный добивается дополнительного расследования* (*добился*; или: *требует дополнительного расследования*). Подобная же двусмысленность возникает и в такой, например, фразе: *Героиня романа полюбила крестьянского парня и бежит с ним из дома свекра, где влачит жалкое существование* — более широкий кон-

текст позволяет уточнить значение глагольного времени (*бежали, влачила жалкое существование*).

Очевидны ошибки, связанные со случайной заменой форм прошедшего времени глагола формами настоящего времени в таких конструкциях: *Работы по сооружению гидротехнического комплекса начаты на несколько месяцев раньше, чем намечается* (следовало: *намечалось*) проектом; *Традиционной техникой стенных росписей была фреска, на которой краски наносятся* (*наносились*) на сырую штукатурку.

Недопустима и случайная замена видовых форм глагола, например употребление совершенного вида вместо несовершенного: *Были знаменательные полеты советских космических кораблей, которые прокладывают дорогу созданию долговременной орбитальной станции* (следует: *проложат*); а также несовершенного вида глагола вместо совершенного: *На следующий день дивизия получила задание переправляться на правый берег Волги* (следует: *переправиться*).

Стилистической правки требует употребление устаревших форм видового образования глагола: *Император берет младшего Сенявина в поездки по монаршим дворам Европы. удостоивает невиданной чести...* (следовало: *удостаивает*). Довольно часто наблюдается разнородность видо-временных форм глаголов: один может быть выражен формой несовершенного вида настоящего времени, а другой — формой совершенного вида прошедшего времени и т.п. Рассмотрим примеры стилистической правки таких ошибок:

1. После гражданской войны А. И. Антонов заканчивает основной (командный) факультет Военной академии им. Фрунзе, в 1932 году поступает на оперативный факультет, созданный годом ранее.

1. ...А. И. Антонов заканчивает (или закончил) основной факультет... а в 1932 году поступает (или поступил) на ее оперативный факультет...

2. Через год Антонов закончил факультет и возвращается на должность начальника штаба...

2. Через год Антонов заканчивает (закончил) и возвращается (вернулся) на должность...

Стилистической правки требует и неоправданное употребление глаголов разных видовых форм:

1. Работа в архиве не давала результатов — данных по 1-й Московской канарейской дивизии там не оказалось.

1. Работа в архиве не дала результатов — данных... там не оказалось.

В приведенном сложном предложении грамматическое значение вида глаголов обеих частей находится в одной видо-временной плоскости: 'одновременность действия, осуществившегося до момента речи'; поэтому и в первой, и во второй части видовое значение должно быть идентичным, т.е. грамматическим значением совершенного вида.

При стилистической правке приходится заменять разговорно-просторечные формы повелительного наклонения глагола: *Езжай, и забудем об инциденте, — хотел я сказать таксисту, но промолчал* (литератур-

ный вариант — *поезжай*); исправлять ошибки при употреблении глаголов в сослагательном наклонении:

Отказ России от поддержки православных христиан в Турции **поколебал** **бы** ее авторитет у поработанных турками народов, серьезный ущерб **был** нанесен и российским внешнеполитическим интересам (следует: *был бы...*; или: *мог бы быть нанесен*).

Особого внимания требует употребление возвратных глаголов. Обращение к ним бывает необоснованным: *За эти годы уже начал писаться второй дневник; Графитовый стержень затем красился и отправлялся на просушку...* При стилистической правке отмечаются случаи неудачного употребления возвратных глаголов и, как следствие, замена пассивной конструкцией активного оборота: *Там, где войска в 1918 году восторженно встречались населением, теперь бродят шайки...* (из ранорта генерала А. Н. Пепеляева командующему Сибирской армией). Лучше было бы написать: *Там, где в 1918 году население восторженно встречало войска, теперь бродят шайки...* Стилистическая правка подобных конструкций состоит в отказе от страдательного глагола с постфиксом *-ся* и замене его глаголом действительного залога или в употреблении именного сказуемого с причастием:

1. Молодой солдат не успел зачислиться в списки...

2. Небо охватывается заревом.

3. И вот здесь особенно увиделась ответственность поколений.

1. Молодого солдата не успели зачислить в списки...

2. Небо охвачено заревом.

3. И вот здесь особенно видна стала ответственность поколений.

При редактировании были исключены глаголы страдательного залога; их заменили страдательные причастия и глагол, указывающий на активное действие. Однако неверно было бы считать, что во всех случаях можно без ущерба переделать пассивную конструкцию в активную; см., например: *Дверь открывается автоматически* (но нельзя сказать: *открывают автоматически*).

При употреблении причастий встречается неправильный выбор их временных, а иногда и видовых форм:

Вспоминаю первое выступление нашей фронтовой концертной бригады, **состоящей** из артистов драматического театра (следует: *состоявшей*); Монтаж турбины был выполнен на три недели раньше **намечаемых** планом сроков (следует: *намеченных*); Грязь в город несут тракторы и грузовики, въезжающие на асфальт с проселочных дорог, и машины, **остановившиеся** на обочине (следует: *останавливающиеся*).

Как видно из последнего примера правки, недопустим разнობой видо-временных форм причастий, употребленных в одном предложении и одинаково отражающих темпоральность (если *въезжающие*, значит, и *останавливающиеся*, а не *остановившиеся*).

В пределах высказывания грамматические категории причастий должны быть согласованы с аналогичными категориями глаголов. Разнобой видо-временных форм спрягаемых и неспрягаемых глагольных слов требует стилистической правки: *Лесную тишину временами нарушали срывающиеся с высоких сосен комья снега*. Поскольку глагол *нарушали* указывает на повторяющееся действие, то и причастие также должно быть образовано от аналогичного по форме глагола, способного отразить не однократное, а повторяющееся действие: *срывавшиеся комья снега*.

Иногда ошибки бывают связаны с неправильным образованием причастий: *человек, привыкнущий к всеобщему вниманию* (вместо: *привыкший*); *размышления об увиденном и наблюденом* (нет глагола **наблюдсти*); *давно мечтаемая должность* (глагол *мечтать* непереходный, поэтому от него нельзя образовать страдательное причастие).

Случаи употребления действительно причастия вместо страдательного нередко становятся причиной комизма высказывания: *Свиньи, отправляющиеся на убой, нагуляли много жира* — происходит смешение субъектно-объектных отношений (получается, что *свиньи* сами *отправляются на убой*). Исправляя это предложение, можно написать: *отправляемые на убой*; возможна и более радикальная правка: *На убой отправляют только хорошо откормленных (жирных) свиней*.

Приведем примеры стилистической правки предложений, в которых причиной ошибок стало неверное употребление причастий:

1. Исторические предпосылки Крымской войны 1853—1856 гг. — противоречия между Россией и Турцией — так и остались не до конца прояснившимися.

2. Крымская война, часто вспоминаемая, но вместе с тем мало знаемая...

3. Решение Боярской думы «Морским судам быть!», принятое 20 октября 1696 г., отнюдь не являлось «популистским» жестом. Это был законодательный акт, выражающий объективную необходимость.

1. Исторические противоречия... так до конца и не прояснились (остались не проясненными).

2. О Крымской войне часто вспоминают, но о ней мало знают.

3. ...Это был законодательный акт, выражавший объективную необходимость.

Нельзя образовать причастия будущего времени от глаголов совершенного вида: **пожелающий*, **расскажующий*. Причастия в отличие от спрягаемых форм глагола не могут передавать значение сослагательного наклонения. Если автор не учитывает этого, он рискует совершить следующие речевые ошибки:

1. В Доме культуры откроется выставка, отображающая становление города на Енисее, рассказующая о его старожиллах.

2. Для участников анкетирования, не захотевших бы на анкете писать свое имя, можно предложить шифры.

1. ...выставка, в экспонатах которой будет отображено становление города на Енисее, рассказано о его старожиллах.

2. Для участников анкетирования, которые не захотят указать свое имя, можно предложить использовать шифры.

3. В работе по воспитанию ответственности у подчиненных необходим поиск новых методов, **приносивших бы** максимальные результаты.

3. В работе... необходим поиск новых методов, которые **приносили бы** (могли бы принести) максимальные результаты.

Таким образом, использование причастий требует от автора особого внимания: обладая большим выразительным потенциалом, эта глагольная форма содержит в себе и значительную степень риска, поскольку нередко становится причиной нарушения языковой нормы.

При употреблении деепричастий возможны ошибки в их образовании: **Заметья** волнение собеседника... (следует: *замети*); **Присмотрясь** внимательно, вы увидите... (нужно: *присмотревшись*); **Он задумался, чеша затылок** (правильно: *почесывая затылок*). Если в одном предложении оказывается несколько деепричастий, не исключены ошибки при сочетании форм разного вида: **Определив эти величины и измеряя силу тяжести на различных широтах, мы определим по формуле и сжатие Земли**. Редакторская правка поможет устранить такие ошибки: *Определив эти величины и измерив силу тяжести...*

Логика речи способна нарушить ошибочное образование деепричастий от глаголов несовершенного (или совершенного) вида, что может породить разнородные видовых форм сказуемого и обстоятельства. См., например:

Ставший в 1852 году императором Наполеон III **решил восстановить** утраченное влияние католицизма в Палестине, **существенно ограничивая** тем самым роль России в ближневосточных делах.

В этом случае следовало использовать форму *ограничив* (образованную от глагола совершенного вида *ограничить*, а не от глагола *ограничивать*).

Сопоставление суффиксального оформления и видовых значений неспрягаемых форм глагола поможет избежать нарушения языковой нормы. Это лишний раз убеждает нас в том, что при употреблении деепричастий нельзя не учитывать их грамматических особенностей и стилистических функций в речи.

* * *

Итак, стилистический потенциал спрягаемых и неспрягаемых глагольных форм в современном русском литературном языке многогранен.

Глагольные формы эксплицируют широкий спектр грамматико-стилистических значений вида, залога, времени, лица и числа, которые становятся маркерами, фиксирующими на морфологическом уровне отношение текста к тому или иному функциональному стилю. Многообразие вариантных форм глагола свидетельствует о том, что система глагольных форм, с одной стороны, стабильна и консервативна, сохраняет особенности нормативного формообразования, а с другой — динамична, активно развивается, находится под постоянным влиянием разговорного стиля и городского просторечия.

Вербонды, несмотря на кажущуюся сложность употребления, имеют яркое лексико-грамматическое значение, позволяющее сказать о действии

или его результате в «сглаженной», полупредикативной форме; они являются приметой не только официально-делового и научного стилей, но и активно употребляются в языке художественной литературы.

3.9. Стилистика наречий

3.9.1. Стилистический потенциал наречия

Стилистическое значение наречия определяется его грамматической природой как слова, обозначающего признак действия, состояния, качества и выступающего в роли обстоятельства, примыкающего к глаголу, прилагательному, наречию, предикативному слову и – реже – к имени существительному. Указывая на **признак признака**, эта часть речи выполняет изобразительную роль, предоставляя в распоряжение писателя богатую палитру языковых красок. Многие грамматисты считают определяющим свойством наречия его близость к имени прилагательному. Так, А. А. Шахматов утверждал: «По существу своему наречие тождественно с прилагательным и отличается от него лишь отсутствием форм согласования»¹.

Научная дискуссия

Не касаясь противоречий синтаксической точки зрения на выделение наречия и самостоятельную часть речи, отметим плодотворность сближения его с прилагательным при стилистической характеристике, поскольку обстоятельственные слова выступают в такой же образной функции, как и определения.

Важной отличительной особенностью наречий является их соотносительность с другими частями речи, от которых они образуются и с которыми не теряют функциональной связи.

Большинство наречий образовано от **качественных прилагательных**, от которых они унаследовали не только общность лексического значения, но и стилистическую активность. Наречия, образованные от относительных прилагательных, также могут выступать в роли мотивирующей основы: *работать планово*; наречия от прилагательных на *-ский* указывают на оттенки качественных значений и предметные отношения: *братски, дружески*. Наречия могут образовываться и от прилагательных, восходящих к причастиям: *взволнованно, вызывающе*; и от таких прилагательных, которые принадлежат к притяжительно-относительным и переходят в разряд качественных: *по-лисий, по-медвежий*.

Показательно, что сама возможность образовать наречие от имени прилагательного обычно свидетельствует о развитии в нем качественных значений, о чем можно судить по окказиональным наречиям на *-о*, образованным от относительных прилагательных:

1) Она меж делом и досугом
Открыла тайну, как супругом
Самодержавно управлять...
(А. Пушкин);

2) [Профессор] ввинчивал чеканно,
маршево, восторженно короткие
звонкие шажки в мокрые плиты
(К. Федин).

¹ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1927. С. 6.

Меньшими стилистическими возможностями обладают наречия, мотивированные другими частями речи, — именами существительными: *вверх, вначале, впереди, сбоку*; числительными: *дважды, вдвое, вдвое*; местоимениями: *зачем, отчего*; глаголами: *до упаду, невозможу*; наречиями: *засветло, навсегда, отныне, отовсюду*. Стилистическая инертность лексического значения подобных наречий может компенсироваться выразительностью их словообразования.

Так, выделяют словообразовательные модели наречий, в основе которых лежит сравнение, что придает им наглядность, образительность: *по-детски, волоком, калачиком, дыбом, градом*. Не случайно некоторые существительные в творительном падеже со значением сравнения проявляют тенденцию к переходу в наречия: *Уж мы пойдем ломить стеною* (М. Лермонтов). Среди наречий, мотивированных глаголами, экспрессивны те, которые образуют с ними тавтологические сочетания в творительном усиления: *ходуном (ходить); бегом (бежать); (есть) поподом; лежа (лежать)*.

Особую группу образуют наречия, которым экспрессивно придают усиленные приставки и удвоенные основы: *строго-настрого, чисто-начисто, перво-наперво*. Выразительны пополнившие наречия предложно-именные сочетания типа *до зарезу, до отвала, до упаду*. У некоторых из них процесс объединения предлога со знаменательной частью завершился, что отражается в слитном написании: *дбствия, дотла*.

Стилистически окрашены наречия, имеющие суффиксы субъективной оценки: *капельку, чуточку, в диковинку, втихомолочку, пешочком, порожнячком, вечерком, с ленью, со всячинкой, частенько* и др. Особенно четко воспринимается говорящими экспрессивная окраска наречий с суффиксами субъективной оценки при соотносительности этих наречий с мотивирующими основами без уменьшительно-ласкательных суффиксов: *тихонько — тихо, близонько — близко, раненько (ранешенько, ранехонько) — рано*. Очевидно, что в составе наречий немало таких, которые заключают в себе значительные выразительные возможности и заслуживают внимательного изучения.

Стилистические функции наречий зависят от их принадлежности к тому или иному разряду по значению. Наибольшей стилистической активностью отличаются **определятельные** наречия и в их составе — **качественные**, в самой природе которых заложена образность, поскольку они определяют качественные признаки действий, состояний, свойств. Эта группа наречий преобладает над другими в количественном отношении и занимает ведущее место с точки зрения стилистической значимости, выступая в речи как яркий источник экспрессии.

Стилистическая роль определятельных наречий подобна стилистической роли имен прилагательных с той лишь разницей, что наречия определяют обычно не имена существительные, а глаголы, ср.: *описание интересно* — прилагательное, *описал (описано) интересно* — наречие. Экспрессивная роль таких наречий в тексте очевидна. Вспомним строки из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, рисующие последнюю встречу Максима Максимыча с Печориным:

Я обернулся к площади и увидел Максима Максимыча, бегущего что было мочи... Через несколько минут он был уже возле нас; он едва мог дышать; пот градом катился с лица его; мокрые клочки седых волос, вырвавшись из-под шапки, приклеились ко лбу его; колена его дрожали... он хотел кинуться на шею Печорину, но тот **довольно холодно**, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбенел, но потом **жадно** схватил его руку обеими руками: он еще не мог говорить.

Наречия *довольно холодно* — *жадно* наглядно иллюстрируют отношение друг к другу этих двух столь разных людей.

При всем богатстве и многообразии определительных наречий в русском языке их выразительно-образительные возможности так же широки, как и у соответствующих имен прилагательных. С помощью наречий-эпитетов литераторы создают яркие картины природы: *Все кругом золотисто зеленело, все широко и мягко волновалось и донеслось под тихим дыханием теплого ветерка* (И. Тургенев); изображают поведение героев, дают оценку их действий, движений:

Наташа, не переводя духа, радостно и восторженно визжала так пронзительно, что в ушах звенело. Она этим визгом выражала все то, что выражали и другие охотники своим одновременным разговором (Л. Толстой);

Софья Львовна, пошатываясь от усталости и головной боли... наскоро, кое-как причесалась (А. Чехов); Кирилл сидел прямо, мальчишески загнув ступни за ножки стула, руки в карманы (К. Федин).

Все это делает наречия важным звеном в процессе предметно-образной конкретизации при описании, повествовании, рассуждении. В то же время эстетическое значение определительных наречий вторично в сравнении с именами существительными, прилагательными, которые несут основную стилистическую нагрузку и преобладают в количественном отношении.

Иную функцию в речи выполняют **обстоятельственные наречия**: их назначение информативное, а не эстетическое. Слова *около, поблизости, рядом, вчера, утром, нарочно* и др., как правило, нейтральны в стилистическом отношении, и лишь в контексте обстоятельственные наречия могут обретать экспрессию, а в особых случаях даже становиться источником эмоциональности речи. См., например, у А. С. Пушкина:

Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я **утром** должен быть уверен,
Что с вами **днем** увижусь я...

Как отмечал Г. А. Гуковский, читатель после строчки «Я утром должен быть уверен» ждет привычного противопоставления: «что вечером», но поэт ломает привычные представления, и Онегин, словно стремясь обогнать время, пишет: «что с вами днем увижусь я»¹. Так наречие времени — *днем* — получает особое стилистическое значение.

¹ Цит. по: *Константинова-Витт Н. Г.* «Зачем потух, зачем блистал...». Смещенные противопоставления в лирике А. С. Пушкина // Русская речь. 1985. № 4. С. 43.

Среди обстоятельственных наречий в художественной речи часто экспрессивны те, которые обозначают всеохватность, имеют предельное значение: *всегда, везде, постоянно, неотлучно*. Им обязаны выразительностью такие, например, строки:

1) Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами... | 2) Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль. |
|---|--|

(А. Пушкин)

Наречия участвуют в предметно-образной конкретизации описаний в сочетании с иными частями речи, но при этом они не являются главным средством изобразительности, а лишь дополняют языковую палитру, используемую писателем. Вспомним строки из рассказа И. С. Тургенева «Бирюк»:

Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружье, в углу валялась груда тряпок, два больших горшка стояли возле печки. Лучина горела на столе, **печально** вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста. Девочка погасила фонарь, присела на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, левой поправлять лучину. Я посмотрел кругом — сердце во мне заняло: **не вело** войти ночью в мужицкую избу. Ребенок в люльке дышал **тяжело и скоро**.

Как видим, экспрессия наречий лишь дополняет изобразительность других частей речи, прежде всего имен существительных и прилагательных. Однако писатели придают немаловажное значение употреблению определенных наречий в художественном тексте, о чем можно судить на основании изучения примеров авторского редактирования выдающихся стилистов. А. С. Пушкин вносил уточнения в употребление наречий: *Всех строже* (первоначально: *лучше*) *оценить умеешь ты свой труд*. Известна правка М. Ю. Лермонтова: *Я б желал навеки так заснуть* (первоначально: *Беспробудно я б хотел заснуть*). Большую работу над текстом стихотворения проделал Н. А. Некрасов:

Окончательный вариант

Черновые редакции

Встречаясь с ним, я вспоминал
Неволью дуб красивый
В моем саду: там сети ткал
Науку трудолюбивый. | Я почему-то вспомнил вдруг
О яблоне красивой...
Я отвечал ему не вдруг,
Я вспомнил клен красивый... |
|--|--|

Изучение черновиков М. Горького дает нам убедительные примеры сознательного введения в текст наречий-эпитетов:

1. Блестело море, все в южном солнце,
и с шумом волны о берег бились.	1. Блестело море, все в ярком свете,
и грозно волны о берег бились.
2. Все эти звуки, нерешительно колыхаясь,
стоят в небе над гаванью.	2. Все эти звуки, мятежно колыхаясь,
стоят низко в небе над гаванью.

В составе определительных наречий как наиболее выразительные выделяются:

а) наречия способа и образа действия:

Над прудом реют ласточки;
Какие-то комарики,
Проворные и тощие,
Вприпрыжку, словно посуху,
Гуляют по воде.
(Н. Некрасов);

б) сравнительно-уподобительные:

Мягкий ветер, как бы тоже очищенный прошедшими ливнями, колыхал всю эту **по-весеннему** шуршащую массу зелени (М. Казакевич); ...я бы вам посоветовал **отечески** или, если больше любите, **дружески** и забыть о господине Рогожине (Ф. Достоевский).

В меньшей степени изобразительны наречия совместности действия:

Но зато как хороши были туманные и свежие утра, когда тени деревьев лежали далеко на воде и под самым берегом ходили **стаями** неторопливые пучеглазые голавли! (К. Паустовский).

В основе экспрессии количественных наречий, в том числе наречий меры и степени, лежит не изобразительность, а интенсивность проявления качества, динамизм действия. Не случайно в их составе много экспрессивно окрашенных слов: *ужасно, чрезмерно, грандиозно, безумно, чертовски, дьявольски*; ср.: *Я прежде сам его любил, / Но надоел он мне **безмерно*** (А. Пушкин). Уточнение количественных представлений может быть направлено и в сторону их ослабления: *капельку, крошечку, чуть-чуть, едва-едва, еле-еле*; ср.: *Мы все учились **понемногу** / Челу-нибудь и как-нибудь* (А. Пушкин).

По частотности употребления количественные наречия значительно уступают другим разрядам, однако по художественной значимости они могут получать большой вес среди иных экспрессивных средств, так как дают возможность уточнить, смягчить или усилить качественную характеристику предметов, что особенно ценят большие мастера. Проследим эстетическую функцию этих наречий в отрывке из романа Ф. М. Достоевского «Подросток»:

Вошли две дамы, обе девицы... [Князь] как-то таинственно подмигивая, успел прошептать мне наскоро пред самым их входом:

— Вглядишься в Олимпиаду... потом расскажу...

Я глядел на нее **довольно** пристально и ничего особенного не находил: не так высокого роста девица, полная и с **чрезвычайно** румяными щеками. Лицо, впрочем, **довольно** приятное, из нравящихся материалистам. Может быть, выражение доброты, но со складкой. Лет **не более** девятнадцати. Одним словом, ничего замечательного. <...>

Совсем другая особа была дочь Версилова. Высокая, **немного** даже худощавая; продолговатое и **замечательно** бледное лицо, но волосы черные, пышные;

глаза темные, большие, взгляд глубокий, малые и алые губы, свежий рот. Первая женщина, которая мне не внушала омерзения походкой; впрочем, она была тонка и сухощава. Выражение лица **не совсем** доброе, но важное; двадцать два года. <...>

И вот, против всех ожиданий, Версилова, пожав князю руку и обменявшись с ним какими-то веселыми светскими словечками, **необыкновенно любопытно** посмотрела на меня и, видя, что я на нее тоже смотрю, **вдруг** мне с улыбкою поклонилась. <...> И, помню, я испытал **необыкновенно** приятное ощущение.

Стилистическую функцию количественных наречий в приведенном отрывке можно сравнить с эстетическим значением цветовых оттенков в живописи. Если опустить выделенные наречия, смысл текста не будет искажен, но исчезнут полутона, которые придают речи особое художественное значение. Например, *чрезвычайно румяные щеки* не вызывают восторга, хотя эпитет *румяный* обычно воспринимается как положительный; *замечательно бледное лицо* кажется загадочным, тогда как просто *бледное* не вызвало бы дополнительных ассоциаций. Дополнительную экспрессию придают наречия предельного значения: *чрезвычайно, замечательно*.

Отдельные наречия обладают функциональными особенностями в контексте времени; см., например: *Хотели как лучше, а получилось как всегда* (В. С. Черномырдин). В газетных заголовках, рекламе, названиях кинопроектов наречия также используются достаточно продуктивно: *ГДЕ и КАК получить бесплатные лекарства; Здесь и сейчас; Всегда говори всегда* (в последнем случае наречие *всегда* субстантивировалось).

Следует иметь в виду, что и безлично-предикативные наречия (в понимании ряда ученых — *слова категории состояния*) активно реализуют стилистический потенциал в различных текстах. Так, заголовок стихотворения Леонида Анципенко «Пора» по сути своей синкретичен: лексическая единица *пора* совмещает две категориальные функции — имени существительного и безлично-предикативного наречия. В тексте эти функции дифференцированы:

Пора, давно уже пора,
Отбросив пьянь и лень,
И не взирая на ветра,
России встать с колен.

3.9.2. Степени сравнения и степени качества наречий

Помимо перечисленных выше особенностей наречия унаследовали от имен прилагательных способность образовывать **степени сравнения** и **степени качества** — всегда экспрессивные грамматические категории. Стилистическое сходство наречий и прилагательных проявляется также и в том, что степени сравнения образуют только качественные наречия, которым присуща и наибольшая живописность.

1. **Степени сравнения** наречий, омонимичные соответствующим формам имен прилагательных, в отличие от последних выступают в предложении в роли обстоятельств (а не определений); ср.: *жаворонок поет звонче синицы* — наречие, *звонче жаворонка пенье* — прилагательное. Однако в стилистическом отношении их роль часто аналогична — и те, и другие могут быть эпитетами:

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, **круче** локон:
 Быть может, кто из проезжающих
 Посмотрит пристальней из окон...
 (А. Блок)

В приведенном примере и прилагательные, поясняющие имя существительное, и наречие, определяющее глагол, выполняют в речи изобразительную функцию.

Остановимся на стилистическом использовании **сравнительной степени** наречия. В самой природе этой грамматической категории заложено стилистическое значение, так как в ней обычно указывается на более интенсивное проявление качества действия: *Сильней и слаще с каждым днем / Несется запах медовой* (А. Фет).

Образная функция сравнительной степени реализуется в полной мере, если наречие вовлекается в художественное сравнение:

В чаще дикой и глухой
 Нимфа юная отстала;
 Я за ней — она бежала
 Легче серны молодой.
 (К. Батюшков)

Даже если сравнительная степень указывает на ослабление признака действия, она все равно несет в себе экспрессивный заряд, предполагая сравнение: *Уж реже солнышко блистало...* (А. Пушкин). Употребление сравнительной степени наречий со значением ослабленности признака дает возможность подчеркнуть и объективно противоположное качество — не слабость, а силу какого-либо действия (в этом случае наречие употребляется с отрицанием): *А вслед за ним не менее мощно звучал голос другого гения...* (М. Горький).

Различные формы сравнительной степени наречий могут обладать существенными отличиями в функционально-стилевом отношении. Не ограничена в своем употреблении лишь простая форма сравнительной степени наречия (при условии, если она не имеет вариантов): *ближе, быстрее, лучше*. Возможность же образования вариантных форм приводит к их стилистическому закреплению: *красивее* (общеупотр.), *краше* (нар.-поэт.), *красивше* (груб. прост.). Стилистически противопоставлены, например, такие формы сравнительной степени наречий:

Книжные формы	Общеупотребительные формы	Разговорные формы	Просторечные формы
<i>более</i>	<i>больше</i>	—	—
<i>менее</i>	<i>меньше</i>	—	—
<i>далее</i>	<i>дальше</i>	—	—
<i>ранее</i>	<i>раньше</i>	—	—
—	<i>бойче</i>	—	<i>бойче</i>
—	<i>звонче</i>	—	<i>звонче</i>

Книжные формы	Общепотребительные формы	Разговорные формы	Просторечные формы
—	<i>слаще</i>	—	<i>слаже</i>
—	<i>ловче</i>	<i>ловчее</i>	—
—	<i>хлестче</i>	<i>хлесте</i>	—

Отдельные формы архаизовались, их можно встретить лишь у писателей прошлого: *Баснь эту можно бы и боле пояснить* (А. Крылов); *Княжны в них нет. Он дале, в сад...* (А. Пушкин); *Недаром, о розы, на ваших листах / Жарче румянец, свежей аромат* (Ф. Тютчев). Поэты XIX в. использовали эти формы сравнительной степени без специального стилистического задания, на правах поэтической вольности. Об этом свидетельствуют примеры их параллельного употребления:

Да, ежели выбор решить я должна
 Меж мужем и сыном — не боле,
 Иду я туда, где я больше нужна,
 Иду я к тому, кто в неволе!

(Н. Некрасов)

В современном русском языке такое употребление архаических вариантов степени сравнения наречий недопустимо.

В разговорной речи используются формы простой сравнительной степени наречий с приставкой *по-*, заключающие оттенок смягченности, незначительности преобладания признака: *получше, повыше, поярче, потоньше, почаще*. Употребление таких форм в художественной речи придает стилю разговорные черты:

А мужик-от он догадлив был,
 Он пускался на медведиху,
 Он сажал в нее рогатину
 Что повыше пупа, пониже печени.

(А. Пушкин)

Стилистический потенциал использования степеней сравнения наречий в контексте художественного произведения может быть усилен разноуровневым взаимодействием, например, грамматики и фоники. Так, в стихотворении Л. Анненко «Черника» доминирование шипящих звуков, усиленное посредством преобладания форм степеней сравнения с суффиксом *-же*, передает шорохи, звуки вечернего леса и соответственно чувство тревоги и страха лирического героя:

Чем глубже в лес — тем ягод больше было,
 Чем глубже в лес — тем ягода крупней.
 Про время и про девочку забыли,
 Ну, что там может статься с ней?

Стилистического комментария требует и употребление в речи форм превосходной степени наречий. В отличие от аналогичной формы имени прилагательного, простая превосходная степень наречий выступает в совре-

менном русском языке только в **элитивном** значении, указывая на самую высокую степень качества действия вне сравнения: *нижайше кланяться*, *строжайше (наистрожайше) запретить*. Эти формы всегда экспрессивны, причем их употребление придает речи архаическую окраску:

Никифор стремительно засеменил к двери и через несколько секунд **наипочтительнейше** стаскивал с плеч своего племянника драповое пальто (А. Чехов); **Покорнейше** прошу переписать... ведомостичку (журн.).

Сложные формы превосходной степени наречий стилистически не равноценны. Одна из них, образованная из сочетания простой формы сравнительной степени наречия и слов *всего*, *всех*, имеет разговорный оттенок: *Меньше всего я думал о предстоящей встрече*. Следует иметь в виду, что сочетания типа *выше всего*, *больше всего* обозначают признаки действий неодушевленных предметов, а сочетания типа *выше всех*, *больше всех* относятся к одушевленным субъектам действия; ср.: *Он ставит выше всего (что?) чувства, любовь — Он ставит выше всех (кого?) себя*. Другая форма, образованная из сочетания наречия в положительной степени и слов *наиболее*, *наименее*, носит книжный характер: *Снижение инфляции наиболее убедительно доказывает правильность финансовой политики правительства*; *Менее остро заболевание протекает в случае...*

2. Степени качества наречий обозначают меру признака безотносительно к сравнению и образуются, подобно степеням сравнения, от наречий, соотносительных с качественными прилагательными. Эти формы отличает яркая экспрессия, и не случайно их еще называют *формами оценки наречий*. Степени качества наречий образуются с помощью различных эмоционально-экспрессивных суффиксов: *маленько*, *близёхонько*, *многовато*, *нисколючко*, *ничегошеньки*; а также путем удвоения основы: *рано-рано*, *белым-бело*, *сильно-пресильно*.

Использование степеней качества наречий в художественных произведениях, как правило, стилистически мотивировано; они привлекаются для создания непринужденно-разговорного стиля: *Старался он одеваться чистенько, несмотря на чрезвычайную свою бедность* (Ф. Достоевский); в качестве средства речевой характеристики персонажей: *Ох, батюшка ты мой Петр Андреич... Хоть раненько задумал ты жениться, да зато Марья Ивановна такая добрая барышня...* (А. Пушкин); *Давненько не брал я в руки шашек!*.. (Н. Гоголь); а также при стилизации народно-поэтического слога, в фольклоре: *Ой, вставала я раи́шенько, / Умывалась белёшенько* (песня).

Таким образом, для стилистического использования наречий определяющее значение имеет их эмоционально-экспрессивная окраска: нейтральные употребляются без стилистических ограничений, оценочные — в художественной речи, отчасти в публицистическом стиле, но главная сфера их применения — разговорная речь.

Анализируя погрешности в употреблении наречий, при стилистической правке прежде всего устраняются ошибки в образовании форм сравнительной степени: *Фонды материального поощрения позволяют гибче* (следует: *более гибко*) *подходить к различным специалистам; С этим заданием он*

справился ловчее (правильно: *ловче*, но возможна и более решительная правка: *Это задание он выполнил ловко, не так, как предыдущее*).

Встречаются плеонастические сочетания при образовании сравнительной степени наречий *плохо, хорошо*, свидетельствующие о низкой речевой культуре пишущего: *В посткоммунистической России жить стало еще более хуже* (следовало: *еще хуже*); *Новый препарат действует при лечении этих заболеваний более лучше, чем ранее известные средства* (правильно: *лучше*; или: *действует более эффективно*).

Приведем несколько примеров стилистической правки предложений, в которых устранены ошибки в употреблении наречий:

1. Несмотря на то, что в этих угодьях земля родит **поплоне**, фермер собирает хорошие урожан, каких не знают его нерадивые соседи.
2. Современный аграрий. Каков он? **Наверняка**, человек грамотный...
3. Новая агротехника экономичнее и проще, но освоение ее требует **более лучше** организовать работу.

1. Несмотря на то, что в этих угодьях земля родит **хуже** (или: земли не такие плодородные, как в соседних хозяйствах), фермер собирает хорошие урожан...
2. Современный аграрий. Каков он? **Несомненно**, человек грамотный...
3. Новая агротехника экономичнее и проще, но освоение ее требует **лучше** организовать работу.

Как видим, при употреблении наречий нередки такие же ошибки, как и при употреблении имен прилагательных, и в первую очередь это плеонастические сочетания при образовании сравнительной степени наречия.

3.10. Стилистическая оценка синтаксических конструкций простого предложения

Русский синтаксис отличается богатством стилистических средств. Синтаксические единицы характеризуются функционально-стилевой закрепленностью: одни используются в книжных стилях, другие — в разговорном. На синтаксическом уровне ярко проявляется экспрессивная окраска речи.

Стилистика начинается там, где есть возможность выбора, а в русском языке такая возможность постоянно возникает при обращении к различным структурным типам предложений, употреблении параллельных синтаксических конструкций, использовании различных способов актуализации отдельных частей высказывания и т.п.

Важнейшим аспектом синтаксической стилистики является стилистическая оценка синтаксических средств, раскрывающая их функционально-стилевую закрепленность и экспрессивные возможности. При этом в центре внимания находится **синтаксическая синонимия**.

Изучение стилистического использования различных типов предложений выдвигает на первый план **функционально-стилевой** аспект. Для стилистической оценки того или иного типа предложения важно определить его употребительность в разных стилях речи. Функциональные стили характеризуются избирательностью употребления простых и сложных,

односоставных и двусоставных предложений. Например, для научного стиля показательное преобладание двусоставных личных предложений (их частотность составляет 88,3% от числа всех простых предложений); среди односоставных преобладают обобщенно- и неопределенно-личные (5,7%); безличные предложения употребляются реже (4,8%); как исключение встречаются инфинитивные и номинативные, которые вместе составляют лишь 1%. В такой избирательности употребления различных предложений отражается специфика научного стиля: точность, подчеркнутая логичность, отвлеченно-обобщенный характер.

При стилистическом анализе разных типов предложений важно также показать их экспрессивные возможности, от которых зависит обращение к той или иной конструкции в конкретной речевой ситуации. Русский синтаксис предоставляет множество вариантов для выражения одной и той же мысли. Например, при соответствующей интонации стилистический прием тавтологического сочетания придает высказыванию известную выразительность, например: *Учитель должен учить*. Однако ее можно усилить, избрав более эмоциональные синтаксические конструкции:

1. *Обязанность учителя — учить.*
2. *Учитель должен быть учителем.*
3. *Учителю надо учить.*
4. *Ты учитель — и будь учителем.*
5. *Ты учитель — ты и учи!*
6. *Что же учителю и делать, как не учить!*
7. *Кому и учить, как не учителю?!*

Эти конструкции выражают субъективно-модальные значения, т.е. все те значения, в которых заключено отношение говорящего к тому, о чем он сообщает. Степень их интенсивности от первого предложения к последующим нарастает, что влияет на их использование в речи. Примеры 1–3 могут быть использованы в книжных стилях, причем пример 1 тяготеет к официально-деловому стилю, а в примерах 2 и 3 книжная окраска последовательно убывает. Предложения 4–7 выделяет яркая экспрессия, придающая им подчеркнуто разговорный и просторечный характер.

Таким образом, субъективно-модальные значения дополняют функционально-стилевый аспект в стилистической оценке типов предложений. Исходя из этого, перейдем к анализу конкретных синтаксических единиц.

Прежде всего для русского языка характерна синонимия **односоставных** и **двусоставных** предложений, что можно показать на примерах, сопоставив двусоставные конструкции и соотносительные с ними односоставные:

Односоставные предложения	Двусоставные предложения
1. Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог, Сядем в копны свежие под соседний стог. (С. Есенин)	1. Я знаю, ты выйдешь вечером... Мы сядем в копны свежие.
2. Что новенького в газетах пишут? (М. Шолохов).	2. Что новенького пишут газеты?
3. Жила я радостно, по-детски — проснешься утром и запоешь... (А. Чехов).	3. Я, бывало, просыпалась утром и пела...

Односоставные предложения

4. Мне вздумалось сорвать этот репей... (Л. Толстой).
5. Все мне видится Павловск холмистый (А. Ахматова).
6. Мне не жить без России (А. Прокофьев).
7. Вот эта синяя тетрадь —
С моими детскими стихами.
(А. Ахматова)
8. Не спится, няня... (А. Пушкин).

Двусоставные предложения

4. Я вздумал сорвать этот репей.
5. Все я вижу Павловск холмистый.
6. Я не смогу жить без России.
7. Вот передо мной лежит эта синяя тетрадь с моими детскими стихами.
8. Я не могу уснуть.

Передко синонимизируются и разные типы односоставных предложений, например определительно-личные — безличные: *Дыши последней свободой* (А. Ахматова) — *Надо дышать последней свободой*; *Не мучь меня больше* (А. Ахматова) — *Не надо мучить меня больше*; неопределительно-личные — безличные: *Близким говорят правду* — *Близким приятно говорить правду*; обобщительно-личные — безличные: *Говори, да не заговаривайся* (посл.) — *Говорить можно, да не надо заговариваться*; *Озвереешь в такой жизни* (М. Горький) — *Можно озвереть в такой жизни*; *...Нарочию и лезет под колеса; а ты за него отвечай* (Ф. Достоевский) — *...а тебе за него приходится отвечать*; номинативные — безличные: *Тишина* — *Тихо*; *Озноб, лихорадка* — *Знобит, лихорадит*; инфинитивные — безличные: *Не нагнать тебе бешеной тройки* (Н. Некрасов) — *Невозможно нагнать бешеную тройку*.

Богатство вариантов создает широкие возможности для стилистического отбора синтаксических конструкций. Причем синтаксические синонимы (как легко заметить по приведенным примерам) далеко не равноценны в стилистическом отношении. Рассмотрим подробнее односоставные предложения.

1. **Определенно-личные** предложения в сравнении с двусоставными придают речи лаконизм, динамичность. Не случайно этот тип односоставных предложений ценят поэты:

Люблю тебя, Петра творенье...
(А. Пушкин);

Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад — прошедшее ужасно;
Гляжу вперед — там нет души родной!
(М. Лермонтов);

Все хорошо под сиянием лунным...
(Н. Некрасов);

Стою один среди равнины голой...
(С. Есенин)

Определенно-личные предложения придают экспрессию газетным заголовкам: *Не верь глазам своим* (о рекламе); *Здравствуй, добрый человек*

(о старожилках); *Ожидаем большой эффект* (о развитии деловых контактов), *Тренируем дух и тело* (о реконструкции спортивного зала).

Определенно-личные предложения со сказуемым, выраженным формой 1-го лица множественного числа, используются и в научном стиле:

Проведем прямую и обозначим на ней точку; **Обозначим** точки пересечения прямых; **Рассмотрим** спектр модальных значений высказывания в художественном тексте.

В таких предложениях внимание сосредоточено на действии безотносительно к его производителю, что сближает такие конструкции с неопределенно-личными предложениями. Личная форма сказуемого активизирует читательское восприятие: автор вовлекает читателя в решение поставленной проблемы, приобщает его к рассуждениям при доказательстве теоремы; ср. безличные конструкции: *Если провести прямую...*

Лингвисты часто отмечали преимущество определенно-личных односоставных предложений перед синонимичными двусоставными: указание лица в последних придает речи лишь более спокойный тон, делает ее «более вялой, разжиженной», по выражению А. М. Пешковского. Однако в подобных случаях все же употребляются не односоставные предложения рассматриваемого типа, а двусоставные с подлежащим, выраженным местоимением. Обращение к ним диктуется стилистическими соображениями. Во-первых, к двусоставным предложениям прибегают, если необходимо подчеркнуть значение 1-го или 2-го лица как носителя действия: *Ты живешь в огромном доме, / Я ж среди горя и хлопот...* (А. Пушкин); *Мы слушаем, а вы постарайтесь нас убедить*. В подобных случаях местоимения-подлежащие выделяются в устной речи ударением.

Во-вторых, двусоставные предложения используются при выражении побуждения с оттенком увещания: *Вы не торопитесь, я подожду; Да вы не тревожьтесь...* При подобном употреблении стилистическое значение имеет порядок слов: подлежащее-местоимение должно предшествовать сказуемому. При иной их последовательности и соответствующей интонации двусоставные (побудительные предложения с подлежащим-местоимением 2-го лица (чаще единственного числа)) выражают пренебрежение, звучат резко, даже грубо: *Да замолчи ты!*; *Отстань ты от меня!*; *Подождите вы!*

2. **Неопределенно-личные** предложения не имеют особых экспрессивных качеств, которые бы выделили их на фоне других односоставных предложений. Основной сферой употребления неопределенно-личных конструкций является разговорная речь: *Стучат!*; *Продают клубнику; Говорят, говорят... ну и пусть говорят!* — откуда они легко переходят в художественную речь, придавая ей живые интонации: *А в доме стук, ходьба, метут и убирают* (А. Грибоедов); *Идет. Ему коня подводят* (А. Пушкин); *Вот тащат за ноги людей / И кличут громко лекарей* (М. Лермонтов). Подобные односоставные предложения нейтральны в стилистическом отношении и могут быть использованы в любом стиле. Вот, например, цитата из учебного пособия по семантике:

У танца, как и у других искусств, в ранней истории имелись еще и несемантические функции — медицинские и игровые. Общая пляска была средством коллективной психотерапии, физической тренировки и энергетической разрядки. Пляски наиболее искусных и выносливых танцоров часто принимали характер состязаний («кто кого перепляшет») и были, таким образом, забавой и отдыхом для «не-солистов» и зрителей¹.

Приведем отрывок из газетной статьи: *Рейн уже не раз отравляли промышленными отходами. Но подобного удара реке еще не наносили.* Все эти примеры убедительно свидетельствуют о том, что для неопределенно-личных предложений нет функционально-стилевых ограничений.

Неопределенно-личные предложения интересны в стилистическом плане тем, что в них подчеркивается действие:

Подсудимых тоже куда-то выводили и только что ввели опять (Л. Толстой); Когда полковник прибудет, то за ней придут (К. Симонов); Блинами, понятно, не встретят, не жди. — Какие там блины! Вздернут еще! <...> Бьют да вешают народ (М. Бубеннов).

Употребление таких предложений позволяет акцентировать внимание на глаголе-сказуемом, в то время как субъект действия отодвигается на задний план независимо от того, известен он говорящему или нет. Наиболее выразительны в семантико-стилистическом отношении неопределенно-личные предложения, в которых носитель действия представлен как лицо неопределенное:

А завтра меня в кино приглашают. — Кто же это? — спросила мать. — Да Виктор, — ответила Луша (В. Лидин).

Подчеркнутая глагольность неопределенно-личных предложений придает им динамизм, создает благоприятные условия для использования в публицистическом стиле: *Сообщают из Киева...; Из Дамаска передают...; Депортируют из США...* Особенно эффективно употребление неопределенно-личных предложений в качестве заголовков газетных материалов: *Наживаются на беспорядочном ввозе сигарет; Пятятся назад (о международной политике); Неудобных убирают; Где отмывают деньги; Меняют фонари (об уличном освещении).*

В научном стиле использование неопределенно-личных предложений диктуется стремлением автора привлечь внимание аудитории на характер действия, например при описании опытов: *Смесь тщательно взбалтывают и подогревают. Затем в сосуд добавляют... Полученную массу охлаждают.*

В официально-деловом стиле неопределенно-личные предложения используются наряду с безличными: *У нас не курят — Курить воспрещается*; а также с инфинитивными: *Не курить!; Просят соблюдать тишину — Не шуметь!* При сопоставлении таких конструкций очевидно, что неопределенно-личные предложения выступают как более вежливая форма запрета, поэтому в известных условиях по этическим соображениям они оказы-

¹ Мечковская Н. Б. Семиотика : Язык. Природа. Культура : курс лекций : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М., 2007. С. 304.

ваются предпочтительнее. Неопределенно-личные предложения, которые выражают побуждение в смягченной, подчеркнуто вежливой форме, прочно закрепились в отдельных жанрах официально-деловой речи, например в объявлениях (особенно при трансляции их по радио): *Гражданина Петрова просят подойти к справочному бюро; Пассажиров приглашают на посадку; Студента Газетова вызывают к декану.*

3. **Обобщенно-личные** предложения из всех односоставных личных выделяются экспрессивной окраской: *Сердцу не прикажешь; Голой овцы не стригут; Что имеем — не храним, потерявши — плачем.* Наиболее характерная для этих предложений форма сказуемого — форма 2-го лица единственного числа, получающая обобщенное значение, — является и самой экспрессивной:

За чем пойдешь, то и найдешь; Пospешишь — людей насмешешь; Перед смертью не надышишься; На каждый роток не накинешь платок; Ешь, пока рот свеж; За твоим языком не поспеешь и босиком.

Афористичность и яркость подобных высказываний ставит их в ряд высокохудожественных произведений-миниаюр русского фольклора.

Глагол-сказуемое 1-го и 3-го лица в обобщенно-личных предложениях указывает на действие, которое может относиться к любому лицу:

В чужом глазу — сучок видим, а в своем и бревна не замечаем; За одного битого двух небитых дают; Рассказчики не годятся в приказчики; Для глухих две обедни не служат.

Народно-поэтический оттенок обретают строки из художественных произведений, в которых писатели прибегают к обобщенно-личным предложениям: *Глядишь и не знаешь, идет или не идет его величавая ширина...* (Н. Гоголь); *В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа...* (М. Лермонтов). Экспрессивность таких конструкций отчасти достигается переносным употреблением форм лица: 2-е лицо глагола указывает на самого говорящего. В иных случаях действительность речи усиливается использованием формы давнего прошедшего времени: *Эх, бывало, заложил шапку, / Да заложил в оглобли коня...* (С. Есенин). В поэтической речи подобные конструкции могут быть композиционно-образующим стержнем текста¹:

Вот мы опять перевернем поспешно,
Стараясь прочесть иллюзию судьбы,
Год, календарь: так здорово, успешно!
И так обманчиво: спеша, спеша, спеша.

Спеша прожить, сказать, подумать, взвесить,
Спеша понять, почувствовать, простить,
Спеша забыть, отбросить, не заметить,
Спеша догнать, поверить, позвонить.

Спеша решить в последнее мгновенье,
Спеша увидеть в полной темноте,

¹ Стихотворение одного из авторов учебника — С. Н. Стародубец.

Спешу признать такое поражение,
Которое лишь подступ к высоте.

Яркая экспрессивность таких конструкций ограничивает их функционирование. Кроме разговорной и художественной речи, для них открыт публицистический стиль. В критике, публицистике обобщенно-личные предложения придают суждениям большую объективность: *На каких весах взвесить, каким аршином измерить можно это чувство...; Писать, о чем думаешь* (газ.).

Наименее экспрессивными среди обобщенно-личных предложений являются конструкции со сказуемым в форме 3-го лица множественного числа: *Льет дождь. На даче спят два сына, / Как только в раннем детстве спят* (Б. Пастернак). По структуре и семантике такие предложения близки к неопределенно-личным, но в отличие от них указывают на действие, которое может принадлежать *всякому* (*все спят, каждый в детстве так спит*). Эта структурная схема односоставных предложений находит применение и в научном стиле.

4. **Безличные** предложения характеризуются особым разнообразием конструкций и их стилистическим применением в речи. Некоторые из них типичны для разговорной речи: *Хочется есть; Больно!; Не спится; Морозит; Ни души; Нет денег; Пора домой; Стыдно сказать*; другие выделяются канцелярской окраской:

Воспрещается без согласия усыновителей... выдавать выписки из книг регистрации актов гражданского состояния; О сохранении правоотношений с одним из родителей... должно быть указано в решении об усыновлении.

Среди безличных предложений есть и лирические по эмоциональной окраске, излюбленные поэтами конструкции:

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
(М. Лермонтов);

Всё кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.
(А. Блок);

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь...
(Б. Пастернак)

Быть твоею сестрою отрадною
Мне завещано древней судьбой...
(А. Ахматова)

Есть среди них и предложения, используемые в публицистической речи, предназначенные для обычной информации: *Строителям предстоит возвести санно-бобслейный комплекс; Ответ надо искать всем заинтересованным организациям*. Правда, журналисты черпают из состава безличных

конструкций и эмоциональные, которые необходимы для усиления ответственности речи:

Стоя приветствовали болельщики чемпиона, и не было конца восторгам; Нужно было бы искать ему (спортсмену) замену, а достойных кандидатов в сборной нет; На равных бороться ему не по силам; Побеждать всегда приятно, но не разумнее ли отвлечься на время от дня сегодняшнего и заглянуть чуть дальше?

В газетных заголовках подобные синтаксические конструкции также продуктивны: *С «Меркурием» безопасно; Подорожало или нет?* и др.

Отдельные группы безличных предложений постоянно используются в научном стиле:

Известно, что...; Приходится признать...; Начинать опыт следует с вливания наименее концентрированного раствора и переходить к более концентрированным; За один опыт рекомендуется применять не более 7–10 раздражений кислотой.

Характерный для научного стиля безличный принцип изложения обуславливает сравнительно частое использование конструкций со сказуемыми, выражающими различные оттенки долженствования, необходимости:

При установлении исходного функционального состояния организма следует обратить внимание на объективные физиологические данные; С подобной неоднозначностью приходится сталкиваться при всех прямых методах решения структур.

В рамках этого стиля возможно использование и безлично-предикативных слов в роли сказуемых: *Можно заметить следующую закономерность...; Для характеристики пемзалитового поля одного образца недостаточно.*

При стилистической оценке безличных предложений важно учитывать, с одной стороны, возможность замены их другими конструкциями, что создает конкуренцию синтаксических синонимов, а с другой — полное отсутствие такой возможности, что снимает проблему стилистического выбора. Например, нельзя предложить какие-либо замены для безличных предложений такого типа:

Но стало страшно вдруг Татьяне... (А. Пушкин); Ах, в самом деле рассвело! (А. Грибоедов); Ему стало приятно от этой мысли (М. Горький); На небе ни облака (А. Чехов); Ногу ломит; Везет же людям!; Писем нет.

Однако иные безличные предложения легко трансформировать в двусоставные или односоставные неопределенно- или определенно-личные; ср.:

Сегодня тает — Снег тает; Следы засыпало снегом — Следы засыпал снег; Метет — Метет пурга; Хочется есть — Я хочу есть; Где тебя носило? — Где ты был?; Следует уступать места старшим — Уступайте места старшим; Полагается принимать лекарство — Принимайте лекарство; Про батарею Тушина было забыто — Про батарею Тушина забыли; Решено начать атаку на рассвете — Атаку решили начать на рассвете; Меня там не было — Я там не был.

При возможности двоякого выражения мысли следует учитывать, что «личные конструкции содержат элемент активности, проявления воли действующего лица, уверенности в совершении действия, тогда как безличным оборотам присущ оттенок пассивности, инертности»¹. Кроме того, в отдельных типах безличных предложений заметна функционально-стилевая окраска, порой слабая. Так, подчеркнуто разговорными являются предложения: *Где тебя носило?*; *Везет же людям!*; *В доме ни души*. Книжную окраску имеют конструкции: *Следует уступить...*; *Полагается принять...*; *Решено начать...*

5. **Инфинитивные** предложения предоставляют значительные возможности для эмоционального и афористического выражения мысли: *Чему быть, того не миновать* (посл.); *Кого ж любить? Кому же верить?* (А. Пушкин); *Так держать!*; *От судьбы не уйти*; *Быть бычку на веревочке!* Они используются в пословицах, в художественной речи; эта конструкция приемлема даже для лозунгов: *Работать без брака!* Однако основной сферой их функционирования является разговорный стиль: *Сказать бы об этом сразу!*; *А не вернуться ли нам?*; *Берега не видать* — последняя конструкция (распространенная дополнением со значением объекта) имеет просторечную окраску.

Художники слова обращаются к инфинитивным предложениям как к средству создания непринужденно-разговорной окраски речи: *Ну, куда тебе возиться с женою да нянчиться с ребятами?* (А. Пушкин).

Экспрессивная окраска препятствует использованию инфинитивных конструкций в книжных стилях. В художественной и публицистической речи эти предложения вводятся в диалоги и монологи, насыщенные эмоциями: *Подать свежих шицрутенюв!* (Л. Толстой); *Унять старую ведьму!* (А. Пушкин). Эти конструкции ценят поэты:

Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!

(В. Маяковский);

Февраль. Достать чернил и плакаты!
Писать о феврале навзрыд...

(Б. Пастернак)

При соответствующем интонационном оформлении инфинитивные предложения несут огромный экспрессивный заряд и выделяются особой напряженностью.

6. **Номинативные** предложения по сути своей как бы созданы для описания: в них заложены большие изобразительные возможности. Называя предметы, расцвечивая их определениями, литераторы рисуют картины природы, обстановку, описывают состояние героя, дают оценку окружающему миру:

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга! (А. Грибоедов); Золото холодное луны, / Запах олеандра и левкоя (С. Есенин); Черный вечер. / Белый снег. /

¹ Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1987. С. 223.

Ветер, ветер! (А. Блок); Вот оно, глупое счастье / С белыми окнами в сад! (С. Есенин);
Теплый поздний вечер. Санкт-Петербург в огнях (В. Шишков); А воздух! Какой
воздух, мать моя родная! (К. Паустовский); Маки, живые маки! (Н. Сладков).

Однако подобные описания не отражают динамики событий, поскольку номинативные предложения указывают на статическое бытие предмета, даже если номинативы — отглагольные существительные и с помощью них рисуется живая картина:

Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

(А. Пушкин)

Здесь словно на фотоснимке запечатлено мгновение, один кадр, так как линейное описание событий номинативными предложениями невозможно: они фиксируют только настоящее время. В контексте оно может получать значение настоящего исторического, однако грамматическое выражение форм прошедшего или будущего времени переводит предложение в двусоставное; ср.: *Бой — Был бой — Будет бой*.

Использование в речи номинативных предложений разнообразно. Они выполняют и чисто «техническую» функцию, обозначая место и время действия в пьесах, называя декорацию постановки: *Декорация первого акта. Восемь часов вечера. Звонок* (А. Чехов). Однако и в драматургии художественное значение номинативных предложений может увеличиваться, если ремарки указывают на поведение героев, их душевное состояние: *Пауза. Смех. Ропот и шиканье* (А. Чехов). В новом жанре драматургии — кино-сценариях — номинативные предложения стали сильным средством художественных описаний:

Открытое пространство большого аэропорта, залитого солнцем. Грандиозная перспектива самолетов, выстроенных к параду. Оживленные группы военных летчиков. Чкалов неторопливым шагом идет вдоль линии самолетов.

Номинативные предложения могут звучать и с большим напряжением, выполняя экспрессивную функцию при соответствующем интонационном оформлении. Это относится прежде всего к оценочно-бытийным и желательнo-бытийным предложениям, которые выделяются в составе номинативных: *Какая ночь!*; *Только бы силы!*; *Если бы не уверенность!*.

Изобразительная функция номинативных предложений была продемонстрирована достаточно наглядно еще писателями XIX в. Вспомним знаменитые строки А. А. Фета, поразившие современников:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Все стихотворение состоит из одних номинативов, что возводит в принцип их стилистическое применение. Можно назвать поэтов и более позднего

времени, которые питали особую склонность к номинативным предложениям. В частности, многие стихи А. А. Ахматовой открывают номинативы:

Пустых небес прозрачное стекло,
Большой тюрьмы белесое строенье...
(*Пустых небес прозрачное стекло...*)

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
(*Двадцать первое. Ночь. Понедельник...*)

Вот и берег северного моря,
Вот граница наших бед и слав...
(*Разлука*)

У Б. Л. Пастернака целые строфы состоят из подобных конструкций:

Осень. Сказочный чертог, Всем открытый для обзора. Просеки лесных дорог, Заглядевшихся в озера.	Липы обруч золотой — Как венец на новобрачной. Лик березы — под фатой Подвенечной и прозрачной.
--	--

Как на выставке картин: Залы, залы, залы, залы Вязов, ясеней, осин В позолоте небывалой.	Погребенная земля Под листвою в канавах, ямах. В желтых кленах флигеля, Словно в золоченых рамах. (<i>Золотая осень</i>)
---	--

Для многих поэтов стилистическое использование номинативных предложений стало важным художественным приемом.

Интересно сравнить разные редакции произведений, свидетельствующие о том, что в процессе авторедактирования поэт порой отказывается от двусоставных предложений, отдавая предпочтение номинативным, например у А. Т. Твардовского:

Черновой вариант	Окончательная редакция
Кому жизнь, кому смерть, кому слава. На рассвете началась переправа. Берег тот был, как печка, крутой, И, угрюмый, зубчатый, Лес чернел высоко над водой, Лес чужой, непочатый. А под нами лежал берег правый, — Снег укатанный, втоптаный в грязь, Вровень с кромкою льда. Переправа В шесть часов началась.	Переправа, переправа... Берег левый, берег правый. Снег шершавый, кромка льда... Кому память, кому слава, Кому темна вода, — Ни приметы, ни следа...

Из примера видно, что номинативные предложения создают динамизм, выхватывая из развернувшейся панорамы главные штрихи, детали обстановки, способные отразить трагизм разворачивающихся событий. Более распространённое описание, построенное на двусоставных предложениях, при сопоставлении проигрывает; оно кажется растянутым, обремененным

несущественными подробностями. Таким образом, в подобных случаях номинативные предложения явно предпочтительнее.

Номинативные предложения привлекают внимание журналистов, которые видят в них инструмент лаконичных и суггестивно образных, броских предикатов: *Бабочка и переправа* (о туристическом многоборье); *Лебединый домик* (о городском мини-зоопарке); *Работа на результат* (о профилактике социального спротства); *Фейерверк наград* (о достижениях детского муниципального музыкального театра); *Павильоны и плитка* (о благоустройстве городских остановок).

Протяженные описания, насыщенные номинативами, характерны в первую очередь для очерков. Однако этим стилистические рамки использования данной конструкции не ограничиваются. К ней обращаются и авторы научно-популярных книг.

Неполные предложения могут успешно конкурировать с рассмотренными выше полными предложениями, что значительно расширяет стилистические возможности русского синтаксиса. Неполные предложения имеют четкую функционально-стилевую закрепленность и яркую экспрессивную окраску, а их стилистическое использование в речи определяется экстралингвистическими факторами и грамматической природой.

1. Неполные предложения, образующие **диалогические единства**, создаются непосредственно в процессе живого общения: *Когда ты придешь? — Завтра. — Одна или с Виктором? — Конечно, с Виктором.* Из разговорной они проникают в художественную и публицистическую речь как характерная особенность диалога:

Что, господин адъютант, какие новости? — спросил офицер... — Хорошие! (Л. Толстой); Прекрасный вечер, — начал он, — так тепло! Вы давно гуляете? — Нет, недавно (И. Тургенев).

Журналисты используют неполные предложения чаще всего в интервью:

Но, как и в любой другой стране, у вас, очевидно, тоже есть проблемы. В чем они? — Наиболее актуальная из них — переломный период в нашей экономике.

Однако обращение к контекстуально неполным предложениям, представляющим собой реплики и ответы в момент беседы, в публицистическом стиле весьма ограничено, а в других книжных стилях практически невозможно. Здесь даже при диалогизации стиля используются полные предложения, характерные для синтаксиса письменной речи.

2. Неполные предложения, представляющие собой **части сложносочиненных и сложноподчиненных предложений**, употребляются в книжных стилях, прежде всего в научном:

Считалось, что геометрия изучает величины сложные (непрерывные), а арифметика — дискретные числа. Обращение к ним диктуется стремлением избежать повторения однотипных структур.

3. Иными мотивами обусловлено предпочтение эллиптических предложений: они выступают как сильное средство эмоциональности речи. Основной сферой их применения является разговорная речь, однако эти предложения неизменно привлекают и художников слова. Эллиптические конструкции придают описаниям особый динамизм:

Григорий Александрович взвизгнул не хуже любого чеченца; ружье из чехла, и туда — я за ним (М. Лермонтов); А, бывало, мы его вздумаем дразнить, так глаза кровью и нальются, и сейчас за кинжал (М. Лермонтов); Я к ней, а он в меня раз из пистолета (А. Островский); Аксинья — в лавку! (М. Горький); К барьеру! (А. Чехов); Назад, домой, на родину... (А. Н. Толстой).

Соотносительные с эллиптическими конструкциями полные предложения, в которых сказуемые имеют значение движения, побуждения, желания, бытия, восприятия, речи и др., значительно уступают эллиптическим в экспрессии.

Для поэтов синонимия эллиптических и полных предложений открывает возможности выбора варианта, удобного для версификации. См., например, у А. А. Блока:

Зима прошла. Я болен.	Да мне-то нет досуга
Я вновь в углу, среди книг.	Болтать про всякий вздор.
Он, кажется, доволен,	Мы поняли друг друга?
Досужий мой двойник.	Ну, двери на запор.

Употребление сказуемого в приведенных предложениях удлинит строку, что в стихотворной речи не всегда допустимо.

Предложения с пропуском слов, не представляющих ценности в информативном отношении, получили большое распространение в газетном языке. Вот типичные заглавия газетных статей:

К вашему столу; Только для женщин; Магазин — на диване; Технические средства обучения — в классы; Вычислительную технику — в аудитории; Мы — против курения; По швейцарской системе; «Зеленым бракам» — зеленый свет?

Такого рода неполные предложения включают лишь целевые слова высказывания; все остальное восполняется текстом, речевой ситуацией. Разнообразные эллипсы, используемые в заглавиях, стали синтаксической нормой. Они формулируют мысль в предельно сжатой форме, обладают функционально-стилевой и экспрессивной окраской, привлекающей внимание читателя. Однако увлечение подобными предложениями таит в себе опасность: в них может возникнуть неясность, эстетическая неполноценность.

3.11. Порядок слов и его стилистический потенциал

3.11.1. Стилистические особенности порядка слов в русском языке

При стилистическом изучении порядка слов в предложении важны такие аспекты, как использование порядка слов для правильного и стили-

стически оправданного выражения мысли; усиление действительности речи с помощью инверсии; особенности словорасположения в различных функционально-смысловых типах речи. При этом важнейшее значение имеет изучение порядка слов как средства смысловой организации предложения.

Теория актуального членения

В настоящее время значительно расширились знания о зависимости порядка слов от смысловой структуры предложения, которая, в свою очередь, отражает семантические отношения, возникающие в речи между отдельными предложениями, зависящими друг от друга. Сильным импульсом к исследованию данных проблем стало учение об **актуальном членении высказывания**, разработанное в конце 1940-х гг. чешским лингвистом В. Матезиусом.

Чтобы доказать важность теории актуального членения высказывания для изучения порядка слов в предложении, рассмотрим пример: *Редактор прочитал рукопись*. Значение этого простого предложения до конца прояснится лишь в речи, потому что оно может быть употреблено в различных ситуациях и в неоднозначных контекстах. Возможны следующие варианты.

1. Нам известно о том, что рукопись у редактора, но мы не знаем, прочитал ли он ее. Это можно выяснить в таком диалоге: *Редактор прочитал рукопись?* — *Редактор прочитал рукопись*.

2. Тому, кто спрашивает, неизвестно, что именно прочитал редактор (рукопись или отзыв рецензента). Тогда смысл вопроса и ответа в диалогическом единстве изменится: *Редактор прочитал рукопись?* — *Редактор прочитал рукопись*.

3. Задающий вопрос знает, что кто-то уже прочитал рукопись, и хочет уточнить, кто же это сделал (редактор или рецензент): *Рукопись прочитал редактор?* — *Рукопись прочитал редактор*.

Употребление предложения в речи требует приспособления его грамматической структуры к выражению той или иной информации, в чем и проявляется **актуальное членение высказывания**, т.е. смысловое членение для данного контекста или ситуации.

При актуальном членении приведенных выше высказываний в зависимости от содержания ответа в них выделяются разные части. В первом случае смысл информации передается словосочетанием *прочитал рукопись*; во втором — только словом *рукопись* (ведь спрашивающему известно, что редактор что-то прочитал, но, может быть, это была не рукопись, а рецензия); в третьем случае значимым является слово *редактор*.

Таким образом, при актуальном членении высказывание делится на две части: в первой содержится уже ранее известное — **тема** высказывания, во второй — то новое, что о ней сообщается, **рема**. Сочетание темы и ремы и составляет предмет сообщения.

В отличие от грамматической организации предложения, актуальное членение всегда **двучленно**, причем обе части высказывания могут объединять несколько членов предложения и включать в свой состав то главные, то второстепенные члены в разных сочетаниях (см. примеры). Основное содержание высказывания заключено в **реме**, тогда как в **теме** указывается

лишь то, что уже известно (или вполне очевидно, или вытекает из предшествующего контекста). Тема лишь устанавливает связь данного высказывания с предшествующим, рема же содержит основное сообщение. Любое высказывание должно иметь ремю, а тема может быть и не указана. В частности, в наших примерах возможны ответы в виде неполных предложений; ср.: *Редактор прочитал рукопись?* — *Прочитал; Рукопись прочитал редактор?* — *Редактор*. Тема может быть восстановлена из контекста, а может и отсутствовать. Например, она не выделяется в высказываниях, содержащих лишь сообщение о том или ином факте, событии: *Прошел год; Снег идет; Ночь, улица, фонарь, аптека...* (А. Блок).

Возможно и многоступенчатое актуальное членение высказывания, если оно достаточно распространено: *Редактор // прочитал рукопись внимательно и с большим интересом*. Выделив как тему слово *редактор*, мы можем в реме дополнительно выделить «вторую ремю»: *внимательно и с большим интересом*.

Чтобы понять связь тема-рематического членения высказывания с порядком слов в предложении, рассмотрим наши иллюстрации. В них тема стоит на первом месте, а рема на втором; не случайно в третьем диалоге порядок слов изменился: подлежащее, ставшее ремой, заняло свое место. Таким образом, порядок слов нельзя рассматривать в отрыве от актуального членения высказывания: ведь понятия *прямой* и *обратный порядок слов* «означают не последовательность расположения грамматических членов предложения (подлежащего, сказуемого, определения и обстоятельства), а последовательность расположения темы и ремы и их компонентов»¹.

При прямом порядке слов тема стоит на первом месте в предложении, а рема — на втором, как это было в каждом из трех примеров. При этом употребление подлежащего на втором месте (третий пример) может соответствовать норме: в таком случае подлежащее является ремой, ибо в нем заключена новая информация. Для аналогичного высказывания препозиция подлежащего не была бы оправданной. Подобное построение предложения возможно, но в нем необходимо интонационно выделить ремю, компенсируя логическим ударением утрату актуализирующей функции порядка слов: *Редактор прочитал рукопись (а не кто-либо другой!)*. Этот порядок слов для данного случая будет *инверсией*.

3.11.2. Варианты словорасположения и актуальное членение

Таким образом, в свете учения об актуальном членении высказывания изменяются традиционные понятия *прямого* и *обратного* порядка слов: к прямому порядку слов относятся все случаи перехода от темы к реме. Для синтаксического строя русского языка наиболее характерна *препозиция подлежащего*. Обычно такое положение соответствует актуальному членению высказывания, поскольку подлежащее чаще всего является темой:

Николай // взял два письма. Одно // было от матери, другое // от Сони (Л. Толстой); [Тригорин.] Поймать ерша или окуня // — это такое блаженство! (А. Чехов); Киев // — город моего детства; День // солнечный и теплый.

¹ Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1991. С. 149.

Данный порядок слов традиционно рассматривается как прямой. В то же время в русском языке немало конструкций с прямым порядком слов, в которых подлежащее **постпозитивно**. К ним прежде всего относятся такие, в которых сказуемое соотносится с темой актуального членения:

Есть // другое средство: вы можете отыгаться (А. Пушкин); Ближе всех были // Федор Васильевич и Петр Иванович (Л. Толстой); Утешением служили // письма многочисленных учеников... (Л. Леонов).

Препозитивное сказуемое вместе с подлежащим может образовать неделимую в смысловом отношении рему, а темой в подобных случаях является стоящее впереди имя в косвенном падеже:

Яковом, // видимо, овладевало упоение... (И. Тургенев); Меня // тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость... (И. Тургенев); Светлое северное небо // слабо озаряла туманная луна (Э. Казакевич).

Такая же последовательность главных членов предложения и в конструкциях с нулевой темой, которые с точки зрения актуального членения неделимы: *Был теплый шонь. Стояли белые ночи* (К. Паустовский); *Шел дождь; Началась жатва; Зазвонил телефон.*

Пренепозитивное сказуемое является обычной для вопросительных и восклицательных предложений. Правда, актуальное членение таких конструкций особое — в них рема на первом месте и логическое ударение выделяет ее:

Будете ли вы стрелять, или нет? (А. Пушкин); Не заступятся ли за меня дедушка али тетушка? (А. Пушкин); Какое приятное занятие эти танцы! (А. Островский); Как худо его лицо, как коротки его волосы! Как длинны руки! Как изменился он с тех пор, как она оставила его! (Л. Толстой).

Наконец, возможны конструкции с препозитивным подлежащим, в которых, тем не менее, порядок слов обратный: *Только случайное обстоятельство уберегло его от падения* (А. Фадеев). Здесь рема занимает необычное положение — стоит вначале, ее подчеркивают интонация и усилительная частица *только*, что компенсирует нарушение порядка слов.

Определяя место **второстепенных членов**, следует иметь в виду, что предложение обычно состоит из **словосочетаний**, построенных по стереотипным языковым моделям: согласуемые слова предшествуют стержневому слову, а управляемые следуют за ним. При таком порядке компонентов «словосочетание представляет собой единую номинацию, обозначает одно понятие»¹. Нарушение порядка слов лишает словосочетание единства или даже разрушает его. См., например, обязательное расположение слов в высказывании: *в каждой детали из никеля делается отверстие*; при иной последовательности — *в детали делается отверстие из никеля* — возникают новые связи, которые искажают смысл. Как правило, словосочетания получают определенную коммуникативную функцию в составе высказыва-

¹ Сироткина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка. М., 1980. С. 124.

ния, выступающая либо в качестве темы, либо ремы: ср.: *в детали из никеля — тема, делается отверстие — рема.*

Охарактеризуем порядок слов в словосочетаниях, которые наиболее часто используются в русских конструкциях.

1. В сочетаниях имен существительных с прилагательными последние обычно препозитивны: *хороший человек, веселая прогулка, абстрактное мышление.* Постпозитивное прилагательное выделяется в семантико-стилистическом отношении и подчеркивается интонацией:

Вы здесь встретите бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстук, бакенбарды бархатные, атласные, черные, как соболь или уголь... <...> Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакой кистью не изобразимые... <...> Здесь вы встретите улыбку единственную, улыбку верх искусства... (Н. Гоголь).

Важно подчеркнуть, что если словосочетание с постпозитивным прилагательным входит в состав темы, то это не влияет на актуальное членение высказывания: *Улица пустая вообще производит ужасное впечатление, а тут еще где-то под ложечкой томило и сосало предчувствие* (М. Булгаков). Но прилагательное может в постпозиции нести и основную смысловую нагрузку, и тогда оно становится ремой:

Есть люди хорошие, есть очень хорошие, и есть некоторое количество замечательных людей, редко попадаются весьма замечательные, и, наконец, среди весьма замечательных людей может попасться совершенно замечательный человек (Д. Гранин).

Стилистический интерес представляют конструкции, в которых постпозитивные прилагательные не получают особого смыслового значения в контексте и, следовательно, не несут на себе логического ударения. Их необычное положение в словосочетании придает ему разговорную окраску:

Мох седой далеко вокруг нивы, на сотни верст лежит, на нем **сосенки курносые** в рост человека и **березки корявые** могут только расти (М. Пришвин).

В иных контекстах постпозитивные прилагательные приобретают поэтический оттенок (1) и народно-поэтический колорит (2):

1

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

(М. Лермонтов.);

2

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На младого голубя сизокрылого...

(М. Лермонтов)

Если в предложении нарушается целостность словосочетания и прилагательное отделяется от существительного глаголом, то независимо от тематического членения такое прилагательное всегда сильно инверсировано: *Скука меня томилла страшная* (И. Тургенев); *Ранний перепадал снежок* (М. Шолохов). По поэтическую окраску получают только коммуникативно нерасчлененные предложения (в них прилагательное связано по смыслу лишь с существительным, а глагол обладает незначительной информативностью): *Сильная крутила метель* (Л. Сейфуллина); *Большие зеленеют почки* (М. Пришвин); *Невидимый звенел жаворонок* (Ю. Нагибин). Именно такие варианты словорасположения широко распространены в стихотворной речи.

2. В словосочетаниях из двух имен существительных зависимая словоформа, как правило, постпозитивна: *любовь матери, прогулка при луне, путь к победе*. Однако зависимая форма существительного в родительном падеже, указывающая на внешний вид, размер, цвет и другие свойства предмета, может быть и препозитивной, выступая всегда в обязательном сочетании с прилагательным:

[Собакевич] ему на этот раз показался весьма похожим на **средней величины медведя** (Н. Гоголь); На голове [Шамяка] была надета **высокая с плоским верхом папаха**... (Л. Толстой).

Такая зависимая словоформа в препозитивном положении часто оказывается в ряду однородных определяющих членов:

Лукавый, изменчивый, непроницаемый, тонкого ума, легкого очарования и большого упрямства человек, он умел заставить считаться с собой даже Наполеона (Ю. Нагибин).

Зависимое имя существительное всегда предшествует другому существительному в устойчивых словосочетаниях типа *гвардии старший лейтенант, красного дерева буфет*; во фразеологизмах: *одного поля ягода*.

Важно отметить, что в субстантивных словосочетаниях с препозицией зависимого существительного появляется разговорная окраска, если это инверсированное имя существительное получает в контексте особое смысловое значение и, следовательно, выделяется логическим ударением: *Стоял раз полк в первой линии; целую неделю с турками перестрелка была*... (В. Гаршин). Однако при таком же словорасположении, но с интонационно-смысловым выделением стержневого существительного словосочетания получают поэтическую окраску: *Затягивает тина морская белых ночей рещето*... (Л. Леонов). Такого рода инверсия применяется в орнаментальном, украшенном стиле: *...ей казалось, что дней доцветенье приходит* (А. Белый). В публицистической речи подобное словорасположение создает риторический отгенок: *Героев славных имена; Кубка граней многоцветье* (заголовки газетных статей).

3. В словосочетаниях со стержневым словом-прилагательным на первом месте обычно стоит наречие: *очень добрый, смертельно бледный,*

неправдоподобно большой. Такое же положение занимает и существительное, указывающее на качественный признак прилагательного: *на редкость терпеливый, в корне неправильный*. Существительные с иными значениями в косвенных надежах обычно препозитивны:

Красивый старик с черной с проседью бородой и густыми серебряными волосами неподвижно стоял, держа чашку с медом... (Л. Толстой);
Никогда не видела купающуюся на цвета северная природа такого богатого сочетания красок (М. Шолохов).

Не задерживая внимания на именных словосочетаниях далее, отметим, что порядок слов имеет важное смысловое значение в сочетаниях количественных числительных с существительными. При точном обозначении количества числительное препозитивно: *два часа, сто рублей, двадцать шагов*; ср.: *Я три тарелки съел* (И. Крылов); иной порядок слов указывает на приблизительность количества: *часа два*; ср.: *Я внутренно хохотал и даже два раза улыбнулся, но он, к счастью, этого не заметил* (М. Лермонтов).

4. В глагольных словосочетаниях с **зависимой надежной формой имени существительного** последнее, как правило, стоит на втором месте: *люблю грозу, пишу карандашом, подошел к окну*. Однако возможна и препозиция существительного, если оно указывает на качество или способ действия: *Быстрыми шагами она шла к дому* (Г. Николаева); *Потом он тем же изучающим взглядом оглядел Кочаряна и Митю* (В. Кетлинская). Если к глаголу относятся два существительных, то непосредственно после него ставятся словоформы со значением адресата или обстоятельством, орудийным значением: *написал для студентов пособие, взял в шкаф бумагу, открыл ключом дверь*; конечную позицию занимает словоформа, которая по смыслу теснее связана с глаголом: *получил из редакции ответ, пишет друзьям письма*. Подобное словорасположение объясняется тем, что при отсутствии в речи специального коммуникативного задания «в языке действует тенденция к устранению с конечной позиции такой словоформы, которая потенциально может стать самостоятельной ремой»¹. В зависимости от актуального членения высказывания порядок слов в такого рода глагольных словосочетаниях может меняться: *Рецензент вернул рукопись редактору — Рецензент вернул редактору рукопись* (конечную позицию занимает рема).

Инверсия зависимой словоформы, подчеркнутой логическим ударением, создает яркую экспрессию:

Но дочь преступница... преданья
Об ней молчат. Ее страданья,
Ее судьба, ее конец
Непроницаемую тьмою
От нас закрыты.

(А. Пушкин);

Судьбы свершился приговор!
(М. Лермонтов)

¹ Русская грамматика. Т. 2 : Синтаксис. М., 1980. С. 207.

В иных случаях подобная инверсия придаст речи разговорную окраску:

Наталья вечера просиживала, вывязывая жениху традиционный шарф из козьего дымчатого пуха (М. Шолохов); Слышала, как сказал комиссар: — Кто обидит, будет с ротой дело иметь (В. Песков).

В сочетаниях глаголов с наречиями порядок слов зависит от смыслового членения высказывания. Наречия являются постпозитивными, если на них приходится основная смысловая нагрузка и, следовательно, логическое ударение: *Работал он артистически* (М. Горький); *Встретились приятельски* (Д. Фурманов); *Костер горел жарко* (А. Чехов). Если наречие исключено из состава ремы, то оно препозитивно по отношению к глаголу: *Издалека доносилась песня* (А. Н. Толстой); *Быстро сохнет трава* (И. Тургенев). Разговорную окраску имеют словосочетания, в которых наречие следует за глаголом, но интонационный центр сохраняется на глаголе:

Уж который раз он видел его приезжавшим в Москву из деревни, где он что-то делал, но что именно, того Степан Аркадьич никогда не мог понять **хорошенько**... (Л. Толстой).

При одинаковом интонационном выделении обоих компонентов словосочетания в подобных случаях может возникнуть и поэтический оттенок речи:

И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..
(Ф. Тютчев)

Изучение последовательности компонентов в словосочетаниях не может составить полного представления о порядке слов в предложении, так как виды синтаксической связи в нем многообразнее, шире. В частности, на уровне предложения важно рассмотреть порядок слов при употреблении однородных членов, связанных **сочинительной связью**. Особый стилистический интерес представляет употребление нескольких **определений**, занимающих в предложении одинаковые синтаксические позиции:

По широкой, обсаженной деревьями, большой, **бесшоссейной дороге**, слегка погромыхивая рессорами, шибкою рысью ехала высокая голубая **венская коляска** цугом (Л. Толстой).

Как видно из примера, ближе к существительным ставятся имена прилагательные, называющие более важный признак. Если сочетаются качественное и относительное прилагательные, то непосредственно рядом с существительным окажется последнее: *бесшоссейная дорога*, *венская коляска*. Если все прилагательные качественные, то надо учитывать их значения и ставить рядом с существительным те, которые указывают на более постоянный признак: *теплые летние вечера*, *красивые серые глаза*. Если же все определения выражены относительными прилагательными, то обычно они располагаются в порядке восходящей смысловой градации¹ (от более

¹ См.: Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. С. 207.

узкого понятия к более широкому): *иллюстрированный детский журнал, еженедельные редакционные совещания*. Если в ряду однородных определений оказывается местоимение, оно выдвигается вперед:

...На голове у него был картуз из барашкового меха какой-то странной формы (А. Чехов); Да я еще коменданта не видал, а мне надо сдать ему кой-какие казенные вещи... (М. Лермонтов); Но и все ж возвращаться не надо, / Потому и достался не в срок, / Как любовь, как печаль и отрада, / Твой красивый рязанский платок (С. Есенин).

Особое внимание следует обратить на порядок слов в предложении при употреблении **детерминантов** — второстепенных членов, формально не связанных с другими словами в предложении, характеризующихся некоторой независимостью функционирования и относящихся к предложению в целом: *К вечеру метель усилилась; Ночью над рекой опустился туман*. В качестве детерминантов обычно выступают **обстоятельства и дополнения**, которые не зависят от глагола-сказуемого, а относятся ко всему предложению как свободные словоформы. Связь их с другими членами предложения носит характер свободного присоединения. Детерминирующие члены предложения обычно препозитивны. Как однородные члены они могут выстраиваться цепочкой:

А далеко за вокзалом, за домами, за заводами, словно нарисованное на краю неба, виднелось белое здание университета (С. Антонов).

При инверсии детерминирующие члены оказываются в конце предложения:

Шелестит плющ у балкона, и возится сонная птица в кустах (А. Н. Толстой); Женщина истинно любит только однажды (И. Гончаров).

Добавочное замечание можно сделать о порядке слов в предложении при употреблении **инфинитива**. Зависимый инфинитив всегда постпозитивен:

Саша тоже опустила глаза и покраснела, готовая заплакать (А. Чехов); Я хотел бы / жить / и умереть в Париже, / если б не было / такой земли — / Москва (В. Маяковский); Ей пока не угрожала опасность остаться вдовой, но бабье горе не было для нее чужим (Г. Марков).

Препозитивное употребление инфинитива придает речи разговорную окраску: *Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!* (А. Островский); *У меня ведь недолго, я и на кухню горшки парить пошлю* (А. Островский); архаический оттенок: *Ветр в лесах шуметь забыл* (М. Ломоносов).

Наблюдения над вариантами словорасположения в предложении и словосочетании неоднократно обращали нас к **инверсии** — стилистическому приему, состоящему в намеренном изменении обычного порядка слов с целью эмоционального, смыслового выделения какой-либо части высказывания:

Славная бекеша у Ивана Ивановича! (Н. Гоголь); Сей Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом (А. Пушкин); Необъятным казалось звездное небо над этой непонятной землей (А. Толстой).

Инверсия является сильным стилистическим средством создания эффутической интонации. Если прямой порядок слов, как правило, не имеет стилистического значения, то инверсионный всегда стилистически значим. Что касается использования инверсии в различных функциональных стилях, то она возможна лишь в экспрессивной речи¹. Этот стилистический прием ценят не только писатели, но и публицисты:

Места заповедные

Лежит в нижегородском Заволжье Светлояр-озеро, хранящее одну из самых поэтичных легенд Древней Руси — сказание о невидимом граде Китеже. Когда четверть века назад пришел я на его берега студентом, собиравшим фольклор, озеро поразило заповедным покоем... Казалось, упал когда-то в чащу огромный колокол и наполнился родниковой свежестью... (Ю. Андрианов)

В графской усадьбе

Работая многие годы в музее-усадьбе замечательного русского поэта, драматурга и прозаика А. К. Толстого в Красном Поге, общаясь с молодыми людьми, родившимися в 80-е и 90-е годы, мне не раз приходилось убеждаться, сколь скудны, поверхностны у них представления (а то и вовсе отсутствуют) о прошлом родного края: его обычаях, традициях, ремеслах («Брянская учительская газета», № 35 за 2013 г.).

В научном и официально-деловом стилях инверсия обычно не используется в экспрессивной функции и потому не может быть оправдана. Конструкции с препозицией или постпозицией подлежащего выбирают, учитывая характер излагаемого материала. В научной речи порядок слов выполняет важную смысловую функцию, подчеркивая логическое членение текста. По свидетельству специалистов, большинство предложений в научной речи начинается не с подлежащего, а с обстоятельства, дополнения или предикативного члена:

За последние годы в исследованиях, касающихся нисходящих влияний мозжечка, используется... реакция спинного мозга; В этом районе было проведено два испытания.

В официально-деловом стиле преобладают однотипные конструкции; подлежащее, как правило, препозитивно:

1. Переход права собственности на недвижимость по договору продажи недвижимости к покупателю подлежит государственной регистрации. 2. Исполнение договора продажи недвижимости сторонами до государственной регистрации перехода права собственности не является основанием для изменения их отношений с третьими лицами. 3. В случае, когда одна из сторон уклоняется от государственной регистрации перехода права собственности

¹ Мы не касаемся порядка слов в разговорной и поэтической речи, которые строятся по иным законам.

на недвижимость, суд вправе по требованию другой стороны, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации об исполнительном производстве, также по требованию судебного пристава-исполнителя вынести решение о государственной регистрации перехода права собственности. Сторона, необоснованно уклоняющаяся от государственной регистрации перехода права собственности, должна возместить другой стороне убытки, вызванные задержкой регистрации (положения статьи 551 Гражданского кодекса РФ).

Такое построение высказываний не только способствует предельной ясности формулировок, но и служит достижению единообразия в изложении, что приводит к строгой стандартизации языковых средств, характерной для подобных жанров официально-делового стиля.

Специальный стилистический интерес представляет использование порядка слов в различных функционально-смысловых типах речи. Здесь наблюдается противоборство двух конструкций: «подлежащее — сказуемое», «сказуемое — подлежащее», которые по-разному используются в повествовании, описании, рассуждении.

Еще Н. М. Карамзин, немало потрудившийся над разработкой порядка слов в художественной прозе, дал образец двух конструкций, типичных для русского языка: 1) *Колокольчик зазвенел, лошади тронулись* (препозиция подлежащего); 2) *Светит солнце; Наступила осень; Идет дождь* (препозиция сказуемого). Обе конструкции отражают прямой порядок слов, однако их стилистическое применение различно. Предложения первого типа чаще используются в повествовании:

Мы плыли довольно медленно. Старик с трудом выдергивал из вязкой тины свой длинный шест, весь перепутанный зелеными нитями подводных трав... Наконец мы добрались до тростников, и пошла потеха. Утки шумно поднимались, «срывались» с пруда, испуганные нашим неожиданным появлением в их владениях, выстрелы дружно раздавались вслед за ними, и весело было видеть, как эти кургузые птицы кувыркались на воздухе, тяжко шлепались об воду. Всех подстреленных уток мы, конечно, не достали: легко подраненные ныряли; иные, убитые наповал, падали в такой густой майер, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть их; но все-таки к обеду лодка наша через край наполнилась дичью (И. Тургенев).

Такие конструкции живо передают движение, развитие действия, как нельзя лучше отражая динамику событий.

Предложения с препозитивным сказуемым употребляются при описании обстановки, констатации того или иного факта, наличия предмета:

Был прекрасный июльский день... Весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков... <...> кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. <...> В такие дни... на всем лежит печать какой-то трогательной кротости (И. Тургенев).

Подобный порядок слов характерен для эпического, спокойного тона речи; он наиболее приемлем для создания статических картин.

Не рассматривая специально особенности порядка слов в иных функционально-смысловых типах речи, отметим, что и в рассуждении, и в диалогическом единстве тема-рема-ическое членение высказывания зависит от коммуникативной установки и характера предшествующего текста.

Стилистическая оценка порядка слов в предложении обращает наше внимание и на нарушение литературно-языковых норм в конкретных текстах. Редактор, анализируя синтаксические конструкции, может не согласиться с предложенным автором актуальным членением высказывания, затемняящим его смысл; ср.:

1. Город с 200-тысячным населением полностью обеспечит молочными продуктами новый завод в Балашихе.	1. Новый завод в Балашихе полностью обеспечит молочными продуктами город с 200-тысячным населением.
2. Просторные лоджики обрамляют экраны из армированного стекла.	2. Экраны из армированного стекла обрамляют просторные лоджики.
3. Семь действующих платформ обслуживают несколько сот человек.	3. Несколько сот человек обслуживают семь действующих платформ.

В таких конструкциях подлежащее по форме не отличается от прямого дополнения, и потому инверсия не может быть оправдана.

В иных случаях перестановка темы и ремы в авторском тексте объясняется небрежностью или низкой речевой культурой пишущего: *Полувагоны выделены из общей массы, отдельно по ним расчеты и анализ ведутся.* Во второй части этого сложного предложения темой являются подлежащие, а ремой — состав сказуемого, поэтому необходима правка: *Полувагоны выделены из общей массы; анализ и расчеты по ним ведутся отдельно.*

Стилистически не оправданная инверсия мешает правильному пониманию текста. На этом построена известная шутка А. П. Чехова: *Желаю вам всевозможных бед, печалей и напастей ...избежать.* Возможность по-разному объединить слова в словосочетания порождает двусмысленность: *Шестилетним деревенским мальчишкой он бежал босиком по осенней распутице, чтобы увидеть вблизи севший самолет (увидеть вблизи или вблизи севший?).*

Неудачный порядок слов нередко становится причиной неуместного юморизма и абсурдности высказывания:

Детский комбинат «Белочка» принимает детей после капитального ремонта; В универмаге проводится выставка-продажа товаров для мужчин весенне-летнего сезона; В большом выборе имеются украшения для женщин зарубежного производства; В магазины поступили коляски для детей различных расцветок; Продаются пакеты для замораживания больших размеров.

Подобные речевые ошибки чаще всего встречаются в составленных наспех рекламных объявлениях. Однако, к сожалению, такие ляпсусы иногда остаются неисправленными и в печати:

Как справедливо заметил в беседе со мной поседевший Раушингг.; Обнаружен Скривкин в момент задержания автомашины в спящем состоянии; Произвел осмотр места происшествия, где была совершена кража из магазина с участием понятых.

Внимательное отношение к порядку слов в предложении позволит избежать речевых ошибок, создающих абсурдность высказывания.

При анализе построения синтаксических конструкций часто можно наблюдать немотивированный пропуск того или иного члена в составе предложения, что нарушает его структуру, а порой искажает смысл высказывания. Нельзя признать правильной такую фразу: *В редакцию пришло письмо от гражданки Логиновой, в котором сообщала о неудовлетворительной работе заведующего мялятинским магазином А. Г. Тарасова.* Стилистическая правка требует употребления подлежащего в придаточной части сложноподчиненного предложения: *...она сообщала.*

Немотивированный пропуск одного из элементов составного сказуемого приводит к дефектности предложения. Вот пример из советов кардиолога о том, как легче пережить летний зной: *А еще помогает ополаскивать руки, лицо, шею прохладной водой (газ.)* — ср.: *Ополаскивание рук, лица, шеи прохладной водой помогает перенести летнюю жару.* Приведенное в качестве примера предложение — двусоставное неполное с незамененной синтаксической позицией подлежащего (ср.: **это помогает, *средство помогает*); сказуемое, несмотря на внешнее сходство с составным глагольным, по сути ничего общего с ним не имеет: глагол *помогает* соотносится с отсутствующим подлежащим, которое и выступает субъектом названного действия, а инфинитив *ополаскивать* согласно семантике стандартного высказывания («субъект есть предикат») с подразумеваемым субъектом действия не соотносится, поскольку исполнителем действия *ополаскивать* является человек. Таким образом, в контексте *помогает ополаскивать* инфинитив — дополнение, а не часть составного глагольного сказуемого.

Если рассмотреть данную конструкцию с позиции соотношения грамматического и актуального членения, то можно «оправдать» автора такого своеобразного предложения, учитывая, что жанром материала является интервью. Например: *Ополаскивать руки, лицо, шею прохладной водой // помогает* — здесь граница актуального членения фиксирует прямой порядок и соотношение данного и нового (темы и ремы). Тогда обратный порядок слов для такого высказывания и даст вариант: *А еще помогает // ополаскивать руки, лицо, шею прохладной водой.* В таком виде *помогает* — инверсированная рема высказывания, *ополаскивать руки, лицо, шею прохладной водой* — инверсированная тема высказывания. Для подобной интерпретации высказывания необходимо, конечно, сделать акцент на том, что перед нами — устная речь субъекта высказывания.

Дефектные синтаксические конструкции нередко являются следствием нечеткости мысли пишущего, который, конструируя фразу, порой не решил еще, что в ней должно быть темой, а что — ремой, как лучше следует подать информацию. Примером неудачного тема-рематического членения высказывания может быть такое предложение:

Производство черных металлов требует значительного увеличения заготовки металлического лома, ибо около половины всего объема стали выплавляется из металлического лома.

Такую конструкцию необходимо преобразовать: *Увеличение сбора металлолома очень важно для производства черных металлов, ведь половина всей стали выплавляется из лома.* В отредактированном варианте в центре внимания оказалась мысль о необходимости увеличить сбор металлолома.

Грубой ошибкой в построении предложения является неправильное употребление словоформ: *Постоянное увлечение Андрея, поглощающее все его свободное время, — это спорт.* Здесь вместо ожидаемой формы именительного падежа существительного (*его увлечение — спорт*), появляется творительный падеж, уместный в иной конструкции: *Он увлекается спортом.* Стилисты называют такую ошибку **смещением синтаксической конструкции.**

Рассмотрим примеры стилистической правки предложений, в которых произошло смещение в сочетании словоформ:

1. Из других спортивных событий поговорим о питанге.	1. Из других спортивных событий следует выделить соревнования по питанге.
2. Что такое труд, он не знает: в свои неполные тридцать лет его трудовой стаж исчисляется полтора годами.	2. Что такое труд, он не знает, ему около тридцати лет, однако его трудовой стаж составляет всего полтора года.
3. Прежде чем попасть в главный цех на ремонтный пост, машину пропустят сквозь автоматическую моечную линию.	3. Прежде чем машина попадает в главный цех на ремонтный пост, ее пропускают через автоматическую моечную линию.

Очевидно, что устранение этой синтаксической ошибки требует значительной переработки авторского текста. Например, можно усложнить конструкцию, преобразовав простое предложение в сложное (второй пример); заменить безличную конструкцию личной (третий пример) и т.д.

Анализируя структуру предложения, нередко можно встретить такую ошибку, как незавершенность синтаксических конструкций:

Только за последнее время принятые законы об охране здоровья, укреплении семьи, землеустройстве, водопользовании, по усилению борьбы с преступностью.

Разумеется, подобным образом нельзя закончить предложение, но автор поставил точку и перешел к следующей фразе. При редакторской правке следует восполнить отсутствие сказуемого в незавершенной конструкции, что можно сделать, почти не меняя авторского текста — достаточно заменить полное причастие кратким: *приняты законы.*

Таким образом, порядок словорасположения в современном русском литературном языке можно рассматривать в качестве важного показателя языковой структуры устного и письменного высказывания. Порядок слов не только выполняет функцию семантического и структурно-организационного центра предложения, но и является средством реализации коммуникативного значения. Использование нетипичного, нестандартного порядка слов в русском языке может быть причиной грамматико-стилистических ошибок.

3.12. Стилистический потенциал главных членов предложения

Стилистический интерес представляют нестандартные формы выражения главных членов предложения, поскольку они именно получают в речи особую экспрессивную окраску и несут функционально-стилевое назначение. Большинство же двукомпонентных предложений, строящихся по структурным схемам с наиболее характерными для русского языка способами выражения подлежащего и сказуемого, не нуждаются в специальном стилистическом комментарии: *Ветер разогнал тучи; Светит солнце; Достигнуто мирное урегулирование конфликта.*

В зависимости от лексико-грамматических свойств главных членов предложения можно выделить основные структурные схемы двусоставных предложений: 1) «имя + спрягаемая форма глагола»; 2) «имя + имя»; 3) «инфинитив + имя»; 4) «инфинитив + инфинитив». Частотность их использования зависит от стиля речи. В книжных стилях чаще употребляются предложения, реализующие вторую схему, а также первую, которая не имеет функционально-стилевых ограничений. См., например:

Вопрос о свободной научной мысли не ограничивается свободой поиска истины. Вопрос этот несравненно шире и глубже. Свобода научного поиска и обсуждения истины не однозначна по своему моральному содержанию со свободой выбора цели исследования. Объекты исследования безграничны, а возможности исследования ограничены.

В приведенном тексте из четырех простых предложений три построены по второй структурной схеме, одно — по первой, при этом «книжность» конструкции определяет тип сказуемого: составное именное сказуемое более характерно для языка науки. Из этого, однако, не следует, что в разговорном стиле не употребляются предложения типа «имя + имя» (ср.: *Ты чуждак; Она хитрая*), но частотность их меньше, чем в книжных стилях.

3.12.1. Особенности выражения подлежащего в разных функциональных стилях

Подлежащее, выраженное именем существительным, субстантивированным именем прилагательным, причастием, числительным, употребляется в речи без всяких ограничений. Приведем примеры употребления таких подлежащих в публицистическом стиле:

Можно ли считать, что **мы** сейчас переходим к рыночным методам ведения хозяйства? Возможно, на первых порах так и получится: **«богатые»** будут богатеть, а **«бедные»** беднеть... Сейчас, когда **одни предприятия** работают на самофинансировании, а **другие** — нет, плохого работника **первые** гонят, **вторые** охотно берут, лишь бы заполнить штаты... У нас **все безработные** (те, кто числится в штате предприятия, но ничего не делают) получают зарплату. Должны ли мы от них освобождаться?... **Плохие** никому не нужны («АиФ», № 50 за 1986 г.); В этом году на форуме было более **25 смен**, разделенных на три группы: форумы молодежных проектов, деловой и гражданский («Брянская учительская газета», № 33 за 2013 г.).

Из примера видно, что в публицистической речи и прилагательные, и причастия, и числительные легко становятся подлежащим. То же характерно для официально-делового и научного стилей, причем ряд терминов в них представляет собой субстантивированные прилагательные и причастия (*пострадавший, недееспособный, трудоспособный, задержанный, совершеннолетний, обвиняемый* и т.д.; *прямая (линия), кривая, целевой, взрывной (звук), парнокопытные, зонтичные* и т.п.). Поэтому замена существительного субстантивированными именами может даже усилить функционально-стилевую окраску текста, принадлежащего к одному из книжных стилей, при условии употребления соответствующей специальной лексики.

Использование местоимений для обозначения подлежащего в научной, официально-деловой и отчасти в публицистической речи сталкивается с ограничениями: в книжных стилях наиболее употребительны двусоставные предложения с подлежащим, обозначающим «авторское *мы*», которое представлено в процитированном выше отрывке. Другие личные местоимения (за исключением форм третьего лица: *он, она, оно, они*) в функции подлежащего в книжных стилях используются редко. Научный и официально-деловой стили, которым свойственна безличная форма изложения, отвергают подлежащее, выраженное словами *я, ты, вы*. В указанных стилях невозможно и употребление в роли подлежащего неопределенных местоимений, поскольку это несовместимо с требованием точности и объективности в подаче материала. Таким образом, в выражении подлежащего разными частями речи несомненны функционально-стилевые особенности.

Ограничения на выражение подлежащего некоторыми субстантивированными частями речи и целыми конструкциями, обретающими при этом категориальное значение предметности, налагает и возникающая в таких случаях экспрессия, которая указывает на разговорный характер подобных высказываний:

Ваши «**ах!**» и «**как бы чего не вышло!**» всем надоели; Эти твои привычные «**завтра**», «**в другой раз**», «**звоните**» — все это уже никого не удивляет.

В художественной речи такие нестандартные способы выражения подлежащего получают яркое стилистическое применение:

Вдруг, среди чрезвычайной тишины в воздухе... ясно раздается его «**тпру, тпру**» (И. Тургенев); Кое-где стучали в доску, лениво раздавалось откуда-то протяжное: «**Слушай!**» (И. Гончаров); Когда мы подъехали близко и мой отец сказал обыкновенное приветствие: «**Бог помочь!**» или «**Бог на помочь**», громкое: «**Благодарствуйте, батюшка Алексей Степанович!**» огласило поляну (С. Аксаков).

Инфинитив в роли подлежащего используется без стилистических ограничений, однако частотность его невелика:

Разубедить его в чем-нибудь трудно, **спорить** с ним невозможно (А. Чехов); [Катерина.] Напраслину-то **терпеть** кому ж приятно! (А. Островский); **Участвовать** в психологическом эксперименте нельзя заставить (из монографии); **Отказаться** от работы значило подвести всю бригаду (газ.); **Курить** воспрещается!

Экспрессивно окрашены, как правило, подлежащие, выраженные инфинитивом, в предложениях, построенных по четвертой структурной схеме (*Верить — значит любить*).

3.12.2. Стилистические особенности выражения сказуемого

Несравненно большими стилистическими возможностями обладают разные типы сказуемого, поэтому их употребление заслуживает внимательного изучения.

1. **Простое глагольное сказуемое** универсально: для его употребления нет стилистических преград, хотя особые случаи его использования в речи представляют стилистический интерес. В каждом из функциональных стилей простое глагольное сказуемое обретает характерные формы лексического и грамматического выражения. Для разговорной речи характерна прежде всего спрягаемая форма глаголов, принадлежащих общеупотребительной нейтральной лексике (*Ты не знаешь, кто приходил?*) или имеющих разговорно-просторечную окраску (*Он не стерпел, конечно, и выдал все сполна*). В книжных стилях чаще используется сказуемое, выраженное глаголами страдательного залога, что связано с частотностью пассивных конструкций. Функционально-стилевую окраску речи при этом придают специальные глаголы: *Эти лечебные ванны назначаются через день; Вода фторируется; Заплывать за буйки запрещается*.

Разнообразные формы представления простого глагольного сказуемого дают основание стилистически противопоставить два способа его грамматического выражения:

1) сказуемое, формально уподобляемое подлежащему (т.е. выраженное глаголом любого наклонения, времени и лица), но своей грамматической природе стилистически нейтральное;

2) сказуемое, формально не уподобляемое подлежащему, выраженное особыми формами глаголов, глагольных междометий, употребленными в значении изъявительного наклонения с целью усиления действенности речи. В самой природе их заложена яркая экспрессия:

Поступи Иван Никифорович не таким образом, **скажи** он *птица*, а не *гусак*, еще бы можно было поправить (Н. Гоголь); И новые друзья ну **обниматься**, / Ну **целоваться**... (И. Крылов); Вдруг что-то шумно упало в воду: я **хватя** за пояс — пистолета нет (М. Лермонтов).

Богаые модально-экспрессивными оттенками, такие формы простого глагольного сказуемого используются только в разговорной речи и в экспрессивных стилях, открытых для ее влияния.

Особого стилистического комментария заслуживает замена спрягаемой формы глагола, выступающей в роли простого глагольного сказуемого, сочетанием отглагольного существительного и вспомогательного глагола с ослабленным лексическим значением: *Врач оказал помощь больному — ср.: Врач помог больному*. При стилистической оценке данного явления следует учитывать функционально-стилевую принадлежность текста.

Обращение к глагольно-именным сочетаниям может быть вполне обоснованным в книжных стилях:

Берснев **поднял** на него **глаза** (И. Тургенев); Там она встречала Вронского и **испытывала** волнующую **радость** при этих встречах (Л. Толстой); Находясь в проблемной ситуации, человек сначала **производит ориентировку**, рассматривая варианты возможного выхода из нее. И лишь после этого **осуществляет само общение** (из лекции по социальной психологии).

Употребление глагольно-именных сочетаний вместо соответствующих глаголов не только подчеркивает функционально-стилевую ориентацию в отборе языковых средств, но и уточняет смысл высказывания, обращает к использованию специальных терминов и порой даже усиливает действенность речи. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить ряд глагольно-именных сочетаний с соотносительными с ними глаголами: *дать указание* — *указать*, *объявить благодарность* — *поблагодарить*, *наложить взыскание* — *взыскать* (первые закрепились в официально-деловом стиле как специальные); *оказать широкую поддержку* — *поддержать*, *проявить горячую заинтересованность* — *заинтересоваться*, *оказать неоценимую услугу* — *услужить* (первые экспрессивны, поскольку отглагольное существительное дает возможность отглагольного существительного, а глагол не всегда сочетается с соответствующим наречием, например, невозможно сказать: *неоценимо услужить*). Уточнению смысла помогает и правильный выбор вспомогательного глагола при употреблении глагольно-именного сочетания: *В этом случае личность претерпевает некоторые изменения* (ср.: *меняется*); *Слушатель вступает в общение при условии...* (ср.: *общается*).

В то же время нередко можно наблюдать стилистически не оправданную замену простого глагольного сказуемого глагольно-именным сочетанием, что придает речи канцелярскую окраску: *Богомолов внес предложение, чтобы мы организовали восстановление бракованных дисков путем наложения дополнительного сварочного шва*. В таких случаях говорят о «расщеплении сказуемого», усматривая в этом негативное влияние официально-делового стиля. Безусловно, стилистика предостерегает против употребления подобных канцеляризов. Неуместное употребление глагольно-именных сочетаний вместо спрягаемых форм глагола легко устраняется при стилистической правке: *Богомолов предложил восстанавливать бракованные диски путем наложения дополнительного сварочного шва*.

2. Значительный стилистический интерес представляет **осложненное глагольное сказуемое**: в нем обычно заключена качественная характеристика, оценка действия. Так, повторение сказуемого, выраженного глаголом изъявительного наклонения, подчеркивает длительное, интенсивное действие: *А я сидел, сидел, слушал, слушал, глядел, сердце у меня расширилось, и мне опять казалось, что я любил* (И. Тургенев). Особая экспрессия отличает разговорные конструкции такого типа: *Вот сказал так сказал* и подобные; они используются писателями как характерологическое средство:

Ну что же, занят так занят (А. Чехов); Что ж? убейте, Пантелей Еремеич: в вашей воле; а вернуться я не вернусь (И. Тургенев); Дяденька-то Любим Карпыч взял да в отместку ему и созорничал, пошел да с нищими и стал у собора (А. Островский);

[Василий-то Николаич] ни с кем не разговаривает, дичится, знай себе по саду гуляет (И. Тургенев); Поглупеть-то я еще не поглупел, бог милостив, мозги на своем месте, но чувства как-то притупились (А. Чехов); Я так и вскрикнула: «умер!» да за волосы себя схватила... (Н. Лесков).

Такие формы осложненного сказуемого «имеют различные оттенки значения. Они указывают, например, на действие и его цель (*пойду напишу*); на произвольность действия (*взял да и пришел*); на неопределенность действия (*стрелять не стреляете*); на невозможность осуществления действия (*ждем не дождемся*); на полноту действия, избыточность (*глядит не наглядится*)»¹. Они возможны в эмоционально окрашенной речи, характерны для устного поэтического творчества и стилистически близких к нему произведений:

Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись гляючи...
(А. Пушкин)

К осложненному глагольному сказуемому относятся и **фразеологизмы**, которые являются синтаксически неделимыми: *Постой же, я выведу тебя на свежую воду* (И. Гончаров); *Совесть-то наконец проснулась* (разг.); *Ты опять вне зоны доступа* (разг.); *Вчера еще все отправил на мыло* (= «по электронной почте») (разг.). Они используются как средство усиления эмоциональности речи.

3. **Составное глагольное сказуемое** отличается ограниченными стилистическими возможностями в выражении оценочных значений и отсутствием функционально-стилевой прикреплённости. Источником стилистической актуализации такого сказуемого могут быть входящие в его состав модальные глаголы и отдельные словоформы:

Мартышка **вздумала трудиться**; [Орел] Для друга **сослужить** большую **взялся** службу; И **вызвался** сам Лывенка **воспитать** (И. Крылов); Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича и могу сказать, что он даже **не имел намерения жениться** (Н. Гоголь); ...Старик и все **норовил припасть, поцеловать** стремя, но Андрей, **брезгливо морщась, отдергивал ногу**... (М. Шолохов); Все знали, что уж если Нагульнов **взвел курок**, то при необходимости он **не задумается его спустить** (М. Шолохов); ...Дед Шукарь **ухитрился-таки пробуравить** шум своим по-бабьи резким голосом... (М. Шолохов).

Добавление компонентов в составное глагольное сказуемое придаст ему различные смысловые оттенки: *решил продолжить писать*; *согласился бросить курить*; *горел желанием продолжить заниматься*; *имел намерение начать работать*. Однако и многокомпонентные сказуемые данного типа не обретают особой выразительной силы.

4. **Именное сказуемое** может быть использовано в любом стиле речи, но особенно часто употребляется в книжных стилях, что обусловлено преобладанием в них именного характера изложения. Наиболее продуктивны

¹ См.: *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка. М., 1978. С. 104.

формы именного составного сказуемого с отвлеченной связкой *являться*; ср.:

Компания является одним из официальных дистрибьюторов смазочных материалов этой марки в России; Сравнительно-историческое языкознание — область языкознания, объектом которой являются родственные, т.е. генетически связанные, языки¹; Лингвистика текста — направление лингвистических исследований, объектом которых являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам²; Вторым из упомянутых выше сложных социально-психологических образований, в которых проявляются социальные аспекты групповых психических процессов, является образ жизни (из лекции по социальной психологии).

Использование в качестве отвлеченной связки глагола *являться* превратилось в стилеобразующую черту официально-делового и научного стилей. За их пределами такое употребление может оцениваться как канцеляризм, если эта форма именного составного сказуемого вносит стилевой разнородность в характер конструкции: *Январь является вершиной зимы; Весомым является участие нашего самостоятельного коллектива в этом смотре-конкурсе.*

Борьба за высокую культуру речи обязывает нас более внимательно относиться к выбору связки в именном сказуемом, и не только разнообразить состав вспомогательных глаголов, но и более точно передавать смысл высказывания. Насколько выигрышнее отредактированные предложения, в которых стилистически оправдано употребление связки, можно судить по таким примерам:

1. Задача защиты среды является первоочередной в наше время.	1. Защита среды представляется одной из самых важных задач в наше время.
2. Очень важным является использование для этой цели химикатов.	2. Для этой цели необходимо использовать химикаты.
3. Россия пока является великой железнодорожной державой, занимающая второе место в мире после США по протяженности железнодорожной сети.	3. Россия пока остается великой железнодорожной державой, занимая второе место в мире после США по протяженности железнодорожной сети.

В публицистическом стиле отмечается тенденция избегать употребления связки *являться* в тех случаях, когда подчеркнуто книжная окраска речи нежелательна:

Выборы стали настоящей школой подлинной демократии; Важнейшая задача состоит в том, чтобы ни одна полезная мысль не повисла в воздухе, не осталась без внимания.

В официально-деловом стиле принято разнообразить глаголы-связки для более точной передачи информации. Рассмотрим формы имен-

¹ Большой энциклопедический словарь «Языкознание» / гл. ред. В. Н. Яценко. М., 1998. С. 486. (2-е изд. «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г.).

² Там же. С. 267.

ного сказуемого, неиспользуемые в формулировках положений Трудового кодекса РФ:

Трудовая книжка установленного образца является основным документом о трудовой деятельности и трудовом стаже работника; Трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя; При заключении трудовых договоров с отдельными категориями работников трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, может быть предусмотрена необходимость согласования возможности заключения трудовых договоров либо их условий с соответствующими лицами или органами, не являющимися работодателями по этим договорам, или составление трудовых договоров в большем количестве экземпляров (ст. 66–67).

Очевидно, что в каждом случае связка вносит нужный семантический оттенок в формулировку, тогда как употребление только наиболее популярной для данного стиля универсальной связки *являться* было бы неточным и недостаточным.

Тем не менее использование связочного глагола *являться*, особенно в дефинициях, всегда стилистически оправдано; см. приведенные выше примеры из энциклопедического словаря «Языкознание», а также следующие иллюстрации:

«Одним из средств выражения синтаксических значений и эмоционально-экспрессивной окраски синтаксических единиц является интонация»¹; «Начальным этапом усвоения пунктуационной нормы является пунктуационное правило. <...> Важно понимать, каким является изучаемое правило — общим (обобщенным) или частным»².

Попутно заметим, что в дефинициях также употребительна нулевая связка:

«Примыкание — это такой способ подчинительной связи... <...> Интонация — одно из основных средств оформления восклицательных предложений»³; «Мы полагаем, что семантическая структура предложения — это содержание предложения, обобщение соответствующих лексических значений, осуществляемое и направляемое моделью предложения»⁴.

Стилистическая особенность отвлеченной связки *быть* заключается в том, что она общеупотребительна только в формах прошедшего и будущего времени: *Была без радостей любовь. / Разлука будет без печали* (М. Лермонтов). Однако в настоящем времени употребление ее стилисти-

¹ *Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. М., 1987. Ч. 3. С. 10.

² *Кудряшова Н. В.* Лингвометодическая копилка как основа равноуровневого обучения школьников русскому языку // Русский язык в школе. 2013. № 7. С. 16.

³ *Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. Ч. 3. С. 46, 66.

⁴ *Калинин А. Ф.* Структура и семантика русских фразеологизированных предложений типа *Вот так скоририл* // Русский язык в школе. 2013. № 7. С. 82.

чески окрашено, так как нормой для современного русского языка в этом случае стала нулевая связка (*Москва — столица России*). Связка *есть* может использоваться в книжных стилях: «Гроза» *есть, без сомнения, самое решительное произведение Островского* (Н. Добролюбов). Однако эта же форма связки характерна и для разговорно-просторечных конструкций (типа *Кто ты есть?*):

Правду раз читал я в одном журнале: «В людях — ангел, не жена, дома с мужем — сатана»... Истинная правда... Сатаной была, сатана и есть... (А. Чехов).

Связка *есть* становится экспрессивным средством, если сказуемое лексически повторяет подлежащее и автор хочет подчеркнуть его значение: *Жена есть жена* (А. Чехов); *Приказ есть приказ, еду* (К. Симонов). В случае противопоставления настоящего и прошедшего времени эта связка также является средством актуализации: *Болконский был вам друг, он и есть вам друг* (Л. Толстой); *Шалопай ты был, шалопай и есть...* (Н. Лесков).

Пронципируем стилистически мотивированное употребление связки *есть* в философском тексте.

Пример

Особенно продуктивно проявляется функциональное назначение связки *есть* в философском тексте. Рассмотрим пример из работы Н. А. Бердяева «Самознание»:

Идея Бога есть величайшая человеческая идея. Идея человека есть величайшая Божья идея. Человек ждет рождения в нем Бога. Бог ждет рождения в Нем человека. На этой глубине должен быть поставлен вопрос о творчестве. Необычайно дерзновенна мысль, что Бог нуждается в человеке, в ответе человека, в творчестве человека. Но без этого дерзновения откровение Богочеловечества лишается смысла. В глубине Божественной жизни есть предвечная человечность, есть драма отношений Бога и Его другого, божественного и человеческого. И это открывается в духовном опыте человека, а не в богословском умозрении; божественная драма опрокинута в человеческую драму, то, что вверху, опрокинута в то, что внизу.

Как известно, субъект реализует денотативное значение, предикат — значение сигнификативного типа. Доминантная роль связки обусловлена тем, что она соединяет «гетерогенные сущности» — «денотат и сигнификат¹: предмет, его словесный знак, и понятие, мир и человеческие представления о мире»².

Н. Д. Арутюнова в приведенном фрагменте цитируемой философской работы подчеркивает, что связка *есть* — уникальное структурно-семантическое явление, инструмент, максимально ярко и насыщенно материализующий структуру мысли («субъект есть предикат») в структуру высказывания. При этом номинация, называющая объект, и номинация, репрезентирующая сущность (суть) объекта через при-связочную часть высказывания, взаимозависимы, взаимообусловлены и изоморфно выражают друг друга.

¹ *Денотат* (лат. *denotatum* — 'обозначаемое'), в общем смысле — *обозначаемый предмет*; соответствует тому, что в традиционной логике называется «объемом понятия». В этом случае *денотат* противопоставлен в первую очередь *сигнификату* («содержанию понятия»). Подробнее об этом см.: Булыгина Т. В., Крылов С. А. Денотат // Большой энциклопедический словарь «Языкознание». С. 267.

² Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 72.

В аспекте осмысления данного философского микротекста и всего поднобья произведений П. А. Бердяева можно сказать, что обе ситуации (= пропозиции): *Идея Бога есть величайшая человеческая идея*; *Идея человека есть величайшая Божья идея*, являющиеся концептами мировоззрения философа, взаимозаменимы, что и оказывается следствием равновесия понятий Бога и Человека в философской системе Бердяева. Что касается функциональных особенностей самой связки в этом случае, то связка «членит высказывание на составы. Соединяя, она разделяет, а разделяя, властнует. Если сама связка подчинена модусу утверждения, то в ее подчинении находится весь модальный комплекс»¹. Связка также обуславливает переход потенциальных тем в актуальные.

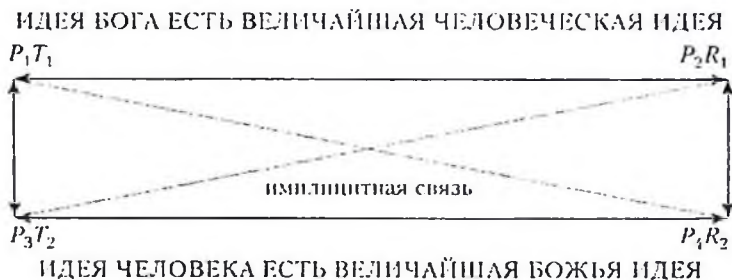

Рис. 3.1. Иллюстрация взаимообусловленности пропозиций и тема-рема-ического членения высказывания:

P – ситуация (пропозиция), *T* – тема, *R* – рема: P_1 реально обуславливает P_2 и потенциально детерминирует P_3 ; P_3 реально обуславливает P_4 , но потенциально детерминирована P_2

Представленная на рис. 3.1 схема иллюстрирует имплицитную связь пропозиций, которые на поверхностном уровне организуют микротекст, а на глубинном выстраивают смысловую (концептуальную) матрицу дискурса, расширяясь до макроконтекста.

Формой множественного числа связки *есть* является стилистически обособленная связка *суть* – она изредка употребляется в научном стиле в дефинициях (*Львы, тигры и пантеры суть хищные животные*) и у писателей прошлого. Современному читателю подобная форма представляется несколько архаичной: *Люди, жительство-бытие которых составит предмет этого рассказа, суть жители старгородской соборной поповки* (Н. Лесков). Тем не менее в научном стиле употребление этой связки возможно и в настоящее время, например: *Пolemика суть прерогатива прагматического уровня*. Закрепившееся в разговорной речи выражение с искаженной грамматической формой рассматриваемой связки (множественное число вместо единственного): *Это не суть важно* – к нашему времени нейтрализовалось².

¹ Арутюнова И. Д. Типы языковых значений. С. 75.

² В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова оно давалось с пометой *разг.*, а в Словаре русского языка АН СССР (М., 1984) – без стилистических помет.

В сравнении с отвлеченными связками (а также с полуотвлеченными, используемыми без всяких функционально-стилевых ограничений: *становиться, казаться, считаться* и др.), связки, выраженные знаменательными глаголами, чаще встречаются в художественной и разговорной речи, что обусловлено их семантикой. Это глаголы, полностью сохраняющие свое лексическое значение: *Мы растались большими друзьями* (А. Пушкин); *Он два года прослужил... приехал оттуда младшим лейтенантом* (К. Симонов). Подобные сказуемые не могут быть популярны в научном, официально-деловом стилях в силу их отвлеченно-обобщенного характера. В газетно-публицистическом стиле они становятся средством предметно-образной конкретизации речи и потому привлекают внимание очеркистов, фельетонистов.

Именная часть составного именного сказуемого также требует стилистического изучения. Она может быть выражена именами в различных грамматических формах, однако стилистическое использование их неоднозначно.

Стилистически нейтрально именованное сказуемое с нулевой связкой, выраженное существительным в **именительном падеже**: *Пушкин — поэт; Я ужасно рада, что ты мой брат; Жизнь есть сон, а смерть — пробуждение* (Л. Толстой). Подобная форма именного сказуемого может употребляться в любом стиле — в научной речи: *Сосна — хвойное дерево; Одышка — ощущение затруднения дыхания, сопровождающееся нарушением его частоты, глубины и ритма*; в публицистическом стиле: *Самое главное — осознание целостности и неделимости мира как исторической реальности; Трезвость — норма жизни*. Замена именительного падежа творительным придает речи разговорную окраску: *Давно ты здесь рыбаком?* (И. Тургенев); *Я слова посудником на пароходе «Пермь»* (М. Горький). Сказуемые, в которых именная часть выражена тавтологическим сочетанием существительных в именительном и творительном падеже, приобретают экспрессивную окраску: *Э! да вы молодец молодцом, голубушка!* (М. Салтыков-Щедрин); *А он туча тучей* (Н. Лесков).

Как архаизирующееся воспринимается сказуемое в форме именительного падежа существительного в сочетании с отвлеченной связкой в форме прошедшего или будущего времени: *В то время был еще жених* (А. Пушкин) (теперь мы бы сказали: *был женихом*); [Пьер] *решил, что женитьба на Элен была бы несчастье* (Л. Толстой). В современном русском языке форма именительного падежа существительного при отвлеченной связке подчеркивает протяженность во времени указанного сказуемым значения: *Моя подруга была артистка (это ее постоянная профессия) — Она была артисткой (а потом стала педагогом)*.

Современные грамматисты отмечают заметную архаизацию именительного падежа существительного в роли предикативного члена и, как следствие, утрату семантических оттенков данной формы именного сказуемого.

Напротив, развивающейся, активной формой предикативного члена, выраженного существительным, стал **творительный падеж**, который используется с отвлеченной и полуотвлеченной связкой. Для современного русского языка закономерно употребление в творительном падеже при-

связочного члена в сочетании с глаголами *стать, становиться, являться, казаться, сделаться, считаться* и т.п. Нам кажутся странными устаревшие конструкции:

Я **сделался** ремесленник... (А. Пушкин); Что же это, сударь! я вам **шутиха** досталась, что ли? (А. Сухово-Кобылин); Ну, присядьте — вон там на стульчике, **будьте** гости... (И. Тургенев).

Однако в просторечии подобные формы именного сказуемого еще встречаются, а художественная литература находит в них характерологическое средство при передаче речи героев: *А еще первые бойцы улицы считается* (М. Горький); *Я грубиян считаюсь* (А. Островский).

При некоторых связках возможны варианты форм падежа существительных — именительный и творительный; ср.: *Итак, она звалась Татьяна* — *Ее сестра звалась Татьяна* (А. Пушкин); *Вся местность кругом стала зваться Изгаркой* (А. Кожевников) — *Новый поселок называли в шутку Париж*. В подобных случаях употребление формы именительного падежа служит средством актуализации наименования:

До революции это место называлось Батбах, то есть болото. Из горы текла маленькая речка, ее тоже звали Батбах. <...> Я люблю родной край, родную землю, люблю мой Батбах. Хочу купаться в речке Батбах... (И. Эренбург).

Если в качестве связки употребляется знаменательный глагол (*работал, жил, ходил, умер* и т.п.), именная часть сказуемого всегда выступает в форме творительного падежа: *жил иждивенцем; работал помощником; умер нищим*. Эта норма установилась еще в начале XIX в.: *Онегин жил анахоретом* (А. Пушкин); *Добрый Максим Максимыч сделался упрямым сварливым штабс-капитаном* (М. Лермонтов).

Предикативный член составного именного сказуемого может быть выражен и другими падежными формами имени существительного:

Мать ее... не была слишком высокого мнения об ее умственных способностях (И. Тургенев); Из чиновников или из отставных каких он был, бог его знает... (Л. Толстой); Мы против войны (К. Федин); Этот рыцарь был и со страхом и с упреком (И. Гончаров); Он знал службу, был исправен и усерден, всегда был при деньгах... (Л. Толстой).

Как видно из примеров, сфера употребления косвенных падежных форм в качестве именной части составного сказуемого — разговорная и художественная речь.

Помимо этого, именная часть сказуемого может быть выражена прилагательным в краткой и полной форме и в сравнительной степени. Возникает синонимия конструкций: *Девушка красива — девушка красивая*. Полные формы прилагательного указывают на более устойчивый признак, непреходящее вневременное качество: *Она хорошая, добрая, славная, я ее очень люблю...* (А. Чехов); краткие формы характеризуют непостоянное, временное состояние: *Вы счастливы... Впрочем, это понятие: вы молоды* (И. Тургенев).

Смысловое различие между полной и краткой формой прилагательного может заключаться и в том, что первая называет абсолютное качество, а вторая — относительный признак: *Узкие брюки опять вошли в моду — Брюки узки, я не могу их надеть; В новостройках низкие потолки — Для такой постыри в этой комнате потолок низок* (ср.: *Туфельки 20-го размера будут велики малышке*). Однако в контексте эти оттенки могут и отсутствовать (*Велика Россия, а отступить некуда*).

Только при кратком прилагательном возможно употребление зависящего от него существительного в косвенном падеже:

Любви все возрасты покорны;
Но юным, девственным сердцам
Ее порывы благотворны...
(А. Пушкин)

Употребление в подобной конструкции полного прилагательного встречается в просторечии: *С новой жизнью я согласный* (М. Шолохов); в разговорной речи: *Это я только к тебе добрый* (М. Горький); еще чаще — в диалектах.

Именное сказуемое с краткой формой прилагательного чаще употребляется в книжных стилях: *Независимость ученого от общества, господствующих в нем воззрений всегда весьма относительна; Такая постановка вопроса отнюдь не схоластична*. Нередко краткие формы придают особый лиризм художественной речи:

Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест (А. Чехов); Загадочны и потому прекрасны темные чащи лесов, глубины морей; загадочен крик птицы и треск лопнувшей от теплоты древесной почки (К. Паустовский).

Однако введение таких форм писателями в разговорную речь для современного читателя представляется неестественным: ныне краткие формы прилагательных перестали быть продуктивной категорией в устной речи. Не случайно еще А. М. Пешковский, Л. А. Булаховский, А. Н. Гвоздев отмечали «книжность» кратких и «разговорность» полных прилагательных, выступающих в предикативной функции¹. В то же время, как указывал Д. Э. Розенталь, можно выделить немало случаев, в которых употребление обеих форм равноценно или «сводится к трудноуловимым оттенкам стилистического различия»².

Существуют сочетания, в которых предпочтительна (или единственно возможна) краткая форма прилагательного: *условия неприемлемы, ответ неточен, поступки непредсказуемы, пословицы афористичны; Девочка мила; Я виноват; Вы правы; Настоящая мудрость немногословна* (Л. Толстой) и т.д.

Особую «разговорность» сказуемому, выраженному полным прилагательным, придает употребление его в конструкции со сравнительным сою-

¹ См.: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. С. 226; Булаховский Л. А. О кратких и полных формах прилагательного в сказуемом // Русский язык в школе. 1964. № 1. С. 15—16; Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1968. С. 262.

² Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. С. 138.

зом: *Отец и мать ей как чужие* (Н. Добролюбов); *Я точно деревянный теперь* (И. Гончаров).

Синонимичными являются выступающие в функции именной части сказуемого краткая форма прилагательного и полная в творительном падеже; ср.:

Вы правы: из огня тот выйдет **невредим**, / Кто с вами день пробить успеет
(А. Грибоедов) — Он из огня выйдет **невредимым**; Я возвратился к Зурину, **гру-**
стен и **молчалив** (А. Пушкин) — Он вернулся **грустным** и **молчаливым**.

При сравнении таких сказуемых, употребленных с отвлеченной связкой, трудно уловить в них стилистические различия, хотя краткие прилагательные в отличие от полных тяготеют к книжным стилям. При знаменательном глаголе-связке в современном языке закрепились полные формы прилагательных в творительном падеже, поэтому примеры из русской классической литературы воспринимаются как архаизмы: *Темна стояла теперь жизнь перед нею* (И. Тургенев); *Вера опять стояла безукоризненна в его уме* (И. Гончаров); *Тарас не спал; он сидел неподвижен...* (Н. Гоголь).

Среди именных форм составного именного сказуемого, выраженных другими частями речи, стилистически маркированы краткие формы причастия, которые используются в книжных стилях. См., например, в статье «В поисках справедливости» (1949) И. А. Ильина:

Русский народ должен быть **возвращен** к этим поискам. Он должен покаянно осознать выстраданное им заблуждение, — свою беду, свою кару и свой грех. Он должен увидеть впереди иные, новые творческие пути, действительно ведущие к справедливости, — пути, указанные христианством, но доселе не найденные и не пройденные человечеством¹.

3.13. Грамматическая связь подлежащего и сказуемого: стилистическая оценка вариантов

Подлежащее и сказуемое обычно имеют одинаковые грамматические формы числа, рода, лица; см., например:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
(А. Пушкин)

Соответствие грамматических форм главных членов предложения не является обязательным условием их функционирования; в иных случаях формы подлежащего и сказуемого не уподобляются, а на их синтаксическую функцию указывают предикативные отношения: *Не для меня красы твоей блистанье...* (М. Лермонтов). Возможно и неполное соответствие грамматических форм главных членов: *Вся жизнь моя была залогом / Свиданья верного с тобой* (А. Пушкин) — соответствие форм числа,

¹ Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948—1954 гг. Т. 1. С. 253.

но разные формы рода; *Твой удел — нескончаемые хлопоты* — несоответствие форм числа и т.д.

Анализируя грамматические формы главных членов предложения, исследователи отказались от термина «согласование», заменив его более точным — **координация**. Эта грамматическая связь более широкая и свободная; в нее «могут вступать разные слова и словоформы, и их морфологические свойства не обязательно должны соответствовать друг другу, так как их взаимоотношения определяются не лексико-грамматической принадлежностью, а синтаксической позицией в структуре предложений»¹. Координация главных членов предложения подробно изучается в синтаксисе современного русского языка. В задачи же практической стилистики входит оценка **вариантов форм сказуемого**, анализ использования их в разных стилях речи.

1. Стилистический аспект в изучении координации главных членов предложения обращает нас к проблеме выбора форм **числа сказуемого**, когда подлежащее указывает на множество предметов, но имеет грамматическую форму единственного числа.

Имена существительные *большинство, меньшинство, множество* и подобные, несмотря на грамматическую форму единственного числа, обозначают не один предмет, а много предметов, поэтому сказуемое может принимать не только форму единственного, но и множественного числа: *На этом-то суде... выводилось и держалось бесчисленное множество уток* (И. Тургенев); *Множество рук стучат во все окна с улицы, а кто-то ломится в дверь* (Н. Лесков). Какой из форм отдать предпочтение и когда употребление той или иной формы стилистически не оправдано?

Грамматисты прошлого считали правильной формой сказуемого единственное число, но русские писатели часто не соблюдали этой нормы. К нашему времени она все более рыхлится, и сейчас «явно преобладают случаи согласования по смыслу в деловой речи, в публицистике, в разговорной речи»². Однако можно выделить контексты, в которых предпочтительным, а для книжных стилей и единственно правильным, является употребление определенной формы числа сказуемого.

Проиллюстрируем особенности выбора форм единственного и множественного числа сказуемого при подлежащем *большинство, меньшинство, множество*.

Пример

Рассмотрим следующие суждения:

1. *Большинство согласилось с оратором.*
2. *Большинство авторов согласилось с замечаниями.*
3. *Большинство писателей решительно отвергли исправления редактора.*
4. *Большинство авторов, заключивших договоры с издательством, представили рукописи.*
5. *Большинство авторов, заключив договор, работают над рукописями.*
6. *Большинство редакторов, корректоров, авторов, рецензентов изучили эти документы.*

¹ Валгина И. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1991. С. 113.

² Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. С. 221.

7. Большинство редакторов получили приказ, ознакомившись с его содержанием и сделали необходимые выводы.

Форма единственного числа сказуемого вполне оправдана в первом и втором предложениях, замена ее формой множественного числа придаст им разговорной оттенок (так как согласование по смыслу свойственно в основном живой речи). В третьем предложении сказуемое указывает на активный характер действия, а форма множественного числа создает его актуализацию. Небезразлично и значение подлежащего — если оно называет одушевленные предметы, координация по множественному числу предпочтительнее; ср.: *Большинство студентов хорошо отвечали на семинаре — Большинство предметов лежало в беспорядке.*

При дистантном расположении главных членов, в особенности если подлежащее отделено от сказуемого причастным, деепричастным оборотом (примеры 4 и 5), а также при перечислении однородных членов в составе подлежащего или сказуемого (примеры 6 и 7) стилистически оправдано употребление формы множественного числа сказуемого. В этом находит выражение тенденция к координации форм главных членов по смыслу: если сказуемое отдалено от подлежащего, мы как бы «забываем» о грамматической форме единственного числа подлежащего, но знаем, что оно указывает на большое количество предметов. Идею множества подчеркивает согласование причастия по множественному числу: *большинство авторов, заключивших...* (еще более явное указание на множество содержится в параллельной синтаксической конструкции: *Большинство авторов, которые заключили...).* Перечисление в составе подлежащего создает то же впечатление множества, а при однородных сказуемых многократное повторение единственного числа показалось бы нелогичным, так как все внимание сосредоточено на действии, в котором участвуют многие.

Смысловая сторона высказывания определяет координацию форм сказуемого по множественному числу, если сказуемое указывает на действие многих лиц: *Большинство участников слета встретились впервые; Большинство присутствовавших общались, плакали.* Именное сказуемое может быть выражено только формой множественного числа: *Большинство приехавших были ветераны; Большинство уцелевших были изможденные и больные.*

2. При подлежащем, которое выражено количественно-именным сочетанием, также возникает проблема выбора форм числа сказуемого. Так, у А. П. Чехова находим: *Какие-то три солдата стояли рядом у самого спуска и молчали; У него было два сына;* Л. Н. Толстой предпочел формы: *В саях сидело три мужика и баба; В душе его боролись два чувства — добра и зла.* Сопоставляя эти примеры, можно заметить, что и здесь активное действие (*боролись*) и обозначение подлежащим одушевленных предметов (*три солдата*) подсказали выбор формы множественного числа сказуемого. Глаголы, означающие бытие, наличие, присутствие, как правило, ставятся в единственном числе в отличие от тех, которые называют активное действие; ср.: *На столе было три телефона — Три телефона зазвонили одновременно.*

Однако для таких предложений следует учитывать еще и характер числительного, употребленного в составе подлежащего. Так, числительное *один* подскажет единственное число сказуемого: *Двадцать один человек подтвердил это.* В иных случаях приходится прибегать к хитростям, чтобы устранить нелогичность. Например, журналист написал: *Двадцать один кореец, томящийся в тюрьме, объявил голодовку.* Здесь возможна такая

стилистическая правка: *Все эти двадцать один человек, которые томятся в тюрьме, объявили голодовку.*

Числительные *два, три, четыре* чаще других требуют координации формы сказуемого по множественному числу: *Три дома на вечер зовут; У сарая стояли три тройки* (А. Пушкин). Чем большее количество указывается, тем легче нам осмыслить его как целое, поэтому сказуемое может иметь форму единственного числа: *Сто тридцать семь делегатов уже зарегистрировалось, а пять человек оназдывали.* Выбор формы сказуемого в подобных случаях подчеркивает или нерасчлененный характер действия, восприятие субъекта как единой группы, совокупности предметов (тогда сказуемое употребляется в единственном числе), или, напротив, индивидуальное участие каждого в выполнении действия (и тогда сказуемое ставится во множественном числе). Ср.: *В крендельной работало двадцать шесть человек* (М. Горький) — *Тридцать два человека... дышали одним дыхом* (М. Шолохов). В подобных случаях в официально-деловом стиле используется единственное число, а в экспрессивной речи возможны варианты.

Единственное число сказуемого не вызывает колебаний при обозначении меры веса, пространства, времени (того, что воспринимается как *нерасчлененное множество*): *Прошло сто лет; Мне было шестнадцать лет; До барьера оставалось пять шагов; На ремонт ушло семь банок краски.* Но при актуализации сказуемого возможна иная форма: *Двенадцать лет болезни сделали свое дело.*

Если количество обозначается приблизительно или уточняется словами *только, лишь, всего*, сказуемое ставится в единственном числе:

Слилось мне, что сидит нас человек двадцать в большой комнате с раскрытыми окнами (И. Тургенев); Федор доскакал до бугра, за бугром лежало с десятков возчиков (Д. Фурманов); Вот нас всего... — он растерянно посмотрел на... красноармейцев, — всего семь осталось... (К. Симонов).

То же правило регулирует координацию форм сказуемого при подлежащем с неопределенно-количественным числительным *несколько, сколько, столько, много, мало, немного, немало*:

Как мало нас от битвы уцелело (А. Пушкин); Уже много карет проехало по этой дороге (М. Лермонтов); Несколько пуль провизжало над моей головой (М. Лермонтов); Была в его голосе горечь человека, на глазах которого погибло столько хороших людей... (К. Симонов).

Однако с этими же числительными уже в XIX в. употреблялось и сказуемое во множественном числе, что подчеркивало семантический вес глагола в предложении:

Несколько дам скорыми шагами ходили взад и вперед по площадке (М. Лермонтов); Несколько саней провожали меня до первой станции (А. Герцен); На другой день поутру несколько десятков мужчин и женщин стояли у ворот больницы (М. Горький).

В настоящее время такая координация формы сказуемого все более закрепляется: *Немало учебных организаций не смогут дать ясного, научно обоснованного ответа на эти вопросы* (газ.).

3. Колебания в форме числа сказуемого возникают при однородных подлежащих. В художественной литературе встречаются варианты:

Однажды Лебедь, Рак, да Щука	Нам домой скорей бы воротиться, —
Везти с поклажей воз взялись ,	Но зачем идем мы и туда?..
И вместе трое все в него впряглись	Сладко нам и дома не забыться:
(И. Крылов);	Встретит нас забота и нужда!
	(Н. Некрасов)

Координацию формы числа сказуемого в подобных предложениях определяет ряд условий. Если вначале перечисляются однородные подлежащие, а постпозитивное сказуемое следует непосредственно за ними, то оно принимает форму множественного числа: *Гимназист и Саша всю дорогу плакали* (А. Чехов). При иной последовательности членов предложения возможны варианты; ср.: *Из района приехал следователь и врач* (основной носитель действия — *следователь*); *В комнате остались только хозяин, да Сергей Николаевич, да Владимир Петрович* (И. Тургенев) — нет необходимости выделять кого-то одного как инициатора действия. При этом если среди однородных подлежащих есть существительные во множественном числе, то сказуемое принимает ту же форму числа: *Мои большие несчастья, мое терпение тронули сердца обывателей* (А. Чехов). Если ближайшее к сказуемому подлежащее, употребленное в форме единственного числа, подчеркнуто еще и определенным, то сказуемое может «воспринять» эту грамматическую форму: *Несся тяжелый топот кованых саног и крикливые бабы взвизги* (А. Серафимович).

На выбор числа сказуемого влияют и формы рода подлежащего; ср.: *Темницы мертвое молчанье / Ни стон, ни вздох не нарушал* (К. Рылеев); *Сюда не проникали ни свет, ни жара* (С. Бабаевский). Координация по форме ближайшего подлежащего в таких случаях нарушает смысл высказывания (ср.: *Хорошо работал брат и сестра*), поэтому, если подлежащее выражено одушевленными существительными разного рода, сказуемое должно иметь только форму множественного числа: *Ни он, ни она слова не промолвили* (И. Тургенев). Важно подчеркнуть, что в научном и официально-деловом стилях в подобных случаях варианты недопустимы — сказуемое всегда должно стоять в форме множественного числа: *Увеличиваются сила тока и напряжение — мощность тоже увеличивается*.

Сказуемое употребляется в единственном числе, если при подлежащих есть слова *каждый, всякий, любой*: *Каждый крестьянин и каждый рабочий знает, за что он воевал*. При градации (т.е. таком расположении слов, в данном случае — однородных подлежащих, что каждое последующее усиливает, расширяет значение предыдущего), грамматическая форма сказуемого «приспосабливается» к ближайшему подлежащему: *Вся Европа, вся Америка, весь мир смотрел эту русскую передачу*. Здесь сказывается семантика: ведь последнее подлежащее как бы вбирает в себя смысл всех других, так что ему и должно уподобляться сказуемое.

Лексическое значение сказуемого влияет на координацию его формы числа, если глагол указывает на действие многих (*встретились, собрались, спорили, дискутировали* и т.п.).

Мы рассмотрели варианты координации форм числа сказуемого при однородных подлежащих, связанных **соединительными союзами** или интонацией. При иных союзах положение меняется.

Если однородные подлежащие связаны **разделительными союзами** и необходимо подчеркнуть, что действие совершается попеременно то одним, то другим лицом (или из нескольких субъектов действие выполняет какой-то один), сказуемое употребляется в форме единственного числа: *То ли чурка, то ли бочка проплывает по реке* (А. Твардовский); *Московский или Петербургский университет проведет эту конференцию*. Если подлежащие разного рода или стоят в разных числах и сказуемое постпозитивно, оно принимает форму множественного числа: *То ли куст, то ли кочка виднелись вдали* (ср.: *кочки виднелись*).

Ту же форму сказуемого определяет и употребление **сопоставительного союза как... так и**, подчеркивающего идею множественности: *Как образования, так и здравоохранение являются объектами пристального внимания руководителей регионов*. Градационные союзы *не только... но и; не столько... сколько* и др., содержащие оттенок **противопоставления**, обычно определяют координацию сказуемого по форме единственного числа:

Не только содержание рукописи, но и сама форма подачи материала **требовала** специального разговора — ср.: На большей части их лиц **выражалась** если не боязнь, то беспокойство (Л. Толстой).

Если однородные подлежащие связаны **противительными союзами** (*а, но, да*), то препозитивное сказуемое координирует свои формы по первому подлежащему; ср.: *Опубликована поэма, а не стихотворение — Опубликовано стихотворение, а не поэма — Опубликована не поэма, а стихотворение*. Формы постпозитивного сказуемого зависят от того подлежащего, с которым сказуемое связано по смыслу (независимо от того, какое из подлежащих стоит ближе к нему): *Стихотворение, а не поэма опубликовано в журнале — Не стихотворение, не поэма, а роман опубликован в журнале*.

4. Комментарии требуют и такие случаи координации форм числа сказуемого:

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря...

(А. Пушкин);

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой

Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.

(А. Пушкин)

Только во втором предложении сочетание существительных в именительном и творительном падеже является подлежащим; в первом предложении-именное сочетание *со старухой* употреблено как **дополнение**. Именно в качестве дополнения выступают существительные, называющие не главного носителя действия, а лицо, сопутствующее ему: *Старик*

Крестьянин с Батраком / Шел под вечер леском (И. Крылов). Ср.: *Пока на открытом базу размещали коров, пришел Разметиев с Демкой Ушаковым* (М. Шолохов); но: *Через пять минут на опустевшей площади возле амбаров остались только Давыдов с Макаром* (М. Шолохов). В таких случаях множественное число сказуемого подчеркивает, что в действительности участвуют два равноправных лица, т.е. координация форм сказуемого может выполнять смысло-различительную функцию: *Мать с дочерью спали на диване — Мать с дочерью сидела* (дочь при этом могла быть у матери на руках, на коленях и т.д.).

Стилистическое значение в подобных случаях получает и последовательность существительных разного рода. Ср.: *Муж с женой приглашены в гости* (оба на равных основаниях) — на первом месте стоит «более сильный в грамматическом отношении мужской род»¹; но: *Жена с мужем приглашена в гости* (пригласили жену, а муж должен ее сопровождать) — выдвижение на первое место существительного женского рода подчеркивает, что оно является главным посетителем действия, поэтому и сказуемое координирует по нему свои формы числа и рода.

Стилистический интерес представляет и выбор форм связки именного сказуемого в случае несоответствия грамматических форм главных членов: *В свое время Тетюев был гроза и все заводы держал в ежовых рукавицах* (Д. Мамин-Сибиряк.); *Ее несбыточная мечта были гастролы*. В первом случае связка координируется подлежащим, во втором — именной частью сказуемого. Это так называемое обратное согласование подчеркивает значение сказуемого и применяется в ряде случаев:

1) если подлежащее выражено словами *большинство* и подобными: *Большинство артистов были студенты*;

2) если автор хочет усилить значение сказуемого: *Первое, что бросилось в глаза Привалову, был какой-то господин, который сидел у стола* (Д. Мамин-Сибиряк);

3) если подлежащее выражено местоимением *это*: *Это был удар для меня*.

Особый стилистический интерес вызывает координация сказуемого с подлежащим, выраженным некоторыми местоимениями. Сравним несколько примеров:

Кто-то из поэтов сказал...; **Некто** в парике, с наклеенными ресницами и яркими губами, **кивнула** в мою сторону; **Никто** из студенток, даже самые способные, **не могли решить** этого уравнения; **Никто** из девочек, да и сама Лена, **не могла ничего придумать**.

От предложения к предложению усиливается влияние контекста, который определяет координацию сказуемого, однако предпочтение, отдаваемое смысловому принципу, придает высказываниям разговорную окраску. В книжных стилях такая координация стилистически не оправдана: при местоименных-существительных *кто-то*, *некто*, *никто* и др. сказуемое

¹ Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. С. 233.

должно стоять в форме единственного числа мужского рода независимо от того, что местоимения указывают на женщин или на множество людей.

Иное правило определяет форму сказуемого в тех случаях, когда *кто* выступает в функции союзного слова в придаточной части сложноподчиненного предложения, которому в главной части соответствует соотносительное слово: *Все, кто пришли на занятие, разобрались в этом сложном вопросе; Те, кто знали о лекции, пришли послушать*. В конструкциях данного типа форма множественного числа сказуемого, относящегося к союзному слову *кто*, поддерживается соответствующими формами соотносительного слова и сказуемого в главной части предложения (что не исключает вариантов, ведь можно было бы сказать: *все, кто пришел...*). Такая координация предпочтительна в книжных стилях, но в разговорной речи в наше время все более закрепляется координация по смыслу, ее воспринимают писатели и журналисты. Однако если форма множественного числа сказуемого не поддержана в главной части предложения такой же формой главных членов, конструкция приобретает подчеркнуто разговорную окраску; ср.: *Я знаю всех, кто пришли на занятие; Тем, кто не пришли на семинар, интересуются декан*.

При именном сказуемом выбор связки определяется смыслом; ср.: *Кто был инициатором этой затеи?* (имеется в виду кто-то один) — *Кто были инициаторами наших занятий спортом?* (несколько человек). Контекст может исключить варианты и в других случаях, когда подчеркивается идея множества, например: *Мы разыскиваем тех, кто в период Отечественной войны, будучи малолетними детьми, потеряли родителей, братьев*.

Таким образом, в процессе литературной правки текста необходимо держать в поле зрения синтаксические связи членов предложения и слов в словосочетаниях. Те варианты координации, которые избрал автор, определяя форму сказуемого, не всегда можно принять. Например, не оправдано согласование сказуемого по среднему роду: *Это одно из важных вех в достижении признания художника*. При редактировании устраняется ошибка: *Это одна из важных вех в достижении признания художника*. Не оправдано употребление в роли сказуемого глагола прошедшего времени в форме женского рода: *Еще один архитектурный памятник Новгородского кремля — Златоустовская башня — освободилась от строительных лесов*. Эту ошибку спровоцировала форма женского рода приложения, но ведь род сказуемого определяется родом подлежащего (*памятник — освободился*).

Правки требует форма единственного числа существительного, входящего в составное именное сказуемое, в предложении: *Недавно «210 шагов» стали победителем на международном фестивале самодельных фильмов*. Поскольку координация здесь вызывает трудности из-за пропуска родового наименования (*фильм*) при необычном по форме приложении (*210 шагов*), в отредактированном варианте целесообразно употребить существительное *фильм* (*картина*): *Недавно фильм «210 шагов» стал победителем на международном фестивале...* (или: *был признан лучшим на фестивале*).

Нередки ошибки при употреблении подлежащего, указывающего на множество предметов, но имеющего грамматическую форму единственного числа. Рассмотрим примеры нарушения нормы в грамматической координации:

1. Большое количество пшеницы, ржи, ячменя сданы первым сортом.	1. Большое количество пшеницы, ржи, ячменя сдано первым сортом.
2. 21 автомобиль умещаются в вертикальном полукрытом гараже-стоянке размерами 7 × 8 м.	2. 21 автомобиль умещается в вертикальном полукрытом гараже-стоянке размером 7 × 8 м.
3. Эта часть текста, так же, как и две главы, не включены в перевод.	3. Эта часть текста в перевод не включена , так же, как и две главы...

Как видим, в процессе редактирования порой не только изменяют грамматическую форму сказуемого, но и перестраивают конструкцию, чтобы выбранные автором формы рода, числа сказуемого не вызывали сомнений у читателя.

3.14. Стилистические варианты согласования определений и приложений

Вариантные формы определений появляются при существительных **общего рода** (т.е. словах, обозначающих людей по их свойствам и качествам и в равной мере применимых как к мужчинам, так и к женщинам): *ужасный сладкоежка — ужасная сладкоежка, славенький малютка — славенькая малютка*. Существительные общего рода обладают яркой экспрессией (чаще отрицательной) и употребляются в разговорной и художественной речи.

У писателей можно встретить «согласование по внешней грамматической форме, чаще всего по женскому роду, иногда — по среднему»¹: *Приезжай, милый дедушка, продолжала Ванька, — пожалей ты меня, сироту несчастную* (А. Чехов). В наше время такие формы согласования оцениваются как устаревшие или просторечные. Нарушение нормы не ощущается только, если существительное называет неодушевленный предмет: *И фонарик — вот какая умища! — / Вдруг погас на несколько минут* (М. Светлов). Во всех других случаях рекомендуется согласование по смыслу: *Вы бездари и тупицы, а самый страшный бездарь и тупица — я!* (С. Снегов).

Однако есть разночтения в словарях при отнесении отдельных существительных к словам общего рода. Так, в МАС слова *заправила, кутила, меняла* и т.п. даются как существительные мужского рода, а значит, определения при них всегда будут только в форме мужского рода: *Она у нас первый запевала!*; *Матрена известна как отчаянный кутила*. В частотно-стилистическом словаре вариантов «Грамматическая правильность русской речи» эти существительные называются в числе слов общего рода, следовательно, рекомендуется согласовать с ними определения по смыслу.

¹ Граудина Л. К. [и др.]. Грамматическая правильность русской речи. С. 76.

Стилистического комментария требует и выбор надежной формы прилагательного-определения, входящего в состав количественно-именного сочетания, так как в русском языке встречаются варианты: *Два-три пыльных тополя стояло у дороги* — прилагательное в форме родительного падежа множественного числа: *Два голубя, как два родные брата, жили* (И. Крылов) — прилагательное в форме именительного падежа множественного числа. Какая же из этих форм стилистически предпочтительнее?

В сочетаниях имен существительных с числительными *два, три, четыре* форма определения зависит от его позиции в словосочетании и от рода существительного. Для современного русского языка характерны такие сочетания:

С существительными мужского и среднего рода	С существительными женского рода
<i>два новых дома</i>	<i>две большие комнаты</i>
<i>три светлых окна</i>	<i>четыре новые столовые</i>
<i>три вкусных пирожных</i>	<i>три большие парикмахерские</i>
<i>два опытных портных</i>	

Стоящее внутри количественно-именного сочетания определение употреблено в форме родительного падежа множественного числа при существительных мужского и среднего рода и в форме именительного падежа множественного числа при существительных женского рода. Правило распространяется и на субстантивированные прилагательные, закрепившиеся в форме мужского, женского и среднего рода (*портной, столовая, пирожное*).

Однако для определений, относящихся к субстантивированным прилагательным в количественно-именных сочетаниях, более свойственны варианты. В функции прямого дополнения на равных правах употребляются формы: *На улице Бирюзова открыли две новые столовые* и *...открыли две новых столовых*; в случае предложного управления также возможны варианты: *В каждом микрорайоне будет по две новые прачечные* — *по две новых прачечных* (второй вариант предпочтительнее). При указании на дробное число (когда знаменатель обозначается субстантивированным дробным числительным) используется только родительный падеж: *Две пятых Луны скрыты от нашего взора*.

При изучении частотности вариантов форм определений в рассматриваемых конструкциях оказалось, что рекомендуемые нормой окончания используются в речи немного шире, чем конкурирующие варианты (52,21% к 47,79%). «Наступление» новых форм наиболее очевидно при употреблении субстантивированных прилагательных.

Вторая область «агрессии» — сочетания с существительными женского рода, у которых формы родительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа отличаются ударением: *две высокие* (и *высоких*) *сосны* (потому что в именительном падеже множественного числа — *сосны*). В этом случае, как считают исследователи, «практически возможны обе формы прилагательного»¹.

¹ Граудина Л. К. [и др.]. Грамматическая правильность русской речи. С. 32.

Д. Э. Розенталя как пример приводит сочетания *две крупные слезы* и *две маленькие слезинки* (в именительном падеже множественного числа существительное *слезы* отличается от формы родительного падежа единственного числа — *слезы*)¹. Родительный падеж определения закрепляется и в предложных сочетаниях: *по две столовых ложки* (хотя правильно только: *разделить на две равные части*). Лишь в сочетаниях имен прилагательных с числительными *два, три, четыре* и существительными мужского и среднего рода старые формы согласования воспринимаются современным читателем как архаические: *и только две звездочки, как два спасительные маяка, сверкали на темно-синем своде* (М. Лермонтов) (ср. приведенный нами в начале пример из басни Крылова).

Картина меняется при иной последовательности компонентов рассматриваемых словосочетаний. Прилагательное, предшествующее количественно-именному сочетанию, обычно выступает в форме именительного падежа множественного числа (независимо от формы рода существительного): *последние два проекта, крайние три окна, светлые четыре комнаты*; *На них он выменял борзые три собаки* (А. Грибоедов). Только прилагательные *добрый, полный, целый* не подчиняются этому правилу: *Съел целых две тарелки. Ждала добрых три часа. Принес полных два ведра*. В сочетаниях с *пол-* и *полтора* правомерны оба варианта: *целых* (и *целые*) *полчаса, целых* (и *целые*) *полторы недели*.

Прилагательные, употребленные после количественно-именного сочетания, могут варьировать формы:

Поздно вечером... подкатили к колхозному амбару **два грузовика, груженные мукой** (Ю. Лаптев); ...Стояли **четыре больших ящика, набитых японскими трофейными продуктами** (К. Симонов).

В стилистическом отношении предпочтительнее первая конструкция, однако формы согласования таких обособленных определений могут выступать и как средство выражения определенных семантических оттенков. Именительный падеж определения подчеркивает, что оно характеризует группу предметов (лиц) в целом: *В сборнике есть три очерка, посвященные военной теме*. Если предметы не объединены в одну группу, а воспринимаются в отдельности, можно определение поставить в родительном падеже: *В разных номерах журнала публикуется четыре стихотворения, посвященных героям космоса* (это значит, что стихотворения написаны разными авторами и посвящены разным людям).

В сочетаниях существительных с числительными (за исключением числительных *два, три, четыре*) форма определения зависит от порядка слов: препозитивное определение употребляется в форме именительного падежа множественного числа независимо от формы рода определяемого существительного (*последние пять страниц, первые десять столбцов, святящиеся восемь окон*); постпозитивные определения и стоящие в середине количественно-именного сочетания принимают форму родительного

¹ Розенталя Д. Э. Практическая стилистика русского языка. С. 246.

падежа множественного числа: *пять последних страниц, исписанных мелким почерком; десять новых столбцов, набранных петитом.*

Стилистический интерес представляют варианты форм согласования определения при **однородных существительных**: *талантливо написанные стихотворение и поэма — опубликованный текст и комментарии.* Определение в форме множественного числа подчеркивает наличие нескольких предметов, а форма единственного числа может быть употреблена, когда и без того ясно, что определение относится ко всем предметам. Таким образом, варианты возможны во втором случае.

В начале XX в. Д. Н. Овсянко-Куликовский указывал на искусственность употребления множественного числа определения в предложении: *Я давно не видал моих брата и сестру*; он писал, что это «не по-русски и режет ухо»¹. Д. Э. Розенталь отмечал, что из двух вариантов: *Мой отец с матерью приехали сюда* и *Мои отец с матерью приехали сюда* — предпочтительнее первый². Однако в официально-деловом и научном стилях в подобных случаях следует ставить определения во множественном числе, чтобы исключить разночтения: *металлические каркас и покрытие; В пламени пожара погибли деревянные дом и флигель.*

Если же однородные существительные связаны разделительным союзом, то препозитивное определение согласуется с ближайшим из них: *опубликовать новое стихотворение или поэму*; а постпозитивное употребляется во множественном числе: *стихотворение или поэма, опубликованные в прошлом году.* Если важно подчеркнуть, что определение относится лишь к первому из существительных (в случае предложного управления), повторяется предлог: *в опубликованном стихотворении и в поэме* (значит, поэма еще не опубликована): *на металлическом каркасе и на покрытии следы краски* (значит, покрытие не металлическое).

Попутно коснемся проблемы выбора грамматической формы существительного, у которого несколько определений. Такое существительное может стоять и в форме единственного числа: *глаголы действительного и страдательного залога* (не залогов!), и в форме множественного числа: *студенческая и преподавательская конференции* (при употреблении единственного числа возникла бы неясность: это конференция, общая для студентов и преподавателей, или две конференции?). Очевидно, что форма единственного числа имени существительного подчеркивает тесную связь называемых предметов, их терминологическую близость; множественное число, напротив, указывает на раздельность предметов. Сравним на примерах: *спинной и головной мозг, существительные мужского и женского рода, глаголы совершенного и несовершенного вида — рукописный и печатный тексты, академическое и массовое издания, в западном и восточном полушариях.* Первые иллюстрации взяты из научного стиля, где такой выбор формы существительного обязателен. В языке закрепились как норма сочетания: *в конце XIX — начале XX века* (не веков!), *от Киевской до Черниговской области.*

¹ Овсянко-Куликовский Д. Н. Руководство к изучению синтаксиса русского языка. М., 1907. С. 29.

² Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. С. 251.

Как правило, в единственном числе ставится существительное, если перед ним употреблены однородные определения, выраженные порядковыми числительными (*первый и второй сорт*), местоименными прилагательными (*моя и твоя подруга; в том и другом случае; ни тот, ни другой вариант; в том или ином положении*). При обратном порядке слов существительное ставится в форме множественного числа: *подруги твоя и моя, планы кварталный и годовой*. При употреблении разделительных, противительных и сопоставительных союзов возможно только единственное число существительного: *Петербургский или Московский университет; не Московский, а Петербургский университет, как Московский, так и Петербургский университет; то Московский, то Петербургский университет*. Существительное ставится только во множественном числе, если рассматриваемое нами словосочетание распространено еще одним определением, имеющим форму множественного числа: *новые мировой и европейский рекорды*.

Приложения, как правило, должны согласовываться с именем существительным, к которому они относятся, однако иногда появляются варианты: *в городе Москве, но в городе Угеча, на реке Москве и на Москва-реке*.

Больше всего вариантов дают сочетания **географических названий** с родовым наименованием. Известно правило, по которому все русские (и шире — все славянские) топонимы следует согласовывать со словами *город, село, поселок, река*, как и вообще всякие приложения с родовыми наименованиями: *в городе Суздале, на реке Каменке, школа в деревне Волчихе* (сочетание *на Москва-реке* имеет разговорную окраску). Не согласуются с родовыми наименованиями географические названия, имеющие форму множественного числа: *в городе Сочи, в городе Мытищи, из города Клиницы, в деревне Ржавки, к поселку Жаворонки, у поселения Мапоки*; составные названия: *к городу Великие Луки, в селе Красные Горки*. Исключения составляют наименования, омонимичные именам людей (*из поселка Ерофеич, недалеко от села Миронюшка*), а также сочетания из нескольких топонимов при одном родовом наименовании: *туристский маршрут по линии Перхушиково — Жаворонки — Ильинское; на воздушной трассе Москва — Симферополь*.

Тенденцию к несклоняемости обнаруживают географические названия на *-о, -е*: *в городе Пено, у села Молодечно, недалеко от поселка Миронезье, на берегу реки Лисно, за станцией Жудилово*. Использование их в начальной форме исключает разночтения при употреблении малоизвестных названий¹.

¹ См. об особенностях грамматического употребления топонимов на *-о* в работе: Граудина Л. К., Ицкович В. А., Капшинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976. Цит. с. 139: «...тенденция к несклоняемости этих географических наименований особенно широко распространилась в разговорной речи. <...> С точки зрения точности обозначения несклоняемые формы многим кажутся более удобными. Первоначально несклоняемые формы употреблялись лишь в профессиональной речи географов и военных: важно было давать названия в неходной поминативной форме, чтобы не спутать дублетные названия без окончания: Киров и Кирово, Пушкин и Пушкино и т.д. <...> Различие в употреблении склоняемых и несклоняемых вариантов связано с возрастом говорящих и пишущих — представители старшего поколения следуют традиционным нормам и склоняют эти географические названия: в Богатове, в Ястребине <...>»

Следует склонять и русские географические наименования сложного состава: *в городе Петропавловске-Камчатском; храм в селе Никольском-Архангельском; выехать из города Камня-на-Оби*. Остаются без изменения лишь топонимы с тесно спаянными компонентами: *в городе Спас-Клепники, в городе Спас-Деменске, из города Усть-Илимска, в городе Хаиты-Мансийске* и др.

«Охвачены тенденцией к неизменяемости», по выражению лексикологов, все топонимы, у которых первая часть — имя существительное среднего рода: *из Ликино-Дулёва, к Пошехонье-Володарскому, под Юрьеве-Девичьим*; однако это не исключает согласования их второй части с родовым наименованием: *приехал из города Орехово-Зуева*.

В специальной литературе и официально-деловом стиле многие географические наименования употребляются как несклоняемые; под «влиянием профессионально-терминологической речи несклоняемость географических названий проникла и широко распространилась в современной публицистической и газетной речи»¹. Однако такие, например, варианты следует квалифицировать как нарушение литературной нормы:

Обнаружили наиболее крупный центр аномалии в селе Кочетовка; Свыше 30 тысяч центнеров рыбы будет давать ежегодно Кагульский рыбокомбинат, сооружаемый в пойме реки Прут (газ.).

Разночтения в согласовании географических наименований с родовыми касаются в основном названий островов, озер, мысов, заливов, пустынь и т.п. До недавнего времени практическая стилистика безоговорочно рекомендовала оставлять их без изменения, но такая норма все более расплывается. В словаре «Грамматическая правильность русской речи» в качестве образца даются сочетания: *на острове Валааме, на острове Керженце, на мысе Зеленом; овладели станцией Назаровкой, подошли к станции Цимлянской* и др. Некоторые примеры вызывают возражения. Так, названия станций, портов, как правило, даются в начальной форме: *подъехали к станции Тула (к станции Орел); из польского порта Гдыня; в порту Одесса*. В особенности оправдано употребление в начальной форме малоизвестных наименований: *на станциях Жеча и Злынка, в портах Сеута и Таижер*.

Выбирая предпочтительную форму сочетания видовых и родовых наименований островов, пустынь, заливов, проливов, озер, следует учитывать их формы рода. Названия женского рода необходимо согласовывать: *на острове Сицилии (но: к острову Шейлон, на полуострове Таймыр), в пустыне Сахаре (но: из пустыни Кара-Кум), у залива Аляски (но: в проливе Босфор, у проливов Скагеррак и Каттегат)*.

Традиционно используются в начальной форме, например, такие наименования: *на озере Байкал, на озерах Эльтон и Бискупчак, на горе Арарат*,

⊖ Нормы употребления русских географических названий на -о в несклоняемой форме зарегистрированы в академической «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970). <...> В целом количественное предпочтение в свободном употреблении остается все же на стороне склоняемых вариантов».

¹ Граудина Л. К. [и др.]. Грамматическая правильность русской речи. 140.

у горы Казбек, близ мыса Челюскин; не согласуются составные наименования: на реке Северский Донец, в бухте Золотой Рог, у острова Новая Земля.

Названия улиц (преимущественно в форме женского рода) следует согласовывать как приложения: на улице Остоженке, с улицы Петровки, с улицей Сретенкой. Без изменения остаются названия улиц, представляющие собой застывшую форму родительного падежа: улица Ломоносова (из: улица имени Ломоносова), а также составные наименования: Коренные москвичи помнят об улице Красные Ворота, как и об улице Охотный Ряд.

Небезынтересен факт употребления географического названия населенного пункта в Тульской области — город Узловая. Очевидно, что номинация город с атрибутом Узловая не согласуются, но это вполне объяснимо исторически: город получил свое название от железнодорожной станции, и согласование в первоначальном виде устанавливалось с опорным компонентом станция. В результате в настоящее время очевиден факт отсутствия согласования приложения с главным словом в составе словосочетания.

Не менее глубокой стилистической оценки требует употребление в речи сочетаний нарицательного существительного и выполняющего функцию приложения имени собственного лица: профессор Карпова, доцент Светлышева. Возникают колебания при выборе формы определения к таким сочетаниям, объединившим разные формы рода: существительное, обозначающее более широкое понятие, — мужского рода, а приложение — женского рода. Ср., например: Уважаемый профессор Карпова! (определение согласуется с родовым наименованием) — Уважаемая профессор Карпова! (определение согласуется с приложением). Первый вариант имеет подчеркнута официальный характер, второй свободен от канцелярского оттенка. Исходя из этого, в деловых бумагах следует предпочесть первый вариант, а в торжественной обстановке (например, во время чествования юбиляра) употребить обращение, согласовав в женском роде — не со словом профессор, а с фамилией.

Варианты согласования определений с сочетанием типа доктор Лебедева зависят от порядка слов. Определение, выраженное прилагательным, согласуется с ближайшим существительным: Доктор Лебедева, всегда внимательная к больным, пользуется большим уважением — ср.: Опытный и знающий врач Лебедева пользуется уважением. Причастие, независимо от места его в предложении, обязательно согласуется с фамилией: Принимающая больных в кабинете № 5 врач Лебедева. Однако стилистически неудачны такие сочетания, в которых определения согласуются по-разному: Известный специалист в области онкологии, сделавшая интересный доклад на конференции врач Лебедева будет выступать перед коллегами. В подобных случаях рекомендуется стилистическая правка: Сделавшая интересный доклад на конференции врач Лебедева, известная как специалист в области онкологии, будет выступать перед коллегами.

Неправильное согласование определений не только свидетельствует о низкой культуре речи пишущего, но и может стать причиной искажения смысла высказывания. Например: Сад — это тонны плодов, ягод, овощей, гектары некогда заброшенной земли, возрожденных к жизни (следовало: гектары... возрожденные к жизни).

Рассмотрим примеры стилистической правки предложений с ошибками на согласование определений:

1. Великолепный пейзаж В. Д. Шмарнинова, написанного в той же манере, привлекает внимание посетителей.	1. Великолепный пейзаж В. Д. Шмарнинова, написанный в той же манере, привлекает внимание посетителей выставки.
2. Мой взгляд задержался на заявлении отца, подшитого к делу.	2. Мой взгляд задержался на заявлении отца, подшитом к делу.
3. Это был конкурс-игра, являвшаяся испытанием одной из способностей соревнующихся.	3. Это был конкурс-игра, являвшийся испытанием одной из способностей соревнующихся.

Особые трудности вызывает согласование приложений. Часто встречаются ошибки на согласование, например, **географических названий**: *Герой повести едет на поиски счастья и в городе Штутгарт открывает ресторан* (название города следовало согласовать с родовым наименованием: *в городе Штутгарт*).

Трудные «загадки» задает журналистам география спортивных соревнований. Так, показательно, что во время зимней Олимпиады 1984 г. в одних газетах публиковались материалы из *города Сараева*, а в других установилась традиция употреблять название этого города в начальной форме, без изменения (*на льду Сараево*; *Мы готовились к Олимпиаде в Сараево*; *за пределами Сараево* и т.д.). Здесь действительно возможны варианты. Однако название гор — *Требевиц*, *Игман*, катка — *Зетра* следовало изменять по падежам, если они употреблялись без родового наименования: *Репортаж с Требевица* (как *с Арарата*), но: *с горы Требевиц*; *Борьба на лыжных трассах Игмана*; *Под крышей «Зетры»* и т.п.

Очевидно, что в последнее время наиболее продуктивной является тенденция не склонять географические наименования на -о. Так, название *Акапулько*, портового города и туристического центра на тихоокеанском побережье Мексики, в одноименной известной песне Лаймы Вайкуле употребляется в форме именительного падежа. В стихотворении «Я уеду в Акапулько» косвенный падеж этого географического наименования иноязычного происхождения на -о сохраняет несклоняемую форму:

Надоели холода.
Я уеду в Акапулько,
Я уеду навсегда.
(Эли Селини)

Такая же форма употреблена в рекламе аквапарка:

Обуздать водную стихию, скатиться на высокой скорости по извилистому лабиринту можно в акваклубе «**Акапулько**». Водное приключение в акваклубе подарит массу сильных эмоций, всплеск адреналина. Современная система очистки, высокий уровень стандартов безопасности позволят без рисков и страха получать удовольствие от пребывания в «**Акапулько**».

В отзывах об аквапарке наименование хоть и употреблено в некоторых случаях без кавычек, тем не менее в зафиксированных падежных формах

всегда на -о: *Ходили в Акапулько всей семьей. Все довольны; Я постоянный клиент [аквапарка] Акапулько* и т.п.

При характеристике менее распространенных и соответственно менее известных названий объектов употребление склоняемой формы географического наименования на -о воспринимается как грамматическая ошибка: *в Климове* (вместо *в Климово*), *в Спасском-Лутовинове* (вместо *в Спасском-Лутовиново*), *в Щёкине* (вместо *в Щёкино*).

Давая стилистическую оценку приведенным вариантам согласования определений, важно учитывать, что вариативность выбора грамматических форм для определений в сложных количественно-именных сочетаниях, как правило, зависит от рода зависимого существительного; в некоторых случаях допустимы равноправные вариантные формы: *две крутых слезы — две маленькие слезинки*. При однородных определениях форма опорного существительного зависит как от рода атрибутивных форм, так и от условий контекста. Немаловажны в этой связи грамматические характеристики союзов и порядок слов.

Что касается приложений, то для названий городов, населенных пунктов, рек, селений, находящихся на территории России, наиболее продуктивно склонение во всех падежных формах (кроме наименований на -о). Зарубежные географические названия, особенно экзотические, часто употребляются без изменения, что не нарушает языковой нормы, ведь несклоняемость редких наименований оправдана стремлением избежать их искажения. В отношении слов на -о (и славянского, и неславянского происхождения) базовой тенденцией последнего времени является их общая несклоняемость.

3.15. Стилистическая вариантность управляемых форм

Русский синтаксис отличается богатством и разнообразием вариантов управляемых конструкций: *проехали лес — проехали через лес — проехали лесом — проехали по лесу* и т.д.; *работаю вечерами — работаю по вечерам; отдыхал неделю — отдыхал в течение недели; пятью минутами раньше — на пять минут раньше — за пять минут до — за пять минут перед* и т.п. Не все такие конструкции пугаются в стилистическом комментарии, поскольку многие из них отличаются лишь оттенками в значении, которые мы достаточно определению разграничиваем. В случае колебаний можно воспользоваться словарями-справочниками, в которых даются нормативные формы и примеры употребления таких конструкций в речи.

Стилистический интерес вызывают те варианты управления, которые получают функционально-стилевое закрепление, например: *замечания студенту — замечания в адрес студента* (книжн.); *говорить о друзьях — говорить про друзей* (разг.); *отсутствовать из-за болезни — отсутствовать вследствие болезни* (офиц.-дел.). Кроме того, в стилистическом комментарии нуждаются архаизирующиеся варианты управления: *отмстить поруганную дочь* (А. Пушкин); варианты, которые придают высказыванию экспрессивную окраску (ср.: *Из окна не видны горы и море — Из окна*

не видно ни гор, ни моря — вторая конструкция экспрессивна). Практическая стилистика предостерегает и от распространенных ошибок в выборе предложно-падежных управляемых форм.

В русском языке ряд конструкций выражает совершенно однородные отношения, отличаясь лишь предложно-падежными формами зависимого слова, например: *учиться в институте* — *учиться на курсах*; *был на пятом курсе* — *был во втором классе*; *работать на почте* — *работать в мастерской*; *живет в деревне* — *живет на хуторе* и т.д. Несмотря на семантическую и стилистическую немотивированность, подобные конструкции характеризуются большой устойчивостью в русском синтаксисе. Для носителей языка выбор нужной формы управления в таких случаях не представляет сложности, но те, кто изучает русский язык как неродной, ошибаются в выборе предлогов и падежных форм.

Следует иметь в виду, что отдельные конструкции несут особую стилистическую окраску; например, в речи актеров, дикторов используются выражения: *работать на театре, на радио*; моряки говорят: *служить на флоте*. Просторечную окраску сохраняют сочетания *первый на деревне, известный на всю округу, говорить за жизнь* (ср.: *Я вам не скажу за всю Одессу*).

Некоторые варианты управляемых форм ныне вышли из употребления и встречаются лишь у писателей прошлого, например у А. С. Пушкина: *Их горделивые дружины / Бежали северных мечей*; В. Г. Белинского: *Нашей литературе суждено представлять из себя зрелище отрывочных и самых противоречивых явлений*; А. И. Гончарова: *...Шел во всю дорогу* и др. В подобных случаях следует признать наличие устаревших вариантов управления наряду с современными (мы говорим: *бежать от кого-либо; представлять собой; петь всю дорогу*).

Появление вариантов управления может быть обусловлено отрывом отдельных падежных форм от своей парадигмы в результате адвербиализации и закрепления в определенных сочетаниях как примыкающих слов (или вставших на путь перехода от управляемых к примыкающим). В таких словосочетаниях имена выступают с ослабленным падежным значением: *отсутствовать годами* (ср.: *отсутствовать в течение ряда лет*), *стричься ёжиком* (*стричься под ёжик*), *галстук бабочкой* (*галстук в виде бабочки*) и т.д. При сравнении с более свободными словосочетаниями, в которых связь управления проявляется достаточно четко, становится очевидным полунаречный характер словоформ, получающих большую устойчивость: *быть на хорошем счету* — *сумма на счете; услуги на дому* — *укрепили на доме*. Как свидетельствуют синтаксисты, «словоформы, стремящиеся к изоляции от живой системы падежей, преобразовываясь семантически, постепенно меняют и характер своей грамматической зависимости от других слов, так управление заменяется примыканием»¹.

Практическая стилистика обращает внимание на управление при синонимических словах, которые требуют употребления разных падежей:

¹ *Валина И. С.* Синтаксис современного русского языка. С. 60.

презирать опасность
бить недовольным отливом
делать выговор сотруднику
извещать автора

преисбрегать опасностью
разочароваться в отливе
упрекать сотрудника
сообщить автору и т.д.

При использовании их в речи иногда возникают ассоциативные ошибки — близкие словосочетания подвергаются контаминации: *Автор описывает о событиях* (вместо: *рассказывает, повествует о событиях*; или: *описывает события*); *Он этим успокоился* (*этим не удовлетворился; на этом успокоился*); *Уверенность в свои силы* (*уверенность в своих силах; вера в свои силы*). В таких случаях необходима стилистическая правка, которая состоит в синонимической замене управляющего слова или употреблении иной предложно-надежной формы. При конкуренции совпадающих в значениях вариантов беспредложного и предложного управления можно рекомендовать предпочтение более определенным конструкциям с предлогами, так как в них грамматическое значение выражается более четко: *письмо матери* — *письмо к матери, письмо от матери*.

Добиваясь ясности речи, стараясь предупредить возможность искажения смысла высказывания, необходимо с особой осторожностью относиться к вариантам управления, порождающим двусмысленность. Так, может возникнуть неясность при омонимическом выражении субъекта и объекта действия (субъекта и атрибута действия) в той или иной надежной форме: *портрет Репина* (портрет, написанный Репиным, или портрет самого художника?); *Директору надо посоветовать* (директор сам будет кому-то советовать или должен выслушать совет другого лица?); *Вам очень трудно отказать* (человеку невозможно отказать в выполнении его просьбы или он сам не может никому отказать?) и т.д. Подобные ошибки требуют исправления:

1. Учителю надо еще многое объяснить.	1. Учитель должен еще многое объяснить.
2. Объяснение ответа брата представляется неубедительным.	2. Объяснение ответа, предложенное братом, неубедительно.
3. Приказали нам помочь в работе.	3. Приказали, чтобы мы помогли...

Впрочем, в речи функционируют такие двузначные конструкции, смысл которых проясняет контекст: *обман жрецов, экономическая помощь Армении, критика Белинского*, наконец, в песне: *Пуля стрелка миновала...* Неуместный каламбур может возникнуть при употреблении производных предлогов, проявивших в тексте свое первичное значение:

Пожар произошел **благодаря** сторожу; Эта отрасль производства отставала **в силу слабого** руководства; **Вопреки** желанию, доктор порекомендовал мне вылететь завтра.

Стилистическая оценка используемой в тексте лексики должна быть критерием и для отбора предлогов. Нельзя не учитывать книжной окраски

некоторых предложных конструкций, игнорировать канцелярский оттенок, приписываемый в речь отыменными предлогами. Так, под влиянием официально-делового стиля в современном русском языке проявляют большую экспансию предлоги *о, по*, употребление которых не оправдано, например, в словосочетаниях: *указать о необходимости; отметить о важности; останавливаться об этом; обсуждать о чем-либо; выразить согласие о том, что; иметь в виду об этом; излагать об этом* и пр. Правильными будут беспредложные конструкции: *отметить важность, обсуждать что-то, иметь в виду это*; конструкции с иными предлогами: *указать на необходимость, выразить согласие с чем-то* и т.п. Из парных словосочетаний: *отклик по этому произведению — отклик на это произведение, рецензия по этой статье — рецензия на эту статью, показатели по этим предприятиям — показатели этих предприятий* и т.п. первые имеют канцелярскую окраску.

Канцелярский стиль высказыванию придает и использование ряда отыменных предлогов (*в части, по линии, в деле, в целях* и др.). Их употребление осложняется обращением к отглагольным существительным и нанизыванием форм родительного падежа: *В целях решения задачи ускорения подъема сельского хозяйства необходимо...* «Цепочки» форм родительного падежа возникают и при беспредложном управлении. Экспериментальный пример подобной конструкции привел некогда А. М. Пенковский: *дом племянника жены кучера брата доктора*. Несомненно, такое управление не может быть одобрено практической стилистикой. Писатели используют подобные конструкции, имитируя книжный, канцелярский стиль:

Берг, зять Ростовых, был уже полковник с Владимиром и Анной на шее и занимал все то же покойное и приятное место **помощника начальника штаба помощника первого отделения начальника штаба второго корпуса** (Л. Толстой).

За пределами художественной речи эти варианты управления требуют правки, если только они не носят характера терминологических сочетаний.

В особых случаях варианты управления отличаются экспрессивной окраской. Сравним конструкции с разными формами дополнения при глаголах с отрицанием:

Он не говорит **правду** — Он никогда не скажет **правды** — Он никому не скажет **правды** — Он ни за что не скажет **правды** — Он не хочет сказать **правду** — Он **чего-то недоговаривает** — Он **не может не сказать правды** — **Правду** он все равно не скажет.

Варианты управления с формой родительного падежа при глаголе с отрицанием усиливают, подчеркивают отрицание; конструкции с дополнением в винительном падеже, напротив, приглушают значение отрицания. Винительный падеж ослабляет значение отрицания, поскольку сохраняет ту форму дополнения при переходном глаголе, которая имеется без отрицания; поэтому не случайно формы родительного падежа закрепились в конструкциях, в которых есть и другие языковые средства, подчеркивающие отрицание (отрицательные наречия, отрицательные местоимения,

усилительные частицы). В случаях, когда характер сказуемого снижает резкость отрицания (ср.: *не хочет сказать — недоговаривает — не может не сказать* — последняя конструкция равносильна утверждению), стилистически мотивировано употребление дополнения в винительном падеже.

Анализируя предложные и беспредложные конструкции, при стилистической правке нередко можно отметить нарушение норм управления. См., например: *Львов прошел в аэропорт и убедился о том, что рейс не отменяется* (следует: *убедился в том, что...*); *Люди разъехались из этого одного из самых глухих углов области, и работать стало некому* (следует: *уехали из этого...*); возможна и более радикальная правка: *Люди разъехались, и в этом одном из самых глухих углов области работать стало некому*. Как видим, для исправления таких ошибок иногда приходится переделать все предложение.

В текстах, не принадлежащих к официально-деловому стилю, при редактировании стремятся исключить «канцелярские» предлоги, отяжеляющие слог: *В рукопись внесены исправления в целях устранения повторений и улучшения стиля (...чтобы устранить повторения и улучшить ее стиль); Необходимо углубить знания студентов за счет привлечения изучения дополнительного материала (...углубить знания студентов, привлекая дополнительный материал).*

Рассмотрим примеры стилистической правки, продиктованной стремлением устранить канцелярскую окраску речи, возникшую в результате предложного управления:

1. В целях решения задачи ускорения обучения детей английскому языку необходимо применять новую методику.	1. Чтобы быстро научить детей английскому языку, необходимо применять новую методику.
2. В деле повышения урожайности зерновых культур решающее значение имеет применение сортовых семян.	2. Для повышения урожайности зерновых культур решающее значение имеет применение сортовых семян.
3. Создалась реальная угроза срыва ввода дома в намеченный срок.	3. Строительство дома к намеченному сроку может быть не закончено.

Примеры в левой колонке выделяются своей канцелярской окраской, причем она возникает и в случаях использования отыменных предлогов в сочетании с отглагольными существительными (примеры 1 и 2), и в беспредложных конструкциях, состоящих из отглагольных существительных (пример 3). Стилистическая правка основывается не только на употреблении вариантов управления (к ним прибегают лишь в отдельных случаях: *в деле повышения — для повышения; в намеченный срок — к намеченному сроку*); чаще приходится решительно перестраивать предложение (пример 3).

Значительные трудности возникают и при неумелом использовании конструкций с предлогами *кроме, помимо, вместо, наряду с...*, которые всегда должны зависеть от сказуемого. Разрыв этой грамматической связи приводит к тому, что оборот, введенный названными предлогами, лишается возможности быть управляемым опорным словом и словно повисает в воздухе:

Вместо диспансеризации на следующей неделе студентами старших курсов будет проводиться социологический опрос; Мы, **помимо кур**, намерены заняться и выращиванием индюшат.

Обороты с перечисленными выше предложениями нельзя употреблять самостоятельно, они зависят от глаголов-сказуемых. В случаях нарушения этой нормы нередко возникает грамматико-стилистическая ошибка. В первой из приведенных конструкций очевидно, что субъектом «определенного» действия *диспансеризация* могут выступать медицинские работники, а субъектом действия *проводить социологический опрос* являются *студенты*. Выбор глагольной формы должен быть определен субъектно-объектной соотносительностью с одним действием, названным глаголом-сказуемым. Во втором предложении имеет место каламбур: получается, что *выращивать индюшат* намерены и автор высказывания, и куры...

Правка подобных ошибок обычно требует значительной переработки предложений:

Вместо диспансеризации на следующей неделе состоится социологический опрос, который проведут студенты старших курсов; Мы намерены выращивать не только кур, но еще и индюшат.

Приведем примеры стилистической правки ошибок на управление, вызванных неправильным употреблением оборотов с предлогами *помимо*, *кроме*:

1. Помимо рассказа о ходе конкурса, который поведет кандидат искусствоведения Л. Н. Дыко, вы познакомитесь с творчеством членов фотоклуба.	1. О ходе конкурса расскажет кандидат искусствоведения Л. Н. Дыко, кроме того, вы познакомитесь с творчеством членов фотоклуба.
2. Кроме политики ассимиляции, есть сторонники так называемой интеграции.	2. Кроме сторонников политики ассимиляции, есть и сторонники так называемой интеграции.
3. Дети из бедных семей вынуждены работать. Не удивительно, что их успехи в учебе бывают весьма слабыми, ведь помимо недоедания им еще приходится нести такую большую физическую нагрузку.	3. Дети из бедных семей вынуждены работать. Неудивительно, что их успехи в учебе невелики, ведь эти дети несут непосильную физическую нагрузку.

При редактировании приходится значительно перерабатывать предложения, как правило, отказываясь от предлогов, ставших причиной ошибок на управление.

Трудности русского предложного управления связаны и с предлогами *согласно*, *вопреки*, *благодаря* — после них требуется употребление дательного падежа, но нередко по ошибке ставится родительный падеж:

Команды судов заняли места **согласно боевого расписания**; Такие успехи стали возможны **благодаря четкой работы** всех звеньев станции; Каждый вид работы закройщика признается правильным лишь тогда, когда он сделан **согласно с расчетами**; **Согласно оценки...**; **Согласно статьи...** и т.д.

Ошибки на управление не только нарушают литературно-языковую норму, но и придают речи нежелательную стилистическую окраску. Так, неправильное управление создает канцелярское звучание предложений:

Выгрузка кормов ведется **согласно рациону** (лучше: *по рациону*); При строительстве шоссейных дорог, **согласно технических норм**, государство изымает из пользования хозяйства определенное количество земли (лучше: *в соответствии с техническими нормами*).

3.16. Стилистические особенности функционирования однородных членов предложения

При стилистическом изучении однородных членов предложения вызывают интерес их функционирование в речи, большие экспрессивные возможности, а также те трудности, которые возникают при использовании однородных членов.

В книжных стилях часто употребляются однородные члены предложения как важнейшее средство подробного описания предметов, их свойств, различных явлений, процессов и т.п. Так, особая полнота и точность перечисления однородных понятий — обязательное требование к языку законов, постановлений в официально-деловом стиле. В качестве иллюстрации приведем положения статей Конституции РФ:

Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28).

1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова. 2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. 3. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. 4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом (ст. 29).

То же отличает и научный стиль, где при построении различных классификаций авторы стремятся к исчерпывающему перечислению признаков, действий, свойственных описываемому предмету или явлению: *В противоположных предложениях существуют три основные ступени интонации: восходящая, нисходящая и восходяще-нисходящая.*

Блоки однородных членов в книжных стилях строятся, как правило, из словоформ, обозначающих однотипные понятия; перечисление нередко выглядит как длинная цепочка однородных членов, причем в их сочиненном ряду обычно преобладает бессоюзная связь. Если и последнее слово при перечислении дается без союза, то ряд однородных членов воспринимается как *незаконченный*, открытый для возможного дополнения (на что иногда указывают слова (чаще в сокращенном виде) *и так далее, и тому подобное, и прочее*):

Инфекции могут подразделяться на антропонозы (полиомиелит, менингококковая инфекция, вирусный гепатит и др.) и зоонозы (бешенство, бруцеллез, лептоспироз, туляремия и пр.). В процесс защиты от инфекции включаются факторы естественного иммунитета: фагоциты, предшествующие (естественные) антитела, лизоцим, интерферон и т.д.

Часто используются и закрытые ряды однородных членов с замыкающим союзом *и* перед последним словом перечисления; союз *и* вносит значение исчерпанности, полноты охвата всех случаев: *Музыкальные звуки различаются по силе, высоте и тембру*. При использовании однородных членов особая четкость достигается нумерацией, что помогает выделить и подчеркнуть каждый из перечисляемых предметов:

Классификация Л. В. Громашевского предусматривает деление инфекций на пять групп: 1) кишечные; 2) дыхательных путей; 3) «кровяные»; 4) наружных покровов; 5) с различными механизмами передачи.

Логическое членение текста, включающего пространный перечень однородных членов, облегчает рубрикация, широко используемая в научном и официально-деловом стилях:

Частица *не* с наречиями пишется слитно в следующих случаях:

- а) с наречиями, которые без *не* не употребляются: *нелепо, негодующе*;
- б) с наречиями на -о, которые в сочетании с *не* образуют слова с противоположным значением (эти слова обычно легко заменяются синонимами: *невысоко (низко), несильно (слабо)*);
- в) в отрицательных наречиях *некуда, негде, неоткуда, незачем*;
- г) в отыменных наречиях *невдалеке, неподалеку*.

В публицистической речи однородные члены не менее популярны, чем в научной и официально-деловой; при этом к смысловой функции здесь добавляется и эстетическая. Журналисты используют перечисление и в качестве испытанного средства стройного, логического изложения материала, и как яркий источник речевой экспрессии. Последнее сближает публицистическую речь с художественной. См., например, как эмоционально звучит перечисление однородных членов в публицистическом тексте:

Совершенно очевидно, что расширение сети детских садов, увеличение мест в них требуют расширения приема в педагогические колледжи, повышения качества подготовки специалистов. И в нашей стране, и за рубежом разработаны, апробированы инновационные технологии дошкольного образования, воспитания, которыми современные педагоги обязаны владеть¹.

В публицистической речи также можно наблюдать и отказ от использования однородных членов предложения в пользу синтаксических конструкций, оформленных как отдельные предложения: *Об отдыхе не думали. Работали без выходных. Работали по 12 часов. Работали в две смены. Тру-*

¹ Матвиенко В. И. Отпустите маму на работу // Российская газета. 2013. 11 июня.

дидись днем и ночью... Такое синтаксическое построение речи усиливает ее эмоциональность; ср.: *Работали без выходных, по 12 часов, в две смены* — в трансформированном тексте напряжение речи снижается.

В художественной речи использование однородных членов предложения является излюбленным средством усиления выразительности. Не случайно в блоки однородных членов включаются синонимы и слова близкой семантики, выполняющие усилительную функцию:

За всё я отвечаю в этом мире —	Ближние и дальние планеты
За вздохи, слезы, горе и потери,	подставляют солнышку бока.
За веру, суеверье и безверье.	Согревает их теплом и светом
(Л. Мартынов);	Разума вселенская рука.
	(Л. Анищенко)

Однако наибольшего стилистического эффекта достигает перечисление, усиленное градацией:

Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь
И наконец окаменеть...
(А. Пушкин)

Экспрессно подчеркивает и антитеза, сопоставление антонимов: *Поэзия говорит о бытии и небытии, верности и ревности, юности и старости, нежности и гнев, песчинке и планете, меде и яде* (газ.). Столкновение антонимов, образуя дополнительные смысловые оттенки, разрушает привычную схожесть однородных членов предложения.

Яркий стилистический эффект создается соединением в качестве однородных членов паронимов: *народные избранники, предающие и продающие народные интересы*; паронимазов:

Темной славы головня,
Не пустой и не постылый,
Но усталый и остылый,
Я сию. Согрей меня.
(В. Хлебников)

В художественной речи обращение к однородным членам может быть связано с реализацией самых ярких описаний (когда дается ряд красочных эпитетов или других тропов); созданием динамических картин (если употребляются однородные глаголы-сказуемые); с наглядно-образной конкретизацией при изображении природы, быта и т.д.

Из этого, однако, не следует, что однородные члены предложения во всех случаях являются оптимальным средством художественной речи. Художники слова используют выразительные возможности однородных членов лишь в определенных условиях. Например, в рассказе «После бала» Л. Н. Толстой привлекает однородные члены для описания бала, когда повествование ведется спокойным, лирическим тоном, речь героя расцвечена эпитетами, передающими величоление изображаемой картины, яркость его впечатлений:

...Был я на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его в бархатном пюсовом платье, в брильянтовой фероньерке на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны. Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами, музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского.

Множество эмоциональных эпитетов, однородные определения называются одно на другое или объединяются парами, воссоздавая зримые картины роскоши, веселья. Резко контрастирует с этим описанием сцена жесткого наказания солдата, поражающая аскетической строгостью красок. Определения в ней редки и предметны, однородные члены вовсе не представлены; повествование приближено к хроникальному описанию событий.

Обращение к однородным членам может осложнять, утяжелять синтаксическую конструкцию: слишком длинный перечень делает предложение промозглым. Вместе с тем различные синтаксические структуры помогают избежать однообразия при перечислении понятий, явлений. Для этого используются прежде всего различные союзы, оживляющие изложение, уточняющие характер связи однородных членов, которые могут объединяться в группы, сопоставляться, противопоставляться, образовывать двучленные сочетания с соединительными или разделительными союзами, отражающими взаимное исключение или чередование названных предметов. Стилистическое использование различных видов связи однородных членов возможно не только в художественной речи. Иллюстрируем этот прием отрывком из научно-популярной статьи:

Известно, что уже мифологическое мышление структурировало внешний мир природы и внутренний мир человека через посредство бинарных оппозиций — день и ночь, солнце и луна, свет и тьма, ближе и дальше, друг и враг. В философии и по сей день противостояния начал (естественных, социальных или личностных), противоположность смыслов представляются парными категориями: материя и сознание, идеальное и материальное, личность и общество, внутреннее и внешнее, интуиция и разум. В математике и физике без парных категорий не обойтись: числа отрицательные и положительные, действительные и мнимые, действие и противодействие, притяжение и отталкивание¹.

Анализируя значения употребленных попарно лексических единиц, можно видеть, как в контексте появляются многочисленные оттенки значений однородных членов предложения, обусловленные сопоставлением, противопоставлением или перечислением.

Употребление однородных членов влияет и на интонационный рисунок фразы. В художественной речи перечисление порождает особую гармоничность звучания текста, создает его упорядоченность. Писатели, придающие эстетическое значение звуковому оформлению речи, стремятся к трехчленным построениям сочиненных рядов:

¹ Герасимова И. А. Принцип двойственности в когнитивных практиках // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 90.

Странный, резкий, болезненный крик раздался вдруг два раза сряду над рекой (И. Тургенев); Наступила дождливая, грязная, темная осень (А. Чехов); Осенью ковыльные степи совершенно изменяются и получают свой особенный, самобытный, ни с чем не сходный вид (С. Аксаков).

В иных случаях вместо перечисления однородных членов писатели дают каждое из однородных понятий оторванным от предыдущих — этот прием воспроизводит интонации живой речи, создавая эффект непринужденности:

Как обходительна! добра! мила! проста!; Об детях забывал! обманывал жену! / Играл! проигрывал! в опеку взят указом! (А. Грибоедов).

При перечислении однородных понятий в современной литературе и публицистике используется и **парцелляция**, способ речевого представления предложения как единой синтаксической структуры несколькими коммуникативно самостоятельными единицами — фразами: *Он... пошел. В магазин. Сигарет курить* (В. Шукшин). См., например:

Однажды молодого человека осенило. Он забрался в товарный вагон проходившего поезда, улегся на охапку свежей травы и уехал — дальше деревни и дальше мельницы. **И фабрики**. Как сложилась потом его судьба — мы не знаем. В рассказе об этом не написано. Может быть, он стал миллионером. **Или художником. Или просто веселым нищим**. Главное — он решился круто поменять жизнь. **Которую влачил по привычке** — потому что так сложилось...

Выделенные синтаксически самостоятельные отрезки текста могли бы образовать открытый ряд однородных членов предложения. Но, будучи отделены от господствующей части высказывания, они усиливают смысловую весомость текста, придают речи особую эмоциональность. В этом легко убедиться: достаточно выровнять интонацию, устранить разделительную паузу (на письме заменить точку запятой).

Несколько слов следует сказать о необычном использовании однородных членов предложения поэтами. Они нередко нарушают требование логической сопоставимости перечисляемых предметов, понятий:

А есть еще ливни, горы, моря,
Птицы, хлеба, корабли, кометы...
О, рассудительная моя,
Книжная юность, — скажи мне, где ты?
(И. Фоняков)

Такое панизывание разнотипных понятий создаст впечатление неожиданности, непредсказуемости поэтической фантазии, широты диапазона творческого размаха автора. Неоднородность перечисления способна стать средством воссоздания разрозненных, случайных картин, отразить калейдоскопичность мелькания предметов перед глазами путешественника:

Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,

Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

(А. Пушкин)

В юмористических текстах применяются особые стилистические приемы создания комизма, основанные на польском обращении с однородными членами предложения, разрушающие логичность их перечисления. Так, нередко соединяют в ряду однородных членов несопоставимые понятия, что делает высказывание нелогичным и смешным:

Лев Саввич Турманов, дюжинный обыватель, имеющий капиталец, молодую жену и солидную плешь, как-то играл на именинах у приятеля в винт (А. Чехов); Наряду с множеством недостатков у Варвары были два существенных достижения: большая белая грудь и служба (И. Ильф и Е. Петров).

Юмористы могут соединять на правах однородных членов видовые и родовые понятия, нарушая закон логического построения перечисления:

Это я-то, которого любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина — зубной техник (И. Ильф и Е. Петров).

Иногда несоединимость перечисляемых понятий подчеркивается различием их синтаксических функций (и тогда уже нет оснований считать их однородными членами), но автор в шутку объединяет их:

Требование было до того настойчивое, что она принуждена была встать с своего ложа, **в негодовании и в папильотках**, и, усевшись на кушетке, хотя и с саркастическим презрением, а все-таки выслушать (Ф. Достоевский).

Здесь, несмотря на одинаковое грамматическое оформление, первое из выделенных существительных выполняет функцию обстоятельства, а второе является дополнением.

Другим приемом создания юмористической окраски речи выступает нарушение лексической сочетаемости при употреблении отдельного компонента из ряда однородных членов:

В продолжение всей двадцатилетней дружбы с Варварой Петровной он раза по три и по четыре в год регулярно впадал в так называемую между ними «гражданскую скорбь», то есть просто в хандру... Впоследствии, **кроме гражданской скорби**, он стал впадать и **в шампанское**; но чуткая Варвара Петровна всю жизнь охраняла его от всех тривиальных наклонностей (Ф. Достоевский).

Возникающая в подобных случаях ироническая окраска речи может оказаться нежелательной. Показательно, что М. Ю. Лермонтов в рукописи

Странный, резкий, болезненный крик раздался вдруг два раза сряду над рекой (И. Тургенев); Наступила дождливая, грязная, темная осень (А. Чехов); Осенью ковыльные степи совершенно изменяются и получают свой особенный, самобытный, ни с чем не сходный вид (С. Аксаков).

В иных случаях вместо перечисления однородных членов писатели дают каждое из однородных понятий оторванным от предыдущих — этот прием воспроизводит интонации живой речи, создавая эффект непринужденности:

Как обходительна! добра! мила! проста!; Об детях забывал! обманывал жену! / Играл! проигрывал! в опеку взят указом! (А. Грибоедов).

При перечислении однородных понятий в современной литературе и публицистике используется и **парцелляция**, способ речевого представления предложения как единой синтаксической структуры несколькими коммуникативно самостоятельными единицами — фразами: *Он... пошел. В магазин. Сигарет курить* (В. Шукшин). См., например:

Однажды молодого человека осенило. Он забрался в товарный вагон проходившего поезда, улегся на охапку свежей травы и уехал — дальше деревни и дальше мельницы. **И фабрики**. Как сложилась потом его судьба — мы не знаем. В рассказе об этом не написано. Может быть, он стал миллионером. **Или художником. Или просто веселым нищим**. Главное — он решил круто поменять жизнь. **Которую влачил по привычке** — потому что так сложилось...

Выделенные синтаксически самостоятельные отрезки текста могли бы образовать открытый ряд однородных членов предложения. Но, будучи отделены от господствующей части высказывания, они усиливают смысловую весомость текста, придают речи особую эмоциональность. В этом легко убедиться: достаточно выровнять интонацию, устранить разделительную паузу (на письме заменить точку запятой).

Несколько слов следует сказать о необычном использовании однородных членов предложения поэтами. Они нередко нарушают требование логической сопоставимости перечисляемых предметов, понятий:

А есть еще ливни, горы, моря,
Птицы, хлеба, корабли, кометы...
О, рассудительная моя,
Книжная юность, — скажи мне, где ты?
(И. Фонаков)

Такое наизывание разнотипных понятий создает впечатление неопределенности, непредсказуемости поэтической фантазии, широты диапазона творческого размаха автора. Неоднородность перечисления способна стать средством воссоздания разрозненных, случайных картин, отразить kaleidosкопичность мелькания предметов перед глазами путешественника:

Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари.

Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

(А. Пушкин)

В юмористических текстах применяются особые стилистические приемы создания комизма, основанные на вольном обращении с однородными членами предложения, разрушающие логичность их перечисления. Так, нередко соединяют в ряду однородных членов несопоставимые понятия, что делает высказывание нелогичным и смешным:

Лев Саввич Турманов, дюжинный обыватель, имеющий капиталаец, молодую жену и солидную плешь, как-то играл на именинах у приятеля в винт (А. Чехов); Наряду с множеством недостатков у Варвары были два существенных достижения: большая белая грудь и служба (И. Ильф и Е. Петров).

Юмористы могут соединять на правах однородных членов видовые и родовые понятия, нарушая закон логического построения перечисления:

Это я-то, которого любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина — зубной техник (И. Ильф и Е. Петров).

Иногда несоединимость перечисляемых понятий подчеркивается различием их синтаксических функций (и тогда уже нет оснований считать их однородными членами), но автор в шутку объединяет их:

Требование было до того настойчивое, что она принуждена была встать с своего ложа, **в негодовании и в папильотках**, и, усевшись на кушетке, хотя и с саркастическим презрением, а все-таки выслушать (Ф. Достоевский).

Здесь, несмотря на одинаковое грамматическое оформление, первое из выделенных существительных выполняет функцию обстоятельства, а второе является дополнением.

Другим приемом создания юмористической окраски речи выступает нарушение лексической сочетаемости при употреблении отдельного компонента из ряда однородных членов:

В продолжение всей двадцатилетней дружбы с Варварой Петровной он раза по три и по четыре в год регулярно впадал в так называемую между ними «гражданскую скорбь», то есть просто в хандру... Впоследствии, **кроме гражданской скорби**, он стал впадать и **в шампанское**; но чуткая Варвара Петровна всю жизнь охраняла его от всех тривиальных наклонностей (Ф. Достоевский).

Возникающая в подобных случаях ироническая окраска речи может оказаться нежелательной. Показательно, что М. Ю. Лермонтов в рукописи

романа «Герой нашего времени» устраняет несочетаемость однородных членов, исправляя черновик:

Вариант

Гостей не было, кроме Веры и скуки.

Окончательный текст

Гостей не было, кроме Веры и одного презабавного старика.

При употреблении однородных членов предложения вне экспрессивной функции следует строго соблюдать требования логичности, предъявляемые ко всякому выделению родовых и видовых понятий. В частности, нельзя употреблять как однородные члены слова, указывающие на несопоставимые понятия: *Комиссия отметила антисанитарное состояние павильона и продавца Пелевиной*. Употребление в качестве однородных членов слов разного семантического плана рождает неуместный комизм: *Поздравляю вас от всей души и лично от себя!* В состав однородных не должны входить видовые и родовые наименования:

Наш сквер — любимое место отдыха жителей деревни, молодежи и детей;
В хозяйстве увеличено поголовье крупного рогатого скота, коров, птицы.

В последнем примере, кроме смешения родовых и видовых понятий, наблюдается и нарушение лексической сочетаемости: *поголовье птицы*.

Несочетаемость отдельных компонентов из ряда однородных членов с тем словом в предложении, с которым связаны все остальные однородные члены, является весьма распространенной ошибкой, для устранения которой можно применить различные виды стилистической правки:

1. Чтение фантастических романов воспитывало в юноше любовь к путешествиям, мечты о покорении космоса.

2. Особенную помощь и личное участие в проведении Спартакиады оказали начальник депо и председатель профкома.

3. Полиция обрушила на молодежь дубинки, гранаты со слезоточивым газом, огнестрельное оружие.

1. Чтение фантастических романов воспитывало в юноше любовь к путешествиям, рождало мечты о покорении космоса.

2. Большую помощь в проведении Спартакиады оказали начальник депо и председатель профкома, которые сами участвовали в соревнованиях.

3. Полиция обрушила на молодежь дубинки, гранаты со слезоточивым газом, применила огнестрельное оружие.

В процессе редактирования приходится вводить в текст новые слова, исправляя лексическую сочетаемость и одновременно устраняя речевую недостаточность (первый и последний примеры); в иных случаях требуется коренная переработка предложения, отказ от употребления однородных членов (как во втором примере).

При употреблении однородных членов встречаются ошибки на управление, если объединенные в сочиненном ряду слова управляются разными формами: *Преподаватели научат ребят **разбираться** и **привьют** им **любовь** к живописи, литературе, музыке* (следовало: *разбираться в живописи, литературе, музыке и привьют любовь к этим видам искусства*). Дру-

гой пример: *Анис культивируют на больших площадях на Украине, Поволжье, на Северном Кавказе и Средней Азии* — следовало употребить предлог *в* с теми географическими наименованиями, которые не управляются предлогом *на*: ...*в Поволжье, в Средней Азии и на Северном Кавказе*.

При соединении однородных членов составными союзами важно соблюдать необходимый порядок слов, так как иначе нарушается логическая сторона речи. Неверно, например, такое словорасположение: *Он научил Виктора не только профессиональным приемам, но и открыл красоту профессии фрезеровщика* (надо: *не только научил, но и открыл*).

Можно избежать многих ошибок при употреблении однородных членов, если строже относиться к выбору надежных форм сопоставляемых в сочиненном ряду слов. Так, нуждается в стилистической правке предложение:

В соответствии с программой учащиеся должны научиться выполнять такие операции, как **выпиливание** лобзиком изделий из фанеры, **разметку**, строгание (**зачистку**) полуфабрикатов из древесины, сверление, **сборку** и **отделку** деталей.

Все однородные существительные должны стоять в форме именительного падежа (*такие операции, как разметка, зачистка, сборка, отделка*). Недопустимо употребление в разных падежных формах обобщающих слов и однородных членов: *Мы работаем сейчас над двумя постановками: «Вишневый сад» Чехова и пьесой Володина «С любимыми не расставайтесь»* (название первого спектакля следовало употребить также в творительном падеже).

Грубой ошибкой является и грамматически разнотипное выражение однородных членов предложения. Например, при рубрикации недопустимы такие формулировки:

Помощник руководителя группы обязан помогать руководителю в обучении и воспитании слушателей:

- точно знать количество слушателей в группе;
- **помощь** руководителю группы в работе со слабоуспевающими слушателями;
- своевременно докладывать руководителю группы о запросах и пожеланиях слушателей (из журнала «Ориентир», № 8 за 1996 г.).

В предпоследней рубрике следовало написать: *организовать помощь... в работе со слабоуспевающими слушателями*.

В книжной речи иногда нарушается норма сочетаемости языковых единиц, когда вместо соединения в группу компонентов одного типа (отдельных элементов в блок однородных членов) используется ненормативное контактное употребление однородного члена и предикативной части, например:

Премьер констатировал уровень инфляции и что ставки банков по ипотечным кредитам будут уменьшены; На совещании обсуждались вопросы улучшения качества продукции и нет ли возможности снизить ее себестоимость.

Таким образом, при оценке употребления однородных членов предложения важно учитывать не только логическую и лексическую сторону

речи (проблемы лексической сочетаемости, речевой недостаточности), но и грамматической строи предложения.

3.17. Стилистический потенциал обращений

На фоне разнообразных синтаксических средств своей экспрессивной окраской и функционально-стилевой закреплённостью выделяются **обращения**.

Наибольший интерес представляет использование обращений литераторами, которые отражают и свойственные разговорной речи интонации нежности, участия: *Я помню, любимая, помню* (С. Есенин); *Ты жива еще, моя старушка?* (С. Есенин); и фамильярность или даже грубость: *Вот и мы! Здорово, старая! / Что насутилась ты, кумушка!* (Н. Некрасов); *Ах ты, рыжая бестолочь, что наделал!* (В. Солоухин); и насмешку, издевку: *Откуда, умная, бредишь ты, голова [к Ослу]?* (И. Крылов). В поэтическом тексте обращение часто обладает яркой изобразительной силой: *Клен ты мой опавший, клен заледенелый* (С. Есенин); *Прощай, свободная стихия!* (А. Пушкин); эмоциональное звучание обращений нередко достигает здесь высокой патетики, убийственного сарказма:

Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы!

(А. Пушкин);

Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

(М. Лермонтов)

Для создания эмоциональности речи писатели могут использовать как обращения слова с яркой экспрессивной окраской: *самовластный злодей*; *надменные потомки*; образные перифразы: *О Волга!.. колыбель моя!* / *Любил ли кто тебя, как я?* (Н. Некрасов). При обращениях нередко стоят эпитеты, да и сами обращения часто являются тропами — метафорами, метонимиями: *Иди сюда, борода!*; *Ты мне брось, каланча пожарная, пугать людей* (М. Бубеннов). Экспрессия обращений подчеркивается частицами: *Эй, ямики!*; *А ну-ка, дружок*; тавтологическими сочетаниями, плеоназмами: *Ветер, ветер, ты могуч* (А. Пушкин); *О ветер, ветрило!*; *Море-Окиян*; наконец, особой интонацией, что увеличивает выразительную силу этого синтаксического приема в художественной речи.

В устной речи обращение произносится с так называемой *звательной* интонацией, т.е. более высоким тоном, с усиленным ударением и более протяжно, если оно стоит вне предложения или в начале предложения:

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей...

(А. Фет)

В середине предложения обращение произносится с интонацией *вводности*, т.е. более быстро и низким тоном, при этом на обращении делается несильное ударение: *Посмотри, сова, сама какова!* (посл.). Или:

Лишь ты один над мертвыми степями
Таишь, мой тополь, смертный свой недуг...

(А. Фет);

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.

(С. Есенин)

В конце предложения обращение произносится с *ослабленной звательной* интонацией, т.е. слабо выделяется голосом и паузой:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

(Н. Некрасов)

В вопросительных и восклицательных предложениях конечное обращение может иметь усиленное ударение: *Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!* (А. Пушкин).

Помимо основной функции — привлечь внимание собеседника, обращение может иметь еще и оценочную функцию, когда называемое лицо (или предмет) характеризуется с той или иной стороны. Такие обращения, как правило, выражаются экспрессивными словами: *Ах ты, мерзкое стекло!* (А. Пушкин); *Молчи, червяк!* (А. Куприн). Или:

Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Моё
С песком и с илом?

(И. Крылов)

Для усиления эмоциональной выразительности, для придания речи экспрессии обращение может повторяться, иметь при себе частицу, междометие; между обращением и согласованным определением может вставляться местоимение *ты, вы*:

Ой! ночь, ночь пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!

(Н. Некрасов);

— Черёмуха, черёмуха,
Ты что стоишь бела?..
— А ты, трава-муравушка,
Что стелешься мягка?

(Е. Благинина)

Употребление нескольких разнообразных распространенных обращений к одному лицу или предмету может не только придать речи экспрессию, но и стать сильным выразительным средством языка. Кроме того, само содержание предложения получает расширенную характеристику:

Мой верный друг! Мой враг коварный!
Мой царь! Мой раб! Родной язык!
Мои стихи — как дым алтарный!
Как вызов яростный — мой крик!

(В. Брюсов)

Обращение, как правило, выражается существительными в форме именительного падежа или субстантивированными именами прилагательными, причастиями, реже местоимениями, числительными и сочетаниями слов:

Но знайте,
Спящие глубоко:
Она загорелась,
Звезда Востока!

(С. Есенин)

Очень редко в роли обращений выступают слова не в форме именительного падежа: *Эй, в красном берете, подскажите, как добраться до аэропорта*. Подобные обращения имеют характер просторечия, фамильярности и возникают в результате пропуска существительного или местоимения второго лица в составе распространенного обращения (ср.: *Эй, девушка в красном берете...*). Иногда в качестве обращений употребляются существительные типа *брат, бабушка, матушка, совет* и др., которые частично утратили основное лексическое значение: Ну, братец, виноват; / Слона-то я и не приметил (И. Крылов).

В разговорной речи распространены особые формы имен существительных для выражения обращений — усеченные типа *мам, пап, Лен*; кроме того, для разговорной речи характерен прием повторения обращений с частицей *а*: *Бабка? А бабка? Ты живая?* (К. Паустовский).

В фольклоре встречаются особые типы обращений, которые представляют собой тавтологические повторы: *путь-дороженька, друзья-товарищи, грусть-тоска* и т.п. Для художественных произведений, особенно поэтических и ораторских, характерны распространенные обращения. Обычно это имена существительные, снабженные согласованными и несогласованными определениями, приложениями и даже придаточными определительными:

Звездочки ясные, звезды высокие!
Что вы храните в себе, что скрываете?
Звезды, таящие мысли глубокие,
Силой какую вы душу пленяете?

(С. Есенин)

Личные местоимения *ты* и *вы*, как правило, не выступают в роли обращений, а выполняют функцию подлежащего, однако они могут принимать и функцию обращения:

1) в конструкциях с обособленным определением или определительной придаточной частью:

Вы, третья с краю,
с копной на лбу,
я вас не знаю.
Я вас люблю!

(А. Вознесенский);

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

(М. Цветаева);

2) при самостоятельном употреблении, обычно с междометиями *эй, ну, эх* и пр.: *Эх, вы, таланты, поэты, где же чувства, страсти, надрыв?* (разг.);

3) в составе других обращений: *Милый друг ты мой, не стыдись...* (А. Фадеев).

Распространенные обращения могут быть довольно пространными, в таком случае их характеристическое качество становится содержанием предложения:

Ты, серый от пепла сожженных селений,
Над жизнью навесивший тень своих крыл.
Ты думал, что мы поползем на коленях?
Не ужас, — ярость ты в нас пробудил.

(К. Симонов)

Обращения могут выстраиваться в однородный ряд:

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

(М. Исаковский)

Однородные обращения могут формально совпадать с сочетанием обращения и приложения при нем: *Тебе, Кавказ, суровый царь земли, / Я снова посвящаю стих небрежный* (М. Лермонтов). В отдельных случаях необходимо разграничивать обращение и приложение: *Вишь куда метит, подлец. — подумал Чичиков* (Н. Гоголь). Отрицательно-оценочная номинация *подлец* в приведенном контексте является приложением по отношению к подлежащему *он, находящемуся в незамещенной синтаксической позиции.

Иногда обращения нужны и в текстах, лишенных образности и не допускающих использования экспрессивных элементов: в деловой переписке, официальных документах, адресуемых определенным лицам. Однако здесь функция обращений иная: они играют информативную роль (указывают, кому адресован документ), а также организуют текст, выступая своего рода зачином. Так, в официально-деловой речи выработаны устойчивые сочетания, которые выполняют функцию обращениями в определенных ситуациях: *уважаемый (господин, гражданин), дамы и господа, коллеги* и др. Некоторые из употреблявшихся ранее обращений устарели, например *достопочтенный*. Выбор формы обращения в официальной обстановке имеет большое значение, поскольку речевой этикет является составной частью культуры поведения, а в особых ситуациях обретает и общественно-политическую окраску.

3.18. Стилистические функции вводных и вставных конструкций

Употребление в речи **вводных слов и словосочетаний** требует стилистического комментария. Выражая те или иные оценочные значения, вводные слова и словосочетания придают экспрессивную окраску высказыванию и нередко закрепляются за определенным функциональным стилем, а стилистически не обоснованное их использование наносит урон культуре речи. Обращение к вводным и вставным конструкциям может быть связано с эстетической установкой автора, что вызывает несомненный стилистический интерес.

Если отталкиваться от традиционной классификации основных значений вводных компонентов, легко выявить их типы, закрепившиеся за тем или иным функциональным стилем.

1. Вводные слова и словосочетания, выражающие достоверность, уверенность, предположение: *несомненно, разумеется, вероятно, возможно* и др., — тяготеют к книжным стилям.

2. Вводные слова и словосочетания, используемые с целью привлечь внимание собеседника, как правило, функционируют в разговорном стиле, их стихия — устная речь. Однако писатели, искусно насыщая ими диалоги персонажей, с их помощью имитируют непринужденную беседу:

Наш друг Попов славный малый, — говорил Смирнов со слезами на глазах, — люблю я его, глубоко ценю за талант, влюблен в него, но... знаешь ли? — эти деньги сгубят его (А. Чехов).

К вводным единицам, сферой функционирования которых является разговорный стиль, относятся слова *послушайте, согласитесь, представьте, вообразите, верите ли, помнишь, понимаешь, сделайте милость* и т.п. Злоупотребление ими резко снижает культуру речи.

3. Значительную группу составляют слова и словосочетания, выражающие эмоциональную оценку сообщения: *к счастью, к удивлению, к сожалению, к стыду, на радость, на беду, удивительное дело, грешным делом, нечего греха таить* и т.п. Выражая радость, удовольствие, огорчение, удивление, они придают речи экспрессивную окраску и потому не могут быть использованы в строгих текстах книжной речи, зато часто употребляются в живом общении людей и в художественных произведениях.

Вводные предложения, выражающие примерно те же оттенки значений, что и вводные слова, в отличие от них стилистически более независимы в силу своего большего разнообразия по лексическому составу и объему. Основная сфера их употребления — устная речь (которую вводные предложения обогащают интонационно, придавая ей особую выразительность), а также художественная речь, но не книжные стили, где предпочтение обычно отдается более коротким вводным единицам.

Вводные предложения, как правило, лаконичны: *ты знаешь; надо вам заметить; если не ошибаюсь* и т.п., однако они могут быть и достаточно распространены:

Пока наш герой, как писали в романах в неторопливую добрую старину, идет до освещенных окон, мы успеем рассказать, что такое деревенская вечеринка (В. Солоухин).

Вставные слова, словосочетания и предложения являются в тексте добавочными, попутными замечаниями. Приведем несколько примеров стилистически совершенного включения вставных конструкций в поэтический текст:

Поверьте (совесть в том порукой),
Супружество нам будет мукой.
(А. Пушкин);

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать —

Ты перенесъ меня вели
В наш сад...

(М. Лермонтов);

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

(А. Блок)

В других стилях, например в публицистическом, вставные конструкции не менее значимы:

Женщина, как это было во все времена, хочет любить и быть любимой, создать семью, растить детей. Следовательно, долг государства — создавать условия, которые бы позволяли органично сочетать работу, карьеру с выполнением материнских, семейных обязанностей¹.

3.19. Стилистическая оценка разных способов передачи чужой речи

Чужая речь, т.е. речь другого лица или самого автора, но сформулированная им ранее, при иных обстоятельствах, может включаться в текст по-разному. В книжных стилях обычно прибегают к цитации, при этом цитата точно воспроизводит часть текста из какого-либо сочинения или выступления оратора и, как правило, дается со ссылкой на источник. Авторы научных произведений прибегают к цитатам для подтверждения своей мысли, разъяснения того или иного положения; реже приводят цитаты в начале изложения какой-либо теории, и тогда они служат отправным пунктом рассуждения. В официально-деловых текстах иногда возникает потребность в цитатном изложении содержания указов, положений, законов и т.п., при этом обеспечивается максимальная точность выражения информации, что имеет первостепенное значение для языка документа.

В публицистическом стиле к чисто информативной функции цитаты добавляется эмоционально-экспрессивная: журналисты могут цитировать призывы, лозунги, выдержки из документов, подчеркивая важность своих утверждений, усиливая выразительность речи.

Структура цитат разнообразна — от словосочетания и простого предложения до значительного отрывка текста. Цитаты по-разному могут вводиться в текст: следовать после авторских слов и включаться в текст как его относительно самостоятельные части, встраиваться в косвенную речь и присоединяться с помощью вводных слов и вставных конструкций. Различные способы введения цитат обогащают структуру текста, позволяя живо сочетать чужую речь с авторским повествованием. Однако чрезмерное увлечение цитатами отрицательно сказывается на стиле изложения, обезличивая язык автора и лишая его самостоятельности. Недопустимо искажение смысла цитат произвольным их сокращением или искусственным включением в чуждый контекст.

¹ *Матвиенко В. И.* Отпустите маму на работу.

В художественной литературе и стилистически близких к ней публицистических произведениях (очерках, фельетонах) используются иные, экспрессивные формы передачи чужой речи, на которых следует остановиться подробнее. Сравним ряд конструкций:

- (1) Любовь Викторовна решила: «Добьюсь своего, чего бы это мне ни стоило!»
- (2) Любовь Викторовна решила — она добьется своего, чего бы это ей ни стоило!
- (3) Любовь Викторовна решила, что любой ценой добьется выполнения своих намерений.
- (4) Любовь Викторовна решила, что добьется своего, чего бы это ей ни стоило.

Как видим, **прямая речь** (пример 1), **несобственно-прямая речь** (пример 2) и варианты **косвенной речи** (примеры 3 и 4) имеют значительные стилистические отличия. Первая, как наиболее близкая к живой речи форма передачи чужого высказывания, выделяется особой эмоциональностью; вторая, уступая ей в эмоциональности, отчасти сохраняет первоначальную экспрессию восклицания (чему способствует воспроизведение лексики и интонационного рисунка чужой речи). Варианты косвенной речи могут с разной степенью приближенности отражать характер чужого высказывания, однако в этом случае более естественным представляется его авторская интерпретация (пример 3), чем повторение чужих слов при трансформации личных форм глаголов и местоимений (пример 4). В каждом случае предпочтение той или иной формы передачи чужой речи должно быть обусловлено решением определенных стилистических задач в конкретном тексте.

1. **Прямая речь**, выразительные возможности которой трудно переоценить, пользуется наибольшей популярностью у писателей и журналистов. Стилистическое освоение прямой речи и разработка реалистического диалога в русской художественной литературе непосредственно связаны с достижениями *натуральной школы*. Неподдельная живость прямой речи, напряженный драматизм диалогов впервые были воспроизведены А. С. Пушкиным, определившим структурную самостоятельность чужой речи в «Повестях Белкина»¹.

Стилистические функции прямой речи в художественном тексте многообразны: она не только заключает в себе ту или иную информацию, необходимую для развития сюжета, но и выступает в изобразительной функции, рисуя облик героя, у которого своя манера речевого поведения. По тому, как он выбирает и произносит слова, мы судим о пристрастии персонажа к книжной речи или, напротив, к диалекту, просторечию; узнаем, предпочитает ли он ласковую или грубую форму выражения, искреннюю или фальшивую интонацию. Прямая речь персонажа для художника — и предмет изображения, и средство самовыражения героя. Диалоги, внутренняя речь героев, авторские ремарки к прямой речи — все это служит важнейшим средством изображения жизни в ее различных проявлениях.

В прямой речи героев в соответствии с замыслом писателя получают отражение «самые разнообразнейшие стилистические разновидности исход-

¹ См.: *Одинцов В. В.* Стилистика текста. М., 1980. С. 240–249.

ного языка. В этом смысле литература является отражением не только внеязыковой действительности, но и языковой жизни общества»¹. Так, в романе Л. М. Леонова «Лес» профессор Вихров читает лекцию, используя средства научно-популярного стиля; герои М. А. Шолохова нередко обращаются к диалекту, просторечно; Коростелев в рассказе В. Ф. Пановой «Сережа» часто сбивается на книжный, деловой стиль. Однако реально писатели прибегают лишь к отдельным вкраплениям резко маркированных языковых средств, несмотря на что в прямой речи потенциально возможно отражение любой функционально-стилевой формы языка. См., например, у М. А. Шолохова в «Тихом Доне»:

- Рядом бессвязно скачущий разговор; немолодой красивый казак горячится:
- Нам до них дела нету. Они пушай воют, а у нас хлеба не уберать!
 - Это беда-а-а! Гля, миру согнали, а игы ноне день — год кормит.
 - Потравят копны скотиной.
 - У нас уж ячмень зачали косить.
 - Астрицкого царя, стал быть, стукнули?

Стилизуя речь героев, писатель должен отобразить такие стилистически окрашенные элементы, чтобы создать у читателя ощущение определенного стилистического качества.

Большое значение имеет способ введения прямой речи в авторское повествование. Как правило, писатели используют для этого различные **ремарки**, которые дополняют читательское представление о говорящем персонаже, уточняют его реплики, а в особых случаях помогают осмыслить их глубинный подтекст, понять скрытое в них значение:

Иона кривит улыбкой рот, напрягает свое горло и сипит:

- А у меня, барин, тово... сын на этой неделе помер.
- Гм!.. Отчего же он умер?

Иона оборачивается всем туловищем к седоку и говорит:

- А кто ж его знает! Должно, от горячки...

При всем разнообразии авторских ремарок у них много общего с прямой речью. В ремарках часто используются глаголы, указывающие на сам факт речи, причем искусство писателя проявляется в предпочтении глаголов конкретно-образной семантики: *прошептал, выпалил, бормочет, рывкнул, отрезал, сипит, пропела, обронила* и т.д. Их дополняют глаголы, называющие действия, которые сопровождают речь: *обернулся, задумался, возразил, растерялся, удивился, махнул рукой* и т.п.; наречия и деепричастия, характеризующие поведение героя: *грубо добавил, резко возразил, небрежно произнес, с улыбкой, помолчал, без запинки, отвернувшись, поспешно заметил*.

Описывая разговоры своих персонажей, авторы, естественно, не стараются дать стенограмму, а отбирают реплики в соответствии с художественным заданием. Однако читатель не чувствует неполноты в передаче

¹ Васильева А. М. Художественная речь. Курс лекций по стилистике для филологов. М., 1983. С. 69.

диалога, поскольку для художественных произведений характерно изображение целого по образной детали. В этом и состоит отличие художественного воспроизведения живой речи от ее прямой цитации, лишенной авторской обработки. Художественные достоинства прямой речи определяют уровень мастерства автора в драматургии.

Особое стилистическое значение прямая речь получает в публицистическом стиле — в жанре **интервью**, где беседа корреспондента с тем или иным лицом обретает черты типизированного социально значимого диалога. В интервью получают наиболее яркое отражение индивидуальные особенности речи участников беседы.

В газетных жанрах в последнее время получила распространение так называемая **открытая**, или **свободная**, прямая речь, которая в отличие от собственно прямой речи допускает более свободную передачу чужих высказываний: их обобщение, сокращение; она лишена буквализма прямой речи и в то же время способна передать все особенности формы чужой речи¹. По структуре ее формы не отличаются от собственно прямой речи. Однако в открытой речи нет языковых средств, актуализирующих значение высказывания от лица говорящего (форм 1-го лица глаголов, местоимений), что позволяет графически не выделять кавычками чужую речь, которая как бы сливается с авторскими словами:

Педагог вспоминает, как поначалу было непросто браться за такую работу. Но заинтересованность детей нашла отклик в ее душе.

В последние десятилетия в публицистике стал популярен не только диалог как особый жанр, но и его разновидности — беседа, «круглый стол» и др. В жанровых диалогических формах отражаются особые характерологические черты участников диалога, в репликах которых проявляются их речевая манера и профессиональный опыт.

2. **Косвенная речь** в противоположность прямой передает лишь содержание речи другого лица, не отражая ее стилистических особенностей и индивидуальных отличий. Если прямая речь служит целям субъективизации повествования, то косвенная выполняет в тексте объективизирующую роль. Она несравненно беднее экспрессивными средствами, чем прямая речь, так как многие формы живой речи здесь не могут быть реализованы (обращения, междометия, модальные слова, частицы, формы повелительного наклонения, некоторые инфинитивные конструкции и др.). Интонационное своеобразие чужой речи также утрачивается при ее передаче через косвенную речь. Главное отличие косвенной речи от прямой — использование форм 3-го, а не 1-го лица местоимений и глаголов: ср.: *Виктор сказал другу: «Жди меня»* — прямая речь; *Виктор сказал другу, чтобы тот ждал его* — косвенная речь.

Различные модальные оттенки чужой речи при передаче ее в косвенной форме выражаются с помощью союзов и союзных слов. Так, союз *что* обычно вводит косвенную речь: *Кто сказал, что надо бросить это заня-*

¹ *Бабийцева В. В., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. М., 1987. Ч. 3. С. 249.

тие?; союзы *будто, будто бы* придают оттенок неуверенности: *Кто-то ему сказал, будто бы генерала давно нет в живых* (Ю. Герман); союз *чтобы* указывает на побуждение: *Я требую, чтобы вы рассказали об этом* и т.д.

Неверно считать, будто косвенная речь не представляет ценности для писателей и публицистов. Иногда они намеренно отказываются от включения в повествование отдельных реплик героев, случайных разговоров, не имеющих художественного значения высказываний, отдавая предпочтение их обобщению и краткому изложению содержания. В этом случае косвенная речь избавляет автора от ненужных подробностей:

Когда в губернском городе С. приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни, то местные жители, как бы оправдываясь, говорили, что, напротив, в С. очень хорошо, что в С. есть библиотека, театр, клуб, бывают балы, что, наконец, есть умные, интересные, приятные семьи, с которыми можно завести знакомства. И указывали на семью Туркиных как на самую образованную и талантливую.

(А. Чехов, *Ионыч*)

3. В форме *несобственно-прямой* речи обычно передаются невысказанные мысли героев. Несобственно-прямая речь не имеет типизированной синтаксической формы, но часто «употребляется в виде второй части бессоюзного сложного предложения и отражает реакцию действующего лица на воспринимаемое им явление»¹. Главная особенность несобственно-прямой речи заключается в том, что она *двупланова*: формально как будто принадлежит автору, но включает и элементы прямой речи персонажей. Речь автора преобразуется в несобственно-прямую незаметно для читателя. Вначале писатель рассказывает о своем герое, затем возникают новые интонации, характерные для героя словечки, и уже не понять, кто говорит — писатель или его персонаж, или тот и другой одновременно:

Впрочем, Васкова никто из девушек не боялся, а Рита — меньше всех. Ну, бродит по разъезду пенек замшелый: в запасе двадцать слов да и те из уставов. Кто ж его всерьез-то принимать будет! (Б. Васильев).

Несобственно-прямая речь дает возможность писателю освещать одно и то же явление с разных точек зрения одновременно — и объективно (с авторской позиции), и субъективно (через восприятие героя). Благодаря этому несобственно-прямая речь приобретает большую выразительную силу и ее включают в состав стилистических фигур экспрессивного синтаксиса.

Таким образом, для художников слова стилистически значимы все формы передачи чужой речи, хотя их экспрессивные возможности неравнозначны. Чужая речь, особенно если она воплощена в форме прямой речи, диалога. — верное свидетельство жизни реальных людей, которые в произведении говорят и действуют. Использование чужой речи усиливает документальность публицистики и оживляет художественное повествование.

¹ *Валгина И. С. Синтаксис современного русского языка. С. 412.*

3.20. Стилистические особенности различных типов сложного предложения

Употребление сложных предложений — отличительная черта книжных стилей. В разговорной речи, в особенности в ее устной форме, используются в основном простые предложения, очень часто — неполные (отсутствие тех или иных членов восполняется мимикой, жестами); реже употребляются сложные предложения (преимущественно бессоюзные). Это объясняется экстралингвистическими факторами: содержание высказываний обычно не требует таких синтаксических построений, которые отражали бы логико-грамматические связи между предикативными единицами, объединяемыми в сложные синтаксические конструкции; отсутствие союзов компенсируется интонацией, приобретающей в устной речи решающее значение для выражения различных оттенков смысловых и синтаксических отношений.

Не останавливаясь подробно на синтаксисе устной формы разговорной речи, отметим, что при письменном ее отражении в художественных текстах, прежде всего в драматургии, наиболее широко используются бессоюзные сложные предложения; см., например, в драме А. П. Чехова «Вишневый сад»:

Варя. Я так думаю, ничего у нас не выйдет. У него дела много, ему не до меня... и внимания не обращает. Бог с ним совсем, тяжело мне его видеть... Все говорят о нашей свадьбе, все поздравляют, а на самом деле ничего нет, всё как сон.

В сценической речи богатство интонаций восполняет отсутствие союзов. Проведем простой эксперимент. Попробуем предикативные единицы, объединенные в сложные бессоюзные предложения в цитированном отрывке, связать с помощью союзов:

Думаю, что ничего у нас не выйдет. У него дела много, так что ему не до меня, поэтому и внимания не обращает. Все говорят о нашей свадьбе, поэтому все поздравляют, хотя на самом деле ничего нет.

Получившиеся в результате трансформации конструкции кажутся неестественными в обстановке живой речи. Характер непринужденной беседы лучше передают бессоюзные предложения и близкие к ним сложносочиненные (в цитированном отрывке употреблено лишь одно — с противительным союзом *а*). Из этого, конечно, не следует, что в художественной речи, отражающей разговорную, не представлены сложноподчиненные предложения. Они есть, но их репертуар небогат, к тому же это чаще всего двучленные предложения «облегченного» состава:

Главное действие, Харлампий Спиридоныч, чтоб дело свое не забывать... А ежели насчет выпить, то почему не выпить?; Ах, какой вы... Я уже вам сказала, что я сегодня не в голосе (А. Чехов).

Сложные синтаксические конструкции с различными видами сочинительной и подчинительной связи широко используются в книжных

функциональных стилях, причем чистые **сложносочиненные** предложения здесь сравнительно редки, так как не выражают всего многообразия причинно-следственных, условных, временных и других связей, возникающих между предикативными единицами в научном, публицистическом, официально-деловом текстах. Обращение к сложносочиненным предложениям оправдано при описании каких-либо фактов, наблюдений, констатации результатов исследований:

Дружеская беседа ничем не регламентирована, и собеседники могут разговаривать на любую тему. Иное дело при беседе пациента с врачом. Пациент ждет от врача помощи, и врач готов ее оказать. При этом пациент и врач до встречи могут решительно ничего не знать друг о друге, но это и не нужно им для общения... (из научно-популярной статьи).

Значительно богаче и многостороннее по своим стилистическим и семантическим свойствам **сложноподчиненные** предложения, которые занимают достойное место в любом из книжных стилей:

То, что научное достижение может быть обращено не только на пользу обществу, но и во вред ему, люди знали давно, однако именно сейчас стало особенно отчетливо видно, что наука может не только дать людям благо, но и сделать их глубоко несчастными, поэтому никогда раньше ученый не имел такой моральной ответственности перед людьми за биологические, материальные и нравственные последствия своих исканий, как сегодня (газ.).

Сложноподчиненные предложения «приспособлены» для выражения сложных смысловых и грамматических отношений, которые особенно свойственны языку науки: они позволяют не только четко сформулировать тот или иной тезис, но и подкрепить его необходимой аргументацией, дать научное обоснование. Точность и убедительность сложноподчиненных конструкций во многом зависят от правильного использования средств связи предикативных частей в составе сложных предложений (союзов, союзных и соотносительных слов):

Стереотипы, **которые** часто принимаются людьми за знание, фактически содержат в себе лишь неполное и одностороннее описание какого-то факта действительности. **Если** измерять стереотипы критериями научной истины и строгой логики, **то** их придется признать крайне несовершенными средствами мышления. **Тем не менее** стереотипы существуют и широко используются людьми, **хотя** они и не осознают этого.

В приведенном тексте союзы не только связывают части сложных предложений, но и устанавливают логические связи между отдельными предложениями в составе сложного синтаксического целого: союз *тем не менее* указывает на противопоставление последнего предложения предыдущей части высказывания.

Среди подчинительных союзов есть общеупотребительные, использование которых возможно в любом стиле: *что, чтобы, потому что, как, если*; есть и сугубо книжные: *вследствие того что; в связи с тем что; ввиду того*

что; в силу того что; благодаря тому что; коль скоро и т.п. Есть и разговорные союзы: *раз* (в значении *если*): *Раз сказал — сделай; ежели, что* (в значении *как*): *Людская молва что морская волна*. Ряд союзов имеет арханчскую или просторечную окраску: *коли, кабы, дабы, понеже*. Стилистически мотивированное и грамматически точное употребление союзов делает речь ясной и убедительной.

Остановимся более подробно на стилистической оценке **сложноподчиненных предложений**. В их составе самыми употребительными являются предложения с определительной и изъяснительной придаточными частями (33,6 и 21,8% в сравнении со всеми другими). В этом можно убедиться, раскрыв любую газету, где обнаружится множество таких конструкций:

Ежегодно весной мы проводим обучающие семинары, на которых подробно рассказываем, как встретить детей в первые дни, чтобы заинтересовать их дальнейшей совместной деятельностью, как подготовить и провести различные мероприятия... Тот, кто никогда не сталкивался с работой в лагере, получает полное представление о том, как организовать пребывание детей в летнем лагере, сделать его интересным и полноценным («Брянская учительская газета»).

В приведенном тексте два сложноподчиненных предложения, оба с придаточными различной семантики: изъяснительной, цели, субстантивной. Другой пример из газеты:

Большинство россиян (84%) неплохо осведомлено о том, как проходит и для чего предназначен ЕГЭ. Правда, половина (51%) составили суждение о нем из материалов СМИ и лишь треть (33%) на собственном опыте. В семьях, где есть несовершеннолетние дети, уровень информированности доходит до 92%, что немудрено¹.

Приведенный фрагмент фиксирует, что сложноподчиненное предложение является основой подачи материала, базовой лингвистической особенностью стиля публикации:

Оценки, которые россияне ставят самому экзамену, очень неоднозначны. 62% уверены, что с его введением уровень подготовки школьников ухудшился — их просто натаскивают на сдачу тестов. Однако 39% признали, что ЕГЭ дает одаренным ребятам из регионов шанс поступить в престижные вузы. Мнения же о том, позволила ли новая система уйти от злонамеренного и субъективного «человеческого фактора», разделились почти поровну: да — 35%, нет — 37% голосов.

Такая количественно-качественная картина отражает общую закономерность книжных стилей, что обусловлено экстралингвистическими факторами. В то же время можно указать и на особые черты стилей, получающие выражение в избирательности некоторых типов сложноподчиненных предложений. Так, научный стиль характеризуется преобладанием причинных и условных придаточных частей (вместе они составляют 22%) и минимальным количеством временных (2,2%), а также придаточных места (0,4%).

¹ Добрынина Е. «Недоперегрузка» // Брянская учительская газ. 2013. № 28. 19 июля.

В официально-деловом стиле на втором месте по употребительности после определительных стоят придаточные условные. В различных видах текстов официально-делового стиля соотношение типов сложноподчиненных предложений меняется, однако преобладание условных придаточных частей в документах юридического характера и довольно значительный процент их в других жанрах определяет общую количественно-качественную картину данного функционального стиля.

Предпочтение определенных синтаксических конструкций в книжных стилях вполне обосновано, хотя одни и те же синтаксические конструкции в разных текстах имеют различное назначение. Так, сложноподчиненные с придаточной условной частью в публицистической речи гораздо чаще, чем в художественной, получают сопоставительное значение, приближаясь по характеру связи к сложносочиненным предложениям:

Между тем как малые города России станут ареалом духовности, культурные «изюминки» станут центрами туристических маршрутов.

Сопоставительные конструкции с двойным союзом *если... то...* часто используются в критических статьях и научных работах:

В молодости *если* одни увлекались Бодлером, д'Аннуцио, Оскаром Уайльдом и уже мечтали о новых сценических формах, *то* другие были заняты планами народных театров (журн.); ср.: *одни увлекались... а другие были заняты планами...*

Подобная трансформация семантико-стилистической функции этих конструкций принципиально отличает публицистические и научные тексты от официально-деловых.

В научном стиле временные придаточные части нередко осложняются добавочным условным значением: *Научная гипотеза оправдывает себя тогда, когда она является оптимальной* (ср.: *в том случае, если...*). Совмещение условного и временного значений приводит к большей отвлеченности и обобщенности выражаемого содержания, что соответствует обобщенно-отвлеченному характеру научной речи.

В художественной речи сложноподчиненные предложения с придаточными частями времени встречаются в четыре раза чаще, чем в научной. В художественных произведениях широко используются чисто временные значения указанных придаточных, причем с помощью разнообразных союзов и соотношения временных форм глаголов-сказуемых передаются всевозможные оттенки темпоральных отношений: длительность, повторяемость, неожиданность действий, разрыв во времени между событиями и т.д. Это создает большие выразительные возможности художественной речи:

Чуть легкий ветерок подернет рябью воду, / Ты зашатаешься, начнешь слабеть (И. Крылов); И только небо засветилось, / Все шумно вдруг зашевелилось, / Сверкнул за строем строй (М. Лермонтов); Только улыбаюсь, как заслышу бурю (Н. Некрасов); Он заметно поседел с тех пор, как мы расстались с ним (И. Тургенев); В то время как она выходила из гостиной, в передней послышался звонок (Л. Толстой); Гуляя мы до тех пор, пока в окнах дач не стали гаснуть отражения звезд (А. Чехов).

По-разному в книжных стилях и в художественной речи используются и сложноподчиненные предложения с придаточной сравнительной частью. В научном стиле их функция состоит в выявлении логических связей между сопоставляемыми фактами, закономерностями:

Возможность образования рефлексов на базе безусловнорефлекторных изменений электрической активности мозга, подобно тому, как это показано для экстероцептивных сигналов, является еще одним доказательством общности механизмов формирования экстероцептивных и интероцептивных временных связей.

В художественной речи сравнительные придаточные части сложноподчиненных предложений обычно становятся тропами, выполняя не только логико-синтаксическую, но и экспрессивную функцию; см., например, у Ф. И. Тютчева:

«О наша крепость и оплот! Великий бог! веди нас ныне, Как некогда ты вел в пустыне Свой избранный народ!..»	Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется, — И нам сочувствие дается, Как нам дается благодать...
--	--

В творчестве поэтов разного времени сравнительные конструкции становятся яркой стилистической особенностью, стилеобразующим фактором. В частности, в поэзии Ф. И. Тютчева ряд знаковых стихотворений построен по принципу психологического параллелизма¹:

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

(К. Б.)

Таким образом, если в книжных функциональных стилях выбор того или иного типа сложноподчиненного предложения связан, как правило, с логической стороной текста, то в экспрессивной речи важную роль получает еще и эстетическая сторона: при выборе типа сложноподчиненного предложения учитываются его выразительные возможности.

Стилистическая оценка сложного предложения в разных функциональных стилях связана с проблемой критерия длины предложения. Слишком многочленное предложение может оказаться тяжеловесным,

¹ Подробнее см.: *Веселовский А. И.* Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля // *Веселовский А. И.* Историческая поэтика. Л., 1940. С. 125.

громоздким, что затруднит восприятие текста, сделает его стилистически неполноценным. Однако было бы глубоким заблуждением считать, что в художественной речи предпочтительнее короткие, «легкие» фразы. Так, М. Горький писал одному из начинающих авторов: «Надо отучиться от короткой фразы, она уместна только в моменты наиболее напряженного действия, быстрой смены жестов, настроений»¹; распространенная, «плавная» речь дает «читателю ясное представление о происходящем, о постепенности и неизбежности изображаемого процесса»².

В прозе самого М. Горького можно найти немало примеров искусного построения сложных синтаксических конструкций, в которых дается исчерпывающее описание картин окружающей жизни и состояния героев:

Он кипел и вздрагивал от оскорбления, нанесенного ему этим молоденьким теленком, которого он во время разговора с ним презирал, а теперь сразу возненавидел за то, что у него такие чистые голубые глаза, здоровое загорелое лицо, короткие крепкие руки, за то, что он имеет где-то там деревню, дом в ней, за то, что его приглашает в зятя зажиточный мужик, — за всю его жизнь прошлую и будущую, а больше всего за то, что он, этот ребенок по сравнению с ним, Челкашем, смеет любить свободу, которой не знает цены и которая ему не нужна.

В то же время интересно отметить, что писатель сознательно упростил синтаксис романа «Мать», предполагая, что его будут читать в рабочих кружках, а для устного восприятия длинные предложения и многочленные сложные конструкции неудобны.

Мастером короткой фразы был А. П. Чехов, стиль которого отличает блистательная краткость. Давая советы писателям-современникам, он любил акцентировать внимание на одном из своих основополагающих принципов: «Краткость — сестра таланта». Чехов рекомендовал по возможности упрощать сложные синтаксические конструкции. Так, он исключил из текста ряд придаточных, редактируя рассказ В. Г. Короленко «Лес шумит» (вычеркнутые Чеховым части заключены в скобки):

Усы у деда болтаются чуть не до пояса, глаза глядят тускло (точно дед все вспоминает что-то и не может припомнить); Дед наклонил голову и с минуту сидел в молчании (Потом, когда он посмотрел на меня, в его глазах сквозь застывшую их тусклую оболочку блеснула как будто искорка проснувшейся памяти); Вот придут скоро из лесу Максим и Захар, посмотри ты на них обидно: я ничего им не говорю, а только кто знал Романа и Опанаса, тому сразу видно, который на кого похож (хотя они уже тем людям не сыны, а внуки...) Вот же какие дела...

Конечно, правка-сокращение не сводится к бездумной «борьбе» с употреблением сложноподчиненных предложений; она обусловлена многими причинами эстетического характера и общими задачами работы над текстом. Однако отказ от придаточных частей, если они не несут важной информативной и эстетической функции, мог быть продиктован и соображениями выбора синтаксических вариантов простого или сложного предложения.

¹ Русские писатели о языке... С. 707.

² Там же. С. 708.

В то же время нельзя утверждать, что сам Чехов избегал сложных конструкций. В его рассказах можно почерпнуть немало примеров умелого их употребления. Писатель проявлял большое мастерство, объединяя в одно сложное предложение несколько предикативных частей и не жертвуя при этом ни ясностью, ни легкостью конструкции:

А на педагогических советах он просто угнетал нас своею осторожностью, мнительностью и своими чисто футлярными соображениями насчет того, что вот-де в мужской и женской гимназиях молодежь ведет себя дурно, очень шумит в классах, — ах, как бы не дошло до начальства, ах, как бы чего не вышло, — и что если б из второго класса исключить Петрова, а из четвертого — Егорова, то было бы очень хорошо.

Мастером стилистического использования сложных синтаксических конструкций был Л. Н. Толстой. Простые, особенно короткие, предложения в его творчестве редкость; сложносочиненные встречаются обычно при изображении конкретных картин (например, в описаниях природы):

Наутро поднявшееся яркое солнце быстро съело тонкий ледок, подернувший воды, и весь теплый воздух задрожал от наполнивших его испарений отжившей земли. Зазеленела старая и вылезаящая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотым цветом лозине загудела выставленная облетающаяся пчела. (*Анна Каренина*)

Обращение писателя к жизни общества подсказывало ему усложненный синтаксис. Вспомним начало романа Л. Н. Толстого «Воскресение»:

Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, — весна была весною даже и в городе. Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли ее, не только на газонах бульваров, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопавшиеся почки; галки, воробьи и голуби по-весеннему радостно готовили уже гнезда, и мухи жужжали у стен, пригретые солнцем. Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди — большие, взрослые люди — не переставали обманывать и мучать себя и друг друга. Люди считали, что священо и важно не это весеннее утро, не эта красота мира Божия, данная для блага всех существ, — красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом.

С одной стороны, использованы усложненные конструкции, с другой — простые, «прозрачные», подчеркивающие контрастное сопоставление трагизма человеческих отношений и гармонии в природе.

А. П. Чехов о синтаксисе Л. Н. Толстого

Интересно коснуться проблемы стилистической оценки А. П. Чеховым синтаксиса Л. Н. Толстого. Чехов нашел эстетическое обоснование приверженности знаме-

никого романиста к усложненному синтаксису. С. Н. Щукин вспоминал о замечании Чехова: «Вы обращали внимание на язык Толстого? Громадные периоды, предложения нагромождены одно на другое. Не думайте, что это случайно, что это недостаток. Это искусство, и оно дается после труда. Эти периоды производят впечатление силы»¹. В неопубликованном произведении Чехова «Письмо» высказывается такая же положительная оценка периодов Толстого: «Какая сила! <...> какой фонтан бьет из-под этих "которых", какая прячется под ними гибкая, стройная, глубокая мысль, какая кричащая правда!»²

Художественная речь Л. Н. Толстого передает его сложный, глубинный анализ изображаемой жизни. Писатель стремится показать читателю не столько результат своих наблюдений (что легко было бы представить в виде простых, кратких предложений), сколько сам поиск истины. Вот, например, как описывается течение мыслей и смена чувств Пьера Безухова:

«Хорошо бы было поехать к Курагину», — подумал он. Но тотчас же он вспомнил данное князю Андрею честное слово не бывать у Курагина.

Но тотчас же, как это бывает с людьми, называемыми бесхарактерными, ему так страстно захотелось еще раз испытать эту столь знакомую ему беспутную жизнь, что он решился ехать. И тотчас же ему пришла в голову мысль, что данное слово ничего не значит, потому что еще прежде, чем князю Андрею, он дал также князю Анатолию слово быть у него; наконец, он подумал, что все эти честные слова — такие условные вещи, не имеющие никакого определенного смысла, особенно ежели сообразить, что, может быть, завтра же или он умрет, или случится с ним что-нибудь такое необыкновенное, что не будет уже ни честного, ни бесчестного. <...> Он поехал к Курагину.

Анализируя процитированный отрывок, мы могли бы трансформировать его в одно короткое предложение: *Несмотря на данное князю Андрею слово, Пьер поехал к Курагину*. Но писателю важно показать путь героя к этому решению, борьбу в его душе, отсюда — предложения усложненного типа.

Показательно, что в поздний период своего творчества Л. Н. Толстой выдвигает требование краткости. Уже с 1890-х гг. он настойчиво советует внимательно изучать прозу А. С. Пушкина, особенно «Повести Белкина». «От сокращения изложение всегда выигрывает», — говорит он И. Н. Гусеву. Тот же собеседник записывает интересное высказывание Толстого: «Короткие мысли тем хороши, что они заставляют думать. Мне этим некоторые мои длинные не правятся, слишком в них все изжевано»³.

Таким образом, в художественной речи стилистическое использование сложных синтаксических конструкций в значительной мере обусловлено индивидуально-авторской манерой письма, хотя «идеальный» стиль представляется немногословным и «легким». Этот стиль не должен быть перегружен тяжеловесными сложными конструкциями, и если выбор синтаксической конструкции не связан с проблемой сохранения авторской манеры,

¹ Щукин С. Н. Из воспоминаний о А. П. Чехове // Русская мысль. 1911. № 10. С. 45.

² Чехов А. П. Полн. собр. соч. : в 18 т. М., 1977. Т. 7. С. 511.

³ Гусев И. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1912. С. 130, 271.

то в процессе правки целесообразно упорядочить структуру сложного предложения, уточнить союзную связь, сократить количество придаточных частей. Рассмотрим примеры такой стилистической правки:

1. Среди частей и соединений флота, **какие** отличились на побережье Черного моря, был и артиллерийский дивизион, **которым** командовал Соловьев.

2. Егор рассказал, какими докучливыми бывают бураны в их местности, как ему, **который** остался без отца на десятом году, приходилось расчищать сугробы, **которые** часто забивали выход из избы ровнею с крышей.

1. Среди частей и соединений флота, **которые** отличились на побережье Черного моря, был и артиллерийский дивизион под командованием Соловьева.

2. Егор рассказал, какими докучливыми бывают бураны в их местности, как ему, оставшемуся без отца на десятом году, приходилось расчищать сугробы, забивавшие выход из избы.

В первом примере потребовалась замена союзного слова: вместо относительного местоимения *какие* (привносящего добавочный оттенок уподобления, сравнения) употреблено местоимение *которые*, вторая придаточная часть заменена параллельной конструкцией. Во втором примере сокращено количество придаточных частей, устранено повторение союзного слова *который*, соединяющего неоднородные придаточные при последовательном их подчинении. В других случаях стилистическая правка сводится к замене простого предложения (1) сложным (2):

1. Нормальная, бесперебойная работа транспорта и безопасность движения пешеходов требует от школьников строгого подчинения сигналам светофора и обращения внимания на дорожные сигнальные знаки.

2. Чтобы не мешать движению транспорта и обеспечить свою безопасность, школьники должны строго выполнять правила уличного движения: следить за сигналами светофора, обращать внимание на дорожные знаки.

Преобразование простого предложения в сложноподчиненное позволило избавиться от частого повторения отглагольных существительных, понижения форм родительного падежа. Отредактированный вариант оказался доступнее для восприятия, нежели громоздкое простое предложение, неумело сконструированное автором.

Таким образом, в зависимости от условий контекста оптимальным вариантом для выражения мысли могут быть и простые, и сложные предложения. Выбор синтаксических конструкций зависит от множества факторов, которые влияют на авторский стиль и позволяют при редактировании внести необходимые исправления в текст.

3.21. Стилистическая оценка семантически равных синтаксических конструкций

В синтаксической стилистике конструкции, которые являются семантически равными, имеющими одинаковый набор прононций, определяют как **параллельные**, т.е. такие, которые «при наличии общего грамматического значения (определятельного, обстоятельственного и т.д.), различа-

ются своей структурой и функцией (например, член предложения и придаточное предложение, простое и сложное предложение и т.д.)»¹.

Определение понятия

Проиллюстрируем синтаксический параллелизм простыми примерами:

1. Редактор прочитал рукопись и написал рабочую рецензию.
2. Редактор, прочитав рукопись, написал рабочую рецензию.
3. Редактор, прочитавший рукопись, написал рабочую рецензию.
4. Редактор закончил чтение рукописи и приступил к написанию рабочей рецензии.
5. Когда редактор прочитал рукопись, он смог написать рабочую рецензию.
6. После прочтения рукописи редактор написал рабочую рецензию.
7. Написание рабочей рецензии редактором стало возможным после прочтения рукописи.

Существование параллельных, или семантически равнозначных, синтаксических конструкций связано в основном с разнообразием способов выражения действия в русском языке. Чаще всего оно обозначается спрягаемой формой глагола (пример 1), но может быть выражено деепричастием (пример 2), причастием (пример 3), отглагольным именем существительным (пример 4), инфинитивом (пример 5), причем придаточная часть сложного предложения может заменить глагольное сказуемое (пример 5). Важно подчеркнуть, что подобные замены приводят не только к появлению новых оттенков значения, но и к изменению стилистической окраски высказывания: спрягаемые формы глагола лишены функционально-стилевой закреплённости; причастия и деепричастия являются книжными формами, а отглагольные существительные, как и пассивная конструкция, придают речи канцелярскую окраску. Немаловажное значение имеет и эстетическая сторона речи: отглагольные существительные, в особенности те, которые возникли в результате расщепления сказуемого (пример 4), придают высказыванию тяжеловесность.

Выбирая ту или иную конструкцию, мы исходим из ее конкретного значения, стилистической окраски и особенностей текста. Так, в примерах 1 и 5 подчеркнуто главное действие (*прочитал*); сообщение о нем в придаточной части предложения (в пятой конструкции) способствует актуализации глагольной формы, которая при этом обретает большую самостоятельность. Преобразование конструкций приводит к утрате глагольности, и, следовательно, во второй и третьей, а тем более — в четвертой, пятой и седьмой конструкциях действие отодвигается на второй план.

Причастие и деепричастие до некоторой степени еще удерживают глагольные признаки (значение вида придает высказыванию большую определенность; значение времени, свойственное только причастиям, также важно для характеристики действия). Но если деепричастный оборот («второе сказуемое») акцентирует внимание на дополнительном действии, то причастный оборот, выступая как распространенное определение, усиливает, выделяет субъект действия (*редактор, прочитавший рукопись*, а не кто-то другой). Инфинитив, не обладающий важными глагольными признаками, называет действие (*смог написать рецензию*), однако не позволяет составить полного представления о нем, а отглагольное существительное нейтрализует представление о действии как о динамическом процессе, указывая лишь на факт его совершения.

Таким образом, несмотря на богатство и разнообразие синтаксических конструкций в русском языке, их параллелизм — весьма условное понятие. Параллельные синтаксические конструкции должны употребляться с учетом их семантических и стилистических особенностей, ролью в общей структуре текста, и было бы заблуждением считать их равноценными и взаимозаменяемыми.

¹ Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. С. 351.

Рассмотрим подробнее некоторые параллельные синтаксические конструкции.

1. Большие возможности для стилистического выбора предоставляет синонимия **причастных оборотов** и **придаточных определительных частей** сложноподчиненных предложений; ср.: *Автор ознакомился с отзывом, написанным рецензентом* — *Автор ознакомился с отзывом, который написал рецензент*. Преимущество первой конструкции в ее лаконизме, вторая акцентирует внимание на действии, указанном в придаточной части сложного предложения; первая тяготеет к книжным стилям, вторая стилистически нейтральна. Из этого не следует, что для письменной речи всегда предпочтительнее причастный оборот. Он уступает в выразительности придаточной части, если по условиям контекста необходимо подчеркнуть значение действия: *Снисхождения заслуживают лишь те люди, которые признают критику и исправляют свои ошибки*; ср.: *Снисхождения заслуживают лишь люди, признающие критику и исправляющие свои ошибки*. Попутно заметим, что пренозитивный причастный оборот наименее выразителен, поскольку подчеркивает значение субъекта действия, а не само действие (*Снисхождения заслуживают лишь признающие критику и исправляющие свои ошибки люди*). Заменяя причастным оборотом придаточную определительную часть сложноподчиненного предложения, не следует забывать, что это ведет к ослаблению глагольности и, следовательно, к умалению самостоятельного значения развернутого определения.

2. **Деепричастные обороты** имеют параллельные синтаксические конструкции среди придаточных частей сложноподчиненного предложения и членов простого предложения. Проиллюстрируем это примерами:

1. Беседуя с автором статьи, Иванов понял, что был неправ.	1. Когда Иванов беседовал с автором статьи, он понял, что был неправ.
2. Редактор несколько раз перечитал абзац, стараясь разобраться в новой терминологии.	2. Редактор несколько раз перечитал абзац, чтобы разобраться в новой терминологии.
3. Я понимал, что, ввязавшись в этот спор, должен отстаивать свою точку зрения до конца.	3. Я понимал, что, уж если ввязался в этот спор, должен отстаивать свою точку зрения до конца.
4. Редакция не рекомендовала рукопись к печати, получив отрицательные отзывы рецензентов.	4. Редакция не рекомендовала рукопись к печати, потому что получила отрицательные отзывы рецензентов.
5. Все разошлись, не успев закончить работу.	5. Все разошлись, хотя и не успели закончить работу.
6. Он говорил о достоинствах своего произведения, несколько не смущаясь.	6. Он говорил о достоинствах своего произведения и несколько не смущался.
7. Немного поспорив, автор и редактор решили отдать рукопись на рецензию.	7. После небольшого спора автор и редактор решили отдать рукопись на рецензию.
8. Читая отзыв, он опять подумал...	8. Во время чтения отзыва он опять подумал...

9. Вернувшись из командировки, директор пригласил сотрудников на совещание.

10. Несколько не колеблясь, автор принял условия договора.

9. После возвращения из командировки директор пригласил сотрудников на совещание.

10. Без всяких колебаний автор принял условия договора.

Случаи синонимии деепричастных оборотов и придаточных частей сложноподчиненных предложений и членов простого предложения не исчерпываются приведенными примерами, однако и их достаточно, чтобы убедиться в разнообразии синонимических конструкций данного типа. Все они близки по значению, но не тождественны, каждая имеет свои грамматические особенности, семантические оттенки. В придаточных частях сложноподчиненных предложений сказуемое, соответствующее по значению деепричастию, но выраженное спрягаемой формой глагола, подчеркивает действие, усиливает значение его субъекта, союзы уточняют характер связи; ср.:

Закончив чтение рукописи, редактор... — Когда редактор закончил чтение рукописи... — После того как редактор закончил чтение... — Так как редактор закончил чтение рукописи... и т.д.

Придаточные предложения в сравнении с деепричастными оборотами кажутся значительнее, тогда как последние формулируют мысль более экономно, но придают речи книжную окраску. В отдельных случаях, стараясь избежать нечеткости формулировки, неясности высказывания, отдается предпочтение той или иной конструкции. В частности, в первой паре примеров сложноподчиненное предложение нежелательно, поскольку в его придаточной части местоимение *он* может быть понято двусмысленно (*Иванов* или *автор*?).

Грубым нарушением нормы является такое построение предложений, при котором деепричастие и глагол-сказуемое относятся к разным субъектам действия:

Стоя у перрона, ее глаза были полны грусти и слез; **Читая пьесу**, перед нами проходит жизнь одного из провинциальных городов старой России.

Нельзя употреблять деепричастный оборот в безличном предложении: **Проводив друга**, мне стало грустно. Однако если безличная конструкция допускает действие активного субъекта, который в предложении просто не назван, но предполагается, то употребление деепричастного оборота возможно:

Создавая произведение, **[автору]** следует стремиться, чтобы...; Глядя на его поведение, **[учителю, коллеге]** можно было подумать...; Учитывая все обстоятельства происшествия, **[нам, комиссии]** стоит разработать программу профилактических мероприятий на последующие годы.

Нарушением нормы является и включение деепричастного оборота в пассивную конструкцию: **Пролетая над материком**, космонавту отчет-

ливо были видны города, реки, паши (следует: *пролетая... космонавт видел...*); *Двигая валик, лак равномерно распределяется по поверхности* (следует: *при движении валика лак...*).

Нельзя признать правильной и конструкцию, в которой деепричастие указывает на дополнительное действие по отношению к отглагольному существительному: *Зубы змеи служат для удержания яйца, не раздавливая скорлупу* (следует: *...позволяют удерживать яйцо, не раздавливая скорлупу*); на дополнительное действие по отношению к причастию: *Шахтер, рискуя жизнью спасший шахту от катастрофы, стал писателем* (ср.: *Шахтер, который, рискуя жизнью, спас шахту...*).

У писателей XIX в. можно встретить конструкции, в которых деепричастия указывают на действия, не относящиеся к субъекту:

Теряется золотое время, слушая глупые разговоры; В нескольких шагах от кондитерской, поворота от нее направо, есть переулок (Ф. Достоевский); Нынче, увидев ее мельком, она показалась ему еще прекраснее (Л. Толстой); Проезжая знакомую березовую рощу, у меня голова закружилась (И. Тургенев).

Со временем подобное использование деепричастий стало осознаваться как резкое нарушение нормы. Уже А. П. Чехов дал пародийный пример этой ошибки в рассказе «Жалобная книга»: *Подъезжая к сей станции, у меня слетела шляпа*. В современном русском языке конструкции с независимым деепричастным оборотом недопустимы.

Стилистически неправильны и такие предложения, в которых деепричастный оборот можно отнести к разным субъектам действия и к разным глаголам, что порождает двусмысленность: *Он просит вас подождать, не теряя надежды (он просит, не теряя надежды или подождать, не теряя надежды?)*. В этом случае следовало написать: *Не теряя надежды, он просит...*; или: *Подождать, не теряя надежды, — вот о чем он просит вас*.

Стилистической правки требуют предложения, в которых наблюдается разнородность видовых форм деепричастий: *Определив эти величины и измеряя силу тяжести на различных широтах, выводим формулу* (следует: *Определив... и измерив...*).

3. Интересны в стилистическом отношении параллельные синтаксические конструкции, образующие пары сложноподчиненных предложений и предложений с инфинитивом или отглагольным существительным:

1. Главная редакция распорядилась сдать рукопись с первой корректуры.

2. Высказано пожелание автору доработать рукопись.

3. Инструкция напоминает о необходимости соблюдать правила техники безопасности.

4. Специализация многих издательств состоит в выпуске художественной литературы.

1. Главная редакция распорядилась, чтобы рукопись была сдана с первой корректуры.

2. Высказано пожелание, чтобы автор доработал рукопись.

3. Инструкция напоминает о том, что необходимо соблюдать правила техники безопасности.

4. Многие издательства специализируются на том, что выпускают художественную литературу.

Или: Специализация многих издательств состоит в том, что они выпускают художественную литературу.

Инфинитивные конструкции отличаются от синонимических придаточных частей сложноподчиненных предложений большей категоричностью и привлекают своим лаконизмом. Однако в сложноподчиненных предложениях подчеркнуто действие, а при использовании личной формы глагола актуализации подвергается и субъект действия. Поэтому предпочтение той или иной конструкции зависит от условий контекста.

Конструкции с отглагольными существительными имеют книжную, а нередко и канцелярскую окраску. Их преимущество заключается в лаконизме, поэтому они широко используются в научном и официально-деловом стилях. При литературном редактировании текстов, в которых скопленные отглагольных существительных создает неудобства, следует сохранять чувство меры, чередуя употребление синонимических конструкций.

Разнообразие инфинитивных конструкций дает богатый материал для стилистического выбора, при этом важно учитывать семантические и стилистические оттенки синонимических конструкций. Рассмотрим некоторые случаи.

При переносном употреблении инфинитивов обычно получает в контексте значение лица и воспринимается как указание на действие, происходящее реально, во времени: *Дрозд горевать, дрозд тосковать* (И. Крылов). Синонимическими конструкциями могут быть такие, в которых употребляются глаголы изъявительного наклонения прошедшего времени совершенного вида: *Дрозд загоревал, дрозд затосковал*; или глаголы в настоящем времени в значении прошедшего: *Дрозд горюет, дрозд тоскует*. Сопоставляя подобные синонимические конструкции, легко заметить, что инфинитив передает действие более интенсивное, а значит, при переносном употреблении со значением лица, наклонения, времени неопределенная форма становится ярким средством речевой экспрессии. Кроме того, добавление к инфинитиву частицы *ну* подчеркнет начало действия и усилит его интенсивность:

Отколе ни возьмишь, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.

(И. Крылов)

Сильным источником увеличения действенности речи является переносное употребление инфинитива в значении сослагательного и повелительного наклонения. Инфинитив в сочетании с особой повелительной интонацией передает категорический приказ: *Встать!*; *Молчать!*; *Немедленно ехать!* и др. Подобные конструкции синонимизируются с формами 2-го лица повелительного наклонения, но не содержат конкретного указания на субъект действия (не случайно в них не угадывается значение числа); они подчеркивают лишь требование совершить действие. Инфинитив в значении императива часто используется в призывах, лозунгах, названиях газетных статей, содержащих обращения: *Остановить инфля-*

цию!; Препградить путь наркотикам!; Видеть историческую перспективу!
и т.п.

В сочетании с частицей *бы* инфинитив получает значение сослагательного наклонения: *Поспать бы теперь; Ах, скорей бы уйти!* В отличие от синонимических форм глагола сослагательного наклонения: *поспал бы, ушел бы* — инфинитив указывает на более сильное желание, в то время как формы сослагательного наклонения выражают чаще смутное влечение, связанное с представлением о возможности действия. А. Н. Гвоздев, сопоставляя такие конструкции, отметил: «*Посидеть бы на берегу моря* — свидетельствует о некотором стремлении, а *Я посидел бы на берегу моря* говорит больше о привлекательности развернувшегося образа, волевой элемент в этом случае очень незначителен или сведен на нет»¹. Поэтому инфинитив порой оказывается незаменимым средством выражения сильного стремления говорящего к совершению какого-то действия: *Сдать бы квартальный отчет в конце месяца!* (конструкция *Я сдал бы отчет...* неравнозначна); *Быть бы молодым и сильным; Стать бы волшебником.* Замена инфинитива формой сослагательного наклонения в таких случаях невозможна. Усиление эмоциональной окраски этих конструкций достигается употреблением в них междометий *ах, эх*, союза *если*: *Эх, если бы написать про все это!* Но чем ярче эмоциональная окраска таких выражений, тем менее реальным представляется осуществление действий.

В сочетании с именем в форме дательного падежа, указывающим на субъект действия, инфинитив используется в конструкции, выражающей необходимость, неизбежность действия, твердое решение выполнить его: *Тебе — большим человеком быть* (М. Горький); *Вам жить в двадцать первом веке!* Таким инфинитивным конструкциям нет равноценных по выразительности, замена их синонимическими конструкциями ведет к потере экспрессивной окраски; ср.: *Тебе предначертано быть большим человеком; Вы будете жить в двадцать первом веке.* Инфинитивная конструкция с отрицанием выражает полную невозможность действия: *Вам не видать таких сражений* (М. Лермонтов).

Таким образом, отвлеченность инфинитива, отсутствие у него конкретных грамматических категорий создают условия для употребления этого «голового» носителя «идеи действия» (по словам А. М. Пешковского) как более выразительного эквивалента разнообразных глагольных форм в экспрессивной речи.

Анализируя употребление в речи причастных оборотов, редактор часто замечает ошибки в образовании причастий и, устраняя их, заменяет эту конструкцию придаточным определительным предложением. Рассмотрим примеры такой стилистической правки:

1. Нелегко найти научного сотрудника, взявшегося бы за эту сложную тему.

2. Все увидящие эту картину не могут не возмутиться.

1. Нелегко найти научного сотрудника, который бы взялся за эту сложную тему.

2. Все, кто увидит эту картину, не могут не возмутиться.

¹ Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955. С. 224.

3. Раздались долго не смолаемые аплодисменты.

3. Раздались долго не смолавшие аплодисменты (или: *аплодисменты, которые долго не смолкали*).

4. Заказ, выполняющийся нашей фирмой, особый.

4. Заказ, который выполняет наша фирма, особый.

В первом примере причастие образовано от глагола сослагательного наклонения, во втором — причастие настоящего времени образовано от глагола совершенного вида, в третьем примере — страдательное причастие от непереходного глагола; в четвертом примере действительное причастие от возвратного глагола неправомерно заменило страдательное *выполняемый*. Все эти нарушения языковой нормы при редактировании были устранены, причастные обороты были заменены параллельными синтаксическими конструкциями. Подобная же стилистическая правка позволяет избегать нанизывания причастных оборотов, делающих предложение громоздким и тяжеловесным:

Механические свойства стали, проверенные на образцах, изготовленных из штанг, откованных из куска, отрубленного из-под прибыли слитков, представленные в таблице 2, удовлетворяют требованиям ТУ.

Образцы для механических испытаний стали были вырезаны из штанг, которые получены из прибыльной части слитков. Результаты испытаний показали (табл. 2), что механические свойства стали отвечают требованиям ТУ.

Встречаются ошибки, связанные с нарушением порядка слов в самом причастном обороте: *Приехавшие делегаты на конференцию должны зарегистрироваться* — определяемое слово (*делегаты*) оказалось внутри причастного оборота. Возможна правка: *Приехавшие на конференцию делегаты должны зарегистрироваться*; или: *Делегаты, приехавшие на конференцию...*; наконец, *Делегаты, которые приехали на конференцию, должны зарегистрироваться*.

Недопустим разноречивой видо-временных форм глагола-сказуемого и причастия. Стилистическая правка в этом случае сводится к приведению в соответствие глагольных форм:

1. Задания, получаемые студентами, вовремя были выполнены.

1. Задания, полученные студентами (или: *задания, которые получили студенты*), были вовремя выполнены.

2. Завод не будет отвечать за аварии, могущие произойти при неправильном пользовании оборудованием.

2. Завод не будет отвечать за аварии, которые могут произойти при неправильном пользовании оборудованием.

3. Было реализовано много ценных предложений, направляемых на улучшение качества тканей, выпускаемых фабрикой.

3. Было реализовано много ценных предложений, направленных на улучшение качества тканей, которые выпускает фабрика.

Как видим, использование параллельных синтаксических конструкций весьма удобно при устранении ошибок в причастных оборотах. Однако это вовсе не означает, что причастные обороты как грамматическая категория неудобны. Об их достоинствах уже говорилось, здесь же отметим, что при литературном редактировании текста гораздо чаще возникает необхо-

димость в замене придаточной определительной части сложноподчиненного предложения причастным оборотом. Рассмотрим ряд примеров:

1. Вдали виднелись вершины гор, которые были покрыты снегом, который сверкал на солнце.

2. Эта проблема составляет предмет математической логики, которая развилась в точную науку, которая применяет математические методы исследования.

3. Для решения этой задачи используется замкнутая точная система, которая учитывает все взаимодействия электронов и позитронов, которые отвечают получению ряда выражений для электронного газа, который исследуется методом функций.

1. Вдали виднелись вершины гор, покрытые снегом, который сверкал на солнце.

2. Эта проблема составляет предмет математической логики, развившейся в точную науку, применяющую математические методы исследования.

3. Для решения этой задачи используется замкнутая точная система, которая учитывает все взаимодействия электронов и позитронов, отвечающие получению ряда выражений для электронного газа, исследуемого методом функций.

В первом примере замена придаточной части сложного предложения причастным оборотом уточнила определяемое слово (не *горы*, а *вершины*), во втором — прояснила грамматические связи (первое определение относится к слову *логика*, второе — к слову *наука*); кроме того, исключено повторение союзных слов и панизывание однотипных придаточных частей при последовательном подчинении, что улучшило синтаксическую конструкцию. В третьем примере стилистическая правка была продиктована стремлением облегчить конструкцию, отказавшись от последовательного подчинения придаточных определительных в сложноподчиненном предложении.

Давая оценку употреблению в речи деепричастных оборотов, можно встретить ошибки в построении предложения, когда деепричастный оборот употребляется «самостоятельно», при отсутствующем подлежащем (что случается в безличном предложении), или относится к другому субъекту действия, чем глагол-сказуемое: *Прочитав внимательно рукопись, редактору стало ясно, что работы с ней будет много; Убежав из плена, солдат вскоре был найден матерью.* Для стилистической правки таких предложений обычно используются параллельные синтаксические конструкции: *Когда редактор прочитал рукопись, ему стало ясно...*; или: *Прочитав внимательно рукопись, редактор понял...*

При стилистически не оправданном употреблении отглагольных существительных редактор старается заменить их глаголами, устраняя неуместную канцелярскую окраску речи. В этом случае в процессе редактирования приходится обращаться к параллельным синтаксическим конструкциям:

1. Необходимо углубление знаний студентов за счет привлечения компьютерной техники.

2. Мы добились соглашения путем улаживания недоразумений.

3. Были премированы специалисты за выявление дополнительных возможностей экономики сырья.

1. Необходимо углубить знания студентов, используя в обучении компьютерную технику.

2. Мы достигли соглашения (или: договорились), уладив недоразумения.

3. Были премированы специалисты, которые нашли дополнительные возможности экономики сырья.

Таким образом, использование параллельных синтаксических конструкций облегчает стилистическую правку текстов, в которых допущены ошибки в построении предложений.

3.22. Синтаксические средства создания экспрессии

Синтаксические средства, направленные на создание экспрессивной речи, весьма разнообразны. К ним относятся как уже рассмотренные нами — обращения, вводные и вставные конструкции, прямая и косвенно-прямая речь, многие односоставные и неполные предложения, инверсия как стилистический прием и др., так и стилистические фигуры, представляющие собой сильное средство эмфатической интонации.

Эмфаза (греч. *emphasis* — ‘указание, выразительность’) — это эмоциональное, взволнованное построение ораторской и лирической речи. Различные приемы, создающие эмфатическую интонацию, свойственны преимущественно поэзии и редко встречаются в прозе. Рассчитаны такие приемы не на зрительное, а на слуховое восприятие текста, позволяющее оценить повышение и понижение голоса, темп речи, паузы, т.е. все оттенки звучащей фразы, так что знаки прерывания способны лишь условно передать эти особенности экспрессивного синтаксиса.

Поэтический синтаксис отличают **риторические восклицания** — они заключают в себе особую экспрессию, усиливая напряженность речи: *Пышный! ему нет равной реки в мире* (Н. Гоголь о Днепре). Таким восклицаниям часто сопутствует гиперболоизация, как в приведенном примере. Нередко они сочетаются с риторическими вопросами: *Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?* (Н. Гоголь).

Риторический вопрос — одна из самых распространенных стилистических фигур, характеризующаяся замечательной яркостью и разнообразием эмоционально-экспрессивных оттенков. Риторические вопросы содержат утверждение (или отрицание), оформленное в виде вопроса, не требующего ответа:

Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?

(М. Лермонтов)

Совпадающие по грамматическому оформлению с обычными вопросительными предложениями, риторические вопросы отличаются яркой восклицательной интонацией, выражающей изумление, крайнее напряжение чувств; не случайно авторы иногда в конце риторических вопросов ставят восклицательный знак или два знака — вопросительный и восклицательный:

Ее ли женскому уму, воспитанному в затворничестве, обреченному на отчуждение от действительной жизни, ей ли не знать, как опасны такие стремления и чем оканчиваются они?! (В. Белинский); И как же это вы до сих пор еще не понимаете и не знаете, что любовь, как дружба, как жалованье, как слава, как всё на свете, должна быть заслуживаема и поддерживаема?! (Н. Добролюбов).

Риторический вопрос в отличие от многих стилистических фигур используется не только в поэтической и ораторской речи, но и в разговорной, а также в публицистических текстах, в художественной и научной прозе.

Более строгая, книжная окраска характеризует синтаксический параллелизм — одинаковое синтаксическое построение соседних предложений или отрезков речи:

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран;
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, —
Что устоит перед дыханьем
И первой встречей весны!
(Ф. Тютчев)

Синтаксический параллелизм нередко усиливает риторические вопросы и восклицания:

Базарову все эти тонкости непонятны. Как это, думает он, подготавливать и настаивать себя к любви? Когда человек действительно любит, разве он может грациозничать и думать о мелочах внешнего изящества? Разве настоящая любовь колеблется? Разве она нуждается в каких-нибудь внешних пособиях места, времени и минутного расположения, вызванного разговором? (Д. Писарев).

Параллельные синтаксические конструкции нередко строятся по принципу анафоры (*единоначатия*). Так, процитированный отрывок из критического произведения Д. И. Писарева характеризует анафорическое повторение слова *разве*, а в приведенном выше стихотворении Ф. И. Тютчева присутствуют единоначатия: *Как ни... Как ни... Как ни...* Классический пример анафоры дают строки М. Ю. Лермонтова:

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы...

В современной поэзии анафора также является продуктивным приемом: *В нашей жизни нет ветров попутных, / В нашей жизни все ветра в лицо* (Л. Апищенко).

Эпифора (*концовка*), повторение последних слов предложения, также усиливает эмфатическую интонацию:

Для чего уничтожать самостоятельное развитие дитяти, насилуя его природу, убивая в нем веру в себя и заставляя делать только то, *чего я хочу*, и только так, *как я хочу*, и только потому, *что я хочу?*.. (Н. Добролюбов).

Эпифора придает лиризм тургеневскому стихотворению в прозе «Как хороши, как свежи были розы...». Этот стилистический прием любил С. А. Есенин — вспомним его эпифоры:

Глупое сердце, не бейся.
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участия...
Глупое сердце, не бейся.
(Глупое сердце, не бейся...);

Залегла забота в сердце мгlistом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?
<...>
Прояснилась омут в сердце мгlistом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.
(Я обманывать себя не стану...)

Как видно из последнего отрывка, автор может отчасти обновлять лексику эпифоры, варьировать ее содержание, сохраняя при этом внешнее подобие высказывания (*шарлатаном — скандалистом — шарлатаном*).

В числе ярких примеров экспрессивного синтаксиса следует назвать различные способы нарушения замкнутости предложения, и прежде всего **смещение** синтаксической конструкции, когда конец предложения дается в том синтаксическом плане, чем начало:

А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них?..

(А. Пушкин)

Возможна также незавершенность фразы, на что указывает авторская пунктуация — как правило, многоточие:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

(А. Пушкин)

Пунктуация позволяет автору передать прерывистость речи, неожиданные паузы, отражающие душевное волнение говорящего. Вспомним слова главной героини из поэмы «Анна Снегина» С. А. Есенина:

«Смотрите...
Уже светает.
Заря как пожар на снегу...
Мне что-то напоминает...
Но что?..
Я понять не могу...»

Ах!.. Да...
Это было в детстве...
Другой... Не осенний рассвет...
Мы с вами сидели вместе...
Нам по шестнадцать лет...»

Эмоциональную напряженность речи передают и присоединительные конструкции; среди них есть такие, в которых фразы не умещаются сразу в одну смысловую плоскость, но образуют ассоциативную цепь **присоединения**. Разнообразные приемы присоединения предоставляет современная поэзия, публицистика, художественная проза:

Есть у каждого города
возраст и голос.
Есть одежда своя.
И особенный запах.
И лицо,
И не сразу понятная
гордость...

(Р. Рождественский)

Или: *Я признаю роль личности в истории. Особенно если это президент. Тем более президент России* (высказывание В. С. Черномырдина¹); *Вот я и в Быковке. Один. На дворе осень. Поздняя* (В. Астафьев). Анализируя такие присоединительные конструкции, Н. С. Валгина отмечает: «Синтаксически несамостоятельные отрезки текста, но предельно самостоятельные интонационно, оторванные от породившего их предложения, приобретают большую выразительность, становятся эмоционально насыщенными и яркими»².

В отличие от присоединительных конструкций, которые всегда постпозитивны, **именительный представления** (*изолированный поминатив*), называющий тему последующей фразы и призванный вызвать особый интерес к предмету высказывания, усилить его звучание, как правило, стоит на первом месте:

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!
(А. Пушкин);

Мой мельник...
Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.
Устроил вольнку, бездельник,
И бегаёт, как почтальон.
(С. Есенин)

При столь своеобразной эмоциональной подаче мысль разделяется эмфатической паузой; как заметил А. М. Пенковский, вначале «выставля-

¹ Цит. по: Известия. 1997. 29 янв.

² Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. С. 193.

ется панорамный изолированный предмет, и слушателям известно только, что про этот предмет сейчас будет что-то сказано и что пока этот предмет надо наблюдать; в следующий момент высказывается сама мысль»¹.

Эллипсис — стилистическая фигура, состоящая в намеренном пропуске какого-либо члена предложения, который подразумевается из контекста:

Мы сёла — в пепел; грады — в прах;
В мечи — серпы и плуги.

(В. Жуковский)

Как видно из примера, пропуск сказуемого в эллиптической конструкции придает речи особый динамизм и экспрессию.

От эллипсиса следует отличать **умолчание** — оборот речи, когда автор сознательно недосказывает мысль, предоставляя право слушателю (читателю) догадаться, какие слова не произнесены:

Нет, я хотел... быть может, вы... я думал,
Что уж барону время умереть.

(А. Пушкин)

За многоточием скрывается неожиданная пауза, отражающая волнение говорящего. Как стилистический прием умолчание часто встречается в разговорной речи: *Ты не представляешь... это такое известие!.. Как мне теперь?.. Я не могу успокоиться.*

Для цитационного и логического подчеркивания выделяемых предметов не используется выразительная стилистическая фигура — **многосоюзнe** (*полисиндетон*): *...Перед глазами ходил океан и колыхался, и гремел, и сверкал, и угасал, и светился, и уходил куда-то в бесконечность...* (В. Короленко). Повторяются обычно сочинительные, соединительные союзы *и, ни*:

Хоть не являла книга эта
Ни сладких вымыслов поэта,
Ни мудрых истин, ни картин;
Но ни Virгилий, ни Расин,
Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека,
Ни даже Дамских Мод Журнал
Так никого не занимал...

(А. Пушкин)

Большую выразительность обретают строки, в которых рядом с многосоюзием применяется **бессоюзие** — противоположный стилистический прием:

Был тиф, и лед, и голод, и блокада.
Все кончилось: патроны, уголь, хлеб.
Безумный город превратился в склеп,
Где гулко отдавалась канонада.

(Г. Шенгели)

Отсутствие союзов придает высказыванию «стремительность, насыщенность впечатлениями»².

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. С. 405.

² Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. С. 387.

Возможности бессоюзия и многосоюзия разнообразны; эти приемы очень широко используются поэтами:

Полею вдоль берега крутого	Полею вдоль берега крутого
Мимо хат	Мимо хат,
В серой шинели рядового	В серой шинели рядового
Шел солдат.	Шел солдат.
Шел солдат, преград не зная,	Шел солдат, слуга Отчизны,
Шел солдат, друзей теряя,	Шел солдат, во имя жизни,
Часто, бывало,	Землю спасая,
Шел без привала,	Мир защищая,
Шел вперед солдат.	Шел вперед солдат.
<...>	(М. Матусовский)

Стилистическую маркированность приобретает противопоставление динамичных конструкций без союзного соединения предложениям со значением состояния:

Какая силища! Его буранами шатало От кроны до седых корней, А он стоял. Жег суховой, А он стоял. Мороза жало Зима вонзала до костей, А он стоял. Плетьюи огней Сто молний по стволу хлестало, А он стоял. Стал только злей. И выстоял. В. Харьюзов. Умеют люди писать... (В. Титов).

Нанизывание однотипных синтаксических единиц (например, однородных членов, придаточных предложений) часто создает **градацию**, т.е. такое расположение слов (словосочетаний, частей сложного предложения), при котором каждое последующее усиливает (реже — ослабляет) значение предыдущего. Благодаря этому создается нарастание интонации и эмоционального напряжения речи, что можно иллюстрировать и процитированным выше отрывком из «Евгения Онегина» (*Хоть не являла книга эта...*), и множеством других примеров, в том числе прозаических:

Осенью ковылистые степи совершенно изменяются и получают свой **особенный, самобытный, ни с чем не схожий, чудный вид...** (С. Аксаков).

Стилистические фигуры нередко соединяются, дополняют, усиливают одна другую, сообщая речи волнующие интонации. Вспомним объяснение Онегина с Татьяной:

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел;
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единой, —
То верно б, кроме вас одной,
Невесты не искал иной.

Анафора и градация соединились в процитированном отрывке, представляющем собой блестящий пример особого типа сложного предложения — периода.

Период — это гармоническая по форме сложная синтаксическая конструкция, характеризующаяся особой ритмичностью и упорядоченностью частей, а также исключительной полнотой и завершенностью содержания.

Определение понятия

А. П. Квятковский утверждал, что стихотворение, написанное в форме периода, «свидетельствует о широте поэтического дыхания автора и о большом зрелом мастерстве, при наличии которого только и можно совладать со сложной аппаратурой стиха, включающей в себя несколько строф»¹. В качестве примеров периода он называл классические произведения: «Когда порой воспоминаешь...» А. С. Пушкина (26 строк), «Когда волнуется желтеющая нива...» М. Ю. Лермонтова (16 строк), «О, долго буду я в молчанье ночи тайной...» А. П. Фета (12 строк) и его же «Когда мечтательно я предаи тишине...» (20 строк).

Учение о периоде как средстве эмфатической интонации разрабатывалось еще в античной риторике. Своим названием *период* (греч. *periōdos* — 'обход, круговращение') обязан интонации в сложной синтаксической конструкции: вначале голос плавно поднимается, как бы описывая кривую линию, затем достигает высшей точки на главной части высказывания, после чего резко снижается, возвращаясь к исходной позиции, замыкая линию. Композиционно период распадается на две взаимно уравновешенные части: первая характеризуется повышенным интонации, вторая — понижением, что определяет гармоничность и интонационную завершенность периода.

По содержанию период представляет собой одно целое, развивает одну тему, раскрывая ее с известной полнотой и разносторонностью. Основное положение в периоде передается расчлененно, что позволяет осмыслить его разные стороны, оттенки. По принципу периода построены, например, пушкинские стихи «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», приведенное выше стихотворение Ф. И. Тютчева «Весна» и др.

Музыкальность и ритмичность периода достигаются его структурой. Период состоит из нескольких однотипных, соразмерных синтаксических единиц, часто имеющих одинаковые союзы, сходное грамматическое построение, приблизительно одинаковый размер; их повторение создает ритмический рисунок речи. Чаще всего период строится как **сложноподчиненное предложение** с препозитивными однородными придаточными; см., например, у Л. Н. Толстого в романе «Война и мир»:

Когда он в первый день, встав рано утром, вышел на заре из балагана и увидел сначала темные купола, кресты Новодевичьего монастыря, увидел морозную росу на пыльной траве, увидел холмы Воробьевых гор и извивающийся над рекой и скрывающийся в лиловой дали лесистый берег, когда ощутил прикосновение свежего воздуха и услышал звуки летевших из Москвы через поле галок и когда потом вдруг брызнуло светом с востока и торжественно выплыл край солнца из-за тучи, и купола, и кресты, и роса, и даль, и река, все заиграло в радостном свете, — Пьер почувствовал новое, неиспытанное чувство радости и крепости жизни.

¹ Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966. С. 209.

В периоде употребительны придаточные времени, условия, причины, образа действия, сравнительные и др. Приведем пример периода с уступительными придаточными:

Как ни тяжело было княжне Марье выйти из того мира уединенного созерцания, в котором она жила до сих пор, как ни жалко и как будто совестно было покинуть Наташу одну, — заботы жизни требовали ее участия, и она невольно отдалась им (Л. Толстой).

Реже в композицию периода вовлекаются те или иные распространенные члены предложения, например деепричастные обороты, выполняющие функцию обстоятельства времени:

Явившись к полковому командиру, получив назначение в прежний эскадрон, сходявши на дежурство и на фуражировку, войдя во все маленькие интересы полка и почувствовав себя лишенным свободы и закованным в одну узкую неизменную рамку, Ростов испытал то же успокоение, ту же опору и то же сознание того, что он здесь дома, на своем месте, которые он чувствовал и под родительским кровом (Л. Толстой).

«Периодическая речь» Л. Н. Толстого неизменно привлекает исследователей, ведь ее изучение дает ключ к пониманию особенностей стиля великого писателя. Как уже отмечалось, А. П. Чехов восхищался «силой периодов» Толстого. Впрочем, стиль каждого писателя сказывается в своеобразии его периодов. Так, нельзя спутать эти синтаксические построения у Л. Н. Толстого и А. С. Пушкина, даже если Пушкин обращался к периоду в прозе:

Когда писатели, избалованные минутными успехами, большею частию устремились на блестящие безделки, когда талант чуждается труда, а мода пренебрегает образцами величавой древности, когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие, — с чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительно труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого, высокого подвига¹.

Использование стилистических фигур, разнообразных синтаксических средств создания эмфатической интонации у больших художников слова обычно сочетается с употреблением тропов, оценочной лексики, ярких приемов усиления эмоциональности, образности речи. Завершим наши наблюдения классическим примером из поэзии А. А. Блока, напомнив лишь начало периода:

Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Все, что тебя пленяло, спит;

¹ Пушкин А. С. Илиада Гомерова, переведенная Н. Гнедичем // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 7 : Критика и публицистика. Л., 1978. С. 69.

Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
И тяжелит ресницы иней, –
Тогда — остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым запушенным садом,
И небо — книгу между книг...
(Когда ты загнан и забит...)

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Назовите критерии стилистической оценки русского словообразования.
2. Каковы причины языковой и стилистической вариантности именных частей речи в русском языке?
3. Назовите стилистические особенности грамматических категорий глагола.
4. Почему глагольная вариантность — продуктивное грамматико-стилистическое явление в современном русском языке?
5. Как вы понимаете суть переносного употребления форм времени, числа и лица глагола? Приведите примеры и обоснуйте свой ответ.
6. Дайте стилистическую оценку особенностей употребления конструкций простого предложения в современном русском языке.
7. Как можно оценить стилистические функции порядка слов?
8. Назовите факторы, обуславливающие выбор варианта грамматической формы подлежащего, выраженного словосочетанием.
9. В чем необходимо видеть особенности функционирования однородных членов предложения?
10. Назовите стилистические черты, свойственные различным способам передачи чужой речи.
11. Каковы стилистические особенности различных типов сложного предложения?
12. Охарактеризуйте роль синтаксических средств в создании экспрессии.
13. Определяет ли стилистический потенциал грамматических средств базовые критерии речи: точность, богатство и выразительность?
14. Как соотносятся понятия *семантическая одноплановость* и *грамматико-стилистическая разноплановость*. Приведите примеры.
15. Сделайте вывод о роли словообразовательных и грамматических средств в формировании стилистического облика устной и письменной речи.

Глава 4

ПРИНЦИПЫ КУЛЬТУРЫ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ И ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

В результате изучения материала данной главы студент должен:

знать

- особенности различных видов речевого поведения;
- законы формальной логики и правила рациональной аргументации;
- языковые стратегии, адекватные конкретной риторической ситуации;
- коммуникативные стратегии и тактики различных риторических ситуаций;

уметь

- адекватно выбрать тему и соотнести ее с конкретной риторической ситуацией;
- определить коммуникативные намерения адресанта и адресата;
- выбрать оптимальные коммуникативные стратегии и тактики для реализации цели;
- выстроить систему и последовательность собственных речевых действий как профессионально и этически ориентированный дискурс;
- проектировать коммуникативный результат речевой деятельности;
- проводить риторический анализ устной и письменной речи;

владеть

- риторическими средствами убеждения, воздействия на адресата;
 - риторическими приемами эффективного общения;
 - различными способами вербальной и невербальной коммуникации, навыками коммуникации;
 - различными средствами коммуникации в профессионально-педагогической деятельности;
 - методами и способами подготовки и редактирования текста.
-

4.1. Коммуникативный аспект культуры речи: оратор и его аудитория

Коммуникативный аспект речи предполагает разумное использование языка для выполнения коммуникативных задач в разных сферах общения.

Определение понятия

Уместно привести слова С. И. Ожегова: «Высокая культура речи — это умение правильно, точно и выразительно передать свои мысли средствами языка. Правильной речью называется та, в которой соблюдаются нормы современного литературного языка». Однако культура речи это не только следование нормам языка, но еще и умение найти точное средство для выражения своей мысли, причем наиболее доходчи-

вое (т.е. наиболее выразительное) и наиболее уместное слово (т.е. самое подходящее для данного случая) и, следовательно, стилистически оправданное¹.

Для успеха публичного выступления оратору необходимо прежде всего овладеть вниманием аудитории, заставить слушать себя. Однако управлять вниманием слушателей непросто, ведь успех зависит не только от качества самого оратора (его способностей, профессионализма, подготовленности), но и от объективных факторов, на которые выступающий не может воздействовать.

В свободном обществе оратор имеет возможность раскрыть в полной мере свой дар красноречия и умение привлечь внимание аудитории. При авторитарных режимах главная причина отсутствия контакта между выступающим и слушателями коренится в самой социальной структуре общества. Оратор превращается в резонера, который озвучивает директивы вышестоящих инстанций, а слушатели — в пассивную толпу, обреченную на беспрекословное следование указаниям.

Речь и власть — проблема, рассматриваемая в риторике со времен Древнего Рима. Формы речи, принятые в обществе, напрямую зависят от форм власти. Тоталитарное государство насаждает **монолог** (от греч. *monos* — 'один' и *logos* — 'речь') как форму речи, отвечающую его собственной структуре.

Определение понятия

А. К. Михальская в книге «Основы риторики» пишет: «Монолог в речи есть не только проявление власти говорящего над слушающим, обладание адресатом как вещью, как объектом воздействия. Это еще и претензия на обладание истиной, стремление овладеть истиной единолично. Таковы были монологи людей, вставших у власти, таковы были их речи, в формах которых отражалась власть»².

Риторика абсолютной власти порождает категоричные, авторитарные заявления, не допускающие возражений и обязательные для всех. Риторика власти не нуждается в разъяснении своих постулатов: они должны приниматься безоговорочно. Всеобщая обязательность суждений, высказываемых оратором, рассчитана на догматическое восприятие, что исключает интеллектуальное и эмоциональное сопереживание аудитории. Живое общение с аудиторией для оратора становится нереальным, он должен выступать по заранее подготовленному и утвержденному соответствующими органами тексту, отступления от которого недопустимы. Это обезличивает оратора, точнее — чтеца, «докладчика», который лишен возможности самовыражения, любого проявления неконтролируемого свободомыслия.

Иначе складываются взаимоотношения оратора и аудитории в демократическом обществе, где гарантируется свобода слова, где оратору предоставляется возможность творчески подойти к подготовке своего выступления, подумать о том, как сделать его интересным для слушателей, завоевать их внимание.

¹ Ожегов С. И. О нормах словоупотребления: предисл. к кн.: Правильность русской речи. Словарь-справочник. М., 1965 // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 287—288.

² Михальская А. К. Основы риторики. Мысль и слово. М., 1996. С. 314.

4.2. Композиция публичного выступления

Чтобы слушатели могли внимательно следить за выступлением оратора, его речь должна быть стройной, а ее структура и цель ясны не только самому выступающему, но и аудитории. **Композиция речи**, т.е. последовательное расположение частей выступления в соответствии с содержанием и замыслом оратора, должна быть прозрачной.

Особое значение для привлечения внимания слушателей имеет **начало речи**. На данном этапе необходимо заинтриговать слушателей, вызвать у них повышенный интерес к последующему развитию мыслей оратора. Как подчеркивал адвокат А. Ф. Конн, известный своими блестящими речами, в начале выступления важно «зацепить» внимание аудитории. Способов к достижению этого немало: можно вспомнить какой-нибудь эпизод из жизни, который заинтересует каждого, потому что нечто подобное пережили, испытали многие; можно задать неожиданный вопрос или удивить слушателей парадоксом, какой-нибудь странностью, будто бы не имеющей отношения к теме, а на самом деле связанной со всей речью. Такое начало не может не удивить слушателей, и они ждут разъяснения. **Задача выступления** — поддержать интерес слушателей к речи. После этого выступающий переходит к главной части, где излагает свою **аргументацию**. Ее основное содержание не должно приглушить интерес аудитории.

Завершая выступление, нужно четко выделить **заключение** — нельзя оборвать речь на полуслове. Активизируя внимание аудитории, можно обратиться к ней с призывом. Косвенный итог выступлению можно подвести важной для понимания речи цитатой. Однако не следует возвращаться к уже сказанному (даже если осталось время), нельзя «прощаться много раз».

Проиллюстрируем эти положения примером из творческого наследия И. А. Ильина, замечательного русского философа, писателя и публициста.

Имя Ивана Александровича Ильина сегодня известно каждому интеллигентному русскому человеку. Возвращение в Россию архива и праха великого мыслителя, ученого и публициста стало знаковым событием XXI в., символизирующим духовное возрождение русской идеи в контексте возрождения общества.

Современник И. А. Ильина, академик П. Б. Струве, оценивая работы философа с точки зрения монументального вклада в развитие русской философии, отмечал еще и стилистическую неординарность его произведений: «Формально — юрист, он по существу философ, т.е. мыслитель, а по форме — изумительный оратор или ритор в хорошем античном смысле этого слова. <...> Такого, как он, русская культура еще не производила, и он в ее историю войдет со своим лицом, особым и неподражаемым, со своим оригинальным дарованием, сильным и резким во всех смыслах»¹.

Помимо всего религиозно-философского наследия И. А. Ильина нашлся ряд ярких публицистических работ, не менее концептуальных, чем собственно философские произведения. С 1927 по 1930 г. Ильин был редакто-

¹ Цит. по: *Полторацкий Н. П.* Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение // *Ильин И. А.* Кто мы? О революции и религиозном кризисе наших дней. М., 2001. С. 253.

ром-издателем журнала «Русский колокол» в Берлине, затем в 1940–1941 гг. издавал «Заочные чтения», объединенные тематическим названием «О грядущей России». В 1948 г. Ильин возобновил свою издательскую деятельность выпуском «Наших задач» — периодических бюллетеней эмигрантской организации «Русский общевосточный союз», созданной П. Н. Врангелем, перед которым философ благоговел. Бюллетени рассылались в течение шести лет только единомышленникам. В 1956 г. (уже после смерти автора) все 215 выпусков бюллетеней в составе двухтомника были напечатаны в Париже.

И. А. Ильин, отражая идеологию Белого движения, связывал возрождение многострадальной России с *русской идеей*¹. Философ писал: «Русский человек должен перестать поклоняться чужим идолам и дьяволам. Он должен “вернуться к себе”, к живым и драгоценным корням своей национальной культуры. Он должен понять, принять и выговорить свою русскую Идею, с тем, чтобы затем осуществить ее во всем — в религии, в науке, в праве и в государственной форме, в искусстве и в труде, в суде, в медицине и в воспитании»².

Материальным воплощением *русской идеи* Ильин считал *русский национализм*. Представляя понимание *национализма вообще и русского национализма в частности*, в бюллетене «О русском национализме» Ильин предлагает слушателям следующий *зачин* своего выступления:

«Когда мы смотрим вперед и вдаль и видим грядущую Россию, то мы видим ее, как *национальное государство*, ограждающее и обслуживающее русскую национальную культуру. После длительного революционного перерыва, после мучительного коммунистически-интернационального провала — Россия *вернется к свободному самоутверждению и самостоянию, найдет свой здоровый инстинкт самосохранения, примирит его со своим духовным самочувствием и начнет новый период своего исторического расцвета*»³.

Воздействующая функция *зачина* обеспечивает актуализацию целевой установки субъекта высказывания на доказательство того, как, каким образом будет реализовано *само-бытие* «грядущей» России, ее *самоутверждение, самостояние, самосохранение, самочувствие*. При этом практически сразу автором задается и потенциальная дискуссия с представителями официальной (в то время) идеологии:

«В противоположность всякому интернационализму — как сентиментальному, так и свирепому; в противовес всякой денационализации, бытовой и политической, — мы утверждаем *русский национализм, инстинктивный и духовный*, исповедуем его и возводим к Богу»⁴.

¹ Подробнее см.: *Стародубец С. И.* «Русская идея» как базовый концепт религиозной философии русского зарубежья первой половины XX века // Преподаватель XXI век. 2005. № 4. С. 41–46.

² *Ильин И. А.* Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. : в 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 437. (Написано 22 августа 1949 г.)

³ *Ильин И. А.* Наши задачи. Т. 1. С. 379. (Здесь и далее — курсив автора.)

⁴ Там же.

Действительно, проблема *русского национализма* в ситуативном контексте (1950-е гг.) была достаточно актуальна, поэтому и зачин, и сквозная аргументативная логика всего текста подчинены внутренней дискуссии с представителями оппозиционной идеологии:

«...мы утверждаем русский национализм, инстинктивный и духовный, исповедуем его и возводим к Богу. Мы приветствуем его возрождение. Мы радуемся его духовности и его своеобразию. И мы считаем драгоценным, чтобы русские люди не связывали себя никакими интернационалистическими "симпатиями" или "обязательствами"»¹.

Воздействие политической информации бюллетеня направлено на потенциального читателя, поэтому содержательная составляющая смыслового поля понятия *национализм* максимально усилена посредством образной составляющей, эксплицитно реализующей прагматическую функцию:

«Национализм есть *любовь* к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть *вера* в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть *воля* к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божьем саду. Национализм есть *созерцание* своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов... Национализм есть *система поступков*, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания. Вот почему национальное чувство есть *духовный огонь*, ведущий человека к служению и жертвам, а народ — к *духовному расцвету*...»²

Образная составляющая концепта³ *национализм* реализована прототипами *любовь, вера, воля*, которые, с одной стороны, несут архетипическую смысловую нагрузку в аспекте русской ментальности, а с другой — выступают в качестве базовых ценностных доминант в контексте религиозно-философских произведений Ильина в целом и его работ публицистической направленности в частности.

Не менее значимой составляющей образного уровня концепта является апелляция к символу *огонь*⁴, который в сочетании *духовный огонь* имеет значение богочеловеческого единения, в идеале направленного на «*благодарение Богу*». В этой связи дальнейшая персонификация концепта посредством предикатов маркирует третий уровень образного представления плана содержания концепта:

«Национализм испытывает, исповедует и отстаивает жизнь своего народа как *драгоценную духовную самосиянность*. Он принимает дары и создания своего

¹ Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. С. 379.

² Там же. С. 382–383. (Написано 30 сентября 1950 г.)

³ *Концепт* — «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. 2-е изд., перепр. и доп. М., 2001. С. 43).

⁴ Подробнее об этом см.: Стародубец С. П. Этнокультурная обусловленность метафоры и символа в дискурсе И. А. Ильина. Брянск, 2007.

народа, как свою собственную духовную почву, как отправной пункт своего собственного творчества. И он прав в этом...»¹

Итак, очевидно, что образная составляющая концепта *национализм* есть базовое средство авторской аргументации.

Между тем мастерство автора-публициста этим не ограничивается. Насыщенная полемичность текста максимально реализована экспрессивно-оценочными номинациями, а также экспрессивно-оценочными атрибутивными сочетаниями, реже — предикатами:

«Вот почему мысль погасить это многообразие хвалений (имеется в виду проявление национализма как хвалы Богу) <...> *может родиться только в духовно мертвой, большой душе*. Это плоская и пошлая химера, эта всеразрушительная, противокультурная и безбожная затея есть порождение рассудочной души, злой и завистливой, — все равно, стремится ли эта химера *воинственно подмять все народы под один народ (химера германского национал-социализма) или растворить все национальные культуры в бесцветности и безвидности всесмешения (химера советского коммунизма)*. Во всяком случае, эта уродливая химера, в которой крайний национализм сходится с крайним интернационализмом, — нерусского происхождения...»²

Ключевым словом фрагмента является мифический символ — *химера*³. Смысловая насыщенность контекста связана с традиционным усилением атрибутивности символа: *химера — плоская — пошлая — уродливая*. завершающимся сниженным атрибутом, который целенаправленно используется автором. Эта смысловая насыщенность представляется *кульминационной*, поскольку в микропространстве фрагмента максимально определены ориентиры, идеологически-оценочные понятия, которые не должны быть искаженно осмыслены как разновидности истинного национализма: *крайний национализм и крайний интернационализм*.

«Итак, национализм есть здоровое и оправданное настроение души. То, что национализм любит и чему он служит, — в самом деле достойно любви, борьбы и жертв. И грядущая Россия будет *национальной Россией*»⁴.

Мы привели *концовку* выступления И. А. Ильина «О русском национализме». Финальной частью автор подчеркивает, что все достижения

¹ Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. С. 383.

² Там же. С. 381.

³ «Химера. В греческой мифологии чудовище, рожденное Тифоном и Ехидной; изображается с львиной головой, туловищем козы и хвостом змеи, изрыгающей языки пламени... Химеры воплощали адские силы, заключенные в недрах вулкана; воспринимались как образы опасности, которые подстерегают человека. В готической традиции химеры стали атрибутом аллегорических изображений грехов; они символизировали порок и надеялись функцией устрашения. Фигура химеры служила иллюстрацией того, как душа человека, терзаемого желаниями, становится пленницей звериного начала. Химера может истолковываться как образ человеческого безумия. Впоследствии химеры стали символизировать нечто несуществующее, невероятное» (Словарь символов и знаков / авт.-сост. П. Н. Роголевич. Минск, 2010. С. 455–456).

⁴ Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. С. 385.

русской национальной культуры, русского национального правосознания, русского национального самосознания, русской духовности — все это «достойно любви, борьбы и жертв». Соответственно и миссия автора, как и других русских эмигрантов, определена национальным личностным служением России.

В этой связи оправданным становится хронологически следующее за приведенным обращение И. А. Ильина к проблеме — «Опасности и задания русского национализма» (15 октября 1950 г.), где речь идет о различных видах *больного национализма*:

«...есть больные и извращенные формы национального чувства и национальной политики. Эти извращенные формы могут быть сведены к двум главным типам: в первом случае национальное чувство *прилепляется к неглавному* в жизни и культуре своего народа; во втором случае оно *превращает утверждение своей культуры* в отрицание чужой. Сочетание и сплетение этих ошибок может породить самые различные виды *больного национализма*»¹.

Используемые автором сниженные атрибуты: *больной, уродливый, извращенный* — маркеры публицистического почерка И. А. Ильина не только в произведениях собственно публицистической направленности. Ср. в работе 1937 г.:

«Напрасно было бы указать на то, что национализм ведет к взаимной ненависти народов, к обособлению, "провинциализму", самомнению и культурному застою. Все это относится к больному, уродливому, извращенному национализму и совершенно не касается духовно здоровой любви к своему народу»².

Взаимпроникновение религиозно-философской и публицистической (впрочем, как и религиозно-философской и художественной) манеры, в наивысшей степени проявившее себя в «Наших задачах», — результат сложившегося индивидуального стиля И. А. Ильина.

4.3. Способы и приемы выражения заданного смысла

Чтобы речь была понятной и легко воспринималась аудиторией, оратор использует разнообразные приемы изложения и объяснения. Кроме того, он может иллюстрировать свое выступление показом таблиц, схем, графиков, чертежей, диапозитивов, фотографий и т.д. *Анализ и синтез* — важнейшие среди форм изложения, используемых оратором.

Анализ (греч. *analysis* — 'разложение, расчленение, разбор') позволяет путем расчленения понятия, явления глубже проникнуть в его сущность.

Так, чтобы выстроить систему аргументов в пользу описанной выше позиции, И. А. Ильин анализирует исторические события «от варягов и греков к половцам и татарам; от хазар и волжских болгар через финские племена

¹ Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. С. 385.

² Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 225.

к шведам, немцам, литовцам и полякам»¹. Его цель — показать адресату, что события государственного масштаба, связанные с истреблением народа, доминированием иноверия, слабым экономическим развитием в различные периоды нашей истории научили русский народ «строгому суду над собою» и привили ему «готовность учиться у других народов», а не ложное стремление к самовозвеличанию, «развитию национальной гордыни».

Синтез (греч. *synthesis* — 'соединение, сочетание') представляет собой мысленное соединение в одно целое частей объекта, явления или их признаков, полученных в результате анализа. Различают такие разновидности синтеза, как индукция и дедукция.

Индукция — умозаключение, которое является следствием логической операции, состоящей в обобщении частных, единичных случаев, в получении общего вывода, сделанного на основании изучения отдельных фактов. Проиллюстрируем это положение цитатой из работы И. А. Ильина.

«Именно в русском народе сложилось и крепло иррациональное самочувствие, согласно которому русский народ, наставляемый святой, соборной и апостольской церковью и водимый своими благоверными царями, хранит *единственную правую веру*, определяя ею свое *сознание* и свой *быт*: это есть некое национальное стояние в правде, от которого невозможно ни отступить, ни что-либо уступить, так, что перенимать у других нам ничего нельзя, смешиваться с другими грешно и изменяться нам не в чем»².

В приведенном фрагменте на основе «иррационального самочувствия» русского народа определяется смысловое поле авторского терминологического образования — «*национальное стояние в правде*», которое в контексте индивидуального стиля И. А. Ильина контекстуально дефинировано, реализует положительную идеологическую оценочность.

Дедукция — метод, противоположный индукции: здесь логическое умозаключение строится от общего к частному, от общих суждений — к частным выводам:

«...создать нечто прекрасное, совершенное для всех народов — может только тот, кто утвердился в творческом акте своего народа. "Мировой гений" есть всегда и прежде всего — "*национальный гений*", и всякая попытка создать нечто великое из денационализированной или "интернациональной" души дает в лучшем случае только мнимую, "экранный" "знаменитость". Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален: и он знает это сам о себе»³.

Выступающий избирает индуктивный или дедуктивный метод объяснения в зависимости от состава слушателей. Подготовленная и доброжелательная аудитория дает возможность оратору сразу приступить к главному тезису в его речи и затем, используя дедуктивный метод, продвигаться от общего к частному. В некоторых случаях в пределах одного фрагмента

¹ Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. С. 387.

² Там же.

³ Там же. С. 384.

может быть использовано и смешанное (дедуктивно-индуктивное или индуктивно-дедуктивное) построение аргументов, определяющих концепцию автора; см., например:

«Каждый народ имеет национальный инстинкт, данный ему от природы (а это значит — и от Бога), и дары Духа, изливаемые в него от Творца всяческих. И у каждого народа инстинкт и дух живут *по-своему* и создают *драгоценное своеобразие*. Этим русским своеобразием мы должны дорожить, беречь его, жить в нем и творить из него: оно дано нам было искони, в зачатке, а раскрытие его было задано нам на протяжении всей нашей истории. Раскрывая его, осуществляя его, мы *исполняем наше историческое предназначение*, отречься от которого мы не имеем *ни права, ни желания*. Ибо всякое национальное своеобразие *по-своему являет Дух Божий* и по-своему славит Господа»¹.

В первой части приведенного фрагмента использована дедукция («каждый народ»), в центральной части — индукция («этим русским своеобразием»), в заключительной части — дедукция («всякое национальное своеобразие»).

Для разъяснения того или иного положения оратор может использовать и весьма распространенный прием — **аналогию** (греч. *analogia* — ‘сходный, соответственный’), т.е. умозаключение о принадлежности предмету, явлению тех или иных признаков на основании сходства в существенных признаках этих предметов, явлений с другими. См., например:

«...ошибка состоит в том, что чувство и воля националиста, вместо того чтобы идти в глубину своего духовного достоинства, уходит в отвращение и презрение ко всему иноземному. Суждение “мое национальное бытие оправдано перед лицом Божиим” превращается вопреки всем законам жизни и логики, в нелепое утверждение: “национальное бытие других народов *не имеет перед моим лицом никаких оправданий*”... Так, как если бы одобрение одного цветка давало основание осуждать все остальные, или — любовь к своей матери заставляла ненавидеть и презирать всех других матерей. <...> Эта ошибка <...> *неодухотворенность национального инстинкта*. Народы с таким национализмом легко впадают в манию величия и в своеобразное завоевательное буйство, как бы ни называть его — шовинизмом, империализмом или как-нибудь иначе»².

Подобные аналогии с явлениями или ситуациями из жизни природы, из сферы человеческого общения, апеллирующие к знакомым каждому человеку ценностям, делают доводы оратора доступными и обеспечивают адекватное восприятие информации адресатом.

4.4. Аргументация в ораторской речи

Оратор должен постараться убедить аудиторию в справедливости выдвинутых им утверждений, приводя неоспоримые доводы, аргументируя свои заявления.

¹ Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. С. 380.

² Там же. С. 386.

Аргумент — это логический довод, который служит основанием доказательства. Истинность аргументов проверена и доказана практикой, поэтому **аргументация**, т.е. приведение доводов в пользу того или иного утверждения, убеждает слушателей в истинности высказанных оратором положений. Аргументы бывают разные, в риторике рассматриваются следующие их виды.

1. *Аргументы к существу дела.* Это факты, полученные в результате наблюдения, а также документы, статистический и цифровой материал и т.д.

2. *Аргументы к человеку.* Они призваны воздействовать на эмоциональную сферу слушателей и в ораторской практике используются не реже аргументов к существу дела. Аргументы к человеку разнообразны, назовем некоторые из них:

1) *аргумент к авторитету* (в этом случае оратор ссылается на мнение видных деятелей, ученых, писателей, чья позиция совпадает с позицией выступающего);

2) *аргумент к публике* (оратор старается привлечь слушателей на свою сторону и тем самым противостоять оппонентам, что часто бывает на митингах, в суде);

3) *аргумент к личности* (подменяя предмет дискуссии, оратор старается настроить аудиторию против оппонентов, выставляя их в негативном свете);

4) *аргумент к тщеславию* (похвалы оппонентам с целью смягчить их противостояние);

5) *аргумент к жалости* (стремление вызвать у оппонентов чувство жалости, сострадания и тем склонить их на свою сторону).

Как видим, *аргументы к человеку* далеко не всегда корректны, поэтому современным ораторам лучше не злоупотреблять ими. Единственное исключение — *аргумент к авторитету*, он нередко используется в научных докладах, академических речах. Однако и в этом случае следует помнить, что не все высказывания авторитетных людей можно безусловно признавать истинными. Апеллируя к ним, оратор должен быть очень осторожен.

4.5. Публичное выступление: монолог или диалог?

В зависимости от того, произносит ли речь один оратор или в беседе (дискуссии) участвуют двое (несколько лиц), мы говорим о **монологе** (речи одного) и **диалоге** (греч. *dialogos* — ‘разговор между двумя или несколькими лицами’). Когда хотят подчеркнуть, что в разговоре принимает участие множество лиц, говорят о **полилоге** (от греч. *poly* — ‘много’).

В риторике **монолог** определяется как особая форма устной речи, представляющая собой развернутое высказывание одного лица, завершённое в смысловом и композиционном отношении, где все языковые средства подчинены выражению главной мысли и, следовательно, достижению основной цели оратора.

Монолог характеризуется *однонаправленностью*, ведь выступающий обращается к аудитории, говорит для нее. Все публичные выступления по своей природе монологичны. К ним относятся:

1) академическая речь (вузовская лекция, научный доклад, обзор, научное сообщение, научно-популярная лекция);

2) судебная речь (прокурорская, адвокатская);

3) речь социально-политическая (выступления общественных деятелей на съездах, саммитах, конференциях, собраниях; парламентские, митинговые и дипломатические речи, политическое обозрение и политический комментарий);

4) речь социально-бытовая (юбилейная, приветственная, застольная, надгробная);

5) духовная (церковно-богословская) речь (проповедь, приветственное слово, некролог, поучение, послание).

Содержание и жанровые особенности всех этих видов публичных выступлений определяют их своеобразие: научный доклад не похож на пламенные речи митингующих, а юбилейное приветствие звучит иначе, чем скорбное прощание. Однако монологический характер разных видов ораторских выступлений позволяет говорить о них как об одном типе речевой деятельности.

Все виды публичных выступлений отличает специфика **ораторского монолога**. Выступающий не только обращается к слушателям, он словно беседует с ними, а они, в свою очередь, могут мысленно соглашаться с оратором или возражать ему. Выступающий чувствует эту реакцию публики и делает для себя выводы. Происходит подобие диалога, только вторая сторона не произносит вслух своих реплик, что, впрочем, не мешает двустороннему общению. Все это дает основание назвать ораторский монолог особым видом речи, адресованным слушателям и рассчитанным на их живую реакцию. В этом смысле говорят о *диалогичности* ораторских речей.

Подлинно **диалогическими** всегда были и остаются споры, дискуссии, различные беседы. Риторика предлагает их классификацию:

1) непринужденная беседа с хорошо знакомыми, близкими людьми;

2) первая беседа при знакомстве;

3) деловая беседа, которая представлена разными видами: а) беседа равноправных партнеров; б) беседа начальника и подчиненного; в) разговор о сотрудничестве двух (нескольких) представителей разных сторон;

4) застольная беседа (разной степени официальности, часто с ведущим).

Типология публичных выступлений и бесед позволяет составить ясное представление об их содержании и прогнозировать речевое поведение ораторов. Этим аспектам уделяют пристальное внимание многочисленные пособия по риторике. Нам же предстоит остановиться на более важных вопросах, составляющих основы ораторского мастерства.

4.6. Контакт оратора с аудиторией

Каждый оратор стремится «завоевать аудиторию» — привлечь ее внимание и удерживать его на протяжении всего выступления. Как этого

добиться? Если читать речь «по бумажке», лишь изредка устремляя взгляд в зал, добиться живой реакции слушателей невозможно. Следить за подобной речью, какой бы содержательной она ни была, очень трудно. Между таким «оратором», а точнее тем, кто озвучивает заранее написанный текст, и аудиторией возникает незримая стена, и контакт со слушателями невозможен.

Чувство аудитории, или коммуникативность, возникает лишь тогда, когда выступающему удастся создать среди слушающих «эффект общения», разговаривая со слушателями так, как обычно говорят с близкими, знакомыми людьми, которым есть что сказать друг другу и которые будут вам охотно внимать. Начинающему оратору очень трудно добиться коммуникативности, получить так называемый *эффект живой реакции аудитории*. Однако этому нужно учиться.

Известны **риторические приемы**, помогающие оратору достичь эффекта общения со слушателями. Выступающий старается придать своей речи «разговорность», используя для этого различные способы:

- а) непосредственное обращение к слушателям;
- б) эмоциональность, экспрессивность высказываний;
- в) особый разговорный синтаксис: вопросы, восклицания, неполные предложения, вводные слова и словосочетания, вставные, присоединительные конструкции, прямую речь, короткие, преимущественно односоставные предложения и т.д.

Иногда высказывается мнение, что оратор должен «перейти на разговорный стиль речи». Однако с этим нельзя согласиться: при публичном выступлении нет условий, определяющих обращение к разговорному стилю (неофициальность обстановки, «равноправие» говорящего и собеседника, неподготовленность речи, ее подлинная диалогичность). В применении к ораторской речи говорят лишь о «скрытой форме диалога», точнее — о различных приемах диалогизации речи с целью вызвать сопереживание слушателей. Используемые оратором стилистические приемы, придающие речи особую выразительность; лексика и фразеология выступления; наконец, само его содержание не укладываются в разговорный стиль. Между тем искусство публичного выступления в том и заключается, что оратор *имитирует разговорность*, создавая у слушателей впечатление живого общения. Для этого он обращается к аудитории, задает вопросы (на которые сам же и отвечает), сталкивая мнения, показывая несостоятельность своих оппонентов и т.д.

Опытные риторы советуют начинающим ораторам в случае отсутствия коммуникативности (особенно если приходится выступать в атмосфере недоверия) найти в толпе хоть одно доброжелательное лицо и обращаться к нему, не придавая значения недобрым взглядам. Говорить нужно спокойно и уверенно, убеждая в своей правоте, рисуя яркие эмоциональные картины. Тогда ситуацию можно переломить и овладеть вниманием аудитории.

Важным средством достижения коммуникативности является **зрительный контакт** со слушателями. Правильно устремленный взгляд оратора — непременное условие достижения чувства аудитории. Необходимо во время

выступления научиться контролировать свой взгляд, чтобы не смотреть на потолок, или в пространство «невидящим взглядом», или даже на одного из присутствующих в зале, не делая при этом его своим собеседником.

Пример

А. К. Михальская советует: «Постарайтесь смотреть в глаза слушателям, переводя взгляд с одного на другого, но так, чтобы не казалось, что глаза “бегают”: задерживать взгляд нужно настолько, чтобы вы ощутили зрительный контакт с тем, на кого смотрите, его ответный взгляд. Читайте его реакцию по глазам, следите за тем, чтобы не смотреть только в одну сторону аудитории (вправо или влево) слишком долго. Такая тактика поможет достичь эффекта общения, создать у каждого из слушателей впечатление, что говорят именно с ним»¹.

Придет на помощь оратору и **голосовой контакт**, который дополняет зрительный: голос выступающего направляется вместе с его взглядом к кому-нибудь из слушателей, и у того складывается впечатление, что говорят с ним и для него. Оратор переводит взгляд и одновременно изменяет направление голоса, охватывая все большее число слушателей, добиваясь живой реакции аудитории.

Установив контакт со слушателями, опытный оратор следит за тем, чтобы не утратить его, контролирует реакцию аудитории: не появились ли признаки утомления, ослабления внимания слушателей. Заметив это, уверенный в себе оратор может сделать замечание кому-нибудь в зале.

Пример

Так, по воспоминаниям поклонников ораторского искусства П. Ф. Лесгафта, собиравшего на свои популярные лекции многочисленную аудиторию, он внимательно всматривается в лица слушателей и, заметив чей-то отсутствующий взгляд, мог позволить себе непосредственно обратиться к нему со словами: «Что, милостивый государь, отсутствуете? Не о том думаете?..»

Однако подобные замечания может делать лишь опытный оратор, пользующийся признанием и любовью слушателей, с которыми он встречается не первый раз. Более надежный и проверенный способ вернуть внимание слушателей — **эмоциональная разрядка**. Для этого оратор вспоминает какой-нибудь смешной случай из жизни, парадокс, афоризм, поговорку, «притягивая» их к развитию темы; делает «лирическое отступление», рассчитанное на обострение внимания аудитории; рассказывает веселый анекдот, вызывая смех в зале. Все это помогает поддержать начинающую затухать коммуникативность и продолжать речь.

4.7. Аксиомы подготовки к публичному выступлению

Опытные ораторы иногда произносят блестящие речи и без подготовки, но это, как правило, короткие выступления (приветствия, тосты и т.п.).

¹ Михальская А. К. Основы риторики. С. 109.

Лекция, доклад, политическое обозрение, парламентская речь, т.е. выступления больших, серьезных жанров, требуют тщательной подготовки.

Вначале необходимо определить и точно сформулировать **тему** — она должна быть актуальной и интересной для данной аудитории. Выбирая тему, следует обдумать и **название** лекции (доклада, сообщения); оно должно не только отражать содержание выступления, но и привлекать внимание будущих слушателей, затрагивать их интересы. Заглавия должны быть конкретными. Например, из двух вариантов названий: «Борьба с коррупцией» и «Кто берет взятки и как с этим бороться?» — предпочтительнее второй. Заголовки могут быть призывными («Силотимся против мафии!»), рекламными («Как похудеть без диеты и пилюль?»). Многие темы получают индивидуальные названия, точно ориентирующие потенциальных слушателей («Вступительные экзамены в Московский государственный университет», «Подготовка новой реформы русской орфографии и пунктуации»).

Оратор должен четко определить для себя **цель** предстоящего выступления: он не только информирует слушателей, рассказывая о тех или иных событиях, фактах, но и старается сформировать у них некие представления, убеждения, которые должны побудить их дальнейшие действия, поведение. Любое выступление должно преследовать воспитательные цели, и оратор обязан незаметно для слушателей приобщать их к своим нравственным идеалам.

Большое значение имеет предварительное знакомство с **составом аудитории**. Готовясь к выступлению, лектору следует узнать, кто придет его слушать (взрослые или дети, молодые или пожилые, образованные или нет; направление их образования — гуманитарное или техническое; преимущественно женский или мужской состав аудитории, ее национальные и религиозные особенности). Все эти сведения очень важны для определения не только содержательной стороны выступления, но и стиля, степени популярности изложения, выбора лексико-фразеологических средств и ораторских приемов воздействия на слушателей.

Главная составляющая подготовки к выступлению — **поиск и подбор материала**. Даже если оратор хорошо знает тему предстоящего выступления, он все равно готовится к нему: просматривает специальную литературу и периодическую печать, чтобы связать тему с современностью, узнать свежие факты, имеющие отношение к содержанию выступления. В зависимости от теоретической подготовленности оратора он избирает формы изучения материала (выборочное или углубленное чтение, беглый просмотр статей, обзоров). При этом можно обращаться к различным справочникам за статистическими данными, к учебным пособиям, энциклопедическим словарям, таблицам, картам. Изучая конкретный материал, необходимо делать выписки и составлять конспект, готовить слайды и фотографии для показа в аудитории.

Хорошо изучив материал, обычно ищут либо **полный текст выступления**, либо его **конспект**, либо **тезисы** или **план**, который лучше сделать развернутым, предельно содержательным. Некоторые опытные ораторы отказываются брать с собой написанный текст выступления, но держат в руках «шпаргалку», в которой можно найти необходимый справочный материал

(цифры, цитаты, примеры, доводы). Аудитория простит оратора, если он будет подглядывать в такую шпаргалку, но сразу невзлюбит докладчика, который станет читать свое выступление от начала до конца «по бумажке».

На листке для такой «шпаргалки» можно выделить большие поля и на них записать **ключевые слова**, которые помогут вспомнить тот или иной тезис выступления; здесь же можно «подсказать» себе афоризмы, парадоксы, пословицы, анекдоты, которые могут пригодиться для поддержания интереса аудитории, если внимание слушателей ослабеет.

В процессе подготовки рекомендуется **прорепетировать** выступление, посмотреть на себя в зеркало, обратив особое внимание на привычные непроизвольные движения, сопровождающие речь (**манеризмы**: отбрасывание волос со лба, почесывание затылка, покачивание, движение плечами, жестикуляция и т.д.).

Пример

Насколько серьезно следует оратору относиться к мимике и жестам, можно судить по тому, что еще Петр I в «Духовном регламенте» (1721) подчеркивал: «Не надобно проповеднику шагаться вельми, будто в судне веслом гребет. Не надобно руками всплескивать, в боки упираться, подсакивать, смеяться, да не надобе и рыдать».

Владение языком жестов — действенный способ удерживать внимание аудитории. Полная неподвижность (оцепенение) оратора во время речи недопустима, но и чрезмерная жестикуляция, гримасы пагубно влияют на выступление, отвлекая слушателей. Поза, жесты, выражение лица оратора должны усиливать эмоциональность его речи и иметь собственный смысл. Существует целая наука о символическом значении жестов, и мы практически освоили значение того или иного движения рук (приветствие, призыв ко вниманию, согласие, отрицание, неприятие, угроза, прощание и т.п.), поворотов головы и т.д. Жесты и мимика оратора должны быть естественны и разнообразны, а главное — мотивированы содержанием речи.

На заключительном этапе подготовки нужно еще и еще раз проанализировать выступление, учесть его сильные и слабые стороны и уже в аудитории опираться на позитивное. Мастерство публичного выступления приходит с опытом, но надо стремиться постигнуть главные секреты ораторского искусства и учиться применять их.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что такое речь? Как соотносятся понятия «язык» и «речь»?
2. Назовите виды речевого общения.
3. В чем состоит принцип коммуникативной целесообразности речи?
4. Что такое речевое и неречевое поведение, речевая деятельность? При подготовке ответа приведите примеры своего речевого поведения и речевого поступка; проанализируйте жесты, мимику, телодвижения своих собеседников, педагогов.
5. Чем различаются понятия «коммуникативная компетенция» и «профессиональная коммуникативная компетенция»? Приведите примеры из своей практики. Знаете ли вы человека, владеющего профессиональной коммуникативной компетенцией?

6. Как строится композиция публичного выступления?
7. В чем состоит суть способов и приемов выражения заданного смысла?
8. Назовите критерии аргументированного публичного выступления.
9. Почему особенностью современного общения является диалогичность?
10. Как устанавливается контакт оратора с аудиторией?
11. Что необходимо знать при подготовке к публичному выступлению?
12. Сформулируйте правила участия в полилоге. Проведите с группой полилог на актуальную для вас тему.
13. Приведите примеры информационной, убеждающей и побуждающей речи.
14. Запишите дословно чью-либо устную речь (возможно использование материалов теле- или радиопередач). Дайте ее характеристику с учетом оценки логики представления материала, способов аргументации, стилистического использования языковых средств разных уровней.
15. Напишите сочинение-рассуждение на одну из тем:
 - 1) «Верный способ узнать человека, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит» (Д. С. Лихачев);
 - 2) «Языком человек не только выражает что-либо, он им выражает также и самого себя» (Г. фон Габеленц);
 - 3) «Словарь языка свидетельствует, о чем думают люди, а грамматика — как они думают» (Г. В. Степанов);
 - 4) «Язык — это то, что человек знает. Речь — это то, что человек умеет» (А. А. Милославский);
 - 5) Дорогу осилит идущий;
 - 6) Зачем нужны прозвища в студенческом общении;
 - 7) Я знаю рецепт счастья.

Литература

Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие для вузов / И. В. Арнольд. — М. : Книжный дом «Либроком», 2014.

Болотнова, Н. С. Стилистика русского языка: контрольно-тренировочные задания : учеб. пособие для вузов / Н. С. Болотнова, О. В. Орлова. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : Флинта ; Наука, 2005.

Бондалетов, В. Д. Сборник упражнений по стилистике русского языка / В. Д. Бондалетов, С. С. Варганетова, Э. Н. Кушлина. — Л. : Просвещение, 1989.

Бондалетов, В. Д. Стилистика русского языка : учеб. пособие для вузов / В. Д. Бондалетов, С. С. Варганетова, Э. Н. Кушлина ; под ред. Н. М. Шанского. — Л. : Просвещение, 1983.

Валгина, И. С. Функциональные стили русского языка : учеб. пособие для вузов / И. С. Валгина. — М. : Изд-во МГУИ, 2003. — То же см.: М. : Илекса, 2011.

Винокур, Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. — М. : Наука, 1980. — Доп. см.: 2-е изд., испр. и доп. — М. : КД «Либроком», 2009.

Голуб, И. Б. Упражнения по стилистике русского языка : учеб. пособие / И. Б. Голуб. — 3-е изд., испр. — М. : Рольф, 2001.

Голуб, И. Б. Русский язык и практическая стилистика. Справочник : учеб.-справ. пособие для вузов / И. Б. Голуб. — 3-е изд., испр. — М. : Юрайт, 2014.

Голуб, И. Б. Секреты хорошей речи / И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталь. — М. : Междунар. отношения, 1993.

Горшков, А. И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика : учебник для вузов / А. И. Горшков. — М. : АСТ ; Астрель, 2006.

Грановская, Л. М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. Очерки / Л. М. Грановская. — М. : Элпис, 2005.

Дроняева, Т. С. Стилистика современного русского языка. Практикум / Т. С. Дроняева, Н. И. Клушина, И. В. Бирюкова. — М. : Флинта ; Наука, 2004.

Ильасова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильасова, Л. П. Амири. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Флинта ; Наука, 2013.

Кожина, М. И. Стилистика русского языка : учебник для вузов / М. И. Кожина. — М. : Просвещение, 1983.

Кожина, М. И. Стилистика русского языка : учебник / М. И. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. — 2-е изд. — М. : Флинта ; Наука, 2014.

- Кожина, М. Н.* Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. Н. Кожина. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Флинта ; Наука, 2006.
- Кормилицына, М. А.* Семантически осложненное (полнипропозитивное) простое предложение в устной речи / М. А. Кормилицына. — 3-е изд. — М. : Едиториал УРСС, 2012.
- Костомаров, В. Г.* Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. — М. : Гардарики, 2005.
- Лыткина, О. И.* Практическая стилистика русского языка : учеб. пособие / О. И. Лыткина, Л. В. Селезнева, Е. Ю. Скороходова. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : Флинта ; Наука, 2013.
- Мущик, Б. С.* Культура письменной речи. Формирование стилистического мышления : пособие для учащихся 10–11-х классов средн. школ, гимназий / Б. С. Мущик. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Аспект-Пресс, 1996.
- Назайкин, А. И.* Эффективный рекламный текст в СМИ / А. И. Назайкин. — М. : Изд-во МГУ, 2011.
- Рекламная коммуникация: лингвокультурный аспект / Н. Н. Трошина, И. А. Гусейнова, Л. Г. Лузина [и др.]. — М. : Изд-во ИНИОП РАН, 2011.
- Розенталь, Д. Э.* Практическая стилистика русского языка : учебник для вузов / Д. Э. Розенталь. — 5-е изд., испр. и доп. — М. : Высш. школа, 1987.
- Розенталь, Д. Э.* Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д. Э. Розенталь. — М. : ИД «Оникс 21 век» ; Мир и образование, 2003.
- Руженцева, Н. Б.* Стилистика и литературное редактирование рекламных и PR-текстов : учеб. пособие / Н. Б. Руженцева. — М. : Флинта ; Наука, 2012.
- Русский язык и культура речи : учебник для бакалавров / Т. И. Сурикова, Н. И. Клушина, И. В. Анненкова [и др.] ; под ред. Г. Я. Солганика. — М. : Юрайт, 2013
- Сердобинцева, Е. Н.* Структура и язык рекламных текстов : учебное пособие / Е. Н. Сердобинцева. — М. : Флинта ; Наука, 2014.
- Современный русский язык : учебник для академического бакалавриата / П. А. Леканта, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клябуков ; под ред. П. А. Леканта. — 5-е изд. — М. : Юрайт, 2014.
- Современный русский язык: система — норма — узус : монография / М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова [и др.] ; отв. ред. Л. П. Крысин. — М. : Языки слав. культур, 2010.
- Чернышова, Т. В.* Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т. В. Чернышова. — М. : КД «Либроком», 2014.
- Чернявская, В. Е.* Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ / В. Е. Чернявская. — М. : КД «Либроком», 2011.
- Чижова, Т. М.* Основы методики обучения стилистике в средней школе : учеб. пособие для вузов / Т. М. Чижова. — М. : Просвещение 1987.

Наши книги можно приобрести:

Учебным заведениям и библиотекам:
в отделе по работе с вузами
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: vuz@urait.ru

Частным лицам:
список магазинов смотрите на сайте urait.ru
в разделе «Частным лицам»

Магазинам и корпоративным клиентам:
в отделе продаж
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru

Отзывы об издании присылайте в редакцию
e-mail: red@urait.ru

Новые издания и дополнительные материалы доступны
в электронной библиотечной системе «Юрайт»
biblio-online.ru

Учебное издание

Голуб Ирина Борисовна,
Стародубец Светлана Николаевна

СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Учебник для академического бакалавриата

Формат 70×100¹/₁₆.
Гарнитура «Petersburg». Печать цифровая.
Усл. печ. л. 35,26. Тираж 1000 экз. Заказ № 3439, 40 экз.

ООО «Издательство Юрайт»
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru

ISBN 599165206-6

9 785991 652063